947.07
Д 58

947.7
А 58

Кт

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока.

~~657 - 21/II 41 г.~~
~~К-10 до 14/XI 46.~~
13290 22/V 49.
162 до 7/XII - 56
1567 до 13/VIII 67
312 до 8/III - 75
18 до 20/VII 77

Колич. предыд. выдач. _____

Тип. „Пролетарская мысль", М. Сухаревский 9. Зак. 1355

147 до 21/VI-81

24/II-34 г.

БИБЛІОТЕКА РЯЗАНСКАГО ПОТРЕБИТЕЛЬСКАГО ОБЩЕСТВА
КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬНАЯ КОМИССІЯ

М. В. ДОВНАРЪ-ЗАПОЛЬСКІЙ.

МЕМУАРЫ
ДЕКАБРИСТОВЪ.

(ЗАПИСКИ, ПИСЬМА, ПОКАЗАНІЯ, ПРОЕКТЫ КОНСТИТУЦІЙ, ИЗВЛЕЧЕННЫЕ ИЗЪ СЛѢДСТВЕННАГО ДѢЛА, СЪ ВВОДНОЙ СТАТЬЕЙ).

Изданіе Книжнаго Магазина С. И. ИВАНОВА и Кº Кіевъ, Фундуклеевская ул., 2.

п 34 г.
947
Д-58м

М. В. ДОВНАРЪ-ЗАПОЛЬСКІЙ.

Библиотека Рязанскаго потребительскаго общества

МЕМУАРЫ
ДЕКАБРИСТОВЪ.

(ЗАПИСКИ, ПИСЬМА, ПОКАЗАНІЯ, ПРОЕКТЫ КОНСТИТУЦІЙ, ИЗВЛЕЧЕННЫЕ ИЗЪ СЛѢДСТВЕННАГО ДѢЛА, СЪ ВВОДНОЙ СТАТЬЕЙ).

228678
60584
947.07
Д58
Московская Областная
Центральн. Библиотека

Изданіе Книжнаго Магазина С. И. ИВАНОВА и К° Кіевъ, Фундуклеевская ул., 2.

КІЕВЪ
ТИПОГРАФІЯ И. И. ЧОКОЛОВА, ФУНДУКЛЕЕВСКАЯ УЛ. Д. № 22
1906.

Библiотека Рязанскаго потребительскаго общества

Слѣдственное дѣло о декабристахъ хранится въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. До недавняго времени оно было запечатано и недоступно для обозрѣнiя историковъ. Только для покойнаго академика М. Ф. Дубровина дѣло было распечатано и онъ съ большими предосторожностями допущенъ былъ къ занятiямъ надъ этимъ матерiаломъ. Это была первая попытка привлечь дѣло Слѣдственной Комиссiи о декабристахъ къ цѣлямъ научнаго изслѣдованiя. Но Дубровинъ умеръ, не докончивъ своей работы, начало которой появилось въ статьяхъ въ „Русской Старинѣ". Впрочемъ до Дубровина, повидимому, только два лица могли заглянуть,—въ буквальномъ смыслѣ слова заглянуть,—въ этотъ историческiй матерiалъ—именно Богдановичъ и Кропотовъ; первый, въ своей Исторiи царствованiя Александра I-го приводитъ нѣсколько отрывковъ изъ показанiй, а второй глухо ссылается на свою освѣдомленность въ содержанiи подлиннаго дѣла о Рылѣевѣ. Все слѣдственное дѣло состоитъ почти изъ 500 нумеровъ. Для каждаго декабриста и вообще для каждаго призваннаго къ слѣдствiю заведено особое дѣло. Кромѣ того сюда входятъ дѣла такiя, какъ протоколы суда, высочайшiя бумаги, доклады Слѣдственной Комиссiи, переписка о разрѣшенiи свиданiй и т. п. Конечно, наиболѣе крупный интересъ представляютъ показанiя самихъ участниковъ декабрьской революцiи и письма нѣкоторыхъ декабристовъ къ императору Николаю, великому кн. Михаилу Павловичу и генералу Левашову.

По содержанiю своему слѣдственное дѣло о декабристахъ рѣзко отличается отъ обычныхъ слѣдственныхъ и судебныхъ актовъ. Многiе изъ декабристовъ не ограничивались отвѣтами на вопросы Комиссiи, но дали цѣлые пространные мемуары, излагающiе исторiю тайныхъ обществъ съ ихъ точки зрѣнiя, степень своего участiя въ дѣлѣ, участiя другихъ лицъ, наконецъ, въ этихъ запискахъ они

излагали свои чувства, задушевныя мысли и т. п. Съ такими же пространными объясненіями нѣкоторые обращались въ письмахъ къ государю, къ предсѣдателю суда великому кн. Михаилу Павловичу, или къ генералу Левашову, черезъ руки котораго проходили бумаги. Цѣль такихъ записокъ или писемъ была различна. Записки и письма служили связнымъ отвѣтомъ на дробные вопросы Комиссіи; здѣсь же многіе старались обрисовать ту обстановку, въ которой зародилось Тайное Общество, выяснить побудительныя причины его образованія, наконецъ изложить тѣ задушевныя мысли, тѣ высокія патріотическія цѣли, ради которыхъ они вступили въ заговоръ, или вышли съ оружіемъ въ рукахъ противъ самодержавнаго правительства; нѣкоторые обращались къ царю съ непрошенными совѣтами о тѣхъ реформахъ, которыя необходимо было ввести,—первичныхъ реформахъ, возможныхъ и при самодержавномъ режимѣ.

Все это въ высшей степени интересный матеріалъ для характеристики лицъ и цѣлой эпохи. Матеріалъ этотъ во многихъ отношеніяхъ гораздо интереснѣе тѣхъ немногочисленныхъ записокъ декабристовъ, которыя были написаны ими уже впослѣдствіи, въ старости, когда чувства охладѣли, когда память поистерла даже многіе эпизоды въ жизни Тайнаго Общества. Да и тѣ записки декабристовъ, которыя дошли до насъ, частью принадлежатъ лицамъ, стоявшимъ внѣ круга главнѣйшихъ дѣятелей Общества, или вообще кратко касаются исторіи и жизни Тайнаго Общества. Мемуаристы съ большею любовью и подробностями останавливались на сибирской жизни. Въ самомъ дѣлѣ, до насъ дошли записки Бѣляева, Розена, Гангеблова, Басаргина, Штейнгеля, Завалишина. Но эти лица не были у главнаго русла, по которому шла жизнь Общества. Басаргинъ принималъ слабое участіе въ Союзѣ Благоденствія и фактически не принималъ никакого участія въ дѣятельности Южнаго Общества. Бѣляевъ, Гангебловъ и Розенъ—младшіе декабристы, горячіе молодые люди, на содѣйствіе которыхъ разсчитывали коренные члены Общества, но которые сами не были освѣдомлены въ подготовительной его дѣятельности. Завалишинъ стоялъ особнякомъ съ своими неосуществимыми мечтами и недавно появившіяся въ полномъ видѣ его записки наполнены передачею личныхъ мнѣній, слегка, болѣе намеками, касаются жизни Общества; это и понятно, потому что Завалишинъ не стоялъ близко къ Коренной Управѣ. До послѣдняго времени наиболѣе важнымъ матеріаломъ являлись записки Якушкина. Дѣйствительно, онѣ много даютъ для разъясненія исторіи Союза Спасенія и частью Союза Благо-

денствія. Якушкинъ—видный членъ Общества, но въ послѣдніе годы его существованія онъ стоялъ въ сторонѣ, жилъ у себя въ деревнѣ, изрѣдка наѣзжалъ въ Москву, и ничего не можетъ сообщить детальнаго изъ того, что дѣлалось въ Тульчинѣ или Петербургѣ. Князь Волконскій стоялъ въ центрѣ Южнаго Общества, но и онъ вскользь упоминаетъ о его дѣятельности. Интереснѣе записки Лорера. Фонъ-Визинъ и Александръ Муравьевъ, также оставившіе намъ свои записки, находились въ положеніи, сходномъ съ положеніемъ Якушкина: дѣятельность Фонъ-Визина ничѣмъ не выражалась послѣ закрытія Союза Благоденствія, а Александръ Муравьевъ, вышелъ изъ членовъ Общества еще до закрытія этого Союза. Не говоримъ о такихъ воспоминаніяхъ, какъ воспоминанія кн. Оболенскаго, Николая Бестужева, какъ свѣдѣнія, сообщенныя Матвѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ для статьи Баласа о С. И. Муравьевѣ-Апостолѣ, — эти отрывочныя записки посвящены отдѣльнымъ эпизодамъ; къ той-же категоріи могутъ быть отнесены записки кн. Трубецкого и С. Г. Батенкова, имѣющія цѣлью передать нѣкоторыя личныя воспоминанія. Вся эта литература мемуаровъ, написанныхъ декабристами уже въ ссылкѣ, бѣдна количественно и весьма блѣдна въ изложеніи хода развитія Тайнаго Общества. Исключеніе составляютъ только замѣчательныя записки Горбачевскаго, члена Общества Соединенныхъ Славянъ. Онѣ написаны такъ живо, онѣ настолько сходны съ показаніями самого Горбачевскаго на судѣ и съ показаніями его сотоварищей, что не вѣрится, чтобы авторъ написалъ ихъ много времени спустя послѣ катастрофы: онѣ настолько жизненны, что вѣроятнѣе всего написаны подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событій и по счастливой случайности сохранились для потомства.

Таковъ въ общихъ чертахъ матеріалъ, которымъ располагали до сихъ поръ лица, которые пожелали бы ознакомиться съ однимъ изъ интереснѣйшихъ явленій въ нашей исторіи. Слѣдственное дѣло представляетъ поэтому чрезвычайно важный матеріалъ по этому вопросу, тѣмъ болѣе, что въ немъ есть и цѣлые мемуары. Эти мемуары были написаны подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ происшедшихъ событій. Они писались въ казематѣ и для неправаго и немилостиваго суда. Но мы сейчасъ увидимъ, что есть причины отнестись ко многимъ показаніямъ съ большимъ довѣріемъ, а во всякомъ случаѣ, независимо отъ фактической точности того или иного показанія, записки эти представляютъ собою огромный интересъ. Разумѣется, не всѣ декабристы считали нужнымъ ввести Слѣдственную Комиссію въ

сложный лабиринтъ исторіи хода Общества. Далеко не всѣ были настроены такъ, чтобы излить волновавшія ихъ чувства. Многіе, огромное большинство даже, только отвѣчали на вопросы. Такого рода отвѣты, конечно, имѣютъ большое значеніе, какъ историческій матеріалъ, но они не столь интересны въ качествѣ самостоятельныхъ произведеній. Въ издаваемомъ I-мъ выпускѣ матеріаловъ для исторіи декабристовъ мы выбрали именно наиболѣе интересные матеріалы и при томъ такіе, которыми еще не пользовались изслѣдователи.

Печатаемый въ этомъ выпускѣ матеріалъ частью обнимаетъ все, или почти все дѣло нѣкоторыхъ декабристовъ, частью же составляетъ выборку того, что является наиболѣе интереснымъ и существеннымъ. Такъ изъ показаній полковника Комарова и Булатова взято все то, что сохранилось въ дѣлѣ: первый въ пространной запискѣ изложилъ извѣстную ему исторію Общества, а второй въ пространномъ предсмертномъ письмѣ къ великому князю Михаилу Павловичу изложилъ всѣ свои злоключенія. Дѣло М. Ф. Орлова представляютъ собою ту записку и письма, которыя нами напечатаны, за исключеніемъ нѣсколькихъ незначительныхъ записочекъ и одного письма, отнесеннаго нами ко второму выпуску. Въ существенныхъ чертахъ показанія А. Поджіо концентрируются въ тѣхъ извлеченіяхъ, которыя печатаются. Отвѣты Поджіо на допросные пункты по разнымъ вопросамъ, касавшимся Общества, не представляютъ уже интереса, потому что онъ, какъ вступившій въ составъ Общества только въ 1823 году, о болѣе раннихъ обстоятельствахъ не могъ дать опредѣлительныхъ отвѣтовъ. Изъ дѣлъ о Никитѣ Муравьевѣ, Александрѣ Бестужевѣ, Трубецкомъ и Батеньковѣ взяты лишь записки, представляющія наибольшій интересъ. Батеньковъ и Трубецкой писали много, особенно послѣдній, но часто повторялись. Трубецкой охотно передавалъ о разныхъ слухахъ, доходившихъ до него, но все это не представляетъ большого интереса, такъ какъ разъясняется изъ показаній другихъ его сотоварищей, часто болѣе освѣдомленныхъ.

Читателя можетъ интересовать вопросъ, что найдено Слѣдственной Комиссіею при обыскахъ въ бумагахъ декабристовъ. Надо замѣтить, что въ періодъ существованія Союзовъ Спасенія и Благоденствія переписка между членами существовала, но она была уничтожена впослѣдствіи. Въ періодъ дѣятельности Южнаго и Сѣвернаго Обществъ письменныхъ сношеній избѣгали. Кромѣ того передъ обысками многое было уничтожено. Вотъ почему Слѣдственная

Комиссія и не могла пожать обильной жатвы по захвату бумагъ. Комиссія нашла „Русскую Правду“ Пестеля, „Законоположеніе Союза Благоденствія“, проектъ конституціи въ бумагахъ Трубецкого, нѣсколько писемъ, двѣ-три пѣсни изъ числа составлявшихся декабристами для того, чтобы пустить ихъ въ народную среду, и двѣ прокламаціи—„Любопытный разговоръ“ Никиты Муравьева и катехизисъ Сергѣя Муравьева. Кромѣ того Комиссіей были захвачены бумаги Пестеля; но это исключительно, частью, видимо, черновики оффиціальныхъ записокъ, частью предположенія по разнымъ отраслямъ военнаго дѣла. Большой картонъ бумагъ Завалишина содержитъ въ себѣ его переписку съ испанскими монахами и другими лицами, тексты устава Ордена Возстановленія, но вообще отношенія къ дѣлу не имѣетъ.

Итакъ, въ этомъ отношеніи слѣдственное дѣло не представляетъ обильнаго источника историческихъ матеріаловъ. Одно изъ найденныхъ писемъ, именно любопытное письмо Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола къ его брату Сергѣю, нами печатается.

Къ этимъ поясненіямъ необходимо добавить еще нижеслѣдующее. Матеріалъ издается нами съ соблюденіемъ орфографіи подлинника и стиля. Въ орфографіи сдѣланы однако исправленія наиболѣе существенныхъ ошибокъ: выдерживать въ печати всѣ орфографическія ошибки не имѣло бы никакого значенія и сдѣлало бы лишь затруднительнымъ чтеніе. Знаки препинанія пришлось во многихъ показаніяхъ разставить соотвѣтственно современному ихъ употребленію, въ виду полной неопредѣленности въ разстановкѣ ихъ у большинства писавшихъ. Подчеркнутыя авторами показаній мѣста набраны нами курсивомъ. Мы не сочли нужнымъ присоединить замѣчанія, разъясняющія достовѣрность или недостовѣрность фактовъ, сообщаемыхъ мемуарами. Намъ кажется, что отъ этого избавляетъ насъ изложеніе хода исторіи тайныхъ обществъ, которое мы даемъ въ одновременно выходящей книгѣ „Идеалы декабристовъ“.

Ниже мы даемъ еще нѣсколько общихъ замѣчаній о дѣлѣ и нѣсколько частныхъ замѣчаній о тѣхъ лицахъ, записки которыхъ здѣсь издаются. Эти вводныя замѣтки не имѣютъ цѣлью дать сколько нибудь детальныя поясненія, или характеристики. Это—нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ, которыя намъ казалось не безполезнымъ здѣсь приложить.

I.

Какъ держали себя декабристы, какъ впослѣдствіи осужденные, такъ только призванные къ слѣдствію, затѣмъ отпущенные,—на слѣдствіи? Этотъ вопросъ естественно рождается въ мысляхъ каждаго, кто приступаетъ къ просмотру дѣла. Онъ явится и у читателя издаваемаго матеріала. Я отказываюсь пока дать подробный мотивированный отвѣтъ, но не могу не подѣлиться нѣкоторыми впечатлѣніями.

Призванные къ слѣдствію оказались въ весьма не одинаковомъ положеніи и настроеніи. Жизнь Общества тянулась въ теченіи 8-ми лѣтъ. За это время многіе члены успѣли отпасть, искренно или притворно „раскаялись“. Нѣкоторые оставили дѣятельность въ Обществѣ въ періодъ, когда оно не представляло революціоннаго сообщества (напримѣръ примыкавшіе къ Союзу Благоденствія и знавшіе только правила его I-й части). Для всѣхъ такихъ членовъ былъ простой выходъ изъ затруднительнаго положенія—въ откровенномъ признаніи: „преступность“ ихъ участія была или ничтожна, или ея нельзя было установить. Откровенность же была необходима, потому что предъ ними былъ судъ не по закону, „а по сердцу“: не достаточно было доказать свою непричастность къ революціи, надо было еще доказать свою ревность въ раскрытіи „преступнаго сообщества“. И многіе старались это дѣлать со всѣмъ усердіемъ. Отсюда идетъ рядъ разоблаченій.

Съ другой стороны правительство было хорошо вооружено, благодаря доносамъ Майбороды, Шервуда, Витта, благодаря болѣе раннимъ доносамъ тайныхъ агентовъ, попавшимъ еще въ руки Александра I-го. Нити были, надо было только ихъ распутать.

Надо принять во вниманіе еще очень важный факторъ слѣдствія—пріемы самаго верховнаго слѣдователя. Передъ этими пріемами поневолѣ останавливаешься съ изумленіемъ. Императоръ Николай I-й—виртуозъ въ дѣлѣ выпытыванія откровенныхъ признаній. Является во дворецъ Булатовъ и отдаетъ императору свою шпагу. Николай I-й его цѣлуетъ, благодаритъ, называетъ товарищемъ. Каховской, въ отвѣтъ на свои пламенныя рѣчи о любви къ Россіи и всему русскому, слышитъ изъ устъ императора заявленіе,—что и онъ—тоже русскій. Штейнгелю онъ напоминаетъ о многочисленномъ его семействѣ и обѣщаетъ взять на свое попеченіе. Розену обѣщаетъ спасти его. Гангеблова беретъ подъ руку и дружественно

расхаживаетъ по комнатѣ съ юнымъ поручикомъ. Якушкина велитъ заковать въ оковы, Трубецкого выталкиваетъ пинкомъ изъ кабинета. Обѣщанія „заступничества“, „спасенія“, „покровительства“ разсыпались широко. Все это сильно дѣйствовало. Многимъ просто могло казаться: надо быть откровеннымъ, и тогда никто не пострадаетъ. Нѣкоторые и не пострадали.

Наконецъ, надо принять во вниманіе и психологію заключенныхъ. Несомнѣнно, нѣкоторые были слишкомъ горды, чтобы лгать даже и на слѣдствіи; они не скрывали ничего о себѣ, стараясь скрывать лишь имена сотоварищей. Нѣкоторые, часто наименѣе виновные, испугавшись отвѣтственности, увѣренные въ спасеніи за откровенность, поддались соблазну и начинали откровенно показывать. Было нѣсколько лицъ, твердость убѣжденій которыхъ была сомнительна еще и до катастрофы. Нѣкоторые, считали себя „совращенными“ и съ озлобленіемъ говорили о сотоварищахъ. Послѣдняго типа заключенныхъ было не много, но психическое состояніе ихъ, испытываемыя ими мученія,—ужасны. Къ такимъ, напримѣръ, принадлежатъ показанія Тизенгаузена, покаянное письмо Булатова и особенно признанія Александра Поджіо. Послѣднему слѣдователи выясняютъ, что изъ него хотѣли лишь сдѣлать орудіе Южнаго Общества, и онъ разражается признаніями, читая которыя чувствуешь, какую страшную душевную драму пережилъ ихъ авторъ.

Ко всему этому надо прибавить ошеломляющее на подсудимыхъ вліяніе допросныхъ пунктовъ Комиссіи. Такъ или иначе, въ ея рукахъ оказались если не точныя свѣдѣнія и улики, то во всякомъ случаѣ довольно вѣсскіе намеки. И она пишетъ въ допросныхъ пунктахъ, что ей извѣстенъ такой-то разговоръ, или такое то предположеніе и что лишь только для облегченія участи подсудимаго отъ него требуется откровенное подтвержденіе его личнаго участія и имена соучаствовавшихъ. И въ результатѣ, въ отвѣтъ на неясный намекъ, проскользнувшій въ отвѣтахъ мало освѣдомленнаго лица, слѣдуетъ точное описаніе самаго факта. Это былъ очень тонкій маневръ, на который попадались многіе. Но поздняя откровенность уже не давала снисхожденія.

Право, трудно при такихъ условіяхъ бросить обвиненіе въ излишней словоохотливости подсудимыхъ.

Подъ вліяніемъ обстановки тюремной жизни, подъ вліяніемъ нѣкотораго психическаго разстройства, нѣкоторые такъ размякли, что сообщали Комиссіи то, что отъ нихъ совершенно не требова-

лось,—даже свои задушевныя мысли. М. И. Муравьевъ-Апостолъ, какъ это онъ признавалъ и впослѣдствіи, едва ли былъ вполнѣ здоровъ, когда исписывалъ свои многочисленныя показанія. Это болѣзненное психическое состояніе, нетвердость мысли легко замѣтить по его показаніямъ. Но, не принимая большого активнаго участія въ дѣлѣ, періодами даже уклоняясь отъ Общества, Матвѣй Муравьевъ многое зналъ по слухамъ. Онъ повторяется, путаетъ имена, искажаетъ факты, но, конечно, даетъ намеки, которые не трудно было распутать Комиссіи при ея инквизиторскомъ способѣ составленія допросовъ. Батеньковъ мало зналъ о дѣлахъ, даже почти ничего не зналъ. Сообщенія его не могли повредить другимъ, но во всякомъ случаѣ можно ему повѣрить въ томъ, что его разсудокъ во время нахожденія подъ слѣдствіемъ не всегда былъ твердъ.

Если взвѣсить всѣ эти условія, если хорошенько вдуматься въ весь ходъ слѣдствія, то понятнымъ станетъ и странный поступокъ несчастнаго Фаленберга. Онъ случайно былъ привлеченъ къ дѣлу, ибо не имѣлъ никакого понятія о Тайномъ Обществѣ. Но отъ него настойчиво требовали признаній. Изъ допросныхъ пунктовъ онъ сообразилъ, что былъ заговоръ, и несчастный заключенный разлученный съ горячо любимою женой, чтобы показать себя откровеннымъ, сталъ описывать никогда не существовавшіе заговоры...

Итакъ, къ сожалѣнію, къ великому сожалѣнію нельзя не признать, что декабристы говорили много, излишне много.

Въ частности, остановимся еще на показаніяхъ нѣкоторыхъ главнѣйшихъ участниковъ—Пестеля, Рылѣева, Сергѣя Муравьева, Бестужева-Рюмина и нѣкоторыхъ другихъ. Изъ среды этихъ главнѣйшихъ участниковъ надо выдѣлить безконечныя признанія Трубецкого. Для него нѣтъ оправданія. Странное положеніе, занятое Рылѣевымъ и Каховскимъ, объясняется психической конструкціей этихъ людей. Это были люди непосредственнаго чувства, восторженные идеалисты. Пламенное чувство привело ихъ на площадь. Пролитая кровь невинно пострадавшихъ солдатъ оказала на нихъ сильное вліяніе. Можетъ быть, довѣріе къ словамъ всепрощающаго монарха побуждало ихъ быть откровенными: оба они охотно шли на смерть, но лишь умоляли пощадить сотоварищей. Рылѣевъ своей откровенностью какъ бы хотѣлъ вымолить спасеніе своихъ друзей, причиной гибели которыхъ онъ самъ себя считалъ.

Среди важнѣйшихъ участниковъ намѣчается еще одна группа, въ лицѣ Пестеля, Сергѣя Муравьева, Бестужева-Рюмина, Волкон-

скаго, Никиты Муравьева, Якушкина и нѣкоторыхъ другихъ. Они начали свои отвѣты отрицаніемъ. Но когда увидѣли, что Комиссіи многое извѣстно, то дали точныя и конечно весьма компетентныя разъясненія. Они излагаютъ факты, совершенно откровенно изъясняютъ степень своего личнаго участія, но воздерживаются привлекать новыя лица. Пестель, Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ склонны даже преувеличивать заговоръ, въ которомъ они принимали участіе,—можетъ быть не безъ цѣли запугать правительство.

Но была и группа декабристовъ, которые упорно отрицали, ссылались на запамятованіе и т. п. Барятинскій постоянно жаловался на свою память, неохотно вспоминаетъ факты и только тогда, когда ихъ видитъ вполнѣ воспроизведенными въ допросахъ Комиссіи. Давыдовъ поступаетъ такимъ-же образомъ, объясняя иногда свое позднее признаніе тѣмъ, что онъ не предполагалъ въ Комиссіи интереса къ самому факту или къ его подробностямъ. Повало-Швейковскій и Юшневскій, даже и на ясно поставленныя Комиссіею описанія фактовъ ихъ участія въ Обществѣ, или отрицали, или ссылались на запамятованіе, или наконецъ, давали неопредѣленные и путанные отвѣты. Лунинъ упорно отмалчивался. Среди Славянъ многіе, даже большинство ихъ, не охотно давали показанія. Выдѣляется только нѣсколько озлобленный Горбачевскій.

И такъ вотъ въ общихъ штрихахъ впечатлѣніе, которое выносится изъ просмотра показаній декабристовъ. Хотя нѣкоторые изъ нихъ и погрѣшили излишнею откровенностью, но нельзя не признать того обстоятельства, что для огромнаго большинства изъ нихъ эта откровенность имѣетъ оправданіе.

Теперь еще одинъ вопросъ, на который чувствуется необходимость дать отвѣтъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ весьма труденъ пока и отвѣтственеиъ. Мы имѣемъ въ виду,—былъ ли судъ надъ декабристами правымъ и милостивымъ. Впечатлѣніе, которое выносится изъ знакомства съ судопроизводствомъ, говоритъ не въ пользу суда: судъ былъ не правымъ и не милостивымъ. Не говоримъ о формѣ судопроизводства, о тѣхъ уловкахъ, къ которымъ прибѣгали слѣдователи, о системѣ письменнаго допроса и осужденія по этимъ допросамъ. Всѣ эти недостатки—были общими недостатками тогдашняго суда; здѣсь они были еще усугублены. Но даже при такой формѣ судопроизводства нельзя не признать, что при осужденіи не была принята во вниманіе относительная виновность подсудимыхъ. Въ этомъ отношеніи судъ исторіи надъ судопроизводствомъ Комис-

сіи, надъ ея отношеніями къ подсудимымъ, совершенно совпадаетъ съ тѣмъ убѣжденіемъ въ не правотѣ суда, которое о немъ вывели сами декабристы. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя лица были совершенно отпущены и избавлены отъ суда, тогда какъ менѣе замѣшанные подверглись осужденію. Вспомнимъ хотя бы Шипова, Долгорукова, Федора Глинку, Бибикова, даже Михаила Муравьева, Семенова, Колошина (впрочемъ Глинка былъ потомъ въ административной ссылкѣ). Одни изъ нихъ были освѣдомлены въ намѣреніи Общества ввести республику, другіе—въ намѣреніи отдѣльныхъ членовъ покуситься на жизнь государя (полагаемъ, что Михаилъ Муравьевъ не могъ не знать о желаніи Якушкина покуситься на жизнь Александра I-го; остальные принимали участіе въ засѣданіяхъ Коренной Думы 1820 г., рѣшавшей, по предложенію Пестеля, эти вопросы). Между тѣмъ всѣ они были освобождены отъ суда. Правда, большинство ихъ не принимало участія въ возобновленіи Сѣвернаго Общества и вышли изъ Тайнаго Общества съ прекращеніемъ Союза Благоденствія. Всѣ они избѣжали осужденія. Между тѣмъ Александръ Муравьевъ, оффиціально покинувшій Союзъ Благоденствія еще въ тотъ періодъ его существованія, когда политическая физіономія его не оформилась, былъ осужденъ; онъ былъ только дѣятельнымъ членомъ Союза Спасенія и Союза Благоденствія и присутствовалъ на московскихъ совѣщаніяхъ, когда Якушкинъ порывался покуситься на жизнь государя. Или вотъ еще примѣръ Басаргина. Онъ былъ членомъ Союза Благоденствія, ничѣмъ себя не проявлялъ даже и какъ членъ Союза, но имѣлъ несчастіе присутствовать въ первомъ засѣданіи, когда рѣшено было въ средѣ тульчинскихъ членовъ Союза Благоденствія продолжать существованіе Общества; на этомъ его участіе и кончилось. Въ такомъ же положеніи было и нѣсколько другихъ его сотоварищей, вмѣстѣ съ нимъ подвергшихся осужденію. Можно было бы указать и на случайность отнесенія подсудимыхъ въ тотъ или другой разрядъ, очевидно по соображеніямъ посторонняго характера. На примѣръ такой случайностью можно указать снисходительное отношеніе къ Александру Бестужеву и явную несправедливость по отношенію къ Батенькову. Первый былъ однимъ изъ руководителей Сѣвернаго Общества и вывелъ солдатъ на площадь; между тѣмъ, какъ вина Батенькова заключалась лишь въ томъ, что онъ зналъ о существованіи Общества и о подготовляющейся революціи, но ни въ Обществѣ, ни въ революціи активнаго участія не принималъ: онъ былъ осужденъ за тѣ мысли, въ которыхъ онъ признался Комиссіи,

но которыхъ онъ даже никому не высказывалъ; о самомъ существованіи Общества онъ узналъ не болѣе какъ за мѣсяцъ до 14-го декабря.

Разумѣется, является предположеніе, не было ли облегченіе участи того или другого подсудимаго слѣдствіемъ его откровенныхъ признаній. Въ отдѣльныхъ случаяхъ это такъ было, но и то не всегда. Шиповъ, Долгорукій, Бибиковъ и нѣкоторые другіе получили освобожденіе отъ слѣдствія и даже выпущены на свободу, не сдѣлавъ широкихъ разоблаченій и между прочимъ умолчавъ о засѣданіяхъ Коренной Думы 1820 года. Глинка получилъ прощеніе ранѣе, чѣмъ были имъ исписаны его многочисленныя признанія. Отвѣты Семенова точны во всемъ томъ, что касается жизни Общества Союза Благоденствія, очень уклончивы относительно политическихъ вопросовъ, разсматривавшихся членами Союза: тутъ онъ давалъ лишь отвѣты на поставленные уже вопросы и говорилъ весьма уклончиво. Правда, Комаровъ и Бурцовъ, по существу своего участія въ Обществѣ бывшіе внѣ опасности, дали однако много данныхъ въ руки Комиссіи. Тутъ еще можетъ быть одинъ, не лишенный интереса вопросъ,—насколько отрицаніе своей вины способствовало отягощенію участи подсудимыхъ. Никакой опредѣленной политики и въ этомъ отношеніи судъ не держался. Положеніе Лунина совершенно аналогично съ положеніемъ Якушкина: оба въ 1817 году еще выражали желаніе произвести покушеніе на жизнь государя, оба содѣйствовали цѣлямъ Общества принятіемъ въ него членовъ, но оба не принимали участіе въ жизни Общества съ момента закрытія Союза Благоденствія, хотя считались вѣрными союзниками Тайнаго Общества (Якушкинъ жилъ у себя въ деревнѣ большею частью, а Лунинъ служилъ въ Варшавѣ, такъ что оба они были внѣ центра дѣятельности Общества). Якушкинъ сначала упорствовалъ, не желая показывать о другихъ и не отрицая своей роли въ дѣлахъ Общества, но впослѣдствіи онъ далъ требуемыя показанія. Лунинъ, вообще стоялъ на точкѣ отрицанія. Въ конечномъ результатѣ Якушкинъ попалъ въ первый разрядъ осужденныхъ, а Лунинъ—во второй. Признанія Александра Поджіо, давшія обильный матеріалъ въ руки Комиссіи, не послужили къ облегченію его участи и онъ оказался въ томъ же первомъ разрядѣ на ряду съ Артамономъ Муравьевымъ, который сознался только послѣ очныхъ ставокъ и всетаки не далъ никакихъ подробностей, за которыми такъ гонялась Комиссія; въ томъ-же разрядѣ оказались и Юшневскій, Давыдовъ, Повало-Швей-

ковскій, не только отрицавшіе приписываемое имъ участіе, но даже и послѣ ряда уликъ не давшіе никакихъ сколько нибудь подробныхъ отчетовъ ни о себѣ, ни о другихъ; сюда-же попалъ и такой отрицатель, какъ кн. Барятинскій.

И такъ, и откровенныя признанія, за которыя обѣщалось смягченіе участи подсудимыхъ, для однихъ сослужили службу, для другихъ не дали никакого облегченія. Только для кн. Трубецкого несомнѣнно откровенность сослужила службу, сохранивъ ему жизнь. Однимъ словомъ, личное усмотрѣніе верховнаго слѣдователя, или въ иныхъ случаяхъ невнимательность суда сдѣлали результатъ всего суда не правымъ и не милостивымъ.

Вотъ нѣсколько общихъ указаній, которыя намъ казалось необходимымъ сдѣлать. Теперь перейдемъ къ нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ, касающимся печатаемыхъ въ настоящемъ выпускѣ матерьяловъ.

II.

Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ является одной изъ интереснѣйшихъ личностей не только въ средѣ декабристовъ, но и вообще въ русскомъ обществѣ первыхъ десятилѣтій девятнадцатаго вѣка. Его біографія составила-бы любопытную страницу той эпохи.

М. Ф. Орловъ, сынъ генералъ-поручика Федора Григорьевича Орлова, началъ свою службу въ 1801 году въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а съ 1805 года онъ уже служитъ въ Кавалергардскомъ полку. Онъ совершалъ компаніи съ большимъ успѣхомъ и выдержалъ рядъ сраженій. Такъ, онъ участвовалъ въ знаменитыхъ битвахъ при Фридландѣ, подъ Смоленскомъ, при Бородинѣ, гдѣ былъ начальникомъ штаба отдѣльнаго отряда генералъ-лейтенанта Дорохова, затѣмъ при взятіи города Вереи, подъ Малоярославцемъ и подъ Краснымъ. Отсюда онъ былъ посланъ съ легкимъ отрядомъ для открытія сообщеній съ арміей генерала Чичагова, что и исполнилъ, пройдя между непріятельскими войсками, и соединился съ Молдавской арміей, какъ разъ въ то время, когда на нее обратились французы. Затѣмъ онъ въ томъ-же 1813 году командуетъ партизанскимъ отрядомъ подъ Калишемъ, оттуда въ виду непріятеля переходитъ Эльбу, что заставило французовъ очистить Дрезденъ съ прилегающими окрестностями между Эльбой и Салою. Въ аріергардныхъ дѣлахъ при Вальдгеймѣ и Посселѣ онъ командуетъ правымъ крыломъ арі-

ергарднаго корпуса генерала-лейтенанта Мелиссино, защищаетъ переправу черезъ Эльбу при селеніи Прижицъ; дальнѣйшую часть компаніи онъ стоитъ на лѣвомъ флангѣ съ партизанскимъ отрядомъ, принимаетъ участіе во всѣхъ мелкихъ дѣлахъ, а 8 и 9 мая сражается въ битвѣ при Бауценѣ. Послѣ перемирія былъ назначенъ состоять при генералѣ Моро, при которомъ находился до его смерти, затѣмъ состоялъ въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Тилемака, подъ начальствомъ котораго послѣ упорной битвы овладѣлъ Мерзебургомъ, и участвовалъ при пораженіи французовъ при Альтенбургѣ. Онъ принималъ также участіе въ битвѣ подъ Лейпцигомъ, а затѣмъ, состоя въ отрядкѣ генералъ-лейтенанта гр. Орлова—Денисова, при городѣ Геленгаузенѣ взялъ двѣ пушки и 800 человѣкъ въ плѣнъ. Въ 1814 году онъ принимаетъ участіе въ сраженіяхъ при Труа, Ассизѣ и наконецъ 18 марта подъ Парижемъ. Кромѣ дѣятельности въ походахъ, Орловъ принималъ участіе въ дипломотическихъ сношеніяхъ. Онъ былъ назначенъ въ Фонтенебло для ратификаціи трактатовъ съ французскимъ правительствомъ. Затѣмъ, былъ посланъ въ Данію для заключенія договора объ уступкѣ Норвегіи Швеціи. Изъ этого краткаго обзора видна богатая дѣятельность Орлова на военномъ и дипломатическомъ поприщѣ. Соотвѣтственно военнымъ успѣхамъ, Орловъ успѣвалъ и въ служебномъ отношеніи: 2 іюля 1812 года онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ, а 2 апрѣля 1814 года—генералъ-маіоромъ; съ 3 іюня 1820 года назначенъ командовать 16-й пѣхотной дивизіей, пройдя предварительно черезъ должность начальника штаба 4-го пѣхотнаго корпуса [1]).

Это—внѣшняя сторона дѣятельности Орлова.. Но за то же время онъ быстро выдвигается на общественномъ поприщѣ. Люди стараго закала называли его общественную дѣятельность „вѣтренностью“ и „легкомысліемъ“, потому что онъ „язычекъ проклятый не можетъ удержать“ [2]). Но на другихъ эта дѣятельность производила иное впечатлѣніе: „Лучшее въ М. Орловѣ,—писалъ въ 1819 году А. И. Тургеневъ кн. Вяземскому,—есть страсть къ благу отечества. Она сберегаетъ въ немъ душу его благородную и возвышенную“ [3]). „Я отдаю справедливость его чувству,—пишетъ онъ-же своему кор-

---

[1]) Формулярный списокъ.
[2]) Сборникъ И. Р. И. Общества, т. 73, стр. 57.
[3]) Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ, т. I, стр. 297.

респонденту объ Орловѣ,—которая изливается изъ прекрасной души. Вездѣ ищетъ онъ пользы отечества, вездѣ мечтаетъ о возможномъ благѣ его". Однако осторожный Тургеневъ тутъ-же замѣчаетъ, что Орловъ является приверженцемъ „несозрѣлыхъ плановъ", подъ которыми онъ разумѣетъ стремленіе къ политической свободѣ [1]).

Орловъ, несомнѣнно, понималъ задачи, выставляемыя тайнымъ обществомъ, къ которому онъ принадлежалъ, гораздо шире многихъ изъ своихъ сотоварищей. Онъ не только былъ поклонникомъ либеральныхъ идей, но въ широкой мѣрѣ старался будетъ жизнь общества, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціи, гдѣ онъ служилъ. Извѣстна его попытка, о которой онъ говоритъ въ своемъ признаніи, обратиться съ письмомъ къ государю по поводу дарованія имъ конституціи Польшѣ. Кн. Волконскій сообщаетъ о такой же попыткѣ Орлова обратиться къ государю съ адресомъ по вопросу объ освобожденіи крестьянъ. Но обращаться въ высшія сферы въ то время было мало полезно и Орловъ старается будить мысль въ средѣ самаго общества. Онъ мечтаетъ о возстановленіи стараго масонства. Сдѣлавшись членомъ Арзамаса, онъ въ первой-же рѣчи убѣждаетъ своихъ сочленовъ обратить свои силы на разумное служеніе обществу [2]). Разумѣется, эта задача была-бы не изъ легкихъ для обычныхъ членовъ Арзамаса. Въ ихъ же средѣ вмѣстѣ съ своимъ другомъ Н. И. Тургеневымъ онъ старается провести мысль объ изданіи политическаго журнала, хотя это ему и не удается [3]).

Будучи на службѣ въ Кіевѣ, онъ выступаетъ дѣятельнымъ членомъ мѣстнаго отдѣленія Библейскаго Общества. Здѣсь онъ произноситъ рѣчь о задачахъ Библейскаго Общества. Тогда-же эта рѣчь произвела сильное впечатлѣеніе, такъ какъ онъ рекомендовалъ ввести въ дѣятельность Общества новую струю—соединить задачи Общества съ школами взаимнаго обученія. Впрочемъ, эта рѣчь не привела къ дѣятельности въ данномъ направленіи кіевскихъ „черно-книжниковъ" [4]). За то самъ Орловъ съ свойственнымъ ему упорствомъ развивалъ въ томъ-же Кіевѣ школьное дѣло въ военныхъ частяхъ. Онъ своимъ школамъ желалъ привить „законно-свободныя идеи" и дѣйствовалъ въ этомъ духѣ [5]).

[1]) Тамъ-же, стр. 306—307.
[2]) Остафьевскій Архивъ, т. I, 456.
[3]) Тамъ-же, 260—287.
[4]) Тамъ-же 296, 299, 339.
[5]) Тамъ-же, 102, 483,

Вообще въ Кіевѣ Орловъ былъ душою либеральной части общества; у него собирался кружокъ либеральныхъ единомышленниковъ. Объ этомъ кружкѣ разсказываетъ подробно кн. Волконскій въ своихъ воспоминаніяхъ и прибавляетъ что: „Михаилъ Орловъ по уму и сердцу былъ этимъ коноводомъ и дѣйствовалъ на просторѣ въ Кіевѣ, гдѣ ни предразсудки столичныхъ закоренѣлыхъ недвигателей, лицъ высшаго общества, ни неусыпный рабски усердный надзоръ полиціи явной и секретной—не клали помѣхи въ широкомъ дѣйствіи“ [1]).

Въ Кіевѣ Орловъ былъ начальникомъ штаба, а начальникомъ дивизіи былъ переведенъ въ Кишиневъ. Здѣсь онъ дѣйствовалъ въ томъ же направленіи, поддерживаемый такими ревностными членами Союза Благоденствія, каковы были Раевскій и Охотниковъ. Здѣсь также вокругъ него группировался кружокъ либеральныхъ людей, въ средѣ котораго былъ и Пушкинъ, въ тотъ періодъ наиболѣе радикально настроенный. Въ Кишиневѣ Орловъ поставилъ ланкастерскія школы въ войскахъ весьма хорошо и поручилъ завѣдываніе ими Раевскому. Но полиція вскорѣ нашла, что учащіеся въ этихъ школахъ проникнуты „пагубнымъ духомъ вольномыслія“ [2]). Началось дѣло, Раевскій былъ посаженъ въ Тираспольскую крѣпость, но ничего не выдалъ. Однако Орловъ лишенъ былъ дивизіи и назначенъ состоять при арміи, послѣ чего онъ жилъ въ Москвѣ (съ 18-го апрѣля 1823 года).

Дѣятельность Орлова по Тайному Обществу въ собственномъ смыслѣ нельзя признать особенно интенсивной, если подъ этимъ понимать участіе въ совѣщаніяхъ, выработку уставовъ, проектовъ конституцій, чѣмъ весьма были заняты многіе изъ членовъ. Въ своемъ показаніи Орловъ вполнѣ точно опредѣлилъ степень своего участія въ обществѣ Сыновъ Отечества и Союза Благоденствія. Впрочемъ, надо замѣтить, что во все это время Орловъ служилъ въ Кіевѣ и Кишиневѣ, между тѣмъ какъ основная дѣятельность Общества протекала въ Москвѣ и Петербургѣ. Но надо отдать справедливость ему въ томъ, что онъ шире, чѣмъ кто нибудь изъ членовъ дѣйствовалъ на широкіе круги Общества. Къ дѣятельности Орлова въ качествѣ члена Союза Благоденствія относится также извѣстный фактъ

---

1) Записки, стр. 401.

2) Русская Старина, 1883, т. 40, стр. 659.

его участія въ Московскомъ Съѣздѣ 1821 года, на которомъ Союзъ былъ оффиціально закрытъ. По словамъ Якушкина здѣсь Орловъ предлагалъ самыя крайнія мѣры для дѣятельности Общества. Нѣкоторые его сотоварищи тогда же объясняли это предложеніе тѣмъ, что Орловъ, собиравшійся тогда жениться на дочери Раевскаго—Екатеринѣ Николаевнѣ, ставилъ Обществу условія, на которыя оно согласиться не могло, и тѣмъ открывалъ себѣ возможность выхода изъ Общества. Это объясненіе однако едва-ли соотвѣтствуетъ дѣйствительному настроенію Орлова: онъ былъ человѣкомъ практическихъ дѣйствій и вполнѣ вѣроятно, что онъ серьезно предлагалъ тѣ мѣры, о которыхъ сообщаетъ Якушкинъ [1]).

Орловъ дѣйствительно вышелъ изъ Союза Благоденствія и затѣмъ упорно отказывался отъ оффиціальнаго вступленія въ Общество. Но это обстоятельство являлось лишь слѣдствіемъ осторожности и члены Тайнаго Общества всегда разсчитывали на Орлова. Такой расчетъ былъ и во время совѣщаній предъ 14 декабря. Князь Трубецкой предлагалъ вызвать Орлова въ Петербургъ для начальствованія надъ войсками, но этотъ вызовъ не состоялся по краткости времени. Петербургскими декабристами была сдѣлана также попытка побудить Орлова начать возстаніе въ Москвѣ, но такой планъ былъ безнадеженъ, и Орловъ отказался.

Съ открытіемъ заговора декабристовъ, Орловъ былъ арестованъ и просидѣлъ 6 мѣсяцевъ въ заключеніи. Онъ былъ признанъ виновнымъ въ сношеніяхъ съ Обществомъ, но въ виду предварительнаго заключенія и прежней его службы былъ только отставленъ отъ службы съ запрещеніемъ въѣзда въ столицы, хотя вскорѣ ему было разрѣшено поселиться въ Москвѣ. Впослѣдствіи онъ занимался преимущественно наукой и результатомъ его занятій является между прочимъ напечатанное въ 1833 году въ Москвѣ сочиненіе „О государственномъ кредитѣ“.

Вслѣдъ за мемуаромъ Орлова мы помѣщаемъ записку о Тульчинскомъ отдѣлѣ Союза Благоденствія полковника *Комарова*. Эта записка представляетъ выдающійся интересъ для исторіи Союза Благоденствія. Она сообщаетъ наиболѣе подробныя свѣдѣнія о жизни тульчинскаго общества и о Московскомъ съѣздѣ 1821 года. Что же касается самой личности Комарова, то она не можетъ представить интереса: какъ членъ Союза Благоденствія онъ стремился подъ бла-

---

[1]) См. нашу книгу „Идеалы декабристовъ“.

говиднымъ предлогомъ выйти изъ Союза и во всякомъ случаѣ не проявлялъ никакой дѣятельности въ цѣляхъ Союза; нравственный-же обликъ этой личности хорошо вырисовывается изъ собственныхъ его признаній.

По странной случайности *Никита Михайловичъ Муравьевъ*, одинъ изъ самыхъ видныхъ декабристовъ, игравшій самую выдающуюся роль среди петербургскихъ членовъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, занимавшій въ ихъ средѣ почти такую же роль, какую Пестель занималъ на Югѣ, является однако лицомъ, біографія котораго въ настоящее время наименѣе извѣстна. Имя его вездѣ мелькаетъ въ сообщеніяхъ и запискахъ декабристовъ, но ни у кого изъ нихъ мы не встрѣчаемъ сколько нибудь отчетливаго изображенія личныхъ качествъ Никиты Муравьева. Въ настоящее время довольно трудно разгадать причину такого явленія. Во всякомъ случаѣ такое умолчаніе не было пренебреженіемъ къ нему; оно кроется, очевидно, въ замкнутомъ характерѣ Никиты Муравьева.

Никита Михайловичъ Муравьевъ былъ сыномъ извѣстнаго попечителя Московскаго округа Михаила Никитича Муравьева. Онъ родился въ 1791 году. По происхожденію своему Муравьевы принадлежали къ петербургскому дворянству. По окончаніи Московскаго университета съ званіемъ кандидата математическихъ наукъ, онъ былъ произведенъ 3 іюля 1813 года въ прапорщики свиты его величества по квартирмейстерской части. Отсюда онъ былъ переведенъ въ гвардейскій генеральный штабъ въ слѣдующемъ 1814 году. Въ 1816 году онъ былъ уже подпоручикомъ, а черезъ два года поручикомъ. Въ теченіе 1820 года онъ былъ въ отставкѣ и снова поступилъ на службу 1821 года. Въ капитаны онъ былъ произведенъ незадолго до начала возстанія—22 іюля 1825 года. Никита Муравьевъ участвовалъ въ войнахъ противъ французовъ и между прочимъ былъ въ сраженіяхъ при Бергъ-Гисгюбелѣ, подъ мѣстечкомъ Донъ, при Плауенѣ, подъ Дрезденомъ, подъ Лейпцигомъ, подъ Магдебургомъ, подъ Гамбургомъ при всеобщей атакѣ на непріятельскіе посты и дважды при нападеніи на островъ Вильгельмсбургъ. Участіе его въ послѣднихъ сраженіяхъ было удачно, такъ какъ онъ получилъ большой для прапорщика орденъ Владиміра 4-ой степени.

Таковы краткія біографическія свѣдѣнія, сообщаемыя формуляромъ Никиты Муравьева. Къ этому надо добавить, что онъ былъ женатъ на графинѣ Александрѣ Григорьевнѣ Чернышевой, само-

отверженно послѣдовавшей за своимъ мужемъ въ Сибирь и первою изъ женъ туда прибывшей къ своему мужу. Это былъ очень добрый человѣкъ, и въ мемуарахъ декабристовъ о ней встрѣчаются упоминанія, исполненныя теплоты.

О жизни Муравьева внѣ Общества извѣстно очень не много. Онъ вращался въ кругу тогдашнихъ литераторовъ и ученыхъ и на него возлагались большія надежды, какъ на сотрудника предполагавшагося Н. И. Тургеневымъ политическаго органа [1]). Муравьевъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Михаилу Орлову и Николаю Тургеневу. Всѣ трое въ 1817 году вступили въ Арзамасъ. Легко догадаться, что въ то время они не были склонны поддерживать той веселой литературной жизни, которой отличался Арзамасъ [2]).

Несомнѣнно, Никита Муравьевъ посвятилъ свои молодые годы серьезнымъ занятіямъ: склонность къ занятіямъ засвидѣтельствована всей послѣдующей жизнью Никиты Муравьева. Составленіе конституціи, надъ которой онъ много и долго работалъ, также утверждаетъ насъ въ этой мысли. Самымъ замѣчательнымъ обстоятельствомъ въ этотъ періодъ его жизни, свидѣтельствующимъ о направленіи занятій Муравьева, является его критическая записка объ исторіи Карамзина. Карамзинъ былъ другомъ отца Никиты Михайловича и считалъ его своимъ покровителемъ. Эта записка извѣстна была въ рукописи. Критикъ изъ уваженія къ Карамзину показалъ первому ему свою записку, и Карамзинъ предоставилъ автору сообщать записку, кому онъ пожелаетъ. Основной тезисъ Никиты Муравьева противоположенъ основѣ воззрѣнія Карамзина. Карамзинъ въ посвятительномъ письмѣ въ заключеніи опредѣляетъ исторію: „Исторія народа принадлежитъ царю“. Никита Муравьевъ начинаетъ свою записку: „Исторія принадлежитъ народамъ“. Въ этой критической запискѣ сказывается руководитель Тайнаго Общества. Съ его точки зрѣнія „брань вѣчная должна существовать между зломъ и благомъ“, и поэтому исторія должна не мирить насъ съ несовершенствами настоящаго, какъ полагалъ Карамзинъ, но побуждать насъ къ тому совершенству, которое суждено на землѣ. Онъ иронически относится къ искусству Карамзина изображать историческія картины, совершенно вѣрно полагая, что главнымъ достоинствомъ исторіи есть

---

1) Письмо Александра Ивановича Тургенева къ И. И. Дмитріеву, Русскій Архивъ 1867 года, 647.

2) Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ, т. I, стр. 456.

ея „дѣльность“, являющаяся слѣдствіемъ познанія, учености и глубокомыслія историка [1]).

Никиту Муравьева мы встрѣчаемъ также въ кружкѣ знакомыхъ Греча. Съ обычной развязностью Гречъ характеризуетъ его такъ: это былъ „молодой, благородный, образованный, добрый человѣкъ, нѣсколько серьезный и дикій, былъ офицеромъ Генеральнаго Штаба и находился среди самаго омута заговора. Онъ былъ мечтателемъ, фанатикомъ либерализма“. Гречъ разсказываетъ про Муравьева довольно длинную исторію о томъ, какъ онъ при вторичномъ взятіи Парижа въ 1815 году совершенно случайно попалъ въ домъ извѣстнаго Коленкура, бывшаго посломъ Наполеона въ Петербургѣ. Муравьеву отвели квартиру въ домѣ, гдѣ жилъ Коленкуръ, и здѣсь любезный хозяинъ познакомилъ его съ знаменитымъ Бенжаменомъ Констаномъ. Едва ли имѣетъ какое нибудь значеніе достовѣрности разсказъ того же Греча о причинахъ ненависти, которую извѣстный поэтъ Батюшковъ питалъ къ своему двоюродному брату Никитѣ Муравьеву: это очевидно одна изъ многочисленныхъ инсинуацій Греча [2]).

И такъ, мы мало знаемъ о жизни Муравьева внѣ Тайнаго Общества. Но за то въ этой сферѣ мы видимъ его принимающимъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ важнѣйшихъ моментахъ исторіи Общества и при томъ въ качествѣ руководящаго члена. Онъ является среди тѣхъ лицъ, которые основали первое тайное общество Союза Спасенія. Когда Союзъ рушился, вслѣдствіе несогласія нѣкоторыхъ его членовъ съ уставомъ, онъ является дѣятельнымъ участникомъ московскихъ совѣщаній и даже членомъ той коммисіи, которой поручено было выработать уставъ Союза Благоденствія, хотя составленная имъ часть устава и не вошла въ уставъ Союза. Въ то время былъ онъ весьма радикально настроенъ. Когда въ Петербургѣ было собраніе Коренной Думы въ 1820 году и Пестель предложилъ стремиться къ введенію республиканскаго правленія въ Россіи, Никита Муравьевъ былъ въ этомъ засѣданіи и согласился съ мнѣніемъ Пестеля. Онъ тогда соглашался также съ Пестелемъ въ необходимости цареубійства, а также одинъ изъ всѣхъ присутствовавшихъ одобрялъ мысль Пестеля о введеніи временнаго правленія послѣ совершенія переворота, во избѣжаніе анархіи. Тогда онъ былъ, какъ видимъ,

---

[1]) Погодинъ, Николай Михайловичъ Карамзинъ, ч. II, 198—203.
[2]) Гречъ, Записки о моей жизни, 404—407.

единомышленникомъ Пестеля. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что Никита Муравьевъ въ августѣ 1820 года былъ даже избранъ въ предсѣдатели Тульчинской Управы Союза Благоденствія и получилъ списокъ конституціи Пестеля.

Однако съ теченіемъ времени въ мнѣніяхъ Муравьева произошло значительное измѣненіе. По его собственнымъ словамъ, будучи съ гвардіею въ Минскѣ, онъ уже началъ составлять конституцію въ монархическомъ духѣ, убѣдившись въ превосходствѣ монархическаго правленія сравнительно съ республиканскимъ. Какъ произошелъ этотъ поворотъ въ убѣжденіяхъ Муравьева, совершенно неизвѣстно, такъ какъ его показанія на слѣдствіи отличаются большою краткостью. Послѣ распаденія Союза Благоденствія Никита Муравьевъ продолжаетъ свои занятія, но не настаиваетъ на созданіи новаго Общества. Къ этому времени какъ разъ и относится составленіе имъ конституціи и катехизиса. Этотъ катехизисъ былъ найденъ Слѣдственной Комиссіей и находится въ дѣлѣ Муравьева; онъ озаглавленъ „Любопытный разговоръ“; по словамъ Муравьева, его катехизисъ не оконченъ и не былъ распространяемъ въ обществѣ.

Когда начались побужденія южныхъ членовъ учредить Общество въ Петербургѣ, мы видимъ Муравьева въ числѣ его основателей. Этотъ эпизодъ подробно разсказанъ въ показаніяхъ Поджіо. Несомнѣнно, Муравьевъ являлся самымъ вліятельнымъ руководителемъ Сѣвернаго Общества, и къ нему обращались члены Южнаго, какъ за сообщеніемъ свѣдѣній, такъ и съ побужденіемъ дѣйствовать болѣе интенсивно. Однако осторожность Муравьева и его умѣренность совершенно не гармонировали съ горячностью южныхъ членовъ. Послѣдніе имъ были очень недовольны и не разъ побуждали сѣверныхъ своихъ сотоварищей смѣнить Никиту Муравьева. Однако вліяніе его было весьма значительно. Когда въ 1824 году самъ Пестель пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы окончательно установить соединеніе обоихъ обществъ, онъ сначала имѣлъ успѣхъ при первыхъ переговорахъ съ кн. Оболенскимъ, кн. Трубецкимъ, Николаемъ Тургеневымъ и Рылѣевымъ: всѣ предложенія Пестеля были приняты. Но когда Никита Муравьевъ, не могшій быть на первыхъ засѣданіяхъ по болѣзни жены, вступилъ въ пренія съ Пестелемъ, то онъ успѣлъ поколебать все то, чего достигъ послѣдній. Этотъ эпизодъ въ дѣлахъ Слѣдственной Комиссіи описанъ такимъ образомъ: „Пестель, видя худые успѣхи сношеній, самъ пріѣхалъ въ 1824 году въ С.-Петербургъ и настаивалъ о введеніи республики съ истребле-

ніемъ императорской фамиліи, но, замѣтивъ нерѣшительность сѣверныхъ членовъ, ударилъ по столу и сказалъ: „такъ будетъ же республика“. Въ продолженіи того же времени заходилъ онъ къ Никитѣ Муравьеву. У нихъ началось преніе о конституціи. Муравьевъ говорилъ, что кончивъ ету работу, намѣренъ онъ распущать ее повсюду, и принимать всѣхъ тѣхъ, кои будутъ соглашаться на оную. Пестель возражалъ, что конституціонныя начала, оставаясь тайною управляющихъ Обществомъ, не должны быть объявлены, для избѣжанія преній, что правленіе Общества должно сперва убить членовъ императорской фамиліи, заставить Синодъ и Сенатъ объявить оное временнымъ правительствомъ, которое должно быть облечено неограниченною властію и раздать важнѣйшія мѣста членамъ Общества. Муравьевъ возразилъ только на то, что люди, обагренные кровью, будутъ посрамлены въ общемъ мнѣніи, которое не дастъ имъ послѣ того пользоваться похищенною ими властію“.

Между Пестелемъ и Никитой Муравьевымъ существовали важныя принципіальныя разногласія. Въ окончательномъ періодѣ своего политическаго развитія Никита Муравьевъ является поклонникомъ конституціонной монархіи. Его конституціонный планъ признавалъ довольно высокій имущественный цензъ для избирателей и избираемыхъ въ народные представители и въ различныя должности. Кромѣ того конституціонный проектъ Муравьева признавалъ широкія федеративныя начала. Такая постановка дѣла противорѣчила убѣжденіямъ Пестеля и всего Южнаго Обшества. Какъ извѣстно Пестель выработалъ планъ республиканскаго устройства въ Россіи, а для приведенія въ исполненіе этого плана Южное Общество предполагало умертвить всю царствующую фамилію. Пестель былъ противникомъ федералистическаго строя государства, предполагая ввести въ будущей республикѣ единую и сильную власть. Но въ отношеніи сословномъ Пестель былъ далекъ отъ сословныхъ предразсудковъ и въ его планъ входило полное равенство сословій. Кромѣ того, между обоими обществами было и еще разногласіе по вопросу о временномъ правленіи. Пестель представлялъ себѣ будущее временное правленіе съ диктаторскими полномочіями и при томъ весьма длительными, лѣтъ на десять, для полнаго устройства государства по составленному имъ плану. Муравьевъ, хотя и признавалъ необходимость предварительнаго написанія конституціи, но не былъ склоненъ навязывать ее народу насильственнымъ путемъ. Даже и въ отношеніи къ Польшѣ былъ важный пунктъ разногласія между Ни-

китой Муравьевымъ и Пестелемъ. Какъ извѣстно, Пестель вошелъ въ сношеніе съ польскимъ тайнымъ обществомъ и обѣщалъ полякамъ, въ случаѣ успѣха революціи, возстановленіе независимости Польши и присоединеніе къ ней нѣкоторыхъ пограничныхъ губерній, ранѣе входившихъ еъ составъ Польши. Касаясь этого вопроса въ своихъ показаніяхъ, Никита Муравьевъ говоритъ: „сношенія сіи весьма огорчили членовъ Сѣвернаго Общества, полагавшихъ, что не должно уступать пріобрѣтеній и собственности Россіи и входить въ сношенія съ иноплемянниками, хотя бы они подъ однимъ управленіемъ съ нами находились, тѣмъ болѣе, уступка сія произошла бы совершенно чуждой, а въ послѣдствіи, вѣроятно, и враждебной Россіи державѣ. Члены Сѣверной Думы доказали Давыдову, а потомъ и Пестелю, сколь мѣра сія противна духу и самолюбію народа, привыкшаго въ продолженіи двухъ вѣковъ пріобрѣтать, а не отдавать области. Но они отвѣтствовали, что это воля южныхъ бояръ—обѣщано и перемѣнить нельзя“ [1]).

Такимъ образомъ между обоими представителями тайныхъ обществъ былъ рядъ разногласій по самымъ кардинальнымъ вопросамъ. Какъ мы видѣли, болѣе умѣренныя политическія требованія появились у Муравьева послѣ нѣкотораго періода крайняго радикализма, когда Муравьевъ въ своихъ убѣжденіяхъ вполнѣ сходился съ Пестелемъ. Въ Сѣверномъ Обществѣ мнѣнія Муравьева считались общепринятыми, хотя здѣсь далеко не господствовала та однородность въ мнѣніи, какая характеризуетъ Общество Пестеля. Вообще въ Сѣверномъ Обществѣ Дума не имѣла тѣхъ диктаторскихъ полномочій, какими она обладала въ Южномъ, и представитель этого Общества далеко не пользовался здѣсь такимъ огромнымъ вліяніемъ, какимъ Пестель обладалъ на югѣ.

Судя по всему ходу жизни Сѣвернаго Общества, можно замѣтить, что въ послѣдніе два года вліяніе умѣреннаго Никиты Муравьева начало падать. Въ средѣ членовъ Думы появился такой пылкій человѣкъ, весьма радикально настроенный, какимъ былъ Рылѣевъ. Жизнь Общества сосредоточилась въ дѣятельности Рылѣева. Оно начало быстро расти численностью членовъ. Рылѣевъ былъ мало способенъ долго выжидать революціонныхъ дѣйствій. Своею пылкостью онъ увлекалъ и заражалъ остальныхъ членовъ. Повидимому, въ этотъ періодъ Никита Муравьевъ сталъ нѣсколько охладѣ-

---

[1]) Дѣло Никиты Муравьева, стр. 12.

вать къ дѣятельности въ Обществѣ. Въ началѣ 1825 года Муравьевъ уѣхалъ изъ Петербурга, жилъ между прочимъ въ своихъ деревняхъ. По его собственнымъ завѣреніямъ, онъ у себя въ деревнѣ сжегъ свой проектъ конституціи. Повидимому, это былъ дѣйствительно періодъ его охлажденія къ дѣламъ Общества [1]).

Такимъ образомъ, наиболѣе осторожный изъ руководителей Сѣвернаго Общества какъ разъ не присутствовалъ во время революціи. Очень вѣроятно, что она совсѣмъ не вспыхнула-бы, или приняла-бы иной оборотъ подъ руководствомъ Муравьева.

По требованію Московскаго генералъ-губернатора, Муравьевъ явился къ нему 23 декабря 1825 года и тотчасъ же былъ арестованъ.

Къ сожалѣнію, не имѣется свѣдѣній о томъ, что переживалъ и что перечувствовалъ Муравьевъ во время судебнаго процесса. Слѣдственное дѣло не даетъ также никакихъ на этотъ счетъ указаній. Судя по его показаніямъ, занятая Муравьевымъ на слѣдствіи позиція состояла въ слѣдующемъ. Ему не возможно было отрекаться отъ участія въ Обществѣ, произведшемъ революцію. Поэтому онъ далъ краткое и сжатое показаніе всего того, что относится къ исторіи тайныхъ обществъ. Сравнительно съ многими другими подобнаго рода показаніями, печатаемое нами историческое обозрѣніе хода Общества Никиты Муравьева отличается чертой, характеризующей съ симпатичной стороны его автора: въ показаніи нѣтъ излишнихъ признаній, нѣтъ желанія раскаяніемъ заслужить прощеніе или смягченіе участи. По отношенію къ сотоварищамъ Муравьевъ остается совершенно чистъ: въ его показаніи нѣтъ такихъ именъ, которыя бы уже не могли быть извѣстны слѣдователямъ, нѣтъ желанія привлечь лицъ, мало причастныхъ къ дѣлу. Необходимость-же дать изложеніе хода Общества и такая-же необходимость показать главнѣйшихъ его дѣятелей вытекала изъ первыхъ допросныхъ пунктовъ, предложенныхъ Муравьеву: изъ нихъ онъ могъ убѣдиться въ томъ, что слѣдователямъ уже многое извѣстно. Однако въ этомъ показаніи Муравьевъ умолчалъ о нѣкоторыхъ важныхъ фактахъ въ жизни Общества. Комитетъ ему напомнилъ и Муравьевъ далъ разъясненія въ вполнѣ корректной, по отношенію къ своимъ товарищамъ, формѣ. Въ казематѣ, по настойчивымъ требованіямъ Слѣдственной Комиссіи,

[1]) Одинъ проектъ конституціи, писанный рукою Муравьева, былъ захваченъ московскимъ губернаторомъ Кашкинымъ у И. И. Пущина и имъ же сожженъ. Этотъ списокъ данъ былъ Муравьевымъ Пущину для переписки.

Муравьевъ долженъ былъ возстановить по памяти свой проектъ конституціи; этотъ проектъ имѣется въ слѣдственномъ дѣлѣ и печатается нами.

По приговору суда Муравьевъ, отнесенъ былъ въ первый разрядъ осужденныхъ, коимъ угрожала смертная казнь посредствомъ отсѣченія главы. Сентенція Комиссіи относительно Никиты Муравьева выразилась въ слѣдующемъ: „Капитанъ Никита Муравьевъ. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство изъявленіемъ согласія въ двухъ особенныхъ случаяхъ въ 1817 и 1820 году; и хотя впослѣдствіи и измѣнилъ въ семъ отношеніи свой образъ мыслей, однакожъ предполагалъ изгнаніе императорской фамиліи; участвовалъ вмѣстѣ съ другими въ учрежденіи и управленіи тайнаго общества, и въ составленіи плановъ и конституціи". Какъ извѣстно, смертная казнь первому разряду была замѣнена вѣчною каторгой.

Мало извѣстна также и жизнь Муравьева въ Сибирь; но за ней мы слѣдить не будемъ. Отмѣтимъ также одну черту. Склонный и рэнѣе къ научнымъ занятіямъ, Муравьевъ здѣсь весь имъ отдался. Онъ обладалъ огромной библіотекой, книгами изъ которой охотно снабжалъ своихъ сотоварищей по несчастію [1]).

Какъ извѣстно, заключенные въ Сибири коротали свое время чтеніемъ и занятіями. Кто могъ, тотъ обучалъ другихъ. Среди лекторовъ былъ и Никита Муравьевъ, читавшій своимъ сотоварищамъ стратегію и тактику [2]).

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о печатаемыхъ матеріалахъ, принадлежащихъ его перу.

Нѣкотораго разъясненія, съ нашей точки зрѣнія, требуютъ тексты конституціи, помѣщаемые въ настоящемъ выпускѣ. Само собой разумѣется, что текстъ конституціи, написанный въ казематѣ, не можетъ съ точностью соотвѣтствовать подлинному тексту. Въ моментъ, когда мы пишемъ это предисловіе, въ печати появился подлинный текстъ конституціи Никиты Муравьева, по списку, сохранившемуся, благодаря счастливой случайности, у В. Е. Якушкина [3]). При сравненіи обоихъ текстовъ оказывается, что въ общемъ духъ подлинной конституціи сохраненъ и въ той, которая написана въ казематѣ, но есть и весьма важное отличіе. Находясь подъ слѣдстві-

---

[1]) Басаргинъ, Записки, Девятнадцатый вѣкъ Бартенева, т I, стр. 163.

[2]) Розенъ, Записки декабриста, 1870, 162.

[3]) Государственная власть и проекты государственной реформы въ Россіи, С. П. Б., 1906.

емъ, Никита Муравьевъ не счелъ нужнымъ вспоминать объ опредѣленіи правъ гражданъ и объ ограниченіи власти императора, почему первый отдѣлъ совсѣмъ опущенъ имъ, а второй нѣсколько сокращенъ; напримѣръ, опущена присяга императора конституціи. Власть народнаго вѣча опредѣлена также въ короткихъ чертахъ. Но зато выдвинуты нѣкоторыя стороны, касающіяся суда и мѣстнаго управленія. Судебной власти посвященъ цѣлый отдѣлъ (стр. 62—68), котораго нѣтъ въ подлинномъ проектѣ конституціи. Мѣстное управленіе развито также съ большими подробностями. Изъ этого ясно, что печатаемый текстъ конституціи, даже и послѣ появленія ея подлинника, представляетъ не малый интересъ. Въ немъ содержатся мысли Муравьева о судѣ и являются въ болѣе развитомъ видѣ мысли о мѣстномъ управленіи. Разумѣется, идеи, изложенныя Муравьевымъ въ тюремномъ заключеніи, являются плодомъ его болѣе раннихъ размышленій, и вопросъ о судѣ составляетъ естественное дополненіе къ проекту конституціи.

Въ бумагахъ Трубецкого найденъ еще проектъ конституціи, предположенный декабристами къ опубликованію въ случаѣ успѣха возстанія. Слѣдственная Комиссія не доискалась автора этой конституціи. Между тѣмъ, при сличеніи ея съ конституціей Никиты Муравьева—обѣ оказываются почти тожественными. (Къ сожалѣнію, текстъ нашей книги былъ отпечатанъ до выхода брошюры г. Якушкина и мы не имѣли возможности представить точное сличеніе этихъ текстовъ). Однако, въ обоихъ текстахъ имѣются и различія: видимо конституція Никиты Муравьева подверглась легкой переработкѣ [1]).

---

[1]) Отличіе обоихъ текстовъ двоякаго рода: во первыхъ, въ расположеніи главъ и въ нѣкоторыхъ стилистическихъ поправкахъ и во вторыхъ, въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ. Перваго рода поправки имѣютъ внѣшній характеръ; второй родъ поправокъ—вноситъ нѣкоторыя существенныя измѣненія. Укажемъ на наиболѣе важныя измѣненія, сдѣланныя въ текстѣ, найденномъ въ бумагахъ Трубецкого, сравнительно съ оригиналомъ, принадлежащимъ автору.

Въ конституціи Никиты Муравьева совершенно отсутствуетъ вступленіе (стр. 96—97). Въ первой главѣ (счетъ главъ вездѣ идетъ по нашему тексту) въ конституціи Муравьева отсутствуетъ § 3. Во второй главѣ, въ пунктѣ 4 § 6, у М. читается: личная независимость. Въ этой главѣ у М. отсутствуютъ: § 7 и пунктъ 7 § 6, § 12; § 8 соотвѣтствуетъ § 6 у М., но безъ указанія на размѣръ собственности, которую долженъ пріобрѣсть иностранецъ. Въ главѣ 3 у М. отсутствуютъ слѣдующіе §§: 19, 26, 32. Измѣнены: § 22, въ которомъ у М. отсутствуютъ фразы, начиная съ „никто не можетъ“;

Обратимъ вниманіе еще на одно обстоятельство, касающееся Никиты Муравьева. Въ „Полярной Звѣздѣ“ въ 1859 года была помѣщена ст. подъ заглавіемъ „Разборъ донесенія Слѣдственной Комиссіи въ 1826 году“, приписанный издателемъ Никитѣ Муравьеву.

Прежде всего замѣтимъ, что не можетъ быть въ настоящее время сомнѣній въ томъ, что авторомъ „Разбора“ является именно Никита Муравьевъ. Въ „Разборѣ“ упоминается о томъ, что Комиссія нашла „Любопытный разговоръ“ Никиты Муравьева: это могло быть извѣстно только Никитѣ Муравьеву. Затѣмъ считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на отношеніе Никиты Муравьева къ вопросу о цареубійствѣ. Онъ выражается такъ, что въ частныхъ разговорахъ или въ настоящихъ совѣщаніяхъ отдѣльные члены могли выражать крайнее мнѣніе,—„неправильныя мнѣнія или даже предаваться порыву страстей“. „На этихъ изъявленіяхъ,—продолжаетъ авторъ „Разбора“,—Комиссіей приписываются тайному союзу предположенія о цареубійствѣ“. Онъ утверждаетъ, что тайный союзъ не имѣлъ принудительной власти и потому не могъ ни отклонять отдѣльныхъ членовъ, ни понуждать ихъ въ вопросѣ о цареубійствѣ; главные дѣятели должны были иногда уступать „страстямъ“ отдѣльныхъ членовъ, но винить весь союзъ въ таковыхъ намѣреніяхъ не справедливо. Однимъ словомъ, онъ отрицаетъ тотъ фактъ, что въ

въ § 29 отсутствуютъ фразы, начиная съ „поселяне, которые вздумали“. § 25, равняющійся § 24, у М. читается такъ: „Земли помѣщиковъ остаются за ними. Дома поселянъ съ огородами оныхъ признаются ихъ собственностью со всѣми земледѣльческими орудіями и скотомъ, имъ принадлежащимъ“. Затѣмъ у М. есть §§, отсутствующіе въ текстѣ Трубецкого, именно: §§ 17, 18, 22, 30—42. Въ главѣ 4-й дѣленіе на округи съ ихъ столицами сдѣлано нѣсколько иначе, причемъ нѣтъ предположеній о столицѣ въ Нижнемъ Новгородѣ. Въ главѣ 5-й, трактующей о волостномъ и уѣздномъ устройствѣ, у М. отсутствуютъ §§ 43, 45, 50. Затѣмъ въ общемъ избирательный цензъ у М. выше. Такъ уѣздные избиратели (§ 36, у М. § 44) должны имѣть избирательный цензъ въ 500 руб. недвижимой собственности или на 1000 руб. движимой. Въ § 38 пунктъ 6 у М. только два первые списка гражданъ, т. е. имѣющіе избирательный цензъ не менѣе 15000 тыс. руб. Далѣе у М. въ § 56 предоставляется право выбора въ волостяхъ всѣмъ гражданамъ безъ различія. Въ раздѣлѣ 3, гл. 7 (у М. гл 12) отсутствуетъ § 67; въ § 72 отсутствуетъ запрещеніе женщинамъ и малолѣтнимъ появляться въ законодательномъ собраніи. Въ той же главѣ у М. отсутствуютъ §§ 78—80. Въ гл. 9 у М. отсутствуетъ пунктъ 7 и пунктъ 1 § 83.

Таковы тѣ важнѣйшія отмѣны, которыя слѣдуетъ отмѣтить въ обоихъ текстахъ.

предположенія Тайнаго Общества, какъ учрежденія, входила мысль о цареубійствѣ, и пытается увѣрить читателя въ томъ, что обвиненіе Комиссіи въ умыслѣ на цареубійство основано „лишь на отдѣльныхъ изреченіяхъ, случайныхъ разговорахъ и на мечтаніяхъ разстроенныхъ умовъ“. Это мнѣніе руководящаго члена Сѣвернаго Общества, горячо поддерживавшаго въ 1820 году Пестеля во время засѣданій Коренной Думы въ Петербургѣ, очень странно. Правда Муравьевъ измѣнилъ послѣ 1820 года своимъ республиканскимъ взглядамъ и началъ составлять конституцію въ монархическомъ духѣ. Правда, онъ возмущался замыслами Южнаго Общества. Но онъ не могъ не знать, что данное мнѣніе было принято Южнымъ Обществомъ. Слѣдовательно, такая мысль была. Другой вопросъ, что дѣйствительно и здѣсь на Югѣ больше занимались разговорами, предположеніями, разжиганіемъ страстей и въ то же время какъ бы отдаляли моментъ развязки. Но это дѣло уже тактики, а не убѣжденія членовъ. Такимъ образомъ отрицаніе мысли о цареубійствѣ, какъ принятой всѣмъ Обществомъ, очень странно въ устахъ Никиты Муравьева. Замѣчательно и то, что подобнаго рода отношеніе къ къ этой мысли мы встрѣчаемъ и въ запискахъ С. Г. Волконскаго. Онъ стоялъ въ центрѣ той тяжелой атмосферы, которая создавалась въ кружкѣ Пестеля разговорами о цареубійствѣ, но и Волконскій почему то въ позднѣйшихъ запискахъ увѣряетъ, что мысль о цареубійствѣ была лишь предлогомъ, который долженствовалъ связывать съ Обществомъ слабыхъ его членовъ. Между тѣмъ, въ своихъ показаніяхъ на слѣдствіи оба, и Никита Муравьевъ и кн. Волконскій, совершенно откровенно признаютъ серьезность мысли о цареубійствѣ. Эти сопоставленія представляютъ собою не малый интересъ съ чисто психологической точки зрѣнія.

Что касается записокъ *Александра Бестужева*, то значеніе ихъ совершенно ясно даже изъ бѣглаго просмотра. Письмо къ императору Николаю представляетъ собою въ высшей степени интересно написанный и съ знаніемъ дѣла очеркъ внутренняго состоянія государства при Александрѣ I-мъ. Записка о составѣ Тайнаго Общества является единственнымъ подробнымъ отчетомъ по данному вопросу среди всѣхъ другихъ показаній. Очеркъ объ Обществѣ даетъ полную картину настроенія его членовъ въ послѣдній годъ.

Біографія Александра Бестужева излагалась неоднократно и потому здѣсь нѣтъ нужды ея касаться. Бестужевъ-Марлинскій хорошо извѣстенъ, какъ незаурядный писатель въ свое время. Здѣсь мы

только остановимся въ двухъ словахъ на двухъ вопросахъ, которые интересовали всѣхъ его многочисленныхъ біографовъ.

На основаніи нѣкоторыхъ особенностей характера А. Бестужева,—на основаніи его такъ сказать „вѣтренности“, біографы высказывали предположеніе, что Бестужевъ — случайный участникъ декабрьскихъ дней. Такъ думаетъ г. Венгеровъ въ біографіи, помѣщенной въ его же словарѣ. Г. Богучарскій, хотя и не имѣетъ твердыхъ данныхъ, пытается опровергнуть это мнѣніе, высказывая справедливую мысль, что Бестужевъ проникнутъ былъ тѣмъ-же настроеніемъ, которое испытывали и другіе его сотоварищи [1]). Печатаемые документы съ совершенною очевидностью доказываютъ, что Бестужевъ не былъ случайнымъ участникомъ декабрьскихъ событій: онъ много размышлялъ о современномъ ему состояніи Россіи и съ благородною откровенностью изложилъ свои размышленія въ письмѣ къ государю.

Другой вопросъ, интересовавшій біографовъ, заключается въ причинахъ, вслѣдствіе которыхъ одинъ только А. Бестужевъ получилъ значительное облегченіе своей участи. Онъ былъ осужденъ на вѣчную каторгу, но вмѣсто нея, послѣ пятнадцатимѣсячнаго заключенія въ крѣпостяхъ, былъ сосланъ на поселеніе въ Якутскъ, а оттуда уже въ 1829 году переведенъ рядовымъ на Кавказъ, гдѣ дослужился вновь до офицерскаго чина. Бестужевъ самъ явился къ императору съ повинной. Но тоже сдѣлали и нѣкоторые другіе. Поэтому біографы полагаютъ, что такое облегченіе участи Бестужева является слѣдствіемъ его излишней „болтливости“ на слѣдствіи и что, слѣдовательно, облегченіе получено на счетъ сотоварищей [2]).

Неизвѣстно, что происходило между Бестужевымъ и императоромъ при личномъ свиданіи. Но отвѣты Бестужева на слѣдствіи не показываютъ никакого излишняго усердія, подобно многимъ его сотоварищамъ. По отношенію къ послѣднимъ онъ былъ вполнѣ корректенъ, насколько это было возможно при томъ положеніи, въ какомъ очутились декабристы. Правда, въ его запискѣ проглядываетъ легкое отношеніе, иногда ироническое къ Тайному Обществу. Онъ говоритъ о своемъ раскаяніи и даже вообще заявляетъ, что онъ былъ только „на словахъ либераломъ“. Но и подобнаго рода заявленія не представляли какого либо исключенія среди показаній дру-

---

[1]) Изъ прошлаго русскаго общества, стр. 10 и сл.

[2]) Богучарскій, 56.

гихъ и даже, напротивъ, сдѣланы съ достаточнымъ соблюденіемъ собственнаго достоинства. Поэтому, конечно, надо искать разгадки такой милости къ Бестужеву въ обстоятельствахъ его личнаго свиданія съ императоромъ. Обратимъ вниманіе на то, что Бестужевъ развиваетъ одну мысль, которую въ такомъ выпукломъ видѣ не встрѣчаемъ ни у кого. Это—мысль о томъ, что декабристы могли поднять возстаніе и поставить свои требованія просто потому, что въ данный моментъ Россія находилась въ періодѣ междуцарствія: они были свободны отъ присяги и, присягая новому императору, имѣли право ставить свои требованія.

Теперь перейдемъ къ другому декабристу, изъ показаній котораго мы печатаемъ обильный матеріалъ, именно къ Батенькову.

Гавріилъ Степановичъ Батеньковъ родился въ Томскѣ (впрочемъ по нѣкоторымъ указаніямъ въ Тобольскѣ) 25 марта 1793 года. Онъ происходилъ изъ незнатной семьи. Это былъ слабый здоровьемъ ребенокъ, рано лишившійся родителей. Въ своихъ автобіографическихъ запискахъ Батеньковъ довольно подробно вспоминаетъ о своемъ дѣтствѣ, но эти воспоминанія вообще не имѣютъ большаго интереса. Въ дѣтствѣ Батеньковъ былъ отданъ во второй кадетскій корпусъ, изъ котораго былъ выпущенъ 21 мая 1812 года прапорщикомъ въ 13-ю артиллерійскую бригаду. Съ этого времени начинается быстрый ходъ его на служебномъ поприщѣ. Молодой прапорщикъ сразу попалъ на театръ военныхъ дѣйствій. Это былъ храбрый офицеръ, послужной списокъ котораго богатъ указаніями на участіе въ цѣломъ рядѣ походовъ и сраженій. Онъ выступилъ на войну въ отрядѣ барона Сакена во время преслѣдованія французовъ. 27 января 1813 г., онъ принимаетъ участіе въ занятіи города Варшавы, 1-го мая съ войсками вступаетъ въ Краковъ. 7-го августа онъ командуетъ отдѣльными двумя орудіями въ схваткѣ съ французами при селеніи Крейнбау, гдѣ впервые былъ раненъ въ лѣвое плечо. Несмотря на рану, онъ участвуетъ въ сраженіи при Мейсенѣ 17—19 сентября. Черезъ нѣсколько дней, 14 октября, онъ выказалъ свою храбрость и толковость во время вылазки непріятеля изъ крѣпостей Витенберга и Магдебурга: черезъ ряды непріятелей онъ провезъ артилерійскіе снаряды и доставилъ ихъ въ армію. Въ сраженіи при городѣ Вакулерѣ, 7-го января 1814 года, онъ командуетъ двумя отдѣльными орудіями и отрядомъ стрѣлковъ, затѣмъ принимаетъ участіе въ сраженіи при мѣстечкѣ Бріень-ле-Шато, при селеніи Ларотьеръ въ генеральномъ дѣлѣ, гдѣ оказалъ какое то отличіе, затѣмъ при

селеніи Содрань, при которомъ былъ разбитъ французскій корпусъ. Особенно замѣчательно участіе Батенькова въ битвѣ при Монмиралѣ. Онъ находился въ аріергардѣ, прикрывавшемъ отступленіе корпуса Сакена; Батеньковъ, командовалъ двумя орудіями и, упорно отстаивая позицію, получилъ десять штыковыхъ ранъ, палъ замертво и только случайно былъ подобранъ французами при уборкѣ труповъ. Пробывъ нѣкоторое время въ плѣну до занятія Монмираля русскими войсками, онъ вскорѣ поправился и 15-го марта уже командовалъ двумя орудіями при городѣ Сенміелѣ въ составѣ корпуса прусскихъ войскъ, затѣмъ находился при блокадѣ крѣпости Меца. Въ 1815 г. Батеньковъ совершилъ походъ подъ начальствомъ извѣстнаго генерала Дохтурова

Военная служба однако не удовлетворяла молодого офицера. Изъ его показаній на слѣдствіи можно замѣтить и причины, которыя мѣшали ему отдаться военной службѣ. Природныя склонности влекли его къ занятіямъ точными науками и онъ больше всего предпочиталъ занятія математикой. Кромѣ того, ему пришлось вытерпѣть и какія то непріятности по службѣ: онъ прослылъ безпокойнымъ человѣкомъ. Оставивъ службу, Батеньковъ подготовился и выдержалъ экзаменъ въ институтѣ Путей Сообщенія. Съ 1816 года онъ переходитъ на службу въ Сибирь, гдѣ занимаетъ видное мѣсто окружнаго инженернаго генерала.

Способность быть „безпокойнымъ“ чиновникомъ стала въ сильной мѣрѣ сказываться и здѣсь. Онъ не поладилъ съ Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ Пестелемъ, извѣстнымъ своими злоупотребленіями. Причина этихъ неладовъ ближе неизвѣстна. Какъ на одну изъ причинъ біографы указываютъ, что Батеньковъ предложилъ построить мостъ за полъ цѣны сравнительно съ той, которую предлагалъ мѣстный томскій губернаторъ. Между тѣмъ самъ Батеньковъ считаетъ въ своихъ показаніяхъ постройку моста въ Томскѣ неудачной, предававшей его въ руки губернатора, отчего онъ, между прочимъ, побаивался ревизіи Сперанскаго (стр. 149). Батеньковъ рѣшилъ было выйти изъ службы, когда въ Сибирь является новый генералъ-губернаторъ—знаменитый Сперанскій. Въ своихъ показаніяхъ, имѣющихъ автобіографическій характеръ, Батеньковъ подробно разсказываетъ о своихъ первыхъ отношеніяхъ къ Сперанскому (стр. 149—152) [1]). Впечатлѣніе, произведенное на Сперанскаго

[1]) Отрывки этого разсказа, переплетенные отрывками изъ другихъ его показаній, напечатаны были въ изданіи Дубровина „Письма главнѣйшихъ

Батеньковымъ, было благопріятно для послѣдняго, и онъ оказался въ числѣ близкихъ къ Сибирскому генералъ-губернатору чиновниковъ. Батеньковъ представилъ Сперанскому рядъ проектовъ, относившихся къ весьма важнымъ вопросамъ Сибирскаго управленія, собиралъ свѣдѣнія о Сибири. Весь этотъ матеріалъ послужилъ матеріаломъ для изданія впослѣдствіи Сибирскаго уложенія. Записки Батенькова о его отношеніяхъ къ Сперанскому представляютъ весьма большой интересъ не только для его собственной біографіи, но и для біографіи Сперанскаго.

Хотя Батеньковъ разстался въ Сибири съ Сперанскимъ и вышелъ въ отставку, но впослѣдствіи Сперанскій принялъ его въ качествѣ одного изъ дѣлопроизводителей учрежденнаго въ Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ Сперанскаго, Сибирскаго Комитета. Одновременно съ службой въ Комитетѣ онъ былъ приглашенъ, по рекомендаціи Сперанскаго, на службу Аракчеевымъ и былъ членомъ совѣта военныхъ поселеній, завѣдуя отдѣленіемъ военныхъ кантонистовъ. Эти назначенія создавали для Батенькова очень видное административное положеніе. Будучи человѣкомъ съ большимъ самолюбіемъ, онъ не выносилъ заносчивости Клейнмихеля, боялся его усиленія съ отставкой Аракчеева и началъ проситься въ отставку отъ службы по военнымъ поселеніямъ, но, къ величайшему своему удивленію, получилъ отставку отъ всѣхъ своихъ должностей. Эта неожиданность побудила Батенькова искать частной службы у Американской Компаніи. Дѣло уже наладилось, какъ вдругъ смерть государя, революція, а потомъ и арестъ Батенькова помѣшали всѣмъ его планамъ.

Участіе Батенькова въ дѣятельности Тайнаго Общества весьма незначительно. Съ Бестужевыми, особенно съ Николаемъ, онъ давно былъ знакомъ по дому Сперанскаго. Но только въ послѣдній мѣсяцъ до революціи между Батеньковымъ, Бестужевыми и Рылѣевымъ стали вестись разговоры на политическія темы. Батеньковъ былъ уже и до своихъ откровенныхъ разговоровъ съ Бестужевыми весьма либерально настроенъ. Еще въ юности изученіе греко-римской исторіи впервые заронило въ немъ мысли о свободномъ правленіи (стр. 159)

дѣятелей въ царствованіе императора Александра I-го (съ 1807—1829), стр. 464 и перепечатаны въ ст. о Батеньковѣ въ „Русской Старинѣ, 1889 г., августъ, 359; судя по отрывкамъ, это вѣроятно изъ выписокъ, сдѣланныхъ Богдановичемъ.

Дальнѣйшее развитіе этихъ взглядовъ произошло, очевидно, не безъ вліянія Раевскаго, сотоварища Батенькова по корпусу (стр. 160). Пребываніе за границей имѣло на Батенькова вліяніе такое же какъ и на многихъ другихъ его современниковъ: оно вскрывало преимущества свободнаго правленія (стр. 160). Не удивительно поэтому, что онъ не разъ предавался либеральнымъ мыслямъ, даже мечтамъ объ основаніи Тайнаго Общества. Хотя зто были мечты въ буквальномъ смыслѣ слова, однако въ порывѣ откровенности онъ разсказалъ о нихъ въ своихъ показаніяхъ и обвинительный актъ,—какъ это ни странно,—ставитъ ему въ вину эти умѣренно-либеральныя мечтанія съ самимъ собою. Для біографа эти признанія нынѣ интересны, какъ показатель предварительной политической подготовки Батенькова. Знакомство съ дѣятельностью тогдашней администраціи, знакомство съ различными мѣстностями Россіи и особенно съ строемъ военныхъ поселеній, дало Батенькову сильное орудіе для критическаго отношенія къ современнымъ ему государственнымъ порядкамъ. Его критическое обозрѣніе современнаго положенія Россіи представляетъ собою очеркъ, исполненный большого интереса (стр. 138—144) и показываетъ вдумчивое отношеніе въ его авторѣ. Отчетливое представленіе недостатковъ административнаго механизма, по всей видимости свидѣтельствуетъ, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ ученикомъ Сперанскаго. Вотъ почему не удивительно, что Батеньковъ еще и до встрѣчи съ Бестужевыми и Рылѣевымъ проникнутъ былъ „жаждой политической свободы“ (стр. 137). Не удивительно также, что онъ охотно предавался вмѣстѣ съ Александромъ Бестужевымъ мечтамъ о свободномъ правленіи въ Россіи (стр. 164).

Подъ вліяніемъ размышленій, у Батенькова опредѣлились представленія о формѣ свободнаго правленія, наиболѣе, по его мнѣнію, желательнаго для Россіи. Его убѣжденія склонялись къ очень умѣренной конституціи съ преобладающимъ значеніемъ родовой аристократіи. Самъ не будучи аристократомъ по происхожденію, Батеньковъ однако былъ увѣренъ въ необходимости ея для Россіи. Онъ придавалъ большое значеніе палатѣ вельможъ, составленной изъ значительной части наслѣдственныхъ членовъ (стр. 146); онъ, такъ сказать, мечталъ о реставраціи московскаго боярства, какъ онъ себѣ его представлялъ. Умѣренность политическихъ требованій Батенькова сказалась и въ его отношеніи къ крестьянскому вопросу: разрѣшеніе его онъ считалъ весьма затруднительнымъ, ибо при этомъ надо бы было соблюсти строгую справедливость,—конечно, по отношенію къ

землевладѣльцамъ (стр. 172). Въ заключеніи Батеньковъ составилъ проектъ конституціи, наиболѣе желательной, по его мнѣнію, для Россіи (стр. 144 — 149). Конституція эта — монархическая. Кромѣ палаты вельможъ онъ предполагалъ еще и нижнюю палату, но составленную только изъ представителей землевладѣльцевъ, городовъ и ученыхъ учрежденій. Исполнительная власть сосредоточивается въ рукахъ не отвѣтственнаго монарха, управляющаго, однако, при помощи отвѣтственныхъ министровъ и отвѣтственнаго верховнаго правительства.

У Батенькова несомнѣнно ясно сложился политическій идеалъ [1]). Поэтому когда онъ столкнулся съ декабристами и вступилъ съ ними въ пренія по различнымъ вопросамъ государственнаго устройства, то, по наблюденіямъ Батенькова, въ ихъ мнѣніяхъ онъ не встрѣтилъ ничего опредѣленно обдуманнаго (стр. 167 и 174). Правда, Рылѣевъ и Трубецкой иногда колебались въ своихъ мнѣніяхъ по разнымъ государственнымъ вопросамъ; но неудовлетворенность Батенькова могла происходить и отъ того, что собесѣдники могли не считать необходимымъ оппонировать болѣе умѣренному сотоварищу, при томъ лишь слегка имѣвшему связь съ Обществомъ.

Теперь остается сказать еще объ участіи Батенькова въ подготовкѣ къ революціи. Батеньковъ остался въ убѣжденіи, что онъ не былъ въ собственномъ смыслѣ членомъ Общества. Дѣйствительно, такъ какъ вступленіе въ Общество было обставлено нѣкоторыми формальностями, то Батеньковъ, несомнѣнно, правъ въ своемъ отрицаніи. Тѣмъ не менѣе на него сильно разсчитывали члены Общества, совѣщались съ нимъ и даже въ одномъ случаѣ мнѣніе Батенькова имѣло значеніе на рѣшеніе Общества не занимать дворца во время революціи; предполагалось также назначить Батенькова, въ случаѣ успѣха, членомъ верховнаго правленія. Батеньковъ дѣйствовалъ возбуждающимъ образомъ на многихъ членовъ, но по странной случайности его побужденія какъ разъ относились къ такимъ членамъ, какъ Александръ Бестужевъ, Рылѣевъ, Трубецкой, на которыхъ

---

[1]) Между прочимъ замѣтимъ, что въ своихъ показаніяхъ Батеньковъ ссылается на то, что обдумывалъ планы государственнаго устройства, впрочемъ при условіи неограниченной монархіи Очевидно, Комиссіей были найдены тѣ самыя бумаги, на которыя ссылается Батеньковъ. Онѣ есть въ дѣлѣ, но это обрывки какого то черновика, по которому нѣтъ ни какой возможности установить содержаніе этихъ отрывковъ

его побужденія дѣйствовать не могли, но признаніе въ этихъ побужденіяхъ несомнѣнно усугубило тягость наказанія для Батенькова. Хорошо освѣдомленный въ разныхъ сторонахъ администраціи, Батеньковъ иногда сообщалъ членамъ матеріалъ, полезный для критики государственнаго строя. Во всякомъ случаѣ болѣе активнаго участія Батеньковъ не принималъ.

На слѣдствіи Батеньковъ сначала упорно отрицалъ факты своихъ отношеній къ членамъ Общества. Онъ держался отрицанія и на очныхъ ставкахъ, но потомъ изъ подъ его пера полились, наконецъ, откровенія, въ которыхъ онъ изложилъ и свои отношенія къ членамъ Общества, и свою автобіографію, и свои задушевныя мысли. Свое отрицаніе онъ объяснялъ тѣмъ, что онъ „смѣшался въ соображеніяхъ“. Впрочемъ признанія Батенькова, человѣка несомнѣнно весьма не глупаго, носятъ мѣстами такой колоритъ, что читать ихъ иногда весьма непріятно. Онъ копается въ своихъ мечтаніяхъ, выворачиваетъ наизнанку свои честолюбивые замыслы, то вдругъ выражаетъ желаніе, чтобы всѣ бунтовщики были переловлены. Можетъ быть это самобичеваніе, нерѣдкое и у другихъ его сотоварищей, можетъ быть это результатъ того-же „смѣшенія мыслей“.

Дальнѣйшая судьба Батенькова поистинѣ ужасна. Онъ попалъ въ третій разрядъ осужденныхъ, которые были приговорены къ двадцатилѣтней каторгѣ. Но Батеньковъ сначала былъ заключенъ въ фортѣ Свартгольмѣ на Аландскихъ островахъ, а затѣмъ черезъ полгода былъ переведенъ обратно въ Петропавловскую крѣпость. Онъ былъ посаженъ въ почти темный казематъ, причемъ прислуга не имѣла права отвѣчать ни на какіе его вопросы. Черезъ двадцать лѣтъ онъ не былъ однако освобожденъ окончательно, но сосланъ на поселеніе въ Томскъ, гдѣ дождался амнистіи декабристамъ, переѣхалъ въ Калугу, гдѣ и умеръ въ 1863 году [1]).

Показанія *А. Поджіо* представляютъ собою выдающійся интересъ по своему содержанія. Это—одни изъ наиболѣе важныхъ и по-

---

[1]) Настоящее замѣчаніе о Батеньковѣ главнымъ образомъ опирается на его формулярный списокъ, записку о немъ въ дѣлѣ Слѣдственной Комиссіи и на его показанія. Важнѣйшія указанія о немъ въ существующей литературѣ можно найти въ краткой біографіи, напечатанной въ „Русской Старинѣ“ 1889 г., августъ, въ кн. Ѳомина „Собраніе стихотвореній декабристовъ“ т I, въ статьѣ Лучшева, помѣщенной въ „Русскомъ Архивѣ“, 1886 г., № 6; Записки Батенькова, „Русскій Архивъ“ 1881, т. II.

дробныхъ, картинныхъ разсказовъ о жизни Южнаго и частью Сѣвернаго обществъ. Поджіо былъ „пламеннымъ“, какъ его характеризуетъ актъ Слѣдственной Комиссіи. „Пламенность“ его сказывалась и въ его энергичной дѣятельности въ Обществѣ, въ его пылкомъ стремленіи довести до конца предположенія Общества. Она сказалась въ страшной ненависти къ Пестелю и Сергѣю Муравьеву, особенно къ первому, которая развилась въ немъ уже въ казематѣ. Порывая съ прошлымъ, Поджіо какъ бы находилъ наслажденіе въ самобичеваніи, въ откапываніи собственной вины. Это не показаніе подсудимаго, это воспоминанія, какъ бы написанныя для самого себя: въ нихъ нѣтъ тѣни осторожности. Авторъ самъ вызываетъ Пестеля и Муравьева показать еще какія нибудь его преступленія, если случайно память ему въ чемъ нибудь измѣнила.

Въ пылкости характера Поджіо сказалась южная итальянская кровь. Александръ Викторовичъ Поджіо былъ сыномъ итальянца, котораго эмиграціонная волна забросила въ Одессу. Викторъ Поджіо былъ однимъ изъ устроителей Одессы и работалъ подъ руководствомъ Де-Рибаса. А. Поджіо служилъ въ Преображенскомъ полку съ 1 марта 1814 года. Утвержденіе доктора Бѣлоголоваго о вліяніи на Поджіо заграничныхъ походовъ[2]) не оправдывается формулярнымъ спискомъ; Поджіо въ походахъ не былъ. Поджіо въ своихъ признаніяхъ самъ разсказываетъ о томъ, какъ въ немъ зародились либеральныя идеи. Корпусное образованіе было весьма недостаточно. Это сознавалъ молодой офицеръ и сталъ учиться; путемъ самообразованія онъ развилъ свой умъ. Политико-юридическія книги сдѣлалиль предметомъ его внимательнаго изученія. Въ немъ было сильно развито чувство любви къ его новой родинѣ. Въ книгахъ онъ нашелъ отвѣтъ, что нужно для блага отечества, а наблюденія надъ окружающей жизнью объяснили ему, чего не должно быть въ отечествѣ, и онъ пришелъ къ мысли, что необходимо устранить основную причину, препятствующую благу отечества.

Подготовленный такимъ образомъ Поджіо сталкивается съ членами тайнаго Общества. Обмѣнъ мнѣній укрѣпляетъ его въ его убѣжденіяхъ. Это было въ 1822 году. Первоначально Поджіо былъ членомъ Сѣв. Общества, принятый Никитой Муравьевымъ. Въ это время Пестель и его сотоварищи, дѣйствовавшіе на югѣ, были весьма заинтересованы въ развитіи Общества въ Петербургѣ, кото-

---

[2]) Воспоминанія, Москва, 1897, стр. 25.

рое здѣсь плохо налаживалось. Когда кн. Барятинскій былъ въ Петербургѣ съ цѣлью добиться объединенія дѣятельности обѣихъ обществъ, Давыдовъ обращается за содѣйствіемъ къ Поджіо, и онъ дѣйствуетъ въ Петербургѣ въ духѣ инструкцій Южнаго Общества. Опредѣленость плана этого послѣдняго, рѣшительность его намѣреній заставили Поджіо перейти въ Южное Общество. При проѣздѣ въ 1823 году черезъ Кіевъ онъ принятъ былъ Василіемъ Давыдовымъ и Сергѣемъ Муравьевымъ. Повидимому, это было на контрактахъ этого года. Впослѣдствіи самъ Поджіо принялъ въ члены Фохта и кн. Голицына.

Поджіо содѣйствуетъ устройству Сѣвернаго Общества и пишетъ для него уставъ, матеріалъ для котораго былъ имъ полученъ отъ Никиты Муравьева и состоялъ изъ правилъ Союза Благоденствія, и на совѣщаніи въ квартирѣ Пущина Поджіо предлагаетъ свой проектъ устава.

Отправившись на Югъ, переведенный въ Южную армію, къ началу 1824 года, Поджіо совершенно проникается цѣлями Южнаго Общества. Это былъ періодъ самаго „пламеннаго“ настроенія Поджіо. Южнымъ членамъ онъ дѣлаетъ докладъ о медленныхъ дѣйствіяхъ Сѣвернаго Общества и совѣтуетъ смѣнить Никиту Муравьева. Наконецъ Поджіо удалось повидаться съ Пестелемъ. Поджіо былъ высокаго мнѣнія о руководителѣ Южнаго Общества и потому съ большимъ любопытствомъ встрѣтилъ его. Особенный интересъ представляетъ подробный разсказъ Поджіо объ этомъ свиданіи; это живое воспроизведеніе дѣйствительности. Пестель, когда ему на слѣдствіи было представлено изложеніе показаній Поджіо, сначала пробовалъ нѣкоторыя его части отвергать, напримѣръ разсказъ о счетѣ лицъ императорской фамиліи, о предполагаемой своей поѣздкѣ въ Петербургъ съ кн. Барятинскимъ, признавая другія стороны показаній; онъ отрицалъ также „театральныя движенія“, о которыхъ говорилъ Поджіо. Но на очной ставкѣ призналъ показанія Поджіо за исключеніемъ порученія кн. Барятинскому подыскать двѣнадцать царе-убійцъ, Поджіо изъ своего показанія на той-же очной ставкѣ отказался только отъ предположенія Пестеля отправиться съ Барятинскимъ въ Петербургъ, заявивъ, что онъ хорошо этого обстоятельства не помнитъ [1]).

[1]) Показанія Пестеля, „Былое“, апрѣль 1906 г., 254—258.

При такой искренности показаній нельзя не отнестись съ довѣріемъ къ заявленіямъ Поджіо, что онъ началъ нѣсколько ослабѣвать въ своихъ пылкихъ мечтаніяхъ о достиженіи Обществомъ его цѣлей. Замѣчательно, что объ этомъ охлажденіи Поджіо упоминаетъ только вскользь, хотя конечно этотъ фактъ могъ бы послужить мотивомъ, вслѣдствіе котораго Поджіо могъ бы разсчитывать на смягченіе наказанія. Дѣйствительно, Поджіо выходитъ въ отставку, не смотря на ропотъ своихъ сочленовъ, и собирается уѣхать за границу.

Но начинаются аресты. Первымъ былъ арестованъ Пестель. Это обстоятельство снова заставило Поджіо „воспылать“. Онъ хочетъ поднятъ возстаніе. Пишетъ письмо къ Волконскому, побуждая его поднять свою бригаду. Онъ строитъ цѣлый планъ арестованія главной квартиры въ Тульчинѣ и соединенія съ Сергѣемъ Муравьевымъ. Предварительно свое письмо къ Волконскому Поджіо читаетъ Давыдову, сообщаетъ о своемъ планѣ Янтальцеву и Лихареву. Давыдовъ охлаждаетъ его указаніемъ на безрезультатность возстанія на югѣ: возстаніе должно начаться въ Петербургѣ истребленіемъ государя. Поджіо предлагаетъ свои двѣ руки и вызывается ѣхать въ Петербургъ. Но Давыдовъ говоритъ ему, что тутъ надобно не двѣ руки, а шесть. „Когда я говорю о своихъ двухъ рукахъ, то онѣ стоютъ сто рукъ“,—отвѣчаетъ Поджіо со свойственной ему пылкостью. Онъ разчитывалъ на содѣйствіе членовъ С. Общества, въ тотъ моментъ уже разгромленнаго, о чемъ еще не знали на югѣ. Все это было наканунѣ арестовъ. Узнавъ объ арестѣ Лихарева, А. Поджіо говорилъ своему брату Іосифу: „Другъ мой теперь я долженъ исполнить обѣщаніе роковое, спасу васъ отъ гоненій, простись со мною я тутъ же мертвъ паду, я преступленія не переживу“. Но это были послѣднія заявленія предъ арестомъ.

Тутъ является вопросъ о причинахъ, побудившихъ Поджіо написать свои пламенныя признанія. Читая ихъ, чувствуешь, что онѣ стоили автору тягчайшихъ душевныхъ терзаній. Поджіо былъ въ высшей степени честный и искренній человѣкъ. Его признанія вовсе не похожи на признанія Трубецкого, или Батенькова. Онъ дѣлалъ ихъ не изъ страха наказанія. Нельзя даже сказать, чтобы Поджіо былъ терзаемъ острымъ чувствомъ раскаянія. Причина этихъ признаній совершенно иная. Въ Слѣдственномъ Комитетѣ объяснили Поджіо, что въ лицѣ его Пестель готовилъ орудіе для выполненія своихъ цѣлей. Дѣло въ томъ, что среди безконечныхъ разговоровъ о цареубійствѣ, иногда среди членовъ мелькала мысль о томъ, что по

совершеніи цареубійства необходимо будетъ пожертвовать убійцами. Объ этомъ, дѣйствительно, велись не разъ разговоры въ Южномъ Обществѣ. Поджіо тогда сообразилъ, что Пестель съ этой именно цѣлью его „пришпоривалъ“. Поджіо былъ пораженъ этимъ открытіемъ, сообщеннымъ ему, вѣроятно, на устномъ допросѣ Левашова, и очевидно въ отвѣтъ на это онъ написалъ свое письмо къ Левашову. Поджіо глубоко разочаровался въ лицахъ, которымъ онъ вѣрилъ и которыхъ онъ очень высоко ставилъ. И онъ пересталъ щадить прежде всего себя, а затѣмъ и своихъ сотоварищей...

Читая признанія Поджіо, проникаешься къ его личности симпатіей, несмотря на раскрываемыя имъ обстоятельства, касавшіяся дѣятельности членовъ Общества. Такой же глубокой симпатіей со стороны сотоварищей и всѣхъ тѣхъ кто съ нимъ сталкивался, пользовался Поджіо въ годы каторги и ссылки. Личность его очень отчетливо охарактеризована докторомъ Бѣлоголовымъ въ его воспоминаніяхъ.

По характеру душевныхъ терзаній, которыя испытывали нѣкоторые декабристы въ заключеніи, къ признаніямъ Поджіо весьма подходитъ письмо полковника Булатова. Это все, что осталось отъ него въ дѣлѣ.

Въ письмѣ *Булатова*--вся его несложная біографія, характеристика и степень участія въ заговорѣ. Все здѣсь отлилось.

Но прежде всего обратимъ вниманіе на одно важное обстоятельство. Г. Титовъ, сообщаетъ со словъ брата Булатова, слышанныхъ имъ въ 1873 году, о степени участія Булатова въ заговорѣ. Братъ сообщилъ г. Титову, что будто бы еще въ 1823 году отецъ ихъ замѣтилъ въ старшемъ братѣ отношеніе его къ Тайному Обществу, и даже сообщаетъ, будто-бы въ сожженныхъ имъ передъ обыскомъ бумагахъ и письмахъ брата были письма: Пестеля, Рылѣева, Трубецкого, Шаховского и др.[1]). Но печатаемое письмо не внушаетъ никакого сомнѣнія въ искренности его автора и вообще весь разсказъ г. Титова изобилуетъ свѣдѣніями, явно противорѣчащими дѣйствительности. Изъ показаній другихъ декабристовъ выясняется объ участіи Булатова не болѣе того, что онъ самъ о себѣ сообщаетъ.

Булатовъ писалъ свое письмо уже, очевидно, съ мыслью о самоубійствѣ. Многія мѣста этого письма, писаннаго въ продолженіи нѣсколькихъ дней, съ несомнѣнностью указываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ душевно-больнымъ. Даже просьба о фельдшерѣ съ острою бритвой, говоритъ намъ объ этомъ. Булатовъ въ нѣсколько дней

[1]) „Русская Старина“, 1887, январь, стр. 205—216.

прошелъ сложный душевный процессъ. Для него было не легко стать въ ряды декабристовъ и еще тяжелѣе измѣнить имъ [1]). Онъ ненавидитъ императора и съ „черной душой“ является во дворецъ, но тутъ снова превращается въ вѣрноподданнаго. Когда императоръ удивился, что Булатовъ былъ въ числѣ заговорщиковъ, послѣдній съ своей стороны вѣразилъ удивленіе, что онъ видитъ передъ собою государя. — „Что это значитъ?“ спросилъ императоръ. — „Вчера я стоялъ 2 часа въ 20 шагахъ отъ вашего величества съ твердою рѣшимостью лишить васъ жизни, но каждый разъ, когда я брался за пистолетъ, я не имѣлъ духа“ [2]). Съ внѣшней стороны соучастіе Булатова въ заговорѣ является какъ бы печальнымъ недоразумѣніемъ. Но это далеко не такъ. Приведемъ сказанное нами о Булатовѣ въ другомъ мѣстѣ.

Булатовъ—храбрый солдатъ, пропитанный военною дисциплиною. Это человѣкъ безъ образованія, далекій отъ всякой политики, не разбиравшійся въ либеральныхъ идеяхъ. Прямота его души поразительна. Онъ случайно оказался въ Петербургѣ, когда начиналась революція, случайно встрѣтился одинъ—другой разъ съ Рылѣевымъ въ театрѣ и также случайно для себя попалъ на квартиру къ Рылѣеву. Сути заговора онъ не понималъ, да видимо некогда было Рылѣеву его и посвящать. Для Булатова было ясно одно, что заговоръ можетъ послужить для пользы отечества. Однако, какая именно польза будетъ отечеству, если перемѣнится правленіе, Булатовъ, повидимому, не могъ себѣ уяснить до конца своихъ печальныхъ дней. Несмотря на непониманіе, въ чемъ будетъ польза отечества, Булатовъ однако согласился дѣйствовать потому, что онъ „горѣлъ“ къ пользѣ отечества, и можно найти причину, которая подсказывала его простому солдатскому уму необходимость дѣйствовать. Если будущая польза отечества для него была не ясна, то за то вредъ, причиненный тому же отечеству Аракчеевскимъ режимомъ для Булатова былъ вполнѣ очевиденъ. Въ своемъ предсмертномъ письмѣ къ вел. кн. Михаилу Павловичу онъ обрисовалъ печальныя стороны предшествующаго царствованія. Это письмо представляетъ собою

---

[1]) Напомнимъ, что капитанъ Богдановичъ, мучимый угрызеніемъ совѣсти за свое бездѣйствіе, застрѣлился въ ночь съ 14 на 15. Розенъ Записки, 51.

[2]) Розенъ, Записки, стр. 52; ср. письмо Воейкова къ кн. Волконской, Русскій Архивъ, 1899, кн. 2-я, 292.

большой интересъ, потому что въ немъ отлилась вся горечь негодованія человѣка честнаго, любящаго свое отечество, но совершенно не подготовленнаго къ сужденіямъ о государственныхъ вопросахъ. Наблюденіе надъ жизнью оставило въ душѣ Булатова горькій осадокъ; разумѣется, эта накипь касается тѣхъ вопросовъ, которые были доступны его не широкому кругозору. И Булатовъ раскрылъ ту же картину, которая намъ знакома по критикѣ ряда декабристовъ [1]).

Булатовъ не вынесъ душевныхъ терзаній и разбилъ себѣ голову о стѣну, 18 января 1826 года [2]).

Письмо *М. И. Муравьева-Апостола* представляетъ собою любопытную страницу изъ интимной жизни Тайнаго Общества. М. И. пользовался большими симпатіями со стороны сотоварищей. Онъ постоянно хлопоталъ по дѣламъ Общества. Съ половины 1823 года онъ поселяется въ Петербургѣ, по выходѣ своемъ въ отставку, исключительно съ цѣлью возбудить сѣверныхъ членовъ къ бо́льшей дѣятельности. Это ему и другимъ членамъ Ю. Общества удается сдѣлать. Среди сѣверныхъ членовъ онъ распространяетъ мысли, принятыя въ Ю. Обществѣ и старается поддержать престижъ Пестеля. Но иногда въ него закрадываются сомнѣнія, начинается душевный разладъ; результатомъ такого момента и является печатаемое письмо его къ брату.

Интересенъ моментъ, когда это письмо написано. М. Муравьевъ жилъ въ теченіе цѣлаго года въ Петербургѣ (съ осени 1823 г.) съ цѣлью воздѣйствовать на членовъ Сѣвернаго Общества. За это время въ Петербургъ пріѣзжали изъ Тульчина кн. Барятинскій, Давыдовъ, Волконскій (послѣдній даже два раза). Цѣль всѣхъ пріѣздовъ была одна: побудить Сѣверное Общество къ большей дѣятельности и достигнуть сліянія обоихъ обществъ при условіи принятія Сѣвернымъ плана Южнаго, т. е. введенія республики и цареубійства. М. Муравьевъ усердно хлопоталъ въ этихъ видахъ. Южнымъ членамъ удалась ихъ миссія на половину: Сѣверное Общество начало быстро развиваться, но соединеніе обоихъ обществъ не произошло. Наконецъ, пріѣхалъ самъ Пестель въ Петербургъ. Мы уже знаемъ, что и его переговоры не окончились сліяніемъ обществъ. Письмо М. Муравьева

---

[1]) Давнаръ-Запольскій, Идеалы декабристовъ, стр. 249—251.
[2]) Русская Старина, 1887, январь, 218.

написано подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ переговоровъ самого Пестеля съ Сѣверной Думой... Такъ впечатлительный М. Муравьевъ кончилъ свою миссію въ Петербургѣ. Онъ тогда же уѣхалъ изъ Петербурга, чѣмъ весьма былъ недоволенъ Пестель. Но охлажденіе, разочарованіе М. Муравьева относилось не къ дѣлу, а къ лицу. Вмѣстѣ съ своимъ братомъ Сергѣемъ онъ продолжалъ и въ 1825 г. дѣятельно готовить революцію и оба брата смѣло подняли знамя возстанія подъ Васильковомъ.

Признанія Бобрищева-Пушкина не нуждаются въ особыхъ комментаріяхъ. Это молодой офицеръ, мало знавшій о дѣлахъ Общества. Между тѣмъ Комиссія настойчиво требуетъ признаній и подробностей, и Бобрищевъ-Пушкинъ вспоминаетъ мельчайшіе факты изъ своей, небогатой ими, жизни, и излагаетъ ихъ. Онъ вспоминаетъ мельчайшіе случаи своихъ разговоровъ съ Пестелемъ и старается, на случай контръ-показаній, дать свои отвѣты. Эти признанія имѣли бы небольшой интересъ, если-бы они не обрисовывали двоякаго рода обстоятельствъ: это во первыхъ, исторіи бумагъ Пестеля и во вторыхъ жизни Тульчинскаго Общества. Мы хорошо знаемъ, какъ жили и что думали наиболѣе видные изъ декабристовъ. Признанія Бобрищева-Пушкина рисуютъ намъ характеръ умственныхъ запросовъ рядовыхъ членовъ Общества.

Думается, что и признанія Трубецкого не нуждаются въ поясненіяхъ. Объ участіи его въ Тайномъ Обществѣ мы помѣщаемъ сводную записку, находящуюся въ дѣлѣ; это—его біографія, составленная на основаніи его же показаній и др. Признанія Трубецкого весьма обильны по отношенію къ себѣ и другимъ. Онъ заплатилъ ими за сохраненіе своей жизни. Оставимъ въ сторонѣ личныя его качества, но замѣтимъ только, что его признанія весьма цѣнны для исторіи тайныхъ обществъ.

Сдѣлаемъ еще одно только замѣчаніе. Для Трубецкого и другихъ дѣятелей 14 ноября есть одно обстоятельство, оправдывающее ихъ нерѣшительность: неуспѣхъ возстанія былъ очевиденъ, и если декабристы выступили на Сенатскую площадь, то это былъ актъ самопожертвованія. Надо было заявить протесть, надо было хотя бы и цѣною пролитой крови обратить вниманіе самодержавнаго правительства на весь ужасъ положенія, создавшагося Аракчеевскимъ

режимомъ. Не даромъ А. Бестужевъ, со свойственной ему беззаботностью, говорилъ, что возстать надо „для исторіи“.

Исторія оцѣнила тѣ высокія гражданскія побужденія, подъ вліяніемъ которыхъ вступили декабристы въ борьбу съ правительствомъ.

М. Д-З.

Библіотека Рязанскаго Потребительскаго Общества

М. Ѳ. Орловъ.

I.

Записка о тайномъ обществѣ генералъ-маіора Орлова.

ВСТУПЛЕНІЕ.

По словамъ генералъ-адъютантовъ Бенкендорфа и Левашева и по собственнымъ всемилостивѣйшимъ изреченіямъ его импер. величества, я чувствую въ полной силѣ обязанность, на меня возложенную, и постараюсь за довѣренность платить искренностью. Я готовъ говорить правду и всю правду; но ежели положеніе, въ коемъ я находился, воспретитъ мнѣ пояснить совершенно обстоятельства мало мнѣ извѣстныя, я надѣюсь, что правосудіе его импер. величества не допуститъ, чтобъ приписали недовѣрчивости то, что принадлежитъ одному незнанію.

Я не удивлюсь, ежели многіе изъ членовъ Общества, находящіеся теперь въ рукахъ правительства, будутъ отвѣчать основательнѣе и удовлетворительнѣе меня. Это проистекаетъ изъ самаго существа обстоятельствъ. Тайное Общество было ихъ единственнымъ занятіемъ; для нихъ ничего скрытнаго не было; они знали всѣ установленія онаго; они участвовали во всѣхъ засѣданіяхъ. Я же, напротивъ того, знаю только то, что могъ узнать вскользь, намеками, полудовѣріями, догадками въ то время, когда они старались меня привлечь къ себѣ. Съ другой стороны, свиданія мои съ членами были очень рѣдки, что въ своемъ мѣстѣ и изъяснится, и наконецъ сдѣлались весьма сухи, ибо покушенія ихъ на приглашеніе меня въ общество сдѣлались мнѣ несносными. Къ сему надобно прибавить, что со дня ихъ соединенія до дня ареста дѣла Общества были имъ жизнью, а я занимался совсѣмъ посторонними предметами и доведенъ былъ до того, что одно имя тайнаго общества наносило мнѣ уныніе и тоску.

Для лучшаго разсмотрѣнія я раздѣляю сіе показаніе на 4 части, коихъ содержаніе есть слѣдующее:

Часть 1. О первомъ обществѣ или о Союзѣ Благоденствія.

Часть 2. О второмъ обществѣ, коего имени не знаю, до моего выѣзда изъ Кіева въ 1825 г.

Часть 3. О событіяхъ въ Москвѣ до моего ареста.

Часть 4. Заключенія мои и розысканія, есть ли отрасли и связи Общества здѣсь въ столицѣ, въ Польшѣ и въ чужихъ краяхъ.

Приступаю теперь къ самому существу дѣла со всею откровенностью, съ усерднѣйшимъ желаніемъ исполнить волю его императорскаго величества и оказать услугу отечеству.

Часть первая.

О первомъ обществѣ или о Союзѣ Благоденствія.

1. Я возвратился изъ чужихъ краевъ 1814 года увѣренный, что Тугендъ-Бундъ было одно изъ дѣятельнѣйшихъ средствъ, употребленныхъ для спасенія Пруссіи и Германіи, и вознамѣрился сдѣлать тайное общество, составленное изъ самыхъ честныхъ людей, для сопротивленія лихоимству и другимъ безпорядкамъ, кои слишкомъ часто обличаются во внутреннемъ управленіи Россіи. Я взошелъ въ переписку съ графомъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ по сему предмету и, установивъ нѣсколько мыслей между нами, мы готовили общій планъ, который хотѣли предложить на утвержденіе его император. величества, надѣясь, что государь, также какъ его велич. король прусскій для Тугендъ-Бунда, возьметъ насъ подъ свое покровительство. Сія странная мысль, внушенная однакоже чистымъ желаніемъ добра, не долго насъ занимала, ибо другія обстоятельства возникли.

2. Государь изволилъ отправиться въ Вѣну, и вскорѣ разнеслись слухи о возстановленіи Польши. Сія вѣсть горестно меня поразила, ибо я всегда почиталъ, что сіе возстановленіе будетъ истиннымъ несчастіемъ для Россіи. Я тогда же написалъ почтительное, но, по моему мнѣнію, довольно сильное письмо къ его император. величеству. Но сіе письмо, извѣстное генер.-адъютанту Васильчикову, у меня пропало еще не совсѣмъ докончennымъ, и свѣдѣніе объ ономъ, дошедши до государя, онъ долго изволилъ на меня гнѣваться.

3. Обстоятельства 1815 года и пребываніе мое въ Парижѣ большую часть 1816 года не позволили мнѣ заниматься сими предметами до самаго возвращенія въ Россію. Тогда предубѣжденный будучи, что возстановленіе Польши не могло столь сильно быть поддерживаемо русскимъ правленіемъ безъ вліянія польскаго тайна-

го общества надъ намѣреніями и волею государя, я вознамѣрился къ первому моему предмету присоединить и другой, то есть: противупоставить польскому—русское тайное общество. Изъ сего видно, что планъ онаго уже предложеннымъ на Высочайшее утвержденіе быть не могъ. Симъ занимался я конецъ 1816 г. и начало 1817 г., но ни намѣреніе мое, ни трудъ мой къ концу приведены не были и все осталось безъ исполненія.

4. Стараясь приклонить къ намѣреніямъ моимъ молодыхъ людей, я говорилъ о семъ бывшему правителю канцеляріи малороссійскаго генералъ-губернатора Новикову, или Александру Муравьеву. Одинъ изъ нихъ, не помню кто, открылъ мнѣ, что уже тайное общество, составленное по большей части изъ молодыхъ офицеровъ гвардіи, уже составлено и сіе открытіе заставило бросить всѣ мои прежнія сочиненія. Онъ предложилъ мнѣ взойти въ общество; но когда я требовалъ, чтобъ сказалъ имена, съ коими буду въ сообщничествѣ, то онъ отвѣчалъ, что сихъ именъ не скажетъ, ибо будучи всѣ молодые люди, они не вселятъ во мнѣ никакой довѣренности. Онъ однакоже не отказался изъяснить мнѣ общій планъ, который тогда состоялъ въ слѣдующемъ:

5. Общество состояло изъ трехъ степеней: *другъ*, *братъ* и *мужъ*. *Другомъ* почитался всякій человѣкъ, имѣющій свободный образъ мыслей (liberal), знающій или незнающій о существованіи Общества. Слѣдственно: *другомъ* и внесеннымъ на ихъ регистръ могъ быть всякій, кто бы онъ ни былъ и совершенно безъ вѣдома, ни согласія.—*Братомъ* назывался тотъ, кто далъ клятвенную обязанность на свою вѣрность, но коему тайна общества не была открыта. —*Мужемъ* нарѣченъ былъ тотъ, кто зналъ тайну и далъ клятву.— Тогда я никакой обязанности не далъ, но полагаю, что былъ внесенъ въ табель *другомъ*.

6. Послѣ моего отъѣзда изъ Петербурга я занялся ввѣренными мнѣ дѣлами и совсѣмъ потерялъ изъ виду сіе общество. Вскорѣ потомъ оно преобразовалось безъ моего вѣдома и содѣйствія и приняло имя *Союза Благоденствія*. Уставъ ихъ рукописный былъ переплетенъ въ зеленый переплетъ отъ чего и произошло названіе союза Зеленой Книжки. Сей уставъ, который читанъ мною гораздо позже и только одинъ разъ и котораго въ рукахъ и въ собственности никогда не имѣлъ, былъ написанъ, сколько упомню, тяжело и несвязно. Онъ заключалъ въ себѣ много филантропическихъ мыслей такихъ, какихъ можно найти во всякой книгѣ и былъ почти

весь выписанъ изъ устава Тугендъ-Бунда. Члены сего общества были всѣ свободномыслящіе молодые люди, старающіеся распространять свои теоріи, но едва-ли имѣющіе какую либо мысль о переворотѣ. Они были болѣе нѣмецкіе идеологи, чѣмъ французскіе якобинцы. Изысканіе средствъ для освобожденія крестьянъ, статистическія свѣдѣнія о Россіи, народное образованіе, изученіе конституціональнаго права всѣхъ другихъ народовъ составляли ихъ занятія. Противодѣйствія правительству, кажется, не было, ибо правительство само шло тогда почти тою же дорогою. По крайней мѣрѣ я, отдаленный отъ круга дѣйствія, такъ могъ понимать сіе общество. Впрочемъ, связь членовъ и уставъ были весьма слабы. Одна только сильная мысль взята была изъ учрежденія иллюминатовъ и вотъ въ чемъ она состояла.—Всякій членъ, начиная съ самаго перваго, имѣлъ право выбрать и принять только двухъ членовъ, изъ коихъ каждый имѣлъ такое же право. Изъ сего слѣдуетъ, что на первомъ твердомъ человѣкѣ, который вознамѣрится взять на себя всю отвѣтственность и сказаться начальникомъ, вся цѣпь розысковъ прерывается. Это правило давало обществу силу возрожденія послѣ всѣхъ гоненій, но препятствовала сильному движенію умовъ, ибо самые способные, какъ самые ничтожные члены болѣе двухъ принятій сдѣлать не могли. Но и сіе правило только принято было на бумагѣ, а въ дѣйствіе никогда не приводилось. Желаніе говорить и имѣть участіе въ общемъ дѣйствіи скоро познакомило всѣхъ членовъ и составило общую массу или кучу, не имѣющую ни истиннаго предмета, ниже начальства. Вся цѣль сего Общества была въ умноженіи членовъ и подговорѣ молодыхъ людей, кои болѣе отличались образованностію. Самое сильное дѣйствіе Общества кажется было въ Москвѣ во время пребыванія *двора* и все волненіе происходило отъ того, что Александръ Муравьевъ былъ арестованъ. Послѣ онъ вышелъ изъ Общества и болѣе я уже о немъ не слыхалъ.

7. Во время моего пребыванія въ Кіевѣ начальникомъ штаба 4-го корпуса, я болѣе нежели когда нибудь былъ приверженъ свободнымъ мыслямъ, тѣмъ болѣе, что рѣчь покойнаго государя на первомъ сеймѣ польскомъ возбудила во мнѣ и рвеніе и упованіе. Я тогда въ полномъ смыслѣ слѣдовалъ правилу его императорскаго величества, ненавидѣлъ преступленія и любилъ правила французской революціи [1]). Сей духъ свободомыслія, управляющій всею моею пере-

[1]) „Il faut distinguer les crimes des principes de la révolution française". Paroles de Sa Majesté l'Empereur, prononceés du haut du trône à l'ouverture de la première Diète de Pologne.

пискою и всѣми моими рѣчьми, поддерживалъ довѣренность Общества, которому я еще не принадлежалъ. Тогда я познакомился съ нѣкоторыми членами, а именно: съ *Михаиломъ Фонъ-Визинымъ*, съ *Охотниковымъ* и съ *Пестелемъ*. Что же касается до *Астафьева*, который командовалъ Екатеринбургскимъ пѣхотнымъ полкомъ и принадлежалъ къ 4-му корпусу, я его совсѣмъ не зналъ и членомъ не почиталъ. Само собою разумѣется, что не будучи членомъ Общества до самаго моего выѣзда изъ Кіева, я никого въ общество принять не могъ.

8. Проѣзжающіе чрезъ Кіевъ члены, о коихъ я выше упомянулъ, извѣстили меня о преобразованіи перваго общества въ Союзъ Благоденствія, о существованіи новаго устава или Зеленой Книжки и назвали нѣсколько именъ.

9. Въ 1820 году назначенъ я былъ начальникомъ 16-й пѣхотной дивизіи. Проѣзжая чрезъ Тульчинъ, Фонъ-Визинъ, Пестель и Юшневскій, котораго я тутъ въ первый разъ увидѣлъ, настоятельно просили меня, чтобъ я взошелъ въ общество и наконецъ, видя мое упорство, сказали *что зная всѣ ихъ тайны и имена многихъ, не великодушно мнѣ не раздѣлять ихъ опасности*. Я подался на сію причину и подписалъ обязательство. Такъ я взошелъ въ сей Союзъ Благоденствія въ іюлѣ или въ августѣ мѣсяцѣ 1820 года. Тутъ я прочиталъ также и уставъ, который обѣщанъ былъ мнѣ въ копіи, но никогда не присланъ. Я особаго порученія, ни занятія никакого не получилъ.

10. Пріѣхавши въ Кишиневъ, я нашелъ тамъ Охотникова и вскорѣ потомъ явился ко мнѣ маіоръ Раевскій (тогда еще капитанъ), который далъ мнѣ знать, что онъ также членъ Общества. Сіи два офицера были мнѣ очень полезны, чтобъ открывать злоупотребленія по дивизіи, а особливо во всемъ томъ, что касается до благосостоянія солдатъ. Я нашелъ еще полковника Непенина, также члена общества, посвященнаго Пестелемъ, и который тому ни душей, ни тѣломъ не виноватъ. Другихъ членовъ общества въ дивизіи не было ни одного, кромѣ сихъ трехъ и во все время моего командованія не прибавилось.

11. Въ концѣ 1820 года я поѣхалъ въ отпускъ сперва въ Кіевъ, а потомъ въ Москву. Тамъ я нашелъ собраніе нѣкоторыхъ членовъ, а именно: Фонъ-Визиновъ обоихъ, Михаила и Ивана, Охотникова, Граббе, Бурцева и Тургенева. Въ Москву я прибылъ въ началѣ 1821 года. Кажется мнѣ, что проѣздомъ чрезъ мѣстечко Каменку, я по-

знакомилъ Охотникова съ Василіемъ Давыдовымъ, который тогда же и былъ принятъ въ общество. Это одинъ членъ, коего я уговорилъ и къ принятію коего способствовалъ. Изъ сего видно, что отъѣзжая изъ Кишинева, я еще не имѣлъ твердаго намѣренія оставить общество. Оно родилось во мнѣ послѣ и было непоколебимо.

12. Собранные въ Москвѣ члены должны были заняться преобразованіемъ общества, ибо всѣ чувствовали, что въ немъ нѣтъ никакой связи. Они пригласили и меня быть ихъ сотрудникомъ. Мы имѣли только два засѣданія. Въ первомъ ничего опредѣлительнаго не положили, а во второмъ я совершенно отъ всего отказался и объявилъ, что болѣе членомъ быть не хочу. На другой день они съѣхались ко мнѣ меня уговаривать, но все было тщетно и мы разстались очень сухо. Съ тѣхъ поръ я не видѣлъ многихъ изъ нихъ и съ ними нигдѣ не встрѣчался, а именно: Тургенева, Ивана Фонъ-Визина и Граббе.

13. Вскорѣ потомъ я отправился въ Кіевъ, куда пріѣхалъ и Бурцевъ. Онъ мнѣ объявилъ, что общество разрушилось послѣ моего отъѣзда и поставило послѣднимъ своимъ дѣйствіемъ уничтожить всѣ акты и бумаги, кои, впрочемъ, ни въ чемъ другомъ не состояли, какъ въ копіяхъ устава и въ роспискахъ, данныхъ членами при ихъ принятіи. Была также какая-то скудная касса, не знаю въ чьемъ вѣдѣніи и что изъ нея сдѣлалось. Послѣ Бурцева пріѣхалъ и Охотниковъ, который тоже самое мнѣ подтвердилъ. Охотниковъ былъ со мной совершенно откровененъ и словамъ его я могъ вѣрить.

14. Такъ кончилось первое Общество, къ которому я принадлежалъ, въ чемъ и сознаюсь. Общество сіе было самое слабое и ничего предпринять не могло. Члены онаго, разсѣянные по всей Имперіи, безъ связи, безъ способовъ сношенія, безъ положительной цѣли собираясь изрѣдка, чтобъ обмѣнять пару свободныхъ словъ, не имѣя другаго дѣйствія, кромѣ распространенія своего числа членовъ; но и тутъ, не находя людей ихъ понимающихъ, послѣ трехъ лѣтняго труда едва могли дойти до 70 или 80 человѣкъ, изъ коихъ болѣе половины носили только одно имя члена. Я же въ семъ Обществѣ былъ не болѣе 5-ти мѣсяцевъ, и выходъ сей былъ довольно счастливъ, ибо за онымъ воспослѣдовало разрушеніе Общества.

Часть вторая.

О второмъ обществѣ, коего имени не знаю, до выѣзда моего изъ Кіева 1825 года.

15. Весь 1821 годъ стоялъ я вооруженный на границѣ турецкой и не имѣлъ ни времени, ни охоты входить ни въ какія сношенія; впрочемъ, и сихъ сношеній нигдѣ не существовало. Члены разрушеннаго общества, находящіеся въ 16-й дивизіи, Непенинъ, Охотниковъ и маіоръ Раевскій, всѣ извѣщены были о разрушеніи союза и никакого дѣйствія не предпринимали. Но Раевскій еще прежде во время существованія общества дѣлалъ нѣсколько попытокъ, чтобъ уговорить нѣкоторыхъ офицеровъ 32-го Егерскаго полка. Всѣ его труды оставались тщетными, но память словъ его сохранилась, и когда ненависть ко мнѣ генерала Сабанѣева воспользовалась моимъ отсутствіемъ и началось слѣдствіе, то явились разные доносы на маіора Раевскаго. Все сіе описано подробно въ судебномъ его дѣлѣ, которое давно препровождено въ аудиторіатскій департаментъ. Но попытки, сдѣланныя Раевскимъ, были не полны и отстояли цѣлымъ годомъ отъ времени доносовъ, а тѣ, кои доносили, сами не разумѣли, о чемъ доносятъ. Вотъ почему все сіе слѣдственное и судебное дѣло осталось совершенно темнымъ. Я же, съ моей стороны, зная что Общество разрушено, былъ спокоенъ, но не далъ моей защитѣ той твердости, которую бы далъ, ежели бъ не опасался, что разрушенное Общество будетъ открыто. Я принялъ на себя всѣ неудовольствія и рѣшился терпѣть, хотя по всему существу дѣла совершенно былъ правъ. Такъ я наказанъ былъ лишеніемъ дивизіи, прекращеніемъ дальнѣйшихъ видовъ службы, гнѣвомъ покойнаго государя и четырехъ лѣтнимъ нахожденіемъ въ подозрѣніи за прежнее мое вступленіе въ Союзъ Благоденствія.

16. Весь 1822 годъ дѣло сіе тянулось. Я жилъ въ Кіевѣ и ѣздилъ въ Крымъ на нѣсколько мѣсяцевъ. О возрожденіи Общества ничего не слыхалъ и, кажется, не было. Въ сей годъ я познакомился съ Сергѣемъ Муравьевымъ и съ Бестужевымъ. Сего Бестужева съ здѣшними смѣшивать не должно. Это совершенно особенное лицо, котораго всѣ считаютъ безтолковымъ и котораго одинъ Муравьевъ превозноситъ геніемъ.

17. Въ началѣ 1823 года я узналъ чрезъ Сергѣя Муравьева, сколько упомнить могу, что 7 или 10 членовъ прежняго Союза поклялись опять соединиться и дѣйствовать въ прежнемъ смыслѣ. Именъ сихъ членовъ я не знаю, но Трубецкой и Никита Муравьевъ были въ числѣ оныхъ. Сергѣй Муравьевъ и братъ его Матвѣй еще ни къ чему не принадлежали. Они всячески старались вовлечь меня и предлагали сдѣлать особое общество подъ моимъ начальствомъ. Они также уговаривали Александра Раевскаго, брата моего, но видѣвши неуспѣхъ въ семъ предпріятіи, равно съ моей стороны какъ со стороны брата, они бросились къ Пестелю, который тогда же на югѣ старался собрать нѣсколько членовъ и трудился надъ преобразованіемъ.

18. Едва Общество возымѣло новое существованіе въ семъ 1823 году, какъ начались мои пытки и ихъ стараніе привлечь меня въ оное. На сіе употребленъ былъ Пестель, который хотѣлъ и не хотѣлъ, опасаясь чтобъ мое вліяніе не уничтожило его собственнаго. Потомъ препоручено было сіе Василію Давыдову, тогда уже моему дядѣ, и Сергѣю Волконскому, кои отъ всей души и думая приглашеніемъ моимъ принести величайшую пользу и мнѣ, и Обществу, и самому отечеству, нѣсколько разъ и съ усиліемъ старались меня склонить. Впрочемъ, по той же самой причинѣ, что они были близки со мною, кажется, положили себѣ правиломъ никакихъ тайнъ мнѣ не открывать до тѣхъ поръ, пока взойду въ Общество. Это понимается: ибо положеніе ихъ съ прочими членами было деликатно.

19. Для обольщенія меня были употреблены разныя средства. 1-е заклинаніе дружбы и все, что можно только исполнить посредствомъ просьбъ и уговоровъ. 2-е самолюбіе, напоминая, что я первый въ Россіи говорилъ языкомъ свободомыслія, и что они безъ меня, какъ тѣло безъ души. 3-е любовь къ отечеству, говоря, что Россія стоитъ на краю пропасти, что надобно всѣмъ честнымъ людямъ имѣть тѣсную связь, дабы при случаѣ раздался отечественный отголосокъ. 4-е честолюбіемъ, и для сего устроили такъ общество, чтобъ мнѣ можно было принять мѣсто начальника, а именно: они раздѣлились на 2 части; одна въ Петербургѣ подъ начальствомъ, кажется, Трубецкаго и Никиты Муравьева, а другая на югѣ подъ начальствомъ Юшневскаго и Пестеля. Мѣсто же общаго начальника предлагали мнѣ, и сіе обстоятельство есть единственное положительное понятіе, данное мнѣ объ обществѣ. Когда же увидѣли они, что никоторое изъ сихъ средствъ не можетъ поколебать твердаго моего на-

мѣренія, то начались укоризны, и я вдругъ очутился въ опалѣ. Тогда распустили слухъ, что я совершенно перемѣнился, что женитьба отклонила меня отъ всѣхъ благородныхъ мыслей, что я нахожусь въ зависимости у брата Александра Раевскаго, котораго почитали себѣ врагомъ и по дѣлу. Тогда всѣ мои мысли, мнѣнія, теоріи казались слабыми, робкими, принужденными и проч. Само собою разумѣется, что всякая довѣренность исчезли въ концѣ сего 1823 года и едва ли съ нѣкоторыми изъ нихъ, какъ то: съ Давыдовымъ и Волконскимъ остались нѣкоторыя сношенія дружескія.

20. Въ таковомъ положеніи мнѣ тайнъ общества знать было невозможно. Существованіе онаго было извѣстно, ибо безъ того нельзя было и приглашать меня въ оное. Одно изъ положеній, то-есть раздѣленіе на 2 части или отрасли также мнѣ было довѣрено; но другихъ тайнъ я никакихъ не зналъ, кромѣ того, что могъ извлечь изъ общихъ разговоровъ на счетъ политическихъ предметовъ. Тогда замѣтилъ я въ теоріяхъ ихъ и въ духѣ большую перемѣну. Напримѣръ: книга Destutt de Tracy Commentaire sur l'Esprit des Loix была для нихъ высшей степенью премудрости; конституція англинская казалась имъ чрезвычайно тяжкою для народа и согласованною съ пользою одной аристократіи; французская хартія была для нихъ ничто иное, какъ лоскутокъ бумаги, безполезный для гражданъ; но за то американскій федерализмъ, гишпанскія происшествія, неаполитанская революція играли большую ролю во всѣхъ ихъ разговорахъ. Они, казалось, отвергали силу обстоятельствъ и постепенность дарованныхъ правъ, а руководствовались одною только умозрительною теоріею, не признавающую никакихъ оттѣнковъ въ различіи нравовъ и обычаевъ народныхъ. Я помню еще, какъ они всѣ на меня возстали за то, что я сказалъ, что Piero (Riégo) былъ дуракъ и что его нечего жалѣть. Это было за обѣдомъ, гдѣ также было много и и постороннихъ людей. Ибо все, что я теперь сказалъ, не говорилось наединѣ и подъ видомъ тайны, но публично въ общихъ разговорахъ, на улицѣ, въ театрѣ, словомъ вездѣ. Такъ что вскорѣ, замѣтивъ ихъ заносчивость, я прекратилъ всѣ съ ними споры, ибо не было ни одной мысли, схожей между нами. Ежелибъ правительство имѣло одного только умнаго наблюдателя въ томъ краѣ, то оно могло бы по симъ однимъ примѣтамъ опредѣлить, кто принадлежитъ или ни принадлежитъ обществу.

21. Показавъ какъ я отдѣлился отъ нихъ не только отказомъ вступить въ общество, но и самымъ образомъ мыслей, покажу еще,

что встрѣчи наши были очень рѣдки. Въ Кіевѣ не было ни одного члена, тамъ обитающаго. Фурнье, на котораго пали также подозрѣнія, совершенно невиненъ и съ ними не велъ ни малѣйшаго знакомства и едва ли знаетъ о существованіи общества. Около Кіева жили Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ, странная чета, которая цѣлый годъ другъ друга хвалила наединѣ; но Бестужевъ съ самаго начала такъ много надѣлалъ вздору и непристойностей, что его никто къ себѣ не принималъ, а Муравьевъ, обиженный за своего друга, пересталъ ѣздить и даже кланяться. Волконскій жилъ въ Умани и рѣдко ѣздилъ. Василій Давыдовъ пріѣзжалъ на контракты и занимался дѣлами. Юшневскій ѣздилъ на торги и лишней минуты не имѣлъ. Повало-Швейковскаго, Тизенгаузена, Барятинскаго я видѣлъ раза четыре во весь мой вѣкъ. Пестель пріѣзжалъ также къ контрактамъ и во все время едва одинъ разъ ко мнѣ заѣдетъ. Я же съ моей стороны къ нимъ никогда не ѣздилъ, кромѣ къ Волконскому, когда онъ уже женился, и къ Василію Давыдову проѣздомъ въ Одессу. Трудно ли послѣ сего повѣрить, что наши свиданія были весьма рѣдки и становились еще рѣже отъ времени до времени. Другихъ же членовъ Общества, пріѣзжавшихъ въ Кіевъ, я не припомню.

22. Весь 1824 годъ былъ для меня спокоенъ и я казался избавленнымъ отъ ихъ преслѣдованій. Одно только обстоятельство здѣсь помѣщу. Въ началѣ сего года вдругъ входитъ ко мнѣ Бестужевъ и взявши въ сторону говоритъ: „Я сейчасъ видѣлся съ нѣкоторыми поляками и открылъ съ ними сношенія“. Я прервалъ его рѣчь и сказалъ ему: „Вы сдѣлали вздоръ и разрушили послѣднюю нить нашего знакомства. Вы не Русскій,—прощайте“. Онъ вышелъ, и вотъ единственное обстоятельство, по которому я могу судить, что Общество имѣетъ нѣкоторую связь съ поляками. Кто были сіи поляки, спросить не успѣлъ. Сдѣлалъ ли это Бестужевъ отъ собственнаго своего побужденія, или имѣлъ на то порученіе, также не знаю. Но увѣряю, что ежелибъ могъ что нибудь сказать, то готовъ всѣхъ поляковъ связанныхъ притащить на отвѣтъ. Впрочемъ, никто по сему предмету болѣе свѣдѣній дать не можетъ, какъ самъ Бестужевъ, Повало-Швейковскій и Тизенгаузенъ, кои всѣ расположены квартирами у поляковъ и съ ними въ тѣсной дружбѣ.

23. Въ 1825 году пріѣхалъ Трубецкой и какъ онъ сталъ часто меня посѣщать, то я, привыкшій къ пыткѣ и къ оборонѣ, думалъ, что онъ тоже станетъ меня склонять къ вступленію въ Общество, но онъ ничего не говорилъ кромѣ о общихъ предметахъ, и сіе меня

ни мало удивило. Потомъ я уже понялъ, что описаніе моего отпора дошло изъ Кіева въ Петербургъ и ежели всѣ бумаги членовъ захвачены, я надѣюсь, что въ нихъ самихъ найдутъ доказательство, что я къ Обществу не только не принадлежу, но въ смыслѣ ихъ и принадлежать не достоинъ. У Трубецкаго вскорѣ поселились почти безъ выходу Сергѣй и Матвѣй Муравьевы съ Бестужевымъ. Всякій разъ, что я пріѣду, то они обыкновенно встанутъ и выйдутъ въ другую комнату, дѣлая только самую необходимую вѣжливость не мнѣ, а мундиру моему. Вскорѣ потомъ я уѣхалъ на дачу, а оттуда въ Крымъ и въ Москву.

24. Но зачѣмъ не принадлежа обществу, будучи даже въ недружескомъ положеніи со многими членами онаго, видя, что всякій день заносчивость ихъ умножается, почему я о семъ не донесъ правительству?—Отвѣтъ на сей вопросъ довольно затруднителенъ, но постараюсь, сколь возможно, удовлетворить требованіе. Сперва замѣчу двѣ вещи. 1-ая, что ежели это преступленіе, то оно уже гораздо менѣе сообщничества и 2-ая, что сей вопросъ можетъ быть предложенъ тысячи другихъ лицъ, коимъ они съ обыкновенною своею опрометчивостію дѣлали, вѣроятно тоже предложеніе и получали тотъ же отказъ. Я не виновнѣе сихъ послѣднихъ; напротивъ того, мнѣ надобно было обороняться отъ дружескихъ нападеній, что всегда трудно и симъ я кажется болѣе заслужилъ похвалы, чѣмъ осужденія. Но приступаю къ самому вопросу.

Во первыхъ: Чтобы я донесъ?—Что существуетъ общество, но правительство неужели сего не знало? Какъ могъ я вообразить, видя ихъ неосторожность, ихъ запальчивость, зная что день ото дня правительство дѣлалось мнительнѣе, подозрѣвая, что не только ихъ поступки, но и мои всѣ записаны и извѣстны, какъ, говорю, могъ я вообразить, что всѣ ихъ дѣйствія, всѣ ихъ съѣзды, сношенія не совершенно извѣстны и какая мнѣ была нужда прибавлять мои донесенія ко всѣмъ свѣдѣніямъ, собраннымъ тайною полиціею?

Во вторыхъ: Я тайнъ ихъ не зналъ, не предполагалъ отнюдь, что они готовились къ дѣйствію. Доносить ли мнѣ было о ихъ разговорахъ публичныхъ? Но для сего есть опредѣленные люди. О ихъ метафизическо-политическихъ бредняхъ? Но сіе не стоитъ, или по крайней мѣрѣ тогда казалось мнѣ не стоющимъ никакого вниманія. Теперь легко сказать: „должно было донести“, ибо все извѣстно и преступленіе совершилось. Но тогда не позволительно ли мнѣ было по крайней мѣрѣ отложить на нѣкоторое время донесеніе? Но къ

несчастію ихъ, обстоятельства созрѣли прежде ихъ замысловъ и вотъ отъ чего они пропали. Я же ежелибъ и имѣлъ намѣреніе доносить, никакой непремѣнной нужды не видалъ спѣшить донесеніемъ, ибо они не въ состояніи были ничего предпринять при жизни покойнаго государя.

Въ третьихъ: Съ другой стороны, видя нелѣпость ихъ теоріи, запутанность ихъ мыслей и соображеній политическихъ, въ коихъ не было ни складу, ни ладу, зная ничтожное дѣйствіе прежняго мною разрушеннаго общества и что тѣ же почти члены составляютъ новое, не могъ ли я заключить, что чадъ ихъ переворотныхъ мыслей также разсѣется, какъ разсѣялся чадъ филантропическихъ порывовъ перваго общества? Что все обойдется безъ всякаго дѣйствія и кончится одними пустыми словами? Я ошибся, но сія ошибка тѣмъ болѣе мнѣ простительна, что я собственнымъ опытомъ зналъ, какъ трудно составить и какъ легко разрушить тайное общество въ Россіи.

Въ четвертыхъ: Но когда мнѣ было доносить? Съ самаго начала,—отвѣчаютъ мнѣ. А ежели я это и сдѣлалъ или хотѣлъ сдѣлать, но остановленъ былъ на первомъ шагу? Вотъ обстоятельство. Въ 1823 году я написалъ къ начальнику штаба письмо, съ коимъ самъ хотѣлъ явиться въ Тульчинъ, когда покойный государь осматривалъ 2-ю армію. Сіе письмо, касающееся до моего дѣла по дивизіи, кончалось сими словами: „Государь узнаетъ болѣе въ пол„часа разговора со мной, чѣмъ посредствомъ всѣхъ происковъ и „кружныхъ донесеній“. Къ несчастію узналъ я, доѣхавши за нѣсколько миль до Тульчина, что ежели туда пріѣду безъ спроса, буду неминуемо высланъ. Я послалъ копію онаго къ брату моему въ Петербургъ. Онъ читалъ ее генералъ-адъютанту Дибичу и письмо осталось безъ отвѣта. Я не говорю, чтобъ я точно и твердо намѣренъ былъ все открыть государю, но ежелибъ нашелъ отъ его императорскаго величества тотъ пріемъ, коего сердце мое и чувства были достойны, конечно бы не вытерпѣлъ и извѣстилъ его о существованіи тайнаго общества.

Въ пятыхъ: Послѣ сего мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ молчать. Меня перестали мучить, чтобъ я вступилъ въ Общество; я увѣренъ былъ, что рано или поздно ихъ собственная неосторожность должна ихъ погубить и что все дѣло ихъ кончится на однихъ только разсужденіяхъ и разговорахъ; я молчалъ. Пріѣздъ генерала Гертеля въ Кіевъ, гдѣ онъ основалъ главную квартиру своихъ розысковъ, еще болѣе мнѣ дало спокойствіе духа, и я истин-

но полагалъ, что сей послѣдній не имѣлъ другого предмета, какъ надзирать за дѣйствіями членовъ общества.

Вотъ причины моего молчанія. Прибавьте къ тому отвращеніе, которое каждый честный человѣкъ имѣетъ отъ доносовъ, существованіе въ союзѣ нѣкоторыхъ членовъ, коихъ любилъ, не взирая на ихъ мнѣнія и наконецъ мое собственное сомнительное положеніе, которое заставило бы думать, что я доношу не изъ любви къ отечеству и порядку, но изъ личныхъ выгодъ и вы найдете всѣ причины, кои заковали во мнѣ слово и удержали руку.

Передавая все сіе на разсужденіе, желаю только одного, чтобъ судили о моемъ поступкѣ ни съ нынѣшней точки зрѣнія, но перенесясь воображеніемъ въ то время, когда никакой замыселъ не могъ быть ни въ помышленіи зачинщиковъ, ни въ естественной возможности.

Часть третья.

О событіяхъ въ Москвѣ до моего ареста.

25. Пріѣхавши въ Москву около сентября, я велъ жизнь уединенную и занимался сочиненіемъ, которое намѣренъ былъ представить правительству. Я надѣюсь, что ежели начало онаго, находящееся въ забранныхъ у меня бумагахъ, удостоится возрѣнія его императорскаго величества, оно докажетъ, что правила мои далеки отъ всякаго мятежническаго покушенія. Конечно, это не есть доказательство существенное, но тѣ, кои занимались долгимъ трудомъ, надъ коимъ напряжены были всѣ силы ихъ ума, знаютъ, что не возможно писать одно и думать и чувствовать другое, особливо тогда, когда сочиненіе должно предствить нѣчто цѣлое въ основаніи и послѣдствіяхъ.

26. Кажется, въ октябрѣ пріѣзжалъ ко мнѣ Никита Муравьевъ. Вотъ существо нашего разговора, который, впрочемъ, былъ коротокъ.—Онъ мнѣ сказалъ, что я всѣми уважаемъ и что онъ увѣренъ, что я сохранилъ всѣ прежнія мои мысли. Я ему отвѣчалъ, что я все тотъ же, что и былъ. Онъ у меня спросилъ, не намѣренъ ли я опять просить дѣйствительной службы? Я ему отвѣчалъ, что обсто-

ятельства мнѣ сего не позволяютъ. Онъ мнѣ сказалъ, что обстоятельства общія дѣлаются всякій день смутнѣе, что государь намѣренъ поселить гвардію, что ежели къ сему приступятъ, гвардія взбунтуется, а ему отвѣчалъ, что ежели это и правда, что поселеніе будетъ дѣлиться по полкамъ и слѣдственно возмущенія быть не можетъ. Тутъ нашъ разговоръ былъ прерванъ и послѣ я его не видалъ до 8 ноября, въ который день, возвращаясь уже назадъ въ Москву, онъ у меня обѣдалъ со многими постороннимн людьми и говорено ничего не было.

27. Вскорѣ потомъ получилъ извѣстіе о кончинѣ государя и присягали цесаревичу Константину Павловичу. Все обошлось тихо и мирно.

28. Потомъ вдругъ по цѣлой Москвѣ раздался слухъ, что духовная покойнаго государя раздѣляетъ Россію на двѣ части, изъ коихъ одна подъ названіемъ Имперіи отходитъ къ его императорскому величеству, а другая, составленная изъ Королевства Польскаго, русско-польскихъ провинцій и Курляндіи, достается его императорскому высочеству Константину Павловичу, долженствующему принять на себя титулъ короля польскаго и чтобъ довершить еще прибавляли, что сія духовная утверждена подписью членовъ Священнаго Союза. Сіе извѣстіе поразило и меня и всякаго Русскаго, и въ первый разъ, можетъ быть, моей жизни я почувствовалъ, что присяга можетъ сдѣлаться бременемъ. Я тѣмъ болѣе сему обязанъ былъ вѣрить, что еще въ 1817 году самъ слышалъ отъ покойнаго государя, что раздѣленіе Польши противно чести и выгодамъ Россіи. Но тяжкое сіе положеніе не долго продолжалось. Вскорѣ узнали, что не только вѣсть сія несправедлива, но что завѣщаніе заключаетъ въ себѣ совсѣмъ противное расположеніе. Иные говорили, что этого быть не можетъ, ибо самъ нынѣ царствующій государь, присягалъ цесаревичу, и они были правы. Другіе же приписывали уничтоженіе сей мѣры благодѣтельному вліянію ея императорскаго величества императрицы Маріи Ѳеодоровны. Но всѣ радовались и благословляли судьбу, что отвратили отъ Россіи такое несчастіе. По всему кажется, что сія гибельная вѣсть не была выдумана и распущена нарочно бунтовщиками, ибо она однимъ разомъ разнеслась по цѣлому городу и была извѣстна начальникамъ столько же, сколь и простымъ гражданамъ. Однако не худо справиться, откуда сія вѣсть пришла, или изъ Петербурга

въ Москву, или изъ Москвы въ Петербургъ. Въ первомъ случаѣ подозрѣнія могутъ пасть на мятежниковъ.

29. 17 Декабря въ собраніи дворянства извѣстно было, что его императорское величество Николай Павловичъ вступилъ на престолъ. Говорили также о возмущеніи, о смерти генерала Милорадовича и потушеніи бунта. Я все это узналъ за обѣдомъ у графини Орловой, гдѣ я жилъ. Чрезъ нѣсколько часовъ всѣ сіи извѣстія подтвердились пріѣздомъ генералъ-адъютанта Комаровскаго и я тогда же сказалъ графинѣ и женѣ: „Вы увидите, что тутъ замѣшены кто-нибудь изъ моихъ старыхъ знакомыхъ и я отъ сего пострадаю“. Я отгадалъ. Вечеромъ пріѣхалъ Михаилъ Фонъ-Визинъ и показалъ письмо отъ 12 Декабря, писанное на имя мнѣ не извѣстное, кажется безъ подписи, но которое я приписываю *Пущину*. Я его едва пробѣжалъ и сжегъ собственными руками. Разговору не было почти никакого и мы разстались.

30. Содержаніе письма, сколько помню, есть слѣдующее: въ началѣ

Когда вы получите сіе письмо, все будетъ рѣшено. Изъ сего я заключаю, что уже 12 числа они были готовы къ дѣйствію и болѣе извѣщали о томъ, что предпринимаютъ, чѣмъ просили содѣйствія.

Мы всякій день вмѣстѣ у Трубецкого (или съ Трубецкимъ, не помню) *и много работаемъ*. Тутъ опредѣлено мѣсто, гдѣ было ихъ сходбище. Что же касается до работъ, то, кажется, въ письмѣ не сказано. Должно полагать, что они сочиняли или конституцію, или манифестъ, или что нибудь тому подобное.

Насъ здѣсь 60 членовъ. Вотъ число бунтовщиковъ, ими самими опредѣленное до 12 Декабря. Это число 60 я какъ будто вижу и теперь собственными глазами.

Мы увѣрены въ 1000 солдатахъ, коимъ внушено, что присяга, данная императору Константину Павловичу свято должна наблюдаться. За слова не ручаюсь; но смыслъ точно тотъ. Сіе доказываетъ, что солдаты были жертвами простаго обольщенія, для произведенія мятежа, коимъ можно бы было воспользоваться для дальнѣйшихъ предпріятей. Тутъ удивительно только то, какъ они могли рѣшиться съ такими скуднымм средствами; но слѣдующій параграфъ рѣшилъ сію задачу.

Случай удобенъ, ежели мы ничего не предпріимемъ, то заслуживаемъ во всей силѣ имя подлецовъ. Слѣдственно, вотъ и по-

будительная причина. Они такъ себя другъ друга настроили и взволновали, что воздержаться отъ преступленія имъ казалось почти преступленіемъ.

Во всемъ этомъ я не вижу, чтобъ бунтовщики были кѣмъ нибудь поддержаны, кромѣ собственныхъ своихъ страстей, разъяренныхъ до сумашествія. Но чтобъ доказать, что я говорю правду и ничего изъ того, что письмо содержало и что помню, не утаиваю, прибавлю, что при окончаніи было сказано: *покажите сіе письмо Михаилу Орлову.* Я чувствую, что сіи слова навлекаютъ на меня сильное подозрѣніе, но я ихъ нарочно помѣщаю, чтобъ они служили залогомъ искренности моей. Не щадя себя, кого буду щадить?

31. 18 декабря присягали его императорскому величеству государю Николаю Павловичу. Истина уже всѣмъ была извѣстна.

32. 19-го или 20-го по утру вдругъ явился ко мнѣ Ипполитъ Муравьевъ и сказалъ, что онъ привозилъ письмо отъ Трубецкого, въ которомъ онъ приглашалъ меня въ Петербургъ, но письмо имъ разорвано и сожжено.

33. Я чувствую, что сіе письмо Трубецкого есть самая та причина, по которой я получилъ повелѣніе пріѣхать въ Петербургъ и отдать отчетъ въ моемъ поведеніи, и что сопряженное съ тѣмъ письмомъ Пущина, о которомъ я самъ донесъ и на существованіе котораго не было никакихъ доказательствъ, мое обвиненіе пріемлетъ еще вящшую важность. Такъ я былъ приглашаемъ однимъ членомъ Общества къ пріѣзду, а другой препоручилъ меня извѣстить о томъ, что должно произойти. Но что это доказываетъ? Мою винность или ихъ заблужденіе?

Во первыхъ. Въ письмѣ Пущина сказано: *покажи Орлову.* Но этотъ самый Пущинъ, препоручающій меня извѣстить, былъ ли у меня при отъѣздѣ? Говорилъ-ли со мною? Далъ ли я ему или препорученіе или совѣтъ? Почему онъ знаетъ образъ моихъ мыслей? Какую могу я ему принести пользу? На что онъ считалъ? На содѣйствіе мое въ Москвѣ, но какія тамъ были у меня средства? На прибытіе мое въ Петербургъ, но онъ самъ сего не требуетъ? Сіи строки тѣмъ болѣе должны были меня удивить, что я и понятія о Пущинѣ никакого не имѣлъ, что я его никогда не видѣлъ, никогда съ нимъ не говорилъ.

Во вторыхъ. Письмо отъ 12 декабря и тамъ сказано, что они готовы къ дѣйствію и что 1000 солдатъ обольщены. Слѣдственно, и само дѣйствіе началось гораздо прежде. Зачѣмъ же, ежели я членъ

ихъ союза и сотрудникъ въ преступленіяхъ, зачѣмъ прежде меня ни о чемъ не извѣстили? Зачѣмъ не извѣстили меня ни о цѣли, ни о средствахъ, а только приглашаютъ къ одному исполненію? Заговоръ дѣлается, солдаты обольщаются, члены сочиняютъ манифесты, раздаютъ заблаговременно мѣста и почести, соображаютъ обстоятельства, назначаютъ жертвы, а мнѣ не даютъ ни малѣйшаго извѣстія. Отчего, ежели я дѣйствительно членъ ихъ общества, отчего я не получилъ ни малѣйшаго извѣстія отъ 27 ноября до 12 декабря?

Въ третьихъ. Но письмо Трубецкаго? Тотъ же самый отвѣтъ, что и на письмо Пущина, съ тѣмъ только прибавленіемъ, что Трубецкой зналъ меня и мои правила, и слѣдственно не отъ невѣдѣнія, но отъ умышленности хотѣлъ меня погубить. Одно изъ двухъ: или письмо было писано наобумъ, т. е. пріѣдетъ—хорошо, не пріѣдетъ—и безъ него обойдемся. Или съ намѣреніемъ мнѣ отомстить за то, что въ теченіе 4-хъ лѣтъ я совершенно отъ нихъ отдалился. Пусть прикажутъ разспросить Свистунова, какимъ онъ былъ подверженъ угрозамъ 13 декабря въ тотъ же день, какъ и мнѣ послано письмо Трубецкого.—Я сіе обстоятельство случайно узналъ, будучи уже подъ арестомъ отъ Московскаго оберъ-полиціймейстера.

Другаго разрѣшенія сей несчастной для меня задачи дать не могу и признаюсь, что сіе обстоятельство крѣпко бы меня огорчило и сокрушило бы сердце мое ежелибъ я не вспомнилъ, что когда я явился къ его императорскому величеству, послѣднее письмо было уже извѣстно государю и не возбранило ему принять меня отцемъ болѣе, чѣмъ судьею.

Часть четвертая.

Заключеніе.

34. Не имѣли ли члены сего Общества связи съ Поляками? Все, что знаю по сему предмету, объявлено въ 22 пунктѣ.

35. *Не имѣли-ли связи съ иностранными обществами?* Не знаю и не полагаю, развѣ чрезъ посредничество Поляковъ. Я помню, что давно уже мнѣ кто-то, только не членъ общества, сказывалъ, что будто его величество король Прусскій увѣдомлялъ покойнаго государя о перепискѣ русскихъ съ итальянскими карбонаріями, что сія

переписка была перехвачена въ Пруссіи. Но я думаю, что это касается болѣе до университета дерптскаго и студентовъ нѣмецкихъ, чѣмъ до сего общества. Болѣе ничего не знаю.

36. *Не имѣли-ли связи съ иностранными посланными?* Совершенно не знаю ничего.

37. *Не было ли связи съ какими-либо важными лицами Россійскаго государства, кои могли имъ обѣщать дѣятельную подпору?* Я съ самаго начала понялъ, что сіе подозрѣніе тяготитъ сердце его императорскаго величества и что всѣ его старанія должны быть приложены на открытіе тѣхъ лицъ, коихъ можно почитать первыми и опаснѣйшими бунтовщиками. Какъ подумать по истинѣ, что нѣсколько молодыхъ людей безъ славы, безъ извѣстности, безъ средствъ денежныхъ, безъ опытности были сами и начальниками и орудіемъ бунта, что ихъ никто не поддерживалъ, никто имъ не давалъ ни денегъ, ни совѣтовъ, ни надеждъ? Но сколь сія мысль не естественно приходитъ на разумъ, сколь ни чудесна рѣшимость ихъ дѣйствовать безъ подкрѣпленія и почти безъ всякой надежды, сколь не желалъ бы истинно, отъ всего сердца открыть тѣхъ, кои были или пружиною, или подпорою цѣлаго, долженъ сознаться, что никакихъ слѣдовъ на то не нахожу, и вотъ мои причины. 1-е) Письмо Пущина ясно показываетъ, что членовъ не болѣе 60, а солдатъ не болѣе 1000; что сіи послѣдніе спорятъ только о присягѣ одному или другому изъ великихъ князей. Сіи средства суть весьма скудныя и едва ли кто нибудь изъ высшихъ лицъ рѣшился съ ними вмѣстѣ дѣйствовать съ оными. 2-е) Но можетъ быть онъ совсѣмъ о средствахъ и не спрашивалъ? Возможно ли принять таковое предположеніе и какое будемъ имѣть понятіе о разсудкѣ такового человѣка? Кто изъ нихъ можетъ рѣшиться дѣйствовать по такой запискѣ, какую мнѣ писалъ Трубецкой въ Москву? 3-е) По слухамъ, дошедшимъ до меня уже здѣсь или въ Москвѣ послѣ происшествія, цѣль ихъ была такъ ужасна, что кажется никто не могъ рѣшиться ихъ поддерживать, кромѣ ихъ самихъ, посвятившихъ себя на таковыя злодѣйства. 4-е) Предположеніе общей вольности, распущеніе арміи суть также мѣры не несогласныя съ малѣйшей искрой разсудка. Кто изъ отцовъ семейства, кто изъ государственныхъ людей, кто изъ Русскихъ рѣшится на сіе, кромѣ тѣхъ, кои нѣсколько лѣтъ возбуждая свои страсти, довели наконецъ себя до политическаго сумасшествія? 5-е) Судя по предпріятію, по средствамъ, по намѣреніямъ я увѣренъ, что самые перехваченные ихъ акты суть верхъ безумія и кого можно подо-

зрѣвать, чтобъ таковыя дѣла были бы имъ поддержаны? 6-е) Наконецъ, возможно ли мнѣ лично себѣ представить, что употребляя всѣ средства для моего обольщенія, никто изъ нихъ не признался мнѣ, что они поддержаны сильною рукою? Я же съ моей стороны даю честное слово, что такового признанія, даже безъименного не было.

Все сіе соединенное вмѣстѣ доказываетъ мнѣ очевидно, что они дѣйствовали отдѣльно отъ всякаго внушенія свыше и что ежели были у нихъ какіе либо покровители, то сіи взошли съ ними въ сношеніе весьма поздно послѣ 27 ноября и даже послѣ 12 декабря, числа письма Пущина, въ коемъ я не помню, чтобъ одно слово о семъ было сказано. Да и сіе я говорю противно собственному моему увѣренію и уважая тѣ, конечно, важныя причины, кои побудили его императорское величество объявить мнѣ о таковомъ его мнѣніи. Какъ бы я счастливъ былъ, ежелибъ я могъ только разодрать сію завѣсу и дать однимъ словомъ спокойствіе государю и отечеству.

II.

Всемилостивѣйшій Государь.

Я невиненъ. *Нѣтъ.* Я не былъ членомъ Общества. Чтобъ доказать, что я дѣйствительно былъ таковымъ конечно для Вашего правосудія должно имѣть больше доказательствъ, нежели слова и ложныя обвиненія бунтовщиковъ.

Но я ищу, Государь, не только того, чтобъ быть правымъ передъ буквою закона, но и передъ совѣстью Вашею, такимъ образомъ чтобъ ни малѣйшаго подозрѣнія на мои намѣренія, ни малѣйшаго пятна на имени моемъ не осталось.

1. Кто меня принималъ въ Общество? Тѣ, коимъ препоручено было сіе дѣло, сами скажутъ о своемъ неуспѣхѣ. Ежели я отказалъ дружбѣ, родству, честолюбію, на какія причины я могъ согласиться? Но, говорятъ, это одна только игра словъ, и у нихъ никакихъ обрядовъ принятій не было и все зависило отъ даннаго слова. Согласенъ. Но кому я слово сіе далъ? Пусть онъ назовется и пусть приведутъ его на личную со мной ставку.

2. Но можетъ быть и найдется такой дерзкій обманщикъ, который скажетъ, что онъ меня принялъ въ общество, сего еще мало. Пусть извѣститъ когда, въ какомъ мѣстѣ, кому о семъ онъ объявилъ, отъ кого на сіе получилъ позволеніе, какія давалъ мнѣ повелѣнія и я

ихъ исполнялъ? Какія препоручилъ дѣла и я ихъ обдѣлывалъ? Куда посылалъ и я ѣздилъ? На какихъ съѣздахъ я присутствовалъ? О чемъ было говорено и какое было мое мнѣніе? Тогда только доказано будетъ, что я дѣйствительно членъ общества, но я сего не боюсь.

3. Сходно ли съ разсудкомъ, чтобъ я отказалъ мѣсто начальника и сдѣлался простымъ членомъ? Въ тайныхъ обществахъ, которыхъ дѣйствіе всегда сопряжено съ личною опасностью, тотъ, который даетъ направленіе, имѣетъ много выгодъ и ими жертвовать не легко. Но я сіе сдѣлалъ изъ усердія? Положимъ, что глупое мое усердіе было такъ велико, что я пренебрегъ выгодами начальства и ополчился рядовымъ членомъ. Но неужели послѣ сего отверженія мое усердіе вдругъ прекратилось и не оставило слѣдовъ? Неужели я такъ уже мало одаренъ природою, что они не дали мнѣ сказать ни одного слова, ниже подать одного совѣта, ниже написать одной бумаги, ниже имѣть малѣйшаго вліянія? Но положимъ еще и то, что я ни къ чему не способенъ по дѣламъ и по распоряженіямъ, другіе слѣды ревности и усердія моего должны остаться. Я кого либо принялъ въ Общество? Кого либо познакомилъ съ членами онаго? Ежели и сего я не могъ сдѣлать, надобно признаться, что никто, кромѣ ихъ, такого дурного понятія о мнѣ еще не имѣлъ.

4. Но многіе на меня ссылаются. Они могутъ ссылаться за тѣмъ, чтобы запутать дѣло, вмѣшать въ оное честныхъ людей, прибавить себѣ благородства и важности, дать понять, что послѣ ихъ останутся мстители. Сія тактика не безызвѣстна во всѣхъ заговорахъ и тайныхъ обществахъ.

5. Они могутъ также сдѣлать таковое показаніе изъ одного мщенія за то, что отказался отъ сообщничества. Кто можетъ ручаться, что они между собою не сказали: „Орловъ не хотѣлъ быть съ нами, то онъ насъ узнаетъ и въ успѣхѣ и въ неудачѣ“.

6. Нѣтъ ли тутъ обмана и не называли ли меня нарочно, чтобъ умножить число членовъ въ послѣднее время? Мое же несчастное и сомнительное положеніе придавало каждому ихъ слову въ семъ смыслѣ нѣкоторую вѣроятность.

Всѣ сіи причины должно взвѣсить на вѣсахъ правосудія и тогда, смѣнивши всѣ оныя съ описанными мною обстоятельствами, мой разсудокъ съ сумашествіемъ ихъ предпріятія, всю жизнь добродѣтельнаго человѣка съ злодѣйствомъ ихъ намѣреній, всякій судья, надѣюсь, скажетъ: *Нѣтъ*, Орловъ не причастенъ къ злодѣйству; *нѣтъ*, онъ не членъ сего Общеста.

Государь, Вы мнѣ приказали сказать истину—вотъ она.

Вы мнѣ позволили надѣяться на Васъ, что Вы будете сами моимъ защитникомъ. —Государь, надѣюсь на Бога, на Васъ и на мою невинность.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрно подданный

Михаилъ Орловъ.

Сего 4-го Генваря 1826 года
Г. С. Петербургъ.

III.

Въ Высочайше утвержденный Тайный Комитетъ. Генералъ-маіора Орлова 1-го.

Дополнительное показаніе.

Вслѣдствіе повелѣнія онаго Комитета отъ 9-го Генваря 1826 года честь имѣю донести:

1. Точно вспомнилъ, что капитанъ Муравьевъ говорилъ мнѣ о намѣреніи *кого-то* покуситься на жизнь блаженной памяти государя императора; но говорилъ, не называя имени и утверждая, что всякая опасность прекратилась.

2. Что сіе его объявленіе украшено было разными невѣроятными обстоятельствами, а именно: какъ будто Общество вдругъ и не ожидая того, нашло *внѣ себя* человѣка (а не члена такъ, какъ показано въ повелѣніи Комитета), который изъ *личной ненависти* (а не по побужденію Общества) хотѣлъ посягнуть на жизнь покойнаго государя; будто узнавши сіе, многіе члены (коихъ также не называлъ) хотѣли съ симъ злодѣемъ драться до смерти; будто другіе намѣрены были сами донести о семъ правительству, будто наконецъ всякое опасеніе миновалось, ибо взяты мѣры удалить сего злодѣя. Оставляю на разрѣшеніе онаго Комитета, долженъ ли я былъ взять за истину объявленіе таковаго рода, не гласящее ни о имени, ни о званіи злодѣя, сопряженное съ невѣроятными обстоятельствами, упоминающія въ одно время и о опасности и о прекращеніи опасности? и не могъ ли я почесть все сіе вымышленнымъ единственно для того, чтобъ доказать мнѣ, что обстоятельства всякій день дѣлаются смутнѣе и что пора мнѣ взойти въ Общество и взять главное надъ

онымъ управленіе? Я сему послѣднему тѣмъ болѣе повѣрилъ, что весь разговоръ клонился къ обольщенію меня.

3. Чтожъ касается до того, почему я о семъ не объявилъ начальству и не взялъ ни какихъ мѣръ для предупрежденія умышленнаго зла, то кончина его императорскаго величества преградила къ оному всякій путь и сія кончина не только всякое опасеніе во мнѣ должна была уничтожить, но совершенно изгладила изъ памяти моей сіе обстоятельство, которому я никогда не вѣрилъ, такъ что я вспомнилъ о немъ только при полученіи повелѣнія отъ Комитета. И вотъ почему я не объявилъ о семъ въ первомъ моемъ показаніи, ибо Комитетъ благоволитъ замѣтить, что я не имѣлъ никакой личной выгоды утаивать сего, а напротивъ, самопроизвольное показаніе облегчило бы мою участь.

4. Теперь, когда злодѣйское сіе намѣреніе кажется по показанію капитана Муравьева совершенно доказаннымъ, я долженъ сознаться, что не прощаю себѣ мою недовѣрчивость къ его словамъ; но тотъ, который знаетъ, что ложь и обманъ для потрясенія общаго спокойствія суть одни изъ главнѣйшихъ орудій всякаго тайнаго общества, пойметъ легко мое пренебреженіе къ извѣстіямъ, полученнымъ отъ таковаго источника.

5. Сколь я сообразить могу, то человѣкъ имѣвшій сіе злодѣйское намѣреніе есть никто иной какъ Якубовичъ, коего хотя никогда не видѣлъ и не имѣлъ съ нимъ ни малѣйшаго сношенія, знаю за человѣка, презирающаго жизнь свою и готоваго оною жертвовать во всякомъ случаѣ. Но твердо стою въ томъ, что Муравьевъ мнѣ именно сказать не хотѣлъ, что и послужитъ вящимъ доказательствомъ, что онъ самъ членомъ Общества меня не почиталъ, а говорилъ напротивъ того въ одномъ намѣреніи сими полудовѣріями пригласить меня къ Обществу.

Генералъ-маіоръ Орловъ 1-й.

Сего 10-го Генваря 1826 года
Г. С. Петербургъ.

IV.

Дополненіе къ бумагѣ, поданной мною 10 генваря 1826 года въ Высочайше утвержденный Тайный Комитетъ.

Всѣ обстоятельства, кои я описалъ въ моей бумагѣ совершенно справедливы, начиная съ того, что и какъ мнѣ говорилъ капитанъ Муравьевъ и кончая съ того, что сія часть нашего разговора совершенно изгладилась изъ памяти моей до полученія повелѣнія Комитета.

Какъ это не странно, но это истинно. Причины же другой придумать не могу, какъ ту, что кончина его императорскаго величества вскорѣ послѣдовала за симъ разговоромъ.

Но ежели бъ я вспомнилъ о семъ при писаніи перваго моего показанія, то непремѣнно бы объявилъ, ибо сіе обстоятельство, какъ оно на первый взглядъ и не кажется предосудительнымъ можетъ при подробномъ разсмотрѣніи обратиться въ мою пользу.

Легко Комитету увѣриться, что всѣ обстоятельства разсказаны справедливо, что посягавшій на жизнь государя, былъ внѣ Общества, а что члены онаго готовы были жертвовать собою для спасенія оной. Такъ то сіи люди, зная что ни сердце мое, ни совѣсть, ни руки не могутъ посягнуть на злодѣйство, старались представить себя въ видѣ даже защитниковъ болѣе, чѣмъ возмутителей и тѣмъ ослѣпить и обольстить меня.

Съ другой стороны они увѣряли, что негодованіе такъ велико, что не могутъ ни за что ручаться и извлекали оттуда необходимость имѣть человѣка, который могъ бы ими руководствовать.

Все сіе соединенное вмѣстѣ докажетъ Комитету, что въ томъ положеніи, въ коемъ я находился, я долженъ былъ быть ими повсеминутно обманутымъ и на счетъ ихъ намѣреній и желаній и на счетъ ихъ повѣствованій и разсказовъ. Также, что мнѣ другого не оставалось дѣлать, какъ находиться въ совершенномъ недовѣріи и какъ можно болѣе и болѣе отклоняться отъ ихъ знакомства. Я то и дѣлалъ. Но къ несчастію обстоятельства рѣшили ихъ на такія дѣла, кои ни я, ни кто не могъ предвидѣть.

Генералъ-маіоръ Орловъ.

Сего 10 Генваря 1826.
С. Петербургъ, въ 10 часовъ вечера.

V.

Въ Высочайше утвержденный Тайный Комитетъ.

Генералъ-маіора Орлова 1-го

Донесеніе.

На повелѣніе Высочайше утвержденнаго тайнаго комитета отъ 12-го Генваря 1826-го года честь имѣю донести:

1. Гдѣ существуетъ тайное общество русскихъ рыцарей, когда возымѣло свое начало и кѣмъ именно основано?

Таковаго общества не существуетъ. Оно есть то же самое, о которомъ я въ показаніи моемъ доносилъ, что имѣлъ намѣреніе составить вмѣстѣ съ графомъ Мамоновымъ тайное общество, коего и цѣль тамъ же опредѣлена, но что впослѣдствіи сіе намѣреніе не состоялось и общество составлено не было.

2. Какая цѣль и намѣреніе сего общества, какими средствами полагали достигнуть цѣли своей?

Цѣль была двоякая, что и явствуетъ изъ моего показанія. Сперва хотѣли противиться злу лихоимства въ Россіи и въ семъ первомъ видѣ уставъ общества долженъ былъ быть представленнымъ на утвержденіе его императорскаго величества. Потомъ противопоставить Русское тайное общество предполагаемымъ Польскимъ и тогда уже на утвержденіе государя поступить не могло.

3. Кто именно члены сего общества?

Никто; ибо не возымѣло дѣйствія. Развѣ можно назвать членами Мамонова и меня, и еще Николая Тургенева, которому я о семъ говорилъ въ 1817 году, но который тогда нашелъ мысль сію не исполнительной.

4. Съ какими другими обществами оное имѣетъ сношеніе?

Ни съ какими; ибо не существуетъ.

5. На какихъ правилахъ или законахъ общество составлено?

Сколько могу вспомнить были составлены, или лучше сказать, начаты три градуса принятія, совершенно Массоническія, выбранные частью изъ *Духовнаго Рыцаря*[1]), а члены изъ статутовъ въ Храмовничества обыкновеннаго. Сіи три градуса имѣли нѣкоторую постепенность и давали чувствовать, что трудами, повиновеніемъ и

---

[1]) *Сей Духовный Рыцарь* есть сочиненіе, кажется Ивана Владиміровича Лопухина. Онъ печатный и находится у всѣхъ книгопродавцевъ.

приверженностью неофитъ можетъ со временемъ узнать цѣль сего ордена; что массонические предметы не входятъ въ составъ сихъ занятій и что массоны суть ничто иное какъ раскольники Тампліерства или ордена Храмовниковъ. Вотъ, сколько помню, все, что содержалось въ семъ проектѣ. Кромѣ сего былъ еще составленъ уставъ, совершенно подобный уставу Тампліеровъ. Все, что у меня было по сему предмету, предано забвенію и огню съ 1818-го года.

Въ заключеніе имѣю честь положительно увѣрить Комитетъ, что таковаго общества или ордена Русскихъ Рыцарей въ Россіи не существуетъ. Ежели же преданіе онаго осталось это отъ того, что когда меня приглашали въ *Союзъ Благоденствія*[1]), я часто *изъ одной отговорки* утверждалъ, что принадлежу другому обществу *Русскихъ Рыцарей.*

Генералъ-маіоръ Орловъ I-й.

Сего 13 Генваря 1826.

---

[1]) Первое Общество, коему я принадлежалъ, какъ слѣдуетъ изъ моего показанія.

Н. Комаровъ.

Показаніе полковника Ник. Комарова.

Во имя Господа Бога и по внушенію чистой совѣсти приступаю къ изложенію здѣсь вкратцѣхъ всего того, что по истинѣ зналъ и помню относительно введенія и распространенія общества во 2-й арміи—общества подъ названіемъ Союза Благоденствія.

Первый, водворившій преступный союзъ сей во 2-й арміи въ началѣ 1818-го года,—былъ *Павелъ Пестель.* Въ годъ вступленія графа Витгенштейна въ начальствованіе 2-ю арміею, и у котораго Пестель былъ адъютантомъ.

По всему вѣроятію Пестель былъ одинъ если не первой, то изъ первыхъ основателей сего Общества въ С.-Петербургѣ, въ концѣ 1815 или въ началѣ 1816 года и, сколько могу припомнить, гораздо въ послѣдствіи уже изъ словъ его же самаго Пестеля, что коренные члены—учредители сего общества были слѣдующія: два брата Муравьевы, князь Шаховской, Якушкинъ (всѣ бывшаго Семеновскаго полка), князь Трубецкой, Александръ Муравьевъ [1]), Михайла Муравьевъ, Никита Муравьевъ (всѣ Гвардейскаго штаба), фонъ-Визинъ старшій,—Бурцовъ, Гвардейскаго же штаба, и едваль не оба ли брата Калошины, также изъ сего же штаба. Имъ подлежитъ это рѣшить по совѣсти.

Но что несомнѣнно такъ это то, что Пестель привезъ съ собой въ главную квартиру 2-й арміи начальной зародышъ, и вотъ какъ приступалъ онъ къ развитію соблазна на новомъ поприщѣ для дѣ-

---

[1]) Александръ Муравьевъ, обратившійся послѣ постигшаго его несчастія въ Москвѣ, когда онъ былъ арестованъ лично покойнымъ государемъ, или въ слѣдъ послѣ женитьбы своей, въ совершеной мистицизмъ, такъ что его товарищи не могли въ послѣдствіи присообщить къ себѣ.

ятельнаго и проницательнаго ума своего. По крайнѣй мѣрѣ способъ дѣйствія убѣжденій на меня и вѣроятно и на другихъ отдѣльно въ тоже время,—состоялъ въ томъ.

Внушая, что нашъ долгъ есть необходимо стремиться къ пользѣ общей двумя путями: Это ускоряя нравственное образованіе ума и чувствованій, чтобъ умѣть приложить ихъ со временемъ на общеполезное, къ чему надобно приготовлять себя внимательнымъ чтеніемъ подобныхъ авторовъ, какъ Бекаріа, Филанжери, Махіавеля, Вольтера, Гельвеція, Цея, Смита и прочихъ въ семъ родѣ, политической экономіи и филозофіи, яко бы разсуждающихъ о возвышенныхъ обязанностяхъ человѣка-гражданина.

Что безъ етихъ понятій и свѣдѣній недостигнешь быть полезнымъ ни себѣ, ни обществу, ни отечеству, что даже скрытная воля монарха стремиться усильнымъ образомъ къ развитію подобныхъ идей въ россійскомъ юношествѣ и въ войскахъ, указывая и опираясь различными доводами на рѣчь, произнесенную государемъ въ Варшавѣ къ представителямъ народнымъ,—какъ на сокровенную мысль его, и которую надобно намъ самимъ стараться постигнуть и усовершать, до времени тайно, чтобъ сдѣлаться достойными къ принятію и къ разумѣнію приготовляемаго новаго правительствованія,—словомъ, вотъ почьти въ чемъ состоялъ главный смыслъ начальныхъ и постепенно вводимыхъ идей къ намъ,—сопровождаемыхъ разными удостовѣреніями, что извѣстность етой истины не достигла еще до отдаленныхъ краевъ 2-й арміи, каснѣющій во мракѣ, а созрѣваетъ уже весьма въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ, въ кругу людей образованныхъ высшаго класса и званія. Между ними для обоюднаго сообщенія мыслей и понятій своихъ, составились вечернія частыя соединенія для чтенія и сужденій,—въ часы отдохновеній отъ служебныхъ занятій,—и какъ лучшій способъ взаимнаго другъ друга познанія и переданія свѣдѣній, мыслей и откровеній общеполезныхъ.

Такимъ образомъ понемногу и исподволь начинались вводиться въ главной квартирѣ вечера чтенія, сужденій и разныхъ толковъ прежде едваль бы многимъ изъ насъ понятныя по названію, а не токмо по сущьности своей. Пестель, находившись весьма долгое время при графѣ, и умѣя постоянно притворничать и скрывать отъ него свой образъ мыслей, пользовался давней его довѣренностію, и уваженіемъ своихъ товарищей, а по способностямъ своимъ скоро началъ получать явной перевѣсъ мнѣніями своими не только въ главной квартирѣ, но и въ арміи.—Во время объѣздовъ на смотры войскъ,

сопутствуя графа, имѣлъ случай скоро ознакомиться въ арміи, и составить связи потомъ; имѣя притомъ и по занятію своему, въ составленіи отчетовъ и записокъ объ успѣхахъ въ полкахъ по фронтовой части, значительное вліяніе на полковыхъ и батальонныхъ командировъ, онъ умѣлъ въ свою пользу извлекать изъ всего выгоды, для достиженія преднамѣренной цѣли въ разспространеніи своего образа мыслей. Онъ сохранялъ подобное вліяніе еще нѣкоторое время и по назначеніи начальникомъ штаба генерала Киселева на мѣсто генерала Рудзевича, расположеніемъ котораго Пестель постоянно пользовался, и слѣдственно тѣмъ еще болѣе умножалъ вѣсъ свой въ арміи и въ штабахъ, умѣя соединить расположеніе двухъ первыхъ лицъ арміи, что весьма содѣйствовало къ успѣху его намѣреній, чтобъ утвердить положительно и довольно скоро первородный корень общества.

Скоро съ назначеніемъ генерала Киселева, присоединились къ Пестелю ревносныя сначала сотрудники ему,—Бурцовъ, адъютантъ нач. штаба, и маіоръ Аврамовъ; но какъ онѣ также пользовались расположеніемъ своего начальника генерала Киселева, желавшаго и скоро успѣвшаго отобрать смотровую часть и другія отрасли по управленію въ штабѣ отъ Пестеля въ свою зависимость, то отъ сего столкновенія самолюбій на одинъ и тотъ же предметъ, яко болѣе прочихъ дающій вѣсъ въ арміи, произошли несогласія между Пестелемъ и Бурцовымъ; и каждой старался дѣйствовать отдѣльно въ своихъ видахъ, желая усилить всякой свою сторону большимъ числомъ приверженцевъ.

Но Пестель упредилъ перевѣсъ во мнѣніяхъ въ свою пользу и правила общества, изложенныя въ такъ называемой Зеленой Книгѣ (1-й части), а о послѣдующихъ никогда извѣстно мнѣ не было, (да едваль онѣ и составились), распространялись имъ успѣшнѣе другихъ; переходя далеко и за предѣлы сей Книги, ибо въ сей первой части, которой одинъ экземпляръ только я видѣлъ у Пестеля, сколько я припомнить могу, ничего не было особенно противнаго долгу честнаго человѣка, и смѣю сказать, исключая токмо *скрытности* ея отъ правительства.

Въ ней неприкосновенна была ни господствующая вѣра, ни главныя обязанности въ отношеніи государя и государства; даже вмѣнялось въ долгъ разкрывать всякаго рода злоупотребленія властей, равно военныхъ какъ и гражданскихъ и доносить объ нихъ, сохранять нравственность въ высочайшей степени, не нарушая су-

ществующаго порядка въ правленіи, предлагать однакоже лучшія замѣчанія, а главное чтобъ распространять кротость обращенія въ войскахъ, съ офицерами и солдатами, крѣпостными людьми и поселянами и на образованіе нравственное, какъ выше сего объяснялъ я.

Въ такомъ, или можетъ нѣсколько усиленномъ видѣ, у нѣкоторыхъ членовъ вновь поступившихъ оставались понятія объ обществѣ довольно долгое время во 2-й арміи, и почти въ теченіе всего 19 и половины 20-го годовъ. Правило было то, чтобъ принимаемыя вновь члены не имѣли права сами принимать, а только коренныя члены охраняли сіе право себѣ; отъ чего о нѣкоторыхъ и неизвѣстно, ибо онѣ не извѣщали всегда о своихъ пріобрѣтеніяхъ.

Эпоха, когда начались раскрываться глаза можетъ у многихъ новобранцовъ, когда показались на сборищахъ въ Тульчинѣ люди высшаго разбора, принадлежащія къ обществу уже прежде или вновь поступившія,—съ образомъ мыслей несравненно болѣе смѣлымъ противу прежняго, въ отношеніи къ сужденію о правительствѣ. Въ числѣ коихъ: генералъ-интендантъ Юшневской, фонъ-Визинъ, поступившій съ полкомъ въ составъ 2-й арміи, Орловъ (Мих. Федоровичъ), Охотниковъ, маіоръ 38 Егер. полка, кн. Сергѣй Волконской, Лунинъ, бывшій въ Кавалергардскомъ полку, и Муравьевъ Никита (оба сіи были проѣздомъ изъ Одесъ).—Тогда же здѣлалось извѣстнымъ, что вообще общество пріобрѣло много ревностныхъ членовъ и по другимъ мѣстамъ а предпочтительно въ кругу военномъ.—Вотъ объ комъ дошло до свѣдѣнія моего, сверхъ состоящихъ въ Тульчинѣ, и кромѣ выше поимянованныхъ.

Въ Тульчинѣ: квартирмейстерской части: Николай Комаровъ, Руге, Николай Филиповичъ; адъютанты графа Витгенштейна: князь Барятинской, Ивашевъ (слабо принадлежалъ всегда), Крюковъ, Барановъ, графъ Витгенштейнъ, что флигель-адъютантъ, болѣе зналъ о существованіи, чѣмъ принадлежалъ къ нему и завлеченъ Пестелемъ и Барятинскимъ для наружности. Юшневскій, Пестель, Бурцовъ, Аврамовъ, Охотниковъ, Орловъ, фонъ-Визинъ, Волконскій (объ коихъ уже сказалъ). Полковникъ Остафьевъ, что нынѣ кажется генералъ,—былъ полковой командиръ. Полк. Кальмъ, что генералъ въ 19 див., былъ полк. ком. 28 Егер. полка, принадлежалъ поверхносно. Полк. Непенинъ, полк. командиръ 32 Егерскаго полка. Маіоръ Раевской 32 же Егер. полка. Маіоръ Юминъ того же полка. Полк. Липранди, отставной квартир. части жилъ въ Кишеневѣ. Полк. Краснокутскій, бывшій полковой командиръ Олонецкаго полка, съ выступленіемъ

полка скоро изъ арміи онъ потерянъ былъ изъ виду Общества, потомъ оставилъ службу и можетъ быть и общество; онъ теперь оберъ-прокуроръ. Пестель долженъ знать объ немъ короче. Басаргинъ,—адъютантъ генерала Киселева, всегда былъ слабо приверженъ и едваль не отсталъ. Вольфъ-докторъ при главной квартирѣ.

Объ членахъ, кои здѣлались извѣстны по слухамъ, Пестель долженъ всѣхъ ближе знать ето: полк. Раевской, полк. Швейковской, Александръ Исленьевъ, бывшій адъютантъ М. Ф. Орлова, отставной Московскаго полка. Его братъ Николай Исленьевъ, едваль принадлежалъ. Николай Тургеньевъ, служившій при министерствѣ. Василій Львовичъ Давыдовъ, отставной гусарскаго полка. Его братъ Александръ Львовичъ,—не знаю, принадлежалъ ли. Стаяновскій, служившій въ комисаріатѣ 2-й арміи, болѣе извѣстенъ по ревностному массонству. Иностранецъ Фурнье. Полковникъ Глинка, состоявшій при графѣ Милорадовичѣ. Калошины гвардейскаго штаба и, кажется, оба давно отстали, особенно старшій, служившій теперь въ Министерствѣ Финансовъ. Пущинъ, генералъ-маіоръ, что былъ въ 16 дивизіи. Пущинъ, что воспитывался въ лицеѣ. Грабе, полковникъ гусарскаго полка, кажется отсталъ совершенно.

Въ ето же время почьти сдѣлалось извѣстнымъ доселѣ скрываемыя отъ нѣкоторыхъ, члены Кореннаго Совѣта Общества (о коихъ въ самомъ началѣ сказано) и вообще уже развитіе Общества принимало видъ болѣе самостоятельной и замѣтно болѣе рѣшимости во мнѣніяхъ. Но тогда какъ оно думало начинать приходить въ зрѣлость и пріумножаться, волію провидѣнія угодно было поселять несогласія и раздоры, и тайно влагать въ разумъ нѣкоторыхъ холодность и даже отвращеніе къ нему, ибо оно преступило мѣру ожидаемости отъ первоначальныхъ условій и увѣреній.—Даже въ Орловѣ оно становилось иногда замѣтнымъ; отнести ли ето къ священнымъ узамъ супружества, обращавшимъ взоръ его иногда въ будущность.—Я давно началъ питать мысль низложенія Общества, но надлежало скрывать благодатную мысль до времени удобнаго, ибо по мѣрѣ разкрытія ближайшаго многихъ изъ членовъ, изъ смиренія, принявшихъ тонъ дерзкихъ преподавателей правилъ, нельзя было предвидѣть кромѣ гибельнаго конца со временемъ, тѣмъ паче что дѣйствія правительства далеко, какъ видно было, не поощряли къ подобному разспространенію правилъ, а всячески оказывалось уже противное тому, къ чему сначала самаго Пестель поощрялъ насъ,—а потомъ обратилъ ето въ вину непостоянства самаго правительства,

якобы не имѣющаго ни твердости, ни силы къ достиженію полезнаго. Но сіи умствованія были тщетны, ибо я, какъ и многіе, увидѣли давно обманъ изъ опыта и познанія людей самихъ. Обстоятельства о сказанныхъ выше несогласій, возникшихъ въ различныхъ мнѣніяхъ при послѣднихъ сборищахъ (наичаще происходящихъ у Пестеля и у Юшневскаго), подкрѣпляли мои надежды.

Пестель подалъ мысль свою между прочими объ учрежденіи временнаго диктаторства для прекращенія вкравшагося безпорядка въ Обществѣ (имѣя конечно въ виду себя) и съ тѣмъ, чтобы избраннаго уполномочить властію здѣлать постановленія пространѣйшія и болѣе самовластныя, чѣмъ ничтожныя правила, изложенныя въ Зеленой Книгѣ, и что ето было только для робкихъ душъ на первый разъ (вотъ почти слова его).—Многіе различно разсуждали о семъ, но никто не принялъ сей мысли. Одни говорили, что етаго не вправѣ сдѣлать безъ совѣщанія всѣхъ на лицо членовъ, другія что ето измѣняетъ коренное правило, что ето слишкомъ самовластно, и замѣняли ету мысль составленіемъ триумвирата;—но послѣ жаркихъ споровъ и личныхъ подозрѣній и ето оставалось непринятымъ.—Я желалъ и надѣялся поколебать все зданіе, если не разрушитъ его собственный раздоръ, предложеніемъ, чтобъ зимой собрались въ Москвѣ довѣреннымъ членамъ отъ разныхъ мѣстъ и тамъ уже положить измѣненія, въ полной надеждѣ, что неожиданность новыхъ лицъ и мнѣній еще скорѣе положитъ къ преобразованію общества, и что оно рушиться только можетъ въ отсутствіи Пестеля, какъ самаго ревностнаго члена и самаго опасного.—Въ противномъ же случаѣ, я далъ себѣ клятву,—Богъ мнѣ свидѣтель, что если въ Москвѣ не достигну желаемаго конца, то обнаружить ето сословіе, ибо оно принимало рѣшительно видъ *желанія* вести конституцію современемъ, какъ скоро усилится въ своемъ составѣ. Такъ какъ Пестелю не могло быть особаго поводу самому ѣхать въ Москву, ибо извѣстно было всѣмъ, что у него ни родства, ни связей особыхъ тамъ нѣтъ, то онъ неохотно принялъ эту мысль, но большинство голосовъ превозмогло, тѣмъ паче, что Орловъ, Фонъ-Визинъ, Охотниковъ, Бурцовъ и я, безъ того намѣрены были ѣхать етой зимой въ Москву.—Главной уполномоченной отъ Тульчинскаго общества, не взирая на мое стараніе быть предпочтительно избрану самому, дабы успѣшнѣе дѣйствовать въ предположенномъ смыслѣ, однакожъ избранъ былъ Бурцовъ, а я ему въ видѣ помощника, ибо признали члены подъ видомъ необоодимости послать кореннаго чле-

на, хотя я имѣлъ все право скорѣе думать, что меня уже подозрѣвали и потому не выбрали однаго.—Невзирая на то, что Фонъ-Визинъ и Пестель во многомъ не сходились и часто оканчивали споры личностями, но какъ оба ревностные члены, то фонъ-Визинъ и отправился изъ Тульчина прямо въ Петербургъ для совѣщаній по сему дѣлу и сообщить Коренному Совѣту о здѣланномъ предположеніи въ Москвѣ; а между тѣмъ и отобрать его мнѣніе на ето.

Пріѣхавши въ Москву, начались у него и собранія въ его домѣ. Изъ Петербурга присланъ былъ Николай Тургеневъ, скоро пріѣхалъ Грабе, Якушкинъ и многіе еще изъ членовъ, Михайла Муравьевъ, Охотниковъ и прочіе.—Фонъ-Визинъ предложилъ мысль, вѣроятно по совѣщанію въ Петербургѣ, чтобъ Общество раздѣлить на три разряда. Одинъ высшій *незнаемыхъ*, въ видѣ постояннаго главнаго совѣта, которой долженъ будетъ управлять и составлять законы Обществу.—Второй разрядъ, отъ него зависящій, *исполнительной*, приводящій ихъ положенія къ исполненію, изъ него же должны командироваться члены для объѣздовъ и наблюденій хода Общества по разнымъ мѣстамъ, а прекратить обязывали всякаго рода переписку.—И наконецъ третій разрядъ *нововводимыхъ*. Сіи мысли поддерживались его партіею въ Москвѣ, имянно Грабе, Волконской, Якушкинъ, Фонъ-Визинъ меньшой, Охотниковъ и Бурцовъ, которыя и жили у него въ домѣ, кромѣ Волконскаго. Тургеневъ, котораго я въ первой разъ въ семъ случаѣ видѣлъ, и пользуясь ихъ уваженіемъ избранъ былъ въ предсѣдатели совѣщаній на все время сего временнаго сборища. Онъ казался весьма умѣреннымъ; я старался сблизиться съ нимъ, посѣщалъ его часто и въ домѣ его до собраній, и всячески старался окровенно говоря съ нимъ наклонить его къ *уничтоженію Общества*, что ему удобнѣе теперь, чѣмъ кому нибудь, излагая и даже увеличивая ему, что во второй арміи оно имѣетъ видъ якобинства и угрожаетъ со временемъ безначаліемъ и и гибелью; я давалъ ему чувствовать опасенія со стороны полиціи во время нашихъ съѣздовъ, словомъ: все что могло содѣйствовать къ цѣли моей. Я нашелъ въ немъ скоро – по притворству ли, или по чувству, но весьма не чуждымъ отъ сего и онъ какъ умной человѣкъ велъ дѣло очень осторожно къ цѣли: онъ опровергалъ рѣшительно предположенную таинственность Фонъ-Визиномъ,—и кажется Орловъ также не соглашался съ етимъ распоряженіемъ. Я старался, сколь можно было какъ не коренному члену, опровергать или по крайней мѣрѣ находить во всѣхъ предположеніяхъ къ новому устрой-

ству — вездѣ и во всемъ менѣе или болѣе неудобства; чтобъ медлить, тянуть и скучать етой медленностію нетерпѣливымъ и пылкимъ характерамъ, каковы Грабе, фонъ-Визины, Якушкинъ и Охотниковъ.— Показывая различнымъ партіямъ и усердіе и опасеніе, Бурцовъ по обыкновенію былъ умѣренъ въ предложеніяхъ и правилахъ. Калошинъ какъ замѣченъ былъ мною робкаго нрава, я не скрылъ съ нимъ дурныя послѣдствія всего и опасенія; онъ началъ отставать и рѣдко очень ѣздить; я пропустилъ два приглашенія къ собранію: разкрыло ли ето сильнѣе еще прежняго подозрѣнія ихъ на меня, ибо однажды Якушкинъ (одинъ изъ самыхъ пылкихъ нравовъ), мнѣ прямо сказалъ: „*что онъ читаетъ на челѣ моемъ противное благу Общества*“. — „Да отвѣчалъ я ему: *если оно не взойдетъ въ предѣлы первыхъ правилъ*“.—„Это невозможно!“

И точно уже невозможно было, я ето зналъ. Замѣтно въ послѣдній вечеръ, какъ я былъ у Фонъ-Визина, во всѣхъ какую то вдругъ умѣренность и вечеръ сей казался быть болѣе часнымъ, чѣмъ политическимъ.— Орловъ не былъ, Тургеневъ скоро уѣхалъ. На другой день является ко мнѣ Охотниковъ и объявляетъ что ѣздили они съ Фонъ-Визиномъ уговаривать и упрашивать Орлова, ибо онъ прислалъ наканунѣ письмо *отреченія отъ Общества*, старанія были напрасны онъ, говорятъ, не согласился и уѣхалъ съ тѣмъ. Тургеневъ по убѣдительнѣйшей прозьбѣ моей созвалъ членовъ и Бурцовъ охотно присталъ тутъ къ уничтоженію рѣшительному Общества формальнымъ образомъ. Надобно, и справедливость требуетъ замѣтить здѣсь, что полковникъ Кальмъ въ то время былъ съ полкомъ своимъ 28-го Егер. въ Москвѣ въ караулѣ, ибо полкъ сей перешелъ изъ 2-й арміи въ 5-й корпусъ. Онъ зналъ отъ меня о собраніяхъ въ Москвѣ. Я просилъ его участвовать въ моемъ намѣреніи и чтобъ ѣздить начать къ фонъ-Визину, но онъ настоятельно ни хотѣлъ ни того, ни другаго, ни содѣйствовать къ уничтоженію, ни къ устройству. И не разу не былъ. Александръ Муравьевъ, какъ сказывалъ мнѣ Бурцовъ, что онъ былъ тогда въ Москвѣ, но не пожелалъ быть въ Обществѣ.

Такимъ образомъ положено и здѣлано было Тургеневымъ объявленіе. Онѣ имѣли всѣхъ коренныхъ членовъ по праву какъ довѣреннаго объ уничтоженіи совершенномъ Общества по несходствію и мыслей и правилъ и по убѣжденію общему положить ему конецъ. Это было кажется въ концѣ февраля 1821-го года. Я полагалъ и увѣренъ былъ въ душѣ моей, что все наконецъ рушилось,

ибо ходъ всего дѣла былъ натураленъ. Отреченіе Орлова надобно было полагать откровеннымъ, ибо онъ негодовалъ уже сильно на первенство, принимаемое партіею Фонъ-Визина, и не одинъ разъ повторялъ, что надобно еще долго время проитить, покамѣстъ члены откинутъ личности, часныя выгоды и партіи, что ето заговоръ—въ заговорѣ, и не одинъ разъ съ неудовольствіемъ оставлялъ собранія у Фонъ-Визина. Съ потерей же его Общество оставалось какъ бы оскорбленнымъ, ето видно было на лицахъ объ немъ желѣвшихъ. Тургеневъ и Бурцовъ ослабѣвали жаромъ и казалось непритворно приступали къ уничтоженію. Послѣдній изъ нихъ, яко присланной по уполномоченію изъ Тульчина, получилъ отъ Тургенева объявленіе объ уничтоженіи Общества для доставленія во 2-ю армію. Бурцова отпускъ продолжался еще, и онъ отправился къ себѣ въ деревню, чтобъ оттуда быть въ Тульчинѣ. Мой же отпускъ оканчивался и я долженъ былъ ѣхать. Я, прибывши въ Тульчинъ, старался прежде приватно до пріѣзда Бурцова приготовить порознь членовъ къ принятію радостнаго для меня извѣщенія имъ, и зная Ивашева и Басаргина гораздо менѣе прочихъ привязанными къ Обществу, сообщилъ имъ. Они приняли, кажется, съ удовольствіемъ, смѣшаннымъ съ удивленіемъ. Я просилъ ихъ принять, какъ слѣдуетъ, и не допускать Пестелю ихъ переувѣрить въ невыгодную сторону. Но Пестель, отъ проницательности котораго не скрылось. когда я увѣрялъ его, что какъ Бурцовъ настоящій ихъ депетатъ, то онъ и остался въ Москвѣ до окончательнаго ихъ извѣщенія своимъ пріѣздомъ, а я какъ рѣдко ѣздилъ въ Общество отъ сильныхъ раздоровъ, но не предвижу чтобы кончилось удачно.

Надобно знать Пестеля и его ужасную ревнительность къ успѣху Общества, чтобъ видѣть его сокрушеніе отъ сей новости внезапной, разрушающей всѣ его усилія и старанія многихъ лѣтъ; догадываясь объ уничтоженіи и умѣя скрыть однакожъ, что онъ жалѣлъ бы совершенно объ етомъ, дабы не подать мнѣ подозрѣніе, что онъ намѣренъ противиться етому и сослаться съ Петербургскими товарищами, онъ сказалъ только, что онѣ не въ правѣ были уничтожить, что не ими однѣми основано было. Какъ я не старался ему доказывать, что тутъ большое количество было людей довѣренныхъ, но онъ упорствовалъ во мнѣніи до пріѣзда Бурцова, который, созвавши вмѣстѣ всѣхъ членовъ при Пестелѣ, объявилъ имъ, тоже самое, что я говорилъ имъ порознь. Представилъ имъ актъ объявленія. Я приглашалъ ихъ стараться изгладить въ душѣ и мысль про-

шедшаго и удалился. Бурцовъ меня увѣрялъ, что не только всѣ приняли и самъ Пестель покорился необходимости, но и поспѣшилъ, какъ и обязанъ былъ, сообщить и въ армію разнымъ членамъ объ уничтоженіи Общества.

Богомъ клянусь, что убѣжденъ былъ совершенно до сего времени, что съ тѣхъ поръ не оставалось никакого слѣда, что вездѣ все прервано, разрушено, забыто и даже думаю и теперь, что есть ли Пестель опять основалъ что нибудь подобное, то едваль многія пристали къ нему изъ вышеупомянованныхъ въ Главной Квартирѣ.

Я торжествовалъ въ душѣ моей успѣшнымъ содѣйствіемъ къ прекращенію Общества и нѣкоторымъ образомъ облегчилъ душу мою отъ тягостнаго гнета, давившаго ее три года, что меня еще болѣе убѣдило въ етой мысли, что все совершенно кончено въ Тульчинѣ, ибо въ возникшемъ черезъ годъ послѣ сего происшествіи въ Бессарабіи, по управленію 16-ю дивизіею генераломъ Орловымъ и прикосновенныхъ къ сему дѣлу Раевскимъ, Охотниковымъ, Непенинымъ и нѣкоторыми офицерами сего полка, не открылось никакого слѣда и связи съ прежнимъ: ето былъ новой родъ идей, проистекшихъ, какъ кажется, отъ самаго Раевскаго и въ его только полку, ибо по всѣмъ тщательнымъ изысканіямъ генерала Сабанѣева и Киселева никакого сношенія не было открыто съ прежними членами Главной Квартиры, или въ арміи съ другими членами.

Раевскаго я зналъ съ малолѣтства, обучаясь съ нимъ вмѣстѣ въ Москвѣ, съ 12-го года принявъ разлпчныя службы, мы не встрѣчались до 1816-го года; онъ былъ принятъ въ Общество въ 1819-мъ году, въ проѣздъ свой черезъ Тульчинъ въ Бессарабію, гдѣ квартировалъ его полкъ: съ тѣхъ поръ я его не видалъ. Онъ не могъ не знать объ уничтоженіи общества кромѣ того, что Бурцовъ сообщилъ ему, а еще болѣе отъ самаго Орлова, при коемъ онъ находился до арестованія его уже въ званіи начальника школы юнкеровъ 16 дивизіи. Но полагать надобно, что онъ по уничтоженіи главнаго общества основалъ самъ отдѣльное въ 32-мъ Егер. полку, кажется, сіе не объяснилось въ дѣлѣ военнаго суда, надъ нимъ производимаго.

Говоря здѣсь объ общемъ предметѣ, не могъ, чтобъ не изложить и частностей, которыя знакомятъ ближе съ понятіемъ о главномъ предметѣ. Въ Москвѣ теперь я видѣлъ двухъ офицеровъ второй арміи: Басаргина, возвращавшагося къ своему мѣсту изъ отпуска, и состоящаго въ отпуску квартир. части подпоручика Горчакова и зналъ ихъ прежде за невоздержанныхъ въ сужденіяхъ своихъ, но

удостовѣряю, что теперь въ два раза, какъ они были у меня въ Москвѣ, я ни одного слова не слыхалъ отъ нихъ противнаго долгу, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. А Басаргинъ прежде былъ въ Обществѣ.

Съ уничтоженіемъ Общества въ Тульчинѣ, я осмѣлюсь сказать объ моихъ часныхъ отношеніяхъ: Я ждалъ окончанія Высочайшаго смотра арміи, чтобъ оставить оную навсегда, слухи о смотрѣ семъ почти за годъ были извѣстны въ арміи, я болѣе чѣмъ когда-нибудь удвоилъ снова бдительное вниманіе къ распознанію и наблюденію за образомъ мыслей въ главной квартирѣ, и гдѣ можно было и въ полкахъ, но никакъ и ничего замѣтить нельзя было, и все казалось совершенно утихшимъ. Я съ етой мыслей и оставилъ армію 2-ю послѣ смотра.

Вотъ, всемилостивѣйшій государь, откровеніе души моей, навсегда вамъ признательной: излагаю сіе по приказанію вашему съ подтвержденіемъ лично мною вамъ сказаннаго, но излагаю во имя Бога и по гласу совѣсти своей.

Клянусь честію, благороднымъ званіемъ офицера и неограниченной преданностью къ покойному государю и къ вамъ, государь, что объяснилъ здѣсь все то, что по краткости время могъ припомнить главнѣйшаго,—если бы что пропустилъ или забылъ, не повините, государь и благодѣтель мой: въ подобныя минуты не всегда управляешь связью мыслей и памятью точной въ ходѣ дѣйствій и времени и лицъ:—но могъ забыть или не знать иныхъ, но никого не назову напрасно, или увеличу, по пристрастію:—отъ того я и отдѣлилъ тѣхъ, объ которыхъ *зналъ по слухамъ*.—Пусть отзовется ето мнѣ и дѣтямъ моимъ, если хоть сколько-нибудь думалъ покривить совѣстію.

Всемплостивѣйшій Государь, я ничего не ищу, ни чего не желаю теперь, кромѣ мирнаго покоя совѣсти и семейственнаго благополучія. Вы мнѣ его возвращаете: мнѣ остается благословлять имя ваше подъ благотворнымъ правленіемъ вашимъ, ибо оно таково будетъ непремѣнно, какъ начало его было справедливо-грозно. Но единожды, Государь, очистя духъ въ войскахъ отъ вкравшейся въ офицерахъ нравственной заразы, вы обезпечите и миръ себѣ и намъ. Прошу, умоляю однако же объ одной милости, и однаго слова вашего на ето достаточно будетъ: не презирать меня какъ доносчика. но какъ желавшаго давно исполнить долгъ свой безъ погибели не отъ моей руки, а отъ собственныхъ заблужденій виновныхъ, если

онѣ продолжали еще таить намѣренія свои, когда я полагалъ ихъ совершенно уничтоженными какъ бы въ самомъ себѣ.

Осмѣливаюсь просить еще ваше императорское величество поручить себя въ случаѣ надобности покровительству вашему, ибо нельзя, чтобъ когда-нибудь не сдѣлалось извѣстнымъ нѣкоторымъ сіи откровенія мои, кои могутъ ожесточить ненавить въ ихъ родныхъ или въ друзьяхъ—но я готовъ, государь, запечатлѣть кровію своей неограниченную преданность мою къ особѣ священной вашей, наслѣднику и дому вашему.

Дополнительное показаніе.

По лично мнѣ сдѣланному вопросу ген.-ад. Гл. Шт. Его И. В., требовались ли разписки при вступленіи въ Общество?

На сіе отвѣтствовать честь имѣю: что изъ положенія *Зеленой Книги* (названной кажется единственно по цвѣту первой обертки свое, подъ которыми она находилась), что точно въ правилахъ ея положено было давать разписки и двоякаго рода.

Одну въ удостовѣреніи того, что вступилъ въ Общество и обѣщается дѣйствовать точно по смыслу етой книги и сохранять ето въ тайнѣ (я сколько могъ припомнить содержаніе, я объяснилъ въ кратцѣ оное въ первомъ донесеніи моемъ—точно таковую, въ какомъ содержаніи она дошла до меня; - я много, если раза два, ее видѣлъ, ибо Пестель очень рѣдко и неохотно ее показывалъ въ послѣдствіи).

Другая росписка требовалась въ томъ, что по волѣ, сколько пожертвуетъ ежегодно денегъ, то будетъ производить ежегодно сію сумму.

Хотя ето было 1818-мъ году. но сколько припомнить могу за себя, не знаю какъ другіе, но что я упорствовалъ дать первую разписку и недавалъ оной, какъ Пестель впослѣдствіи даже не настаивалъ. Я отзывался тѣмъ, что въ етой самой книгѣ я готовъ расписаться, но кто мнѣ поручится, что подъ етой же оберткой и подъ тѣмъ же названіемъ не составиться въ послѣдствіи что-нибудь другое и мнѣ даже неизвѣстное и что рѣшительно не дамъ отдѣльной разписки, которая можетъ примѣниться и къ чему-нибудь другому. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что не принято въ книгѣ расписываться, а какъ наберутся разписки, то пришнуруются къ книгѣ, но сколько я могу

припомнить, *я не давалъ* и *не далъ*, ибо онъ имѣлъ неосторожность (въ чемъ и сознался самъ мнѣ), что не слѣдовало бы ему объявлять мнѣ объ Обществѣ, пока не возьметъ хотя предварительной разписки, но что онъ ето здѣлалъ единственно по довѣренности ко мнѣ (которую я съ первымъ шагомъ нарушаю) и что увѣренъ онъ, что я послѣдую примѣру другихъ и въ послѣдствіи дамъ; а на счетъ *другой*, о взносѣ денежномъ, сказалъ: что ето относится болѣе до достаточныхъ людей, ибо ето назначается для бѣдныхъ—а вы сами не богаты.

При семъ случаѣ, осмѣливаюсь здѣсь присовокупить въ дополненіе къ сдѣланному мною изложенію о началѣ Общества во 2-й арміи, представленному госуд. импер. чрезъ Гвард. (сокр. не разобр). и обсобому письму еще къ Е. В., врученному отъ меня чрезъ госп. дежур. ген. Гл. Штаба, гдѣ я стремился только по внушенію долга, совѣсти и истины объяснить все то, что зналъ или слышалъ; но не обращался почти нигдѣ существенно по собственной защитѣ моей; ибо думалъ: что съ чистой совѣстью и съ разрушеніемъ Общества и послѣ лично мнѣ сказаннаго госуд. императоромъ, не полагающимъ уже меня виновнымъ, ничего мнѣ не остается говорить собственно про себя,—а полагалъ, что по сему сказанному изложенію моему объ Обществѣ, меня позовутъ предстать предъ высокой Совѣтъ, Высочайше учрежденной для изслѣдованія, гдѣ подтвержу съ нѣкоторыми подробностями мною сказанное и если нужно и къ собственному оправданію самаго себя;—ибо я, излагая ходъ Общества, менѣе всего думалъ *о самомъ себѣ*, кромѣ того, что Отецъ Сердцевидѣцъ внушалъ мнѣ къ искорененію его: ибо всегда мнѣ казалось, что отстать одному (что я въ душѣ моей давно здѣлалъ)—но етаго мало, рано ли, поздно ли, но беззаконность обнаружится; онѣ меня не пощадятъ, что я давно отсталъ: я все буду причастенъ къ ихъ преступленію: я могъ отстать въ Тульчинѣ—и всегда и вездѣ: но спрашиваю, къ чему ето меня привело бы: я питалъ одну мысль, кажется дерзкую въ своемъ, ето общаго уничтоженія Общества, или обнаруженія его, въ противномъ случаѣ;—и вотъ почему предложилъ собраться 1820 года въ Москву, куда и собрались въ зиму въ декабрѣ, и, кажется, до февраля 1821-го года продолжались раздоры,—распри,—приведшіе къ уничтоженію формальному, а не закрытію временному (ибо актъ былъ таковаго свойства).

Руководствуясь тѣмъ же несчастнымъ откровеніемъ и святостію долга моего, принимаю смѣлость сказать утвердительно: что если я остался въ заблужденіи, что оно уничтожено, то я не добро-

вольно подался на обманъ; ибо все то, что можетъ только увѣрить въ ереси—все было сдѣлано,—и весь ходъ наружныхъ обстоятельствъ убѣждалъ меня въ етомъ.

Я съ Москвы, то есть съ начала 1821-го года, будучи убѣжденъ съ существенномъ и формальномъ уничтоженіи Общества, съ тѣмъ вмѣстѣ почиталъ себя совершенно непричаснымъ ни дѣйствіемъ, ни мыслей, ни воспоминаніемъ даже къ бывшимъ заблужденіямъ.— И сколь онѣ непродолжительны были по вступленіи моемъ, такъ ревносно въ продолженіи 5-ти лѣтъ преслѣдовалъ ихъ. Никогда и прежде мнѣніями моими не возвышался чрезъ предѣлы *Зеленой книги*, а какъ скоро, познавши Пестеля короче, его безнравственность, его порочность души сухой, хитрой и способной на все гнусное,—я ревностно сталъ противиться и скрытно, и явно, сколько было возможно, его образу мыслей и успѣхамъ и образовалъ изъ него себѣ въ послѣдствіи ненавистнаго врага, и какъ увѣренъ, что онъ убѣжденъ, что ето я открылъ все прежнее до 1821-го года,— ибо если было что послѣ имъ устроено, то онъ лучше всѣхъ долженъ знать, что мнѣ ничего не было извѣстно.

Такимъ образомъ, не принадлежа и прежде къ Обществу *ни разписками, ни словомъ*, въ послѣдствіи которое я возвратилъ себѣ— своими мыслями и дѣйствіями, противными къ дальнѣйшему устройству, и давно уже ни разумомъ, ни совѣстію моей,—я съ уничтоженіемъ въ Москвѣ съ 1821-го года, я полагалъ себя совершенно правымъ и чистымъ предъ Богомъ и государемъ по указу Е. И. В. на счетъ Массонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ, я показалъ себя непринадлежащимъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, къ первымъ я точно, по истинѣ, никогда не принадлежалъ. Но обвиняю себя и теперь и прежде обвинялъ во всей полнотѣ сознающейся души, въ моей робости или слабости поползновенія на примѣръ другихъ;—для чего я не показалъ тогда, что я былъ въ томъ Обществѣ, хотя и уничтожено было болѣе года, кажется, прежде, чѣмъ требовались разписки сіи. Вотъ только, что могу принесть къ етому въ извененіе, если оно можетъ быть уважено, и чемъ тогда остановился, и чего однакожъ никогда себѣ не прощу.

1-е. Я былъ тогда въ Тульчинѣ убѣжденъ въ разрушеніи Общества, разписки напрасно давать явно, открыто на общемъ листѣ по принадлежности частей управленія. То думалъ, прежде чѣмъ дойдетъ ето до Главн. Штаба въ С.-П-бургѣ—и такъ еще замѣтятъ ли ето въ общей массѣ, какъ меня здѣсь уничтожутъ (если что-ни-

будь у нихъ кропится), а если уничтоженіе было откровенно:—они тоже скажутъ, что и я, точно было на основаніи такой-то Зеленой Книги, но все уничтожено съ февраля 1821-года,—а я или погибну, по предположенія перваго случая, а по другому осрамлюсь, но въ обоихъ не принесу никакой пользы Правительству.—Богомъ клянусь вотъ то, что я тогда и послѣ думалъ.

Я уже имѣлъ честь сказать выше, что я не помѣстилъ многихъ частностей въ первомъ моемъ донесеніи,—краткость на время, ни необходимость никакая меня къ тому не понуждала, я думалъ по чистотѣ моей совѣсти, немедленно по изложенію всего, что я зналъ, получить формальное запрощеніе отъ государя императора, послѣ его приватнаго, мнѣ лично здѣланнаго, или предстать предъ совѣтъ, Высочайше учрежденный, гдѣ, подтвердя все что, знаю, можетъ еще могу объяснить нѣкоторыя статьи краткаго моего изложенія, — а потому и проектъ сего добровольно. Но клянусь всѣмъ, что для меня безцѣннаго въ мірѣ, сверхъ моего долга предъ Богомъ, государемъ и человѣчествомъ, еслибъ въ тѣ немногіе и не цѣлые вечера, въ которыя я бывалъ у Фонъ-Визина въ Москвѣ, едваль если было 3-хъ или 4-хъ во все время двухъ мѣсяцовъ моего отпуска, и то въ различныя интервалы, хотя у него многія (какъ я уже объяснилъ въ первомъ донесеніи моемъ) изъ членовъ жили въ домѣ, и вѣроятно съ утра до вечера совѣщались и разсуждали различно *о преобразованіи Общества*: но свидѣтельствую еще разъ, что я, собственно, сверхъ споровъ, распрей и личностей, собственно объ етомъ предметѣ ничего не слыхалъ. Богъ мнѣ свидѣтель, что не пощадилъ бы съ тою же откровенностію сказать въ первомъ донесеніи моемъ—или теперь, еслибъ что-нибудь зналъ, или припомнилъ: мнѣ не трудно было бъ ето, ибо я всегда, что зналъ самъ по себѣ, или по слухамъ, паичаще чрезъ Охотникова, ибо онѣ собственно отъ меня могли скрываться;—я велъ всегда краткой журналъ у себя дома и долго еще сохранялъ его и послѣ, не одинъ разъ его перечитывалъ. Отъ того многое и помню почти литерально, а не по смыслу только, и жалѣю душевно, что уничтожилъ его въ послѣдствіи въ 1823-мъ году уже.

Но, воистину Бога, при мнѣ ничего не бывало, кромѣ толковъ, споровъ, буйнаго безпорядка и разсужденій въ томъ, какъ поставить членовъ общества въ большую зависимость и покорность другъ отъ друга, учрежденіемъ должностей, классовъ, ихъ названій, ихъ

обязанностей и пріучать ихъ къ порядку въ совѣщаніяхъ и разсужденіяхъ, ибо подлинно всегда наичаще бывало, что всѣ говорятъ и кричатъ въ одно время, одни ходятъ, другіе сидятъ, курятъ трубки, разсуждаютъ о постороннемъ и, не вслушиваясь, о чемъ вмѣшиваются. Словомъ ето былъ хаосъ примѣрной.

Но сколько не запрашиваю совѣсть и память мою, мнѣ неизмѣнявшими, ни слыхалъ никогда, чтобъ при мнѣ говаривали о какихъ либо намѣреніяхъ къ введенію современемъ конституціи, или къ нарушенію тогда или послѣ покойствія въ Москвѣ или гдѣ нибудь:—да кажется мнѣ невозможнымъ, чтобъ онѣ могли затѣвать тогда что нибудь подобное (если ета мысль и сокрывалась въ душѣ кого нибудь впослѣдствіи), ибо они никакъ не успѣвали еще въ организаціи внутренняго устройства Общества, къ которому усердно стремилися, но не сходились въ способахъ и мѣрахъ.

Избави меня Богъ быть ихъ защитниками изъ пристрастія. Но въ той же единственной мысли и долга откровенія присоединяю сіи подробности къ сказанному уже, чтобъ подробностями нѣкоторыми дополнить и объяснить болѣе состояніе духа и мыслей, въ каковомъ я оставилъ Общество предъ уничтоженіемъ его формальнымъ.

Въ подтвержденіе чего, обратить полагаю должнымъ вниманіе на то, что еслибъ онѣ имѣли какія нибудь намѣренія дѣйствительныя къ нарушенію покойствія тогда въ Москвѣ, то Фонъ-Визинъ бы не упустилъ бы изъ виду ухаживать за полковникомъ *Кальмомъ* (которой, какъ я сказалъ уже прежде, стоялъ съ полкомъ своимъ въ Москвѣ и содержалъ караулъ), но я въ 3-й или 4-й разъ, въ которые былъ у Ф. Визина, нетолько ни разу Кальма не стрѣчалъ въ обществѣ у него, но едваль онъ и приглашался ими. Я ссылаюсь на него самаго *Кальма.* Когда я его встрѣтилъ гдѣ то въ домѣ (но не у него только былъ) и отозвавши его сообщилъ ему мое удивленіе, что онъ не приглашается къ Фонъ-Визину, и старался наклонить его пріѣхать, ибо знавши полк. Кальма во 2-й арміи всегда очень умѣреннымъ, я увѣренъ былъ, что онъ не согласится ни на какое преобразованіе Общества по новому предположенію, акромѣ какъ было описано въ Зеленой Книги, и можетъ еще окажетъ мнѣ содѣйствіе къ уничтоженію Общества. Но онъ не пожелалъ, ни того ни другаго. Пусть спросятъ его: былъ ли онъ хоть разъ, но я его тамъ рѣшительно не видалъ,—и не знаю уже, по какимъ ви-

дамъ и по чьему ходатайству онъ перешелъ впослѣдствіи снова во 2-ю армію.

Такимъ образомъ въ послѣдней разъ предъ нимъ я былъ у Фонъ-Визина; происходили въ (вышесказанномъ видѣ) разговоры и несогласія, видя что онъ многихъ преклонилъ въ своемъ смыслѣ, я рѣшительно пересталъ ѣздить, ибо много переносилъ и личныхъ неудовольствій, и на многія приглашенія не являлся, отзываясь болѣзнію отца моего (который подлинно былъ боленъ тогда въ Москвѣ). Но наконецъ дней десять спустя Охотниковъ убѣждаетъ меня, говоря, что меня начинаютъ явно подозрѣвать и поносить въ обществѣ (я старался узнать отъ него, на чемъ онѣ остановились теперь: все по старому не клеится наше преобразованіе, помнится, онъ сказалъ мнѣ). Я не помню собственно, что ему говорилъ, но въ томъ смыслѣ, что если онѣ захотятъ что нибудь вводить противу принятаго я отойду: обѣщалъ ему пріѣхать въ назначенный день, и пріѣхавъ довольно рано, ихъ не много еще было. Этаго послѣдняго моего вечера я никогда не забывалъ и не забуду:—въ первой комнатѣ отъ гостиной слышу шумъ, а войдя застаю въ сильномъ спорѣ генерала Орлова съ Фонъ-Визинымъ, Якушкинымъ, Охотниковымъ и еще кто изъ кричавшихъ. Не бывши при самомъ началѣ спора, не знаю о чемъ, но догадываюсь явно, что Орловъ опровергалъ предположенія Фонъ-Визина и съ жаромъ, а какъ сего послѣдняго придержались съ нимъ живущія, и то въ ету то минуту у него вырвалось съ неудовольствіемъ, что ето похоже на *заговоръ въ заговоръ*. Никогда не забывалъ етихъ словъ, ни тотчасъ же возникшаго моего разговора, ибо онъ же былъ и послѣдній. Какъ скоро попритихло, я отнесся къ Орлову въ етомъ смыслѣ, а можетъ и въ етихъ словахъ самыхъ, ибо онѣ не разъ и послѣ пробѣгались въ моемъ журналѣ (который и велъ у себя даже и на случай, если Общество не разрушиться въ Москвѣ, то чтобъ было чѣмъ хотя нѣсколько уличить при обнаруженіи его). Говорю ему: „*я очень понялъ, что ваше превосходительство хотѣли сказать первымъ словомъ; но значенія втораго я не понимаю, къ чему вы примѣняете?*“ Ибо подлинно не трудно было постигнуть что *первымъ* словомъ *заговоръ* Орловъ опредѣлилъ ясно партію Фонъ-Визина, которая жила подъ однимъ кровомъ, пила и ѣла его хлѣбъ и соль—за одной съ нимъ трапезой, мыслила, судила и рѣшала по его мановенію, ибо онъ былъ и умнѣй и ревностнѣй всѣхъ, имѣлъ твердость во мнѣніяхъ постоянную и упорчивую. Одинъ Бурцовъ, сколько я его ра-

зумѣю, лежалъ всѣхъ ихъ слабѣе къ нему и на слово котораго надѣюсь въ увѣреніи объ уничтоженіи Общества и на формальное объявленіе, которое у него послѣ читалъ. *Я продолжалъ*: „изключите меня изъ Общества и называйте потомъ его, какъ хотите; къ нему не принадлежу ни записью, ни сердцемъ давно уже и ни чѣмъ". Обращаюсь къ Охотникову и говорю: „Ты меня пригласилъ отъ имени кого пріѣхать?—я уже десять дней, какъ не былъ, и потомъ что вхожу, такъ слышу подобныя слова".—Якушкинъ меня прервалъ и сказалъ тутъ, что давно уже *читаетъ на челѣ моемъ противное благу или успѣху Общества.*—Не помню навѣрное, кто именно изъ членовъ, не Тургеневъ ли или Охотниковъ, сказалъ, *что я слишкомъ литерально беру значеніе и особенно въ минуту еще горячихъ споровъ вырвавшихся*, что никакого заговора нѣтъ и что я вѣрно етаго и самъ не полагаю въ душѣ; - а что ето не первая подобная выходка моя съ тѣхъ поръ, какъ въ Москвѣ и которую относятъ многіе какъ придирку къ разрыву.—Помнится, я не полагалъ ничего подобнаго на *заговоръ*, да и мудрено было ему тогда составиться, когда ничто не ладилось къ начальному устройству еще Общества.

Орловъ, который долго молчалъ и продолжалъ, кажется, не обращать вниманія на Фон-Визина, но наконецъ отвѣчалъ мнѣ въ подобномъ смыслѣ. „Знаете ли вы, Г-нъ Комаровъ, вы которой такъ буквально все принимаете, что тайное общество—есть тотъ же заговоръ—сто синонимы". И началъ мнѣ доказывать опредѣленіемъ словъ очень дѣльно. Я возражалъ ему, сколько могъ, и почьти въ етомъ смыслѣ и что мы можетъ сойдемся въ опредѣленіи словъ, но никакъ въ сущности принятаго значенія ихъ. Наше Общество, по моему, какъ его я понимаю *порочно* только было скрытностію своей отъ правительства,—а *заговоръ* можетъ быть различныхъ свойствъ и всегда несетъ съ собой мысль преступленія.

Обращаясь тутъ ко многимъ, я сказалъ, что такая таинственность къ новому преобразованію Общества рѣшительно меня заставляетъ оставить его и теперь, чтобъ оно уничтожилось; Пестель только и стремится принимать военныхъ, не смотря кто онѣ, и мнѣ передъ отъѣздомъ изъ Тульчина поручалъ сказать ето членамъ (мнѣ странно было ето порученіе Пестеля, тогда какъ я въ душѣ моей однаго и желалъ только не только военныхъ, но и статскихъ и всѣхъ привесть къ уничтоженію съ Обществомъ вмѣстѣ, или обнаружить его немедленно).

Послѣ сего разговора я незамѣтно вышелъ и уѣхалъ—съ тѣмъ, чтобъ и не быть никогда, а остальное извѣстно изъ перваго моего донесенія, что я приглашенъ былъ къ Ф. Визину послѣ для свѣдѣнія объ уничтоженіи Общества формальнымъ актомъ.

Я почелъ долгомъ въ слѣдъ за первымъ объясненіемъ о ходѣ Общества написать и ети подробности въ мое собственное оправданіе. Остается теперь мнѣ, чтобъ совѣсть имъ внушила то, что если память надъ честію скрыть пожелаетъ.

1-е остается мнѣ представить 15-й годъ службы моей въ офицер. чинѣ,—изъ коихъ отъ 12 до 18 были, смѣю сказать, безъ оттѣнка, ни ареста, ни выговора, какъ и въ послѣдствіи, 18-й годъ былъ годъ заблужденій, 19-й уже началъ освѣщать меня противу, 20-й внушилъ мысль противиться онымъ рѣшительно.—А въ началѣ 1821-го совершенно свергнулъ ихъ и былъ все время чистъ совершенно передъ Богомъ и совѣстію, царемъ покойнымъ и царемъ царствующимъ.

Не взирая на то, что имѣлъ и имѣю много недоброжелателей и враговъ даже во 2-й арміи и вездѣ по открытому и непокорному моему характеру, но имъ вручаю—подозрительной даже ихъ чести и негодованію противу меня сказать, что знаютъ: Говорилъ ли я послѣ уничтоженія Общества хотя съ кѣмъ нибудь изъ нихъ о чемъ нибудь новомъ, или о протекшемъ. Въ Москвѣ жилъ, въ Кіевѣ былъ проѣздомъ въ С. Пет., въ 1823-мъ году былъ въ отпуску долгое время, пусть скажетъ кто нибудь и что нибудь:

Какъ я велъ себя по службѣ все время и прежде и послѣ 21-го года.

Какъ я велъ себя у Гр. Толстого и во время всѣхъ послѣднихъ произшествій?

Былъ Трубецкой, былъ Муравьевъ, было много кавал. и всѣхъ полковъ офицеры, которыя замѣшаны въ послѣднемъ событіи. Спросите ихъ: видѣлъ ли кто и гдѣ нибудь, чтобъ говорилъ я съ ними о чемъ нибудь, былъ ли у нихъ или онѣ у меня.

Пущинъ все время служилъ въ Москвѣ при кн. Голицынѣ, а я уже третій при графѣ Толстомъ, я знаю, что онъ до 21-го года принадлежалъ къ Обществу. Спросите его, позволилъ ли я себѣ, видѣвъ его иногда въ разныхъ домахъ, коснуться чего нибудь изъ етаго и былъ ли я у него или онъ у меня хоть разъ.

1. Я за (проп. въ рукоп.) охотно—прочихъ лицъ.

2. Я былъ въ Петербургѣ въ 1823-мъ году и сказалъ про однаго себя покойному государю, ибо не про кого сказать болѣе.

3. Наконецъ я жилъ въ Петербургѣ у Вяземскаго.

И наконецъ однаго прошу, разсмотрѣть мои объясненіи: я наказанъ уже по обстоятельствамъ болѣе виновныхъ. Представивъ государю объ этомъ, и прошу однаго, отпустить меня—гнѣвъ или милость его. Судъ найдетъ меня. Спокойствіе жены и семейства отъ этаго зависитъ.

Полезно запросить Бурцова объ устройствѣ Общества, онъ уличитъ и всѣхъ запирающихся.

БИБЛІОТЕКА РЯЗАНСКАГО ПОТРЕБИТЕЛЬСКАГО ОБЩЕСТВА

Н. Муравьевъ.

Историческое обозрѣніе хода Общества.

Въ продолженіе 1816-года Александръ Муравьевъ предложилъ мнѣ составить общество, имѣющее цѣлью введеніе въ Россіи монархическаго представительнаго правленія. По сему случаю пригласилъ онъ къ себѣ Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ—Апостолъ, Якушкина и меня. Послѣ многихъ совѣщаній, дѣло разошлось безъ всякихъ послѣдствій. Якушкинъ черезъ непродолжительное время перешелъ въ армію и поступилъ въ полкъ генерала Фонвизена, который бывъ еще тогда полковникомъ, находился съ полкомъ въ Черниговской губерніи и вскорѣ съ онымъ перешелъ въ Москву. Въ это время познакомился я съ Пестелемъ и, найдя въ немъ тѣже мысли, сблизилъ его съ Александромъ Муравьевымъ, который въ тоже время вступилъ въ связь съ княземъ Трубецкимъ. Пестель взялся написать уставъ общества, которое и возъимѣло свое начало въ февралѣ 1817 года подъ именемъ *Союза Спасенія*. Союзъ сей состоялъ изъ трехъ степеней. *братій*, *мужей* и *бояръ*. Изъ третьей степени избирались, сколько помню, ежемѣсячно *старѣйшины*. Обряды пріема долженствовали быть торжественные. Вступающій давалъ клятву сохранить въ тайнѣ все, что ему скажутъ, если оно не будетъ согласно съ его мнѣніемъ, по вступленіи онъ давалъ другую клятву. Каждая степень и даже старѣйшины имѣли свою клятву. Черезъ нѣсколько дней Пестель пріобрѣлъ Обществу кн. Лопухина въ качествѣ боярина. Копія съ устава была доставлена въ Москву къ Якушкину, въ твердомъ увѣреніи, что онъ немедленно вступитъ въ бояре, безъ прекословія устроивъ Общество. Пестель уѣхалъ въ Митаву, и Александръ Муравьевъ заступилъ мѣсто старѣйшины. Генералъ Михайло Орловъ находился тогда въ Петербургѣ. Они открылись другъ дру-

гу потому, что каждый изъ нихъ сталъ уговаривать другаго вступить въ свое Общество. Переговоры сіи кончились тѣмъ, что они обѣщались не препятствовать одинъ другому, идя къ одной цѣли, и оказывать себѣ взаимныя пособія. Нашему обществу сталъ извѣстенъ одинъ ген. Орловъ,—его Обществу одинъ Александръ Муравьевъ.

Сей послѣдній желалъ пріобрѣсти Обществу брата своего Михаила, Бурцова и Петра Колошина. Но они не иначе соглашались войти, какъ съ тѣмъ, чтобы сей уставъ, проповѣдающій насиліе и основанный на клятвахъ, былъ отмѣненъ и чтобы Общество ограничилось медленнымъ дѣйствіемъ на мнѣніе. И такъ Союзъ Спасенія рушился послѣ трехъ или четырехъ мѣсяцевъ существованія. Всѣ формы онаго были уничтожены и безконечныя пренія возникли, какое дать устройство Обществу. Между тѣмъ Михайло Муравьевъ и Петръ Колошинъ были переведены на службу въ Москву. Большая часть членовъ также вскорѣ пошла въ Москву въ отрядѣ войскъ Гвардейскаго корпуса.

Въ тоже время въ Москвѣ Якушкинъ, получа уставъ Союза Спасенія, нашелъ его несообразнымъ съ своимъ образомъ мыслей, согласовавшагося съ мыслями Михайлы Муравьева. Особливо возненодовалъ онъ противъ клятвъ и слѣпого повиновенія, которыхъ уставъ сей требовалъ отъ первыхъ двухъ степеней, къ воли бояръ и отъ самыхъ бояръ рѣшенію большинства голосовъ. Онъ показалъ уставъ сей ген. Фонвизену, который раздѣлилъ его образъ мыслей.

По прибытіи въ Москву начались споры, какую дать форму Обществу и какую цѣль опредѣлить его занятіямъ. Еще въ Петербургѣ кн. Лопухинъ доставилъ книжку нѣмецкаго журнала „Freywillige Blätter“, въ которой находился уставъ Тугенбунта, въ томъ самомъ видѣ какъ оный, по сказанію сего журнала, былъ представленъ на утвержденіе королю Прусскому. Петръ Колошинъ перевелъ его на русской языкъ. Уставъ сей весьма понравился Михайлѣ Муравьеву, Фонвизену и Якушкину, которые настаивали, чтобы оный приключить къ состоянію Россіи и народному характеру, на что другіе члены не соглашались такъ, что Михайло Муравьевъ и Петръ Колошинъ оставили Общество.

Въ это время пришло къ Якушкину письмо отъ князя Трубецкаго изъ Петербурга, въ которомъ онъ извѣщалъ его, что государь императоръ рѣшился отдѣлить польскія губерніи отъ Россіи и, зная, что таковое предпріятіе не можетъ исполниться безъ сопротивленія, ѣдитъ со всею царствующею фамиліею въ Варшаву, изъ коей из-

дастъ манифестъ о вольности крѣпостныхъ людей и крестьянъ, что тогда народъ примется за оружіе противу дворянъ и вовремя сего всеобщаго смятенія польскія губерніи будутъ присоединены къ новому царству. Такое нелѣпое извѣстіе произвело чрезвычайное дѣйствіе. Якушкинъ, который нѣсколько лѣтъ уже мучился несчастною страстью и котораго друзья съ трудомъ нѣсколько разъ спасали отъ собственныхъ рукъ, представилъ себѣ, что смерть его можетъ быть полезна Россіи.—„Убійца не долженъ жить“—говорилъ онъ, „я вижу что судьба меня избрала жертвою, я убью царя и послѣ застрѣлюсь“. Ген. Фонвизенъ и Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ взяли у него письмо, прочли, нашли обвиненіе нелѣпымъ, говорили, что все это горячка и убѣдили Якушкина дождаться объясненій кн. Трубецкаго. Въ слѣдствіе сего, онъ былъ призванъ въ Москву, стали его допрашивать, онъ не могъ привести никакихъ доказательствъ достовѣрности сихъ ужасныхъ предположеній и такимъ образомъ отвращены были всѣ послѣдствія, которыя могло бы имѣть его письмо.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этаго Якушкинъ преодолѣлъ страсть свою, женился на другой особѣ, оставилъ общество совершенно и ведетъ теперь жизнь самую уединенную въ деревни, занимаясь своимъ семействомъ и хозяйствомъ.

Члены успокоившись, занялись передѣланіемъ устава Тугендбунта. Работа сія продолжалась около четырехъ мѣсяцевъ. Она была поручена Михайлѣ Муравьеву, кн. Трубецкому и мнѣ. Но такъ какъ моя часть не отвѣтствовала прочимъ, то поручено было Петру Колошину ее передѣлать.

Пока работа сія производилась, Александръ Муравьевъ завелъ *Военное Общество*, которое было довольно многочисленно и раздѣлялось на двѣ управы;—но по окончаніи новаго устава, общество сіе было распущено и члены онаго поступили въ новый *Союзъ Благоденствія.*

Союзъ сей, который обнималъ всѣ отрасли человѣческихъ занятій, увеличился весьма скоро потому, что правила, изложенныя въ его уставѣ, были основаны на правилахъ чистѣйшей нравственности и дѣятельной любви къ человѣчеству. Многіе члены предлагали поднести его правительству и испросить отъ онаго утвержденія. Но оный не могъ существовать по множеству занятій и трудовъ, которыхъ онъ требовалъ отъ каждаго члена.

Члены, оставшіеся въ Петербургѣ, вступили также въ Союзъ Благоденствія. Между тѣмъ ген. Орловъ не успѣлъ въ своемъ намѣ-

ренiи составить общество. Представитель его въ Петербургѣ Николай Тургеневъ вступилъ въ С. Бл. и онъ самъ послѣдовалъ сему примѣру въ Москвѣ, гдѣ принялъ его Александръ Муравьевъ, вышедшiй въ отставку и поселившiйся тамъ.

Пестель, какъ я уже выше упомянулъ, не призналъ новый Союзъ и дѣйствовалъ отдѣльно, прежде въ Митавѣ, а потомъ въ Тульчинѣ. Въ 1819 году Александръ Муравьевъ вышелъ изъ Общества и прислалъ въ Петербургъ всѣ книги устава, у него находившiяся.

Вскорѣ послѣ того оба Фонвизены пріѣзжали въ Петербургъ съ предложенiемъ сдѣлать съѣздъ уполномоченныхъ отъ всѣхъ отраслей Союза въ Москвѣ, дабы обдумать, есть ли способъ дать ходъ обществу, а въ случаѣ невозможности распустить оное. Изъ Петербурга поѣхали Н. Тургеневъ и полковникъ Глинка. Собранiе, сколько мнѣ извѣстно, состояло изъ ибоихъ Фонвизеныхъ, генерала Орлова, полковниковъ Грабе, Глинки и Н. Тургенева. Не помню, былъ ли Бурцовъ на ономъ, или нѣтъ.

Съѣздъ сей имѣлъ послѣдствiемъ разрушенiе Союза, коего книги были вездѣ истреблены и много членовъ вышли совершенно изъ Общества, какъ то: Михайло Муравьевъ, Петръ Колошинъ и Якушкинъ.

Сiе происходило, сколько припомню, весною 1820-го года. Что происходило въ Петербургѣ въ продолженiи сего года, мнѣ мало извѣстно потому, что я проводилъ лѣто на дачѣ съ матерью, и будучи въ отставкѣ, не имѣлъ предлога ѣздить въ городъ. Князь Трубецкой уѣхалъ за границу, Матвѣй Муравьевъ въ Москвѣ еще сдѣланъ былъ адъютантомъ князя Репнина, Бурцовъ также въ концѣ 1819-го года оставилъ Петербургъ и поѣхалъ въ Тульчинъ. Оставался изъ старыхъ членовъ одинъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, который не имѣлъ управы. Конецъ же лѣта и осень я провелъ въ путешествiи. Съ Оболенскимъ я былъ тогда еще мало знакомъ. И потому показанiя мои могутъ быть невѣрными и я могу безъ всякаго дурнаго намѣренiя помѣстить въ число членовъ, людей, не участвовавшихъ уже болѣе ни въ какихъ дѣйствiяхъ, имена коихъ извѣстны кн. Оболенскому и г. Семенову, который съ возвращенiя Союза Благоденствiя въ Петербургъ служилъ сообщенiемъ между всѣми управами.

Я уже упомянулъ выше о моемъ путешествiи въ Крымъ и заѣздѣ въ Тульчинъ.

Возвратился я въ Петербургъ въ концѣ ноября 1820-го года. Общество все еще не воскресало. Въ апрѣлѣ или маѣ 1821-го года

выступила гвардія въ походъ и уже не осталось въ Петербургѣ ни одного члена. Осенью 1821-го года я вступилъ въ службу и поѣхалъ въ главную квартиру Гвардейскаго корпуса, находившуюся въ Минскѣ. Тамъ я началъ писать проэктъ конституціи, которую не успѣлъ довести до совершеннаго окончанія, какъ принужденнымъ нашелся ее истребить.

Будучи въ Минскѣ, я видалъ одного только члена нашего общества полковника Нарышкина и, будучи посыланъ весною 1822 въ Лиды для сочиненія диспозиціи Павловскому полку, видѣлъ князя Оболенскаго.

Между тѣмъ Общество лишилось Лунина, который въ началѣ 1822-го года вступилъ въ службу, поѣхалъ въ Литовской корпусъ и съ тѣхъ поръ прервалъ всѣ сношенія съ нимъ, и князя Лопухина, который уѣхалъ въ Тверь и не участвовалъ болѣе ни въ какихъ занятіяхъ нашихъ, такъ что, бывши въ Петербургѣ въ 1824-мъ году, онъ избѣгалъ даже стрѣчи членовъ Общества. Наконецъ осенью 1822-го года составилось опять Общество, которое лишилось вскорѣ потомъ Павла Колошина, который уѣхавъ въ Москву, бросилъ Общество, и егерскаго офицера Горсткина, который послѣдовалъ его примѣру. Полковникъ Шиповъ съ 1823-го года также отчуждился отъ Общества. Егерскіе офицеры Норовъ и Чилищевъ и измайловской Капнистъ также оставили Общество.

Въ 1824 году Пестель пріѣхалъ въ Петербургъ. По причинѣ болѣзни жены моей, я не могъ его видѣть болѣе недѣли. Между тѣмъ происходило собраніе главнѣйшихъ членовъ, въ которомъ были члены Думы кн. Трубецкой и кн. Оболенской и члены Н. Тургеневъ, Рылѣевъ, Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ и Семеновъ. Кажется, Пестель жаловался на недѣятельность Сѣвернаго общества, на недостатокъ единства въ дѣйствіяхъ, на различіе устройствъ на Сѣверѣ на Югѣ и на недостатокъ положительныхъ началъ. На Югѣ были бояре, у насъ ихъ не было. И потому онъ предлагалъ соединить оба общества въ одно, признать въ обоихъ обществахъ однихъ и тѣхъ же начальниковъ. Дѣла рѣшать большинствомъ голосовъ бояръ и обязать бояръ и прочихъ членовъ слѣпо исполнять рѣшеніе большинства голосовъ. Сіе предложеніе было принято и Пестель посѣтилъ меня. Не сходясь съ нимъ въ сихъ правилахъ, я предложилъ другое собраніе, въ которомъ изложилъ невозможность слить въ одно два общества, отдѣленныя такимъ большимъ пространствомъ и притомъ раздѣленныхъ мнѣніемъ. Въ Сѣверномъ Обществѣ всякой имѣлъ

свое мнѣніе, въ Южномъ, сколько мнѣ было извѣстно по пріѣзжающимъ изъ онаго, не было никакого противурѣчія мнѣніямъ Пестеля: и такъ большинство голосомъ всегда бы было выраженіемъ одной его воли. Притомъ онъ не опредѣлялъ, сколько имянно онъ могъ имѣть бояръ, и представилъ себѣ право вмѣстѣ съ своими боярами принимать новыхъ. Къ тому же я объявилъ, что никогда не согласусь слѣпо повиноваться большинству голосовъ, когда рѣшеніе ихъ будетъ противно моей совѣсти и предоставляю себѣ право выти изъ Общества во всякомъ случаѣ. Причины сіи подѣйствовали, и Пестель согласился на слѣдующее опредѣленіе: оставить оба общества въ ихъ настоящемъ положеніи, сколько помню до 1826-го года, а тогда собрать уполномоченныхъ отъ обоихъ обществъ, которые бы уже согласились въ началахъ и избрали бы вмѣстѣ общихъ правителей для всего общества. Съ тѣхъ поръ сношенія Сѣвернаго общества съ Пестелемъ измѣнились и онъ въ пребываніе свое не оказывалъ уже никакой довѣренности главнымъ онаго членамъ. Обѣщалъ прислать свою конституцію и не прислалъ и вообще не входилъ ни въ какія подробности на счетъ устройства Южнаго Общества и его дѣйствій. Князь Волконскій, который пріѣзжалъ уже послѣ него, не имѣлъ никакихъ порученій отъ него, а только привѣтствовалъ членовъ Думы и хвалилъ согласіе обоихъ обществъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года (1825) Рылѣевъ принялъ Якубовича, который по вступленіи своемъ объявилъ ему, что онъ намѣренъ покуситься на жизнь императора во время маневровъ. Узнавъ о томъ отъ кн. Оболенскаго, мы вмѣстѣ съ нимъ и Рылѣевымъ положили во что бы то ни стало не допускать его до исполненія сего намѣренія. Вскорѣ узналъ я отъ Оболенскаго, что Рылѣевъ уговорилъ Якубовича, какъ то ему поручено было; что Якубовичъ далъ ему слово не предпринимать сего, но что откладывалъ сіе не болѣе, какъ на годъ. Въ таковыхъ обстоятельствахъ Дума рѣшилась требовать совѣта главнѣйшихъ членовъ сего Общества. Пріѣхавъ въ Москву, я посѣтилъ Пущина, Нарышкина, Семенова и Митькова, который только что возвратился изъ чужихъ краевъ и подалъ въ отставку по причинѣ болѣзни. Павелъ Колошинъ и Горсткинъ, какъ я узналъ отъ Пущина, Семенова и Нарышкина совершенно отстранились отъ дѣлъ Общества и потому не участвовали въ совѣщаніи. Я пригласилъ также ген. Фонвизена, который жилъ въ своей деревни подъ Клиномъ, пріѣхать въ Москву. Я представилъ имъ все дѣло и назвалъ Якубовича. Всѣ сіи члены полагали не допускать его до

исполненія сего намѣренія. Ген. Фонвизенъ сказалъ, что хотя онъ увѣренъ въ душѣ своей, что Якубовичъ не исполнитъ сего, но что долгъ нашъ ему въ томъ воспрепятствовать. „Сверхъ того, прибавилъ онъ, Общество по моему мнѣнію можетъ сдѣлать одну только хорошую вещь—разойтись и посовѣтовать своимъ членамъ заняться исполненіемъ своихъ семейныхъ обязанностей“. Полковникъ Нарышкинъ, который былъ отпущенъ на 28 дней въ свое имѣніе въ Крымъ, обѣщался проѣздомъ заѣхать въ Южную Думу и увѣдомить ее также о семъ, дабы испросить ея совѣтовъ, какимъ образомъ предупредить сіе, не подвергая опасности существованія Общества.

Я заѣзжалъ также къ ген. Орлову, который съ первыхъ словъ, видя что я говорю съ нимъ какъ съ сочленомъ, отвѣчалъ мнѣ: „вы знаете ли, что я не принадлежу уже болѣе вамъ и не знаю даже, изъ кого состоитъ теперь Общество ваше?“ Я отвѣчалъ ему: „Не смотря на то Сѣверная Дума желаетъ имѣть ваше мнѣніе“. И разсказалъ ему все обстоятельство, не называя однакожь никого.

Ген. Орловъ былъ также мнѣнія, что не должно его допускать никакимъ образомъ до исполненія сего намѣренія.

Послѣ того я поѣхалъ къ женѣ, которая находилась у своихъ родителей въ Орловской деревнѣ, куда я прибылъ ноября 15. Съ тѣхъ поръ сего получилъ я декабря 20-го дня повелѣніе Московскаго генералъ-губернатора явиться въ Москву, куда приѣылъ декабря 23-го дня въ 8 часовъ утра и немедленно явился къ нему.

Изложеніе писанной мною конституціи я буду имѣть честь представить Комитету въ непродолжительномъ времени.

Дополнительное показаніе.

Отвѣтъ на слѣд. вопросъ Комитета:

„1826 года апрѣля 27-го дня отъ Высочайше учрежденнаго комитета г. капитану Никитѣ Муравьеву вопросные пункты.

„Въ 1823 и 1824 году Директорія Южнаго Общества употребила мѣры къ рѣшительному преклоненію членовъ Севернаго Общества на принятіе мнѣнія Южнаго Общества о введеніи въ Россіи республиканскаго правленія съ покушеніемъ на жизнь всей императорской фамиліи, и особенно дѣйствовала для того чрезъ подполковниковъ Поджіо и Матвѣя Муравьева-Апостола, полковника Пестеля и другихъ.

„Вы и князь Трубецкой сначала спорили противу сего предложенія, но Николай Тургеневъ, Князь Оболенскій, Рылѣевъ, Александръ Бестужевъ, Князь Валеріанъ Голицынъ, Митьковъ, Поливановъ, Федоръ Вадковскій, Свистуновъ, Анненковъ и Депрерадовичъ совершенно согласились съ означеннымъ мнѣніемъ Южнаго Общества.

„Въ семъ случаѣ комитетъ требуетъ откровеннаго и утвердительнаго показанія Вашего:

„а) Кѣмъ, гдѣ и когда было сообщено вамъ вышеприведенное рѣшительное намѣреніе Южнаго Общества, кому и какой на то вы сдѣлали отзывъ, и въ послѣдствіи времени было ли вами принято сіе намѣреніе Южнаго Общества и оставались ли вы въ убѣжденіи о необходимости введенія въ Россіи республики съ уничтоженіемъ парствующей фамиліи.

„б) Не говорилъ ли о томъ съ вами Николай Тургеневъ, и не преклонялъ ли васъ на принятіе сего мнѣнія Южнаго Общества, равнымъ образомъ не имѣлиль вы о томъ разсужденій съ кѣмъ либо изъ вышеозначенныхъ членовъ и въ комъ изъ нихъ видѣли твердую рѣшительность на введеніе республики съ истребленіемъ?

„с) Кто еще сверхъ тѣхъ лицъ извѣстны вамъ были, равно раздѣлявшими мнѣніе Южнаго Общества?

Генералъ Адъютантъ Чернышевъ“.

Отвѣтъ Муравьева.

Желая представить полное обозрѣніе сихъ обстоятельствъ, я беру смѣлость начать мое изложеніе съ 1820 года. Я доносилъ уже, что не полагалъ *окончательнымъ* постановленіе, сдѣланное на квартирѣ полковника Глинки, поелику вслѣдъ за онымъ Союзъ Благоденствія разрушился и до конца 1822-го года общество въ Петербургѣ находилось безъ правленія и въ совершенномъ бездѣйствіи; въ концѣ сего года кн. Трубецкой, кн. Оболенской и я составили Думу. Первые два ничего не знали объ оном, а я въ продолженіи 1821-го и 1822-го годовъ удостовѣрился въ выгодахъ монархическаго представительнаго правленія и въ томъ, что введеніе онаго обѣщаетъ обществу наиболѣе надеждъ къ успѣху. Новая Дума, будучи единодушная въ семъ мнѣніи, не могла быть связана рѣшеніемъ уничтожившагося правленія и голоса выбывшихъ членовъ, кн. Долгорукова, гр. Толстаго и Глинки, не имѣли уже никакого значенія.—

Я сообщилъ моимъ сочленамъ въ Думѣ, что у Пестеля принята всѣми республика, что я видѣлъ осенью 1820-го года въ Тульчинѣ. Я говорилъ имъ, что явное противорѣчіе Пестелю произведетъ отторженіе отъ насъ Южнаго Общества, но что намъ должно успокоить Пестеля увѣреніемъ, что представительныя понятія служатъ намъ одною завѣсою. Что по окончаніи конституціи должно оную распространять какъ можно болѣе и даже давать читать постороннимъ, дабы посредствомъ усилившагося въ ея пользу мнѣнія, увлечь и Южное Общество.

Истину сего показанія подтвердятъ, безъ сомнѣнія, кн. Трубецкой и кн. Оболенской. Въ слѣдствіе сего, видя согласіе моихъ сочленовъ на мое предложеніе, я сжегъ *Правду Русскую* Пестеля, лишь только я получилъ оную, яко несообразную съ нашею цѣлью.

По прибытіи Пестеля въ Петербургѣ въ 1824 году, происходило собраніе, о которомъ я ничего положительнаго сказать не могу, поелику на ономъ не находился, что Комитету уже извѣстно изъ прежнихъ моихъ показаній. Мнѣ объявилъ кн. Трубецкой, если не ошибаюсь, что на ономъ положено было слитіе въ одно обоихъ обществъ, что мнѣ весьма не понравилось съ перваго даже раза. Черезъ нѣсколько дней Пестель пришелъ ко мнѣ. У насъ началось сперва преніе о конституціи. Я объявилъ ему, что кончивъ работу эту, я намѣренъ распущать ее повсюду, какъ бы произведеніе неизвѣстнаго и принимать всѣхъ тѣхъ, которые будутъ соглашаться на оную. Что желательно даже, чтобы она обращалась и внѣ общества, поелику мы можемъ достигнуть нашей цѣли, посредствомъ одного только общаго мнѣнія.

Пестель возражалъ на сіе, что начала конституціонныя должны оставаться тайною управляющихъ Обществомъ и не должны быть объявлены, для избѣжанія преній, что правленіе Общества должно сперва убить членовъ императорской фамиліи, заставить Святѣйшій Синодъ и Сенатъ объявить оное *Временнымъ Правительствомъ*, которое должно быть облечено неограниченною властью. Что Временное правительство сіе, принявъ присягу отъ Синода Сената и всей Россіи, раздавъ министерства, арміи, корпуса и прочія начальства членамъ Общества мало по малу, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ будетъ постепенно вводить новое образованіе. Что между тѣмъ Общество будетъ продолжаться принимать членовъ и что никто, не поступивъ предварительно въ оное, не долженъ быть облеченъ никакою гражданскою или военною властью.

Весь планъ показался мнѣ столь несбыточнымъ и невозможнымъ, сколько варварскимъ и противнымъ нравственности. Желая поколебать его мнѣнія, я замѣтилъ ему только, что люди, обагренные кровью, будутъ посрамлены въ общемъ мнѣніи, которое не дастъ имъ послѣ того пользоваться похищенною ими властью. На сіе Пестель возразилъ мнѣ, что избранные на сіе должны находиться внѣ Общества, которое послѣ удачи своей пожертвуетъ ими и объявитъ, что мститъ за императорскую фамилію. – Я признаюсь, что ничего не могъ отвѣчать на это, прервалъ разговоръ и рѣшился склонить Думу къ уничтоженію своего постановленія о соединеніи обоихъ обществъ.

Я сообщилъ разговоръ сей кн. Трубецкому и кн. Оболенскому и въ слѣдующемъ собраніи соединеніе обоихъ обществъ было отсрочено на два года, сколько помню, какъ то мною уже изложено въ изображеніи историческомъ хода всего Общества. Въ этомъ собраніи, на которомъ находился и Пестель, я объявилъ, что немогу согласиться, чтобы оба общества имѣли одно управленіе, когда цѣлъ оныхъ не одинаковая. Кн. Трубецкой и кн. Оболенской могутъ засвидѣтельствовать, что весь планъ Пестеля былъ противенъ моему разсудку и образу мыслей.

Я не помню, чтобы подполковникъ Поджіо говорилъ мнѣ объ этомъ. Чтожъ касается до Матвѣя Муравьева-Апостола, то онъ колебался между мною и Пестелемъ, который его увлекъ во время своего пребыванія въ Петербургѣ.

О семъ предложеніи Пестеля я разсуждалъ только съ кн. Трубецкимъ и кн. Оболенскимъ. Мнѣнія Митькова, Рылѣева и Александра Бестужева о семъ предметѣ мнѣ не были извѣстны.

Я не знаю мнѣнія князя Валеріана Голицына о томъ, поелику съ нимъ объ ономъ никогда не говорилъ, какъ онъ это можетъ подтвердить.

Равнымъ образомъ я ссылаюсь на Поливанова, Вадковскаго, Свистунова и Депрерадовича, что я съ ними о томъ никогда не говорилъ. Я зналъ только, что они были отторгнуты Пестелемъ въ Южное Общество, послѣ того какъ предложенное имъ соединеніе было отсрочено, но никогда не слыхалъ ихъ сужденій. Что жь касается до Анненкова, то я его вовсе не зналъ.

Изложивъ все мое поведеніе въ семъ случаѣ, мнѣ остается представить мои предположенія; я полагалъ:

1-е Распространить между всѣми состояніями людей множество екземпляровъ моей конституціи, лишь только оная будетъ мною окончена.

2-е Произвесть возмущеніе въ войскѣ и обнародовать оную.

3-е По мѣрѣ успѣховъ военныхъ, во всѣхъ занятыхъ губерніяхъ и областяхъ приступить къ собранію избирателей, выбору тысяцкихъ, судей, мѣстныхъ управленій, учрежденію областныхъ палатъ, а въ случаѣ великихъ успѣховъ и народнаго вѣча.

4-е Еслибъ и тогда императорская фамилія не приняла конституціи, то, какъ крайнее средство, я предполагалъ изгнаніе оной и предложеніе республиканскаго правленія.

Распространеніемъ тѣсной связи, предполагаемой между обоими обществами, я доказалъ, сколько планъ Южнаго Общества былъ мнѣ противенъ.

Долгомъ считаю донести, что Николай Тургеневъ мнѣ о томъ не говорилъ и не покушался меня переклонять къ принятію мнѣнія Южнаго Общества.

Подполковникъ Василій Давыдовъ, во время своего нахожденія въ Петербургѣ, предложилъ мнѣ заняться съ нимъ въ разсужденіи *преобразованія правительства и плана дѣйствій Общества*, дабы окончательно утвердить оное. Согласясь на его мысль, я предложилъ ему, для большаго порядка въ сужденіи, чтобы онъ взялся назначать вопросы, а что я буду на каждый давать свое мнѣніе, послѣ чего мы станемъ разсуждать о томъ и такимъ образомъ все постановимъ. Первый вопросъ его былъ объ увольненіи крестьянъ. Я объяснилъ ему мое мнѣніе на сей счетъ.—У насъ положено иначе, сказалъ онъ мнѣ.--Я сталъ разбирать ихъ постановленіе о томъ и дѣлать на оное возраженія. Выслушавъ ихъ онъ мнѣ отвѣчалъ:—„Вы судите справедливо, я самъ этого мнѣнія, но у насъ такъ положено и этого перемѣнить нельзя“.—За симъ онъ не приступилъ къ слѣдующему вопросу и наше толкованіе кончилось. Я увѣдомилъ о томъ въ то время кн. Трубецкаго и кн. Оболенскаго.

КОНСТИТУЦІЯ.

Сочин. Никиты Муравьева.

(Написанная его рукою въ казаматѣ крѣпости, представленная при отвѣтахъ).

Донесенія Высочайше учрежденному Комитету, отъ капитана Муравьева.

Въ донесеніи моемъ на 16 пунктъ запроса, сдѣланнаго мнѣ генваря 5-го дня, я изъяснился уже, что не будучи въ состояніи представить писаннаго мною проэкта конституціи совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ оный былъ написанъ, сохраню духъ онаго и содержаніе. Въ слѣдствіе сего имѣю честь оную здѣсь представить.

Предполагаемый мною Конституціонный Уставъ.

О Россіи вообще.

Образъ Правленія ея монархической представительной, одинаковой для всѣхъ частей ея.

Раздѣленіе оной. Основнымъ раздѣленіемъ принимаются *Уѣзды*, которыя соединяются въ Области, равныя нынѣшнимъ Генералъ-Губернаторствамъ.—Уѣзды составлены изъ городовъ и волостей, которыя дѣлятся на *Сотни* и на *Десятки* домовъ или дворовъ.

Столица предполагалась въ Москвѣ, коей губернія составила бы округъ, независимый отъ областей. Итакъ слѣдующіе были бы центры Управленія и Правосудія:

Москва, столица и Окружной городъ.

Петербургъ	областные города.	Кіевъ	областные города.	Черкаскъ	областные города.
Гельсингфорсъ		Ярославль		Тифлисъ	
Рига		Воронежъ		Тобольскъ	
Вильна		Саратовъ		Иркутскъ	
Смоленскъ		Казань		—	

Итого 15.

Объ обязанностяхъ и правахъ жителей.

Всѣ русскіе подчинены однимъ и тѣмъ же законамъ безъ различія состояній, обязаны учавствовать въ выборахъ, есть ли отвѣтствуютъ условіямъ, требуемымъ закономъ, и не отклоняться отъ должностей, на которыя они изберутся.—Крѣпостное состояніе отмѣняется. Помѣщичьи крестьяне получаютъ въ свою собственность дворы, въ которыхъ они живутъ, скотъ и земледѣльческія орудія, въ оныхъ находящіеся, и по двѣ десятины земли на каждый дворъ для осѣдлости ихъ земли, или они обрабатываютъ по договорамъ обоюднымъ, которые они заключатъ съ владѣльцами оныхъ. Они получаютъ право пріобрѣтать землю въ потомственное владѣніе.

Всѣ жители, какого бы они состоянія не были (естьли они не порочны передъ закономъ, пользуются здравіемъ ума, совершенно-лѣтія и не находятся въ услуженіи при комъ либо), имѣющіе движимаго или недвижимаго имѣнія на 500 серебряныхъ рублей, составляютъ классъ *Избирателей* и *Присяжныхъ*. Гражданскіе чины и классы отмѣняются.

За долги всякой отвѣтствуетъ своею личностью и заключается въ тюрьму. Служба не освобождаетъ отъ заключенія за долги.

Заключенные за легкіе проступки или долги и несовершенно-лѣтніе не должны находиться вмѣстѣ съ преступниками: обвиненные съ обличенными.

Подушной окладъ распространяется на всѣхъ жителей. Оный платится только съ 18 лѣтъ возраста и прекращается на 60-мъ году.

Въ мирное время безденежной постой войскъ и взыманіе подводъ возбраняются.

Цехи мѣщанскіе и гильдіи въ купечествѣ отмѣняются. Книги подвергаются обвиненію въ обыкновенныхъ судилищахъ при Присяжныхъ.

Объ Императорѣ.

Лицо Императора священно и неприкосновенно.—Онъ не подлежитъ сужденію. Онъ облеченъ всею Верховною Исполнительною Властью. Онъ Верховной Начальникъ всей сухопутной и Морской Силы, назначаетъ и отмѣняетъ по своему произволу министровъ, главнокомандующихъ арміями и флотами и всѣхъ чиновниковъ Исполнительной власти,—представляетъ Россію во всѣхъ ея сношеніяхъ

съ Иностранными Державами, назначаетъ посланниковъ и ведетъ переговоры.

Имѣетъ право созывать по своему произволу обѣ палаты Народнаго Вѣча и отсрочивать изъ засѣданіи—но не болѣе какъ на три мѣсяца. Онъ предлагаетъ Народному Вѣчю проэкты законовъ, принуждаетъ его ко вторичному разсмотрѣнію принятаго или отвергнутаго имъ предложенія. Въ случаѣ суда онъ имѣетъ власть созвать Верховную Думу отдѣльно. Онъ заключаетъ миры и трактаты съ согласія одной Верховной Думы.

Императоръ даетъ грамоты и назначенія всѣмъ сановникамъ Имперіи. Его изображеніе чеканится на монетахъ. Онъ пользуется опредѣленнымъ на все его царствованіе доходомъ. Женщины не наслѣдуютъ престола. Министерствъ полагается четыре: Финансовъ, Иностранныхъ дѣлъ, Военное и Морское.

Министры отвѣтствуютъ за всякое противузаконное велѣніе ими подписанное.

Законодательная власть ввѣряется Народному Вѣчю, составленному изъ двухъ палатъ: Верховной Думы и Палаты Представителей.

Верховная Дума.

Члены оной должны быть не моложе 30 лѣтъ и владѣть движимымъ или недвижимымъ имѣніемъ цѣною не менѣе 60000 серебряныхъ рублей. Они избираются областными палатами на 6 лѣтъ, отъ каждой области по *три*. Итакъ, состояла бы изъ 45 членовъ. Дума возобновляется каждые два года по третямъ.

Дума участвуетъ въ заключеніи мирныхъ трактатовъ и ей одной Министерство Иностранныхъ дѣлъ сообщаетъ свои сношенія. Трактатъ, на который она согласилась, пребываетъ непоколебимымъ. Ей принадлежитъ судъ надъ министрами и вообще сановниками Имперіи, обвиненными палатою представителей, но власть ея судная ограничивается тѣмъ, что она имѣетъ право лишить судимаго его политическаго званія, послѣ чего онъ уже не подлежитъ Думѣ, а поступаетъ во обыкновенныя судилища и получаетъ присяжныхъ. Верховная Дума наровнѣ съ Палатою Представителей представляетъ Законы и отвергаетъ же предложенныя на разсмотрѣніе, если ихъ не одобриваетъ.

Палата Представителей. Каждыя 50000 жителей мужескаго пола посылаютъ во оную одного представителя, что составитъ около 450 членовъ. Они избираются на два года.

Условія, чтобы быть представителемъ: совершеннолѣтіе, здравіе ума, непорочность передъ Закономъ и довѣріе избирателей. Чиновники, находящіеся на службѣ, не могутъ быть избраны ни въ ту, ни въ другую палату,—равно какъ и всѣ тѣ, которые приняли на себя казенные подряды и не очистили дѣлъ своихъ по онымъ. Обвиненіе чиновниковъ предоставлено палатѣ представителей. Народное Вѣче собирается по крайней мѣрѣ два раза въ продолженіе каждаго *двухъ-лѣтія*. Продолженіе сихъ съѣздовъ неопредѣлено, но зависитъ отъ большаго или меньшаго числа занятій. Обѣ палаты отъ времени до времени печатаютъ журналъ своихъ засѣданій, кромѣ того, что положено будетъ оставить тайнымъ. Засѣданія обѣихъ палатъ происходятъ при открытыхъ дверяхъ. Въ Верховной Думѣ по соглашенію 5-ти членовъ, а въ Палатѣ Представителей по соглашенію 50-ти, происходятъ тайныя засѣданія. По востребованію Императора, всегда бываетъ тайное совѣщаніе въ обѣихъ палатахъ. Когда Дума разсуждаетъ о дипломатическихъ сношеніяхъ и трактатахъ, то ея засѣданія всегда должны быть тайныя. Народное Вѣче имѣетъ право распустить областные палаты, преступившія предѣлы своей власти и повелѣть избирателямъ приступить къ новымъ выборамъ. Члены Народнаго Вѣча получаютъ денежное вознагражденіе за всякой день, въ которой они засѣдали въ своей палатѣ, равномѣрно на путевыя издержки въ столицу и обратно къ себѣ.

О составленіи Законовъ. Власть предлагать Законы имѣютъ министры и члены обѣихъ палатъ. Входъ въ Народное Вѣче кромѣ министровъ имѣютъ еще особенно на то опредѣленные чиновники отъ каждаго департамента Министерствъ для доставленія свѣдѣній и отвѣтовъ членамъ Вѣча.

Законъ принимается или отвергается большинствомъ голосовъ. Ежели Императоръ не согласитя на какой либо законъ, то онъ возвращаетъ его съ своими возраженіями въ ту палату, въ которой возникъ сей законъ. Замѣчанія сіи вписываются въ протоколъ Палаты безъ сокращеній и возобновляется преніе. Имена всѣхъ членовъ, противящихся или согласившихся на сей законъ, записываются въ журналъ и $^{2}/_{3}$ голосовъ необходимы для рѣшенія сего пренія. Послѣ того предложенный законъ поступаетъ въ другую Палату, гдѣ подлежитъ таковому же испытанію. Если же проэктъ при вторичномъ разсматриваніи онаго принятъ двумя третями голосовъ всего Вѣча, то онъ становится закономъ. Объявленіе войны по предложенію министровъ принадлежитъ Вѣчю. Вѣче не имѣетъ права

ни уничтожить сего устава, ни даже дѣлать въ оном измѣненій. Право сіе принадлежитъ Народному и областнымъ Соборамъ, на сей единственный предметъ собираемымъ.

Судная Власть.

Предѣлы оной. Никакой судья и никакое судилище не имѣетъ права толковать Законъ, ни рѣшать случаи, имъ непредвидѣнные— однимъ словомъ не можетъ присвоить себѣ Законодательной власти. Исполнительная власть, надзирательная или полицейская, хозяйственная или административная отдѣлены также отъ судной. Равнымъ образомъ судилище или судья не долженъ никого обвинять, но дѣйствуетъ только въ слѣдствіи жалобы или обвиненія. Всякое судилище или судья, преступившій сіи предѣлы, подвергается взысканію. Съ другой стороны уставъ сей не признавалъ такъ называемаго Полицейскаго Суда за малыя проступки и предоставлялъ полиціи, Уѣзднымъ, Городовымъ и волостнымъ правленіямъ только право задерживать виновныхъ и предавать ихъ суду, отъ котораго уже зависѣли также и исправительныя наказанія. Каждая область составляла въ судебномъ отношеніи отдѣльное цѣлое, подраздѣленное на *Присуды*, равныя нынѣшнимъ губерніямъ.

Внутреннее образованіе судной власти и степени оной.

Въ каждомъ уѣздѣ полагались *Совѣстные Судьи*, въ областяхъ *Областные*, а въ столичномъ округѣ *Верховные*.

Объ Совѣстныхъ Судьяхъ. Въ каждомъ уѣздѣ на каждыя 4000 душъ мужескаго пола полагается одинъ Совѣстной Судья, который назначается обыкновенными избирателями и остается въ своемъ званіи, буде окажется непорочнымъ, до 70-ти лѣтняго возраста.

Совѣстный Судья можетъ быть избранъ изъ всякаго званія, лишь бы онъ былъ въ совершенныхъ лѣтахъ, пользовался довѣріемъ жителей, имѣлъ постоянное пребываніе въ уѣздѣ, не находился въ другой какой либо службѣ и владѣлъ бы движимымъ или недвижимымъ имѣніемъ не менѣе 2000 серебряныхъ рублей, полагая умѣренную собственность трудомъ, промышленностью и бережливостью пріобрѣтенную, вѣрнѣйшимъ залогомъ честности и безкорыстія Судьи.

Мѣстопребываніе ихъ. Совѣстной Судья по избраніи своемъ не перемѣняетъ своего жительства и не обязанъ жить въ уѣздномъ городѣ. Онъ обязанъ только обявить по уѣзду, что онъ имѣетъ свое

пребываніе въ такомъ то мѣстѣ и кромѣ необыкновенныхъ случаевъ принимаетъ жалобы по такимъ то днямъ въ недѣлю и въ такіе то часы. Объявленіе сіе выставляется на площадяхъ уѣзднаго города и значительнѣйшихъ мѣстахъ уѣзда. Всѣ Совѣстные Судьи равны между собою и власть каждаго равномѣрно простирается на весь уѣздъ. Всякой съ своей жалобой имѣетъ право итти къ тому изъ нихъ, къ которому имѣетъ болѣе довѣренности, но дѣло поступившее къ одному изъ нихъ не можетъ уже быть передано другому и никто изъ нихъ не имѣетъ пересуда надъ рѣшеніемъ другаго.

Совѣстные Судьи не пользуются отъ жителей ни столомъ, ни подводами, ни деньгами и подвергаются за нарушеніе сего лишенію своего мѣста. Каждый Совѣстный Судья назначаетъ себѣ письмоводителя, за котораго онъ отвѣчаетъ. Никто въ уѣздѣ не можетъ быть взятъ подъ стражу безъ предписанія Совѣстнаго Судьи, кромѣ въ случаѣ буйства или насилія. Чиновники Благочинія, захвативъ буйныхъ, испрашиваютъ у Совѣстнаго Судьи предписанія о содержаніи ихъ подъ стражею, что Совѣстный Судья обязанъ немедленно исполнить. Совѣстной Судья судитъ гласно и явно при открытыхъ дверяхъ; посторонніе могутъ приходить во время его расправы. Судъ его словесной, сколько возможно. Онъ имѣетъ право требовать явки свидѣтелей, которые обязаны повиноваться его позывамъ. Буде тяжущіеся стороны довольны его рѣшеніемъ, то оное становится окончательнымъ. Никакое третье лицо не вправѣ опровергать оное. Никакая должность несовмѣстна съ званіемъ Совѣстнаго Судьи. Онъ можетъ однакожь быть избранъ въ представители и тогда по возвращеніи своемъ вступаетъ опять въ прежнюю должность. Совѣстной судья, отлучившійся болѣе нежели на годъ по своимъ дѣламъ, теряетъ свое мѣсто.

Каждыя три мѣсяца въ уѣздномъ городѣ и въ главнѣйшихъ мѣстечкахъ уѣзда происходятъ *Съѣзды Совѣстныхъ Судей*, въ которыя поступаютъ аппелляціи на частныя рѣшенія Сов. Судей. Присутствіе 5-ти Сов. Судей по крайней мѣрѣ необходимо для законности съѣзда.

Сов. Судья, на рѣшеніе котораго приносятъ жалобу, не имѣетъ по сему дѣлу голоса, но долженъ только изложить причины, на которыхъ онъ основалъ свое рѣшеніе.

Уголовныя дѣла не поступаютъ на сужденіе сихъ *съѣздовъ*. Сов. Судьи и съѣздъ имѣютъ право осудить на трехъ дневное заключеніе и на пеню, не превышающую цѣну трехъ рабочихъ дней,

безъ присяжныхъ. Съѣзды сіи объявляются за двѣ недѣли впередъ и происходятъ съ торжественностью. На оныхъ присутствуютъ (Тысяцкой) Исправникъ или его помощникъ, Уѣздный Блюститель, Прокуроръ, Уѣздной Докладчикъ, (стряпчій казенныхъ дѣлъ), присяжные адвокаты или стряпчіе и свидѣтели. Жители безъ различія пола имѣютъ право посѣщать ихъ. Протоколы и дѣйствія съѣзда предаются тисненію и всякой пользуется правомъ писать свои замѣчанія о правильности сужденій.

Вспомогательныя Учрежденія.

Присяжные. Составленіе списка ихъ въ каждомъ уѣздѣ поручается Тысяцкому (Исправнику) и его помощникамъ. Оный распредѣляется по *сотнямъ* домовъ, дабы при каждомъ вытребованіи ихъ всѣ *сотни* по очереди участвовали въ томъ и сія тягость уравнивалась бы между жителями. Дѣла Уголовныя и Дѣла Гражданскія (естьли оныя не основаны единственно на актахъ) происходятъ съ присяжными.

Присяжные суть двухъ родовъ: *Предварительные* и *Окончательные.* Первые разсматриваютъ въ уголовномъ дѣлѣ одно обвиненіе, а въ гражданскомъ одну жалобу; они большинствомъ голосовъ отвергаютъ обвиненія нелѣпыя и тяжбы пустыя или даютъ ходъ дѣлу. Вторые рѣшаютъ дѣло по прекращеніи всего пренія и рѣшеніе ихъ должно быть *единодушно.*

Стряпчіе или *адвокаты.* Въ каждомъ уѣздномъ городѣ, въ областныхъ и въ столицѣ полагается особое сословіе адвокатовъ, въ которые поступаютъ люди, получившіе въ Университетахъ атестаты въ томъ, что они имѣютъ надлежащія свѣдѣнія въ юридическихъ и словесныхъ наукахъ. Они обязаны находиться при *съѣздахъ* Сов. Судей, въ собраніяхъ областныхъ и Верховныхъ судей и за извѣстную плату излагаютъ дѣла вмѣсто тяжущихся, обвиняющихъ или обвиненныхъ.

Адвокаты имѣютъ право исключить изъ своего сословія того, кто бы содѣлался онаго не достойнымъ.

Адвокаты находятся въ вѣденіи у *Блюстителей* уѣздныхъ, областныхъ и верховныхъ. (Блюститель соединяетъ въ себѣ должность Прокурорскую и должность стряпчаго уголовныхъ дѣлъ).

Блюститель есть *истецъ* по дѣламъ Правительства. Онъ обвиняетъ въ уголовныхъ дѣлахъ отъ лица Правительства и отъ частныхъ лицъ, но безъ возмездія.

Кромѣ сего полагались еще *Докладчики* въ уѣздахъ, областяхъ и столицѣ (стряпчіе казенныхъ дѣлъ).

Докладчикъ есть *отвѣтчикъ* Правительства въ случаѣ частныхъ претензій, онъ же въ случаѣ еслибъ кто обвиненный не имѣлъ адвоката, обязанъ взять его защиту, но безъ возмездія яко чиновникъ Правительства.

Объ областныхъ Судьяхъ и Уголовномъ Судѣ.

Въ каждой области полагается столько областныхъ судей, сколько присудовъ (губерній) въ оной находится. Сіи областные судьи избираютъ себѣ помощниковъ изъ числа Сов. Судей, находящихся въ Областномъ городѣ (которые замѣняютъ ихъ въ случаѣ болѣзни) и назначаютъ себѣ письмоводителей, отвѣчая за дѣйствія тѣхъ и другихъ. Областные Судьи избираются *Областными Палатами* изъ списка особъ, имѣющихъ движимаго или недвижимаго имѣнія цѣною не менѣе 15000 серебрянныхъ рублей. Они получаютъ ежегодное вознагражденіе равное 3000 серебр. рублей и остаются въ семъ званіи до 70-ти лѣтъ, буде окажутся непорочными. Между Областными Судьями происходитъ ежегодно новое распредѣленіе присудовъ, съ тѣмъ, чтобы каждый по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ объѣхалъ всю свою область. Каждыя шесть мѣсяцевъ Областные Судьи объѣзжаютъ свой присудъ и въ каждомъ уѣздномъ городѣ держатъ свои засѣданія, которыхъ открытіе обнародывается за двѣ недѣли и Присяжные приглашаются.

На сихъ *Уѣздныхъ Засѣданіяхъ* собираются Сов. Судьи того же уѣзда и подъ предсѣдательствомъ Областнаго Судьи рѣшатъ уголовныя дѣла.

Слѣдствіе не производится отдѣльно отъ суда, но всѣ сопричастные къ дѣлу должны быть явлены и предстать лично. Уѣздное засѣданіе происходитъ торжественно (какъ съѣздъ Сов. Судей). Право обвинять предоставлено всякому, въ особенности по Блюстителямъ. Судъ происходитъ слѣдующимъ порядкомъ: свидѣтелей одной стороны допрашиваютъ Судьи, Блюститель, Присяжные, Адвокатъ противной стороны и наконецъ съ дозволенія и подъ надзоромъ судей и постороннія лица. Потомъ тоже происходитъ съ свидѣтелями противной стороны.—Законъ опредѣлитъ судныя пошлины на издержки, которыя влечетъ за собою явка свидѣтелей и ихъ содержаніе.

Послѣ сего *охранныя* тюрьмы должны быть очищены, оправданные отпущены, а виновные переведены въ *Исправительные* тем-

ницы. Надзоръ за тюрьмами принадлежитъ Обл. Судьямъ. Производство уѣздныхъ засѣданій печатается въ общенародное извѣстіе.— Дѣло Гражданское или Уголовное, происходившее съ присяжными уже окончательно рѣшено и нѣтъ на него аппеляціи, ни пересуда. Дѣло обсуженное не можетъ быть вторично въ судѣ, кромѣ того случая, когда одна сторона представитъ новые документы, или откроются обстоятельства, дотолѣ неизвѣстныя. Въ таковомъ случаѣ дѣло почитается уже вовымъ.—*Областное Судилище* принимаетъ аппеляціи на *уѣздныя засѣданіи*, въ томъ только случаѣ, когда въ слѣдствіе приговора *Окончательныхъ Присяжныхъ* судьи не тотъ примѣнили законъ къ дѣлу, который слѣдовало.

Всѣ затрудненія въ примѣненіи законовъ поступаютъ въ Обл. Судилище. Никакое Судное дѣло не выходитъ изъ предѣловъ области и виновные наказуются въ предѣлахъ оной и не высылаются изъ оной.

Обл. Судьи кромѣ того на общихъ собраніяхъ своихъ въ областномъ городѣ судятъ областныхъ чиновниковъ.

Обл. Судилище судитъ при открытыхъ дверяхъ и журналы онаго предаются тисненію.

Всякой житель, который полагаетъ, что онъ неправильно заключенъ Сов. Судьями или лицами, не имѣющими права его заключать, или что съ нимъ безчеловѣчно поступаютъ въ темницѣ, имѣетъ право просить о томъ Обл. Судей, которые обязаны немедленно его истребовать къ себѣ, есть ли жалоба имъ покажется законною, и удостовѣриться въ томъ. Право просить защиты Обл. Судей предоставляется также роднымъ, знакомымъ заключеннаго и наконецъ свидѣтелямъ насильственнаго или беззаконнаго поступка.

О Верховныхъ Судьяхъ и Верховномъ Судилище.

Народное Вѣче избираетъ 5 или 7 Верховныхъ Судей, которые пребываютъ въ семъ званіи до 70 лѣтъ, если окажутся непорочными. Они избираются изъ списка лицъ, имѣющихъ не менѣе 15000 рублей серебреныхъ *имѣній*. Они получаютъ ежегоднаго вознагражденія 10000 рублей серебромъ. Они избираютъ себѣ предсѣдателя, который въ общемъ собраніи ихъ имѣетъ голосъ только при равномъ раздѣленіи оныхъ, но назначаетъ вопросы и смотритъ за порядкомъ разсужденія и соблюденіемъ предписанныхъ формъ. Каждый годъ они избираютъ новаго Предсѣдателя. Они назначаютъ себѣ также помощниковъ и письмоводителей, какъ Обл. Судьи. В. Судьи въ сто-

личномъ округѣ исполняютъ туже должность, что Обл. Судьи въ своихъ областяхъ.

Особенныя занятія Верховнаго Судилища.

Верховное Судилище судитъ Верховныхъ чиновниковъ, лишенныхъ званія Верховною Думою. Его сужденія гласны на подобіе Совѣта съѣздовъ, уѣздныхъ засѣданій и областныхъ судилищъ и происходятъ съ присяжными Журналы онаго печатаются.

Всѣ дѣла, въ коихъ тяжущіеся основываются на какомъ либо мирномъ трактатѣ и на договорѣ, или жалуются на нарушеніе права лицъ, принадлежатъ единственно Верховному Судилищу.

Получа донесенія отъ всѣхъ Областныхъ Судилищъ и отчеты въ дѣйствіяхъ ихъ *В. Судилище* дѣлаетъ замѣчанія тѣмъ, которыя даютъ произвольныя толкованія закону, или превращаютъ смыслъ онаго.

Въ случаѣ неясности или противурѣчія законовъ В. Судилище доноситъ о томъ Вѣчю.

Каждыя четырехъ лѣтія В. Судилище обязано представить Императору и обѣимъ Палатамъ систематическій отчетъ всѣхъ законовъ и постановленій, вышедшихъ въ продолженіи этаго времени, съ примѣчаніями о тѣхъ, которые кажутся излишними, темными или противными сему уставу.

О Надзорѣ за Судною Властью.

На частныя дѣйствія Сов. Судей жители приносятъ жалобы въ съѣзды Сов. Судей, Обл. Судьямъ, Обл. Правителю и наконецъ Областнымъ Палатамъ. Всякой Судья за личное дѣйствіе обвиняется въ Уѣздномъ Засѣданіи. Судья, уличенный въ лихоимствѣ, подвергается гораздо большему наказанію, нежели тотъ, кто его подкупилъ, за нарушеніе общественной довѣренности.

Областныя Палаты, есть ли не имѣютъ положительныхъ и явныхъ уликъ въ виновности Сов. Судьи, но только нравственное убѣжденіе въ его неправосудіи по общему негодованію уѣзда противу него, большинствомъ голосовъ *увольняютъ* его отъ сего званія. Въ случаѣ же явныхъ доказательствъ отрѣшаютъ его и предаютъ сужденію Обл. Судей. Жалобы на Обл. Судью подаются въ Обл. Судилище, Обл. Правителю, Обл. Палатамъ, Верховному Судилищу и наконецъ Палатѣ Представителей.

Жалобы на В. Судью подаются въ В. Судилище, Министрамъ и Палатѣ Представителей. Ихъ судитъ Дума Верховная. Когда же они лишены своего званія, то поступаютъ на судъ *Столичнаго Уѣзднаго Засѣданія.*

Заключеніе *купчихъ*, *закладныхъ* и всякаго рода крѣпостныхъ актовъ ввѣряется нотаріусамъ.

Мѣстное Управленіе.

Областное Управленіе. Для каждой области избирается Народнымъ Вѣчемъ изъ числа кандидатовъ, представленныхъ Областными Палатами, Правитель Областной на четыре года. Правитель долженъ быть изъ числа владѣльцевъ въ той области, и имѣть имѣнія цѣною не менѣе 600000 серебренныхъ рублей—не моложе 30 лѣтъ. При немъ назначается намѣстникъ, который долженъ отвѣтствовать тѣмъ же условіямъ и замѣняетъ его въ случаѣ кратковременнаго отсутствія, не вступая однакожъ въ права его. Въ случаѣ же смерти Правителя онъ замѣняетъ его совершенно.

При Правителѣ находится *Совѣтъ*, который не долженъ имѣть менѣе 5-ти и болѣе 9-ти членовъ.

Совѣтники и намѣстникъ избираются Областными Палатами изъ числа областныхъ жителей. Совѣтники должны владѣть имѣніемъ не менѣе 15000 сер. рублей.

Въ кратковремянныя отсутствія Правителя, Управленіе Области поручается Совѣту подъ предсѣдательствомъ Намѣстника Правителя, который не имѣетъ голоса, кромѣ въ случаѣ равнаго раздѣленія оныхъ.

Правитель имѣетъ право отсрочить засѣданія Палатъ, но не болѣе какъ на три мѣсяца и созвать оныя, когда онѣ распущены; въ случаѣ возмущанія, непріятельскаго нашествія илн заразительной болѣзни созвать Палаты въ другомъ городѣ; всѣ чиновники Министерствъ или Исполнительной власти, пребывающіе въ Области, находятся подъ надзоромъ Правителя. Всѣ же чиновники Областного Управленія и всѣ чиновники Благочинія состоятъ въ вѣдѣніи его и подъ его властью.

Когда Правитель лично присудствуетъ, то Совѣтники имѣютъ только совѣщательной голосъ. Но каждый изъ нихъ имѣетъ право требовать, чтобы голосъ его былъ вписаиъ въ журналъ, безъ всякаго сокращенія и чтобы въ оиомъ поименно были означены, кто съ нимъ соглашался и кто былъ противнаго мнѣнія. Обѣ Областныя Палаты имѣютъ право требовать, когда имъ заблагоразсудится, журналъ Совѣта, для соображеній.

Областныя Палаты.

Въ каждой области должны находится двѣ Палаты, *Областная Дума* и *Палата Выборныхъ.*

Палата Выборныхъ состоитъ изъ Депутатовъ, выбранныхъ обыкновенными *избирателями*, на каждыя 10000 душъ мужескаго пола по одному выборному.

Областная Дума въ населенныхъ областяхъ должна быть не болѣе *трети* палаты выборныхъ, а въ малонаселенныхъ не болѣе *половины.*

Условія, чтобы быть членомъ Областной Думы, суть тѣ же, которыя требуются отъ Областнаго судьи. Выборные назначаются на годъ, члены Думы отъ Областнаго судьи. Выборные назначаются на годъ, члены Думы на четыре и каждый годъ четвертая часть оной возобновляется новыми выборами. Дѣла Министерствъ Внутреннихъ дѣлъ и Просвѣщенія, равнымъ образомъ занятія Департамента Путей Сообщенія поступаютъ въ особое вѣдомство сихъ Палатъ. Онѣ обязаны во всемъ соображаться съ общими законами Имперіи, но имѣютъ право дѣлать частныя постановленія по предметамъ внутренняго Управленія и учреждать для сего налоги при опредѣленныхъ законодательною властью ограниченіяхъ.

Палаты не могутъ преступать предѣловъ, онымъ начертанныхъ; въ противномъ случаѣ Вѣче имѣетъ власть ихъ распустить. Палаты не могутъ оставаться въ краю возмущенномъ или занятомъ непріятелемъ. Въ такомъ случаѣ онѣ теряютъ свою законность и каждый изъ членовъ оныхъ подвергается личной отвѣтственности.—Палата выборныхъ пользуется правомъ *обвинять* областныхъ чиновниковъ: судъ же оныхъ предоставляется Думѣ.

Правленіе Волостное, Городовое и Уѣздное.

Въ каждой волости всѣ жители мужескаго пола безъ изъятія или отцы семействъ избираютъ себѣ *голову*, *писаря* и волостной *совѣтъ* изъ 24 человѣкъ.

Въ каждомъ городѣ всѣ владѣльцы домовъ избираютъ изъ *среды* своей Городничаго, Секретаря и Совѣтниковъ сообразно населенію города.

Городовое и волостныя управленія въ уѣздномъ городѣ избираютъ *Уѣзднаго Голову, Секретаря и Уѣздной Совѣтъ*. Управленіе уѣздное или городовое ни къ какомъ случаѣ не могутъ состоять изъ однихъ и тѣхъ же лицъ.

Симъ Управленіямъ вручается хозяйственная или административная власть, сбора податей и пр. Судная же и Полицейская власти имъ вовсе чужды, хотя они пользуются правомъ брать подъ стражу нарушителей порядка и тишины и представлять ихъ полиціи или Сов. Судьѣ.

Надзирательная или *Благочинная власть* (полиція).

Въ каждомъ уѣздѣ назначается ежегодно обыкновенными избирателями Тысяцкой (исправникъ). Онъ долженъ имѣть по крайней мѣрѣ 30 лѣтъ, движимаго или недвижимаго имѣнія цѣною не менѣе 15000 рубл. серебр. Онъ получаетъ ежегоднаго вознагражденія 1500 рубл. сер. Онъ не долженъ пользоваться отъ жителей ни столомъ, ни деньгами, ни подводами. Въ противномъ случаѣ обвиняется передъ Областнымъ Судилищемъ и предъ Палатою Выборныхъ и подвергается взысканію.

Онъ есть хранитель тишины въ уѣздѣ; ему поручено составленіе списка присяжныхъ, который издается имъ въ общенародное свѣдѣніе. Онъ задерживаетъ бродягъ и представляетъ Суду.—Онъ имѣетъ входъ и голосъ въ уѣздномъ управленіи, онъ присудствуетъ на *сходахъ*, гдѣ избираются представители. Онъ назначаетъ себѣ двухъ или трехъ помощниковъ (смотря по многолюдству уѣзда), за которыхъ дѣйствія онъ отвѣчаетъ. Есть ли уѣздъ обширенъ и населенъ, то онъ назначаетъ заблаговременно для избранія Представителей или выборныхъ *три* или *четыре сходки* въ одно и тоже время въ разныхъ мѣстахъ уѣзда. На одной присутствуетъ онъ самъ, а на другихъ его помощники. Избранія должны быть окончены въ продолженіи *четырехъ* дней.

По деревнямъ всѣ жители мужескаго пола избираютъ себѣ въ каждомъ *десяткѣ* дворовъ *Десяцкаго*; въ каждой *сотнѣ Соцкаго*; въ Волости же *Волостнаго Старѣйшину*, которые смотрятъ за сельскимъ благочиніемъ и подчинены Тысяцкому. Сей послѣдній назначаетъ между волостными старѣйшинами надежнѣйшихъ въ *Окружные Старѣйшины* и подчиняетъ имъ остальныхъ старѣйшинъ. Число таковыхъ округовъ зависитъ отъ населенія и пространства уѣзда и опредѣляются волостными палатами по представленію Тысяцкаго.

Всѣ владѣльцы домовъ въ городахъ избираютъ изъ среды своей чиновниковъ благочинія смотря по населенію города, которые равнымъ образомъ въ большихъ городахъ раздѣляются на сотскихъ, приставовъ, частныхъ и благочинныхъ и также подчинены Тысяцкому, какъ и сельскія.

О измѣненіяхъ Устава.

Еслибъ нашлась необходимость измѣнить, усовершенствовать или вовсе отмѣнить сей Уставъ, то Народное Вѣче объявляетъ сіе посредствомъ обыкновеннаго закона и созываетъ въ столицѣ или въ другомъ въ какомъ либо городѣ на сей предметъ *Народный Соборъ.* Члены онаго должны быть равны числомъ членамъ Народнаго Вѣча и назначаются тѣми же избирателями. Народный Соборъ не имѣетъ никакой власти и долженъ только заниматься порученною ему работою. Разсужденія его происходятъ гласно и печатаются. Все рѣшится въ ономъ $^2/_3$ голосовъ. Шесть мѣсяцевъ опредѣляются для приведенія къ окончанію его порученія. По окончаніи онаго Народный Соборъ распускается и Предсѣдатель онаго доноситъ о томъ Вѣчю, препровождая при томъ *проэктъ* Собора, который немедленно печатается.

Послѣ того другой законъ назначаетъ *Областные Соборы* для обсужденій, измѣненія или отверженія проэкта Устава, сочиненнаго Народнымъ Соборомъ. Каждая область назначаетъ въ Соборъ свое двойное число депутатовъ противу того, которое она имѣла въ Народномъ Соборѣ.—Областные Соборы созываются всѣ въ одинъ и тотъ же день. Имъ назначается срокъ, къ которому они должны рѣшительно принять или отвергнуть предлагаемый имъ уставъ, и они должны разойтись всѣ въ одинъ и тотъ же день. Они не имѣютъ уже права дѣлать новыя соображенія, но должны только принять или отвергнуть проэктъ Народнаго Собора. Для сего нужны $^2/_3$ голосовъ въ каждомъ Областномъ Соборѣ.

Такъ какъ народонаселеніе областей весьма не равно, то для принятія или отверженія Новаго Устава считаются не Соборы, но $^2/_3$ голосовъ наличныхъ членовъ засѣдавшихъ, въ оныхъ.

Послѣ того Новый Уставъ приводится уже въ исполненіе, или остается старый.

Капитанъ Муравьевъ.

Генваря 13-го дня 1826.

БИБЛІОТЕКА РЯЗАНСКАГО ПОТРЕБИТЕЛЬСКАГО СѢЩЕСТВА

Записки князя С. П. Трубецкого.

Не должно полагать, чтобы люди, вступающіе въ какое либо тайное общество, были всѣ злы, порочны или худой нравственности и имѣли бы дурныя и преступныя намѣренія. Напротивъ общество, составленное изъ таковыхъ людей, не могло бы долго существовать. Но во всякомъ подобномъ обществѣ, хотя бы оно первоначально было составлено изъ самыхъ честнѣйшихъ людей, непремѣнно найдутся наконецъ вышеупомянутые люди, которые, конечно съ начала примутъ на себя пристойную личину, безъ которой они поступить въ оное бы не могли. Тогда они стараются непремѣнно клонить общество къ своей цѣли, и почти всегда успѣть могутъ, когда не пощадятъ для того трудовъ и времени, если при томъ одарены достаточнымъ къ тому умомъ и способностями. Вотъ истинное зло и вредъ существованія всякихъ тайныхъ обществъ.

Предлогъ составленія тайныхъ политическихъ обществъ есть любовь къ отечеству. Сіе чувство, которымъ всякій человѣкъ обязанъ къ своей родинѣ, хорошо понятое, заставляетъ дѣйствовать къ пользѣ Государства, худо понятое можетъ сдѣлать величайшій вредъ, и бѣдственныя послѣдствія онаго не могутъ быть довольно исчислены. Сіе худо понятое чувство любви къ отечеству составляетъ тайныя политическія общества. Люди съ пылкимъ воображеніемъ, съ горячимъ сердцемъ, съ пламенною душею, при чистыхъ и великодушныхъ чувствованіяхъ, легко могутъ быть увлечены ревностію и усердіемъ къ пользѣ общей, не предвидя гибельныхъ послѣдствій, къ коимъ худо избранный путь таинства можетъ привести ихъ. Тѣ изъ нихъ, которые узнаютъ наконецъ свою ошибку, по несчастію узнаютъ ее уже слишкомъ поздно, чтобъ исправить ее. Иные остаются въ обществѣ для того только, чтобъ не потерять уваженія, которымъ они чрезъ сочленовъ своихъ пользовались; другіе, опасаясь,

что отдаленіе ихъ будетъ сочтено робостію, ибо всякая принадлежность къ тайному обществу влечетъ за собой болѣе или менѣе опасности; еще другіе, потому что страшатся, чтобъ не сочли ихъ охладѣвшими въ тѣхъ благородныхъ чувствованіяхъ, которые они всегда оказывать старались; нѣкоторые остаются въ обществѣ, хотя и предвидятъ, что оно можетъ обратиться ко вреду, но мечтая, что пребываніемъ своимъ въ обществѣ они могутъ препятствовать сему вреду, или по крайней мѣрѣ отдалить его и удерживать общество въ такихъ предѣлахъ, въ коихъ оно не можетъ по ихъ мнѣнію быть вредно. Сіи и многія подобныя причины препятствуютъ удаленію членовъ отъ тайнаго общества, въ коемъ они съ начала были завлечены по непредвиденности своей. Причина же, что таковыя общества не бываютъ откры̀ваемы членами Правительству, одна: укоризна прослыть измѣнникомъ предъ тѣми, коимъ былъ прежде товарищемъ, и страхъ сдѣлатся чрезъ предательство, орудіемъ ихъ погибели.—Вотъ исторія составленія и существованія нашего тайнаго общества, и можетъ быть многихъ другихъ подобныхъ въ разныхъ государствахъ.

Нападеніе Наполеона на Россію въ 1812 году возбудило въ русскихъ любовь къ отечеству въ самой высокой степени; щастливое окончаніе сей войны, безпримѣрная слава пріобрѣтенная блаженной памяти покойнымъ государемъ императоромъ Александромъ Павловичемъ, блескъ коимъ покрылось оружіе Россійское, заставило всѣхъ Русскихъ гордиться своимъ именемъ, и во всѣхъ имѣвшихъ счастіе учавствовать въ военныхъ подвигахъ, поселило удостовѣреніе, что и каждой изъ нихъ былъ полезенъ своему отечеству. Связи, сплетенныя на бивакахъ, на полѣ битвы, при дѣленіи одинакихъ трудовъ и опасностей, бываютъ, особенно между молодыми людьми, откровеннѣе, сильнѣе и живѣе. Я былъ друженъ съ *Александромъ Муравьевымъ*, съ *Шиповымъ* (что нынѣ ген. м.), сей былъ друженъ съ *Пестелемъ*, съ которымъ и я познакомился. Мы часто говорили между собою о бывшихъ событіяхъ, о славѣ государя, о чести имени русскаго, разсуждали, что уже, бывъ каждой по возможности своей полезенъ отечеству въ военное время, не должны быть безполезны и въ мирное, что каждый изъ насъ, сопутствуя своему государю въ трудахъ военныхъ, долженъ и въ мирныхъ подвигахъ его величества по возможности своей содѣйствовать, что содѣйствіе каждаго частно малозначуще, то полезнѣе дѣйствовать общими силами. Послѣдствіе сего, что чѣмъ болѣе людей дѣйствуютъ вмѣстѣ,

тѣмъ дѣйствіе ихъ сильнѣе, наконецъ, что для успѣшнѣйшаго дѣйствія нуженъ порядокъ и формы.

Тогда масонство было въ большомъ ходу. *Александръ Муравьевъ*, бывшій тогда молодымъ человѣкомъ, съ пламеннымъ воображеніемъ, пылкою душою, видѣлъ въ немъ какое то совершенство ума человѣческаго, предлагалъ вступить всѣмъ въ масоны, но Шиповъ и я не были масонами, другіе, которые были у насъ въ виду люди, также не были масонами, и потому его предложеніе не было принято, и положено написать небольшой уставъ для порядка и формы въ дѣйствіи.

Уставъ былъ написанъ *Пестелемъ*.[1]) Собрались для прочтенія его. Цѣль была подвизаться на пользу общую всѣми силами и для того принимаемыя правительствомъ мѣры или даже и частными людьми полезныя предпріятія поддерживать похвалою, а когда имѣешь возможность, то и на самомъ дѣлѣ онымъ содѣйствовать; препятствовать всякому злу и для того разглашать злоупотребленія чиновниковъ по службѣ и должностямъ ихъ, также и всякіе безчестные поступки частныхъ людей, которые дойдутъ до свѣдѣнія Общества. Тѣхъ, на кого кто лично дѣйствовать можетъ, отвращать отъ дурныхъ дѣлъ совѣтами своими. Обязанности были: содѣйствовать къ сей цѣли показанными мѣрами, пріискивать людей способныхъ и достойныхъ войти въ составъ Общества; о таковыхъ давать заранѣе Обществу знать, чтобы можно было собрать о нихъ каждому члену свѣдѣніе, не удостовѣряться о достоинствахъ и доброй нравственности ихъ по однимъ слухамъ, но стараться изыскивать средства испытывать ихъ, Самимъ членамъ вести себя и поступать во всѣхъ отношеніяхъ какъ по службѣ, такъ и частномъ быту такимъ образомъ, чтобъ никогда не заслужить ни малѣйшей укоризны. Если одинъ членъ въ другомъ что подобное замѣтитъ, то долженъ тотчасъ откровенно ему сказать, и сей не долженъ симъ обижаться, но тотчасъ стараться загладить поступокъ свой. Сверхъ того бояре (такъ назывались первоначальные члены) обязаны были, когда число ихъ какимъ нибудь образомъ уменьшиться, стараться о пополненіи онаго новыми достойными членами, дабы Общество отъ убыли членовъ разрушаться не могло.[2]) Присяга была: стремиться къ цѣли

---

[1]) Вступленіе или предисловіе, сколько могу вспомнить, было кажется написано княземъ Ильею Андреевичемъ Долгорукимъ.

[2]) и сказано было, что еслибъ какимъ нибудь образомъ случилось

Общества, хранить обязанности, покоряться рѣшеніемъ верховнаго Собора Боляръ (такъ называлось главное управленіе). Точныхъ словъ присяги вспомнить не могу. Члены должны были собираться два раза въ мѣсяцъ или въ каждомъ собраніи назначать день на послѣдующее по возможности,—упомнить не могу. Для собраній обрядовъ небыло, были только для принятій, они были написаны особо при уставѣ, сколько упомнить могу взяты были съ нѣкоторыхъ обрядовъ масонскихъ, но большая часть членовъ обрядовъ сихъ не хотѣла, такъ они и остались въ забытьи.

Для управленія, когда бы число членовъ размножилось, полагалось сдѣлать округи, изъ коихъ каждый управлялся бы одною главною думою подъ предсѣдательствомъ уполномоченнаго на то отъ верховнаго собора болярина; подъ вѣдомствомъ сихъ главныхъ думъ были бы еще управы, изъ членовъ 2 го и 3-го разряда; а управляющіе думами боляре сносились бы съ верховнымъ соборомъ посредствомъ одного изъ его членовъ, избирая его по собственному произволу.--Гдѣ болярinъ полномочія не имѣлъ, тамъ онъ если имѣлъ постоянное пребываніе, то относился къ полномочному и имѣлъ засѣданіе въ главной Думѣ.

Вотъ все, что имѣю я сказать объ Обществѣ, учрежденномъ въ 1816 году. Оно въ ходъ не пошло. Члены, составившіе его съ самаго почти начала его учрежденія, большею частію разъѣхались; оставшіе находили, что дѣйствіе было затруднительно и не значуще, отъ того очень къ нему охладѣли *). Преобразовать и не умѣли, и не могли потому, что должны были бы сіе сдѣлать по общему всѣхъ боляръ согласію. Отраслей никакихъ завести не могли; и такъ оно осталось до 1818 года, когда положили истребить уставъ и составитя что нибудь удобнѣйшее къ исполненію.

Еще не мало способствовало паденію сего Общества, распространеніе масонскихъ ложъ въ Петербургѣ, въ кои и нѣкоторые изъ

такъ, что изъ всѣхъ боляръ одинъ только остался, то онъ долженъ также стараться о возстановленіи Общества. Имя боляръ (т. е. названіе болярinъ) должно было быть тайною для другихъ членовъ.

*) Особенно нашли тогда, что пріобрѣтеніе новыхъ членовъ вовсе не возможно тѣмъ, что по уставу требовалось отъ предлагающаго кого либо къ принятію въ Общество, чтобъ были представлены отъ вводимаго имъ до увѣдомленія его еще о существованіи Общества писменныя доказательства о связяхъ, знакомствѣ, образѣ мыслей его, дѣлаемые отвѣтами на заданные ему вопросы.

членовъ Общества, не бывшіе масонами поступили. *Александръ Муравьевъ*, какъ я выше сказалъ, весьма привязанный тогда къ масонству, доказывалъ, что Общество только и можетъ существовать посредствомъ ложи. Онъ старался и успѣлъ сдѣлаться начальникомъ ложи, существовавшей тогда здѣсь подъ именемъ ложи Трехъ Добродѣтелей. Но многіе члены съ нимъ въ сихъ мѣстахъ не согласовались, попытка его осталась безъ успѣха, и онъ, оставшись въ Москвѣ, вышелъ въ 1818 году въ отставку, оставилъ ложу, изъ которой и бывшіе въ ней члены Общества вышли.

Я уже прежде объяснялъ, что я дѣлалъ въ 1816—1817 г. до пріѣзда моего въ концѣ оного года въ Москву, гдѣ я узналъ, что бывшіе тамъ члены Обшестза, видя малые его успѣхи и неудобство, сожгли бывшій уставъ Общества, уничтожили оное и положили составить новое. Что основаніемъ взяли уставъ извѣстнаго прусскаго общества *Тугенбундъ*, которому приписывали ополченіе Шиля и послѣ того въ 1813 году скорое возстаніе Пруссіи противъ Французовъ, общества, коего начальникомъ почитали извѣстнаго министра Штейна и въ числѣ членовъ коего считали Гнезенау и многихъ другихъ извѣстныхъ людей. Напечатанный уставъ сего общества какимъ то образомъ попался тогда въ руки, кажется, князю Ильѣ Андреевичу Долгорукову (нынѣ адъютанту его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича). Его прочли и по примѣру онаго написали тетрадку подъ названіемъ Союза Благоденствія.

Образованіе и управленіе Общества оставлено было почти таковое, какъ въ Тугенбундѣ, то есть члены должны были быть раздѣлена на управы, а главная называлась думою, въ которую всѣ прочія относились. Въ каждой былъ предсѣдатель, которой собиралъ управы, долженъ былъ назначать дѣло каждому члену по отрасли, по которой онъ занимался; и въ каждой же былъ блюститель, которой долженъ былъ наблюдать за нравственностію членовъ; и за тѣмъ, чтобъ дѣйствіе производилось въ должномъ порядкѣ. Оба сіи лица выбирались членами управъ, предсѣдателями управъ относились къ предсѣдателю верховнаго совѣта, а блюстители управъ къ блюстителю онаго-жъ. Верховнымъ Совѣтомъ называлось та часть членовъ Главной Думы, которой поручалось текущее управленіе Союза. Пребываніе сихъ управляющихъ членовъ назначено было въ Петербургѣ. Цѣль, изображаемая въ уставѣ Союза была: „способствованіе правительству къ приведенію въ исполненіе всѣхъ „мѣръ, принимаемыхъ для блага государства; ибо правительство одно

„безъ добровольнаго содѣйствія гражданъ, не можетъ довольно ус-
„пѣшно приводить въ дѣйствіе мѣръ, имъ принимаемыхъ."

Главная мысль составлявшихъ Общество членовъ была, что блаженной памяти государю императору угодно было дать Россіи конституцію, подобно какъ его величество дать изволилъ въ царствѣ Польскомъ, и что первою мѣрою къ сему должно служить освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостности помѣщикамъ; о послѣднемъ тогда очень много говорили московскіе жители,—мнѣніе сіе основывалось на рѣчи государемъ императоромъ произнесенной на первомъ открытіи Польскаго Сейма и потомъ на мѣрахъ, принятыхъ касательно крестьянъ нѣмецкихъ губерній. Члены Общества должны были истолковывать незнающимъ, что такое конституціонное правленіе, и изъяснять необходимость освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія.

Чтобъ быть членомъ не требовалось однакожъ убѣжденія въ сей мысли, есть-ли только онъ могъ быть полезенъ по другимъ частямъ и имѣлъ хорошую нравственность.

Отрасли, по которымъ члены записывались, раздѣлялись на слѣдующія: Правосудіе, Просвѣщеніе, Воспитаніе и Государственное хозяйство. Кто по которой отраслѣ записывался, долженъ былъ стараться пріобрѣтать по оной познанія, а по возможности своей и лично къ преуспѣянію оной содѣйствовать.

Обрядовъ никакихъ небыло, собирались члены по управамъ по своему благоусмотренію. Принимались новые члены по общему согласію членовъ управы, въ которую они поступали, и давали только росписки, о которыхъ я прежде говорилъ, и которыя въ Петербургѣ доставлялись отъ управъ въ Главную Думу, а въ Москвѣ къ старинным членамъ, гдѣ и сожигались. Въ уставѣ сказано было, что они должны хранится у Блюстителя Верховнаго Совѣта. Списки членовъ съ отмѣткою ихъ по отраслямъ должны были быть въ Главной Думѣ, но ихъ изъ Москвы никогда не присылали, а потомъ и въ Петербургѣ уничтожали. Въ Петербургѣ была Главная Дума и составилось три управы; въ Москвѣ одна или двѣ, не знаю, потому что до половины 1819-го года была одна, а тогда я уѣхалъ за границу, и возвратился въ сентябрѣ 1821-го, когда уже Общество было разрушено и члены разошлись.

Теперь я долженъ сказать слово о себѣ самомъ. Возвратясь изъ чужихъ краевъ съ любимою страстно женою, я дѣлилъ время между ею и должностію моею по службѣ. членовъ прежняго Обще-

ства не нашелъ почти никого, Общество нашелъ разрушеннымъ, горячность прежняя во мнѣ простыла, и я уже не думалъ никогда болѣе заниматься прежнимъ дѣломъ. Такъ и было до того времени, какъ пріѣхать долженъ былъ сюда *Пестель*. Я уже говорилъ, почему мы положили тогда необходимымъ показать ему что-нибудь здѣсь существующее. Но когда я съ нимъ увидѣлся и узналъ его мысли, тогда уже я полагалъ обязанностію противупоставить ему что-нибудь здѣсь такое, которое могло бы удержать его и препятствовать его дѣйствію. Тутъ было заблужденіе, я впалъ въ ту погрѣшность, о которой я говорилъ въ началѣ сего изложенія, и которая мнѣ столь дорого стоитъ, что цѣна оной возвратится не можетъ никогда. Я противъ воли моей былъ введенъ въ такія дѣла, коимъ, дѣйствуя по волѣ, сталъ бы противудѣйствовать; я сдѣлалъ то, на что бы ни за что въ свѣтѣ не думалъ никогда покуситься; я дѣйствовалъ противъ моего сердца, противъ моихъ правилъ, противъ всего что есть святаго. Не могу почесть сего страшнаго упадка моего иначе, какъ наказаніемъ, посланнымъ мнѣ отъ Бога за гордость мою и самонадѣянность.

Но должно обратиться къ *Пестелю*. Я не стану повторять то, что я уже писалъ прежде, я скажу только, что онъ меня привелъ въ ужасъ, къ счастію я увидѣлъ, что ему необходимо содѣйствіе петербургскаго общества, и слѣдовательно, что онъ не можетъ привести намѣренія своего въ дѣйство по одному собственному произволу и собственными средствами. Я заключилъ тогда изъ сего, что онъ не такою большою силою располагаетъ, какъ желаетъ заставить думать о себѣ, но между тѣмъ заключилъ также, что онъ человѣкъ вредный, и что не должно допускать его усилиться, но стараться всевозможно его ослабить,—тѣмъ болѣе полагали мы необходимымъ имѣть здѣсь общество, что боялись, если такого не будетъ, то Пестель найдетъ средства завести здѣсь отдѣленіе, которое будетъ совершенно отъ него зависѣть и котораго дѣйствія будутъ отъ насъ тогда сокрыты.

До свиданья еще нашего съ нимъ, *Никита Муравьевъ* представлялъ уже мнѣ его, какъ человѣка опаснаго и себялюбиваго, но я не могъ въ томъ увѣриться, не изслѣдовавъ сего самъ лично; для сего, признаюсь, должно мнѣ было съ нимъ притвориться, какъ тогда, такъ и послѣ, и иногда показывать, что я вхожу въ нѣкоторые его виды. Письменныхъ сношеній я, сколь возможно, съ нимъ избѣгалъ, но словесно поручалъ исполненіе сего два раза Полтавскаго полка

подпоручику Бестужеву, который по его зову къ нему ходилъ. Въ послѣдній разъ онъ велѣлъ мнѣ сказать, что онъ увѣренъ во мнѣ, что я не откажусь дѣйствовать, что онъ очень радъ, что я ѣду въ Петербургъ, что я, конечно, приготовлю къ дѣйствію, которое можетъ быть онъ начнетъ въ будущемъ году, что его вызываютъ къ сему изъ Москвы и Петербурга. (Я етому не вѣрю, ибо, сколько знаю, онъ не имѣетъ таковой переписки ни съ кѣмъ изъ членовъ Общества здѣсь или въ Москвѣ).

Я говорилъ вообще о предложеніяхъ его въ бытность его здѣсь, и о предложеніи его ввести республиканское правленіе. Мнѣ нужно было узнать, какимъ средствомъ онъ сего хотѣлъ достигнуть, и я успѣлъ узнать тогдажъ, что онъ обрекалъ смерти всю высочайшую фамилію и для того имянно нужно ему было содѣйствіе здѣшнихъ членовъ. Онъ надѣялся, что государь императоръ не въ продолжительномъ времени будетъ дѣлать смотръ арміи, въ тоже время надѣялся на поляковъ въ Варшавѣ и хотѣлось ему уговорить тожъ исполнить и здѣсь. Самъ онъ садился въ Директорію. Я ему представлялъ ужасъ, каковой подобныя убивства понести должны, что убійцы будутъ гнусны народу, что людямъ, никакого имяни не имѣющимъ и не извѣстнымъ, не возможно сѣсть въ Верховное Правленіе, что русской народъ не можетъ управляемъ быть иначе, какъ государемъ наслѣдственнымъ, представлялъ ему различныя неудобства его конституціи, которую онъ вообще разсказывалъ, и симъ средствомъ съ начала не навлекъ я на себя отъ него подозрѣнія, но уже тогда онъ увидѣлъ, что я его подозреваю въ личныхъ видахъ, когда я ему сталъ доказывать, что онъ вмѣсто законнаго самодержавнаго правленія поставляетъ самовольной деспотизмъ директоровъ, которымъ отдаетъ всю высочайшую власть въ руки на неопредѣленное время. Я имѣлъ все право ужаснуться сего человѣка, и если скажутъ, что я долженъ былъ тотчасъ о такомъ человѣкѣ дать знать правительству, то я отвѣчаю, что могъ ли я вздумать, что ктобъ либо сему повѣрилъ; изобличить его я не могъ, онъ говорилъ со мною глазъ на глазъ. Мнѣ казалось достаточно та увѣренность, что онъ безъ содѣйствія здѣшняго Общества ничего предпринять не можетъ, а здѣсь я увѣренъ былъ, что всегда могу все остановить—увѣренность, которая меня теперь погубила. Однакожъ я намѣренъ былъ ослабить *Пестеля,* узнать его силы, и тогда еслибъ я увидѣлъ, что онъ въ силахъ исполнить и самъ намѣреніе свое, тогдабъ я уже долженъ былъ прибѣгнуть къ единствен-

ному средству обличенія его предъ вышнею властію, которая бы одна была въ состояніи остановить его.

Я однакожъ полагалъ, что сего случая имѣть не буду, первое потому, что сколько мнѣ извѣстно было покойной блаженной памяти государь императоръ не предполагалъ смотрѣть войскъ въ томъ краю на будущій годъ; второе—въ послѣднемъ времени *Пестель*, хотя и получилъ благодарность за полкъ въ приказѣ главнокомандующаго, но между тѣмъ боялся, что у него оной отымутъ, по случаю какого-то неудовольствія на него отъ начальника главнаго штаба арміи. Тогда бъ онъ потерялъ всю силу, какая у него есть.

О силахъ его я сказывалъ, что знаю; но замѣчу здѣсь, что нужно открыть сношенія его съ поляками; я знаю, что онъ предлагалъ имъ отдѣленіе отъ Россіи съ возвратомъ имъ большой части завоеванныхъ прежде губерній, что главныя лица Польскаго Общества въ Варшавѣ и Царствѣ Польскомъ, сколько могъ развѣдать, что въ губерніяхъ если есть члены, то въ самомъ маломъ количествѣ; въ Подольской или Волынской, а можетъ быть въ пограничныхъ къ симъ губерніямъ уѣздахъ Кіевской губерніи живетъ какой то *Мошинскій*, онъ изъ членовъ сего Общества, но кажется не изъ важныхъ. Его знаютъ кн. Сергѣй Григорьевичъ *Волконской* и *Бестужевъ*. Свиданія бываютъ на Бердической ярмонкѣ, можетъ быть также гдѣ и въ другомъ мѣстѣ. Пестель, кажется, въ Бердичевъ не ѣздитъ и вообще больше пребываетъ въ своихъ квартирахъ, то буде онъ самъ, какъ кажется, ведетъ теперь переговоры, то или есть кто нибудь вблизи его, или пріѣзжаютъ къ нему. Прежде онъ было употребилъ *Бестужева* для переговоровъ, но кажется остался имъ недоволенъ. *Бестужевъ долженъ знать* имяна нѣкоторыхъ изъ значущихъ членовъ. Кажется, *Пестель* посылалъ кого-то въ Литовской корпусъ, но сего утвердителяно сказать не могу; также полагаю, что и Польское Общество съ своей стороны желало въ ономъ же корпусѣ завести связи.

Давно уже я полагалъ существованіе въ Польшѣ какого то общества подъ названіемъ Соединенныхъ Славянъ; была въ Кіевѣ нѣкогда масонская ложа подъ симъ названіемъ, но ето совсѣмъ другое; общество сіе, если существуетъ между поляками, то оно также отдѣльное отъ Варшавскаго Общества. Но есть члены Общества сего названія въ 7-й или 8-й дивизіи, а можетъ быть и въ обѣихъ, болѣе кажется между артиллерійскими офицерами Полтавскаго полка; поручикъ *Бестужевъ* знаетъ нѣкоторыхъ. Можетъ быть, штабсъ-ка-

питанъ Корниловичъ, которой теперь долго жилъ въ Каменецъ-Подольской губерніи что нибудь тамъ узналъ о всѣхъ сихъ обществахъ.

Есть одинъ флотской офицеръ, кажется чиномъ лейтенантъ, *Завалишинъ*, росту малаго, сколько я слышалъ, ибо лично я его не знаю, его теперь здѣсь нѣтъ, онъ кажется въ отпуску; онъ членъ какого-то общества, которое управляется извнѣ, и должно быть что изъ Англіи. Онъ не очень давно совершалъ путь въ Калифорнію, и пріѣхалъ изъ Камчатки или Охотска сухимъ путемъ. Мнѣ сказывали, что будто онъ просилъ дозволенія у покойнаго государя императора о заведеніи сего общества въ Россіи, и что въ отвѣтъ получилъ, что его величество не дозволяетъ никакихъ тайныхъ обществъ въ подвластной ему имперіи и потому и сего заводить не дозволяетъ. И будто бы Завалишинъ на пути чрезъ Сибирь тамъ же, или уже въ Россіи,—не знаю,—нашелъ много членовъ, принадлежащихъ къ сему Обществу. Цѣли и образованія сего общества я не знаю.

Сношеній со внѣшними государствами, или съ иностранными лицами Общество здѣсь въ Петербургѣ существовавши не имѣло; я сіе говорю утвердительно, потому что никакъ полагать не могу, чтобъ мнѣ о таковыхъ сношеніяхъ ничего не сказали, еслибъ оныя были заведены. А я съ своей стороны никакъ бы на оныя не согласился, ибо я могъ заблуждаться на счетъ пользы государства, но не могъ обманываться, что иностранныя державы, когда вмѣшиваются въ дѣло другихъ, то неиначе какъ во вредъ имъ. Особенно же касательно Россіи иначе быть не могло, потому что всѣмъ извѣстно, сколько иностранные дворы страшатся ея силы.

Я здѣсь изложилъ во всей подробности, сколько могъ припомнить и сколько мнѣ извѣстно, всю исторію учрежденія, состава, хода и сношеній обществъ; также все что въ разныя времена, по довѣрію другихъ или по догадкамъ и соображеніямъ, могъ узнать о существованіи другихъ обществъ. Достовѣрныхъ доказательствъ я не имѣю дать иныхъ кромѣ слова моего; и смѣло могу ручаться, что я изъ всего того, что знаю, что могъ себѣ привести на память, или что предполагаю или предполагалъ, ничего не исказилъ, и умышленно ничего не утаилъ. Можетъ быть также, что я не могъ припомнить имянъ какихъ нибудь изъ бывшихъ членовъ, но сіе единственно или потому, что они были по Обществу не значущими, или давно уже отъ онаго отстали; навѣрное могу сказать, что если не припомнилъ

таковыя, то весьма немного. Изъ бывшихъ же когда либо по Обществу значущими, сколько могу убѣждаться, никого не забылъ. Еще можетъ быть, что я нѣсколько членовъ перемѣшалъ изъ одного года въ другой, напримѣръ: не помню, не былъ ли полковникъ *Бибиковъ* (адъютантъ его императорскаго высочества) членомъ Общества въ 1816 году; также достовѣрно не упомню—*Владиміръ Пестель*, поступилъ ли въ Общество, учрежденное въ 1818 году, или уже тогда совсѣмъ въ оное не поступалъ. Иное что можетъ быть подобное же о членахъ смѣшалъ, но безъ намѣренія; въ семъ, кажется, мнѣ легко повѣрить можно, ибо сіе важности составить не можетъ.

Теперь осталось мнѣ изложить въ подробности планъ дѣйствія, которой предполагался для исполненія переворота, навлекшаго бѣдственныя и гибельныя произшествія, ознаменовавшіе 14-й день сего декабря мѣсяца. Я заранѣе могу увѣрить, что въ ономъ все будетъ отъ меня изложено съ полнымъ чистосердечіемъ.

Сочлены печальнаго Общества въ 1816 году:

Князь Трубецкой (дѣлающій сіе показаніе).

Александръ Муравьевъ.—Вовсе отсталъ отъ Общества съ 1819 или 1820-го года. Я видѣлъ его въ 1823-мъ году, онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, и сказывалъ мнѣ, что онъ много потерпѣлъ отъ прежнихъ товарищей за то, что отсталъ отъ Общества, но нашелъ утѣшеніе въ религіи, которая теперь его единственное занятіе.

Никита Муравьевъ.

Павелъ Пестель.

Владиміръ Пестель—отсталъ давно отъ Общества.

Князь Лопухинъ—сношеній я съ нимъ давно не имѣю ни прямыхъ, ни посредствомъ другихъ членовъ, и нынѣшняго расположенія его къ Обществу не знаю.

Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ.

Генералъ-Маіоръ Шиповъ, братъ его полковникъ Шиповъ, князь Долгоруковъ, адъютантъ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича—отстали отъ Общества.

Князь Шаховской, отставной штабсъ-капитанъ или капитанъ,—сношеній давно ни съ кѣмъ не имѣетъ и полагаю его отставшимъ.

Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ.

Въ 1818-мъ году прибавились и въ послѣдствіи поступили въ учрежденное въ ономъ году общество:

Отставной генералъ-маіоръ *Фонъ-Визинъ* и братья его. Петръ и Павелъ *Колошинъ*—оба отстали.

Михайло Муравьевъ—отсталъ.

Пущинъ, бывшій въ гвардейской артиллеріи, нынѣ въ Москвѣ надворнымъ судьей.

Новиковъ—умеръ.

Волховскій гвардейскаго генеральнаго штаба—отсталъ.

Якушкинъ—давно отсталъ.

Л.-гв. Финляндскаго полка полковникъ *Митьковъ*.

Семеновъ—въ канцеляріи князя Голицына въ Москвѣ.

Дмитрій Давыдовъ служилъ въ лейбъ-гусарахъ—отсталъ.

Левинъ помѣщикъ тамбовскій, *Бѣлавинъ* Василій Ивановичъ, помѣщикъ нижегородскій и также 4 или 5 членовъ, коихъ именъ не знаю—полагаю всѣхъ отставшими, ибо никакого извѣстія о нихъ не имѣлъ съ 1818 года.

Полковникъ *Фонъ-деръ-Бригенъ* въ отставкѣ. Сбирался ѣхать послѣднею осенью съ женою и дѣтьми въ чужіе края, но остался до весны у тестя своего сенатора Миклашевскаго въ деревнѣ.

Тургеневъ Николай Ивановичъ—уже три года въ чужихъ краяхъ.

Подполковникъ Миклашевскій.—Имѣетъ ли онъ съ кѣмъ по Обществу сношеніе, я не знаю, когда я зналъ его, тогда онъ не принадлежалъ къ Обществу.

Подполковникъ *Капнистъ*. Принадлежалъ, но теперь не полагаю его принадлежащимъ, я съ нимъ никогда не былъ знакомъ какъ членъ Общества, и знаю его только по службѣ.

Подполковникъ *Хотинцовъ*, командиръ Витебскаго пѣхотнаго полка—принятъ кѣмъ то изъ Общества Пестеля и считается тамъ вовсе незначущимъ членомъ. Я съ нимъ имѣлъ сношенія только по службѣ.

Полковникъ *Граббе*.

Полковникъ князь *Гагаринъ*.—Давно уже ни съ кѣмъ изъ членовъ сношеній не имѣлъ.

Генералъ-маіоръ *Пущинъ*. Въ отставкѣ и ни съ кѣмъ сношеній не имѣетъ давно уже.

Генералъ-маіоръ *Кальмъ*. Не знаю, принадлежитъ-ли къ Обществу Пестеля, а съ здѣшнимъ обществомъ сношеній не имѣетъ.

Генералъ-маіоръ князь *Волконской*, отставной полковникъ Василій Львовичъ *Давыдовъ*, полковникъ *Янтальцевъ* (артиллерійской).—Принадлежатъ къ Обществу Пестеля.

Полковникъ *Лунинъ*—въ л.-гв. Гродненскомъ полку.

Полковникъ *Тизенгаузенъ*, командиръ Кременчугскаго пѣхот-

наго полка и того жъ полка подпоручикъ *Бестужевъ*, полковникъ *Повало-Швейковской* Саратовскаго пѣхотнаго полка, полковникъ *Муравьевъ*, командиръ Александрейскаго гусарскаго полка, *Вадковской* (Федоръ), бывшій поручикомъ въ Кавалергардскомъ полку и тѣмъ же чиномъ переведенный въ какой-то конноегерскій полкъ, *Свистуновъ* Кавалергардскаго полка, князь *Барятинскій*, адъютантъ графа Витгенштейна или г.-м. Кисилева.—Все члены Общества Пестеля. Кто еще члены у него, мнѣ не извѣстно, но Вадковской, слышалъ я, завелъ связи, вѣроятно, въ дивизіи, гдѣ онъ находится.

Полковникъ *Фридериксъ* какого-то конно-егерскаго полка, кажется Харьковскаго.—Былъ прежде членомъ, но отсталъ.

Графъ Пушкинъ и *Титовъ* или *Тучковъ*, адъютанты графа Сакена.

Полковникъ *Нарышкинъ* Бородинскаго или Торутинскаго полка.

Полковникъ Вольской—кажется 1-го морскаго командиръ.

Полковникъ *Бурцовъ*—былъ прежде членомъ, но въ какомъ теперь расположеніи мнѣ неизвѣстно, я давно о немъ ничего по сему предмету не знаю.

Толстой, старшій адъютантъ Главнаго Штаба его императорскаго величества, уже три года находится въ отпуску за границею для леченія болѣзни, о расположеніи его къ Обществу я ничего не знаю, ибо хотя я и коротко съ нимъ знакомъ, но о дѣлахъ Общества съ нимъ никогда не говаривалъ.

Левъ Алексѣевичъ *Перовской*—при посольствѣ кажется во Флоренціи, полковникъ *Кавелинъ* и полковникъ *Годеинъ*—адъютанты его императорскаго величества, полковникъ *Бибиковъ*—адъютантъ его императорскаго высочества.—Всѣ отстали.

Болѣе членовъ изъ находящихся внѣ С.-Петербурга не упомню, и сколько могу себѣ на память привести, то болѣе выше поименованныхъ не состояло.

Если есть кто нибудь еще въ Москвѣ принадлежашихъ нынѣ къ Обществу, то ихъ долженъ знать *Пущинъ*. Бывшихъ же членовъ въ Московской думѣ въ 1818 году я не зналъ и свѣдѣнія о нихъ не имѣлъ; они состояли подъ вѣдомствомъ Александра Муравьева, только если кто изъ нихъ еще принадлежитъ къ Обществу, Пущинъ долженъ знать. Я полагаю, что принадлежащихъ изъ нихъ нѣтъ, ибо Пущинъ говорилъ, что въ Москвѣ вовсе ничего нѣтъ, и тожъ я слышалъ отъ полковника Нарышкина.

О генералъ-маіоръ Орловѣ я уже подробно говорилъ въ моихъ объясненіяхъ.

Чтожъ касается до здѣшнихъ членовъ, то я ихъ почти никого не знаю лично и большая часть именъ мнѣ не извѣстны; всѣ почти они приняты были въ отсутствіе мое изъ С.-Петербурга княземъ Оболенскимъ и Рылѣевымъ; исключая об.-прокурора Краснокуцкаго, который былъ принятъ, кажется, Пестелемъ въ одно время съ ген.-м. Кальмомъ, когда они были въ одной дивизіи полковыми командирами. По возвращеніи г. Краснокуцкаго сюда онъ въ дѣла общественныя не входилъ. Извѣстные же мнѣ имена прочихъ членовъ здѣшнихъ суть слѣдующія: въ конной гвардіи *князь Одоевскій*, въ кавалергардахъ полковникъ *Кологривовъ*, *Анненковъ*, *Муравьевъ* и полковой казначей, имя коего не помню.

Въ Московскомъ: *Бестужевъ*. Гвард. Ген. Штаба—штабсъ-капитанъ *Корниловичъ*.

Въ Финляндскомъ: Полковники: *Моллеръ*, *Тулубьевъ*, *Рѣпинъ*,—былъ-ли членомъ Общества, вѣрно не знаю.

Въ Лейбъ-гренадерскомъ: *Сутгофъ*.

Морскіе офицеры: Гвардейскаго экипажа *Арбузовъ*, флота капитанъ-лейтенантъ *Бестужевъ*, братъ его адъютантъ герцога Виртембергскаго и Путей Сообщенія полковникъ *Батенковъ*.

Прежде нежели приступить къ описанію въ подробности плана, обстоятельствъ и дѣйствія моего въ дѣлахъ, пріуготовившихъ гибельныя произшествія 14-го декабря, въ коихъ по несчастію моему игралъ столь бѣдственное лице, долженъ я дать нѣкоторое понятіе о себѣ самомъ, объ образѣ моихъ политическихъ мыслей и объ обстоятельствахъ, которыми я приведенъ былъ къ тому, чтобъ играть столь пагубное лице и быть виновникомъ ужасныхъ бѣдствій, отъ того послѣдовавшихъ.

Не для защиты своей хочу я что либо говорить; не стану я оправдываться въ преступленіи, на которое нѣтъ и не можетъ быть никакихъ оправданій; не въ надеждѣ несправедливыми какими либо показаніями избѣжать достойнаго по дѣламъ моимъ воздаянія;—я слишкомъ чувствую весь ужасъ преступленія моего; слишкомъ знаю всю величину наказанія, заслуженнаго мною, и слишкомъ убѣжденъ, что и продолженіемъ до сихъ поръ существованія моего я обязанъ единственно неизреченному милосердію государя моего, который продолженіемъ несчастной жизни моей по человѣколюбію своему соблаговолилъ дать время несчастному преступнику возчувствовать

всю великость своего преступленія и почувствовать въ душѣ его полное разскаяніе. Но единственно хочу я говорить для того, чтобы въ самую минуту учиненнаго мной ужаснѣйшаго преступленія облагодѣтельствовавшій меня всемилосердый монархъ, равно какъ и его высочество государь великій князь и почитаемые мною господа члены, Комитетъ составляющіе, могли видѣть, что я не извергъ рода человѣческаго, что я не гнусное какое либо изчадіе ада, но несчастный, вовлеченный въ преступленіе ложными своими понятіями, слабостію своего нрава и бѣдственною самонадѣянностью. Чтобъ видѣли, что я рожденъ чувствовать благодарность за оказываемыя мнѣ благодѣянія, что сіе благородное чувство не изсякло еще изъ сердца моего, и что если я былъ и величайшій преступникъ, то я не чуждъ спасительнаго чувства раскаянія, и страхъ Божій не преставалъ исполнять души моей.

Отецъ мой былъ добрый и хорошій человѣкъ, онъ старался поселить во мнѣ и братьяхъ моихъ чувство чести и добродѣтели; и я тщился быть всегда человѣкомъ честнымъ и истиннымъ христіаниномъ. Я готовился поступить въ военную службу, и съ начала поступленія моего искалъ пріобрѣсть нужныя военному ремеслу познанія.—Я уже описывалъ чувства, горѣвшія во мнѣ по счастливомъ окончаніи войны съ французами, и побудившіе меня къ учрежденію въ то время тайнаго общества вмѣстѣ съ другими подобно мнѣ молодыми людьми. Сильно было во мнѣ чувство любви къ отечеству, я старался пріобрѣтать всѣ познанія, какія могли пріуготовать меня къ служенію ему съ пользою,—тогда я не помышлялъ о возможности существованія въ Россіи конституціоннаго правленія. Но послѣ того ходъ конституціоннаго правленія во Франціи, конституція, данная блаженной памяти государемъ императоромъ царству Польскому, учрежденіе или обѣщаніе конституціи различными государями въ Германіи, мнѣніе многихъ, что государь императоръ Александръ Павловичъ намѣренъ пріуготовить подвластную его величеству имперію къ введенію въ оной такогоже рода правленія, побудили меня изучаться правиламъ, на коихъ основаны таковыя правленія, изыскивать, отъ чего конституціи революціоннаго правленія во Франціи состояться не могли, и отъ чего произошли ужасы французской революціи. Съ сими мыслями я вступилъ въ Общество, учрежденное въ 1818 году.

По возвращеніи моемъ изъ за границы, я хотя и остался убѣжденъ въ добротѣ конституціонной монархіи, но слишкомъ счастливъ былъ въ семействѣ моемъ, чтобъ помышлять о чемъ либо иномъ кромѣ продолженія моего благополучія.

Я уже объяснилъ причины, побудившія меня къ возстановленію Общества въ 1823-мъ году. Тогда изъ бывшихъ здѣсь членовъ вошло въ составъ Общества весьма мало. *Тургеневъ* и *Митьковъ* уѣхали въ чужіе краи, *Нарышкинъ* вышелъ въ армію; дѣйствительными членами были только: я, Муравьевъ, Оболенской и *Рылѣевъ*; три или четыре можетъ быть члена изъ офицеровъ, между коими былъ *Вольскій*, котораго я не зналъ, равно какъ и другихъ, относились къ *Оболенскому*. Рылѣевъ принялъ капитанъ-лейтенанта *Бестужева*, и, можетъ быть, еще кого другаго. *Никита Муравьевъ* и я не принимали никого. Я настаивалъ на томъ, чтобы пріемы были какъ можно разсудительнѣе, чтобъ не брали пустой молодежи, которая будетъ только болтать, кричать и надѣлаетъ шуму, чѣмъ и принудитъ опять уничтожить Общество. Но чтобъ искали людей солидныхъ, постоянныхъ и разсудительныхъ, на которыхъ бы можно было надѣяться, говоря, что числомъ достоинства не замѣнить. Я возсталъ также противъ мысли, чтобъ въ противность *Пестелевой* конституціи написать другую, которую читать членамъ, коихъ будутъ принимать; на сіе я возражалъ, что конституціи мы написать сообразной съ духомъ народа не можемъ, ибо не имѣемъ довольнаго познанія отечества своего, и что еслибъ и написали какую, то не можемъ заставить ее принять. Хотя я и вступилъ опять въ Общество, но я долженъ признаться, что я боялся огласки, боялся горячности новыхъ членовъ, и неохотно занимался дѣлами Общества, такъ что рѣдко видѣлся со членами и ограничился одними тѣми, которые составляли Думу, и тогда избѣгалъ разговора объ Обществѣ. *Никита Муравьевъ*, казалось мнѣ, раздѣлялъ со мною одинаковую неохоту. Онъ только что женился тогда. Не знаю, имѣлъ ли я какое предчувствіе, что ето все не добромъ кончится, или нежеланіе отрываться отъ пріятностей, которыя я имѣлъ въ семействѣ моемъ, мною владѣло.

Однакожъ я долженъ также признаться, что я имѣлъ тщеславіе не казаться таковымъ предъ товарищами, и потому когда князь Щербатовъ, будучи назначенъ корпуснымъ командиромъ, предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ, то я съ одной стороны доволенъ былъ, что удаляюсь отъ Общества, съ другой хотѣлъ и показать членамъ, что я имѣлъ въ виду пользу Общества, и что тамъ я могу ближе наблюдать и *за Пестелемъ*. Скоро по пріѣздѣ моемъ въ Кіевъ, увидѣлся я съ Сергѣемъ Муравьевымъ—Апостоломъ, который увѣрилъ меня, что онъ ни мало не вдался Пестелю, и что онъ съ другими

членами Общества изъ ихъ дивизіи дали другъ другу слово противъ *Пестеля*. Что они Пестеля ненавидятъ, но что Пестель имѣетъ довѣренность къ Бестужеву, чрезъ котораго они и наблюдаютъ *Пестеля*, съ которымъ нужна большая осторожность въ сношеніяхъ, ибо онъ весьма подозрителенъ.

9-я дивизія начала ходить въ караулъ въ Кіевъ, я сталъ часто видѣться съ *Муравьевымъ* и *Бестужевымъ*, которые оказали мнѣ и женѣ моей большое участіе въ горести, которую мы имѣли, потерявъ брата жены моей жестокимъ образомъ. *Муравьевъ* и *Бестужевъ*, пріѣзжая въ Кіевъ, останавливались у меня. Послѣдній далъ мнѣ тѣ извѣстія о Пестелѣ, которыя я сообщилъ, и говорилъ, что *Пестель* окружаетъ себя дурными людьми, въ примѣръ сего ставилъ *Василья Львовича Давыдова*. Отецъ мой былъ хорошо знакомъ съ отцомъ *Бестужева*, котораго и я зналъ; сынъ оказывалъ мнѣ большую привязанность, я его полюбилъ и съ сожалѣніемъ видѣлъ, что сей молодой человѣкъ при добромъ сердцѣ и хорошей душѣ увлекается чрезъ мѣру горячимъ воображеніемъ. Я старался выиграть его довѣренность, чтобъ успѣть умѣрить запальчивость его воображенія и исправить его образъ мыслей, я видѣлъ, что хоть онъ и не довѣряетъ во многомъ *Пестелю*, въ коемъ онъ видитъ жестокаго и властолюбиваго человѣка, но между тѣмъ обольщенъ умомъ его и убѣжденъ, что *Пестель* судитъ весьма основательно и понимаетъ вещи въ настоящемъ ихъ видѣ. Я старался оспаривать принятыя *Бестужевымъ* мысли Пестеля понемногу, чтобъ тѣмъ вѣрнѣе достичь моего намѣренія, а можетъ быть также и отъ свойственнаго мнѣ права.

Я уже сказывалъ, какія я имѣлъ сношенія съ *Пестелемъ* чрезъ *Бестужева*. Въ послѣдній разъ когда онъ ѣздилъ къ Пестелю, я получилъ отъ *Рылѣева* извѣстіе, что прошедшимъ лѣтомъ онъ открылъ, что капитанъ *Якубовичъ* изъ личной ненависти къ блаженной памяти государю императору хотѣлъ убить его величество и что *Рылѣевъ* его въ семъ остановилъ, но только могъ уговорить его на отсрочку до времени. Чтобъ показать довѣренность къ Пестелю, я поручилъ *Бестужеву* сообщить ему сіе извѣстіе, и въ отвѣтъ получилъ отъ Пестеля, какъ прежде сказалъ, что онъ надѣется начать дѣйствіе въ слѣдующемъ году. Пріѣхавъ въ Петербургъ, я узналъ отъ *Рылѣева*, что онъ остановилъ Якубовича тѣмъ, что довѣрилъ ему, что есть Общество, которое имѣетъ въ виду ввести конституціонное правленіе, что тогда *Якубовичъ* ему сказалъ, что

онъ надѣется быть переведенъ въ гвардію, что послѣ того надобно ему будетъ съѣздить въ Грузію, потому что генералъ *Ермоловъ* его туда требуетъ, но онъ отъ туда будетъ стараться сколь возможно скорѣе возвратиться, чтобъ имѣть здѣсь ескадронъ. Что если Общество хочетъ и имѣетъ возможность его намѣреніемъ воспользоваться, то онъ увѣдомитъ, когда будетъ готовъ къ исполненію его; но что онъ непремѣнно намѣренъ произвести въ дѣйствіе свое мщеніе.

Я уже писалъ, какимъ образомъ *Рылѣевъ* пришелъ мнѣ сказать, что члены собравшись избрали меня для распоряженія и начальства въ бывшихъ обстоятельствахъ. Вотъ какой былъ планъ мой. Я полагалъ, что если полки откажутся отъ присяги, то собрать ихъ гдѣ нибудь въ одномъ мѣстѣ и ожидать, какія будутъ приняты мѣры отъ правительства; я надѣялся, что если ихъ будетъ достаточное количество, то силою не вздумаютъ ихъ принуждать къ повиновенію; и для того, чтобъ убѣдиться въ собственной силѣ, должно было тотъ полкъ, въ которомъ откажутся люди присягать, стараться вывести къ другому ближнему полку, что побудитъ и тотъ полкъ выйти, если онъ также отказывался дать присягу, или также отказаться отъ оной. По разсказамъ *Рылѣева* и *Оболенскаго*, отъ коихъ однихъ я съ начала имѣлъ всѣ свѣдѣнія, я полагалъ что не присягнутъ полки: Измайловской, Финляндской, Егерской, Лейбъ-Гренадерской Московской и Морской Экипажъ. Таковую силу полагалъ достаточною. Думалъ, что если въ первой день не вступятъ съ ними въ переговоры, то увидѣвъ, что они не расходятся и проночевали первую ночь на бивакахъ, непремѣнно на другой день вступятъ съ ними въ переговоры, или объявятъ, что послали въ Варшаву къ государю цесаревичу. Между тѣмъ нельзя будетъ симъ полкамъ отказать въ продовольствіи; и тогда если дѣйствительно послано будетъ въ Варшаву, ожидать рѣшенія отъ обстоятельствъ и если его высочество цесаревичъ изволитъ пріѣхать, тогда покориться обстоятельствамъ. Если государь цесаревичъ не пріѣдетъ, или, что я полагалъ вѣроятнѣе, вступятъ съ полками въ переговоры, то сказать солдатамъ, что есть завѣщаніе блаженной памяти государя императора и по которому завѣщано имъ убавить срокъ службы, что надобно вытребовать исполненіе сего завѣщанія, но просто на одно обѣщаніе положиться нельзя, а надобно сдѣлать крѣпко и для того убѣдить ихъ не расходиться и что если не разойдутся, то будетъ все сдѣлано. Тогда требовать всего того, что написано въ извѣстной за-

пискѣ, состоящей при дѣлѣ *). Впрочемъ записка сія не полагалась опредѣлительно принятою, изъ оной возможнымъ полагалось многое уступить, исключая однакожъ собранія депутатовъ изъ губерней по сословіямъ, и чтобъ все сіе было объявлено манифестомъ отъ Сената. Для полковъ же вытребовать удобное для стоянки мѣсто до окончанія всего. Я не сомнѣвался, что въ сіе время многіе бы и другіе полки къ симъ не присоединились, и даже многія лица во во всѣхъ мѣстахъ не поддержали требованій. Сіе основаніе было на томъ мнѣніи, что, вѣроятно, есть много людей, желающихъ конституціонной монархіи, но которые не являютъ своего мнѣнія, не видя возможности до оной достигнуть, но когда увидятъ возможность и при томъ, что возставшіе войска ни какого буйства не дѣлаютъ, то обратятся на ихъ сторону. Я не опасался, что другіе полки можно было заставить дѣйствовать противъ сихъ, но опасался одной артиллеріи, почему и полагалъ необходимымъ зайти за нею и взять ее съ собой. Обстоятельства должны были рѣшить, гдѣ удобнѣе будетъ расположить полки, но я предпочиталъ расположить ихъ за городомъ; ибо тогда въ городѣ сохранится тишина, да и самые полки можно будетъ лучше удержать отъ разброда. Полковъ же армейскихъ, какъ я сказывалъ, мы не боялись, ибо не вѣрили, чтобъ можно было подвигнуть полки на полки. Другое предположеніе было, чтобъ собрать всѣ полки на Сенатской площади, и какъ скоро вступятъ съ ними въ переговоры, то требовать въ Сенатѣ завѣщанія, по которому убавленъ срокъ службы солдатамъ (какъ выше сказано), а между тѣмъ требовать разсылки извѣстнаго манифеста, и тогда уже обстоятельства должны опредѣлить, гдѣ полкамъ быть на сборномъ мѣстѣ, чтобъ не расходиться до окончанія. Впрочемъ было мнѣніе нѣкоторыхъ, что еслибъ все сіе такъ не удалось, то итти къ военнымъ поселеніямъ, присоединить ихъ и ожидать окончанія. Увѣренность вообще была, что окончаніе будетъ по желанію.

Когда я самъ сталъ собирать свѣдѣніе отъ офицеровъ (коихъ я прежде показалъ) о состояніи умовъ въ полкахъ и освѣдомился о числѣ членовъ самаго Общества, то я увидѣлъ, что расположеніе умовъ не подаетъ надежды въ успѣхѣ исполненія, и что Общество состоитъ изъ самыхъ незначущихъ лицъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я ви-

*) Эта записка—проектъ конституціи, печатается ниже. М. Д.-З

дѣлъ, что много есть людей, которые начинаютъ весьма горячиться. Одинъ разъ *Рылѣевъ* сказалъ мнѣ, что требуютъ начать съ предположеннаго времени, между тѣмъ я зналъ, что были нѣкоторые, хотѣвшіе возмутить полки еще въ день присяги данной государю цесаревичу. Я пришелъ въ большое замѣшательство. Слышалъ я, что нѣкоторые говорили, что и съ одной горстью солдатъ можно все сдѣлать, говорили о грабежѣ и убійствахъ; говорили, что можно и во дворецъ забраться. Но на сіе бывшій тогда *Батенковъ* возразилъ, что дворецъ долженъ быть священное мѣсто, что если солдатъ до него прикоснется, то уже ни чортъ его ни отъ чего не удержитъ. Я увѣренъ, что сіе его возраженіе отъ многаго въ послѣдствіи бѣдствія удержало. Я жаловался *Рылѣеву*, что такой бунтующій духъ между членами, онъ увѣрялъ меня, что оный успокоится. Я не рожденъ убійцею; я желалъ отойти, видя себя между людьми, готовыми на убійства; но между тѣмъ полагалъ, что я уже или покрайней мѣрѣ имя мое служило къ возбужденію ихъ на такія дѣла; и надѣялся еще, что оставаясь съ ними въ сношеніи и какъ бы въ видѣ начальника, я успѣю отвратить зло, и если необходимо должно быть чему нибудь, то убѣдить ихъ не дѣлать безпорядковъ и сохранить хоть нѣкоторый видъ законности. Но внезапно узнали мы, что курьеръ пріѣхалъ изъ Варшавы (ранѣе нежели я ожидалъ его по своимъ разсчетамъ), я увидѣлъ, что горячность многихъ опять возгорѣлась; нѣкоторые говорили, что отступать уже нельзя, ибо все можетъ быть уже открыто, слѣдовательно все равно умирать. Я еще все думалъ сколько нибудь помочь, уговаривая, чтобъ офицеры начинали просто вопросами, почему хотятъ ихъ приводить къ присягѣ, и только тогда если увидятъ, что поддерживаютъ ихъ солдаты, выводили ихъ; и увидя, что на это подаются бывшіе тутъ ротные командиры кромѣ *Арбузова*, который съ увѣренностію говорилъ, что онъ выведетъ, нѣкоторая надежда въ сердцѣ моемъ вселилась, что не будетъ ничего отъ другихъ полковъ, кромѣ развѣ изъ Морскаго экипажа. (Я надѣялся что въ Московскомъ полку не начнется, потому что бывшій тутъ онаго полка *Бестужевъ* говорилъ, что за нимъ рота не послѣдуетъ, ибо онъ только два мѣсяца ею командуетъ). Я вышелъ однакожъ отъ *Рылѣева* въ отчаяніи; я ясно видѣлъ, что принятіемъ на себя вида начальства (хотя всѣ распоряженія и были дѣлаемы *Рылѣевымъ*, но отъ моего имени), и согласіемъ, даннымъ быть съ бунтующими полками, я дѣлаюсь виновникомъ всего того, что послѣдовать можетъ; что раз-

сужденіями моими съ сими офицерами о средствахъ, какимъ образомъ все устроить, я подалъ имъ увѣренность, что я отъ нихъ не отстану и тѣмъ можетъ быть еще болѣе ихъ подвигнулъ, если они были готовы, или возбудилъ ихъ, если они къ тому не готовились. Укорялъ себя въ томъ, что не представилъ имъ всего безумства такого намѣренія; терзаемъ совѣстію, мучимъ страхомъ грозящихъ бѣдствій, я видѣлъ, что во всякомъ случаѣ и я погибъ неизбѣжно; но рѣшился по крайней мѣрѣ не имѣть еще того на совѣсти, чтобъ быть въ рядахъ бунтовщиковъ.

Присяги ожидали въ 6 часовъ по утру. *Рылѣевъ* сказалъ мнѣ, что онъ рано уйдетъ въ Морской экипажъ. Тоска души моей не дала мнѣ сна, я въ 7 часовъ пошелъ освѣдомиться, гдѣ *Рылѣевъ* и нашелъ его дома; сердце мое отошло нѣсколько, я надѣяться сталъ, что все пройдетъ тихо, но не имѣлъ духа спросить его о Морскомъ экипажѣ. Въ 9 часовъ я узналъ, что уже конная гвардія присягнула и послалъ еще къ *Рылѣеву* просить его къ себѣ, желая убѣдиться, что онъ дома. И въ самомъ дѣлѣ онъ пріѣхалъ. Тогда вновь отрада вошла въ сердцѣ мое. Однако-жъ я не спросилъ объ экипажѣ, сказалъ только, что, кажется, все тихо пройдетъ. Онъ былъ съ *Пущинымъ*; сей, выходя отъ меня, говоритъ: „Однакожъ вы будите на площади, если будетъ что нибудь“.—Я не имѣю духа сказать ни да, ни нѣтъ, отвѣчалъ: „Да чтожъ, если двѣ какія нибудь роты будутъ, чтожъ можетъ быть? Кажется, все тихо пройдетъ, ужъ многіе полки присягнули“. Я боялся, что если сверхъ моего чаянія и будетъ какое нибудь возмущеніе, то за мной придутъ, почему и ушелъ изъ дому.

Изъ описаннаго мною здѣсь дѣйствія и помышленій моихъ и изъ сказаннаго мной прежде объ участіи моемъ въ гибельныхъ происшествіяхъ 14 декабря, ясно видно, что я не только главный, но можетъ быть и единственный виновникъ всѣхъ бѣдствій онаго дня и несчастной участи всѣхъ злополучныхъ моихъ товарищей, которыхъ я вовлекъ въ ужаснѣйшее преступленіе и примѣромъ моимъ и словами моими. Я не только не заслуживаю ни малѣйшей пощады, но увѣренъ еще, что только увеличеніемъ мною заслуженнаго наказанія должна быть облегчена участь всѣхъ несчастныхъ жертвъ моей надменности; ибо я могу почти утвердительно сказать, что еслибъ я съ самаго начала отказался участвовать, то никто бы ничего не началъ.—Я говорилъ о намѣреніи моемъ сохранить и посреди самаго бунта и мятежа тишину и спокойствіе, но по оказавшемуся

послѣдствію могу ли я теперь полагать, что я бъ въ томъ успѣлъ, и не долженъ ли я напротивъ опасаться, что одинъ разъ войдя уже въ толпу мятежниковъ, я при случаѣ сдѣлался бы истиннымъ изчадіемъ ада, какимъ нибудь Робеспьеромъ или Маратомъ.—Мысль ужасная! которая ежеминутно приводитъ меня въ содроганіе, Боже Милосердый! Можетъ ли величайшее раскаяніе загладить таковое преступленіе!

Проэктъ манифеста,

найденный въ бумагахъ князя С. П. Трубецкого.

Въ Манифестѣ Сената объявляется:

1. Уничтоженіе бывшаго правленія.

2. Учрежденіе временнаго до установленія постояннаго выборными.

3. Свободное тисненіе, и потому уничтоженіе цензуры.

4. Свободное управленіе богослуженія всѣмъ вѣрамъ.

5. Уничтоженіе права собственности, распространяющееся на людей.

6. Равенство всѣхъ сословій предъ закономъ, и потому уничтоженіе военныхъ судовъ и всякаго рода судныхъ комиссій, изъ коихъ всѣ дѣла судныя поступаютъ въ вѣдомство ближайшихъ судовъ гражданскихъ.

7. Объявленіе права всякому гражданину заниматься, чѣмъ онъ хочетъ, и потому дворянинъ, купецъ, мѣщанинъ, крестьянинъ—всѣ равно имѣютъ право вступать въ воинскую и гражданскую службу, и въ духовное званіе, торговать оптомъ и въ розницу, платя установленныя повинности для торговъ. Пріобрѣтать всякаго рода собственность, какъ-то земли, дома въ деревняхъ и городахъ. Заключать всякаго рода условія между собою, тягаться другъ съ другомъ предъ судомъ.

8. Сложеніе подушныхъ податей и недоимокъ по онымъ.

9. Уничтоженіе монополій, какъ-то: на соль, на продажу горячаго вина и проч. и потому учрежденіе свободнаго винокуренія и добыванія соли, съ уплатою за промышленность съ количества добыванія соли и водки.

10. Уничтоженіе рекрутства и военныхъ поселеній.

11. Убавленіе срока службы военной для нижнихъ чиновъ, но опредѣленіе онаго послѣдуетъ по уравненіи воинской повинности между всѣми сословіями.

12. Отставка всѣхъ безъ изъятія нижнихъ чиновъ прослужившихъ 15 лѣтъ.

13. Учрежденіе волостныхъ, уѣздныхъ, губернскихъ и областныхъ правленій, о порядкѣ выборовъ членовъ сихъ правленій, кои должны замѣнить всѣхъ чиновниковъ, доселѣ отъ гражданскаго правительства назначаемыхъ.

14. Гласность судовъ.

15. Введеніе присяжныхъ въ суда уголовные и гражданскіе. Учреждаетъ правленіе изъ 2-хъ или 3-хъ лицъ, которому подчинитъ всѣ части высшаго управленія, то есть всѣ Министерства, Совѣтъ, Комитетъ Министровъ, арміи, флотъ. Словомъ всю верховную исполнительную власть, но отнюдь не законодательскую и не судную. Для сей послѣдней остается Министерство, подчиненное временному Правленію, но для сужденія не рѣшенныхъ въ нижнихъ инстанціяхъ остается департаментъ Сената уголовной и учреждается департаментъ гражданскій, кои рѣшаютъ окончательно, и члены коихъ останутся до учрежденія постояннаго правленія.

Временному правленію поручается приведеніе въ исполненіе:

1-е Уравненіе правъ всѣхъ сословій.

2. Образованіе мѣстныхъ волостныхъ, уѣздныхъ, губернскихъ и областныхъ правленій.

3. Образованіе внутренней народной стражи.

4. Образованіе Судной части съ присяжными.

5. Уравненіе рекрутской повинности между всѣми сословіями.

6. Уничтоженіе постоянной арміи.

7. Учрежденіе порядка избранія выборныхъ въ палату представителей народныхъ, кои долженствуютъ утвердить на будущее время имѣющій существовать порядокъ правленія и государственное законоположеніе.

Проектъ конституціи,

найденный въ бумагахъ кн. С. П. Трубецкаго).*

Предположеніе для начертанія устава положительнаго образованія, когда Е. И. В. благоугодно будетъ съ помощію Всевышняго учредить Славяно-Русскую Имперію.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Опытъ всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ доказалъ, что власть самодержавная равно гибельна для правителей и для обществъ; что она не согласна ни съ правилами святой вѣры нашей, ни съ началами здраваго разсудка. Нельзя допустить основаніемъ правительства—*произволъ* одного человѣка—невозможно согласиться, чтобы всѣ права находились на одной сторонѣ, а всѣ обязанности на другой. Слѣпое повиновеніе можетъ быть основано только на страхѣ и не достойно ни разумнаго повелителя—ни разумныхъ исполнителей. Ставя себя выше законовъ, государи забыли, что они въ такомъ случаѣ внѣ законовъ, - внѣ человѣчества! Что невозможно имъ ссылаться на законы, когда дѣло идетъ о другихъ, и не признавать ихъ бытіе, когда дѣло идетъ о нихъ самихъ. Одно изъ двухъ: или они справедливы,--тогда къ чему же не хотятъ и сами подчиняться онымъ, или они не справедливы—тогда зачѣмъ хотятъ они подчинять имъ другихъ. Всѣ народы Европейскіе достигаютъ законовъ и свободъ. Болѣе всѣхъ ихъ народъ Русской заслуживаетъ и то и другое. Но какой образъ правленія ему приличенъ? Народы малочисленные бываютъ обыкновенно добычею сосѣдей и не пользуются независимостію. Народы многочисленные пользуются внѣшнею независимостію—но обыкновенно страдаютъ отъ внутренняго утѣсненія и бываютъ въ рукахъ деспота орудіемъ притѣсненія и гибели сосѣднихъ народовъ.

*) На поляхъ проекта сдѣланы отрывочныя замѣчанія,—слѣдствіе обсужденія проекта въ средѣ членовъ Общества. Эти замѣчанія набраны въ примѣчаніяхъ. М. Д.-З.

Обширность земель, многочисленное войско препятствуютъ однимъ быть свободнымъ;—тѣ, которые не имѣютъ сихъ неудобствъ,—страждутъ отъ своего безсилія.—*Федеральное* или *союзное правленіе* одно разрѣшило сію задачу, удовлетворило всѣмъ условіямъ и согласило *величіе народа* и *свободу гражданъ*.

Подъ надзоромъ Государя одно Законодательное Собраніе находится въ столицѣ и дѣлаетъ всѣ распоряженія общія, для всего государства;—частныя распоряженія, касающіяся до областей,—предоставлены областнымъ законодательнымъ собраніямъ, образованнымъ на подобіе *столичнаго* и такимъ образомъ доставляется благосостояніе *цѣлаго* и частей.

ГЛАВА I.

О народѣ русскомъ и правленіи.

1. Русскій народъ свободный и независимый не есть и не можетъ быть принадлежностію никакого лица и никакого семейства [1]).

2. Источникъ верховной власти есть народъ, которому принадлежитъ исключительное право дѣлать основныя постановленія для самого себя [2]).

3. *Правленіе* Россіи есть *уставное* и *союзное*.

ГЛАВА II.

О гражданахъ.

4. Гражданство есть право участвовать въ общественномъ управленіи, опредѣленнымъ въ семъ уставѣ порядкомъ, *посредственно*, т. е. выбирать чиновниковъ, или ихъ избирателей, или *непосредственно*, т. е. быть избраннымъ въ какое либо общественное званіе, по *законодательной*, *исполнительной* или *судебной* части.

5. *Граждане* суть тѣ жители Россійскаго Государства, которымъ предоставлены права гражданства, выше опредѣленныя.

6. Чтобъ быть гражданиномъ необходимы слѣдующія условія:

---

[1]) Изъ И. К. (?) не должно быть и предположенія принадлежности.

[2]) Власть народа ограничена, ибо цѣлый народъ не имѣетъ права мѣста (?) и одного гражданина

1. Лѣта не менѣе 21 года возраста.
2. Мѣстопребываніе—извѣстное и постоянное жительство.
3. Здравіе ума.
4. Личная и по имѣнію независимость.
5. Исправность платежа общественныхъ повинностей.
6. Непорочность предъ лицемъ закона.
7. Собственность отдѣльная на свое имя, а оной: 1-е недвижимой на 500 р. сер., или 2-е *движимой* (вещей или капитала) на 1000 р. сер.

7. Всякій природный житель Государства Россійскаго, который не былъ гражданиномъ,—но достигъ своими трудами до того, что составилъ себѣ требуемое состояніе, если онъ въ другихъ отношеніяхъ отвѣтствуетъ вышеозначеннымъ условіямъ,—поступаетъ немедленно въ граждане [1]).

8. Иностранецъ, жительствовавшій 7 лѣтъ сряду въ Россіи и пріобрѣтшій въ оной недвижимую собственность по крайней мѣрѣ въ 500 р. сер.,—имѣетъ право испросить у правительства право гражданства и долженъ напередъ клятвенно отказаться отъ правительства, подъ властью котораго прежде находился [2]).

9. Иностранцы [3]), не получившіе правъ гражданства, не могутъ имѣть ни какой гражданской, ни военной должности въ Россіи, и не имѣютъ права служить даже рядовыми въ войскѣ россійскомъ.

10. Чрезъ 20 лѣтъ по обнародованіи и приведеніи въ исполненіе сего *основнаго устава Всероссійскаго союза*, никто, не обучившійся русской грамотѣ, не можетъ быть признанъ гражданиномъ [4]).

11. Права гражданства теряются *навсегда*:

1. Вступленіемъ въ подданство иностранное.
2. Принятіемъ службы или должности въ чужой землѣ безъ согласія своего правительства.
3. Приговоромъ суда къ безчестному наказанію, влекущему за собою лишеніе правъ гражданскихъ. На время.
1. Судебнымъ объявленіемъ—о разслабленіи ума и тѣла.
2. Нахожденіемъ подъ судомъ.

---

1) Надобно опредѣлить условія.

2) Если въ чужихъ краяхъ собственности не имѣетъ

3) Можно быть мѣстнымъ гражданиномъ, не бывъ общественнымъ.

4) Лишняя удобность для невѣждъ. Кто не знаетъ русск. языка, не можетъ быть русскимъ гражданиномъ. Онъ можетъ пользоваться правомъ мѣстнаго гражданства.

3. Опредѣленіемъ и временнымъ лишеніемъ правъ [1]).

4. Объявленіемъ банкрутства.

5. Общественною недоимкою.

6. Нахожденіемъ въ услуженіи при комъ либо.

7. Неизвѣстностью мѣстопребыванія, занятій и средствъ пропитанія.

12. Черное [2]) и бѣлое духовенство пользуется правами гражданскими—члены оныхъ—смотря по тому, какимъ они условіямъ отвѣтствуютъ,—могутъ быть *избирателями* или *избранными*.

ГЛАВА III.

О состояніи, личныхъ правахъ и обязанностяхъ Русскихъ.

13. Всѣ русскіе равны предъ лицемъ закона.

14. Русскими признаются всѣ коренные жители Россіи и дѣти иностранцовъ, родившіеся въ Россіи, достигшіе совершеннолѣтія, если они объявили желаніе остаться въ Россіи.

15. Каждый Русскій обязанъ носить общественныя повинности,—повиноваться законамъ и властямъ отечества, быть всегда готовымъ къ защитѣ родины, и долженъ явиться къ знаменамъ, когда востребуетъ того законъ.

16. Крѣпостное состояніе и рабство отмѣняются, раздѣленіе между *благородными* и *простолюдинами* [3]) не принимается, по елику оно изображеніе гордости и высокомѣрія и противно христіанской вѣрѣ, по которой всѣ люди *братья*, всѣ рождены на *благо*, ибо рождены по волѣ Божьей—*всѣ рождены для блага*, и всѣ *просто люди*, ибо всѣ предъ нимъ слабы.

17. Всякій имѣетъ право излагать невозбранно свои мысли и и чувства, и сообщать ихъ посредствомъ печати своимъ соотечественникамъ. Вредныя книги, подобно другимъ преступленіямъ, преслѣдуются судомъ и подлежатъ присяжнымъ.

18. Всякой имѣетъ право заниматься тѣмъ промысломъ, который ему покажется выгоднѣйшимъ: Земледѣліемъ, скотоводствомъ, охотою, рыбною ловлею [4]), рукодѣліями, заводами, торговлею и такъ далѣе.

---

[1]) Общіе должны теряться на всегда.

[2]) Не черное, ибо отшельники.

[3]) Прекрасно сказано, но не у мѣста. Различіе самымъ дѣломъ уничтожается.

[4]) На что поименованія?

19[1]). Всякой Русской въ правѣ ѣхать, оставаться, словомъ дѣлать все, что неограничено и не воспрещается закономъ и частными постановленіями, лишь бы онъ не вредилъ другому и не касался чужой собственности.

20. Существующія нынѣ *гильдіи* въ купечествѣ и *цехи* въ ремеслахъ уничтожаются.

21. Въ судахъ *безопасность, жизнь и собственность* обезпечиваются *присяжными.*

22. Подозрѣваемый въ злоумышленіи можетъ быть взятъ подъ стражу постановленными уставомъ властями и учрежденнымъ порядкомъ, но въ 24 часа (подъ отвѣтственность тѣхъ, которые его задержали) должно объявить ему о причинѣ его задержанія,—въ противномъ случаѣ онъ немедленно освобождается. Никто не можетъ быть обвиненъ, задержанъ, или заключенъ въ темницу, кромѣ въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ и въ образѣ онымъ учрежденномъ. Каждый кто испрашиваетъ, причиняетъ или исполняетъ *произвольное* велѣніе долженъ быть наказанъ. Но каждый человѣкъ котораго призываютъ или берутъ въ силу существующаго закона[2]), обязанъ повиноваться немедленно—и становится виновнымъ, если воспротивится.

Никто не можетъ быть наказанъ, какъ въ силу закона, обнародованнаго до преступленія и законно приведеннаго въ исполненіе.

Всякая строгость, оказанная человѣку, какъ заключеніе, сдѣлалось необходимымъ, сверхъ той, которая потребна для задержанія его, должно быть отвращено закономъ.

23. Заключенный, ежели онъ не обвиненъ въ уголовномъ преступленіи, немедленно освобождается, если найдется за него достаточная *порука* по мнѣнію судей.

24. Право собственности, заключающее въ себѣ *однъ вещи*, священно и неприкосновенно.

Церковныя земли остаются навсегда за ними.

25. Земли помѣщиковъ остаются за ними. Особый законъ опредѣлитъ вознагражденіе, которое обязаны имъ сдѣлать поселяне, которые вздумаютъ остановить свое селеніе и переселит-

[1]) Этотъ параграфъ для сущихъ невѣждъ.

[2]) Должно опредѣлить, чѣмъ познается произвольное велѣніе.

ся въ другое мѣсто, за временное прерваніе въ порядкѣ полученія доходовъ съ воздѣлываемой сими поселянами земли [1]).

26. Крестьяне такъ называемыхъ нынѣ экономическихъ и удѣльныхъ волостей взносятъ также своему обществу единовременное вознагражденіе въ подобномъ случаѣ, за плату земскихъ повинностей вмѣсто ихъ [2]).

27. Крестьяне экономическіе и удѣльные будутъ называться *общими владѣльцами* [3]), равно какъ и нынѣ называются *вольными хлѣбопашцами*, поелику земля, на которой они живутъ признается ихъ собственностію и предоставляется имъ въ общественное владѣніе.

28. Послѣдующіе законы могутъ опредѣлить въ послѣдствіи, какимъ образомъ сіи земли поступятъ изъ *общественнаго въ частное владѣніе* каждаго изъ поселянъ и на какихъ правилахъ будетъ основанъ сей *раздѣлъ* общественной земли между ними.

29. Поселяне, живущіе въ арендныхъ владѣніяхъ равно дѣлаются вольными, но земля остается за тѣми, кому они были даны, и на то время, на которое онѣ даны. Поселяне, которые вздумали бы оставить селеніе, должны будутъ взнести [4]) арендатору вознагражденіе, которое опредѣлитъ законъ по окончаніи сроковъ, на которые розданы *аренды* [5]). Законъ опредѣляетъ, какое употребленіе сдѣлаетъ изъ оныхъ.

30. Военныя поселенія немедленно уничтожаются. Поселенные батальоны и эскадроны съ родственниками ихъ вступаютъ въ званіе *общихъ владѣльцевъ*.

31. Удѣльное правленіе крестьянъ отмѣняется [6]).

---

[1]) При срочныхъ свободныхъ условіяхъ сіе постановленіе не нужно. А на первый случай должно освобожденіе такъ устроить, чтобы подобныхъ разорительныхъ какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ переходовъ не было.

[2]) Пахатные крестьяне платятъ съ земли, слѣдовательно въ вознагражденіе онаго остается, а желающихъ перемѣнить мѣсто пребываніе или родъ промысла стѣснять симъ не должно, къ томужъ подати за выбывшихъ платятся отъ долговременныхъ сроковъ ревизіи.

[3]) Вѣрный способъ для стоячаго положенія земледѣлія, при общей собственности оно никогда преуспѣвать не можетъ въ усовершенствованіи.

[4]) Таковой поселянинъ не въ состояніи дать вознагражденія.

[5]) Аренды тожъ, что вотчины, только временныя.

[6]) Должно замѣнить другимъ.

32. Раздѣленіе людей на 14 классовъ отмѣняется. Гражданскіе чины, заимствованные у Нѣмцевъ, и ничѣмъ не отличающіеся между собою, отмѣняются сходственно съ древними постановленіями народа рускаго. Названіе однодворцевъ, мѣщанъ, дворянъ, именитыхъ гражданъ замѣняются всѣ названіемъ Гражданина или Рускаго.

Даетъ народное Вѣче свѣдѣнія о Россіи и предлагаетъ мѣры.

Въ чрезвычайныхъ случаяхъ созываютъ Палаты.

Имѣніе земли и 10-т. ар. дохода.

Выѣхать изъ границъ не можетъ. Попечитель малолѣтняго.

Предсѣдатель Думы на 6 лѣтъ палатою представленный изъ членовъ Думы, жалованья 40 р. сер. [1]).

33. Жалованье [2]) священнослужителей будетъ производиться и впредь; равнымъ образомъ они освобождаются и впредь отъ постоя и подводъ.

34. Кочующія племена не имѣютъ правъ гражданскихъ.

35. Право подавать свой голосъ при выборѣ нѣкоторыхъ мѣстныхъ властей (напр. *волостнаго* старѣйшины) предоставляется каждому русскому негражданину.

ГЛАВА - IV.

О Россіи въ законодательномъ и исполнительномъ отношеніи.

Вся Россія раздѣляется на 14 державъ и 2 области, которыя суть слѣдующія:

Все населеніе Россіи полагается въ 22,630,000 жителей мужескаго пола и по сему предположенію разочтено и представительство оной.

Державы.	*Столицы.*	*Число жителей м. пола.*
1. Ботническая	С.-Петербургъ	850,000.
2. Балтійская	Вел. Новгородъ	2,150,000.
3. Заволжская	Ярославль	1,450,000.
4. Западная	Вильно	1,325,000.

[1]) Черновая замѣка. М. Д.-З.

[2]) Жалованье получаютъ только городскіе, сельскіе же имѣютъ земли по 30 десятинъ на причтъ приходскій

5. Днѣпровская	Смоленскъ	2,800,000.
6. Бужская	Кіевъ	1,850,000.
7. Черноморская	Одесса	815,000.
8. Окинская	Москва	2,550,000.
9. Украинская	Харьковъ	2,650,000.
10. Низовская	Саратовъ	1,575,000.
11. Камская	Казань	2,517,000.
12. Кавказская	Тифлисъ	750,000.
13. Обійская	Тобольскъ	490,000.
14. Ленская	Иркутскъ	250,000.

Городъ Нижній Новгородъ, въ которомъ имѣетъ быть *мѣстопребываніе* Россійскаго правительства, съ окружностію своею составляетъ особую область *Славянскую* и будетъ столицею Россіи.

1. Славянская область	столица	*Славянскъ*	500,000.
2. Донская „	„	Новочеркасскъ	150,000.
		Итого	22,630,000 м. п. жит.

Державы дѣлятся на *уѣзды*, уѣзды [1]) на *волости* отъ 500 до 1500 жителей муж. пола. Въ судебномъ отношеніи державы дѣлятся на области, равныя пространствомъ нынѣшнимъ губерніямъ.

ГЛАВА V.

О внутреннемъ устройствѣ волостномъ и уѣздномъ правленіи.

36. Въ каждомъ уѣздѣ всѣ граждане собираются въ уѣздномъ городѣ и выбираютъ *Тысяцкаго* на одинъ годъ. Тѣ, которые пользуются землями въ общественномъ владѣніи, не суть *владѣльцы*, и слѣдовательно сюда не входятъ[2]).

Общіе владѣльцы не имѣютъ права каждый лично участвовать въ выборѣ Тысяцкаго, народныхъ представителей и другихъ чиновниковъ, на все общество сходка имѣетъ право назначить *одного избирателя* съ каждыхъ 500 жителей муж. пола—и сіи *избиратели*, назначенные *общими владѣльцами*, подаютъ голоса на равнѣ съ гражданами, какъ *уполномоченные цѣлаго общества*, лишь только они предъ-

[1]) Замѣч. судебное раздѣленіе на области по губерн. неудобно, нынѣшнія губерніи должны составлять одинъ судебн. Округъ.

[2]) Неравенство правъ, а слѣдовательно азличіе состояній.

явятъ *повѣрительныя грамоты* своего общества, засвидѣтельствованные *волостными старшинами.*

Впрочемъ каждый изъ общихъ владѣтельцевъ, имѣющій достаточный капиталъ, участвуетъ въ выборахъ непосредственно, и не лишается правъ гражданскимъ качествомъ общаго владѣльца. За то онъ не участвуетъ въ избраніи *полномочнаго общества.* [1])

38. Чтобы быть тысяцкимъ, должно имѣть по крайней мѣрѣ 21 [2]) годъ отъ рожденія — и имѣть недвижимаго имѣнія въ собственномъ отдѣльномъ владѣніи не менѣе 30 т. серебромъ или двпжимаго 60 т. серебр. [3]) Если избранный въ сіе званіе не имѣетъ сего имѣнія, то онъ не можетъ принимать онаго,—въ противномъ случаѣ онъ лишается мѣста и взноситъ пеню въ 2 т. сер. [4])

39. Должность тысяцкаго состоитъ въ слѣдующемъ:

1) Онъ созываетъ избирателей для выбора представителей державныхъ и пр. чинов. выборныхъ, членовъ думъ державныхъ, тысяцкаго, совѣтниковъ и предсѣдательствуетъ въ ихъ собраніяхъ.

2) Исполняетъ опредѣленіе судей, посылаетъ вызовъ къ суду, объявляетъ опредѣленія Правителей Державъ. Выбираетъ и назначаетъ присяжныхъ[5]).

3) Собираетъ доходы общественные.

4) Наблюдаетъ за общественными темницами и исполненіемъ уголовныхъ наказаній [6]).

5. Покровительствуетъ и охраняетъ судей во время отправленія ими ихъ должности.—Представляетъ требованія уѣзда,—говоритъ всегда отъ его имени. Беретъ подъ стражу нарушителей порядка. Каждый обязанъ повиноваться ему, и помогать ему брать подъ стражу нарушителей порядка.

6. Дѣлаетъ исчисленіе всѣхъ тѣхъ, которые въ уѣздѣ пользуются правами гражданства и раздѣляетъ ихъ на 4 списка:

---

1) Замѣч. И полномачивающаго.
2) Лѣта малы.
3) Почти всѣ общественныя владѣнія будуть безъ тысяцкихъ.
4) Кѣмъ?
5) Зам. составляетъ списокъ присяжныхъ.
6) Сказано было выше.

1.	Гражданъ,	имѣющ.	на	30	т.	сер.	недв.	имѣн.	60	т.	сер.	дв. им.
2.	„	„	„	15	„	„	„	„	30	„	„	„ „
3.	„	„	„	2	„	„	„	„	4	„	„	„ „
4.	„	„	„	5	„	„	„	„	14	„	„	„ „

Граждане, находящіеся въ 1-мъ спискѣ, могутъ быть избраны: въ члены *Верховной Думы*, въ *правителя Державъ*, въ *намѣстники Правителей Державъ*, въ совѣтники, въ *Тысяцкіе*. Находящіеся во 2-мъ спискѣ могутъ быть избраны: въ члены *Думъ Державнѣхъ*, въ члены судовъ и проч. Находящіеся въ 3-мъ спискѣ могутъ народными *представителями* и членами *Палаты выборныхъ*, державныхъ *Законодательныхъ Собраній*[1]). Находящіеся въ 4-мъ спискѣ могутъ быть *присяжными* и *избирателями*.

Граждане перваго списка пользуются всѣми правами гражданъ слѣдующихъ списковъ, равно граждане 2-го и 3-го списковъ. Граждане 4-го списка на имѣютъ правъ предыдущихъ списковъ.

40. Всѣ эти списки должны быть напечатаны и обнародованы.

41. Въ уѣздахъ, въ которыхъ не находилось людей, имѣющихъ недвижимаго имѣнія на 30 т. руб. сер., или движимаго на 60 т. руб. сер., или въ которыхъ бы находилось оныхъ менѣе 20-ти, выбираются въ тысяцкіе изъ числа тѣхъ 20-ти владѣльцевъ, или капиталистовъ, которые имѣютъ наибольшія имѣнія, включая и тѣхъ немногихъ, или того, ктобы имѣлъ означенное имѣніе.

42. Тысяцкій, принявъ сіе званіе, долженъ непремѣнно объявить обстоятельно, сколь велико его имѣніе. Сіе записывается въ особую книгу, хранящуюся у него, и каждый имѣетъ право требовать себѣ копію съ сего показанія,—дабы удостовѣриться въ справедливости онаго. Если кто потребуетъ отъ тысяцкаго доказательствъ, что онъ точно владѣетъ показаннымъ имѣніемъ, то сей послѣдній обязанъ представить въ судѣ своему противнику требуемыя имъ доказательства и бумаги, послѣ чего обвинитель можетъ отказаться отъ своего притязанія, заплатя пеню въ 150 р. сер.; если же онъ не убѣдится тѣмъ и будетъ продолжать дѣло, то въ случаѣ еслибъ невинность тысяцкаго была доказана, онъ осуждается на пеню въ 500 р. сер.

43. Если кто безъ законной причины откажется отъ званія тысяцкаго, опредѣленнаго выборомъ согражданъ, то обязанъ заплатить

---

[1]) Почему для представителей меньшее обезпеченіе?

1000 руб. сер. Пеня [1]), которая его освобождаетъ отъ сего званія только на одинъ годъ. Тотъ, кто исполнитъ сію должность одинъ годъ, не обязанъ принимать сего званія на слѣдующій.

44. Онъ долженъ имѣть жительство въ уѣздѣ.

45. Болѣе пяти лѣтъ сряду не можетъ быть избранъ.[2])

46. Тысяцкій избираетъ себѣ 2-хъ и болѣе *помощниковъ*, смотря по величинѣ уѣзда и назначаетъ себѣ *писарей* и ѣздовыхъ.

47. Онъ наблюдаетъ за ихъ поведеніемъ, можетъ ихъ отрѣшить и замѣнить другими.

48. Каждый тысяцкій, помощникъ его и старѣйшина получаетъ вознагражденіе по окончаніи года. Тысяцкой въ 1500 р. сер., Помощникъ въ 500 р., Старѣйшина въ 100 р. [3])

49. Когда уѣздъ слишкомъ обширенъ, чтобъ всѣ тѣ, которые пользуются правомъ избирательства, могли удобно собраться въ одно мѣсто—то тысяцкій [4]) назначаетъ 2, 3 или 4 собранія въ разныхъ мѣстахъ въ одно и тоже время.—Въ одномъ предсѣдательствуетъ онъ самъ,—въ другихъ—его *помощники.*

50. Тысяцкій же получаетъ отъ суда сообщеніе приговора, присуждающаго кого либо позорному наказанію, или узнавъ о банкрутствѣ, или общественной недоимкѣ—объявляетъ о томъ въ уѣздѣ и исключаетъ то лицо изъ гражданскихъ списковъ.

51. Обыватели каждой волости избираютъ на годъ или болѣе *волостнаго старѣйшину.* Обязанность его есть кромѣ волостнаго-управленія отбирать показанія обывателей своей волости, имѣющихъ недвижимую и движимую собственность и раздѣлить ихъ подъ разными статьями, поелику различныя имѣнія доставляютъ жителямъ различныя права [5]).

52. Волостные старѣйшины находятся подъ особеннымъ начальствомъ Тысяцкаго и обязаны доставлять ему свѣдѣнія. Тысяцкій повѣряетъ всѣ сіи списки, особенно списокъ присяжныхъ, принима-

---

1) Крайнее притѣсненіе? Для того, чтобъ избавиться отъ пени, будутъ должность принимать и худо исполнять обязанности. На предбудущее время имѣетъ-ли право отказаться?

2) Излишняя предосторожность и стѣсненіе для народа, если отвѣтственность хорошо опредѣлена.

3) исправляетъ 43 §.

4) Зам. Ему некогда.

5) Потому то сіе раздѣленіе не хорошо. Можно имѣніе сдѣлать условіемъ должностей, но не прилично давать имущество мѣрою правъ.

етъ обвиненіе жителей и показанія ихъ. Убѣдясь гласною расправою, Тысяцкой имѣетъ право внести пропущенныхъ въ списки или вымарывать имена тѣхъ, кои не должны въ оныхъ находиться.

ГЛАВА VI.

О внутреннихъ властяхъ или о правительствахъ Державы.

53. Правительство каждой Державы состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ независимыхъ другъ-отъ-друга властей, но содѣйствующихъ къ одной и той же цѣли; а именно *законодательной*, *исполнительной* и *судебной*.

ГЛАВА VII.

О законодательной власти Державъ.

54. Законодательная власть каждой Державы поручаетъ Законодательному Собранію, состоящему изъ Палаты выборныхъ, 2 изъ *Думы*. Законодательное собраніе созывается въ столичномъ городѣ каждой державы.

Раздѣлъ 1-й.

О палатѣ выборныхъ.

55. Палата выборныхъ составлена изъ членовъ, избранныхъ гражданами на *одинъ годъ*. Они вступаютъ въ должность въ послѣдній вторникъ ноября м-ца и остаются въ оной до *послѣдняго понедѣльника ноября м-ца слѣдующаго года*, въ который они заключаютъ свои засѣданія и разходятся, дабы уступить мѣсто свое новымъ *выборнымъ*, которые вступаютъ на другой день—т. е. *въ послѣдній вторникъ ноября*.

56. Выборные должны имѣть по крайней мѣрѣ 21 годъ отъ роду,—состояніе—недвижимаго на 2 т. р. сер., или движимаго на 4 т. р. сер., должны уже 7 лѣтъ сряду пользоваться гражданскими правами [1]) и во время своего избранія находиться въ избравшемъ ихъ мѣстѣ.

[1]) Слѣдовательно 28 лѣтъ отъ роду, ибо несовершеннолѣтній не пользуется гражданскими правами.

57. Число выборныхъ опредѣлено слѣдующимъ образомъ: Каждые 10 т. обывателей муж. пола посылаютъ одного *выборнаго* въ Законодательное Собраніе своей Державы.

И такъ число выборныхъ будетъ слѣдующее:

1.	Въ	Ботническомъ Закон. Соб.	85.
2.	„	Балтійскомъ	215.
3.	„	Заволжскомъ	145.
4.	„	Западномъ	130.
5.	„	Днѣпровскомъ Закон. Соб.	280.
6.	„	Бужскомъ	185.
7.	„	Черноморскомъ	80.
8.	„	Окинскомъ	255.
9.	„	Украинскомъ	265.
10.	„	Низовскомъ	155.
11.	„	Камскомъ	250.
12.	„	Кавказскомъ	75.
13.	„	Обійскомъ	50.
14.	„	Ленскомъ	25.
15.	„	Славянской Области	50.
16.	„	Донской	15.

58. Каждый годъ въ *послѣдній вторникъ сентября*, имѣютъ быть сходки гражданъ для избранія *выборныхъ* и четвертой части членовъ Державной Думы (кромѣ 1-го раза, въ которой избираются всѣ члены Державныхъ Думы) подъ предсѣдательствомъ Тысяцкаго и его помощниковъ, которые считаютъ голоса въ пользу тѣхъ, которые находятся въ первыхъ 3-хъ спискахъ.

59. Писарь того уѣзда, или того мѣста, въ которомъ происходитъ сходка (см. § 49), записываетъ имена всѣхъ тѣхъ, кого избирали, и сколько кто получилъ голосовъ въ свою пользу. 4 дни полагается окончательнымъ срокомъ для выборовъ.

60. *Тысяцкій* въ 1-й разъ утверждаетъ [1]) *списокъ* назначенныхъ выборныхъ, обнародываетъ оной, и въ продолженіи двухъ недѣль доставляетъ отъ своего имени къ каждому *выборному позывъ* ѣхать въ столицу Державы занять свое мѣсто. По приведеніи уже въ совершенный ходъ сего устава, *Тысяцкій* обязанъ доставить сей,

[1]) Зачѣмъ утверждаетъ? Власти такой не можно ему давать, кажется. И не дѣло же Зак. Соб. разсылать приглашенія.

подписанный и утвержденный имъ списокъ въ продолженіи 2-хъ недѣль на разсмотрѣніе и сужденіе *Законодательнаго Собранія*, которое уже отъ своего имени посылаетъ новоизбраннымъ пригласительныя грамоты.

Раздѣлъ 2-й.

О Державной Думѣ.

61. Дума составляется изъ членовъ, избранныхъ на 4 года тѣми же *избирателями*, какъ и выборные, и на тѣхъ же *сходкахъ*, въ *послѣдній вторникъ сентября.*

Въ 1-й годъ всѣ члены Державной Думы изберутся на одной *сходкѣ*; въ послѣдующее же время на ежегодныхъ сходкахъ будетъ избираться только $^1/_4$ часть оной для замѣны выбывающихъ ежегодно членовъ.

62. *Члены должны имѣть: 30 лѣтъ возраста, пользоваться 9-ти лѣтнимъ гражданствомъ Россіи, имѣть жительство въ избирающей ихъ Державѣ во время сего выбора* и *недвижимаго имущества на 15 т.* р. сер. *или движимаго на 30 т.*

63. Число членовъ *Держ. Думы* полагается около трети числа выборныхъ, а именно.

1)	въ Ботнической Держ.	28	9)	въ Украинской	88
2)	„ Балтійской	71	10)	„ Низовской	51
3)	„ Заволжской	48	11)	„ Камской	83
4)	„ Западной	43	12)	„ Кавказской	25
5)	„ Днѣпровской	93	13)	„ Обійской	16
6)	„ Бужской	61	14)	„ Ленской	8
7)	„ Черноморской	26	15)	„ Словенск. Области	16
8)	„ Окинской	85	16)	„ Донской Области	5

64. Дума по собраніи своемъ немедленно раздѣляется на 4 части, по возможности равныя, изъ коихъ одна ежегодно по жребію выходитъ и замѣщается новыми выбранными, такъ что въ продолженіи 4-хъ лѣтъ вся Дума возобновляется.

Раздѣлъ 3-й.

Внутренне устройство Законодательнаго Собранія.

65. Каждый годъ *Законодательное Собраніе* съѣзжается въ столичномъ городѣ Державы въ *послѣдній вторникъ ноября.* Второй

съѣздъ онаго въ сентябрѣ слѣдующаго года. Продолженіе съѣзда зависитъ отъ большаго или меньшаго занятія Закон. Собр.

66. Каждая палата, избираетъ сама своего *предсѣдателя* и дѣлаетъ постановленія для внутренняго своего управленія. Предсѣдатель наблюдаетъ за порядкомъ засѣданій, но не имѣетъ голоса. Каждая палата, получивъ отъ Тысяцкихъ списки выборовъ—пересуживаетъ ихъ правильность—посылаетъ пригласительныя грамоты тѣмъ, которые правильно избраны,—уничтожаетъ неправильные выборы и повелѣваетъ приступить къ новымъ на ихъ мѣста выборамъ. За каждый день засѣданія члены Зак. Собранія получаютъ по 2 р. сер. *вознагражденія* [1]).

67. Въ обѣихъ палатахъ наличность $^2/_3$ всѣхъ членовъ достаточна, чтобъ дѣлать *постановленія*. Меньшее противъ $^2/_3$ число членовъ можетъ только повелѣть привести въ исполненіе мѣры понужденія, опредѣленныя противу тѣхъ, которые не прибыли къ своему мѣсту, и можетъ отсрочивать со дня на день засѣданія до прибытія ихъ. Равнымъ образомъ еслибъ вдругъ по необычайной смертности или инымъ какимъ либо причинамъ, выбыло много членовъ, повелѣть въ уѣздахъ приступить къ *пополнительнымъ выборамъ*.

Большинство $^2/_3$ голосовъ можетъ въ каждой палатѣ изгнать недостойнаго члена.

68. Члены, вышедшіе изъ Держ. Думы, могутъ быть опять въ оную выбраны по прошествіи 4-хъ лѣтъ. Члены палаты выборныхъ могутъ быть опять избранными по прошествіи 2-хъ лѣтъ.

ГЛАВА VIII.

О власти Державныхъ Законодательныхъ Собраній.

69. Никакой должностной человѣкъ не можетъ быть членомъ ни той, ни другой Палаты, пока онъ будетъ сохранять свою должность.

70. Всякое предложеніе о налогахъ поступаетъ сперва въ Палату выборныхъ. Дума можетъ дѣлать въ оном *измѣненія*, какъ и

[1]) Ежели полагать въ годъ 168 засѣданій, то это произведетъ всего на все 2,315,600 р. ассигн.

во всякомъ другомъ предложеніи. Право обвинять общественныхъ чиновниковъ также принадлежитъ Палатѣ выборныхъ.

Право дѣлать предложеніе о законѣ принадлежитъ *обѣимъ Палатамъ* и *Правителю* съ слѣдующими отличіями.

71. Дума одна имѣетъ право судить чиновниковъ, обвиненныхъ *Палатою выборныхъ*. Никто не можетъ быть объявленъ виновнымъ, какъ только $^2/_3$ голосовъ присутствующихъ. Власть Думы ограничивается тѣмъ, что она объявляетъ подсудимаго *виновнымъ* и *лишаетъ его занимаемаго имъ мѣста*, объявляя его *неспособнымъ занимать какую либо должность*. Отрѣшенный чиновникъ преслѣдуется Палатою въ присутственныхъ мѣстахъ обыкновеннымъ судебнымъ порядкомъ при присяжныхъ, по письменному обвиненію Державнаго Блюстителя, (который лично отвѣтствуетъ, въ случаѣ ежели бы обвиненіе оказалось несправедливымъ) и подвергается наказанію, опредѣленному закономъ.

72. Засѣданія обѣихъ Палатъ происходятъ при открытыхъ дверяхъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда большинство опредѣляетъ, чтобъ разсужденіе не было гласно. Женщинамъ, несовершеннолѣтнимъ всегда возбраняется входъ въ Палаты.—Наружные знаки одобренія или охужденія возбраняются зрителямъ.

73. Каждая Палата ведетъ дневныя записки своихъ разсужденій и печатаетъ оныя отъ времени до времени, кромѣ того, что они опредѣляютъ оставить тайнымъ.

Мнѣнія членовъ каждой Палаты въ пользу или противъ какого либо предложенія должны быть записаны въ журналъ по востребованію $^1/_5$ части присутствующихъ членовъ. Ни которая изъ палатъ не можетъ, безъ согласія другой, отсрочить своихъ засѣданій болѣе нежели на 3 дня, ни перенести оныхъ въ другое мѣсто, кромѣ того въ которомъ засѣдаютъ обѣ Палаты.

74. Ни въ какомъ случаѣ, кромѣ *преступленія*, *измѣны* и *нарушенія общественнаго порядка*, нельзя брать подъ стражу членовъ Закон. Собранія ни во время засѣданій, ни на пути его въ Державный городъ, ни во время возвращенія изъ онаго. Члены не отвѣчаютъ за мнѣнія, обнаруженныя въ Палатѣ,—никто нигдѣ, не въ правѣ тревожить ихъ и требовать отъ нихъ объясненій сказаннаго имъ во время ихъ законодательнаго служенія.

75. Всякое предложеніе, получившее согласіе Думы и выборныхъ, должно еще быть представлено Правителю Державы, чтобъ получить силу закона. Если *Державный Правитель* одобряетъ *пред-*

ложеніе, то подписываетъ оное и потому немедленно приступаютъ къ исполненію; если не одобряютъ, то отсылаетъ оное съ своими возраженіями въ ту Палату, въ которую она *сначала* поступила. Палата записываетъ въ свой журналъ всѣ *возраженія*, сдѣланныя Державнымъ Предсѣдателемъ, противъ сего предложенія,—и вновь открываетъ объ ономъ разсужденіе. Если послѣ сего *вторичнаго* сужденія о предложеніи $^2/_3$ членовъ останутся въ пользу *предложенія*, то оное поступаетъ съ возраженіями *Правителя* въ другую Палату, которое вновь разбирается и если большинствомъ голосовъ одобритъ,—то оно уже становится *закономъ*. Въ подобныхъ случаяхъ члены Палаты должны изъявить свое мнѣніе чрезъ одно выраженіе *да* или *нѣтъ*,—и въ журналѣ каждой Палаты записываются имена членовъ, подававшихъ голосъ за сіе предложеніе и противъ.—Для избѣжанія излишней медленности, если Правитель по прошествіи 10-ти дней (исключая воскресенье) не возвратитъ въ Палаты представленнаго сего сужденію *предложенія*, то оное получаетъ силу Закона, какъ бы было то утверждено. Если же Законодательное Собраніе между тѣмъ отсрочило свои засѣданія, тогда предложеніе не становится закономъ.—Всякое приказаніе, рѣшеніе или возглашеніе, требующее содѣйствія обѣихъ Палатъ (исключая разсужденій объ отсрочкѣ засѣданій), должно быть представлено Правителю и подтверждено имъ, чтобъ быть приведено въ исполненіе; если же онъ отвергнетъ оное, то должно быть снова принято $^2/_3$ голосовъ обѣихъ Палатъ сходно съ правиломъ, предписаннымъ для *предложеній* законовъ.

Каждая Палата имѣетъ право отринуть *предложеніе* другой. Дума однакоже обязана судить чиновниковъ, обвиненныхъ Палатою выборныхъ.

76. Въ слѣдующей главѣ опредѣлены предметы, о которыхъ Держ. Закон. Собран. можетъ дѣлать постановленія или законы.

77. Законодательное Собр. каждой Державы имѣетъ право:

1. Дѣлать постановленія, касающіяся до внутренняго управленія державы.

2. Дѣлать новое раздѣленіе края, болѣе сообразное съ нуждами и средствами жителей.

3. Устанавливать, въ какихъ *городахъ* или *мѣстечкахъ* будетъ происходить выборъ народныхъ представителей и какимъ образомъ сей выборъ долженствуетъ происходить.

4. Дѣлать всякія постановленія, лишь бы они не были въ противность сего устава и неотмѣненныя имъ постановленія.

5. Постановлять для собственнаго управленія Державы *прямые налоги* и составлять казну.

Прим. 1-е. *Частные налоги* для собственнаго управленія каждой Державы и потребности оной, какъ то дорогъ, каналовъ, строеній, издержекъ на Закон. Собр., ссудную часть и проч. зависитъ отъ власти *Законодат. Собр.* каждой Державы.

Прим. 2. *Общіе налоги* для содержанія войскъ сухопутнаго и морскаго, крѣпостей, почтъ, связей съ Иностранными Государствами, вознагражденіе членовъ Народнаго Вѣча, платы верховнымъ чиновникамъ, однимъ словомъ, для всѣхъ нуждъ и потребностей *всего Россійскаго Союза* назначаются *народнымъ вѣчемъ*.

6) Дѣлать всякаго рода общественныя заведенія, учебныя учрежденія, школы и пр.

7. Содержать и приводить въ порядокъ сообщенія.

78. Никакая Держава не имѣетъ права:

1. Заключить какой либо союзъ, договоръ или трактатъ не только съ Иностранными Государствами, но даже и съ другою державою Росс. союза.

2. Заключать миръ или объявлять войну.

3. Чеканить монету.

4. Раздавать титла дворянства и учреждать знаки отличія.

5. Налагать подати на ввозъ товаровъ безъ согласія и позволенія Народнаго вѣча.

6. Содержать въ мирное время войско или вооруженныхъ кораблей безъ позволенія верховнаго народнаго вѣча.

7. Начинать войну и непріязненныя дѣйствія, развѣ въ случаѣ непріятельскаго нашествія и когда опасность такъ близка, что никакое медленіе не можетъ быть допущено.

8. Отправлять пословъ и депутацій съ иностранными государствами, подъ какимъ бы то предлогомъ ни было и входить въ какіе бы то ни было сношенія съ Иностранными правительствами.

79. Каждая держава должна оказывать совершенное довѣріе, и уваженіе къ общимъ постановленіямъ и опредѣленіямъ другой державы. — Пользующійся званіемъ Гражданина въ одной державѣ, долженъ быть признанъ Гражданиномъ и во всѣхъ прочихъ. Евреи могутъ пользоваться правами гражданъ въ мѣстахъ, нынѣ ими за-

селенныхъ, но свобода имъ селиться въ другихъ мѣстахъ будетъ зависить отъ особыхъ постановленій *Верховнаго Народ. Вѣча.*

80. Каждая Держава обязана по требованію суда выдать исполнительной власти другой Державы, тѣхъ, которые скрываются отъ судей своихъ, или отъ слѣдующаго имъ наказанія.

ГЛАВА IX.

О исполнительной власти державъ.

81. Исполнительная власть въ каждой Державѣ поручается *Державному Правителю*, его *Намѣстнику* и Совѣту.

Условія чтобы быть Правителемъ суть слѣдующія: *30 лѣтъ возраста, 9 лѣтнее гражданство въ Россіи и жительство въ державѣ, въ которой назначается Правителемъ,* недвижимаго имѣнія на 30000 р. сер. или движимаго на 60 т.

82. Чрезъ каждые 3 года *Народное Верховное Вѣче* избираетъ Правителей Державъ изъ списковъ кандидатовъ, на сіе званіе доставленныхъ въ оное Зак. Соб. державъ; сей выборъ производится обѣими вмѣстѣ соединенными Палатами Нар. Верх. Вѣча и утверждается Императоромъ.

83. Права и занятія правителя суть слѣдующія:

1. Онъ вмѣстѣ съ Совѣтомъ своимъ разбираетъ присылаемые отъ Тысяцкихъ списки вновь назначенныхъ выборныхъ членовъ думы; и посылаетъ пригласительныя грамоты тѣмъ, которые избраны.

2. Отсрочиваетъ засѣданія Зак. Соб. на то время, на которое обѣ Палаты того пожелаютъ. Въ случаѣ же если бы онѣ въ этомъ не соглашались, то онъ имѣетъ право оныя отсрочить до того времени, которое онъ назначитъ, чтобъ согласить ихъ.

3. Закрываетъ ежегодно засѣданія палаты выборныхъ и распускаетъ членовъ оной наканунѣ послѣдняго *вторника ноября.*

4. Не можетъ однакожъ, хотя бы и въ нѣсколько пріемовъ, отсрочить засѣданіе обѣихъ палатъ болѣе, нежели на 20 дней сряду.

5. Въ случаѣ заразительной болѣзни, или другой какой либо опасности, угрожающей жизни членовъ Закон. Собранія, онъ имѣетъ право созвать оное въ другомъ какомъ либо мѣстѣ или городѣ той же Державы.

6. Онъ начальствуетъ надъ земскимъ войскомъ своей Державы, даетъ приказанія войскамъ и военнымъ судамъ, находящимся въ предѣлахъ Державы. Въ случаѣ нападенія, созываетъ и вооружаетъ жителей. Не можетъ однакоже безъ позволенія Законод. Собранія высылать земскаго войска за предѣлы Державы.

7. Имѣетъ право прощать кромѣ тѣхъ, которыхъ осудила сама Дума.

8. Назначаетъ по представленію своего Совѣта: 1) *державнаго Блюстителя*. 2) Державнаго стряпчаго, 3) *Судей* и другихъ чиновниковъ, изъ числа особъ, отмѣченныхъ въ 3-мъ спискѣ.

9. Получаетъ жалованья въ 5 т. р. сер.

84. Правитель по окончаніи своего служенія можетъ быть назначенъ на то же мѣсто вторично только по прошествіи 4-хъ лѣтъ. Сіе правило распространяется на намѣстника правителя и на совѣтниковъ.

85. Въ послѣдній вторникъ ноября мѣсяца, каждые три года, Палата выборныхъ и дума собирается въ одну комнату и приступаютъ вмѣстѣ къ выбору посредствомъ балотировки *Намѣстника Правителя* и Совѣтниковъ. Выборъ производится $^2/_3$ голосовъ всѣхъ присутствующихъ членовъ.

86. Условія, чтобъ быть Намѣстникомъ, Правителемъ и Совѣтникомъ тѣ же, что для правителя. Число совѣтниковъ для каждой Державы или Области есть слѣдующее.

Для державъ *Днѣпровской, Окинской, Украинской, Камской* по 9, *Балтійской* 7, *Ботнической, Заволжской, Западной, Бугской, Черноморской, Низовской, Кавкавской, Обійской* и *Ленской* также, для областей *Славянской* и *Донской* по 5. Когда 9 совѣтниковъ, тогда 5 изъ нихъ должны быть на лицо при сужденіяхъ, въ противномъ случаѣ ихъ постановленія не имѣютъ законности; когда 7— то 4, когда 5—то 3.

Постановленія и мнѣнія Совѣта Держ. вписываются въ особую книгу, и подписываются присутствующими членами. Обѣ палаты имѣютъ право каждая потребовать къ себѣ книгу сію, всякой разъ когда ето имъ покажется нужнымъ [1]).

88. Если членъ Совѣта не согласенъ съ большинствомъ, то имѣетъ право требовать, чтобъ его мнѣніе записано было особо и

---

[1]) Какая цѣль?

все сполна. Совѣтъ учавствуетъ во всѣхъ мѣрахъ и постановленіяхъ правителя. Въ случаѣ равенства голосовъ, мнѣніе правителя рѣшаетъ. Совѣтники за каждое засѣданіе во все время съѣздовъ Законод. Соб. получаютъ тоже награжденіе, что выборные и члены думы. Члены Сов. выбываютъ ежегодно по $^1/_3$ и замѣщаются, равно какъ и выбывшіе по другимъ причинамъ, какъ сказано въ § 85.

89. Намѣстники правителя имѣютъ слѣдующія права:

1. Въ продолженіи временнаго отсутствія Правителя предсѣдательствуетъ въ Совѣтѣ, но не имѣетъ голоса, такъ что Совѣтъ имѣетъ всю *исполнительную власть* въ отсутствіе Правителя.

2. Если мѣсто правителя сдѣлалось праздным, его смертью, болѣзнью и проч., то намѣстникъ занимаетъ оное и пользуется всею его властію.

3. Получаетъ 1500 р. сер. жалованья.

90. 1-й) *Держ. дьякъ*, 2) *Держ. Казначей*, 3) *Собиратель пошлинъ Державы*, избираются каждые 3 года обѣими соединенными въ одну комнату палатами.

91. *Правитель, Намѣстникъ его, Блюститель, дьякъ, казначей* и всѣ гражданскіе чиновники могутъ быть лишены своихъ мѣстъ, если въ слѣдствіе обвиненія палаты выборныхъ они будутъ уличены и осуждены думою за *измѣну, расхищеніе общественной казны, другіе какіе либо преступленія*, или *порочное поведеніе*. Когда Дума судитъ Правителя, то предсѣдательствуетъ въ ней *верховный Судья*.

ГЛАВА X.

О Народномъ Вѣчѣ.

92. *Народное Вѣче*, состоящее изъ Верховной Думы и Пал. Предст. народныхъ, облечено всею законодательною властію.

ГЛАВА XI.

О Палатѣ Представителей и о числѣ Представителей и выборѣ ихъ.

93. Палата Представителей составлена изъ членовъ, выбранныхъ на 2 года жителями державъ.

Условія:—21 годъ, 7 лѣтъ правъ гражд., состояніе по § . Жительство въ избранной державѣ.

На 50 т. жителей мужск. п. одинъ.

Подробное исчисленіе чрезъ три года послѣ приведенія Устава въ дѣйство—возобновляется чрезъ 10 лѣтъ—до тѣхъ поръ—452.

Выборъ на уѣздныхъ сходкахъ.

Писарь записываетъ, кто избиралъ и число голосовъ—4 дня для выбора. Чиновники подписываютъ и отправляютъ къ Державному Дьяку тотчасъ.

Первые выборы тотчасъ по обнародованіи устава.

Ботническая	17	представителей.	
Балтійской	48	9	28
3 [1])	29	10	40
4	46	11	15
5	58	12	15
6	34	Обл. Донск.	10
7	54		3
8	59		
	456.		

Законодат. власть Державы объявляетъ уѣздамъ число и проч. и уравниваетъ.

Въ выбывкѣ исполн. вл. державы созываетъ для новаго выбора.

Пол. Представителей. избираетъ предсѣдателя. Одна можетъ отдавать подъ судъ обществ. чиновниковъ.

ГЛАВА XII.

О Верховной Думѣ.

3 члена отъ каждой державы, 2 изъ 1-й области, 1 изъ 2-й области всего 42. Избираются Законод. Сословіями Держ. и Областей на 6 лѣтъ, выбываютъ по $^1/_3$, въ убылѣ Исполн. вл. дѣлаетъ временное назначеніе.

Условія—30 лѣтъ—9 лѣтъ граж. жительство въ державѣ Имѣнія 120 т., движ. 240 т.

Избираетъ Предсѣдателя, Намѣстн. его и проч.

[1]) Эти цыфры должны соотвѣтствовать порядку державъ на стр 102—103

Предсѣдатель безъ голоса.

Верх. Дума одна судитъ чиновниковъ Пал. Представителей, обвиненные - $^2/_3$ голосовъ присутствующихъ осуждаетъ, Верх. Дума одна отрѣшаетъ, но судитъ судъ обыкновенный, по письменному обвиненію верх. Блюстителя.

Нар. Вѣче собирается разъ въ годъ въ 1-й вторн. дек. мѣсяца. О правахъ членовъ сами судятъ Палаты. Утверждаютъ всѣ большинствомъ голосовъ. Шеня для нерадивыхъ.—Наказывать и исключать членовъ. Безъ согласія другой, одна Палата можетъ отсрочитъ засѣданія только на 3 дня.

Жалованья въ день по 40 р., за 100 верстъ 40 р. и обратно. Въ измѣнѣ, преступленіи, нарушеніи общественнаго порядка могутъ быть взяты подъ стражу.

Должностные люди не могутъ быть членами, не отказавшись отъ должности.

Кто откажется, платитъ 10 т. р.

Власть, законъ, миръ и война, договоры, военная сила, земское войско.

Распоряженіе Области, гдѣ вѣчу.

Титло величія.

Отдаетъ отчетъ казны въ общенародное свѣдѣніе.

Позволяетъ принимать награжденія отъ чужихъ государей.

Вѣра не подлежитъ Вѣчу.

Не можетъ воспретить свободнаго книгопечатанія.

Можетъ брать частную собственность по законамъ.

ГЛАВА XIII.

О Императорѣ.

. . . . назначаетъ судей верховныхъ мѣстъ и прочихъ чиновниковъ.

Пополняетъ праздныя мѣста, когда Дума распущена, до окончанія 1-го съѣзда ея.

Назначаетъ:

1. Главу казначейскаго приказа (Мин. Фин.)
2. Главу сухопутныхъ силъ.
3. — Морскихъ.
4. — Внѣшнихъ сношеній.

А. Бестужевъ.

Записки и письмо къ государю.

I.

Прибавленія къ показаніямъ штабсъ-капитана Александра Бестужева. 27 декабря 1825 года.

По мѣрѣ того, какъ открывалось мнѣ Общество, въ которомъ принятъ я былъ членомъ, я раздѣляю извѣстіе о немъ на двѣ части. Первая *существованіе* Общества, сколько было мнѣ извѣстно, при жизни покойнаго государя императора, и потомъ *дѣйствія* его послѣ смерти; ибо послѣднее было случайнымъ дѣломъ Общества, и произведено обстоятельствами, а не предвиденнымъ ращетомъ.

Съ 19 лѣтъ сталъ я читать либеральныя книги, и это вскружило мнѣ голову. Впрочемъ не имѣя никакого положительнаго понятія, я какъ и всѣ молодые люди кричалъ на вѣтеръ безъ всякаго намѣренія. Въ 22 году, когда былъ назначенъ я адъютантомъ къ генералу Бетанкуру, свелъ знакомство съ г. Рылѣевымъ, и какъ мы иногда возвращались вмѣстѣ изъ общества Соревнователей Просвѣщенія и Благотворительности, то и мечтали вмѣстѣ, и онъ пылкимъ своимъ воображеніемъ увлекалъ меня еще болѣе. Такъ грезы эти оставались грезами до 1824 года, въ которой онъ сказалъ мнѣ, что есть тайное Общество, въ которое онъ уже принятъ и принимаетъ меня.

Первымъ условіемъ было честное слово не открывать, что повѣрено будетъ, вторымъ не любопытствовать узнать, кто члены, въ третьихъ повиноваться безусловно принявшему. Цѣль сего Общества была распространять понятія о правахъ людей и со временемъ возстановить ихъ въ Россіи. Кончина императора Александра Павловича назначена была знакомъ къ началу дѣйствія, если позволятъ силы, но это

говорено было только вначалѣ; потомъ когда сочлены привыкали уже къ этой мысли, ему открывали: что если Общество будетъ довольно сильно, то надобно дѣйствовать и при жизни его,—поднять народъ, войска и если это удастся, то принудить императора подписать конституціи. Такъ написана была она Никит. Муравьевымъ (какъ я узналъ послѣ) въ монархическо-умѣренномъ духѣ. Я года полтора никого не зналъ кромѣ кн. Оболенскаго, моего брата Николая (котораго принялъ, кажется, Рылѣевъ) и не любопытствовалъ узнать другихъ по правиламъ. Наконецъ представилъ вопросъ, что если государь не захочетъ согласиться на конституцію,—и при томъ, какъ Испанія доказала, что вынужденное согласіе не прочно? то и сказалъ мнѣ Рылѣевъ, что южане отвергаютъ монархію и мнѣніе ихъ принято здѣсь, и что южане берутся извести государя при случаѣ.

Между тѣмъ становясь поопытнѣе, я сталъ охладѣвать къ этому Обществу. Невозможность что либо сдѣлать и недовѣріе къ людямъ, которыхъ я увидѣлъ покороче, меня убѣдили въ сумасбродствѣ такого предпріятія. Съ ними однакожъ я былъ по прежнему, ибо не хотѣлъ нести ихъ упрековъ, тѣмъ безопаснѣе, чѣмъ дальше казалось дѣло. Наконецъ въ апрѣлѣ, кажется, мѣсяцѣ, Рылѣевъ сказалъ мнѣ, что меня выбрали въ Верхнюю Думу. Я принялъ это очень равнодушно и до сентября мѣсяца ни разу не былъ членомъ ея, покуда въ одинъ вечеръ не позвали меня къ Оболенскому слушать часть конституціи Ник. Муравьева о земской управѣ. Вотъ только однажды, когда былъ я собственно въ такъ называемой Думѣ и тутъ-то уже убѣдился, что Общество это ничтожно; рѣшился тянуть съ ними знакомство какъ игрушку, а между тѣмъ, какъ у меня и прежде было желаніе ѣхать на зиму въ Москву, тамъ найти себѣ выгодную партію, и тогда съ симъ предлогомъ устраниться отъ Общества и уѣхать года на два попутешествовать. Ну, судьба судила иначе.

При поѣздкѣ моей въ концѣ апрѣля въ Москву, для провожанія его высочества принца Оранскаго, я встрѣтился тамъ съ прежнимъ своимъ пріятелемъ Якубовичемъ. Онъ по всему замѣчательное лицо—и мы сошлись въ пріязнь... Либеральничали вмѣстѣ, но другъ другу совсѣмъ еще не открылись. Разсѣянная жизнь, балы и театръ не оставляли мнѣ въ 3 недѣли моего пребыванія въ Москвѣ время на другое. Я только разъ говорилъ съ Пущинымъ о дѣйствіи—и согласились, что начинать теперь что нибудь было бы сумашествіе.

Въ этихъ мысляхъ возвратился я назадъ, а слѣдомъ за мной пріѣхалъ и Якубовичъ. Между тѣмъ я, наскучивъ упреками Рылѣева о моемъ совершенномъ бездѣйствіи, сказалъ о существованіи Общества кн. Одоевскому, котораго принялъ Рылѣевъ и принялъ меньшаго своего брата Петра. Вотъ только моихъ адептовъ, и то послѣднему я, кажется, не сказалъ многаго.

Мы трое (Оболенскій, Рылѣевъ) стали знакомиться короче съ Якубовичемъ, сказали ему объ Обществѣ, а онъ признался намъ, что пріѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ убить государя изъ личной мести. „Я не хочу принадлежать ни какому Обществу, говорилъ онъ, чтобы не плясать по чужой дудкѣ.—Я сдѣлаю свое, а вы пользуйтесь этимъ, какъ хотите. Коли удастся мнѣ послѣ этого увлечь солдатъ,—то я разовью знамя свободы, а не то истреблюсь: мнѣ наскучила жизнь“.

Такое неожиданное приключеніе поразило насъ; напрасно представляли ему, что у него нѣтъ силъ, что это будетъ безполезное и вредное для всѣхъ убійство,—онъ настаивалъ, боясь что его вышлютъ изъ столицы и болѣе не удастся видѣть государя. Наконецъ, Рылѣевъ сказалъ ему, что онъ станетъ на колѣняхъ просить его отложить ето, хоть на мѣсяцъ или на два,—а если онъ не согласится, то или самъ убьетъ его, или на него донесетъ. Якубовичъ уступилъ,—и сталъ лѣчить свою рану, какъ говорили, для насъ. Сперва мы отвели это до маневръ,—потомъ далѣе и далѣе, и наконецъ какъ Петербургская жизнь стала ему нравится, то и до мая мѣсяца. И я совершенно убѣжденъ, что этого катастрофа не случилось бы никогда, ибо силы наши не возросли нисколько, а уговорить Якубовича, вѣроятно, можно бъ было до того, что его послали куда нибудь. Я, какъ лучшій и старый пріятель его, успѣлъ второй разъ уговорить его отложить свое намѣреніе.—Таково было положеніе дѣла Общества, которое, какъ я уже сказалъ въ пунктахъ, составилось, какъ я слышалъ, изъ остатковъ прежде разсѣяннаго, и котораго прежнія члены должны были молчать, ибо хотя списки ихъ и были созжены, но для страха имъ говорено было, что они существуютъ. Нѣкоторые ревностные члены, стараясь умножить число другими, иные занимаясь составленіемъ конституціи, но все Общество въ бездѣйствіи, не имѣя ни средствъ, ни предлога что либо предпринять. И хотя Рылѣевъ и проговаривалъ, что надобно начинать въ маѣ или лѣтомъ, но какъ это были слова безъ основанія, я говорилъ: конечно надобно, и строилъ свои частныя планы въ полной

увѣренности: что въ Обществѣ ничего быть не можетъ. Между тѣмъ съ полгода или нѣсколько болѣе, когда точно не упомню, Оболенской и Рылѣевъ сказали, въ слѣдствіи кажется южныхъ инстигацій, что надобно уничтожить всю фамилію—не знаю, какія были ихъ виды, кажется тѣ, чтобъ не оставить точки опоры приверженцамъ и я присталъ къ этому же мнѣнію, ибо зналъ, что одного убійцу имѣть можно, но многихъ никогда. Равальяки родятся вѣками,—но къ щастію человѣчества не дюжинами. И какъ я былъ увѣренъ, что сыскать такихъ людей невозможно. (Я же и Якубовичъ настаивали, чтобъ не менѣе 10 ихъ было), то этимъ массивнымъ назначеніемъ отклонялъ ударъ отъ священной главы. Однимъ словомъ, я былъ крикунъ, но не злодѣй. Я говорилъ даже (винюсь Богу и государю), что пожалуй меня употребите на это, но Рылѣевъ (какъ я зналъ это) всегда говорилъ, что я долженъ буду дѣйствовать на солдатъ,—а всѣ, кто дѣйствовать назначались, должны были быть чисты.

Такъ было все до смерти блаженной пямяти государя императора. Я ничего не видѣлъ вблизи, и только мечтая о томъ, какъ неизмѣнивъ честному слову, уклониться отъ содѣйствія Обществу, куда завлекло меня воображеніе, языкъ, и отъ намѣреній, которыя взошли въ шаткомъ умѣ, и которыхъ чуждалось мое сердце.—Совершенное мое недовѣріе къ средствамъ Общества, когда я увидѣлъ Верхнюю Думу, было причиною беззаботности моей на щетъ ея подробностей и моего невѣдѣнія о многихъ вещахъ, о которыхъ меня спрашивали. Мнѣ все уже казалось нестоющимъ вниманія, и Рылѣевъ и Оболенскій не разъ ссорились со мной, что я шутилъ и дѣлалъ каламбуры, какъ они говорили, изъ важныхъ вещей. Они называли меня фанфарономъ и не разъ говорили, что флигель-адъютанскій эксельбантъ я готовъ отдать былъ за всѣ конституціи. Я же говорилъ имъ, что они мечтатели, а я солдатъ и гожусь не разсуждать, а дѣйствовать. Еще нерѣдко бранились мы за споры,—я нарочно спорилъ и pour и contre, чтобъ заставить ихъ разбиться въ мнѣніяхъ и тѣмъ замедлить ихъ предположенія.—Еще замѣчу, что съ братьями моими не видался я по мѣсяцамъ и никогда почти о томъ не говорилъ. Старшій мой братъ былъ всегда изъ самыхъ умѣренныхъ, и когда Рылѣевъ говорилъ, что если въ случаѣ возстанія поднять Кронштатъ,—онъ и Торсонъ были всегда противъ этого. Послѣдній нисколько въ дѣлѣ 14 числа не участвовалъ и едвали не противъ воли держался въ Обществѣ и никогда ни въ какихъ совѣщаніяхъ не былъ. Также какъ и полковникъ финлянд.

полка Моллеръ, который хотя когда то и принятъ въ Общество—но тутъ рѣшительно отказался.

26 числа, т. е. наканунѣ полученья извѣстія о кончинѣ, пріѣхалъ ко мнѣ ввечеру Оболенскій и сказалъ, что слухъ есть, что государь императоръ отчаянно боленъ.—Такъ потолковавши съ нимъ и съ Рылѣевымъ и не совсѣмъ этому довѣряя, мы ничего не знали до 1 ч. утра. Пришелъ Якубовичъ съ подтвержденіемъ тогоже, но мы никакъ не ожидали, чтобы болѣзнь такъ скоро сразила Императора.—Якубовичъ вышелъ и черезъ пять минутъ вбѣжалъ опять, говоря: „государь умеръ. Во дворцѣ присягаютъ Константину Павловичу! впрочемъ еще это невѣрно, говорятъ Николаю Павловичу по завѣщанію слѣдуетъ“—и выбѣжалъ. Это поразило насъ, какъ громомъ, я надѣлъ мундиръ—и встрѣтился въ дверяхъ съ братомъ Николаемъ. „Что дѣлать? я пойду узнать въ какой нибудь полкъ, кому присягаютъ—долѣе право не знаю“. Я и поѣхалъ въ Измаиловскій, спрашиваю. Одинъ говоритъ Константину, другой Николаю, третій Елисаветѣ. Я поѣхалъ къ его высочеству герцогу, но уже встрѣтилъ его ѣдущаго на дорогѣ у дворца, куда я вошелъ и присягнулъ въ глазахъ его величества, государя Николая Павловича. Воротясь домой, я нашелъ Рылѣева, который сказалъ, что это доказываетъ, какъ мы ошибались, думая, что солдаты забыли Константина Павловича и что теперь должно ждать. Такъ мы и успокоились. Я поѣхалъ къ герцогу, и напрашивался ѣхать курьеромъ къ его выс. Константину Павловичу (это можно узнать отъ полковника Варенцова), но послали другого. Рылѣевъ очень заболѣлъ—и тутъ то стали къ нему стекаться лица, которыхъ прежде я никогда не видывалъ: какъ то гвар. экипажа лейт. Арбузовъ, Сутговъ (л.—гр.), Рѣпинъ и другіе и кн. Трубецкой сталъ ходить чаще.

Послѣ разныхъ толковъ рѣшили, чтобъ всякое дѣло отложить по крайнѣй мѣрѣ на 2 года, а тамъ что покажутъ обстоятельства. Надежды мои ожили. Я съ малолѣвства люблю великаго князя Константина Павловича. Служивъ въ его полку, я надѣялся у него выйти, что называется, въ люди. Я не дурно ѣзжу верхомъ; хотѣлъ также поднести ему книжку о верховой ѣздѣ, которой у меня въ чернѣ написано было съ три четверти . . . однимъ словомъ я надѣялся при немъ выбиться на путь, который труденъ бы мнѣ былъ безъ знатной породы и богатства при другомъ государѣ. Все стихло, какъ вдругъ стали носиться слухи, что онъ отказывается; что Польша съ Литвой и Подоліей отойдетъ отъ Россіи, дабы не обдѣлить

экс-императора. . . тогда, признаюсь, закипѣла во мнѣ кровь и неумѣстный патріотизмъ возмутилъ разсудокъ. У Рылѣева уже собирались члены и новобранцы съ извѣстіями, что полки хотятъ стать грудью за Константина и не присягать нынѣ царствующему императору. Якубовичъ сказалъ, что когда онъ ген. Милорадовичу сказалъ, что онъ не присягнетъ иному, покуда Константинъ Павловичъ лично не пріѣдетъ отказаться,—тотъ взялъ его за руку—и произнесъ: „Повѣрьте, вы не одни такъ думаете“. Оболенскій говоритъ, что ген. Бистромъ сначала сказалъ ему, что онъ кромѣ Константина никому не присягнетъ. Якубовичъ обѣщалъ увлечь Измайловскій полкъ,—а мы, признаемся, полагали на его краснорѣчіе и фигуру большую надежду; все это насъ осмѣлило, давъ точку опоры, какой мы никогда не смѣли надѣется, никогда въ другомъ случаѣ бы не могли имѣть. Чѣмъ можно двинуть русскаго солдата, какъ не вѣрою, какъ не привязанностію къ царю?

И такъ положено было въ день присяги всѣмъ фрунтовымъ сочленамъ по полкамъ своимъ говорить противу присяги, кричать что Константина Павловича, или принудили, или обманули, или это недостаточный отказъ по письму: пусть хоть манифестъ дастъ, а лучше всего пусть самъ пріѣдетъ—и далѣе, какъ и было произведено. Начальникомъ войскъ избранъ Трубецкой, хотя и думалъ быть имъ нѣсколько времени Якубовичъ. Такъ дѣйствуя, хотѣли мы (и я вторилъ за другими), если увлечемъ своимъ примѣромъ полки, то арестовать царскую фамилію, если же перевѣсъ только на нашей сторонѣ,—то послать депутацію къ Константину Павловичу, съ просьбой съ нѣкоторыми ограниченіями царствовать. Впрочемъ дальнѣйшихъ распоряженій ждать отъ кн. Трубецкого, ибо тутъ уже онъ былъ полномоченъ и наша совѣщательная дума уничтожилась. Знаю только, что при удачѣ хотѣли принудить Сенатъ узаконить сдѣланное нами и устранить царствующую фамилію отъ престола, а на Руси огласить республику. Распоряженія были сдѣланы, какъ видно изъ перваго моего показанія, и всѣ разошлись ввечеру по домамъ.

По утру въ 7 часовъ пріѣхалъ ко мнѣ Якубовичъ сказать, что онъ хотя и обѣщалъ наканунѣ Арбузову пріѣхать въ Экипажъ и идти съ ними къ измайловцамъ, но раздумалъ, а что будетъ ждать войска на улицѣ. Я въ 9 часовъ поѣхалъ въ Моск. Полк., гдѣ ждали меня братъ мой Михаилъ, котораго прежде я хотѣлъ устранить, но Рылѣевъ воспламенилъ, и князь Щепинъ, Волховъ и Броке. Всѣ они были у меня въ 1 разъ только за два дни и прежде въ Обществѣ

не были. Потомъ пошли мы въ роты, какъ я показалъ, гдѣ со Щепинымъ и говорили. Только адъютантомъ Константина Павловича я себя не называлъ—а говорилъ, что служилъ подъ его командою. Говорилъ сильно, меня слушали жадно—и двинулись съ крикомъ „ура! Константинъ!“ Прочее извѣстно,—только замѣчательно то, что выходя изъ казармъ Щепинъ мнѣ сказалъ: „Къ черту конституцію!“ Я отвѣтилъ: „Разумѣется, къ черту“—и это было отъ сердца. Съ какими бы глазами сталъ я говорить противъ Константина Павловича?

Пришедши на площадь и не находя начальниковъ, мы потеряли головы, ожиданіе, страхъ, раскаяніе, атаки,—все это представляетъ мнѣ нещастный день этотъ, какъ въ чаду, страшнымъ сномъ. Я не зналъ, что дѣлать,—но лично не повиненъ ни въ одной каплѣ крови. Меня утѣшаетъ хоть то, что я удалилъ генерала Нейгарда, и спасъ отъ черни какого то невысокаго роста Павловскаго капитана; вотъ все это помню я—но, да не причтется мнѣ въ преступленіе, если что либо ускользнуло тутъ.... Угрызенія совѣсти прервали нить моихъ воспоминаній—при томъ же, я тороплюсь облегчить свою душу признаніемъ: когда я шелъ въ Московскій полкъ,—то прежде молился Богу съ горячими слезами и, если дѣло наше право,—помоги намъ думалъ я, если же нѣтъ—да будетъ Твоя воля. Я призналъ теперь его волю,—но Божій перстъ и царскій гнѣвъ на мнѣ тяготѣютъ... я чувствую теперь, что во зло употребилъ свои дарованія, что я могъ бы саблею или перомъ принести честь своему отчеству—жить съ пользою и умереть честно за государя!!! но царь есть залогъ Божества на землѣ, а Богъ милуетъ кающихся... Если случаемъ бумага сія дойдетъ до высочайшихъ рукъ,—то пусть увидятъ на ней слѣды желѣзъ заслуженнаго наказанья и слезъ искренняго раскаянія.

II.

Составъ Тайнаго Общества.

Первый кругъ состоитъ изъ основателей Общества и членовъ, ими избранныхъ. Онъ составляетъ Думу (или Верхнюю Думу). Число ихъ неопредѣленно, смотря по надобности Общества и способности годныхъ къ тому людей.

Кругъ сей каждые два года избираетъ изъ среды своей двоихъ распорядителей [1]), ежегодно перемѣняя по одному. На нихъ лежатъ

---

[1]) Сперва распорядители были безъ смѣны, но Рылѣевъ, вступивъ въ Думу, настоялъ, чтобы ихъ перемѣнили, и вмѣсто Трубецкаго выбранъ былъ онъ, вмѣстѣ съ оставшимся Оболенскимъ. (Это было до меня).

сношенія съ отсутствующими членами, сборъ и расходъ денежной и всѣ текущія дѣла Общества. Они сзываютъ Думу и тогда голосъ ихъ на ряду съ прочими. Ихъ дѣла также ободрять лѣнивыхъ и искать новыхъ членовъ.

Каждый членъ имѣетъ право выбрать только двухъ адептовъ [1]), и никогда не сводить ихъ вмѣстѣ, такъ далѣе послѣдовательно [2]).

Кто принялъ, совѣтуется съ своимъ пріемникомъ и съ своими принятыми по одиночкѣ. Слѣд. кромѣ Верхней, думъ другихъ нѣтъ. Члены изъ перваго круга [3]) могутъ выбирать членовъ болѣе двухъ.

Для пріема, замѣтивъ человѣка, членъ передаетъ его имя принявшему [4]), тотъ выше и наконецъ въ Думѣ рѣшаютъ, стоитъ или нѣтъ такой-то пріема, и тогда рѣшеніе идетъ внизъ и членъ принимаетъ другого.

Принять въ члены значило показать ему механизмъ Общества и позволить избирать самому [5]). О цѣли и мѣрахъ говорили не вдругъ и не все, и не всѣмъ одинаково, смотря по степени его характера и образованности и образа мыслей—принявшій долженъ былъ обработывать тѣхъ, которые не готовы.

Условія [6]): *честное слово* не открывать что будетъ ему сказано, *не любопытствовать* о тѣхъ, кто еще члены, хотя бы и подозрѣвалъ кого; и наконецъ *повиновеніе* безусловное къ принявшему.

Въ случаѣ отъѣзда на долгое время—уѣзжающій членъ передаетъ свою вѣтвь принявшему его и тутъ въ первые знакомитъ своего пріемыша, съ своимъ пріемникомъ.

---

[1]) Въ этомъ наше Общество совершенно разнилось ст. бывшимъ (какъ я слышалъ) до сей исторіи. У насъ система *двойственная*, а у нихъ была *десятичная* и каждый десятокъ составлялъ *ложу* или думу.

[2]) На поляхъ показанія нарисована отъ руки схема расширенія Общества: въ центрѣ два кружка—распорядители, ихъ окружаетъ кругъ изъ шести линій принятыхъ, отъ каждаго изъ которыхъ идутъ ими принятые и т. д. М.-Д.

[3]) Сіе правило не очень строго наблюдалось, и многіе члены между собою знались. Третьяго принять тоже, хотя рѣдко позволялось, но смотря по члену.

[4]) По настоящему должно бы спрашивать всѣхъ членовъ Думы, но рѣшали это обыкновенно распорядители, за тѣмъ что Дума рѣдко сходилась.

[5]) Члену не поставлялось въ обязанность непремѣнно выбрать двухъ. Онъ могъ и одного и даже никого не выбирать, если не находилъ достойныхъ.

[6]) Это крѣпко наблюдалось. Я, напримѣръ, только прошлаго лѣта открылся брату Михаилу.

Для расходовъ Общества: какъ то для посылокъ [1]) и другихъ непредвидѣнныхъ случаевъ, каждый членъ, если можетъ,—вноситъ посильно сколько нибудь денегъ. Члены ничего не должны писать о дѣлахъ общества другъ къ другу по почтѣ и быть весьма осторожны въ словахъ.

Общество не носитъ никакого имени, не имѣетъ между членами никакихъ знаковъ для опознанія и запрещаетъ всѣ наружные, какъ то кольцы, булавки и прочее. Также запрещаетъ списки и все письменное, могущее обличить какое либо намѣреніе. Правила для пріема были слѣдующія. Во первыхъ, изслѣдовать жизнь того, на кого метятъ. Всѣ люди, преданныя игрѣ, вину и женщинамъ, исключались безъ вопроса. Членъ долженъ былъ быть не запятнанъ ни однимъ подлымъ поступкомъ, дознаннаго безкорыстія, твердаго характера, если можно храбръ (на войнѣ, или на поединкѣ), и даже крѣпкаго здоровья, чтобы могъ служить Обществу, не струсивъ и не измѣнить ему, когда попадется. Чтобы узнать образъ мыслей,—начинать противорѣчить, и когда тотъ разгорячится,—то и видѣть образъ его мыслей. Разсудительныхъ брать со стороны доказательствами, а пылкихъ блестящими картинами будущаго. Впрочемъ хотя и выбирать людей чистыхъ и первымъ условіемъ предвигать самоотверженіе,—что бы онъ все несъ въ жертву отечеству, но какъ люди—люди, то честолюбивымъ оставлять надежду, какъ они будутъ славны, а людямъ, требующихъ руководителей уже съ именемъ, не обманывая—намекать, что тутъ есть люди... впрочемъ вести постепенно и смотря по усердію открывать полную цѣль и намѣренія Общества. Впрочемъ, о времени и рѣшительныхъ мѣрахъ никто не долженъ былъ знать кромѣ Думы, во избѣжанія измѣны.

Нѣкоторыхъ принимали въ члены только для того, чтобъ они служили орудіями, когда будетъ нужно. Тѣмъ говорили только, что ихъ дѣло рубиться. Нѣкоторыхъ неосторожныхъ болтуновъ и головорѣзовъ (crânes) оставляли на примѣтѣ до случаю, чтобы они своимъ поведеніемъ не ввели бы въ безславіе, или въ опасность Общество.

О цѣли, намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ Общества я уже изложилъ въ прибавленіяхъ къ первымъ показаніямъ.

Вотъ чрезъ какое Общество, за призракомъ патріотизма и безразсудностью молодости, вовлеченъ я былъ въ преступленіе и вовлекъ

---

[1]) Большею частью сношенія были черезъ вѣрныхъ членовъ, которые по службѣ или въ отпускъ ѣздили. Но въ случаѣ надобности, посылали и нарочно. Какъ напримѣръ Свистунова въ Кіевъ.

съ собою нещастныхъ моихъ братьевъ. Я готовъ дать подробныя показанія на щетъ сказаннаго и участія членовъ, если оныя востребуются. Случай выставилъ меня впередъ въ дурномъ поступкѣ,— теперь по чувствамъ души я не останусь назади въ раскаяніи и признательности къ государю императору.

1826 года.
21 генваря.

III.

Письмо къ императору Николаю 1 объ историческомъ ходѣ свободомыслія въ Россіи.

Ваше Императорское Величество.

Увѣренный, что Вы, Государь, любите истинну, я беру дерзновеніе изложить предъ Вами исторической *ходъ свободомыслія* въ Россіи, и вообще многихъ понятій, составляющихъ нравственную и политическую часть предпріятія 14 декабря. Я буду говорить съ полною откровеннвстяю, не скрывая худаго, не смягчая даже выраженій, ибо долгъ подданнаго есть говорить Монарху правду безъ прикрасъ. Приступаю.

Начало Царствованія императора Александра было ознаменовано самыми блестящими надеждами для благосостоянія Россіи. Дворянство отдохнуло, купечество не жаловалось на кредитъ, войска служили безъ труда, ученые учились, чему хотѣли, всѣ говорили, что думали, и всѣ по многому хорошему ждали еще лучшаго. Къ нещастію обстоятельства до того не допустили, и надежды состарѣлись безъ исполненія. Неудачная война 1807 г. и другія многостоящія разстроили финансы; но того еще не замѣчали въ приготовленіяхъ къ войнѣ отечественной. Наконецъ Наполеонъ вторгся въ Россію и тогда то народъ русской впервые *ощутилъ свою силу*, тогда то пробудилась во всѣхъ сердцахъ чувство независимости, сперва политической, а въ послѣдствіи и народной. Вотъ начало свободомыслія въ Россіи. Правительство само произнесло слово: „Свобода, освобожденіе“. Само *разсѣвало сочиненіе о злоупотребленіи* неограниченной власти Наполеона, и коихъ Русскаго Монарха огласилъ берега Рейна и Сены. Еще война длилась, когда ратники, возвратясь домъ, первые разнесли ропотъ въ классѣ народа. „Мы проливали

кровь, говорили они, а насъ опять заставляютъ потѣть на барщинѣ. Мы избавили родину отъ тирана, а насъ вновь тиранятъ господа". Войска отъ генераловъ до солдатъ, пришедши назадъ только и толвали: „какъ хорошо въ чужихъ земляхъ". Сравненіе со своимъ естественно произвело вопросъ: почему же не такъ у насъ? Сначала, покуда говорили о томъ безпрепятственно, это расходилось на вѣтеръ, ибо умъ, какъ порохъ, опасенъ только сжатый. Лучъ надежды, что государь императоръ дастъ конституцію, какъ онъ то упомянулъ при открытіи сейма въ Варшавѣ, и попытка нѣкоторыхъ генеловъ освободить рабовъ своихъ, еще ласкали многихъ. Но съ 1817 г. все перемѣнилось. Люди, видѣвшіе худое, или желавшіе лучшаго, отъ множества шпіоновъ принуждены стали разговарить скрытно,—и вотъ начало тайныхъ обществъ. Притѣсненіе начальствомъ заслуженныхъ офицеровъ разгорало умы. Предпочтеніе нѣмецкихъ фамилій передъ русскими обижало народную гордость. Тогда то стали говорить военные: „для тоголь освободили мы Европу, чтобы наложить цѣпи на себя? для тоголь дали конституцію Франціи, чтобы не смѣть говорить о ней, и купили кровью первенство между народами, чтобы насъ унижали дома"? Уничтоженіе нормальныхъ школъ и гоненіе на просвѣщеніе заставило думать, въ безнадежности, о важнѣйшихъ мѣрахъ. А какъ ропотъ народа, отъ истощенія и злоупотребленія земскихъ и гражданскихъ властей произшедшій, грозилъ кровавою революціею, то общества вознамѣрились отвратить меньшимъ зломъ большее, и начать свои дѣйствія при I-мъ удобномъ случаѣ. Теперь я опишу положеніе, въ какомъ видѣли мы Россію.

Войска Наполеона, какъ саранча, оставили за собой на долго сѣмяна разрушенія. Многія губерніи обнищили, и правительство медлительными мѣрами или скуднымъ пособіемъ дало имъ вовсе погибнуть. Дожди и засухи, голодали другія края. Устройство непрочныхъ дорогъ занимали руки трети Россіи, а хлѣбъ гнилъ на корню. Злоупотребленія исправниковъ, стали замѣтнѣе обѣднѣвшимъ *крестьянамъ* [1]), а угнетенія дворянъ чувствительнѣе, потому что они

[1]) О притѣсненіяхъ земскихъ чиновниковъ можно написать книгу. Малѣйшій распорядокъ свыше ,даетъ имъ поводъ къ тысячѣ насилій и взятокъ. То сберутъ крестьянъ въ сѣнокосъ или жатву и мѣсяцъ ничего не дѣлаютъ. То дадутъ сдѣлать и потомъ ломаютъ, говоря, что это не по формѣ. Назначаютъ на работу ближнихъ въ даль и на оборотъ, чтобы взять за увольненіе нѣсколько рублей съ брата Да и кромѣ того сбираютъ прибавочные налоги, безъ всякаго вида, такъ что съ души сходитъ втрое противу указныхъ податей и проч.

стали понимать право людей [1]). Запрещеное винокуреніе отняло во многихъ губерніяхъ всѣ средства къ збыту семянъ, а размноженіе питейныхъ домовъ испортило нравственность и разорило крестьянской бытъ. Поселенія парализировали не только умы, но и всѣ промыслы тѣхъ мѣстъ, гдѣ устроились, и навели ужасъ на остальныя. Частые переходы полковъ безмѣрно тяготили напутныхъ жителей; рѣдкость денегъ привела крестьянъ въ неоплатныя недоимки, однимъ словомъ всѣ они вздыхали о прежнихъ годахъ, всѣ роптали на настоящее, всѣ жаждали лучшаго до того, что пустой слухъ, будто даются мѣста на Амуръ-Дарьѣ, влекъ тысячи жителей Украйны— куда? не знали сами. Цѣлыя селенія снимались и бродили наугадъ, и многочисленныя возмущенія *барщинъ* ознаменовали 3 послѣднія года царствованія Александра.

Мѣщане, классъ почтенный и значительный во всѣхъ другихъ государствахъ, у насъ ничтоженъ, бѣденъ, обремененъ повинностями, лишенъ средствъ къ пропитанію. Въ другихъ націяхъ они населяютъ города, у насъ же какъ города существуютъ только на картѣ [2]) и вольность ремеслъ стѣсняютъ въ нихъ цехи, то кочуютъ какъ цыгане, занимаясь щепетильною перепродажею. Упадокъ торговли отразился на нихъ сильнѣе, по ихъ бѣдности, ибо они зависятъ отъ купцовъ какъ мелкіе торгаши, или какъ работники на фабрикахъ. Купечество, стѣсненное гильдіями и затрудненное въ путяхъ доставки, потерпѣло важный уронъ: въ 1812 г. многія колосальныя фортуны погибли, другія разстроились. Дѣла съ казною разсорили множество купцовъ и подрядчиковъ, а съ ними ихъ кліентовъ и вѣрителей, затяжкою въ уплатѣ, учетами и неправыми прижимками въ пріемѣ. Лихоимство проникло всюду. Развратъ мнѣнія далъ силу

---

[1]) Поведеніе русскихъ дворянъ въ этомъ отношеніи ужасно. Негры на плантаціяхъ щастливѣе многихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Продавать въ розницу семьи, похитить невинность, развратить женъ крестьянскихъ щитается ни во что и дѣлается явно. Не говорю уже о барщинѣ и оброкахъ, но есть изверги, которые раздаютъ борзыхъ щенковъ для выкормленія грудью крестьянокъ. Къ щастію человѣчества такія примѣры не часты, но къ стыду онаго они существуютъ

[2]) Отъ чего города наши пустѣютъ, рѣшить не трудно. Нижніи инстанціи не имѣютъ рѣшительнаго голоса, и тяжущіеся ѣдутъ въ столицу. По сей же причинѣ лучшее дворянство уклоняется отъ неуваженныхъ должностей и за крестами спѣшитъ ничего не дѣлать въ какой нибудь министерской канцеляріи. На кого же такъ работать ремесленнику? да и кому, ибо дворянство наше держитъ доморощенныхъ мастеровыхъ.

потачки вексельному уставу [1]). Злостные банкруты умножились и довѣріе упало. Шаткость тарифа привела въ нищету многихъ фабрикантовъ и испугала другихъ, и вывела правительство наше изъ вѣры, равно у своихъ какъ и чужеземныхъ негоціантовъ. Слѣдствіемъ сего сталъ еще большій упадокъ нашего курса (т. е. внѣшняго кредита), отъ государственныхъ долговъ произшедшій и всеобщая жалоба, что нѣтъ наличныхъ. Запретительная система, обогащая контрабандистовъ, не поднимала цѣны на наши издѣлія, и слѣдуя модѣ всѣ платили въ тридорого за такъ называемые конфискованные товары. Наконецъ указъ, чтобы мѣщане и мелкіе торговцы или записывались въ гильдіи, или платили бы налогъ нанесъ бы рѣшительный ударъ торговлѣ, и удержаніе исполненія не удержало ихъ отъ ропота. Впрочемъ и безъ того упадокъ торговли былъ столь великъ, что на главныхъ ярмонкахъ и въ портахъ мѣна и отпускъ за границу уменьшились третью. Купцы еще справедливо жаловались на иностранцевъ, особенно англичанъ, которые вопреки уставу [2]), имѣютъ по селамъ своихъ агентовъ, и скупая въ первыя руки сырыя произведенія для вывозу за границу, лишаютъ тѣмъ мелкихъ торговцевъ промысла, а государство обращенія капиталовъ.

Дворянство было тоже недовольно за худой сбытъ своихъ произведеній, дороговизну предметовъ роскоши, и долготою судопроизводства. Оно раздѣляется на 3 разряда. На просвѣщенныхъ, изъ конхъ большая часть составляетъ знать. На грамотныхъ, которые или мучатъ другихъ, какъ судьи, или сами таскаются по тяжбамъ; и наконецъ на невѣждъ, которые живутъ по деревнямъ, служатъ церковными старостами, или уже въ отставкѣ, послуживъ, Богъ знаетъ какъ, въ полевыхъ. Изъ нихъ то мелкопомѣстные составляютъ язву Россіи: всегда виноватые и всегда ропщущіе и желая жить не по достатку, а по претензіямъ своимъ, мучатъ бѣдныхъ крестьянъ своихъ нещадно. Прочіе разоряются на охоту, на капели, на столичную жизнь или отъ тяжебъ. Наибольшая часть лучшаго дворянства, служа въ военной службѣ или въ столицахъ, требующихъ роскоши, довѣряютъ хозяйство наемникамъ, *которые обираютъ крестьянъ*, обманываютъ господъ, и такимъ образомъ $^9/_{10}$ имѣній въ Рос-

---

[1]) Устраняя прежнее право на личность банкрота (contrainte par corps).

[2]) Имъ позволено только заниматься оптовою куплею, не ступаясь въ мелкіе сдѣлки.

сіи разстроено и въ закладѣ. Духовенство сельское въ жалкомъ состояніи. Не имѣя никакого оклада, оно вовсе предано милости крестьянъ, и отъ того принуждено угождать имъ, впадало само въ пороки, для удаленія коихъ учреждено. Между тѣмъ какъ сельское нищенствовало въ неуваженіи, указъ объ одеждахъ женъ священническихъ привелъ въ волненіе и неудовольствіе богатое городское духовенство.

Солдаты роптали на истому ученьями, чисткою, караулами; офицеры на скудость жалованья и непомѣрную строгость. Матросы на черную работу, удвоенную по злоупотребленію[1]), морскіе офицеры на бездѣйствіе. Люди съ дарованіями жаловались, что имъ заграждаютъ дорогу по службѣ, требуя лишь безмолвной покорности, ученые на то, что имъ не даютъ учить молодежь, на препятствія въ ученіи. Словомъ во всѣхъ углахъ видѣлись недовольныя лица, на улицахъ пожимали плечами, вездѣ шептались—всѣ говорили къ чему это приведетъ? Всѣ элементы были въ броженіи. Одно лишь правительство беззаботно дремало на волканомъ, однѣ судебныя мѣста блаженствовали, ибо только для нихъ Россія была обѣтованною землею. Лихоимство ихъ взошло до неслыханнаго степени безстыдства. Писаря заводили лошадей, повытчики покупали деревни, и только возвышеніе цѣны взятокъ отличало вышніе мѣста, такъ что въ столицѣ подъ глазами блюстителей производился явной торгъ правосудіемъ. Хорошо еще платить бы за дѣло, а то брали, водили и ничего не дѣлали.

Вашему Императорскому Величеству вѣроятно извѣстны теперь сіи злоупотребленія, но ихъ крыли отъ покойнаго императора. Прибыльныя мѣста продавались по таксѣ и были обложены оброкомъ. Центральность судебныхъ мѣстъ, привлекая каждую бездѣлицу къ верьху, способствовала апелляціямъ справкамъ пересудамъ и десятки лѣтъ проходили прежде рѣшенія, т. е. разоренія обоихъ сторонъ. Однимъ словомъ въ казнѣ, въ судахъ въ комисаріатахъ у губернаторовъ, у генералъ-губернаторовъ, вездѣ гдѣ замѣшался инте-

[1]) Напр., Въ Петербургскомъ и Кронштатскомъ Адмиралтействѣ положено, въ 1-мъ 90 лошадей для тасканія бревенъ, въ 2-мъ не знаю числа. Но дѣло въ томъ, что ни одна лошадь не работаетъ, а возитъ по гостямъ разныхъ чиновниковъ. Вмѣсто же ихъ запрягаютъ несчастныхъ матросовъ. Братъ мой Николай и к.-л. Торсонъ, могутъ дать подробнѣйшее свѣдѣніе о многомъ множествѣ злоупотребленій по флоту.

ресъ, кто могъ, тотъ грабилъ, кто не смѣлъ, тотъ кралъ. Вездѣ честные люди страдали, а ябедники и плуты радовались.

Вамъ, Государь, уже свѣдомо, какъ воспламененные такимъ положеніемъ Россіи и видя всѣ элементы, готовые къ перемѣнѣ, рѣшились мы произвести переворотъ. Теперь осмѣлюсь изложить предъ Вашимъ Величествомъ, что мы, дѣлая сіе, думали основываться вообще на правахъ народныхъ и въ особенности на затерянныхъ русскихъ. Но кромѣ того Батенковъ и я говорили, что мы имѣемъ въ это время (т. е. около 14 дек.) на то политическое право, какъ въ чистое междуцарствіе. Ибо Ваше Величество отреклись отъ короны, а мы знали, что отреченіе Государя Цесаревича уже здѣсь [1]). При томъ же Вы, Государь, ожидая признанія отъ Совѣта и Сената, нѣкоторымъ образомъ признавали верховность народа, ибо правительство (безъ самодержца) есть не иное, какъ верхняя онаго часть. Слѣдовательно мы, дѣйствуя въ лицѣ народа, шли не противу Вашего Величества, но только для попрепятствованія Сенату и Совѣту признавать иное, а не наше назначеніе. Отрицая же право народа во время междуцарствія избирать себѣ правителя или правительство, приводилось бы въ сомнѣніе самое возведеніе царствующей династіи на престолъ Россіи. Далѣе, правительница Анна, опершись на желаніе народа, изорвала свое обязательство. Великая Екатерина повела гвардію и толпу, ее превозгласившую, противъ Петра III-го. Онѣ обѣ на челѣ народа шли противу правительства. Неужели же право бываетъ только на сторонѣ удачи? Политика, устраняя лица, смотритъ только на факты. Мы же отъ одной присяги были уволены, а другой не принимали. Вашему Величеству легко будетъ усмотрѣть шаткость сего предположенія, но въ то время я былъ увѣренъ въ правотѣ онаго и дѣйствовалъ въ томъ убѣжденіи.

Вотъ мечты наши о будущемъ. Мы думали учредить Сенатъ изъ старѣйшинъ и умнѣйшихъ головъ русскихъ, въ которой надѣялись привлечь всѣхъ важныхъ людей нынѣшняго правленія, ибо полагали, что власть и честолюбіе всегда имѣли бы свою приманку. Палату же представителей составить по выбору народа изо всѣхъ состояній. Какъ неоспоримо, что общаго мнѣнія установить или дать ему силу нельзя иначе, какъ связавъ оное съ интересомъ каждаго,

[1]) Ошибка наша состояла въ томъ, что мы не знали о назначеніи Вашего Величества наслѣдникомъ престола.

то на семъ правилѣ основывали мы безкорыстіе судей. Каждая инстанція имѣла бы у насъ свой безпереносный кругъ дѣйствія, при томъ тяжущіеся могли бы избирать по произволу, изъ извѣстнаго числа судей, любаго, такъ что честь и выгода заставили бы ихъ другъ передъ другомъ быть правдивѣе, а публичность судопроизводства, ограниченіе срока онаго и свобода книгопечатанія обличала бы нерадивыхъ или криводушныхъ. Для просвѣщенія нижнихъ классовъ народа хотѣли повсемѣстно завести Ланкастерскія школы. А чтобы поправить его нравственность, то возвысить бѣлое духовенство, давъ оному способы къ жизни. Увольненіе почти отъ всѣхъ земскихъ повинностей, свобода винокуренія и улучшеніе казенными средствами дорогъ между бѣдными и богатыми хлѣбомъ мѣстами, поощреніе земледѣлія и вообще покровительство промышленности привело бы въ довольство крестьянъ. Обезпеченіе и постоянство правъ привлекло бы въ Россію множество производительныхъ иноземцевъ. Фабрики бы умножились съ возрастаніемъ запроса на искусственныя произведенія, а соревнованіе поощрило бы ихъ усовершенствованіе, которое возвышается наровнѣ съ благосостояніемъ народа, ибо нужды на предметы довольства, жизни и роскоши безпрестанны. Капиталы, застоявшіеся въ Англіи, въ несомнѣнности прибытка на многіе годы впередъ, полились бы въ Россію, ибо въ семъ новомъ, неразработанномъ мірѣ, они выгоднѣе могли быть употреблены, чѣмъ въ Ост-Индіи или Америкѣ. Устраненіе или по крайней мѣрѣ ограниченіе запретительной системы и устройство путей сообщенія не тамъ, гдѣ легче (какъ было прежде), а тамъ гдѣ необходимѣе [1]), равно какъ заведеніе казеннаго купеческаго флота, дабы не платить чужеземцамъ дорогого фрахта за свои произведенія, и обратить транзитную торговлю въ русскія руки, дало бы цвѣсти торговлѣ, сей такъ сказать мышцѣ силы государственной. Финансы же поправить уменьшеніемъ въ треть арміи, и вообще всѣхъ платныхъ, но ненужныхъ чиновниковъ. Что же касается до внѣшней политики, то дѣйствовать открыто, жить со всѣми въ мирѣ, не мѣшаясь въ чужія дѣла, и не позволяя вступиться въ свои, не

[1]) Зачѣмъ напр. существуетъ Сѣверный каналъ, по которому въ годъ плыветъ по двѣ лодки? Зачѣмъ преднамѣренъ Кубинскій? чѣмъ намъ торговать съ полюсомъ? Для чего начатъ Сестринскій, ибо удобовозимые гужомъ предметы роскоши, изъ Петербурга въ Москву посылаемые, не есть главная необходимость жизни.

слушать толковъ, не бояться угрозъ, ибо Россія самобытна и можетъ обойтиться на случай разрыва безъ пособія посторонняго. Въ ней заключается цѣлый міръ; да и торговыя выгоды другихъ нацiй никогда не допустили бы ее въ чемъ либо нуждаться. Я умалчиваю о прочемъ, уже извѣстномъ Вашему Величеству или изъ конституціи Никиты Муравьева, которая однако же была не что иное какъ опытъ, или изъ показаній прочихъ членовъ.

Что же касается собственно до меня, на словахъ ультра-либераломъ, дабы выиграть довѣріе товарищей, я внутренно склонялся къ монархіи, аристократіею умѣренной. Желая блага отечеству, признаюсь, не былъ я чуждъ честолюбія. И вотъ почему соглашался я на мнѣніе Батенкова, что хорошо бы было возвести на престолъ Александра Николаевича [1]). Льстя мнѣ Батенковъ говорилъ, что какъ исторической дворянинъ и человѣкъ участвовавшій въ переворотѣ, я могу надѣяться попасть въ правительную аристократію, которая при малолѣтномъ Царѣ произведетъ постепенное освобожденіе Россіи. Но какъ мы оба видѣли препятствіе въ особѣ Вашего Величества, истребить же Васъ, Государь, по чести никогда не входило мнѣ въ голову, то въ рѣшительныя минуты обратился я мыслію къ Государю Цесаревичу, щитая это легчайшимъ средствомъ къ примиренію всѣхъ партій и дѣломъ, болѣе ласкавшимъ мое самолюбіе, ибо я считалъ себя конечно не хуже Орловыхъ временъ Екатерины. Въ пренія Думы почти не вступался, ибо зналъ, что дѣло сильнѣе пустыхъ споровъ, и признаюсь Вашему Величеству, что если бы присоединился къ намъ Измайловскій полкъ, я бы принялъ команду и рѣшился на попытку атаки, которой въ головѣ моей вертѣлся уже и планъ. Впрочемъ, еслибъ не роковое 14 число, я бы присталъ къ совѣту Батенкова (человѣка изо всѣхъ насъ съ здравѣйшею голову), чтобы идти впередъ, и ставъ на важныя мѣста въ правленіи, понемногу производить перемѣну, или властію запмственною отъ престола, или своими мнѣніями, въ другихъ впереннымп. Мы уже и хотѣли это сдѣлать въ отношеніи къ Государю Цесаревичу, разговаривая о семъ предметѣ у Его Королевскаго Высочества, герцога Виртембергскаго.

Да будетъ еще, Ваше Императорское Величество, доказательствомъ уваженія, которое имѣю къ великодушію Вашему признаніе

[1]) Я не помню, упоминалъ ли о семъ въ показаніяхъ комитету, ибо щитая себя виновнымъ безъ числа, не прибѣгалъ къ чистымъ извиненіямъ.

въ томъ понятіи, что мы имѣли о личномъ характерѣ Вашемъ прежде. Намъ извѣстны были дарованія, коими наградила Васъ природа, мы знали что, Вы, Государь, занимаетесь дѣлами правленія и много читаете. Видно было и по Измайловскому полку, что солдатство, въ которомъ Васъ укоряли, была только дань политикѣ. При томъ же занятіе ливизіи, Вамъ ввѣренной, на маневрахъ настоящимъ солдатскимъ дѣломъ, доказывали противное. Но анекдоты, носившіеся о суровости Вашего Величества, устрашали многихъ, а въ томъ числѣ и насъ. Признаюсь, я не разъ говорилъ, что Императоръ Николай съ его умомъ и суровостію будетъ деспотомъ тѣмъ опаснѣйшимъ, что его проницательность грозитъ гоненіемъ всѣмъ умнымъ и благонамѣреннымъ людямъ, что онъ, будучи самъ просвѣщенъ, нанесетъ меткіе удары просвѣщенію, что участь наша рѣшена съ минуты его возшествія, а потому намъ все равно гибнуть сегодня или завтра.

Но опытъ открылъ мнѣ мое заблужденіе, раскаяніе омыло душу, и мнѣ отрадно теперь вѣрить благости путей Провидѣнія... я не сомнѣваюсь, по нѣкоторымъ признакамъ, проникнувшимъ въ темницу мою, что Ваше Императорское Величество посланы имъ залѣчить бѣды Россіи, успокоить, направить на благо броженіе умовъ и возвеличить отечество. Я увѣренъ, что небо даровало въ Васъ другаго Петра Великаго... болѣе чѣмъ Петра, ибо въ нашъ вѣкъ и съ Вашими способностями, Государь, быть имъ—мало. Эта мысль, порой, смягчаетъ мои страданія за себя и за братьевъ, и мольбы о щастіи отечества, неразлучномъ съ прямою славою Вашего Величества, летятъ къ престолу Всевышняго.

Александръ Бестужевъ.

Изъ бумагъ Батенькова.

---

1) Письмо къ государю.

Рукою Государя Императора написано карандашемъ: „дозволить писать, лгать и врать по волѣ его“.

Государь.

Не теряйте напрасно во мнѣ подданнаго, которой можетъ принести много пользы въ возмездіе Вашего снизхожденія. Величеству Вашему легко однимъ словомъ сразить меня, но не можно сотворить вновь человѣка, которому бы природа дала столько дарованій и который бы употребилъ уже двадцать лѣтъ на то, чтобъ наблюдать, разсуждать и учиться. Сверхъ сего душа и сердце мои навсегда теперь въ рукахъ Вашихъ.

Нѣтъ вины, которую бы не могла прикрыть отъ преслѣдованія закона рука Вашего милосердія. Вина моя въ существѣ ея проста: она состоитъ въ жаждѣ политической свободы и въ кратковременной случайной встрѣчѣ съ людьми, еще болѣе исполненными сей же жажды. Пораженное самолюбіе общимъ сихъ людей порицаніемъ, надежа оправдаться и отчаяніе стыда здѣлали сіе простое дѣло сложнымъ и покрыли меня напрасными подозрѣніями. Исправленіе мое также просто: оно состоитъ въ совершенной рѣшимости не скрывать отъ Вашего Величества ни чего; но желаніе свободы не обнаруживать уже предъ другими, пока не будетъ сіе законно или позволительно.

Государь, ежели время, все открывающее, обнаружитъ, что я не достоинъ Вашего милосердія, то можно еще будетъ довершить ударъ: нынѣ я чувствую, что менѣе всѣхъ заслужилъ его. Помилуйте!

Подполковникъ Батеньковъ.

Марта 30 дня, 1826.

2) Письмо къ ген. Левашеву.

Подношу еще продолженіе. Вы изволите во мнѣ увидѣть совсѣмъ другаго человѣка, ежели позволите представлять изложеніе собственныхъ моихъ мыслей, ежели отдѣлите меня отъ Общества, съ коимъ на короткое время я имѣлъ несчастіе встрѣтиться на пути моей жизни, и ежели наконецъ изходатайствуете у Государя забвеніе немногихъ дней, въ кои я предавался безумію. Въ мысляхъ я неизтощимъ, ибо наблюдалъ и разсуждалъ много. Бывъ разсматриваемъ отдѣльно, я можетъ быть заслужу еще вниманіе и какъ виновникъ и какъ человѣкъ, который можетъ быть полезенъ. Не помыслите однакоже, чтобы я былъ еще въ другихъ политическихъ союзахъ, сего никогда не было. И ежели время, которое все открываетъ, обраружитъ противное, то я подвергаю себя всякому наказанію. Для меня всего убійственнѣе мысль, что Государь считаетъ меня никакого вниманія не достойнаго.

Подполковникъ Батеньковъ.

29 марта, 1826.

3) Обозрѣніе государственнаго строя.

Въ числѣ размышленій, бывшихъ поводомъ къ возбужденію во мнѣ желанія перемѣны въ образѣ правленія, я не упомянулъ о нѣкоторыхъ, по существу ихъ довольно важныхъ. Представляю, нижеслѣдующія, кои родились во время вечернихъ прогулокъ въ Грузинѣ.

I. Критика внутренней администраціи.

Проходя мысленно исторію внутренней нашей администраціи, я удостовѣрился, что она, не бывъ утверждена на политической свободѣ, не можетъ быть прочна и не можетъ достигать своего назначенія.

Новѣйшая исторія Россіи представляетъ три важныя административныя мѣры: 1) Учрежденіе Сената и коллегій. 2) Учрежденіе о губерніяхъ. 3) Учрежденіе министерствъ.

1) *Учрежденіе Сената и Коллегій* Учрежденіе сіе, коимъ обязана Россія Петру Великому, была одно изъ прочнѣйшихъ и развито было въ практикѣ во всемъ пространствѣ. Оно устояло среди разныхъ внутреннихъ перемѣнъ въ теченіи семи царствованій; но по времени устояли не многимъ долѣе полувѣка. Образо-

ваніе народное опередило его. Сенатъ и коллегіи, не бывъ поддерживаемы общимъ мнѣніемъ, начали клониться къ упадку; во внутреннемъ составѣ своемъ вмѣщали уже не первыхъ лицъ въ государствѣ, какъ было при учредителѣ, но людей большею частію способныхъ только на все соглашаться. Канцеляріи сихъ мѣстъ еще болѣе пали. Извнѣ онѣ колебались вводимыми по совершенной необходимости новыми учрежденіями, и мало по малу Сенатъ впалъ въ полную зависимость Генералъ-Прокурора, коллегіи висѣли на одномъ кредитѣ президентовъ. До насъ дошли, можно сказать, однѣ развалины сихъ, нѣкогда великихъ и почтенныхъ государственныхъ зданій.

2. *Учрежденіе губерній.* Учрежденіе сіе никогда не было приведено въ полное дѣйство. Сначала его не понимали, потомъ стали исправлять, а наконецъ измѣнили въ существенныхъ основаніяхъ, отвергнувъ все, что было въ немъ конституціонное. Сила суда въ нижнихъ инстанціяхъ ослаблена, на лица служащіе по выборамъ разпространены награды и взысканія и унизилась самая служба по выборамъ ничтожностью лицъ и совершенной ихъ зависимостью отъ чиновниковъ коронныхъ, еще менѣе уважительныхъ. Губернаторы мало по малу присвоили себѣ всю мѣстную власть и едва не сравнялись съ бывшими воеводами. Опредѣленіе генералъ-губернаторовъ довершило изпроверженіе губернскихъ мѣстъ: всѣ дѣла стеклись къ симъ сатрапамъ. Самое высшее правительство смотрѣло на вещи не иначе, какъ ихъ токмо глазами и не смѣло ни въ чемъ имъ противорѣчить. Легче было отрѣшить генералъ-губернатора, нежели указать ему почтительно законный путь, отъ коего онъ уклонился. Страннѣе всего было видѣть, что одному изъ генералъ-губернаторовъ позволено было дѣлать опыты новой губернской администраціи,—будто бы для подобнаго опыта довольно нѣсколькихъ мѣсяцовъ и будъ-то бы нельзя было лучше видѣть удобности или неудобности a priori.

3. *Учрежденіе министерствъ.* Сіе учрежденіе въ самомъ его существѣ исполнено важныхъ недостатковъ и явно составлено было на скорую руку. Кромѣ употребленія именованій, оно ни въ чемъ почти не приведено въ исполненіе; но тѣмъ не менѣе, не бывъ надлежащимъ образомъ связано съ Губернскимъ Управленіемъ, мѣшало ему и само встрѣчало отъ него препятствія. Департаменты, выключая не многихъ, вовсе не приняли отдѣльнаго дѣйствія, директоры обратились въ секретарей, начальники отдѣленій въ писцовъ— и вскорѣ вся администрація представила собою огромныя и праздныя

канцеляріи министровъ. Сіи, истинные въ наше время аристократы, владѣли ввѣренными имъ частями, какъ бы удѣлами; смѣна или смерть одного министра производила новый раздѣлъ департаментовъ, не по существу предметовъ, но по уваженію лицъ, и они тягались между собою какъ бы о правѣ на наслѣдіе.

Къ довершенію неустройства образовался комитетъ министровъ. Ни чего не можно было придумать лучше къ прикрытію всѣхъ безпорядковъ предъ Государемъ и къ обнаженію одного лица его предъ народомъ. Все производство дѣлъ оставалось въ тайнѣ, формы, подъ видомъ простоты и скорости, прикрывали всѣ упущенія и своевольство. Канцеляріи могли дѣлать, что хотѣли—и вмѣсто обѣщанной учрежденіемъ министерствъ отвѣтственности каждаго лица, даже до начальника стола за всѣ дѣйствія, они всѣ, совокупно съ министрами, прикрывались объявленными на все высочайшими соизволеніями, и Государь одинъ несъ на себѣ всю тяжесть ошибокъ и неустройства. Сіе имѣло три сложныхъ послѣдствія:

1. Множества самыхъ мелочныхъ дѣлъ, привлеченныхъ въ комитетъ и восходящихъ до Государя, столько затрудняли его священную особу, что удивляться надобно, какъ доставало времени для одного прочтенія.

2. Каждый дѣлопроизводитель въ министерствѣ легко могъ ошибки свои скрыть и частныхъ видовъ своихъ достигнуть, не опасаясь никакого взысканія.

3. Высочайшія повелѣнія потеряли свойственную имъ силу и важность. Я многократно встрѣчалъ по дѣламъ самыя не свойственныя противъ оныхъ возраженія.

Нѣтъ сомнѣнія, что Государю представляемо было, якобы дѣлами управляетъ комитетъ, а его величество также знаетъ все и представляетъ себѣ одно воспрещеніе исполненія и отмѣну по тѣмъ статьямъ, по коимъ признаетъ за благо; но въ послѣдствіяхъ было не такъ: ибо комитетъ и даже канцелярія его не могли быть ни кѣмъ призваны къ отвѣтственности и соизволенія Государя оглашаемы были всегда, яко утвержденія.

Въ Комитетѣ министровъ, какъ на большой дорогѣ, толпились всѣ неустройства, безпорядки и несправедливости. Но сего мало: Придумали еще особенные пути къ умноженію смѣшенія. По множеству частныхъ случаевъ учреждены разные комитеты, съ такою же какъ и главный комитетъ силою, одинъ перевершалъ дѣла другого, рѣшенія, утверждаемыя высочайшею властію, являлись часто

по одному и тому же дѣлу, въ совершенномъ между собою противорѣчіи, шли къ исполненію не извѣстными и установленными путями, но тѣми, какія по особымъ видамъ дѣйствующихъ лицъ казались удобнѣйшими. Сенатъ,—сіе хранилище законовъ и блюститель благоустройства, не зналъ ни о чемъ и обращенъ былъ въ простую типографію, подчиненную каждому лицу въ кредитѣ. Онъ считаетъ величайшимъ подвигомъ, что смѣлился одинъ разъ возразить на статью указа о почтовой таксѣ. Такимъ образомъ верховное правительство въ послѣдніе годы можно сказать разсыпалось, потеряло все единство и представляло собою нестройную громаду.

Вообще судьба всѣхъ новѣйшихъ установленій была одинакова, то есть остаться безъ исполненія и измѣняться со дня изданія. Въ доказательство достаточно упомянуть о проектѣ горного положенія, о учрежденіи путей сообщеній, о университетахъ, о правилахъ внутренней торговли.

II. Система налоговъ.

Ни чего для высшаго правительства не было обманчивѣе системъ налоговъ. Правда, въ податяхъ установленный порядокъ, каковъ бы онъ ни былъ, по возможности исполнялся; но какое обширное поле злоупотребленій и народнаго бѣдствія представляли земскія повинности? Смѣты объ нихъ, разсматриваемыя въ Государственномъ Совѣтѣ, обыкновенно обымали двѣ или три статьи, но исполненіе совершенно ввѣрялось мѣстному начальству безъотчетно, и по окончаніи обряда утвержденія, оно даже и по симъ статьямъ могло допускать, какія заблагоразсудитъ, измѣненія. Всѣ же прочія статьи земскихъ повинностей оставались въ совершенномъ его произволѣ. Ни повѣрка, ни учеты, ни какихъ формъ въ умноженіи налога не наблюдалось, особенно въ повинностяхъ личныхъ—и народъ не могъ не чувствовать всей ихъ тягости. Стоило пожелать губернатору награды,—вся губернія должна была приносить величайшія пожертвованія. Произвольныя разпоряженія одного Ярославскаго Губернатора могутъ служить оправданіемъ того всеобщаго ропота, который на земскія повинности постепенно умножался.

Но кромѣ повинностей земскихъ, крестьяне имѣютъ еще свои внутреннія повинности, извѣстныя подъ именемъ волостныхъ. Важную статью въ оныхъ составляютъ расходы *темные*, т. е. на подарки разнымъ чиновникамъ. Но сей родъ повинностей по крайней

мѣрѣ подлежитъ всегда учету на мірскихъ сходахъ, и потому былъ уже сносенъ.

Казенное хозяйство.

Народъ, отягченный разнаго рода налогами и повинностями, терпѣлъ еще важную тягость отъ слѣдующихъ обстоятельствъ:

1. Всѣ почти капиталы и все обращеніе оныхъ привлечено было въ столицу, находящуюся въ самомъ углу Имперіи. Здѣсь собраны всѣ почти казенныя заведенія, здѣсь токмо производились важныя работы; но могла ли вся Имперія брать участіе въ обращеніи капиталовъ, такимъ образомъ употребляемыхъ? Конечно нѣтъ. Отъ сего губерніи, лежащія въ дали отъ границъ и внѣ водяныхъ путей къ столицѣ, скоро оскудѣли, впали въ неоплатныя недоимки и при изобиліи хлѣба, терпѣли во всемъ недостатокъ. О пособіи имъ почти не помышляли.

2. Казна посягнула на монополію. Подъ видомъ економіи разныя части обратили вниманіе на такъ называемые хозяйственные способы. Симъ обманчивымъ средствомъ правительство мало по малу отдѣлялось отъ народа и лишало цѣлыя семейства, а иногда и цѣлыя селенія пропитанія, отъемля у нихъ или дѣлая безплодною работу, коею занимались они со временъ не памятныхъ. Вмѣсто того чтобъ разныя улучшенія распространять въ народѣ, ихъ дѣлами исключительно собственностью казны. Естественно, что частныя люди не могли входить въ состязаніе. Казна обыкновенно изъ солдатъ набирала непремѣнныхъ работниковъ и почитала получаемыя такимъ образомъ издѣлія дешевыми, вовсе не пріемля въ разсужденіе, что солдатъ самъ по себѣ также не безцѣнная вещь въ государствѣ и что лишаемые выгодъ мѣстные жители не суть непріятели. Я всегда съ горестью смотрѣлъ на учрежденіе парохода на Волховѣ. Пока сіе служило для взаимнаго сообщенія военныхъ поселеній и Новгорода, тогда охуждать было нечего. Но скоро вздумали извлекать изъ сего денежную пользу, взимая вольныхъ пассажировъ. Чрезъ сіе цѣлое селеніе (пристань), которое занималось лодочною перевозкою, лишилось всей промышленности, и сіе лишеніе тѣмъ болѣе должно быть чувствительно, что едвали не всѣ лучшія земли того селенія отрѣзаны въ военные округи.

Ни чего не было страннѣе, какъ видѣть счеты о економіи и сбереженіяхъ. Смѣло можно взяться доказать, что истинная економія нигдѣ не наблюдалась, и что все основано было на томъ, что счеты

одного мѣста не сводились съ другими, что смѣты были произвольны, что ревизія состояла въ одной повѣркѣ цифръ. Могу представить два важныхъ примѣра:

1. Въ военныхъ поселеніяхъ считается экономическо составившихся свыше 20 мил. рублей. Я самъ писалъ краткій отчетъ, въ которомъ доказывалъ, что поселенія сіи не только не стоятъ государству ни копѣйки, но прикрывъ всѣ издержки, на нихъ употребленныя, имѣютъ собственный свой огромный капиталъ. Въ существѣ не такъ. Военныя поселенія стоятъ очень много: суммами, землями, лѣсами, работою и народомъ. Ежели здѣлать правильную оцѣнку всѣхъ пожертвованій, то конечно пяти процентнымъ доходомъ съ употребленнаго капитала на неоконченное еще водвореніе какого нибудь полка Гренадерской дивизіи можно было бы на вѣки обезпечить содержаніе сего полка, во всѣхъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ самая цѣль поселенія обѣщаетъ одно продовольствіе провіантомъ. Огромный же капиталъ составился большею частью отъ снисхожденія провіантскаго и комиссаріатскаго департаментовъ и другими средствами, кои въ крайнемъ результатѣ составляли налогъ на государство.

2. Генералъ-губернаторъ западной Сибири ставилъ въ величайшую себѣ заслугу дешевую покупку въ 1823 и 1824 году хлѣба въ казну. Два года такъ покупать дѣйствительно было можно, но не долѣе, ибо хлѣбъ просто взимаемъ былъ у крестьянъ не съ торговъ, но за установленную напередъ цѣну и по разкладкѣ, здѣланной адъютантами, между тѣмъ какъ воспрещена была всякая частная продажа особенно киргизамъ. Послѣдствія сей мѣры были тѣ, что крестьяне частью бросили или уменьшили хлѣбопашество, и вообще не въ состояніи были выплатить податей и повинностей, такъ, что къ умноженію ихъ разстройства должно было нѣкоторыя повинности обратить изъ денежныхъ въ личныя. Въ уѣздѣ Туринскомъ (Тобольской губерніи), гдѣ около полувѣка не было ни одного преступленія, открылся явный мятежъ, и надлежало употребить нѣкоторую силу для укрощенія.

Система винной продажи, по обширности ея вліянія, есть одно изъ бѣдственнѣйшихъ мѣръ казенной монополіи. Она привела многія дворянскія фамиліи, и безъ того уже разстроенныя залогомъ всѣхъ почти имѣній въ 24-хъ лѣтнемъ банкѣ, въ совершенный упадокъ. Сверхъ сего, она произвела два гибельныхъ послѣдствія:

1. Умножила развратъ и корыстолюбіе въ чиновникахъ. Сіе тѣмъ болѣе подавало соблазна и заражало другихъ, что не только не влекло за собою презрѣніе, напротивъ встрѣчало одобреніе и награды. А по елику во многихъ губерніяхъ главный доходъ дворянъ состоитъ въ продажѣ вина, кромѣ же казны купить его ни кому не можно, то чиновники, служащіе по винной части, привлекли въ важную зависимость отъ себя почтеннѣйшее сословіе въ губерніяхъ.

2. Система сія обратила множество суммъ въ стоячіе капиталы, ибо обогатившіеся чиновники большею частью или не смѣли или не умѣли дѣлать изъ сихъ капиталовъ правильнаго употребленія.

— —

Сіи и множество подобныхъ симъ причинъ, позволяли съ одной стороны надѣяться, что перемѣною образа правленія удобно можно доставить народу величайшія благодѣянія и пріобрѣсть его любовь и благодарность; съ другой же стороны каждому сыну отечества не могло не казаться горестнымъ столь бѣдственное его состояніе, угрожавшее самымъ паденіемъ.

Подполковникъ Батенковъ.

Марта 28.
1828 г.

4) Мысли о конституціи.

Я никогда не писалъ конституціи для Россіи и не разсматривалъ даже сего важнаго предмета въ полной связи и подробностяхъ, тѣмъ не менѣе въ головѣ моей раждались въ разное время мысли, относящіяся къ сему предмету, въ коихъ и считаю долгомъ принести чистосердечное признаніе.

Основаніе каждой конституціи состоитъ:

1. Изъ устройства власти законодательной, то есть безотчетной и неограниченной.

2. Изъ устройства власти исполнительной, то есть ограниченной въ предѣлахъ, законами предписанныхъ и обязанной отчетностію.

3. Изъ образованія суда.

4. Изъ обезпеченія (гарантіи) неизмѣнности установленнаго порядка.

1. Власть Законодательная.

Въ теченіи тысячи лѣтъ никакая часть Россіи, не выключая и двухъ маленькихъ республикъ, какъ въ счастливое время, такъ и во время бѣдствій, не могла обойтись безъ государей. Уваженіе къ царямъ всегда было чрезмѣрно и непоколебимо укоренилось. Изъ сего я заключалъ, что Россія, по нравамъ ея, должна быть монархіею. Сверхъ сего по собственному моему образу мыслей я не люблю республикъ, потому *во первыхъ*, что онѣ угнетаются сильнымъ деспотизмомъ законовъ, и по нѣкоторымъ странностямъ въ моихъ сужденіяхъ, я воображаю республики завѣтомъ ветхимъ, „гдѣ проклятъ всякъ, кто не пребудетъ во всѣхъ дѣлахъ закона". Монархіи же подобіемъ завѣта новаго, гдѣ государь представляетъ благодать и можетъ творить добро по изволенію. *Во вторыхъ*, жизнь народовъ, по мнѣнію моему, состоитъ не въ единообразной покорности мертвымъ законамъ или премѣнчивому произволу, но въ непрерывной моральной борьбѣ свободы съ властолюбіемъ.

Изъ всѣхъ государей нашихъ два токмо были избранные, а именно Борисъ и Михаилъ, и то по необходимости, развѣ къ тому прибавить еще императрицу Анну. Естественно, сей порядокъ составлялъ изъятіе, коренный же навыкъ былъ въ правѣ наслѣдія съ 14-го вѣка не отъ брата къ брату, а отъ отца къ сыну переходящемъ.

2. Исторія свидѣтельствуетъ, что Россія благоденствовала всегда при монархахъ сильныхъ, но имѣвшихъ нѣкоторыя предостереженія. Съ одной стороны, гдѣ монархъ стоялъ прямо предъ демократіею тамъ были непрерывныя позорища мятежей, съ другой же, гдѣ всѣ предостереженія для монарха исчезали, тамъ являлся тиранъ, нарушающій общее и частное благо. Съиздавна существовали въ Россіи бояре, уваженные народомъ и сильные въ дѣлахъ. Первое потрясеніе произведено имъ было царемъ Алексіемъ Михайловичемъ. Петръ Великій нанесъ ударъ важнѣйшій, особенно введеніемъ иностранцевъ, но вельможество наше было довольно еще сильно, чтобы при императрицѣ Аннѣ предложить хотя и нарушенныя условія и чтобъ при Елизаветѣ имѣть въ рукахъ всю власть. Петръ III и Екатерина II, подтвердивъ права дворянству, тѣмъ самымъ сильно поко-

лебали вельможество, особенно Екатерина, обративъ оное въ царедворцовъ и возвышая людей новыхъ, путемъ военныхъ заслугъ. Павелъ I произвелъ сильную революцію, смѣшавъ почти всѣ сословія, при Александрѣ влились свободныя мысли также къ разрушенію различія состояній. Но Россія во все сіе время не только не благоденствовала, но истощалась. Изъ сего заключалъ я, что сильное вельможество намъ свойственно и необходимо. Сверьхъ сего существуетъ оно во всѣхъ славянскихъ народахъ, намъ единоплеменныхъ.

3. Народъ нашъ въ массѣ всегда довольствовался желаніемъ одной личной свободы и не искалъ политическаго вліянія. Одни владѣльцы земель и городовые жители, поставленные къ несчастію городовымъ положеніемъ и дворянскою грамотою въ важное между собою соперничество, составляютъ, со включеніемъ низшаго духовенства, классъ средній, способной дать еще одинъ элементъ въ составъ власти законодательной.

По симъ разсужденіямъ всегда я полагалъ, что власть сія въ Россіи, естественно должна состоять:

1. Изъ императора.
2. Изъ Палаты Вельможъ (верхней).
3. Изъ Палаты по выборамъ отъ одного средняго сословія (низшей).

О палатѣ верхней я разсуждалъ съ нѣкоторою подробностію, и мнѣ казалось нужнымъ образовать оную изъ опредѣленнаго числа членовъ, большею частью наслѣдственныхъ. Но дабы не ослабить вліяніе въ оной государя, считалъ нужнымъ присовокупить:

1. Опредѣленное число лицъ изъ чорнаго и бѣлаго духовенства по мѣстамъ, на кои назначаются они государемъ.
2. Опредѣленное число лицъ, также назначаемыхъ императоромъ по смерть.
3. Предоставить государю возведеніе въ званіе родовыхъ вельможъ на мѣста тѣхъ, коихъ роды прекратятся.

О палатѣ по выборамъ я не дѣлалъ никогда подробныхъ соображеній, ибо зналъ, что для сего нужно имѣть предварительно множество мѣстныхъ свѣдѣній. Въ общихъ чертахъ полагалъ только полезнымъ имѣть депутатовъ:

1. Отъ извѣстныхъ городовъ.
2. Отъ губерній, изъ сословія владѣльцовъ земель.

3. Отъ трехъ университетовъ, Московскаго, Виленскаго и Дерптскаго.

4. Отъ трехъ академій.

Всѣ три элемента законодательной власти должны быть независимыми и имѣть взаимно одинъ на другой воспретительную силу.

Палатамъ собираться въ Москвѣ, и какъ вездѣ принято, по приглашенію государя. Если же приглашеніе въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ не будетъ, то по приглашенію вице-президента верхней палаты.

Въ семъ законодательномъ высшемъ составѣ опредѣлить законы и мѣры управленія въ общихъ токмо видахъ, ибо по обширности государства и по разнообразію его климатовъ, нуждъ и населенія не можетъ быть оно управляемо единообразно. А по тому и считалъ необходимымъ частныя палаты въ областяхъ, собираемыя губернаторами, но о составѣ оныхъ никогда не разсуждалъ подробно.

II. Власть исполнительная.

Власть исполнительную считалъ возможнымъ предоставить во всемъ пространствѣ:

1. Государю безъ-отвѣтственному.

2. Установленію подъ именемъ *верховнаго правительства*, съ отвѣтственностію предъ властію Законодательною и государемъ въ особенности.

3. Министрамъ, дѣйствующимъ съ отвѣтственностію за себя предъ государемъ и верховнымъ правительствомъ, и за указы, ими исполняемые, предъ законодательною властью.

Прочія части администраціи разположить по теоріи и мѣстнымъ соображеніямъ. У меня почти готово цѣлое сочиненіе подъ именемъ опыта теоріи правительственныхъ учрежденій, но въ немъ принято началомъ самодержавіе государя.

Порядокъ, существующей въ управленіи дѣлъ духовныхъ, оставить неизмѣннымъ.

III. Судъ.

Вообще считалъ я необходимымъ введеніе суда *присяжныхъ*. Прочія же инстанціи могли оставаться въ нынѣшнемъ ихъ состояніи, съ исправленіемъ единственно формъ и состава. Ревизію отчетовъ, какъ въ дѣлахъ, такъ и суммахъ я полагалъ предоставить

судебной власти, равно какъ и разсмотрѣніе требованій награды по статутамъ и законамъ, разсмотрѣніе просьбъ о признаніи состояній и изпрашиваніе разныхъ привелегій.

IV. Обезпечнія.

Обезпеченія раздѣлялъ я на вещественныя и моральныя.

Къ числу вещественныхъ обезпеченій относилъ:

1. Обращеніе военныхъ поселеній въ народную стражу.
2. Передачу въ вѣдѣніе города Петропавловской крѣпости.
3. Ограниченіе государя въ личномъ командованіи сухопутною арміею.
4. Учрежденіе родоваго вельможества.
5. Право вице-президента собирать палаты, ежели въ извѣстное число лѣтъ монархомъ они собраны не будутъ.
6. Независимость трехъ Университетовъ и трехъ Академій.
7. Учрежденіе областныхъ палатъ.
8. Учрежденіе изъ нѣкоторыхъ портовъ вольныхъ городовъ.
9. Нѣкоторыя особенныя права города Москвы.

Къ числу моральныхъ обезпеченій относилъ:

1. Свободу тисненія.
2. Независимость судебной власти.
3. Установленные церемоніалы.
4. Признаніе господствующей вѣры.
5. Законъ о наслѣдіи короны.
6. Законы о наслѣдіи вельможества.
7. Отвѣтственность министровъ и верховнаго правительства.

Сверхъ сихъ общихъ размышленій я имѣлъ:

1. Въ мысляхъ своихъ почти полный обдуманный планъ системы народнаго просвѣщенія, равномѣрно свойственный какъ конституціонной, такъ и неограниченной монархіи, и критику настоящаго устройства сей части.

2. Разныя соображенія о земскихъ повинностяхъ, кои въ видѣ первоначальнаго опыта, и на основаніи существовавшаго порядка были уже изложены на письмѣ, подъ именемъ устава, которой читалъ я графу Кочубею и которой долженъ теперь быть въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ или финансовъ.

3. Также обдумалъ критику настоящаго состоянія торговли и здѣлалъ соображенія для лучшаго по сей части устройства.

29 марта 1826. Подполковникъ Батеньковъ.

---

5) Отношенія къ Сперанскому и Аракчеву.

Изъ всѣхъ лицъ, съ коими состоялъ я въ Петербургѣ въ связи, имѣю къ одному Сперанскому особенныя отношенія. Сіе произходитъ отъ того, что онъ одинъ зналъ меня мальчикомъ.

Бывъ гонимъ въ Сибири Пестелемъ, я можно сказать любимъ былъ въ тайнѣ: явно никто не смѣлъ оказать мнѣ особаго вниманія. Неудачная постройка моста въ Томскѣ предавала меня въ руки губернатора, долги тяготили, и я въ такихъ обстоятельствахъ долженъ былъ искать отставки.

Получивъ свѣдѣніе о назначеніи Сперанскаго, я тотчасъ отправился въ Тобольскъ. Мнѣ онъ казался еще страшнѣе Пестеля, ибо я отъ природы безмѣрно самолюбивъ, ужасался его знаній и ума и боялся, что встрѣча съ нимъ уронитъ меня какъ въ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ всѣхъ, кто почиталъ меня умнѣйшимъ изъ Сибиряковъ.

Готовя мой рапортъ о системѣ сообщеній въ Сибири, я переписывалъ его нѣсколько разъ и кончилъ уже по необходимости. Когда Сперанскій пріѣхалъ въ Тобольскъ, всякая встрѣча была отказана, рапорты послали мы въ пакетахъ и должны были явиться на другой день.

Застѣнчивость моя обратилась въ совершенное замѣшательство, когда на дорогѣ городничій объявилъ мнѣ, что солдатъ моей команды напился пьянъ и упалъ противъ дома генералъ-губернатора.

Изъ всѣхъ лицъ, кон ожидали въ залѣ его выхода, полагаю, что всѣхъ болѣе были смущены: губернаторъ, какъ зять Пестеля, и я; посему первое мое появленіе къ Сперанскому было весьма смиреннымъ и робкимъ.

Онъ однакоже вскорѣ подошелъ ко мнѣ и, вѣроятно бывъ доволенъ моимъ рапортомъ, обласкалъ меня и убѣждалъ ѣхать съ собою. Сіе меня радовало и пугало.

Два рода людей были тогда съ Сперанскимъ: I. Принадлежавшіе къ канцеляріи Пестеля: они не пользовались никакимъ довѣріемъ и стояли какъ бы въ сторонѣ, имѣя прикосновеніе токмо по

дѣламъ. II. Пріѣхавшіе съ нимъ. Они суть: Цейеръ, Вейкартъ, Вильде и Рѣпинскій.

Цейеръ весьма извѣстенъ. Онъ былъ нѣкогда секретаремъ Сперанскаго, высланъ былъ во время его ссылки, и соединился опять съ нимъ въ Казани, на пути въ Сибирь. По возвращеніи въ Петербургъ, ѣздилъ лѣчиться во Францію и Италію. Человѣкъ сей добръ, набоженъ, начитанъ и любитъ Сперанскаго, какъ истинный другъ.

Вейкартъ. Молодой мальчикъ съ порядочными дарованіями, котораго держали какъ сына, потому что мать его воспитывала дочь Сперанскаго и въ то время имѣла ее въ своемъ домѣ.

Густ. Вильде. Человѣкъ отлично свѣтской, тонкой въ обращеніи, вкрадчивой, не знатокъ въ дѣлахъ, воспитанный по иностранному и можно сказать необходимый генералъ-губернатору для того, чтобы доставлялъ о людяхъ свѣдѣніе.

Рѣпинскій. Только что взятъ былъ изъ Пензенской симинаріи. Человѣкъ собственно ученой, вѣрной, честной, былъ и остался у Сперанскаго ближайшимъ секретаремъ.

Мое знакомство началось домашнимъ обѣдомъ, на который былъ я приглашонъ, и встрѣчею съ Сперанскимъ на прогулкѣ, ибо онъ ходилъ, несмотря на погоду каждый день по нѣскольку верстъ. Я старался склонить разговоръ къ тому предмету, въ которомъ былъ твердъ, а именно къ математикѣ. Первое порученіе здѣлалъ онъ мнѣ по полученіи изъ крѣпости Омской настоятельнаго требованія суммы 100 тыс. рублей на постройку новаго моста, ибо старый представляли развалившимся. Обозрѣвъ на мѣстѣ, я нашелъ, что ежели употребить на поправку менѣе тысячи руб., то мостъ прослужитъ еще нѣсколько лѣтъ.

Сей первый опытъ усердія принятъ былъ благосклонно. Вскорѣ усмотрѣлъ я, что окружающіе Сперанскаго люди не такъ велики въ познаніяхъ и дарованіяхъ, чтобъ я не могъ чего нибудь надѣяться. Бросилъ думать объ отставкѣ и рѣшился ѣхать до Иркутска.

Мы отправились большою свитою. Въ пути я не переставалъ быть весьма застѣнчивымъ, ибо смущало меня даже и то, что экипажъ мой былъ хуже всѣхъ. Не приходилъ даже къ столу безъ приглашенія, а когда одинъ разъ пала лошадь подъ моею бричкой, то я считалъ уже себя совсѣмъ погибшимъ. Сперанскій, замѣтивъ сіе, сказалъ, чтобъ я не безпокоился, что онъ заплатитъ изъ разъѣзныхъ денегъ, и чтобъ ободрить меня началъ на нѣкоторыхъ станціяхъ сажать съ собою въ карету.

По пріѣздѣ въ Томскъ, онъ призывалъ меня нѣсколько разъ и распрашивалъ о лицахъ. Поелику многіе подверглись отрѣшенію и слѣдствію, то нужно было опредѣлить вновь. Онъ приказалъ мнѣ составить проектъ размѣщенія и, посовѣтовавшись съ вице-губернаторомъ Горловымъ, утвердилъ оный, съ малыми перемѣнами.

Мнѣ показалось сіе чудомъ: во всей Сибири разнеслось, что я въ великой силѣ. Но истинныя мои отношенія къ Сперанскому не измѣнялись. Я не смѣлъ безъ приглашенія явиться къ столу и не смѣлъ войти безъ доклада. На пути къ Иркутску онъ былъ болѣнъ и не выходилъ изъ кареты. Мы остановились въ Нижне-Удинскѣ для произведенія слѣдствія надъ старшимъ исправникомъ Лоскутовымъ. Во все сіе время Сперанскій являлся строгимъ и неприступнымъ.

По пріѣздѣ въ Иркутскъ, началась слѣдственная коммисія. Сперанскій спасалъ, кого только могъ, съ виновниками обращался мягко. Сіе возбудило негодованіе партій.

Я окончилъ три порученія: проектъ укрѣпленія берега р. Ангары, обозрѣніе Кяхтинской границы и изысканіе путей около Байкала. Во время сихъ поѣздокъ познакомился съ Геденштромомъ, извѣстнымъ по своему путешествію въ Ледовитомъ морѣ, но онъ вскорѣ отставленъ былъ Сперанскимъ и преданъ слѣдствію.

Между тѣмъ Сперанскій началъ меня употреблять въ гражданскихъ дѣлахъ. Собственно силы я никакой не имѣлъ и едва могъ только пособствовать опредѣленію однаго лица, раненаго капитана Юдина, городничимъ въ Томскѣ.

Жизнь наша въ Иркутскѣ представляетъ нѣчто необычайное. Многіе богатые чиновники, будучи отставлены отъ мѣстъ и собраны для отвѣтовъ въ губернскій городъ, давно уже переведя большую, часть имѣній на имя жонъ и лично оставаясь неугнетенными, жили довольно роскошно. Открылась игра въ карты. Молодые наши чиновники приняли въ ней участіе, но только два или три человѣка изъ нихъ остались въ небольшой выгодѣ; я въ карты не играю.

Я вышелъ совсѣмъ изъ круга пріѣзжихъ и не могъ заниматься дѣлами по жестокой болѣзни, сверхъ того очень сблизился съ отрѣшеннымъ отъ должности Геденштромомъ, по родству его съ нашимъ докторомъ Альбертомъ, и переѣхалъ къ нимъ въ домъ. Сіе не понравилось Сперанскому до того, что онъ меня почти оставилъ. Не взялъ съ собою въ Кяхту и Нерчинскъ, и я едва могъ поправить свои къ нему отношенія, чтобъ хотя онъ отвезъ меня обратно въ Тобольскъ.

Въ свойствахъ Сперанскаго примѣчательно:

1. что онъ весьма скрытенъ и мысли его о лицахъ отгадывать трудно.

2. Что неудовольствіе свое обыкновенно являетъ онъ, удаляя отъ сношеній съ собою, и ежели онѣ вовсе прекратятся, то почитаю невозможнымъ уже возобновить. Примѣръ Магницкаго мнѣ служитъ доказательствомъ.

3. Онъ не корыстолюбивъ, но скупъ на выдачу денегъ, при всемъ томъ издерживаетъ весьма много, всегда въ долгахъ, собственно для себя доволенъ не многимъ, но имѣетъ множество лицъ на своемъ содержаніи.

4. Дома любитъ уединеніе, занимается чтеніемъ или письмомъ и всегда не доволенъ, когда прервутъ его.

5. Любитъ всѣхъ держать, сколько можно, отъ себя далѣе, и смотритъ на другихъ съ высоты.

6. Набоженъ и не допускаетъ при себѣ никакихъ дерзкихъ разговоровъ.

7. Любитъ давать поученія.

По пріѣздѣ въ Тобольскъ, я, желая здѣлать себя интереснымъ, началъ писать *Уставъ о ссыльныхъ* и, показавъ программу и первые опыты, сталъ уже заниматься съ Сперанскимъ въ высшихъ по управленію отношеніяхъ. Становился послѣ Цейера первымъ лицомъ, но вскорѣ опять потерялъ его привязанность. Ему не понравилось мое развлеченіе, пристрастіе къ женщинамъ и самолюбіе. Онъ рѣшился проститься со мною въ Тобольскѣ. Съ своей стороны находилъ я уже невозможнымъ служить въ Сибири и просилъ увольненія предъ самымъ отъѣздомъ его (въ генварѣ 1821); получилъ я отпускъ на Кавказъ на 6 мѣсяцевъ. Отправился въ слѣдъ за Сперанскимъ вмѣстѣ съ отставнымъ чиновникомъ Корнильевымъ, и хотя догонялъ его въ Тюмени, Перми, Казани и на нѣкоторыхъ станціяхъ, но не принадлежалъ уже къ его свитѣ. Онъ поѣхалъ на Симбирскъ, а я въ Москву и потомъ въ южныя губерніи.

По возвращеніи въ Москву засталъ тутъ Вильде и пробылъ съ нимъ около шести недѣль. Писалъ въ Петербургъ къ Сперанскому и получилъ отъ него сверхъ чаянія отвѣтъ, чтобъ я ѣхалъ къ нему, ибо Бетанкуръ вовсе перевелъ меня изъ Сибири, что я нуженъ и что могу служить съ выгодою.

Я летѣлъ въ Петербургъ и былъ принятъ ласково. Бетанкуръ клонился къ упадку, а Сперанскій пользовался большимъ уваженіемъ.

Сначала я былъ очень робокъ потому,

1. что обременѣнъ былъ долгомъ,
2. что отсталъ отъ столичнаго этикета,
3. что не былъ даже прилично обмундированъ.
4. Нося военный мундиръ, боялся бѣды на каждомъ шагу.

Сперанскій жилъ тогда въ домѣ Жерве, а я въ трактирѣ Демута. Вскорѣ здѣлали меня производителемъ дѣлъ Сибирскаго комитета и Сперанскій ввелъ въ домъ къ графу Кочубею. Съ г-жею Вейкартъ и съ дочерью Сперанскаго я очень мало познакомился и былъ у нихъ не болѣе трехъ или четырехъ разъ.

Къ Сперанскому едва могъ добиваться съ дѣлами, ибо онъ окруженъ былъ большой толпой и болѣе жилъ въ Царскомъ Селѣ, куда ѣздилъ я только въ собраніе Сибирскаго комитета.

Среди сего, снова выгоднаго для Сперанскаго по отношеніямъ службы положенія, случилось важное и для него затруднительное въ семейномъ быту дѣло.

Г-жа Вейкартъ стала замышлять женить своего брата на его дочери, старалась возбудить въ нихъ взаимную склонность и довела дѣло до того, что рѣшилась требовать ея руки. Здѣсь Сперанскій поступилъ весьма рѣшительно, взявъ немедленно дочь изъ дому, отправилъ на дачу къ Столыпину и довольно надолго здѣлался для насъ невидимъ. Онъ переѣхалъ потомъ въ домъ Неплюева, а я къ Масальскому. Въ теченіи зимы 1821—1822 мы видѣлись только по четвергамъ предъ собраніемъ и въ собраніи Сибирскаго комитета.

Въ сіе время онъ вывелъ меня изъ денежныхъ затрудненій, выпросивъ въ награду 10 т. рублей,—болѣе ничего по его ходатайству я не получалъ.

Въ мартѣ 1822 Сперанскій былъ уволенъ отъ званія Сибир. генералъ-губернатора, и когда лѣтомъ канцеляріи отправились, осталось въ квартирѣ его много помѣщеній. Въ концѣ лѣта онъ предложилъ мнѣ занять нѣсколько комнатъ съ княземъ Шаховскимъ. Съ симъ вмѣстѣ требовалъ:

во первыхъ, чтобы я не забывалъ уваженія, которымъ обязанъ къ его дому, и уклонялся бы отъ всѣхъ шалостей, свойственныхъ молодымъ людямъ. Также не попускалъ бы и молодыхъ чиновниковъ, тѣмъ болѣе, что мы будемъ жить въ домѣ не одни, и что услуга Обрѣзкова весьма избалована.

во вторыхъ, чтобъ я избѣгалъ положительныхъ разговоровъ о дѣлахъ, ибо слова мои могутъ почитать авторитетомъ, и что сіе опаснѣе самыхъ выдумокъ.

Переѣхавъ къ Сперанскому, я видѣлся съ нимъ рѣже прежняго и былъ такъ еще далекъ (осень 1822), что совсѣмъ не былъ на свадьбѣ его дочери. Время проводилъ на свободѣ и въ большомъ разсѣяніи. Осенью графъ Аракчеевъ пригласилъ меня въ Грузино, и я долженъ былъ поступить къ нему на службу.

Сперанскій мнѣ далъ слѣдующія приказанія и совѣты:

1. Ничего никогда съ нимъ не говорить о военныхъ поселеніяхъ.

2. Ежели не хочу быть замѣшанъ въ хлопоты, вести себя у графа совершенно по службѣ и избѣгать всѣхъ домашнихъ связей.

3. Никогда не давать графу замѣтить, а лучше и не думать, что я могу, кромѣ его имѣть къ государю другіе пути.

Все сіе исполнено было мною въ точности, и я нашелся въ состояніи три года быть близкимъ къ графу. Съ Сперанскимъ мы почти разстались. Лѣтомъ онъ уѣхалъ въ Черниговъ.

Когда дочь его возвратилась въ Петербургъ и предстояла надобность перемѣнить квартиру, я просилъ Сперанскаго не оставлять меня и дать хотя одинъ покой, чтобъ имѣть отъ военныхъ поселеній нѣкоторое отдаленіе.

Онъ согласился и мы, перейдя къ Лазареву, сперва помѣстились въ среднемъ этажѣ, а послѣ я перешелъ въ верхній этажъ флигеля.

Отношенія мои къ дому Сперанскаго приняли новый оборотъ. Не бывъ уже съ нимъ связанъ по службѣ, я искалъ пріязни токмо зятя и дочери, и совершенно сталъ принадлежать къ ихъ кругу. Сперанскій пребывалъ уединеннымъ. Онъ занимался въ кабинетѣ, я видалъ его только изрѣдка за обѣдомъ, а иногда ввечеру въ гостиной; дочь и зять также являются къ нему только въ опредѣленное время. Онъ любитъ единственно играть съ внукомъ. Ко всему прочему является холоднымъ. Мнѣ просить уже было не о чемъ, ибо я считалъ себя обезпеченнымъ въ окладахъ и въ разположеніи графа Аракчеева. Всѣ мои сношенія съ Сперанскимъ были тогда единственно по занятію мною системою египетскихъ письменъ, ибо и онъ занимался древностями. Сибирскія дѣла я велъ уже самъ черезъ Аракчеева, который былъ тогда предсѣдателемъ въ комитетѣ.

Какъ ни сильно было лицо графа Аракчеева, но поелику сталъ онъ меня знать съ портфелью статсъ-секретаря и членомъ своего совѣта, при томъ я зналъ, что ему былъ нуженъ, то и могъ принять и не тотъ тонъ, какой наблюдалъ съ Сперанскимъ.

Осмѣливаюсь здѣсь здѣлать отступленіе, представивъ кратко параллель между сими лицами.

Аракчеевъ страшенъ физически, ибо можетъ въ жару гнѣва надѣлать множество бѣдъ, *Сперанскій* страшенъ морально, ибо прогнѣвить его значитъ уже лишиться уваженія. *Аракчеевъ* зависимъ, ибо самъ писать не можетъ и не ученъ, *Сперанскій* холодитъ тѣмъ чувствомъ, что никто ему не кажется нужнымъ.

Аракчеевъ любитъ приписывать себѣ всѣ дѣла и хвалиться силою у государя, всѣми средствами, *Сперанскій* любитъ критиковать старое, скрывать свою значимость и всѣ дѣла выставлять легкими.

Аракчеевъ приступенъ на всѣ прозьбы къ оказанію строгостей и труденъ слушать похвалы: все исполнитъ, что обѣщаетъ; *Сперанскій* приступенъ на всѣ прозьбы о добрѣ, охотно обѣщаетъ, но часто не исполняетъ: злорѣчія не любитъ, а хвалитъ рѣдко.

Аракчеевъ съ перваго взгляда умѣетъ разставить людей, сообразно ихъ способностямъ: ни на что постороннее не смотритъ. *Сперанскій* нерѣдко смѣшиваетъ и увлекается особыми уваженіями.

Аракчеевъ рѣшителенъ и любитъ наружный порядокъ. *Сперанскій* остороженъ и часто наружный порядокъ ставитъ ни во что.

Аракчеевъ ни къ чему принужденъ быть не можетъ, *Сперанскаго* характеръ сильный можетъ заставить исполнить свою волю.

Аракчеевъ въ обращеніи простъ, своеволенъ, говоритъ безъ выбора словъ, а иногда и неприлично; къ подчиненнымъ совершенно искренъ и увлекается всѣми страстями.

Сперанскій всегда является въ приличіи, дорожитъ каждымъ словомъ и кажется неискреннимъ и холоднымъ.

Аракчеевъ съ трудомъ можетъ перемѣнить видъ свой по обстоятельствамъ; *Сперанскій* при появленіи каждаго новаго лица можетъ легко перемѣнить свой видъ.

Аракчеевъ богомолъ, но слабой вѣры; *Сперанскій* набоженъ и добродѣтеленъ, но мало исполняетъ обряды.

Мнѣ оба они нравились, какъ люди необыкновенные, но Сперанскаго любилъ душою.

Приступаю теперь къ описанію послѣдней эпохи, и предварительно подтверждаю, что о перемѣнѣ образа правленія я никогда не осмѣливался говорить съ Сперанскимъ.

Начинаю съ того времени, какъ изключенъ я былъ изъ военныхъ поселеній и остался опять на рукахъ Сперанскаго. Сіе паки здѣлало меня для него занимательнымъ и жалкимъ. (Половина ноября 1825).

Посредствомъ дочери я довелъ до его свѣдѣнія о намѣреніи моемъ ѣхать въ Америку. Онъ увидѣвъ меня за обѣдомъ, сказалъ, что ето уже крайняя мѣра, и что по всѣмъ вѣроятностямъ государь меня не броситъ, но чрезъ начальника штаба узнаетъ истинныя причины. Чрезъ нѣсколько дней получено было тягостное извѣстіе о кончинѣ его величества.

Чтобъ представить въ связи нѣсколько разговоровъ, кои я имѣлъ съ нимъ въ послѣднее время, необходимо здѣлать отступленіе, описать мѣстности и означить нѣсколько новыхъ лицъ, кои играли или могли играть здѣсь нѣкоторыя роли. Начинаю съ лицъ.

Багрѣевъ, зять Сперанскаго, есть человѣкъ, исполненной высокого мнѣнія о своемъ произхожденіи, бывъ внукомъ Безбородки, онъ считаетъ себя лицомъ первой фамиліи и есть величайшій врагъ и гонитель всѣхъ либеральныхъ идей.

Дочь Сперанскаго, женщина ученая, свѣтская и пріятная. Она въ разговорахъ умѣетъ примѣняться ко всему и принимать всѣ тоны.

Величко, надворн. совѣтн., человѣкъ богатой и умной. По старому знакомству Сперанскаго съ отцемъ его, онъ принятъ въ Сибирскую канцелярію. Со мною наружно друженъ, но внутренно недоволенъ по соперничеству, а болѣе потому, что я во все время не выпрашивалъ ему ни одной награды, ибо онъ не занимался дѣлами. Онъ каждой день почти бывалъ въ домѣ Американской Компаніи. Къ Сперанскому не имѣлъ свободнаго доступа, но нашелъ случай свести дѣло съ Давомъ о портретѣ; съ Багрѣевымъ довольно коротокъ.

Клѣтченко, екзекуторъ канцеляріи, козачій офицеръ, держитъ въ домѣ полицію, почти безграмотной, но тонкой и все доводитъ до свѣдѣнія Сперанскаго, что ни дѣлается въ домѣ.

Аргамаковъ, чиновникъ канцеляріи, взятой собственно мною изъ Томска, по дружбѣ съ его отцомъ; онъ во все время не сказалъ десяти словъ съ Сперанскимъ, но друженъ съ Рѣпинскимъ и Клѣтченкою.

До траура въ домѣ Сперанскаго у дочери и зятя были вечера по четвергамъ каждую недѣлю. Здѣсь играли въ вистъ, шахматы, въ фанты, бывали дѣвицы и литераторы, въ числѣ коихъ былъ принятъ Безстужевъ, введенный вѣроятно Гнѣдичемъ. Самъ Сперанской мало бралъ въ сихъ вечерахъ участія. Никогда тутъ не слыхалъ я политическихъ толковъ.

Въ домѣ бель-этажъ на Невской проспектъ занимаетъ Сперанскій. Во флигелѣ зять его и прислуга, а надъ ними по коридору: я, Клѣтченко, Аргамаковъ и Рѣпинскій.

Ноября 27-го я былъ у Рылѣева часовъ въ 5 послѣ обѣда и на короткое время. Поѣхалъ къ присягѣ въ церьковь Военностроительнаго училища и оттуда къ Абакумову. Возвратясь домой часу во 12-мъ, не могъ уснуть. Пошелъ къ Рѣпинскому и приказалъ дать чаю, молодежь, въ томъ числѣ и Клѣтченко, собрались ко мнѣ. Мы говорили о кончинѣ государя, и я разсказалъ имъ, что слышалъ объ отреченіи цесаревича. Разговоръ продолжался почти во всю ночь. Уснувъ немного, я по утру пошелъ къ Багрѣеву и хотѣлъ узнать отъ него обстоятельнѣе, но онъ отвѣчалъ, что будьто не слыхалъ ничего. Возвратясь домой, я сѣлъ къ камину, а послѣ пріѣхалъ ко мнѣ полковникъ Варенцовъ. Сперанскій, безъ сомнѣнія увѣдомленный Клѣтченкою, что проговорили цѣлую ночь, и Багрѣевымъ, что я спрашивалъ объ отреченіи, прислалъ за мною и строго запретилъ мнѣ толковать о семъ предметѣ.

Когда надѣли трауръ, то дочь Сперанскаго просила меня и всѣхъ молодыхъ людей, коихъ увижу, предварить, что они приняты не будутъ. Въ числѣ другихъ я объявилъ и Безстужеву.

Декабря 13-го по утру я вошелъ въ кабинетъ Сперанскаго въ слѣдъ за его дочерью, не бывъ имъ познанъ. Разговоръ, сколько могу припомнить, представлю подробно.

Спер. Лиза, тебѣ надобно снять свой трауръ.

Дочь. Развѣ государь пріѣхалъ.

Спер. Государь здѣсь.

Дочь. Николай Павловичъ, не правда ли?

Спер. Точно такъ, надобно васъ поздравить.

Дочь. Я не знаю, какъ господа мужчины, а мы женщины сему чрезмѣрно рады.

Спер. И мы рады, это человѣкъ необыкновенный. По первому пріему онъ обѣщаетъ новаго Петра.

Библиотека Рязанского потребительного общества

Я. Царствованіе его, конечно, будетъ продолженіемъ прежняго.

Спер. Такъ назначено объявить, и должно въ честь покойнаго брата.

Я вышелъ и ходилъ по залѣ съ досадою. Дочь Сперанскаго, возвратясь, спросила:

Она. Вы что-то сердитесь?

Я. Всѣ думаютъ о себѣ, а о Россіи никто,

Она. Что жъ вамъ болѣе надобно? Слышите, что обѣщаютъ новаго Петра.

Я. Послѣ Петра мало что дошло до насъ, съ нимъ все и рушилось.

Она. У васъ странныя желанія; менѣе всего надѣялась я ихъ отъ математика. Перестаньте о ненужномъ хлопотать: ето ихъ дѣло (указавъ на малютку). Время все дѣлаетъ, а мы должны теперь радоваться.

Я ушелъ послѣ сего домой и во весь день у нихъ уже не былъ

14-го числа по утру, ѣхавъ къ присягѣ, явно казался я недовольнымъ въ разговорѣ съ Аргамаковымъ и Клѣтченкою, хотя о перемѣнѣ образа правленія и не говорилъ ничего, даже и не намекалъ.

Рано ввечеру 14-го числа заходилъ я къ Вильде, но мнѣ отказали; онъ также часто бывалъ у Прокофьева.

Того же дня ввечеру поздно пріѣхалъ ко мнѣ подполковникъ Севастьяновъ и сказывалъ, что во дворцѣ было уже извѣстно, что адъютантъ Бестужевъ началъ дѣло, что герцогъ послалъ въ домъ Американской Компаніи Варенцова захватить его и предварить хозяина о подозрительности прочихъ.

15-го по утру огласилось у насъ въ домѣ объ арестѣ въ ономъ ночью Корниловича, на квартирѣ однаго свитскаго офицера. Когда пили мы чай, Аргамаковъ, который былъ зрителемъ, разсказывалъ мнѣ о лицахъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ, и когда упомянулъ Рылѣева, то я весьма смутился.

Полагаю, что нѣкоторое на меня сомнѣніе Сперанскому, послѣ произшествія, подалъ Клѣтченко, судя по разсказамъ Аргамакова, или Вильде, а всего вѣроятнѣе Величько, самъ или чрезъ Багрѣева, ибо онъ могъ быть въ домѣ Американской Компаніи или 14-го ввечеру или 15-го поутру и знать отъ людей, или отъ Штейнгеля, что я былъ 14-го числа ввечеру у Рылѣева. Сіе основываю на

томъ: 1) что самъ Величько нѣсколько дней спустя сказывалъ мнѣ, будьто бы приказалъ у себя въ домѣ, ежели бы я пріѣхалъ, запереть двери и тотчасъ дать знать ему, чтобъ представить меня къ Сперанскому. 2) Багрѣевъ встрѣтилъ меня съ великимъ неудовольствіемъ, упрекалъ что я пригласилъ его одинъ разъ обѣдать у Прокофьева, и почти отказалъ въ знакомствѣ съ собою. Сіи поводы и смущеніе, которое я оказалъ, могли быть достаточными для Сперанскаго, чтобы спросить меня: не зналъ ли я чего отъ Бестужева или въ домѣ Американской Компаніи предварительно? Я отрекся рѣшительно, сказавъ токмо, что могутъ развѣ припутать въ разговорахъ. Онъ приказалъ мнѣ не только быть на виду въ своемъ корпусѣ, но ежели я хоть что нибудь слышалъ, то объявить немедленно герцогу Виртембергскому.

Спустя десять дней Сперанскій спросилъ меня, совсѣмъ ли я успокоился; но сіе было уже ничто иное, какъ послѣдствіе перваго вопроса, и здѣлано мимоходомъ.

Мнѣ приказалъ онъ заняться составленіемъ записокъ: 1) О Колыванскихъ заводахъ, 2) О военныхъ поселеніяхъ.

Участь мою полагалъ онъ устроить, выведя изъ корпуса Путей Сообщенія и помѣстивъ въ комисіи составленія законовъ. По крайней мѣрѣ такъ говорилъ одинъ разъ.

Подполковникъ Батеньковъ.

31 марта 1826.

---

6) Изъ признаній Слѣдственному Комитету. Развитіе свободныхъ идей и отношенія къ членамъ Тайнаго Общества [1]).

Первыя мысли о выгодахъ свободнаго правленія и привязанность къ оному, какъ обыкновенно бываетъ, получилъ я во время обученія исторіи. Древніе греки и римляне съ дѣтства сдѣлались мнѣ любезны. Но природныя мои склонности влекли къ занятіямъ другого рода: я люблю точныя науки и на 15 году возраста зналъ уже интересное изчисленіе, почти самоукомъ.

Нравъ мой вообще былъ тихъ, робокъ, никогда не раздѣлялъ я съ товарищами ихъ рѣзвостей, но исполненъ былъ стыдливости и самолюбія. Сіи два недостатка понынѣ составляютъ въ нравѣ моемъ источникъ дурной привычки скрывать свои недостатки и всегда оправдывать оные.

По вступленіи въ кадетскій корпусъ я подружился съ Раевскимъ (бывшимъ послѣ адъютантомъ у ген. Орлова). Съ нимъ проводили

---

[1]) Написано 22 марта 1826 года.

мы цѣлые вечера въ патріотическихъ мечтаніяхъ; ибо приближалась страшная епоха 1812 года. Мы развивали другъ другу свободныя идеи и желанія наши, такъ сказать, поощрялись ненавистью къ фронтовой службѣ. Съ нимъ въ первый разъ осмѣлился я говорить о царѣ, яко о человѣкѣ и осуждать поступки съ нами цесаревича. Въ Сибири, моей родинѣ, сіе не бываетъ.

Въ разговорахъ съ нимъ бывали минуты восторга, но для меня всегда непродолжительнаго. Идя на войну, мы разстались друзьями и обѣщались сойтись, дабы въ то время, когда возмужаемъ, стараться привести идеи наши въ дѣйство.

Война представила мнѣ поучительную картину; но я выходилъ изъ строя за ранами, долженъ былъ безпрестанно лѣчиться и продолжалъ свое образованіе. Будучи любимъ товарищами, всегда увлекался съ довѣрчивостью въ ихъ мечтанія; на словахъ во всемъ принималъ участіе, но когда доходило до дѣла въ какомъ-либо предпріятіи или шалости, старался удерживать другихъ, или по крайней мѣрѣ уклоняться. Военной славы не искалъ: мнѣ всегда хотѣлось быть ученымъ или политикомъ. Во время двухъ путешествій за границу, мысли о разныхъ родахъ правленія практическими примѣрами во мнѣ утвердились, и я началъ имѣть желаніе видѣть въ своемъ отечествѣ болѣе свободы.

Слѣдуя природнымъ склонностямъ, я оставилъ службу въ артилеріи, пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, занялся опять въ тишинѣ однѣми точными науками, съ честью держалъ екзаменъ въ институтѣ Путей Сообщенія, вступилъ въ сей корпусъ и отправился въ (1816) Сибирь на помощь престарѣлой матери.

Тамъ не чѣмъ было заняться кромѣ наукъ. Должностныя упражненія, хотя занималъ я мѣсто окружного генерала, были неважны.

Въ 1819 сверхъ чаянія получилъ я три или четыре письма отъ Раевскаго. Онъ казался мнѣ какъ бы дѣйствующимъ лицомъ въ дѣлѣ освобожденія Россіи и приглашалъ меня на сіе поприще. Я располагалъ жениться и отвѣчалъ ему совѣтами оставить всѣ опасныя предпріятія. Между тѣмъ самъ привыкъ къ сидячей и семейной жизни такъ, что ни за какое въ мірѣ благо не хотѣлъ съ нею разстаться, еслибъ гоненіе Пестеля не заставило бѣжать оттуда.

Жилъ довольно долго въ Томскѣ, гдѣ изъ семи или осьми человѣкъ составили мы правильную масонскую ложу и истинно масонскую, ибо кромѣ добра, ни о чемъ не помышляли. Удаляясь изъ Сибири, я встрѣтился съ Сперанскимъ. Онъ съ перваго свиданія

полюбилъ меня, и съ сего времени моя жизнь получила особенное направленіе. Мы обратились въ Иркутскъ, онъ началъ употреблять меня въ дѣла и дѣйствительно обратилъ въ юриста. Практика и образцовыя творенія сего мужа были для меня новымъ источникомъ ученія: я сдѣлался знатокомъ въ теоріи законодательства и сталъ надѣяться достигнуть первыхъ гражданскихъ должностей. Въ изданіи Сибирскаго учрежденія былъ первымъ сотрудникомъ и могу похвалиться въ особенности уставомъ о киргизахъ, доставившемъ Россіи до 120 т. новыхъ подданныхъ и необъятное пространство земель. Во все время я видѣлъ въ Сперанскомъ человѣка необычайнаго ума и твердости: никогда не жаловался онъ на свою ссылку, казалось, во всемъ свѣтѣ не любилъ только одного Гурьева. Въ случаѣ распоряженій высшаго правительства, кои представлялись ему несообразными, обыкновенно говаривалъ: *чудаки*.

Случилось съ нимъ говорить о деспотизмѣ бывшаго въ Иркутскѣ губернатора Трескина, о невыгодахъ личныхъ должностей, но во все время бытности у него, мы не касались политическаго состоянія государства. При всей простотѣ обращенія онъ всегда являлся на неприступной высотѣ.

Когда Сперанскій поѣхалъ въ Петербургъ (1821), я отправился лѣчиться на Кавказъ; на обратномъ пути получилъ въ Москвѣ опять письмо отъ Раевскаго, отвѣчалъ ему по прежнему, но сіе уже въ послѣдній разъ, ибо онъ вскорѣ посаженъ былъ въ крѣпость въ Бессарабіи.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я назначенъ былъ правителемъ дѣлъ Сибирскаго Комитета, и такимъ образомъ сдѣлалъ значительный гражданскій шагъ. Мнѣ хотѣлось познакомиться съ учеными и литераторами, началъ съ Воейкова чрезъ Жуковскаго, а потомъ всѣхъ узналъ у Греча. У сего послѣдняго были пріятные вечера, исполненные ума, остроты и откровенности. Здѣсь узналъ я Бестужевыхъ и Рылѣева.

Въ сіе время Петербургъ былъ уже не тотъ, какимъ оставилъ я его прежде за 5 лѣтъ. Разговоры про правительство, негодованіе на оное, остроты, сарказмы встрѣчались безпрестанно, коль скоро нѣсколько молодыхъ людей были вмѣстѣ. Бывъ почти на волѣ, молодъ, любимъ, уваженъ, получалъ около 6 т. рублей жалованья, я леталъ съ мѣста на мѣсто, пустился въ литературу, въ политическіе толки и, разсѣявшись въ суетности, вовсе почти разстался съ математикой, съ дѣлами и съ Сперанскимъ, который былъ весьма за-

нятъ домашними обстоятельствами. Петербургскихъ масонскихъ ложь не посѣщалъ, ибо слышалъ объ нихъ не выгодно.

Въ дѣтствѣ и во время службы я ни разу не былъ наказанъ, даже выговоромъ; во всю жизнь не былъ ни кѣмъ обманутъ, не имѣлъ враговъ и не встрѣчалъ ни въ чемъ такихъ неудачъ, кои бы меня сокрушали.

Въ 1823 году графъ Аракчеевъ настоялъ, чтобы я служилъ у него. Меня опредѣлили членомъ Совѣта и возвысили окладъ до 10 т. рублей.

Въ законодательствѣ поселеній я нашелъ достаточное упражненіе по своему вкусу; графъ мнѣ понравился, я научился у него твердости, точности и рѣшительности; но открылось и новое, до сего времени неизвѣстное мнѣ поле интригъ. Въ начальникѣ штаба я въ первый разъ въ жизни нашелъ себѣ врага.

Военныя поселенія представили мнѣ страшную картину несправедливостей, притѣсненій, наружнаго обмана, низостей—всѣ виды деспотизма. Но поелику доброе обращеніе графа услаждало мою судьбу, борьба съ Клейнмихелемъ занимала. Дѣла были многочисленны и важны, а вѣсъ въ Совѣтѣ питалъ природное честолюбіе: такъ я непримѣтно почти провелъ около трехъ лѣтъ. Графъ непримѣтно желалъ сдѣлать изъ меня строгаго начальника, царедворца, но природныя склонности влекли меня къ семейной жизни и тихой свободѣ.

Зрѣлище военныхъ поселеній и Западной Сибири, угнетаемой самовольнымъ и губительнымъ управленіемъ, общее внутреннее неустройство, общія жалобы, бѣдность, упадокъ и стѣсненіе торговли, ученія и самыхъ чувствъ возвышенныхъ, неосновательность и бездѣйствіе законовъ, не существованіе истинной полиціи все съ одной стороны располагали не любить существующій порядокъ, съ другой же думать, что революція близка и неизбѣжна.

Бывъ съ дѣтства набоженъ, я точно въ жизни моей встрѣчалъ много какихъ-то грезъ естественныхъ явленій. Начну тѣмъ, что въ бытность мою въ 1821 году въ Москвѣ, я имѣлъ изъ Иркутска множество приглашеній познакомиться съ Прокофьевымъ и не рѣшался, такъ что нѣсколько разъ возвращался отъ воротъ. Не могъ изъяснить сего до настоящаго случая.

У Прокофьева-же въ Москвѣ въ генварѣ 1825 года пришла мнѣ въ первый разъ мысль, что поелику революція въ самомъ дѣлѣ можетъ быть полезна и весьма вѣроятна, то непремѣнно мнѣ должно въ ней участвовать и быть лицомъ историческимъ.

На пути изъ Москвы я началъ разсуждать о дѣлахъ греческихъ, обращался на Россію и жалѣлъ, что у насъ географическое положеніе не представляетъ никакой удобности къ возстанію. Зная по дѣламъ, что всѣ розысканія о тайныхъ обществахъ были болѣе злобны и ничего не доказывали, я увѣренъ былъ, что ихъ нѣтъ въ Россіи, и что всѣ наши либералы только на словахъ. Проѣзжая отъ Бронницъ къ Новгороду, я разсуждалъ о силѣ тайныхъ обществъ, увѣрился, что это ужасное средство атаки на правительства, и что они не изобрѣли еще противъ сихъ минъ достаточныхъ средствъ. Мнѣ казалось, что контръ-мины могутъ состоять только въ такихъ-же обществахъ и начертилъ планъ ихъ администраціи.

Ѣхавъ отъ Новгорода къ Бронницамъ, я сдѣлалъ свой планъ атакующаго общества, полагая дать ему четыре отрасли:

1) *дѣловую*, которая бы собирала свѣдѣнія, капиталы, управляла и вѣдала дѣла членовъ; 2) *ученую*, которая бы вообще дѣйствовала на нравы; 3) *служебную*, которая бы съ пособіемъ капиталовъ общества разсыпана была по государству, утверждала основаніе управленія и состояла бы изъ лицъ отличнѣйшей въ дѣлахъ честности, кои бы, занимая явно гражданскія должности, тайно по данным наказамъ отправляли и тѣ обязанности, кои будутъ на нихъ лежать въ новомъ порядкѣ; 4) *фанатиковъ* —болѣе для того, что лучше ихъ имѣть съ собою, нежели противъ себя.

Мысль сія нерѣдко у меня возобновлялась, но я не думалъ приступать къ дѣлу. Обстоятельства мои были благопріятны. Къ особѣ покойнаго государя я питалъ благодарность; при всемъ томъ существовавшій порядокъ казался мнѣ дурнымъ: ибо я стоялъ въ средоточіи управленія и видѣлъ отсутствіе общихъ видовъ и пристрастіе.

Въ семъ расположеніи явилось гоненіе на стихи Языкова о Новгородцахъ.

Послѣ обѣда у Прокофьева, я упрекалъ Рылѣева, что они не принося пользы, раздражаютъ только правительство. Онъ началъ убѣждать, что сіе нужно, что ежели мы долѣе будемъ спать, то не будемъ никогда свободными. Завелъ мечты о Россіи до Петра и сказалъ наконецъ, что стоитъ повѣсить вѣчевой колоколъ, ибо народъ въ массѣ его не измѣнился, готовъ принять древнія свои обычаи и сбросить чужеземные. Я говорилъ ему, что горсть солдатъ все разрушить можетъ, и что возстановленный Новгородъ признаетъ княземъ перваго честолюбца, который къ нему явится. Рылѣевъ тотъ часъ меня оставилъ.

Большую часть лѣта 1825 прожилъ я въ Грузинѣ покойно и пріятно, занимался постройками, устройствомъ военно-сиротской части и дѣлами. Прочиталъ лорда Байрона и на нѣсколько часовъ душа моя омрачена была мыслію, что и въ злодѣйствахъ есть много величественнаго.

Случившееся въ Грузинѣ произшествіе сдѣлалось, какъ извѣстно, предметомъ городскихъ разговоровъ. Спустя довольно времени уже въ октябрѣ обѣдали мы у Прокофьева. Цѣлый столъ говорили о перемѣнахъ, кои послѣдовать могутъ въ слѣдствіе отреченія графа Аракчеева. А. Бестужевъ сказалъ при семъ случаѣ, что рѣшительный поступокъ одной молодой дѣвки производитъ такую важную перемѣну въ судьбѣ 50 милліоновъ. Послѣ обѣда стали говорить о томъ, что у насъ совершенно исчезли великіе характеры и люди предпріимчивые.

Нечувствительно я остался съ Бестужевымъ наединѣ и начали мечтать о судьбѣ Россіи.

Намъ представлялась она въ прелестномъ видѣ, подъ свободнымъ правленіемъ; я пожелалъ, чтобъ мы пользовались свободою, жалѣлъ, что нѣтъ средствъ приняться за столь полезное дѣло и что по всей вѣроятности нѣтъ людей, кои бы могли поддержать конституціонное правленіе. Онъ сказалъ, что люди есть уже, которые на все рѣшились; я отвѣчалъ, что не былъ бы русскимъ, еслибъ отсталъ отъ нихъ. Прибавивъ къ тому, что перевороты съ низу отъ народа опасны и лучшее средство придумать такъ, чтобъ овладѣть самымъ слабымъ пунктомъ въ деспотическомъ правленіи, то есть верховною властью, употребивъ интригу или силу. Послѣ увлеклись мы опять въ мечтанія о послѣдствіяхъ.

Хозяинъ вышелъ къ намъ и пресѣкъ разговоръ. Я пошелъ къ женщинамъ, занялся съ ними и вскорѣ выпустилъ изъ головы сей разговоръ, какъ простую мечту. Странно, что въ сей день, идучи къ Прокофьеву, я нѣсколько разъ останавливался и рѣшался возвратиться.

Поѣхавъ домой, я обогналъ Бестужева, и тогда только узналъ, что онъ и Рылѣевъ живутъ въ нижнемъ этажѣ дома Американской Компаніи. Я спросилъ у Бестужева: „Гдѣ онъ?“—„*Въ низу до времени*“, былъ его отвѣтъ.

Не помню порядка времени, но примѣчательны два случая:

1) Общество офицеровъ Измаиловскаго полка пригласило меня на погребеніе убитаго на дуэли офицера Чернова. Стеченіе людей

было многочисленное. А. Бестужевъ, указывая на сіе, съ радостнымъ видомъ говорилъ, что напрасно полагаютъ, будто бы у насъ нѣтъ еще общаго мнѣнія и вообще представлялъ въ видѣ демократическаго торжества. Онъ сказалъ при томъ: „нашъ братъ Лазарь умеръ“, и какъ бы испугавшись прибавилъ, что въ простотѣ Евангельской все трогательно и выразительно.

2) Обѣдалъ я у Прокофьева; возлѣ меня сѣлъ А. Бестужевъ, а напротивъ въ концѣ стола Якубовичъ. Бестужевъ, указывая на него, говорилъ, что такіе молодцы все сдѣлать могутъ. Послѣ я завелъ разговоръ, что хочу жениться на купчихѣ, быть купцомъ, дойду до званія градскаго главы и попробую возвысить оное на степень лорда мера. Якубовичъ отвѣчалъ: „Вы хотите быть головами, но оставьте руки на нашу долю“. Хотя при сихъ словахъ и припомнилъ я разговоръ съ Бестужевымъ, но и тогда еще почелъ простою остротою.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ я открылъ переписку съ графомъ Аракчеевымъ объ увольненіи меня изъ военныхъ поселеній, ибо боялся, чтобъ Клейнмихель, который при возвращеніи отъ государя прибавилъ себѣ большую важность, сдѣлавшись моимъ начальникомъ не привелъ меня къ гибели. Отвѣты получалъ двусмысленные и наконецъ рѣшился подать просьбу. Сверхъ всякаго чаянія, тотчасъ отставленъ былъ отъ всѣхъ мѣстъ, кои имѣлъ по подписнымъ указамъ, простымъ словеснымъ объявленіямъ генералу Эйлеру словеснаго-же приказанія больного графа. Понявъ, что я въ Россіи не найду уже пріюта, былъ жестоко пораженъ сею деспотическою мѣрою; боялся сверхъ того клеветы предъ лицемъ государя, но чувствовалъ всю ненависть къ существовавшему порядку, началъ громко порицать оный и выдавать себя за человѣка, который готовъ на все для перемѣны. Но поелику въ глубинѣ души своей былъ мягокъ и уклончивъ, то рѣшился удалиться и началъ искать мѣста правителя колоній Американской Компаніи на Восточномъ океанѣ. Почти кончены уже были соглашенія: я обязывался служить 5 лѣтъ за 40 т. ежегодно, полагая половину издерживать, а другую отсылать въ иностранный банкъ, чтобъ послѣ водвориться гдѣ нибудь въ Южной Европѣ навсегда.

Между тѣмъ положеніе мое было затруднительно и горестно. Это дало удобность членамъ Т. Общества дѣйствовать на меня. У Прокофьева могли они видѣть меня почти каждый день, ибо я любилъ тамъ проводить по нѣскольку часовъ съ дѣвицами.

Около половины ноября я заболѣлъ. А. Бестужевъ пріѣхалъ ко мнѣ ввечеру и намекалъ на прежній разговоръ. Мы говорили, что дѣйствительно перемѣна въ Россіи необходима. Онъ старался утверждать въ той мысли, что лучше сдѣлать ее намъ, нежели допустить другихъ, ибо прожектиль имени падетъ въ исторіи. Я ничего не говорилъ рѣшительнаго, но доказывалъ только, что верховная власть, яко идея, не легко можетъ быть присвоена, что одною силою утвердить ее въ новомъ видѣ трудно и что я вообще почитаю кратчайшіе пути болѣе возстаніемъ рабовъ, нежели требованіемъ благородными людьми правъ ихъ; но онъ прощаясь сказалъ, что готовъ хоть сію минуту идти, куда укажутъ обстоятельства.

Послѣ пріѣхалъ Рылѣевъ. Мнѣ ясно уже было, что онъ въ связи съ Бестужевымъ. Разговоръ завелъ прямо о томъ, что въ монархіи не можетъ быть ни великихъ характеровъ, ни истинныхъ добродѣтелей, что одни американцы поняли всю важность сей истины, что въ Европѣ даже и Англія пребываетъ въ тяжкомъ рабствѣ отъ аристократіи, что она освободится послѣ всѣхъ, а прочіе должны ждать всего отъ Россіи, гдѣ опытъ 1812 года служитъ лучшимъ доказательствомъ, что революція не какъ въ Неаполѣ, Піемонтѣ и даже Гишпаніи, не можетъ быть прекращена чужеземною силою. Я съ своей стороны доказывалъ ему, что по обширности государства, по опыту тысячи лѣтъ и по нравамъ нашимъ республиканское правленіе намъ не свойственно, что самый обрядъ поминовенія государей на ектеніяхъ сему препятствуетъ, что по крайней мѣрѣ для перехода нужна сперва монархія, ибо крутой переворотъ измѣняетъ всѣ идеи и дѣлаетъ многихъ несчастными, что у насъ большая часть дышутъ честолюбіемъ, что тотъ родъ правленія выгоденъ, подъ коимъ всѣ размѣщаются отъ придворнаго ласкателя до пламеннаго патріота, и слѣдственно революція та только можетъ быть одобрена, по совершеніи коей никто ничего не теряетъ, и наконецъ что прежде всего у насъ нужно утвержденіе гражданскаго порядка. Онъ сказалъ мнѣ, что произведеніе переворота составляетъ цѣль жизни нѣкоторыхъ людей, образованныхъ въ Общество. Я отказался отъ всякаго съ симъ Обществомъ сношенія. Собственно образъ мыслей Рылѣева казался мнѣ неосновательнымъ и я такъ много на себя надѣялся, что думалъ совершенно измѣнить его и все Общество, о коемъ упоминалъ Рылѣевъ, обратить въ кадръ онаго общества, о коемъ я нѣсколько мѣсяцовъ прежде замышлялъ; а ежели въ томъ не успѣю, то истребить его какъ вредное, пригласивъ нѣсколько лицъ мнѣ близкихъ,

чтобъ во время визитовъ на праздникъ Рождества разгласили они въ городѣ за новость, что открытъ заговоръ на бунтъ, въ коемъ тѣ и тѣ лица подозрительны. Я и не думалъ, что стою уже среди ихъ.

Рылѣевъ тотчасъ замѣтилъ, что я отклоняюсь, и желая утвердить меня, предлагалъ познакомиться съ Трубецкимъ, убѣждая тѣмъ, что онъ удостовѣритъ, до какой степени желаніе перемѣны глубоко пустило свои корни въ арміи, и что я не долженъ предпріятіе оной почитать пустою мечтою. Отъ сего опять меня что-то удерживало.

Изъ словъ Трубецкого, можетъ быть, и ошибочно заключилъ я, что дѣйствительное Общество не здѣсь, что оно должно имѣть и средства и виды основательнѣе, нежели какъ мнѣ было открыто, и что, вѣроятно, Рылѣевъ только служебное лицо и не знаетъ многаго, поелику ни онъ, ни Трубецкой даже не могли дать мнѣ отвѣтовъ на важнѣйшіе вопросы, до переворота относящіеся, напримѣръ, о банкахъ, внѣшнемъ, и внутреннемъ кредитѣ, государственныхъ имуществахъ, о крѣпостномъ состояніи крестьянъ, о финансовой и военной системѣ, о средствахъ гарантіи вновь замышляемаго правительства и проч. Я рѣшился не входить съ Трубецкимъ въ искреннія сношенія, оставить его и искать другихъ путей къ продолженію моего открытія тѣмъ болѣе, что онъ казался мнѣ скрытнымъ и пытливымъ.

Между тѣмъ представился рѣдкій въ исторіи случай. Россія сдѣлалась свободна отъ присяги, данной самодержавію и продолжавшейся непрерывно 64 года въ лицѣ царствующихъ особъ и ихъ наслѣдниковъ, ибо она разрѣшалась присягою, принесенною объявленнымъ отъ покойнаго государя наслѣдникомъ старѣйшему его брату, или по крайней мѣрѣ наслѣдника объявлено не было.

Представилась законность искать чего-либо въ пользу отечества. Я обратился къ Рылѣеву, но узналъ, что средства слабы и присягнулъ цесаревичу. Убѣждалъ Трубецкого оставить всѣ замыслы по крайней мѣръ на 10 лѣтъ и обратить все вниманіе на то, чтобъ составить собою аристократію и произвести перемѣну простымъ требованіемъ, а не мятежемъ.

Участіе мое собственно въ дѣлѣ 14-го декабря состоитъ въ слѣдующемъ:

Когда слухи объ отреченіи государя цесаревича стали подтверждаться, Трубецкой сказывалъ мнѣ, что есть нѣсколько войскъ, съ коими можемъ покуситься на предпріятіе перемѣны.

Онъ говорилъ, что на югѣ желанія простираются даже до того, чтобъ имѣть республику, но что она *устоять не можетъ*. Мы со-

гласились въ томъ желаніи, чтобъ преостановивъ дѣйствіе самодержавія, наименовать временное правительство, которое бы распорядило въ губерніяхъ избирательные камеры и собрало депутатовъ, какъ прежде согласился я съ Рылѣевымъ: отъ дворянства, купечества, духовенства и поселянъ, потомъ совокупно съ ними преобразовало бы верхнюю палату и принесло присягу нынѣ царствующему государю. Съ своей стороны я уступилъ на время, чтобъ верхняя палата была изъ членовъ не наслѣдственныхъ, а пожизненныхъ. Я не разсматривалъ вопроса, что дѣлать тогда, когда государь не приметъ и не дастъ принужденной присяги, но догадывался, что Трубецкой считаетъ возможнымъ данную присягу цесаревичу принять за отреченіе и перемѣнить образъ правленія, провозгласивъ государемъ наслѣдника и пользуясь его малолѣтствомъ.

Въ средствахъ исполнительныхъ принята основаніемъ просто вѣрность войска данной государю цесаревичу присягѣ, дабы съ одной стороны не произошло никакихъ отъ нихъ безпорядковъ, съ другой же, чтобъ въ случаѣ возвращенія цесаревича, или неуспѣха, можно было получить прощеніе. Мнѣ хотѣлось еще отвратить вѣрную опасность отъ дворца и отъ всего города, выведя войска внѣ онаго. Хотя въ числѣ затрудненій и представляли зимнее время, но я убѣждалъ, что оно есть общее для обѣихъ сторонъ и что сей родъ возстанія почтеннѣе и величественнѣе, нежели шумъ въ городѣ, при томъ же принявъ въ руки пути сообщенія, представляетъ удобную ретираду и подкрѣпленіе, когда полки въ Царскомъ Селѣ и Рожественскѣ присягнуть не успѣютъ. Послѣ сего разговора ни съ кѣмъ уже о цѣли предпріятія не говорилъ ни слова, и ежели откроется противное, то подвергаю себя жесточайшему наказанію.

Планъ сей сообщенъ былъ Трубецкому около 8 декабря въ видѣ простого и не рѣшительнаго разговора о возможности перемѣны. Въ глубинѣ души своей я не вѣрилъ, чтобъ дѣйствительно было что нибудь предпринято, даже и послѣ краткаго свиданія съ Рылѣевымъ 13 числа. Но узнавъ по намекамъ, что я могу быть назначенъ въ число членовъ временнаго правленія, предался разнымъ честолюбивымъ мечтаніямъ. Мнѣ представилась надежда играть первую ролю, почему и говорилъ Рылѣеву, чтобъ не избирать Сперанскаго, а лучше одну духовную особу, а именно архіепископа Филарета, яко лицо почтенное и уваженное. Оставшись на сторонѣ я разсуждалъ:

Во-первыхъ, ежели замыслъ будетъ разрушенъ, или не будетъ въ немъ успѣха, то лица, кои защищали своего законнаго государя,

погибнуть не могутъ, а ежели въ числѣ ихъ точно найдутся злонамѣренные, то погибель ихъ къ лучшему.

Во-вторыхъ, въ случаѣ принятія государемъ Николаемъ Павловичемъ условій, не принимать мѣста во временномъ правленіи и перейти къ его величеству.

Въ-третьихъ, въ случаѣ отреченія государя и объявленіе наслѣдника, принять мѣсто въ временномъ правленіи, дабы обратить оное въ регенство и мало по малу утвердиться, получивъ силу введеніемъ родовой аристократіи и составивъ такимъ образомъ связи дѣйствовать по обстоятельствамъ.

Конституціонную монархію предлагалъ я гарантировать слѣдующими мѣрами:

1) Учрежденіемъ провинціальныхъ палатъ для частнаго законодательства.

2) Обращеніемъ военныхъ поселеній въ народную гвардію.

3) Передачею Петропавловской крѣпости муниципалитету, помѣщеніемъ въ ней Городового Совѣта и городовой стражи.

4) Независимостью университетовъ Московскаго, Дерптскаго и Виленскаго.

Вообще же я не вѣрилъ, чтобъ точно что нибудь было предпринято и, увидѣвшись поутру 14-го декабря съ Бестужевыми, сожалѣлъ, что никакой перемѣны не сдѣлали высшія сословія, и поѣхалъ къ присягѣ.

Послѣ произшествія, изъ манифеста, публичныхъ объявленій и того мнѣнія, которое о Тайномъ Обществѣ распространилось, я съ ужасомъ узналъ, что намѣренія его были преступнѣе, нежели я думалъ, и потому не могъ рѣшиться признать себя его членомъ, ибо не раздѣлялъ неизвѣстныхъ мнѣ замысловъ, вѣроятно 13 декабря установленныхъ.

При допросахъ я ограничивался отрицаніемъ отъ званія члена, но съ перваго раза сказалъ, что былъ въ нѣкоторой извѣстности о покушеніи. Послѣ впалъ въ крайнее отчаяніе, стыдясь слыть участникомъ, и смѣшался въ соображеніяхъ. Наконецъ, думая, что наказываюсь за упорство, рѣшился принять на себя все, что какимъ нибудь образомъ будетъ мнѣ обнаружено, чтобъ по крайней мѣрѣ раздѣлять судьбу съ другими и обратить на себя какое нибудь вниманіе.

Подполковникъ Батенковъ.

7) Отношенія къ членамъ Тайнаго Общества и канунъ 14 декабря [1]).

До сего времени не сознавалъ я принадлежность свою Тайному Обществу по тому, что никакими примѣтными обрядами въ оное принятъ не былъ, и вообще полагалъ, что оно составляло союзъ, на ясныхъ и опредѣленныхъ условіяхъ основанный, извѣстнымъ порядкомъ и правилами управляемый и прямыя обязанности на каждаго члена возлагающій. Въ семъ отношеніи надѣялся, что строгое изслѣдованіе послужитъ къ моему оправданью, и не объяснилъ всѣхъ тѣхъ подробностей, кои, по мнѣнію моему, составляли отдѣльную вину и не относились къ существу дѣла; но признавался въ таковой винѣ токмо вообще и упоминалъ только главныя обстоятельства.

Но ежели желаніе перемѣны въ образѣ правленія и готовность тому содѣйствовать, изъявленныя какимъ бы то ни было образомъ, нѣсколькимъ лицамъ, изъявившимъ сіе же желаніе и готовность и бывшимъ членами онаго Общества, составляетъ самую принадлежность Обществу; то испытавъ тщательно свою совѣсть, и припоминая всѣ обстоятельства, я считаю себя обязаннымъ чистосердечно въ томъ признаться.

Болѣе всего жалѣю и упрекаю себя въ томъ, что по недоразумѣнію, которое имѣлъ прежде, и вообще по крайнему разстройству несчастіемъ моимъ произведенному, я навлекъ въ объясненіи степени и обстоятельствъ, таковой моей принадлежности къ Обществу особенное затрудненіе, и покорнѣйше прошу въ томъ великодушнаго снисхожденія и прощенія.

За симъ съ полною откровенностью, раскаяніемъ и по чистой совѣсти, въ поясненіе прежнихъ показаній, объявляю все, что къ сему относиться можетъ, и что только могъ я припомнить, употребивъ къ тому все возможное стараніе:

1) Самый первый намекъ по сему предмету сдѣланъ мнѣ былъ Рылѣевымъ въ теченіи лѣта 1825 года, когда мы послѣ обѣда ходили по залѣ. Не помню точныхъ словъ, но онъ утверждалъ, что Россія и по древнимъ воспоминаніямъ и по настоящей степени просвѣщенія готова принять свободный образъ правленія. Я рѣшительно тогда утверждалъ противное и говорилъ, что первый часто-

---

[1]) Написано 1 февраля 1826 г.

любецъ легко можетъ разрушить все, чтобы ни было сдѣлано подобнаго. Симъ прекратился разговоръ и долго не возобновлялся.

2) Осенью, не помню точно когда, послѣ продолжительнаго разговора о перемѣнѣ, которую должно ожидать, ежели графъ Аракчеевъ по болѣзни вовсе не вступитъ въ дѣла, А. Бестужевъ увлекъ меня въ разговоръ о перемѣнахъ политическихъ и въ мечтанія о томъ, какія моглибъ быть послѣдствія, еслибъ Россія имѣла свободный образъ правленія, и на разныя мои о невозможности сего возраженія, въ числѣ прочихъ и о недостаткѣ людей, кои бы могли оное поддерживать, сказалъ, что есть люди, кои къ тому стремятся; я отвѣчалъ ему, что и самъ съ полною готовностью желалъ бы что нибудь для сего сдѣлать. Въ тоже время онъ прибавилъ еще, что по его мнѣнію нужно только рѣшиться, а кратчайшій путь былъ бы заставить Сенатъ объявить конституцію. Зная всегда образъ изъясненій сего человѣка не умѣреннымъ и дерзкимъ, и отнюдь не раздѣляя съ нимъ сего, явно безразсуднаго мнѣнія, а желая только отвратить дальнѣйшій о томъ разговоръ, я не дѣлалъ уже возраженій, но поспѣшилъ уклониться въ прежнія мечтанія.

3) Не помню прежде или послѣ сего, на погребеніи Измайловскаго полка офицера *Чернова*, А. Бестужевъ сказалъ, можетъ быть и безъ намѣренія: „*нашъ братъ Лазарь умеръ!*“ и прибавилъ, что слова сіи трогательны и выразительны.

4) Люди сіи начали посѣщать меня чаще около половины ноября мѣсяца, когда я былъ боленъ. Одинъ разъ Рылѣевъ, заведя разговоръ о преобразованіяхъ государственныхъ, отдавалъ великое преимущество республикамъ, почитая самую Англію въ рабствѣ и говоря, что она послѣднею освободится. Старался убѣждать, что сего же надобно желать и въ Россіи. Сіе удостовѣряло меня въ неосновательности его образа мыслей, но къ несчастью, я не занялся рѣшительнымъ опроверженіемъ, а ограничался легкими возраженіями. Говорилъ, что у насъ самыя ектеніи сего не позволятъ и что по крайней мѣрѣ для сего Новгородъ не могъ обойтись безъ князя.

5) Послѣ того два раза пріѣзжали ко мнѣ съ Рылѣевымъ Н. и А. Бестужевы вмѣстѣ. Одинъ разъ застали многихъ гостей, въ другое же были одни. Завели опять разговоры о преобразованіяхъ. Я помню, что много противорѣчилъ; но Н. Бестужевъ, прощаясь и взявъ меня за руку, сказалъ: „*Какъ бы то ни было, но мы одного хочемъ!*“ Можетъ быть, сіе составляло пріемъ въ Общество, но мнѣ ни тогда, ни послѣ о семъ не объявляли.

6) Рылѣевъ, знакомя меня съ Трубецкимъ, не сказывалъ, чтобы онъ былъ членъ Тайнаго Общества, но говоря объ немъ упомянулъ, что ему извѣстна армія, въ которой, по словамъ Рылѣева, свободныя мысли глубоко пустили свои корни. Сіе меня останавливало, но, узнавъ вездѣ благопріятные о Трубецкомъ отзывы и думая имѣть знакомство въ домѣ его тестя, я послѣ на то рѣшился. Въ разговорахъ Трубецкого, кои во второе свиданіе были уже свободны, примѣтилъ я самонадѣянность и какъ бы человѣка съ способами что нибудь сдѣлать. Сообразивъ слухи, кои носились о неудовольствіяхъ, я сталъ подозрѣвать, что Трубецкой долженъ принадлежать къ сильной партіи недовольныхъ въ арміи. При сей мысли о немъ, вовсе уже не думалъ о прочихъ, считая ихъ внѣ самаго дѣла. Мнѣ казалось совершенно невѣроятнымъ, чтобъ въ Петербургѣ могло скрываться центральное мѣсто какого либо важнаго союза съ политическою цѣлью и вовсе уже не возможнымъ, чтобъ сіи люди могли быть изъ числа первыхъ. Я все относилъ къ арміи, и чтобъ удостовѣриться въ томъ, старался показать въ себѣ Трубецкому человѣка, исполненнаго желаній другого порядка; но сіе ни къ чему не служило. Онъ не объяснилъ мнѣ ничего, кромѣ того, что на югѣ, особенно въ Кіевѣ и Бобруйскѣ, много людей, желающихъ перемѣны. Мнѣ казалось, что онъ отъ меня тщательно скрываетъ настоящее дѣло и желаетъ только ложной откровенностью собрать разныя свѣдѣнія и мнѣнія. Посему я съ своей стороны ограничился также разговорами безъ связи и совершенно необдуманными, соображаясь только съ его словами. Краткость времени не позволяла поступить далѣе. Трубецкой также говорилъ, что должно желать республику, но я не вѣрилъ сему, ибо онъ легко уступалъ всякому возраженію.

7) Я неоднократно говорилъ Трубецкому и Рылѣеву, что въ Россіи утвержденіе гражданскаго порядка несравненно настоятельнѣе, нежели политическаго, что у насъ еще нѣтъ уѣздныхъ судей, исправниковъ и пр. Они обыкновенно возражали, что сей путь слишкомъ дологъ и что надобно искать кратчайшаго.

8) Говорилъ Трубецкому, что введенію свободнаго правленія въ Россіи предлежитъ непреодолимое препятствіе въ крѣпостномъ состояніи крестьянъ, и что поелику нельзя ничего подобнаго допускать безъ соблюденія строгой справедливости, что одно вознагражденіе помѣщиковъ представляетъ почти не разрѣшимый вопросъ, тѣмъ болѣе, что весь частный кредитъ нашъ можно сказать искусственный, и какъ чрезъ сердце, обращается чрезъ казенные банки.

Словомъ, я старался представлять сколько можно болѣе важныхъ и существенныхъ затрудненій. Онъ при семъ случаѣ разсказалъ мнѣ, какой-то разпорядокъ въ собственныхъ его деревняхъ сдѣланный, но я не могъ теперь его вспомнить, а знаю что общимъ онъ быть не могъ.

9) Ведя разговоръ о томъ, что обезпеченіе представительнаго правленія на твердой землѣ составляетъ важный вопросъ, потому что монархъ-завоеватель легко можетъ оное испровергнуть, объявилъ свою мысль, что вопросъ сей разрѣшается безъ труда, а именно возведеніемъ на престолъ особъ женскаго пола, и что мы, имѣя двухъ императрицъ и многихъ великихъ княгинь, можемъ съ сей стороны быть покойны.

10) Говорилъ, что конституція есть ни что иное, какъ нравы. что писать ее не должно и что мѣстныя различія всего важнѣе въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія; а вообще желать должно только: свободы писанія, уничтоженія тягостныхъ народу и исполненныхъ злоупотребленій земскихъ повинностей, утвержденія суда въ нижнихъ инстанціяхъ, отложеніе произвольныхъ заключеній подъ стражу и ссылки въ Сибирь людей нижнихъ состояній за малыя вины, пресѣченія своевольствъ мѣстныхъ властей, болѣе же всего уменьшенія арміи или занятія ее войною.

11) Говорилъ съ Рылѣевымъ, что Россія теперь въ такомъ еще состояніи, что депутатовъ можно имѣть развѣ отъ однихъ университетовъ.

12) Соглашался съ тою мыслію, что тройственный союзъ ограничиваетъ въ нѣкоторой мѣрѣ самостоятельность Россіи.

13) О военныхъ поселеніяхъ изъявлять истинный свой образъ мыслей, а особенно касаться подробныхъ свѣдѣній вообще удерживался, болѣе же всего въ отношеніи къ Трубецкому; и потому слова мои объ оныхъ были и не искренны и разнообразны. О неудовольствіяхъ въ нихъ также говорилъ не опредѣлительно. Помню только три безразсудныя вещи:

а) Н. Бестужевъ у меня, въ исходѣ ноября мѣсяца, во второе посѣщеніе съ Рылѣевымъ, вышедъ въ другой съ нимъ покой и поговоря довольно долго наединѣ, возвратился и не много времени спустя сказалъ, что по мнѣнію Рылѣева Кронштатъ есть нашъ островъ *Леонъ*, а тамъ кромѣ картъ и биллiарта ни о чемъ не думаютъ; я отвѣчалъ ему, что напротивъ сей островъ долженъ быть на Волховѣ или на Ильменѣ.

б) Просто для остроты утверждалъ, что поселенія сіи будутъ въ послѣдствіи нашею національною гвардіею.

в) Что поселенія служить будутъ точкою опоры, когда недовольные выйдутъ на Пулкову гору.

14) Относительно образа произведенія перемѣны я не видѣлъ ничего опредѣлительно и зрѣло обдуманнаго. Хотя они и позволяли себѣ думать, что военныя силы могли бы прямо дѣйствовать чрезъ Сенатъ, имя коего въ народѣ весьма громко; но въ тоже время считали сіе невозможнымъ въ царствованіе покойнаго государя, по великому къ лицу его въ войскѣ и народѣ уваженію. Не принимая съ своей стороны въ сихъ разсужденіяхъ искреннаго участія, не будучи согласенъ съ сими людьми въ самомъ существѣ желаемаго новаго порядка и не имѣя рѣшительнаго намѣренія дѣйствовать къ произведенію перемѣны, я ни мало не обдумывалъ моихъ отвѣтовъ и безпрестано противорѣчилъ; но старался сколько можно чаще и яснѣе внушать мысль свою, что преобразованіе то единственно можетъ быть одобрено, послѣ коего на другой день всѣ рады и довольны, и что всякіе мѣры несправедливости и своевольства всегда влекутъ за собою гибельныя послѣдствія. Они также говорили голосомъ любви къ отечеству и мягкосердечія.

15) Въ важный періодъ междуцарствія, когда всѣ вообще исполнены были какихъ то неопредѣленныхъ ожиданій, разговоры сего рода естественно умножились. Съ моей стороны они имѣли четыре совершенно разныхъ вида, смотря по мыслямъ, коими во время ихъ увлекался.

а) Изъявленіе негодованія, что высшія государственныя сословія не подумали объ испрошеніи пакта и симъ не прекратили всѣ поводы къ неустройствамъ и самымъ опасностямъ, кои волненіе умовъ произвести можетъ. Мысль сія была главною и повторена нѣсколько разъ до послѣдняго дня.

б) Что давъ присягу государю цесаревичу, должно твердо оной держаться, и ежели не подтвердитъ онъ торжественно вновь свое отреченіе, то стыдно дать другую присягу.

в) Что ежели при семъ случаѣ послѣдуетъ раздѣленіе между войсками, то должно болѣе всего стараться не допускать солдатскихъ своевольствъ, сохранить ихъ уваженіе ко всему священному и смягчать разными обѣщаніями лучшаго въ ихъ быту.

г) Что тотъ періодъ представлялъ много вѣроятности и самую законность къ введенію представительнаго правленія.

16) Разговаривая съ Трубецкимъ и еще не помню съ кѣмъ въ другое время, о образѣ объявленія отъ Сената о вступленіи на престолъ государя цесаревича, доказывалъ, что въ Россіи рано думать о представительномъ правленіи; но имѣлъ неблагоразуміе сказать, что у насъ легко сдѣлать революцію: стоитъ объявить Сенату и послать печатные указы, то присягнутъ безъ затрудненія.

17) Увидившись съ Трубецкимъ и желая узнать его мысли, говорилъ ему, что теперь лучшій случай произвесть перемѣну. Онъ утверждалъ, что здѣсь мало войскъ, кои бы на сіе были способны, хотя по обстоятельствамъ и можно бы ожидать успѣха.

Толковали о вѣроятностяхъ, но я остался въ той увѣренности, что онъ и не помышляетъ о семъ, имѣя не здѣсь свои виды.

18. За нѣсколько дней до произшествія, когда Рылѣевъ былъ боленъ, я спустился къ нему. Онъ встрѣтившись за ширмами сказалъ: *„вотъ цѣлый полкъ либераловъ“*! Входя въ кабинетъ, я нашелъ тутъ нѣсколько человѣкъ, не знаю какихъ. Вскорѣ пришелъ Пущинъ, коего Рылѣевъ уже ожидалъ. Я видѣлъ его тутъ въ первый разъ, и сказавъ ему, что знаю его по словамъ покойнаго князя Шаховскаго, его родственника, съ коимъ я жилъ нѣсколько лѣтъ, и хвалю въ особенности за то, что онъ отказавшись отъ блистательной службы, посвятилъ себя уѣздной. Между тѣмъ, помнится, Рылѣевъ, разсказывалъ о неудовольствіяхъ какого то полка, но большую часть времени занялъ разсказъ Пущина о московскомъ дѣлѣ Алябьева. Между тѣмъ пріѣхалъ князь Трубецкой. Вообще говорили слишкомъ вольно и дерзко, но каждый свое, громко и безъ всякой осторожности, хотя безпрестанно входилъ человѣкъ, подавая чай. И подумать нельзя было, что это засѣданіе Тайнаго Общества. Трубецкой, на коего болѣе всего обращалъ я вниманіе, какъ казалось мнѣ, не принималъ почти никакого участія. Я оставилъ ихъ тутъ и съ того времени съ Трубецкимъ уже не видался.

19) Когда 13-го декабря ѣхалъ я съ А. Бестужевымъ къ его матери, то въ теченіи разговора на Исакіевскомъ мосту, указывая на Петропавловскую крѣпость, говорилъ ему, что это палладіумъ Россійской свободы. Онъ отвѣчалъ: „И противъ самаго дворца; вотъ ее бы прибрать въ руки“. Но вообще А. Бестужевъ извѣстенъ мнѣ былъ всегда, какъ человѣкъ, способный въ глазахъ на всѣ крайности, и потому я когда только могъ, избѣгалъ съ нимъ разговоровъ и изъясненій.

20) Ввечеру на слова Рылѣева, что полки не будутъ присягать и что это удобный случай къ перемѣнѣ, я отвѣчалъ, что ка-

сается до меня, то воевать не умѣю, а мое дѣло писать. Тутъ сказалъ онъ, что надежда на Мордвинова и Сперанскаго, а я увѣрялъ, что Сперанскій ни во что не войдетъ. Было-ли уже тогда рѣшительное засѣданіе Т. Общества, не знаю, равно какъ и сдѣланныхъ имъ распоряженій.

21) Декабря 14, встрѣтившись съ Бестужевыми, я продолжалъ мои негодованія, что и при семъ случаѣ *высшія сословія не подумали*, чтобъ присяга дана была какъ государю, такъ и *законалъ*. Говорилъ, что по крайней мѣрѣ я не присягну, пока не увѣрюсь въ отреченіи цесаревича.

22) Какъ слухами, такъ и по болѣзни, которую чувствовалъ съ 12-го числа, я былъ въ сей день вообще крайне разстроенъ. Поѣхавъ въ церьковъ, встрѣтилъ Рылѣева и онъ меня остановилъ, но я не былъ уже въ состояніи разговаривать, когда стоявшій возлѣ него человѣкъ довольно громко разсказывалъ, будто бы артиллерійскіе офицеры съ цѣлою батареею отказались присягать и ѣздятъ по городу. Вскорѣ же однако я узналъ отъ встрѣтившихся офицеровъ, что сіе ложно. О томъ, что солдаты пошли отъ Семеновскаго моста на площадь, услышалъ часа въ 2 пополудни, будучи въ дежурствѣ путей сообщенія. Возвратясь оттуда, пошелъ по Невскому тротуару, и всѣ встрѣчающіеся говорили, что никакого безпорядка нѣтъ, и что дамы въ екипажахъ безопасно ѣздятъ около солдатъ, коихъ очень мало, и что они съ толпою мужиковъ кричатъ только „Константина!“ Самъ лично ничего не видалъ и близко площади не былъ.

23) Къ вечеру, когда уже было совершенно покойно, я вышелъ на тротуаръ, который былъ наполненъ людьми. Говорили, что тѣ и другіе солдаты стоятъ уже, вмѣстѣ и вся опасность миновалась. Мнѣ хотѣлось взглянуть на лагерь, но за множествомъ народа было не можно. Чтобъ отдохнуть и объяснить себѣ дѣло, я зашелъ къ Рылѣеву; но заставъ жену въ слезахъ и его въ большомъ безпокойствѣ и не замѣтивъ уже, кто тутъ были, я лишь услышалъ безпокойство о Бестужевѣ, мгновенно ушелъ отъ нихъ домой.

Во все сіе время я не только не имѣлъ никакого обдуманнаго плана къ произведенію перемѣны въ образѣ правленія, не поставлялъ сіе для себя постоянною цѣлью, не обозрѣвалъ и не сосредоточивалъ способовъ, и самъ никого не склонялъ; но бывъ стеченіемъ обстоятельствъ и безразсуднымъ обращеніемъ поставленъ въ связи съ сими людьми и въ нѣкоторой извѣстности о существованіи Общества и умножающемъ волненіи умовъ, я искалъ только удоб-

ности яснѣе вникнуть и принять дѣятельныя мѣры къ пресѣченію всѣхъ буйныхъ мечтаній; ибо желалъ свободы благоразумной и чистой, былъ твердо убѣжденъ и многократно до послѣдняго времени твердилъ Трубецкому и, казалось, убѣдилъ его, что никакой другой образъ правленія не можетъ быть свойственъ Россіи, какъ монархическій съ аристократіею; а настоятельнѣе всего нужно утвержденіе внутренняго гражданскаго порядка. Словомъ, ежели я былъ членъ Обшества, то самый невѣрный.

Обращая все вниманіе на Трубецкого, я полагалъ, что прочіе составляютъ не важное звено и сами собою безъ рѣшенія и подкрѣпленія изъ другихъ мѣстъ ничего дѣлать не могутъ; а можетъ быть и не знаютъ истиннаго состоянія дѣла. Ибо мысли ихъ въ самыхъ необходимыхъ основаніяхъ управленія находилъ недостаточными, не зрѣлыми, опрометчивыми и колеблемыми. Говорилъ съ ними безъ всякаго предварительнаго разсужденія, а просто по обстоятельствамъ и ихъ словамъ; иногда соглашался безъ всякаго убѣжденія, иногда спорилъ безъ всякаго основанія, или когда не освѣдомлялся о томъ, какое слова мои производили дѣйствіе. Часто гласно говорилъ объ нихъ другъ другу, какъ о неосновательныхъ молодыхъ людяхъ, не искалъ, а избѣгалъ участія въ ихъ сужденіяхъ.

Безразсудство и иступленіе замѣтилъ одинъ только разъ при слѣдующемъ случаѣ. Вскорѣ по полученіи извѣстія о кончинѣ государя, я былъ у Штейнгеля, толковали о томъ, что высшія сословыя пропустили случай сдѣлать что либо въ пользу свободы. Послѣ спустился къ Рылѣеву и не помню уже, кого тутъ нашелъ; ибо все мое вниманіе обратилось на морского офицера, который говорилъ съ большою самонадѣянностью явныя несообразности. Напримѣръ, что ежели взять большую книгу съ золотою печатью и написать на ней крупно *законъ*, и ежели пронести сію книгу по полкамъ, то все сдѣлать можно, чего ни захотѣли и тому подобно. Послѣ начали говорить о томъ, гдѣ долженъ быть подлинный актъ отреченія цесаревича, и полагали оный либо въ Совѣтѣ, либо отправленнымъ къ его высочеству. „Надобно *достать* его, непремѣнно *достать*“, кричалъ сей офицеръ; а какъ и другой кто то принялъ въ томъ участіе и, казалось, тотчасъ готовы были безъ дальнихъ разсужденій бѣжать сами, не зная куда, то сіе дѣйствительно меня удивило. Однакоже они скоро пришли въ себя, удостовѣрясь, что это минутный порывъ, коему подобныхъ бывалъ свидѣтелемъ въ арміи между людьми военными; я поспѣшилъ домой и, опасаясь подобныхъ встрѣчъ, около двухъ недѣль не заходилъ къ Рылѣеву.

Рѣшительное мое съ Трубецкимъ изъясненіе, къ несчастію моему, отклонилось на нѣкоторое время, сперва совершеннымъ его спокойствіемъ, а наконецъ твердою увѣренностью, подкрѣпленною всѣмъ тѣмъ, что можно было узнать изъ его со мной разговоровъ, что все дѣло состоять можетъ въ томъ единственно, что не многія части войскъ въ полномъ ихъ составѣ и не нарушая тишину остановятся дать присягу и спокойно выведены будутъ внѣ города. Я желалъ даже, чтобъ отчаянные мечтатели о конституціи имѣли безразсудность послѣдовать за ними, и чрезъ то обнаружили бы себя и тѣхъ, отъ кого они зависятъ, и коихъ я всегда считалъ отъ себя сокрытыми и отдаленными, полагая, что симъ самымъ дадутъ правительству полную возможность открыть Общество, ежели оно существуетъ во всемъ его пространствѣ; а государство выиграетъ то, что на истинное его состояніе обращено будетъ особенное вниманіе.

Надѣюсь даже того, что ежели Трубецкой, Рылѣевъ и нѣкоторые другіе члены будутъ имѣть въ виду сіе изъясненіе и въ состояніи найдутся сообразить всѣ мои съ ними разговоры, образъ выраженія, поступки, отклоненія, противорѣчія, оглашенія при каждомъ случаѣ ихъ либерализма, неосторожность и вольность разговоровъ съ другими, то можетъ быть убѣдятся или хотя подозрѣвать будутъ, но развѣ только не захотятъ того чистосердечно признать, что обращеніе мое съ ними было на семъ единственно основаніи.

Клянусь всемогущимъ Богомъ, что открываю здѣсь истинныя свои чувства, и что существенная вина моя, какъ готовъ дать въ томъ отчетъ на судѣ Его, состоитъ:

Во первыхъ. Въ медленности и нерѣшительности раскрыть себѣ ясно сіе дѣло, которое полагалъ я несравненно обширнѣе, многосложнѣе и основательнѣе, нежели оно можетъ быть есть въ самомъ дѣлѣ. Главною тому причиною краткость времени, затрудненія, кои я встрѣтилъ по службѣ, и обращеніе преимущественнаго вниманія на устройство личнаго моего положенія, что полагалъ сдѣлать, удалившись на 5 лѣтъ для управленія колоніями Американской Компаніи на Восточномъ океанѣ, и о томъ вошелъ уже въ сношенія.

Во вторыхъ въ томъ, что я не предварилъ правительство, хотя и не въ силахъ былъ ничего досказать, дабы обратило оно вниманіе на Трубецкаго, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе дни.

Въ третьихъ, въ безразсудныхъ разговорахъ и обращеніи.

Предаю судьбу свою въ благоразсмотрѣніе Комитета и въ волю всемилостивѣйшаго государя; но какому бы тяжкому наказанію не

былъ я подвергнутъ, прошу единой милости оставить при имени моемъ торжественное и клятвенное отрицаніе отъ искренняго участія въ семъ безсмысленномъ и постыдномъ дѣлѣ, коимъ другіе можетъ быть думаютъ заслужить историческую извѣстность, и потому въ душѣ своей менѣе разскаиваются, нежели тщеславятся.

Подполковникъ Батеньковъ.

---

[1]) Въ послѣднемъ подробномъ моемъ показаніи изложилъ я всѣ данныя, по коимъ опредѣляется степень личной моей вины. Нынѣ осмѣливаюсь представить краткое обозрѣніе, служащее къ тому, чтобъ однимъ взоромъ обнять и изъяснить все мое дѣло и поступки.

Несчастная мысль, коею положилъ я совершенное и разительное различіе между Трубецкимъ и прочими, извѣстными мнѣ здѣсь членами Тайнаго Общества, есть истинною причиною моего бѣдствія: но тѣмъ не менѣе на ней основано было мое поведеніе, даже до послѣдняго засѣданія Тайнаго Комитета, въ которое я былъ призванъ.

Она раздѣляла мои поступки на два рода:

Во-первыхъ, въ отношеніи къ Трубецкому. Я видѣлъ въ немъ человѣка, который долженъ принадлежать къ сильной партіи недовольныхъ въ арміи, и полагалъ, что тамъ также, совершенно отъ меня скрываемое, обширное и основательное предпріятіе, нѣсколько лѣтъ обдуманное, разсмотрѣнное, обезпеченное и сильными лицами управляемое. Думалъ, что ему нужны не мысли мои, кои ничего ни измѣнить, ни отвратить не могутъ, но разныя положительныя свѣдѣнія по тѣмъ частямъ, кои были у меня въ производствѣ. На семъ основаніи все поведеніе мое съ нимъ было притворно. Я рѣшительно принялъ правиломъ не давать ему никакихъ точныхъ свѣдѣній; но не уклонялся отъ разговоровъ, дабы удостовѣриться въ своихъ подозрѣніяхъ. Такимъ образомъ дѣло сіе скрылось отъ меня въ самой обширности понятія, которое объ ономъ я себѣ составилъ и я самъ, отвративъ отъ себя ближайшій къ нему путь, сдѣлался какимъ-то жалкимъ его участникомъ.

Во вторыхъ. Въ отношеніи къ прочимъ полагалъ, что они сами ничего не знаютъ и что держатся въ нѣкоторой связи чрезъ Рылѣева, но отдѣльно ничего предпринимать не могутъ. По сему и

[1]) Подано въ комитетъ 9 февраля 1825 г.

продолжалъ съ ними прежнюю пріязнь, и раздѣляя чистосердечно желаніе лучшаго для своего отечества, иногда остерегалъ, иногда умѣрялъ безразсудныя мечты, вообще же не обдумывалъ ни словъ, ни поступковъ и не полагалъ никакой мѣры своей довѣренности, суетности и неосторожности. Въ послѣдніе дни замѣтилъ, что они освѣдомляются о полкахъ, кои имѣютъ къ государю цесаревичу особенную привязанность, и на томъ основываютъ надежды къ исполненію въ нѣкоторой мѣрѣ своихъ чаяній. Но отнюдь не думалъ, что они сами лично подымутъ оружіе и изступленіемъ своимъ увлечены будутъ до безумія и преступленій.

Бывъ въ семъ положеніи въ теченіи одного только мѣсяца, я оставался твердо увѣреннымъ въ томъ:

1, что быть *членомъ* Тайнаго Общества, значило войти въ оное тамъ, гдѣ предпріятіе имѣетъ основательныя свои правила, зрѣлость и устройство, знать о семъ опредѣлительно и постоянно дѣйствовать въ его видахъ,

2, что *содѣйствовать цѣли* сего Общества, значило собирать или дать оному, какія либо важныя, ясныя и положительныя свѣдѣнія. Наконецъ,

3, чтобъ *участвовать* въ послѣднемъ произшествіи, то нужно было, по крайней мѣрѣ не менѣе, какъ быть ясно извѣстнымъ, какимъ образомъ оно распоряжено и что оно непремѣнно послѣдуетъ.

По сему не упорство и скрытность затрудняли мое дѣло и явили въ ономъ противорѣчія, но ошибка моя, во все время одна и таже, и изъ коей не вышелъ бы я никогда самъ собою. Съ ужасомъ и стыдомъ я узналъ мое заблужденіе.

Подполковникъ Батенковъ.

8. *Декабрьскіе дни* [1]).

Ноября 27-го по утру я разговаривалъ съ лѣкаремъ Яроцкимъ. Вдругъ пришелъ зять Сперанскаго Багрѣевъ и, не вымолвивъ ни слова, залился слезами. Зная дня за два о болѣзни государя, я понялъ горестную новость и сказалъ, что тотъ часъ къ нимъ буду. Сперанскаго дома не было: мы разговаривали втроемъ съ дочерью

[1]) Подано въ комитетъ 23 марта 1826 г.

его и зятемъ о положеніи императрицы, о необыкновенности кончины государя внѣ столицы и о предстоящемъ траурѣ. Не дождавшись Сперанскаго, я поѣхалъ кататься, думалъ увидѣться съ Трубецкимъ, котораго главныя здѣсь сношенія полагалъ въ гвардіи, чтобъ узнать ея расположеніе, но не рѣшился. Вмѣсто того обратился къ коллеж. совѣт. Погодину. Здѣсь узналъ, что присяга принесена уже государю цесаревичу и что огласилось во дворцѣ объ отреченіи его, но государь Николай Павловичъ поспѣшилъ присягнуть самъ. По стеченію обстоятельствъ, я въ сіе время читалъ двѣ книги: 1) Г. Тьери, О завоеваніи Англіи норманами, 2) Госп. Сталь, объ Англіи. Весь былъ напитанъ тремя идеями: а) неблагорасположеніемъ къ иностранцамъ, б) уваженіемъ къ народнымъ защитникамъ, в) уваженіемъ къ собственной народа жизни. Мнѣ казалось постыднымъ пропустить сей день, не давъ замѣтить, что и въ Россіи есть уже желаніе свободы. По сему говорилъ слишкомъ вольно, что Совѣтъ и Сенатъ спятъ и что еслибъ они думали объ отечествѣ, то могли бы въ ту самую минуту, какъ Николай Павловичъ присягнулъ цесаревичу, принять сіе за отреченіе и огласивъ Александра II, сдѣлать потомъ, что признаютъ за благо. Напитанный сими мыслями и досадою, что важный случай пропущенъ, я пріѣхалъ къ Прокофьеву, отправился къ Штейнгелю побранить высшія сословія, а послѣ къ Рылѣеву, чтобъ подстрекнуть и его; но сверхъ всякаго чаянія замѣтилъ, что тутъ были люди, которые въ самомъ дѣлѣ готовы броситься къ солдатамъ и провозгласить Елизавету или Александра II-го. Но порывъ скоро прошелъ, и я былъ очень радъ, что не вышло бѣды. Тотчасъ поѣхалъ къ присягѣ и на другой день, обдумавъ основательнѣе, рѣшился никогда на будущее время не играть несвойственной мнѣ роли народнаго защитника.

28-го по утру былъ у меня полковникъ Варенцовъ, при немъ прислалъ Сперанскій и сказалъ твердо и рѣшительно слѣдующее: „При возшествіи на престолъ обыкновенно бываютъ разные толки; ежели не хотите быть высланы за городъ, то ведите себя осторожно, старайтесь быть болѣе заняты и бѣгайте молодыхъ компаній“. Возвратясь, я пересказалъ это Варенцову.

Сего благотворнаго совѣта я слушался нѣсколько дней. Но когда пріѣхалъ ко мнѣ Трубецкой и сказывалъ, что отправляется въ свой корпусъ, то я опять пустился въ политическіе толки, шутилъ надъ сенатскимъ указомъ, коимъ о кончинѣ одного и о вступленіи на престолъ другого государя объявлено, какъ о производствѣ чинов-

ника, убѣждалъ Трубецкого служить и подвигаться впередъ, чтобъ занявъ высшія мѣста, можно было совершить перемѣну простымъ требованіемъ.

Отклоненіе отъ престола нынѣ царствующаго государя мнѣ казалось болѣе недостаткомъ духа, нежели чувствомъ высокимъ, я однакоже въ душѣ своей сему радовался, полагая, что при государѣ цесаревичѣ измѣнится совершенно внѣшняя политика, греческія дѣла примутъ благопріятный оборотъ, Свящ. союзъ рушится, военныя поселенія не будутъ продолжаться и что вообще дворъ нашъ приметъ нѣкоторый народный характеръ, имѣя императрицу, не совсѣмъ чуждую нашего языка и нравовъ и рожденную не для престола; а государь, затрудняясь въ фамильномъ быту, искать будемъ въ своемъ народѣ.

Противъ особы нынѣшняго государя я имѣлъ предубѣжденіе по отзывамъ молодыхъ офицеровъ, кои считали его величество весьма пристрастнымъ къ фронту, строгимъ за всѣ мелочи и нрава мстительнаго. Сверхъ того казалось мнѣ, что со вступленіемъ его на престолъ множество пруссаковъ вступятъ въ русскую службу и наводнятъ Россію, которая и безъ того уже кажется какъ бы завоеванною.

Въ семъ расположеніи духа услышалъ я отъ Трубецкого и Штейнгеля, что посылаемыхъ курьеровъ изъ Варшавы останавливаютъ и что дворъ старается удалить цесаревича. Я хотѣлъ повѣрить сей слухъ разговоромъ съ Сперанскимъ, но онъ послѣ двухъ или трехъ словъ сказалъ, что ежели я не хочу себѣ погибели, то не занимался бы тѣмъ, что до меня не относится; а лучше всего принялся бы составлять вѣрную и подробную записку о военныхъ поселеніяхъ, которая необходима для новаго государя и мнѣ можетъ принести болѣе пользы, нежели охота слушать бредни.

Не смотря на сіе убѣжденіе, мнѣ все казалось постыднымъ присягать другому государю по одному объявленію отъ него манифеста, что насъ разумѣютъ какъ стадо овецъ и гоняютъ, когда захотятъ, отъ одной присяги къ другой. Въ душѣ своей я менѣе думалъ, или по крайней мѣрѣ надѣялся собственно о перемѣнѣ образа правленія, нежели желалъ того, чтобъ чѣмъ нибудь дать замѣтить, что въ Россіи нужно уже въ столь важныхъ случаяхъ болѣе къ народу вниманія.

Идучи одинъ разъ по тротуару, встрѣтилъ Якубовича и говорилъ ему, что молодежъ наша горячиться умѣетъ, но смѣшно на

нихъ въ чемъ нибудь надѣяться, что вѣрнѣе будетъ, оставивъ ихъ при мечтахъ о конституціи, закричать предъ толпою народа въ пользу удаляемаго государя, и ежели погибнуть, то по крайней мѣрѣ оставить воспоминаніе.

Во все время междуцарствія, домъ Сперанскаго былъ закрытъ для посѣщеній; по приказанію его дочери, я извѣстилъ Н. Бестужева, чтобъ онъ во время траура не ѣздилъ, ибо не будетъ принятъ. Самъ я обыкновенно приходилъ къ столу или къ завтраку, или наконецъ вышивать въ пяльцахъ на канвѣ. Хотя нѣсколько разъ и покушался я спрашивать, не отрекается ли цесаревичъ, но всегда встрѣчалъ однѣ запрещенія говорить о семъ. Сперанскій меня успокаивалъ только, что отставка изъ военныхъ поселеній перестала уже быть опасною, что графъ ни какъ не можетъ имѣть прежней силы и что я долженъ имѣть въ виду службу въ Комиссіи Составленія Законовъ, а выкинулъ бы изъ головы желаніе ѣхать въ американскія колоніи.

Между тѣмъ я предался совершенному разсѣянію и бросилъ мысль чѣмъ нибудь ознаменовать день, въ который опять имѣть мы будемъ новаго государя, дабы по крайней мѣрѣ дать ему почувствовать, что продолженіе прежняго духа управленія можетъ быть совершенно бѣдственно.

Мнѣ приходило на мысль составить записку о настоящемъ состояніи Россіи и въ концѣ ея обратить вниманіе на то, что въ ней являются уже политическія тайныя общества, указавъ именно на Трубецкого; но въ то же время понималъ я, что доказать ни чего не буду въ силахъ и могу остаться въ посмѣяніи.

Чаще всего въ сіе время бывалъ я въ домахъ купеческихъ, и поелику сей классъ вообще не доволенъ стѣснительными для торговли постановленіями, то обращеніе съ ними подстрекало желаніе перемѣны.

Я рѣшился зайти къ Якубовичу и засталъ у него какого-то адъютанта, вѣроятно члена Общества, который, однакоже, скоро уѣхалъ. Мы разговаривали долго; я убѣждалъ Якубовича, чтобъ онъ отсталъ отъ молодежи, которая на словахъ только храбра, а лучше бы самъ собралъ толпу и заставилъ бы по крайней мѣрѣ кого нибудь изъ членовъ царской фамиліи вести съ собою переговоры. Послѣ говорили мы о Кавказѣ. Онъ разсказывалъ, что знаетъ два мѣста, гдѣ легко можно завести свободную колонію, жалѣли, что это не на горахъ Валдайскихъ. Послѣ пустились въ германскую философію, побра-

нили свой вѣкъ за то, что нѣтъ твердыхъ характеровъ и разстались—я по крайней мѣрѣ съ чистою душою, ибо зная, что люди говорятъ легко, а дѣйствуютъ по мѣрѣ опасности. До 14 декабря не вѣрилъ, чтобъ кто нибудь изъ извѣстныхъ мнѣ рѣшился на отчаянный шагъ—и не вѣрилъ по собственному чувству.

Въ это время я читалъ Ансильена о великихъ характерахъ и m-me Сталь о французской революціи. Голова и сердце мое, кои легко, хотя и не надолго получаютъ внѣшнія впечатлѣнія, исполнены были славолюбіемъ, величайшимъ уваженіемъ къ англійской конституціи и совершенною ненавистью къ конституціи 1791 г. Я предавался мечтаніемъ о Россіи подъ представительнымъ правленіемъ, воображалъ себя то ораторомъ оппозиціи, то министромъ и находилъ, что для меня величайшее счастье состояло бы въ томъ, чтобъ дожить до сего порядка вещей.

Въ семъ расположеніи духа 7 или 8 декабря посѣтилъ меня Трубецкой. Онъ сказывалъ, что отреченіе цесаревича не подвержено сомнѣнію и что онъ надѣется имѣть войска, которыя не присягнутъ Николаю Павловичу.

Поелику Трубецкой, согласно со мной, желалъ конституціонной монархіи, то для меня блеснула надежда, и я занялся съ нимъ разсужденіемъ, какъ можно воспользоваться симъ случаемъ:

Мы согласились:

1) Чтобъ стремиться къ тому, дабы наименовать временное правительство для собранія изъ губерній депутатовъ и для распоряженія всѣхъ дѣлъ, пока принесена будетъ присяга государю.

2) Чтобъ учреждены были двѣ палаты, изъ коихъ въ верхней члены должны быть назначены по жизнь.

3) Чтобъ къ достиженію сей цѣли слѣдовать самымъ законнымъ средствамъ; а именно употребивъ войска, кои останутся вѣрными цесаревичу, не допускать въ нихъ ни малѣйшихъ безпорядковъ, а просто стремиться къ умноженію числа.

По слухамъ мнѣ было извѣстно, что въ гвардіи не любятъ нынѣшняго государя за строгость и взысканіе. Я тотъ часъ обратилъ вниманіе на случай, когда всѣ войска перейдутъ на сторону цесаревича, и видѣлъ, что тогда перемѣна образа правленія невозможна, коль скоро его высочество явятся въ столицу; почему и говорилъ я съ Трубецкимъ, чтобъ конституціонеры раздѣлились: одни остались бы на сторонѣ Константина, а другіе на сторонѣ нынѣ

царствующаго государя, и когда сторона цесаревича будетъ перевѣшивать, то дѣло кончить можно двумя средствами:

Или согласится Николай Павловичъ провозгласить представительный образъ правленія и признаетъ временное правленіе.

2) Или отложитъ свое вступленіе на престолъ, и тогда должно уже будетъ принять сіе за отреченіе и объявить государемъ наслѣдника.

Трубецкой сказалъ мнѣ, что войскъ, кои могутъ быть употреблены, немного, что никто изъ важныхъ военныхъ лицъ въ семъ предпріятіи участвовать не захочетъ и что нѣтъ даже полковыхъ командировъ. Я отвѣчалъ ему, что въ такомъ случаѣ и думать не о чемъ, ибо всякое предпріятіе опасно.

Два дня спустя былъ я у Прокофьева. Рылѣевъ прислалъ просить меня къ себѣ убѣдительно. Я зашелъ и онъ встрѣтилъ меня извѣствіемъ, что цѣлый полкъ можетъ быть на сторонѣ либераловъ, и что онъ посылаетъ просить къ себѣ Трубецкого. Здѣсь Рылѣевъ говорилъ, что одинъ подобный случай, а именно неповиновеніе Семеновскаго полка, былъ уже пропущенъ и что не должно повторять ошибокъ. Я занялся болѣе разсказомъ Пущина о дѣлѣ Алябьева, примѣчательномъ по запутанности обстоятельствъ. Послѣ пріѣхалъ Трубецкой; но изъ всѣхъ разговоровъ, кои никакъ не могу припомнить, мнѣ нельзя было заключить, чтобъ люди сіи имѣли другія желанія, кромѣ того, чтобъ видѣть въ Россіи конституціонную монархію. Кто-то дѣйствительно говорилъ, что необходимо овладѣть дворцомъ, но я сказалъ противъ сего цѣлую рѣчь. Скоро ушелъ къ Прокофьеву и домой, и съ Трубецкимъ не видался уже болѣе. Сей вечеръ не оставилъ во мнѣ никакого впечатлѣнія.

Прошло опять около трехъ сутокъ, кои провелъ: днемъ въ одномъ разсѣяніи, а по утрамъ и вечерамъ въ занятіи дѣлами, въ чтеніи и мечтаніяхъ, какимъ образомъ присвоить вѣсъ во временномъ правленіи и утвердить въ Россіи родовое вельможество; но я совсѣмъ не вѣрилъ, чтобъ сіе сбылось на самомъ дѣлѣ; при томъ же чувствовалъ себя нездоровымъ. 12-го декабря былъ въ церкви военно-строительнаго училища на панихидѣ и у обѣднѣ и до слезъ тронутъ былъ рѣчью священника въ честь покойнаго государя. Казалось, что симъ потушены были всѣ мои революціонныя идеи; но чрезъ нѣсколько часовъ, встрѣтившись въ одномъ домѣ съ офицеромъ лейбъ-гренадерскаго полка, увлекся опять въ разговоръ о томъ, что лучше бы остался государемъ цесаревичъ, а ежели онъ откажется, то надобно подумать что нибудь и о Россіи.

13 числа поутру былъ я у дочери Сперанскаго и вышивалъ по канвѣ. Онъ спросилъ ее къ себѣ и я вошелъ къ нему въ кабинетъ.

Насъ поздравилъ онъ съ новымъ государемъ и прибавилъ къ тому, что его величество подаетъ великія надежды. Я осмѣлился при семъ случаѣ сказать, что конечно царствованіе его будетъ продолженіемъ прежняго. Онъ отвѣчалъ, что такъ и объявить назначено.

Мнѣ было очень грустно, и я вышелъ поспѣшно отъ Сперанскаго, сказалъ въ другой уже залѣ его дочери, что всякій думаетъ о себѣ, а объ Россіи никто не заботится. Она указала на своего малютку, говоря, что это имъ предоставляется.

Пошелъ домой и хотѣлъ тотчасъ ѣхать къ Трубецкому, чтобъ узнать у него, не будетъ ли чего въ войскахъ, но остановился и вспомнивъ, что далъ слово обѣдать у градского главы или у купца Сапожникова, поѣхалъ къ Прокофьеву, заѣзжалъ и въ другіе мѣста, но не помню куда. Въ разсѣянности и досадѣ, увидѣвъ Рылѣева, сказалъ ему, что все кончено и что мы опять присягнемъ по манифесту; онъ, казалось, оставилъ это безъ вниманія. Я обратился къ Бестужевымъ, толковалъ о томъ, что еслибъ взять и не много войскъ, да пройти съ барабаннымъ боемъ отъ полка къ полку, то можно бы множество произвести славныхъ дѣлъ. Ѣхавъ въ коляскѣ съ А. Бестужевымъ, изъявилъ желаніе видѣть на престолѣ государыню Елизавету Алексѣевну или Михаила Павловича, и наконецъ съ спокойнымъ духомъ пошелъ къ купцу Сапожникову обѣдать, игралъ тамъ на билліардѣ и въ бостонъ съ женщинами.

Я не вѣрилъ уже, чтобъ могло что нибудь случиться и, увидѣвъ Н. Бестужева, говорилъ ему, что вступленіе на престолъ не извѣстно, когда будетъ—14-го или 15-го; но зайдя къ Прокофьеву и увидѣвъ Рылѣева, услышалъ отъ него, что завтрашнимъ днемъ можно воспользоваться и что я буду во временномъ правленіи съ Мордвиновымъ и Сперанскимъ. Я говорилъ ему, что Сперанскій не приметъ въ такихъ случаяхъ никакого мѣста, и не распрашивая совершенно ни о чемъ, ибо онъ тотчасъ меня оставилъ, уѣхалъ домой и легъ спать; человѣкъ посланъ былъ искать лошадей, и меня въ комнатахъ заперъ ключомъ.

По утру 14-го числа я сначала пустился въ свои мечтанія о временномъ правленіи и о родовой аристократіи, но тотчасъ былъ съ высоты своей свергнутъ повѣсткою ѣхать къ присягѣ, досадовалъ

и, увидѣвшись съ Бестужевыми, негодовалъ, что никто въ Совѣтѣ и Сенатѣ о насъ не позаботился; ибо я слышалъ уже, что присягу они приняли. Хотя и говорилъ, что самъ не присягну, не увидѣвъ отреченіе отъ цесаревича, но не былъ расположенъ ни чего дѣлать, и когда встрѣтилъ Рылѣева и услышалъ отъ стоявшаго возлѣ него человѣка, что артиллерійскіе офицеры съ цѣлою батареею не присягаютъ, а ѣздятъ по городу,—я совершенно смѣшался и поспѣшилъ къ присягѣ, забывъ думать о пользѣ революціи, а еще менѣе о чести быть членомъ временнаго правленія. Меня вскорѣ однакоже успокоили встрѣтившіеся артиллерійскіе офицеры, что это ложно и что войска принимаютъ присягу безъ противорѣчія.

Въ домѣ Сперанскаго былъ въ сей день на завтракѣ, но его самого не видалъ. Изъ постороннихъ помню, что былъ тутъ Милорадовичъ (стат. совѣт.).

Послѣ былъ въ дежурствѣ Путей Сообщенія и узналъ, что солдаты вышли на площадь. Возвратясь домой, выходилъ на тротуаръ, услышалъ, что безпорядковъ никакихъ нѣтъ, что хотя и кричатъ солдаты съ толпою мужиковъ „Константина“, но дамы спокойно возлѣ нихъ ѣздятъ. Я заперся дома и не предавался уже никакимъ мечтаніямъ, желалъ единственно, дабы дѣло скорѣе и покойнѣе прекратилось, чтобъ тѣхъ отчаянныхъ революціонеровъ, кои выйдутъ къ солдатамъ переловили, и чтобъ государь, остереженный симъ урокомъ, сталъ царствовать въ мирѣ и съ благорасположеніемъ.

Когда узналъ, что все утихло, но что убитъ Милорадовичъ, то боялся уже ѣхать къ Трубецкому, полагая его важнымъ участникомъ, а о Рылѣевѣ считалъ, что знаетъ, и потому зашелъ къ нему, но коль скоро увидѣлъ жену въ слезахъ и услышалъ, что Бестужевъ былъ на площади,—мгновенно отправился домой и легъ спать. Меня разбудилъ Путей Сообщенія подполковникъ Севастьяновъ, но онъ скоро уѣхалъ.

15-го числа Сперанскій призвалъ меня къ себѣ и видя, что я смущенъ, спрашивалъ, не принималъ ли я какого участія, будучи такъ коротко знакомъ съ Бестужевымъ и бывъ такъ часто въ домѣ Американской Компаніи. Я отвѣчалъ, что участія никакого не принималъ, но что развѣ могутъ меня припутать за разговоры. Онъ приказалъ мнѣ каждый день быть на виду въ своемъ корпусѣ, что и исполнялъ я нѣсколько дней.

Передъ праздникомъ Рождества я опять зашелъ къ нему; онъ спросилъ пересталъ ли я бояться? Я отвѣчалъ, что пересталъ, ибо

слышалъ, что это было Тайное Общество, которому безъ сомнѣнія есть что разсказывать болѣе, нежели о моихъ съ ними толкахъ и бредняхъ, и что имъ губить меня, котораго они только привлекали и обманывали, нѣтъ нужды и выгоды, а развѣ покажетъ кто нибудь изъ тѣхъ, кто менѣе меня знаетъ, въ такомъ случаѣ ошибку и безъ меня откроютъ. Онъ приказалъ, чтобъ я занялся дѣлами, особенно Колыванскими заводами, а между тѣмъ лично для своей пользы готовилъ бы записку о военныхъ поселеніяхъ.

Подполковникъ Батенковъ.

Изъ дѣла подполковника А. Поджіо.

1) Начало вольнодумства.

До 1819 года всѣ сіи мысли мнѣ были чужды, равно какъ и все, что только требовало занятій и размышленій. Въ 1819 году начался мой ропотъ, а съ 1820 первоначальное мое вольнодумство. Сношенія мои со многими изъ членовъ способствовали къ сему. Въ сихъ сношеніяхъ однакожъ я усматривалъ не одно негодованіе, не одно роптаніе, но и устремленіе понятій и занятій ихъ къ изслѣдованію худаго и лучшаго. Сравненіями предметовъ человѣкъ познаетъ и опредѣляетъ цѣну имъ; но прежде сего необходимо ему извѣдать сущность и свойство предметовъ сихъ, каждаго порознь, чтобы не впасть въ сравненіе однихъ съ другими, въ заключенія неосновательныя и часто не относительныя къ своимъ началамъ. Въ кругу людей образованныхъ, всегда разсуждающихъ и разсуждающихъ словомъ ученымъ, я не имѣлъ ни о чемъ понятій, видя себя невѣждой во многихъ предметахъ, утративъ время, посвятивши на безплодныя занятія и совсѣмъ тѣмъ пылая къ пользѣ,—я тутъ обратился самъ къ предметамъ симъ, сталъ вникать, обращать все вниманіе къ нимъ и напрягать всѣ усилія къ познанію всего, что счелъ я нужнымъ, чтобъ не отставать въ благомысленныхъ преніяхъ тѣхъ людей, коихъ однихъ сталъ изыскивать мнѣніе о себѣ. Такимъ образомъ, я сталъ откланяться отъ общества, сближаться съ людьми, съ мнѣніями и съ цѣлью общества тайнаго.

Съ симъ предубѣжденіемъ уже взялся я за ученіе всего, что только могъ, и тутъ книги возъимѣли свое вліяніе надъ умомъ, получившимъ уже *направленіе*. Политическая экономія, права, однимъ словомъ все, что касается до составленія и управленія общества вообще, все это я пожиралъ съ умомъ жаднымъ и любопытнымъ. Послѣ

сего перешелъ я къ управленію государствъ, каждаго порознь; сталъ вникать въ образъ правленія каждаго изъ нихъ, для чего и прибѣгнулъ къ Делолану, Констану, Филанджіери и прочимъ. Предубѣжденный уже, впалъ въ сравненія и тутъ сталъ убѣждаться въ необходимости видѣть и свое отечество, какъ бы какимъ волшебствомъ стать на ряду съ просвѣщеннѣйшими народами! Обратилъ вниманіе къ политикѣ тѣхъ временъ, увидѣлъ время, гдѣ духъ переобразованія взволновалъ народы. Испанія, Неаполь, Пьемонтъ, Греція въ слѣдъ одно за другими приняли образъ свободнаго правленія. Съ тѣхъ поръ журналы съ рукъ моихъ не сходили, и я съ величайшимъ вниманіемъ слѣдовалъ до малѣйшаго происшествія. Слѣдовалъ всѣ пренія палаты депутатовъ во Франціи и всѣмъ сужденіямъ издателей Constitutionnel, не упускалъ ходъ англицкаго парламента; однимъ словомъ, я былъ въ духѣ тогда монархическаго представительнаго правленія. Скажу къ сему, что при желаніи моемъ введенія сего образа правленія въ Россіи, я ни сколько тогда еще не помышлялъ въ содѣйствіи, а еще менѣе въ возможности какого нибудь у насъ возстанія, но стану продолжать съ такою же откровенностію, дабы пояснить Высочайшему учрежденному Комитету, какимъ образомъ сіи мысли измѣнялись и по мѣрѣ оныхъ измѣнялись и правила мои.

Изложеніемъ измѣненій понятій моихъ представится и образъ измѣненій понятій и Общества въ цѣлости своей. Знаю весьма, сколько причины, ниже поясненныя, не будутъ клониться ни къ оправданію моему и всѣхъ, и ни къ той необходимости прибѣгнуть къ тѣмъ средствамъ, какія мы избрали къ достиженію нашей цѣли; но стану говорить въ моемъ прежнемъ духѣ и говорить о негодованіяхъ, на коихъ мы основывали наши виды. Вотъ тѣ виды, въ коихъ я и мы всѣ представляли Россію.

Послѣ трехъ лѣтнихъ кампаній Россія, хотя и увѣнчанная славой, хотя и получившая въ политическомъ отношеніи первостепенное мѣсто въ Европѣ, однакожъ относительно гражданскому ея положенію, являя еще черты большія своего изнеможенія. Слѣды опустошительные громадъ Наполеона, какъ то: сожженіе Москвы, понесеніе убытковъ дворянствомъ, купечествомъ, а болѣе еще крестьянъ, утратившихъ все движимое ихъ имущество, однимъ словомъ всѣхъ сословій, усилія и пожертвованія всякаго рода къ предохраненію престола и чести народной отъ покушеній вторгнувшагося врага въ нѣдра Россіи, все сіе казалось достаточнымъ къ обращенію вниманія на то нашего правительства. Духъ завоеваній, изчез-

нувшій съ паденіемъ Наполеона, не усматривалъ нужды въ увеличеніи войска; ожидали мира, отдохновенія, съ симъ уменьшенія налоговъ и улучшенія всѣхъ гражданскихъ отраслей правленія. Вотъ какъ говорили мы о надеждахъ Россіи; вотъ къ чему приписывали потомъ ропотъ и какъ толковали о немъ, чтобъ убѣждать себя въ необходимости прибѣгнуть къ тѣмъ беззаконнымъ средствамъ, кои мы избрали къ достиженію нашей цѣли.

Въ 1815 году появленіе Наполеона вновь во Франціи понудило правительство наше къ принятію мѣръ рѣшительныхъ, и для того вся армія, равно и гвардія приведены были къ движенію. Вновь рекрутскій наборъ, вновь издержки, увлекающія за собой всякое приготовленіе къ походамъ дальнимъ и къ войнѣ. Всѣ сіи мѣры усмотрѣны какъ лишними, ибо достаточно было, при истощеніи уже Франціи, силъ Англіи и Пруссіи, чтобъ разрушить всѣ замыслы и послѣдніе Наполеона. Въ томъ же году Вѣнскимъ конгрессомъ участь Польши рѣшена. Польша получаетъ политическое существованіе и корона ея увѣнчала главу Вѣнценосца Россіи! Присоединеніемъ Польши къ Россіи наконецъ положена преграда отъискони существовавшимъ распрямъ между сими двумя державами. Но покойный государь даруетъ ей конституцію, и сіе мы не безъ ревности усмотрѣли! Въ рѣчи, произнесенной при дарованіи ей конституціи, есть слова, оскорбительныя для духа народнаго нашего! Къ сему времени я отношу начало либеральныхъ мыслей и составленія Союза Благоденствія.

Къ 1817-му году я отношу мысли первыя на покушеніе жизни покойнаго государя, съ тѣхъ поръ уже, хотя и глухо, но носились по буйнымъ головамъ, съ тѣхъ поръ пошло распространеніе либеральныхъ мыслей, осужденіе всѣхъ мѣръ правительства и превращать оныя, какъ насильственныя. Съ того времени начали обращать вниманіе многихъ на ходъ дѣлъ нашихъ политическихъ и гражданскихъ. Къ первымъ приписывали небреженіе послѣднихъ; къ первымъ приписывали всѣ мѣры, несообразныя съ пользою государства, какъ то: увеличиваніе войска, поѣздки частыя покойнаго государя на конгрессы; къ первымъ приписывали также и основаніе военныхъ поселеній. Въ 1819 году, въ 1820 много говорили и не одни мы о жестокомъ усмиреніи чугуевцевъ. Въ 1820 году дѣла Испаніи занимали многихъ. Письмо Квироги къ королю носилось по умамъ; послѣдованія сему Неаполя, Пьемонта и Греціи, также возмутительными ихъ дѣлами манили вниманіе многихъ. Но сіе

не было дѣло Общества, а скажу самого правительства. Правительство наше, обратившее все свое вниманіе къ дѣламъ политики внѣшней, симъ самимъ и увлекало вниманіе и наше. Здѣсь усматривалъ каждый участіе правительства нашего въ принятіи мѣръ къ сопротивленію распространенія духа переобразованія, а съ этимъ и *разсматривалъ и свойство сего духа.*

Не мы одни говорили о долговременномъ отсутствіи покойнаго государя; было весьма много и истинно благомыслящихъ людей, кои вздыхали по долгому пребыванію его въ Троппау и Лайбахѣ и кои усматривали съ горестью, что внѣшнія дѣла политическія, вовсе до Россіи не касавшіяся, отклоняли государя отъ внутренняго управленія Россіи, и что всѣ дѣла, а въ особенности гражданскія производились съ величайшею медленностію; усматривали также не мы одни, сколько сія политика обременяла Россію налогами; ибо для поддержанія сей политики, покойный государь объявилъ на конгрессѣ, что многочисленность его войска не имѣетъ другой цѣли, какъ предохраненіе прочихъ государствъ отъ возмущеній внутреннихъ. Усматривали необходимость новаго заема сорока милліоновъ рублей.

Скажу лично о себѣ, что усмотрѣно было, и не мною однимъ, что ни что меня столько не оскорбляло, какъ явное сіе господство и вліяніе Вѣнскаго кабинета надъ нашимъ. Сколько сей кабинетъ, управляемый величайшимъ дипломатомъ нашего времени, не преуспѣвшій на Вѣнскомъ конгрессѣ въ намѣреніи не соглашаться на присоединеніи Польши къ Россіи, устрашенный силой нашей и опасаясь ея, какъ искустно преуспѣвалъ въ той цѣли, чтобъ дать направленіе сей силѣ, безопасное для него, сколько не преуспѣвалъ въ намѣреніи внѣшнею сею политикою ослабѣвать Россію и ввергать ее, можетъ быть, къ тому, чему мы стремились. Довольно извѣстно всегдашнее покровительство правительства нашего къ единовѣрцамъ нашимъ, угнетеннымъ грекамъ. Со временъ еще императрицы Екатерины Второй сіе покровительство не прерывалось по 1820 годъ. Сколько Вѣнскій кабинетъ не участвовалъ въ отклоненіи министра Каподистріа отъ управленія дѣлъ и всякаго вторженія силъ нашихъ въ Турцію, опасаясь при огромныхъ силахъ нашихъ *завоеванія ея!* Завоеваніемъ ея, сколько не усмотрѣно было симъ кабинетомъ, что торговля наша южная отъ упадка своего со временъ возстанія грековъ перешла бы къ самому цвѣтущему положенію господствованіемъ, ничѣмъ уже не затруждающаго, надъ торговлею всего Востока.

Помню весьма, сколько не мы одни, когда въ 1821 году послѣдовало движеніе одному корпусу за границу, когда приведенъ былъ 6-й корпусъ въ наступательное положеніе и двинулся къ границамъ турецкимъ, гвардіи назначенъ былъ походъ, помню очень, какую цѣль въ то время всѣ давали симъ приготовленіямъ.

Такъ невѣроятна была для насъ политика, вовсе не отвѣтствующая ожиданію всѣхъ! Симъ ожиданіямъ мы изъясняли увеличиваніе арміи и обращеніе правительства въ усовершенствованіи ея одной.

Но въ 1821 и 1822 году, а болѣе въ 23-мъ убѣдились всѣ въ истинной цѣли содержанія столь многочисленной арміи; усмотрѣли, что виды до 1820 года существовавшіе въ политикѣ нашей относительно къ Турціи, перемѣнились, что отзывы неоднократные нашего кабинета были отрынуты, оскорбительно для чести престола нашего, гордыми оттоманами, что никакія выгоды государства правительство наше не увлекали въ объявленіи имъ войны. Усмотрѣли понужденія нашего правительства Франціи къ усмиренію Испанію. Не мы одни предполагали, что сія политика поглощала государственную казну. Сколько армія многочисленностію своею обременяла Россію, усматривали изъ мѣръ правительства распускать 3-ю часть войска по отпускамъ. Не я одинъ, можетъ быть, болѣе вникая другого, усматривалъ въ сей мѣрѣ степень непредвидимаго положенія нашего. Я самъ былъ очевидцемъ того, что насильно солдатъ отправляли въ отпускъ для составленія числа отпускаемыхъ, ибо часто сей солдатъ, не имѣя пристанища у себя, вдавался къ прошенію подаянія, или что хуже въ дѣла, не отвѣтствующія нравственности. Я самъ былъ разъ свидѣтелемъ въ 23-мъ году, когда рядовой одинъ въ мундирѣ съ медалью на груди пришелъ къ помѣщику просить: чего же? Хлѣба! Я былъ самъ въ мундирѣ и, признаюсь, мнѣ горько сіе было! Говорю о семъ, чтобъ пояснить, какимъ образомъ мы сливали дѣйствія обременительной для насъ политики со всѣми обстоятельствами внутренняго управленія. Сими мѣрами мы поясняли небреженіе правительства къ благоденствію внутреннему Россіи; сими мѣрами мы поясняли степень разстройства финансовъ нашихъ. Сколько злоупотребленія по виннымъ откупамъ и чрезъ то ущербъ казны не давали намъ причинъ къ негодованію, но мы не довольствовались симъ, а убѣдились въ необходимости, не предвидя благопріятнаго конца, прибѣгнуть къ беззаконнымъ средствамъ нашимъ! Здѣсь отклоненіе наше явное уже отъ пользы государства нашего;

здѣсь зло,—ибо тутъ уже возъимѣли цѣль врачевать Россію отъ язвъ ея; здѣсь уже въ примѣненіи вещей при введеніи ихъ отклонились отъ чувствъ истинныхъ къ отечеству своему, покушаясь на цѣль, не сообразную ни со степенью просвѣщенія народа нашего, ни съ обширностью государства нашего, ни съ собственными нашими обязанностями относительно общества, а что еще болѣе-добродѣтели святой!

Въ 1822 году разрушилось Благоденствіе [1]), но цѣль оставалась, люди, раздѣлившіеся по существующимъ всегда между людьми видовъ частныхъ честолюбію, оставались при своихъ мнѣніяхъ.

Къ 1822 году я отношу мысли и начертаніе республики Пестеля и на избраніе его при возобновленіи Общества дать цѣль ему введеніе сей республики. Къ концу сего года я отношу начало моего убѣжденія въ приготовленіи себя къ содѣйствію Общества, ибо я усматривалъ по сношеніямъ, или по пріѣздамъ Давыдова и Волконскаго возобновленіе онаго.

Въ 1823 года я вступилъ въ оное и признаться долженъ, что это былъ годъ, въ которомъ по пылкости ума моего и неусмотрѣнія еще сихъ дѣлъ, я устремилъ всѣ мои понятія и дѣла къ содѣйствію. Тутъ также самолюбіе было мое приведено въ дѣйствіе. На меня возложено было привести петербургскую управу къ возобновленію и содѣйствію поспѣшному. Слѣдуя всей политикѣ нашего правительства, видя Францію при своемъ представительствѣ не устоявшею противъ власти королевской, видя ниспроверженіе конституціи въ Испаніи и предвидя вездѣ мятежи, къ коимъ сіе происшествіе ея клонило, видя цѣль уже не тайную Священнаго Союза, столь для Россіи одной невыгодною и при понятіяхъ уже носящихся о республикѣ, я принялъ ее за цѣль также свою, *принялъ* также цѣль и преступной мѣры преступленія и не однимъ!.. Такъ *принялъ*, подтвержу сіе послѣднимъ вздохомъ моимъ! Богу извѣстно, кому она принадлежитъ и какимъ образомъ предопредѣлена была и какъ распространилась. Но я сдѣлался тогда твердымъ ея приверженцемъ. Сношенія мои со многими изъ членовъ сего мнѣнія, а въ особенности Матѳея Муравьева, Валерьяна Голицына, люди головы, не менѣе бурныхъ моей, занятія мои всѣ частныя до всего, что только касалось до политическихъ и гражданскихъ дѣлъ Европы и въ особен-

---

[1]) Т. е. Союзъ Благоденствія.

ности отечества моего и при всемъ моемъ соревнованіи быть полезнымъ при ложныхъ моихъ и преступныхъ убѣжденіяхъ, все это меня воспламеняло и вселяло духъ переобразованія необходимаго, какъ я считалъ, для Россіи. Такимъ образомъ я отправился изъ Петербурга и тутъ уже говорилъ, но уже безъ всякой надежды, чтобъ когда нибудь дѣло наше могло иначе состояться, какъ гибелью собственною нашею.

Въ 1824 году въ Кіевѣ я уже говорилъ, что въ Петербургѣ ничего нѣтъ и не можетъ быть,—съ того времени мои занятія были всегда тѣже, мѣры правительства не переставали возрождать мои, скажу, роптанія, но твердилъ и увѣрялъ всегда, что дѣло наше и сверхъ силъ, и времени и всякаго вѣроятія!

Свиданіе мое съ Пестелемъ меня воспламеняло, но не сему ли уже Пестелю до сего говорили, что духъ уже преобразованія во мнѣ гаснулъ? Помню, что я даже о семъ говорилъ капитану Майбородѣ, но что свиданіе мое съ Пестелемъ послѣ его поѣздки въ Петербургъ и изложеніе мнимой нашей силы опять возобновило тотъ же духъ; но еще послѣ сего въ дѣлахъ моихъ доказательство, что сей духъ въ той же степени волновалъ меня. Я подалъ въ отставку; я, который зналъ, что съ прежней моей отважностью былъ необходимъ для начала дѣйствія; я, который пылалъ прежде симъ желаніемъ! Весь 1825 годъ провелъ я въ самыхъ найотвѣтственныхъ сей цѣли занятіяхъ моихъ. Видѣлъ людей, видѣлъ частные виды, видѣлъ все, болѣе всякаго скажу!

Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года хотѣлъ ѣхать въ Берлинъ, а оттуда—Богу извѣстно куда, оставя мать, родныхъ, отечество мое, хотѣлъ направить путь далекій мой!

Я оставался при сихъ моихъ намѣреніяхъ, когда по случившимся обстоятельствамъ опять я запылалъ. Не зная дѣла петербургскаго мятежа, не зная и не сомнѣваясь уже, чтобы сіе могло быть дѣйствіе нашего Общества и при томъ и до сего еще, видя постигшія арестованія многихъ и, какъ слышно было, и не касавшихся до дѣлъ Общества, я приписывалъ сіе жестокому гоненію, а потому и гибели всѣхъ, и что еще болѣе наставшаго времени могилою для Россіи. Потому то я запылалъ, предлагалъ возстаніе. Но кому? Кн. Волконскому! Но сіе я не столько приписывалъ къ винѣ своей, сколько всѣ мои неистовыя при сихъ убѣжденіяхъ слова, а въ особенности, какъ то о намѣреніи моемъ привести все Общество къ дѣйствію и о покушеніи на преступленіе, о коемъ гово-

рилъ. Послѣ уже и поздно увидѣлъ, что всѣ сіи мнимыя гоненія были тою твердою и спасительною мѣрой, принятой государемъ императоромъ нашимъ къ спасенію Россіи и насъ самихъ! Его императорскаго величества долготерпѣніемъ приведены мы всѣ къ раскаянію и великодушнымъ производствомъ суда нашего приведены были ко всѣмъ чистосердечнымъ показаніямъ нашимъ! Поясненіемъ сего поясняю и тѣ чувства всѣ, одушевляемыя меня и ручаюсь за всѣхъ тѣхъ, кои имѣли злополучіе впасть въ наши преступныя умышленія.

Изложивъ Высочайше учрежденному тайному комитету, какимъ образомъ мое вольнодумство возъимѣло свое начало, какимъ образомъ оно измѣнялось по мѣрѣ возроставшихся моихъ роптаній и заблужденій, представивъ краткое обозрѣніе главныхъ причинъ моихъ и Общества цѣлаго, на коихъ основывали, такъ сказать, необходимость нашихъ беззаконій къ отвращенію власти, сдѣлавшеюся чуждою управленію Россіи въ отношеніи ея гражданскаго образованія, я думалъ тѣмъ пояснить, какимъ образомъ составляются дѣла подобныя нашимъ и какимъ образомъ отечественное наше правительство можетъ усматривать, какъ роптивыя мнѣнія носились и внѣ Общества. Скажу, ибо говорю Высочайше учрежденному комитету, что вольнодумства не было въ Россіи внѣ Общества нашего, но былъ ропотъ. Но какое разстояніе одного отъ другого! Ропотъ въ особенности при духѣ народа нашего есть моленіе лучшаго и всего. Вольнодумство кичится, подымается и все ниспровергаетъ! Первое, конечно, получаетъ большую степень отъ степени образованія народа; второе — есть дѣйствіе страстей, которыя и среди необразованія могутъ имѣть свое начало въ людяхъ, неумѣющихъ обуздывать себя среди волненій первыхъ! Прошу Высочайшаго учрежденнаго комитета выслушать сіи мои понятія въ поясненіи моемъ. Ни отъ книгъ или слушанія лекцій я получилъ свое вольнодумство.

Какое бы высшее образованіе человѣкъ не получалъ, какое бы всѣ понятія и способности его не получили распространеніе, если къ сему получилъ онъ образованіе души и нравственности, получилъ коренныя познанія о истинѣ, тогда ручаться смѣло можно, что человѣкъ этотъ не впадетъ въ ту бездну, куда увлекаются люди тѣ, которые при образованіи ума имѣютъ недостатокъ въ основательной нравственности, сего оплота необходимаго противъ обуревающихъ насъ пагубныхъ страстей. Тогда образованіе получаетъ двоякое свое значеніе, то есть: познается по направленію ума къ хорошему или худому; вотъ вся тайна, ввергающая человѣка къ цѣли добродѣтель-

ной или порочной. Опасно человѣку, не получившему никакой нравственности, давать книги, заражающія умъ и душу, но сколько сіе опасно, все еще незначительно противъ той опасности, къ коей человѣкъ сей подверженъ, когда онъ впадаетъ въ кругъ людей, кои по внушенію своему тогда вселяютъ въ него все то, что кажется нужнымъ въ употребленіи его къ достиженію цѣли ихъ! Сего то ради внушенія и совращенія дѣлаются грозными въ искорененіи ими добродѣтельнаго и связей общественныхъ.

Тогда уже нечего ожидать отъ того человѣка: при книгахъ и безъ книгъ, при ученіи и безъ ученія онъ все тѣмъ же останется *направленнымъ* человѣкомъ, или способнымъ къ тому.

Тутъ уже, если чему и учился, то дастъ ему свое истолкованіе, а если принимается за ученье, то уже съ предубѣжденіями, и потому уже съ отклоненіями отъ безпрестаннаго сужденія своего! Какія могутъ проистекать истины послѣ сего, съ ними противуположнаго, расположенія ума? И такъ, не столько ученіе, чтеніе книгъ вредны, сколько вредны люди, хотя скажу и при отличнѣйшихъ дарованіяхъ и способностяхъ своихъ, однакожъ при всемъ умѣ не умѣли дать имъ направленія, согласно съ понятіями народа нашего; не умѣли сообразовать виды свои съ духомъ нравственности своей, а болѣе съ нравственностію народною, съ симъ непреоборимымъ, раннимъ или позднимъ, отпоромъ всякаго беззаконія!

Книги образуютъ умъ, но однѣ онѣ не восполняютъ человѣческія страсти, не разжигаютъ человѣка, не совращаютъ человѣка, не увлекаютъ въ отклоненіе его отъ обязанностей гражданскихъ; а что еще болѣе въ нарушеніи всѣхъ добродѣтелей общественныхъ, на коихъ зиждется благо всѣхъ народовъ! Сколько людей среди насъ, не получившихъ того образованія, которые ничего не читали и книгъ новыхъ временъ умомъ своимъ не пробѣгали? Сколько опять людей весьма образованныхъ, не менѣе насъ понимающихъ и Сея и Бентама, не менѣе насъ занимающихся политическими дѣлами, не менѣе насъ понимаютъ, что есть духъ переобразованія! Но почему сіи сами люди не покушались на наши дѣла? Конечно, ропотъ человѣка образованнаго будетъ основательнѣе и убѣдительнѣе человѣка невѣжды, но ропотъ не вводитъ въ беззаконіе! Въ какихъ мы книгахъ нашли убѣжденіе необходимости введенія именно республиканскаго правленія, сего безпримѣрнаго еще образа правленія, относительно къ народонаселенію, духу разноплеменныхъ нашихъ народовъ и обширности государства нашего? Въ какихъ книгахъ почерп-

нули ту неистовую необходимость прибѣгнуть къ тѣмъ умышленнымъ преступленіямъ? Какія лѣтописи народныя могли мы примѣнять къ лѣтописямъ нашего народа? Какія преобразованія правленія государства могли мы примѣнять къ переобразованію правленія нашего государства, чтобы убѣдиться въ необходимости подражательной? Нѣтъ, все цѣло наше,—есть наше, имѣющее отпечатокъ совершенно отличительный отъ всѣхъ прочихъ, могущихъ входить въ сравненіе съ нашимъ! Ужели, читая какого нибудь Вордена, могли мы отъ него заимствовать убѣжденіе и въ Россіи ввести республику, подобную той, о которой онъ говоритъ? Соединеннымъ истинамъ многосложность служитъ силой и оплотомъ; мы сего избѣгали, опасаясь, чтобы введеніемъ федеральнаго правленія государство наше не распалось на части.

Тамъ жителей девять милліоновъ, у насъ сорокъ. Тамъ переселенцы Англіи, у насъ Россіяне. Сравнить ли средства ихъ преобразованія съ нашимъ мнимымъ? Тамъ месть направлена была къ врагамъ внѣшнимъ, а мы враговъ искали среди насъ. Тамъ отвращали зло,—мы его призывали; тамъ зло добродѣтелями искупали,—мы зло—злодѣяніями манили! Гдѣ сообразность, гдѣ сравненіе? Конечно, изъ книгъ почерпнули всѣ уложенія, судъ присяжныхъ и тому подобное; но мысли о возстаніи, рѣшимость, отважнось, вотъ это какъ показать, истолковать, какъ не тѣмъ, что все это возъимѣло свое начало не отъ книгъ, но въ сердцахъ нашихъ среди всѣхъ страстей ихъ обуревающихъ! Вотъ гнѣзда, гдѣ гнѣздились всѣ замыслы, откуда они нисходили съ пожирающимъ ихъ пламенемъ!

Изложивъ сіи мысли, я думалъ нужнымъ пояснить откровенно, что не столько чтеніе книгъ и образованіе ума вводятъ человѣка въ ложныя заключенія и черезъ то часто въ неправедное избираніе цѣли своей жизни, сколько худое направленіе ума, сколько способствуетъ сему болѣе внушеніе и частымъ обращеніемъ съ людьми нашихъ прежнихъ свойствъ; по направленіи ихъ человѣкъ дѣлается слѣпымъ орудіемъ ихъ воли. На то есть средства,—средство прибѣгнуть къ возбужденію страстей, страстьми возбуждаются страсти, и какъ бы человѣкъ не былъ свѣдущъ и образованъ, но если за сію тонкую струну взяться его нельзя, то есть: если нравственность его тверда, получила непоколебимое основаніе и вкоренилась въ немъ, то ручаюсь, что никакія обольщенія ни ума, ни книгъ не совратятъ его! Къ сему недостатку я приписываю всѣ бѣдствія не токмо наши, но и всѣ человѣческія! Вообще молодые люди получа-

ютъ воспитаніе ученое, твердятъ суесловно на разныхъ языкахъ; положимъ, образованіе ума хорошо получаютъ, но образованіе души, свойства ея, исправленіе воли, обуздываніе страстей нашихъ дѣлается второстепеннымъ и даже, скажу, и вовсе небрежнымъ предметомъ для наставниковъ юношества въ преподоваемомъ ими воспитаніи. Нерѣдко сіи самыя мысли мнѣ приходили на умъ и, вѣроятно, не мнѣ одному. Но мысли подобно моимъ, разъ уже вкравшіяся и вкоренившіяся, не мыслями изгоняются, а необходимымъ какимъ нибудь переломомъ въ жизни, гдѣ уже зло не умственное, а положительное познаніе дѣлается для человѣка!

---

2. Письмо къ ген.-ад. Левашеву.

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь!

Высочайше учрежденный Тайной Комитетъ въ послѣднихъ допросахъ требовалъ отъ меня поясненія съ возможною точностію о нижеслѣдующемъ: Когда было принято мѣрой покушеніе на жизнь всей Царской Фамиліи, кѣмъ оно было предложено, кто присутствовалъ, мнѣніе каждого изъ членовъ, при семъ находящихся, и какимъ образомъ сія мѣра содѣлалась общею для всѣхъ?

Хотя я на сіе отвѣчалъ Высочайшему Комитету со всею искренностью, сказалъ, сколько я всегда былъ въ семъ мнѣніи, однакожъ не вмѣстилъ подробностей, могущихъ дать и истинное понятіе о себѣ и о тѣхъ, кои, управляя Обществомъ, давали ему и направленіе. Не могъ также дать поясненіе о настоящемъ времени предложенія сей мѣры, — ибо, поступивъ съ 1823 года въ Общество, республиканское правленіе было принято до того времени цѣлью нераздѣльной Южной Управой. Вѣроятно, предложившій республику предложилъ и мѣру для безопасности своей! Такъ не устрашусь безвинно, можетъ быть, уличить въ томъ Пестеля, когда все нижеслѣдующее меня въ томъ убѣждаетъ. Но такъ, какъ я всегда сильно поддерживалъ и говорилъ о семъ мнѣніи, то не могу иначе приступить къ сему, какъ съ обвиненія, начавъ съ самого себя. Такъ, пусть я ошибался во мнѣніи Общества, что я по всѣмъ, хотя довольно яснымъ доказательствамъ, ложно толковалъ ихъ самъ себѣ, и что *одинъ я*, увлеченный собственнымъ своимъ убѣжденіемъ въ необходимости сей ужасной мѣры, предположилъ цѣлью своею; пусть я

убѣждался въ ней, не скрывалъ ея, говорилъ, твердилъ, сколько они отвратить могущія возродиться покушенія въ пользу одного изъ членовъ, какъ одного пола такъ и другого Царской Фамиліи, и тѣмъ отвратить междоусобія, могущія раздирать отечество мое; но я говорилъ, не скрывалъ устами, тая сіе въ сердцѣ говорилъ, и признаюсь, и каюсь, и получу возмездіе мое! Но да не утаятся тѣ первые, кои теперь хотятъ быть послѣдними, или наравно съ другими, тѣ внушители, кои хотятъ теперь казаться внушенными; сіи, тѣ самые, кои не говоря сами лично покушаться на убійство, столь искустно убійству научали! Нѣтъ, не себя я въ семъ оправдываю, и не усугубить желаю я тѣмъ участь ихъ, но да воздается каждому по его дѣламъ, и преступленіе да возымѣетъ свою степень! И такъ, я сіе говорилъ, говорилъ и неоднократно, но кому? Вамъ, Пестель, вамъ Муравьевъ, вамъ Бестужевъ, достаточно сего! приступлю къ разбору сего дѣла съ самыми основательными истиннами.

Мѣрой, въ чемъ я послѣ удостовѣрился, и было послѣ мнѣ объявлено, было принято—скрывать вообще лица Главной Управы, пребываніе ея и цѣль настоящего, дабы тѣмъ въ случаѣ открытія, она была послѣднею; цѣль вовсе не открывать, дабы тѣмъ не изумить и отвратить, а мало по малу вводить въ сіе беззаконіе. Пусть я поступилъ въ Общество съ моими вышеупомянутыми понятіями, не себя преступнаго хочу щадить я симъ; но вотъ уже и не мое. Въ маѣ мѣсяцѣ 1823 года прибылъ сюда кн. Барятинской. Онъ вручилъ мнѣ письмо отъ Давыдова, по коему я увидѣлъ, что податель оного членъ и потому долженъ былъ открыться ему. Онъ спросилъ меня о дѣлахъ здѣшняго Общества, я ему сказалъ на сіе, что я былъ принятъ, строго не имѣлъ права сообщаться, ни принимать и что сношенія мои съ однимъ Никитой Муравьевымъ, съ которымъ однако мы рѣдко видимся и о семъ сносимся. „Я его видѣлъ,—мнѣ говоритъ Барятинской,—съѣзди, пожалуста, къ нему, и узнай, что онъ думаетъ о письмѣ Пестеля и на что хочетъ рѣшиться“.

Хотя я многіи сіи обстоятельства и пояснилъ Высочайшему Комитету, но повторяю Вашему Превосходительству, дабы не прервать нить всѣхъ заключеній. Муравьевъ мнѣ сталъ читать письмо, заключающее убѣдительные самые допросы о успѣхѣ Общества, о числѣ членовъ, и силѣ войска, къ цѣли склоннаго; можетъ ли отвѣчать за преданность членовъ и силы ихъ,—однимъ словомъ, чтобъ пояснилъ, когда онъ думаетъ быть достаточно сильнымъ, чтобы быть готовымъ къ возстанію по первому требованію его, говоря: „Les demi-

mesures ne valent rien; ici nous voulons avoir maison nette". На ето мнѣ Муравьевъ говоритъ: „Вить они, Богъ вѣсть, что затѣяли, они всѣхъ хотятъ". Послѣ сего мы имѣли свиданіе въ Лѣтнемъ саду, гдѣ князь Барятинской говоритъ Муравьеву, что онъ присланъ для того, чтобъ имѣть рѣшительной отвѣтъ, на что онъ рѣшится. Муравьевъ ему говорить, что молодые люди не къ тому склонны. „Впрочемъ, nous commencerons absolument par la propagande". Не знаю, что писалъ Муравьевъ Пестелю, я же отвѣчалъ Давыдову, обѣщая ему все возможное мое содѣйствіе. Послѣ сего Барятинской принялъ Ватковскаго говоря: „c'est un bon bras et c'est ce qu'il nous faut". А я говорилъ: „Муравьевъ ищетъ все толкователей Бентама, а намъ дѣйствовать не перьями"! Такъ Барятинской и уѣхалъ.

Спустя нѣсколько времяни, мы выступили въ лагерь; тамъ я имѣлъ частыя свиданія на бумажной фабрикѣ съ Муравьевымъ; толку было много, а дѣла къ щастью мало: ни онъ, ни я, никого не принимали. Однажды онъ мнѣ вручилъ листъ литографированный—то было изложеніе общее правилъ Союза Благоденствія. Просилъ меня извлечь удобнѣйшее, и присовокупить новыя опредѣленія наши на щетъ пріемовъ членовъ. Въ иныхъ измѣненіяхъ было и то, что членъ не можетъ принять кого либо безъ увѣдомленія въ томъ управы и соизволенія ея на то. Была назначена одна главная управа и семь постороннихъ—цѣль глухо изложена, введеніе представительнаго правленія и что при возстаніи (какъ сіе было сказано все слѣдующее въ листѣ) всѣ должны соединиться подъ знамена свободы; и что предатель отдается на месть всего союза и внесется имя его въ черную книгу и прочее, но вкратцѣ.

Послѣ пришествія изъ лагеря, Ватковскій говорилъ мнѣ, что дѣлаетъ Муравьевъ, что князья Бѣлосельскій и Щербатовъ, бывшій адъютантомъ генерала Уварова, смѣются надъ Муравьевымъ, говоря, что онъ много имъ открылъ, не принявши ихъ, что они часто говорятъ о Обществѣ; я сіе сказалъ Муравьеву, упрекнулъ его въ неосторожности и въ его полумѣрахъ и что, открываясь такимъ образомъ, онъ обнаруживаетъ не только себя, но и всѣхъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ получилъ я записку отъ Муравьева, гдѣ онъ меня приглашаетъ пріѣхать къ Пущину въ 10 часовъ вечера, куды я прибылъ. Здѣсь были: Матвѣй Муравьевъ, Тургеньевъ, Брыгинъ, Нарышкинъ, Оболенскій, Пущинъ, Митьковъ. Я читалъ имъ правила, мной извлеченныи (сіе я показалъ прежде), на что Тургеньевъ сказалъ: ето почти тожъ, что и Благоденствіе. Тутъ приступили къ избранію.

Пало на Тургеньева, онъ отказался, говоря, что занятія его ему сіе не позволяютъ, что ужъ столь былъ неудаченъ въ правленіи, что не хочетъ болѣе того, но что отъ Общества не отклоняется. Избраны были Никита Муравьевъ, Оболенской и кн. Трубецкой, здѣсь не находившійся. Всякой наименовалъ членовъ къ принятію. Я назвалъ Валерьяна Голицына, Пущинъ—Рылѣева, говоря что съ нимъ присоединится какое то морское общество, коего Рылѣевъ членъ; всѣ ето одобрили. Сужденій о цѣли Общества не было. Должны были заняться работами. Тургеньевъ взялся писать о судѣ присяжномъ.

Послѣ сего я былъ до отъѣзда моего въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ Матвѣемъ Муравьевымъ и Оболенскимъ. Матвѣй Муравьевъ былъ здѣсь имянно для водворенія республиканскаго правленія, изложеннаго Пестелемъ; здѣсь онъ мнѣ говорилъ, какъ страшатся тутъ Пестеля, какъ желающаго будто присвоить власть къ себѣ, но что онъ увѣренъ въ немъ и не полагаетъ таковымъ. Тутъ онъ мнѣ изложилъ подробно планъ весь Пестеля и, говоря однажды о совершеніи умышленнаго преступленія: Пестель хотѣлъ составить изъ отважныхъ людей une garde perdue, la confier a'Loemis et faire moins basse surtout; говоря о семъ, c'est bien là un honneur à le faire,—но его нѣтъ и сношенія наши съ нимъ какъ то прервались. „Мое же мнѣніе,—говорилъ мнѣ,—сіе произвести заговорами отдѣльными отъ Общества, чтобы отвратить сіе преступленіе отъ него“. Преступленіе было—покушеніе на всѣхъ особъ Царской Фамиліи. Я оправдывалъ сіе. Помню, что до етого, пріѣхавъ разъ къ нему и, возвѣстя ему о смерти Ріего, говорю: „погибъ человѣкъ, хотя тотъ самой, которой уничтожилъ инквизицію, пытки, избавилъ много заточенныхъ тѣхъ самихъ, провозгласившихъ въ 1809 году конституцію, проливши кровь свою для избавленія ея, отечество свое отъ ига Наполеона; та самая конституція, которую государь нашъ призналъ настоящею въ 1812 году въ Великолуцкомъ трактатѣ съ Испаніей и которую однакожъ теперь разрушили какъ беззаконную, говоря: что политика государя нашего, прежде движимая избавленіями народовъ, теперь обратилась на подавленіе ихъ. Матвѣй Муравьевъ мнѣ говорилъ: „Ріего самъ виноватъ, долженъ былъ основать республику и никакъ не вѣрить присягѣ тирана“. Говорю Вашему Превосходительству о семъ, чтобъ пояснить отчасти тѣ мысли мои и другихъ подобныхъ, кои по нещастію меня убѣждали въ той цѣли, о которой я говорю. Не дивитесь тому, какимъ образомъ уподобляли мы Россію Испаніи, не имѣя ни инквизиціи, ни тѣхъ пытокъ, словомъ ни тѣхъ

гоненій; но мы въ умышленіяхъ нашихъ отвергали сіе, предвидя въ будущемъ сіе. Вотъ какъ себя губили въ настоящемъ!

Я видѣлся разъ съ Митьковымъ. Послѣ сего губя, ясно видѣлъ, что покушеніе на жизнь всей Царской Фамиліи было принято Южнымъ Обществомъ. Сіе было у Оболенскаго. Говоря между прочимъ, Митьковъ меня спросилъ: „Какое ваше мнѣніе на щетъ мѣры къ приступленію дѣйствія, цѣли?“ Я ему говорю:—„Покушеніемъ на жизнь Царской всей Фамиліи“.—„Я также того мнѣнія, мнѣ говоритъ, до корня“. Валерьянъ Голицынъ, тутъ бывшій, говорилъ тоже. Оболенскій занятъ былъ и не былъ при семъ разговорѣ. Сей неоднократно говорилъ на вопросы мои и Матвѣй Муравьевъ, что Никита Муравьевъ медлитъ дѣло, что онъ Оболенской не довольно опытенъ и можетъ быть и неосторожность не должна быть въ управѣ, что они ничего не дѣлаютъ. Тогда, отъѣзжая изъ Петербурга, мнѣ Матвѣй Муравьевъ при другихъ сказалъ, что Никита Муравьевъ все дѣло останавливаетъ, что его должно смѣнить, что я и обѣщался. Передъ выѣздомъ моимъ, мы съѣхались къ Митькову. Между прочими былъ здѣсь и Рылѣевъ; я въ немъ видѣлъ человѣка, исполненнаго рѣшимости. Здѣсь онъ говорилъ о намѣреніи его писать какой то катехизисъ свободного человѣка, знаю весьма преступнаго, и о мѣрахъ дѣйствовать на умъ народа, какъ то: сочиненіями пѣсень, пародіями существующихъ нынѣ, на подобіе „Боже спаси Царя“ Пушкинымъ, парадировали и пѣснь „Скучно мнѣ на чужой сторонѣ“. Здѣсь говорилъ Рылѣевъ о морскихъ офицерахъ и не помню точно, что предложено было на щетъ царской фамиліи. Отправившись изъ Петербурга въ началѣ декабря, я былъ на пути задержанъ болѣзнію и потому опоздалъ къ контрактамъ въ Кіевъ. Имѣлъ бумаги къ Пестелю отъ Никиты Муравьева. Между тѣмъ были здѣсь Давыдовъ и Волконскій и поспѣли на контракты прежде меня.

Въ 1824 году съѣхались Пестель, Юшневскій, Сергѣй Муравьевъ, Бестужевъ, Давыдовъ и Волконскій. Что было ихъ толками, сужденіями, не знаю довольно; но пріѣхавъ 26-го числа генваря, Пестеля уже тамъ не засталъ. Тутъ Пестель былъ увѣдомленъ Давыдовымъ обо всемъ, что въ Петербургѣ творилось и потому, вѣроятно, сужденій много было. Давыдовъ меня встрѣтилъ, говоря, что въ Петербургѣ новаго—морское общество присоединилось къ нашему, что дѣла тамъ пошли съ успѣхомъ. Я говорю: „Имѣю противное; хотя вы и послѣ меня были, но поясню вамъ тамошніи

препятствіи". Юшневскому я долженъ былъ сказать все мнѣ сказанное Матвѣемъ Муравьевымъ и говорилъ, сколько необходимо смѣнить Никиту Муравьева. Спросилъ также, какая цѣль Общества? Я говорю, что мнѣніе раздѣлено, что иные хотятъ республику съ покушеніемъ на жизнь всей Царской Фамиліи и что другіе, какъ мнѣ говорилъ Матвѣй Муравьевъ, отвергнули республику. Не помню довольно, что тутъ говорено было. Юшневскій уѣхалъ скоро, Сергѣй Муравьевъ мнѣ говоритъ: „Ce que Vous dites sur l'opinion de toute la famille est horible, il suffirait de la mort d'un seul". Я говорю: „Лично до меня, вотъ мнѣніе мое": излагая мои всѣ вышеупомянутые причины, говоря все, что сіе совершить должно въ отвращеніе раздоровъ внутреннихъ. „Но скажите мнѣ, говорю ему, какимъ образомъ, вы, столь вліятельной членъ Общества, противникъ сему мнѣнію Южнаго Общества?" Онъ мнѣ на сіе сказалъ: „Мнѣніе мое и Бестужева ничего не значутъ. Я знаю, что не остановлю тѣмъ цѣль прочихъ".

Но разсуждаю о семъ, такъ скажу и то, что, можетъ былъ, онъ въ семъ и чистосердеченъ,—но узнавъ послѣ, что въ одно и тоже время, когда они сіе говорили, уже требовали изведенія цесаревича Константина Павловича, я ни чему не вѣрю имъ послѣ сего двулличества:—такъ они всегда сію мѣру употребляли, какъ будто чуждаясь преступленія, а между тѣмъ втайнѣ умышляли оныя, и тѣмъ такъ искусно умѣли другихъ къ тому наставлять, устороняя себя самихъ отъ оныхъ! Но вотъ пружина сей мысли Муравьева. Сей хотѣлъ непремѣнно дѣйствія, чему всегда противился Пестель. Можно сіе изъ того видѣть, что предложенія на сіе всегда были отъ Муравьева. Сей, видя, что совершеніе всего преступленія не можетъ иначе совершиться, какъ въ Петербургѣ, что по слыханному надежды на то мало и потому замедлится дѣйствіе, былъ противенъ тому, хотѣлъ всегда быть первой въ началѣ возстанія и нанесенія de ce grand coup de lumière, какъ онъ говорилъ. Пестель, зная *очень*, весьма, болѣе всякаго, ибо болѣе всякаго имѣлъ въ томъ свои виды, что изведеніе одного не достаточно, чтобъ водружить цѣль его, и что вѣроятно наслѣдникъ трона не устрашится имяни его, или Муравьева и довольно будетъ всегда могущественъ, чтобъ ниспровергнуть ихъ, располагалъ сіе иначе и потому всегда тому сопротивлялся, или соглашался на то, чтобъ въ тоже время былъ нанесенъ ударъ въ Петербургѣ; для чего онъ думалъ употребить Матвѣя Муравьева. Вотъ что я зналъ о семъ въ началѣ 24 года.

Въ томъ же году до сентября мѣсяца былъ я въ полку и ни кого къ тому не склонялъ,—признаюсь видѣлъ людей вблизи, видѣлъ самоуправіе большое, словомъ не было во мнѣ того прежняго содѣйствія. Пестель о семъ слышалъ, и наконецъ столкнулся я съ человѣкомъ тѣмъ, славой котораго всѣ уши мои были полны. Я столько зналъ, столько слышалъ, что онъ уже не могъ меня удивить ни умомъ, ни умышленіями, ничѣмъ. Хотя онъ и зналъ, что я кое что читалъ и понималъ, хотя и зналъ рѣшимость моихъ мыслей, ибо до того еще спрашивалъ у Давыдова: „не нужно ли Поджіо пошпорить?“ (Такъ онъ называлъ средство для доведенія къ тому людей вялыхъ, осторожныхъ и страшащихся преступленій). Хотя Давыдовъ ему и сказалъ, что сего не нужно, однакожъ по обыкновенію своему испытывать, оспаривать человѣка, даже въ томъ, въ чемъ онъ былъ самъ убѣжденъ, дабы чрезъ то усмотрѣть способности всякого и твердость во мнѣніи, онъ счелъ за нужное начать со мной съ азбуки и въ политикѣ и преступленіи и дѣйствіи.

Вотъ три предмета, кои были имъ употреблены для испытанія моего. Началъ отъ Немрода, подробно медленно переходилъ черезъ всѣ измѣненія правленій, понятій народовъ о нихъ; коснулся къ временамъ свободы Греціи, Рима, говоря сколь мало она понятна была, не имѣя представительства своего; пронесся быстро мимо варварскихъ вѣковъ среднихъ временъ, поглотившихъ свободу и просвѣщеніе; пріостановился на революціи французской, не упуская изъ виду нерѣшимость оной цѣли, непрочность въ достиженіи ея и основаніи, и наконецъ палъ на Россію. Тутъ онъ направилъ на нее всѣ свои ядовитыя стрѣлы, сталъ говорить о монархическомъ правленіи, сколь оно несогласно съ представительнымъ, какъ сила одного разрушаетъ силу другого, сколь онѣ въ существѣ своемъ разнородны и несовмѣстны, сколь при такомъ родѣ правленія не возможно установленія прочной системы равновѣсій властей, противуборство однихъ съ другими, сколь наслѣдствіе престола по первородству противно цѣли всякого благоустроеннаго государства: какъ предполагать тѣхъ нужныхъ свойствъ въ первородцѣ для управленія государства; коснулся къ избирательному на царствіе правленію, не упустивъ всѣхъ пагубныхъ послѣдствій его въ возрожденіи междоусобій и внутреннихъ раздоровъ и, наконецъ, ввелъ меня въ свою республику, имъ предположенной и основанной на народномъ представительствѣ. На все сіе спрашивалъ мое мнѣніе.

Я ему отвѣчалъ убѣжденіемъ моимъ и примолвилъ, что „сіе вы почерпнули у Тестю де Траси, и его разборъ о духѣ законовъ

Монтескье, весьма искустно превратили въ систему, математически изложенную, добавивъ, что я во всемъ согласенъ, что нахожу, что предшественники наши въ преобразованіи государствъ были на ето, какъ ученики еще, что наука сія была въ дѣтствѣ и наконецъ прійметь свои положительныя и неизмѣнныя правила. На семъ кончилось испытаніе мое въ свѣдѣніяхъ моихъ политическихъ и согласія моего на введеніе сего рода правленія въ Россіи. Здѣсь говоря ему о фактѣ, онъ меня убѣдилъ принять его, что я сей часъ же и сдѣлалъ. Сей до того отличнѣйшій офицеръ никогда не имѣлъ ни понятій, ни наклонностей, и я первый (терзаюсь симъ) совратилъ его съ пути! На другой день пріѣхавъ къ нему, нужно было сдѣлать испытаніе надъ склонностями моими въ преступленіи, ибо безъ сего нельзя было приступить къ дѣйствію, какъ послѣдній предметъ. Здѣсь начался разговоръ, скажу--между двумя ужаснѣйшими въ умышленіяхъ человѣками, стремящимися къ одной цѣли, но каждой, движимой побужденіями разными, одинъ свирѣпѣлъ къ пользѣ всѣхъ и своей, другой кипѣлъ единственно для пользы всѣхъ и даже гибелью своей! Такъ я мыслилъ. Приступили къ заговору о совершеніи невѣроятнаго покушенія даже въ исполненіи.

— Давайте,—мнѣ говоритъ,—щитать жертвы, и руку свою сжалъ, чтобъ производить щетъ ужасной сей по пальцамъ.

Видя Пестеля передъ собой, я сталъ называть, а онъ считать; дойдя до женского пола, онъ остановилъ меня, говоря:

— Знаете ли, что ето дѣло ужасное.

— Я не менѣе васъ въ томъ увѣренъ.

Но тутъ уже я видѣлъ, что онъ хотѣлъ мнѣ дать усмотрѣть, что я безчеловѣчнѣе его: признаюсь, мнѣ сіе больно было, не менѣе и теперь еще; но прерву сіе приношеніями: слава Богу моему, коего не взывалъ тогда, но коего дерзну возвать теперь: „Сниди, Господи, въ душу ты мою и воззри въ ея преступную, ужели къ терзаніямъ моимъ присоединить и тѣ, что я къ сему... кого? Пестеля склонилъ!... Но вотъ послѣдуетъ и земное утѣшеніе для меня: я говорилъ, но еще не паучалъ. Сейчасъ же послѣ сего опять та же рука стала предо мной и ужасное число было тринадцать! Наконецъ остановившись, онъ, видя мое молчаніе, говоритъ такъ:

— По етому и конца не будетъ; ибо также должно будетъ покуситься и на особъ фамиліи, въ иностранныхъ краяхъ находящихся.

— Да,—я говорю,—тогда точно уже конца ужасу сему не будетъ, ибо у всѣхъ великихъ княгинь есть и дѣти, говоря, что для

сего провозгласить достаточно отрѣшенія отъ всякаго наслѣдствія, добавивъ впрочемъ: кто захочетъ столь окровавленнаго престола!

Вслѣдъ за симъ онъ мнѣ говоритъ:

— Я препоручилъ уже Барятинскому приготовить мнѣ двѣнадцать человѣкъ, рѣшительныхъ для сего!

Довольно мнѣ было сего, чтобъ видѣть, что до меня сіе было уже принято; сообразивъ число сіе и изведеніе цесаревича Константина Павловича Польскимъ Обществомъ, не усумнился, что число уже было жертвъ щитано. Такъ, я говорилъ о семъ, щиталъ ужасно; но были такіе, которые даже меня превзошли, приготовивъ людей къ тому! Прибавлю къ сему слова: maison nette, et la main basse sur tout и достаточно, чтобъ не укорить себя еще и въ томъ преступленіи, что я ихъ всѣхъ къ тому склонилъ. Впрочемъ, равно преступенъ! Конецъ сему неистовому разговору,—но да и не будетъ ему конца въ терзаніяхъ нашихъ!

Теперь приступлю къ дѣйствію и покажу, сколько властолюбіе было въ немъ господствующею мыслей, и сколько тотъ, который мечталъ о той славѣ, долженъ былъ и думать о мѣрахъ бесопасности своей.

— Хотѣлось бы мнѣ,– говоритъ,—узнать отъ васъ мнѣніе о лицахъ, долженствующихъ вступить въ управленіе новаго порядка. Вы знаете, что должно быть установлено времянное правленіе, кого вы полагаете способнымъ къ сему?

Я говорю: „Безсомнѣнно вы, которой сооружали, должны и основать сіе“,—зная приверженность всѣхъ къ нему, зная весьма, что превосходство его надъ всѣми всегда проложитъ ему сію стезю къ управленію. Говоритъ однакожъ мнѣ:—„Я не хочу быть уличенъ въ личныхъ видахъ, къ тому же у меня имя не русское; все ето не ладно“. (Пестель говоритъ о вліяніи имяни). Я ему говорю, что знаю очень, что упрекаютъ васъ въ честолюбивыхъ видахъ; „впрочемъ вамъ предстоитъ слава Вашингтона, вы можете, какъ онъ, сейчасъ же удалиться къ числу частныхъ гражданъ послѣ водворенія законного правленія,—вѣдь я полагаю, что Времянное Правленіе не продлится болѣе году, а много—много два“. На сіе онъ мнѣ возразилъ: „О, нѣтъ, не менѣе десяти лѣтъ,—раздѣленіе земель одно возметъ много времени“. Тогда я ему сказалъ, что коль скоро такъ, то безсомнѣнно многіе устрашатся сего продолжительнаго времяни господства.—На ето мнѣ сказалъ:

— Чтожъ дѣлать! А впрочемъ, между тѣмъ, можно будетъ обратить вниманіе общее на внѣшнюю какую нибудь мѣру, какъ то:

объявить войну Портѣ и возстановить Восточную республику въ пользу грековъ; такимъ образомъ явимся на поприще политическое съ самими благонадежнѣйшими видами для прочихъ народовъ Европы.

Здѣсь я усмотрѣлъ, сколько слава оружія даже входила въ его мысли, и говорю ему:

— Я совсѣмъ противнаго тому мнѣнія, и какъ не желаю освобожденія Грековъ и прочихъ народовъ, однакожъ не забываю и Россію и въ такое время нельзя ее уподобить Римской республикѣ, гдѣ народъ заключался въ одномъ градѣ, и что въ случаяхъ несгоды и раздоровъ отклоняли его отъ внутренного вліянія къ внѣшнему, объявляя войну;—говорилъ, что мы уклоняемся отъ цѣли нашей; что, напротивъ, должны всячески обращать вниманіе народа на новое устройство внутреннее, дабы тѣмъ самимъ довѣренность его получить къ новому преобразованію. На семъ сіе и кончилось. Я предложилъ Орлова и Митькова. Онъ говорилъ о первомъ, что онъ слабъ и не столь рѣшителенъ, сколько человѣкъ доженъ быть, возведенный на сіе мѣсто. Говорили о министерствахъ. Здѣсь довольно щедро дарили клевретовъ своихъ мѣстами, однакожъ многихъ и не принадлежащихъ Обществу называли.

— Что касается до васъ, то вы въ случаѣ дѣйствія присоединитесь къ Волконскому и Давыдову, которой будетъ вами начальствовать. Самъ же я поѣду въ Петербургъ, взявъ Барятинскаго съ собой.

Сталъ мнѣ говорить, что все что то ему не благопріятствуетъ; что Матвѣй Муравьевъ пріѣхалъ изъ Петербурга, живетъ у себя въ деревнѣ, и, по словамъ Лорера, замѣчаетъ въ немъ къ нему холодность,—что думаетъ, что ето все дѣло Сергѣя Муравьева, который хочетъ вовсе отклониться, враждуя на него, Давыдова и прочихъ его друзей. Я ему говорилъ, что сіе не можетъ быть, что Матвѣй Муравьевъ ему предался, что когда васъ Петербургѣ укоряли въ честолюбіи, онъ сказалъ: „такому честолюбію я всегда буду ступенью первой“. А я говорилъ, что послѣ такого примѣра трудно покушатся на власть и что естьлибы я замѣтилъ сіе въ комъ нибудь, то первой того предалъ мести“.

— Конечно,—мнѣ говоритъ,—впрочемъ естьли я одинъ останавливаю все дѣло, то я удалюсь.

— Сего я, —ему говорю,—вы не должны и думать, естли точно и имѣете, въ чемъ себя упрекать на щетъ сего обвиненія.

— Впрочемъ я поѣду въ Петербургъ и все увижу своими глазами.

Я тутъ совѣтовалъ ему смѣнить Муравьева Никиту. Тогда жъ мнѣ говорилъ, что можетъ быть цесаревичъ Константинъ Павловичъ будетъ изведенъ и что естьли дворъ императорской переселится въ Москву, то сіе тамъ совершится дѣйствіе. Просилъ меня, сколько могу travailler Майбороду, Лорера и Старосельскаго. Майборода казался ему весьма преданнымъ. Я обѣщался въ пути моемъ черезъ Орелъ узнать, нѣтъ ли негодованій и естьли можно основать что,—онъ говоритъ: „ето будетъ Восточная управа и вы будете ею управлять". Общество тайное не должно было уничтожится и, какъ я говорилъ, усиваться еще болѣе донельзя и навсегда. Тутъ также мнѣ сказалъ:

— Когда я кончу всѣ сіи дѣла, то что вы думаете я намѣренъ сдѣлать?

— Не могу знать,—говорю.

— Никакъ не отгадаете:—удалюсь въ Кіево-Печерскую лавру я сдѣлаюсъ схимникомъ!

— Ето что за мысль?

— Тогда я возьмусь за вѣру,—мнѣ говоритъ.

Но на щетъ етого мы не говорили. Я ему говорилъ, что онъ не долженъ удаляться, а быть всегдашней стражей того дѣла, которое онъ основалъ; такимъ образомъ разстался я съ симъ человѣкомь, какъ будто бы чтобъ уже болѣе не встрѣчаться съ тою же ужаснѣйшею довѣренностью другъ къ другу. Около трехъ мѣсяцевъ я находился въ отсутствіи мимоѣздомъ черезъ Орелъ ни съ кѣмъ не видался и потому ничего не дѣлалъ. Пріѣхавъ домой, подалъ въ отставку,—признаюсь, что при разборѣ всѣхъ личныхъ видовъ многихъ и даже мое собственное къ тому уже не то рвеніе къ тому меня понудили,—всѣ не желали сего, особенно Волконскій, Давыдовъ.

Пріѣхавъ на контракты въ 1825 году, были тамъ Пестель и Барятинскій, —хотя насъ много было, однакожъ все пошло къ разладію: не было того единодушія, того прежняго единства. Муравьевъ и Бестужевъ не пріѣзжали въ Кіевъ по запрещенію корпуснымъ ихъ командиромъ. Лихаревы братья были посватаны. Я имѣлъ также свои развлеченія, у Давыдова—дѣла, Волконского- свадьба,—словомъ все ето приводило Пестеля въ негодованіе и онъ мнѣ говорилъ: „Вы все всѣ другимъ заняты, никогда времяни не имѣете говорить о дѣлахъ".

Я видѣлъ его холодность ко мнѣ, онъ замѣчалъ, я думаю также и мою, и особенно нападалъ за то, что выхожу въ отставку. Тогда онъ мнѣ сказалъ, что республиканское правленіе принято и вообще всѣ мѣры въ Петербургѣ.

— Я имѣлъ,—говоритъ мнѣ,—много сопротивленія, но хлопнулъ рукой разъ по столу и сказалъ: „такъ будетъ республика!“ И я ушелъ въ томъ, что они на то согласны.

Тогда пріѣхалъ въ Кіевъ какой то князь Яблоновскій (о коемъ я показалъ). Пестель уже лично имѣлъ съ нимъ сношенія, но подробностей никакихъ мнѣ не сообщалъ, говоря: „все хорошо, они ужасно сильны и только и требуютъ, чтобъ мы начали, а ужъ они обѣщаютъ свое обѣщанное содѣйствіе“. Послѣ того разговора, ни о чемъ другомъ не было, какъ о отклоненіи Муравьева. Пестелю ето изъ головы не выходило и, какъ онъ не властвовалъ, какъ онъ однажды Бестужева, разъ пріѣхавшего въ Кіевъ, и настращалъ (за его всѣ, такъ сказать, безумныя мысли, какъ между прочимъ и то, что хотѣлъ начальствовать всей кавалеріей и такъ вступить въ Москву), однакожъ Муравьева опасался, ибо видѣлъ, не признавая того, что сила вся была у него: онъ имѣлъ Швейковскаго, Тизенгаузена, Муравьева, капитана одного, Вашимъ Превосходительствомъ вчера упомянутаго, и коего я забылъ; тогда когда у Пестеля ни кого не было кромѣ Волконскаго,—о семъ я думаю ни я одинъ сказалъ,—способенъ ли онъ былъ къ тому,—опасался Пестель брата Муравьева, имѣющего всѣ связи въ Петербургѣ; я его утѣшалъ и говорилъ: „не безпокойтесь! Какъ Муравьевъ не отваженъ, однакожъ удары въ воду не даетъ“.

Тутъ говорили о его проектѣ дѣйствовать при собраніи корпусовъ. Пестель, чтобъ не охлаждать, какъ останавливающій дѣйствіе, говорилъ:

— Есть много хорошого и удобного въ семъ началѣ, однакожъ не вѣрно.

Я его спросилъ:

— Чтожъ въ Петербургѣ будете?

— А туды для сего поѣдитъ Матвѣй Муравьевъ и также предположенное совершитъ.

Тутъ Давыдовъ сказалъ:

— Поджіо, мнѣніе всѣхъ, признаюсь и я того.

Такъ Пестель тутъ говоритъ, улыбаясь:

— О, да Поджіо ужасной человѣкъ!

Я думаю сіи слова ему помятны и онъ вѣрно помнитъ, что онъ хотѣлъ тѣмъ сказать. При семъ былъ и Борятинскій. Я говорилъ, что мое мнѣніе здѣсь ни на что не покушается. Словомъ, хотя Пестель болѣе всякого сіе въ своемъ умѣ положилъ, однакожъ такъ и положено было, что онъ не согласится на то требованіе Муравьева. Впрочемъ, и сіе самое Пестеля рѣшеніе довольно странно, ибо его владычество какое было надъ Муравьевымъ? Мнимое, ибо какъ мнѣ самъ послѣ Муравьевъ и говорилъ: „Жаль, что ты ѣдишь на Кавказъ, лѣтомъ можетъ быть что нибудъ да сдѣлаемъ".

Когда я ему говорилъ на щетъ Петербурга, онъ мнѣ сказалъ, что его, т. е. петербурскіе, дурныя и безуспѣшныя дѣла не остановятъ,—что здѣсь даже и на югѣ никто ничего не дѣлаетъ; упрекалъ всѣхъ въ бездѣйствіи и говорилъ онъ, что „естьлибы я, Поджіо, былъ въ Петербургѣ, то вѣрно тамъ бы дѣло шло бы"; впрочемъ все равно, онъ тѣмъ болѣе убѣждается въ рѣшимости своей, говоря: „La masse n'est rien, elle ne sera que ce que voudront les individus qui sont tout". Вообще я видѣлъ въ немъ непоколебимую рѣшимость дѣйствовать вопреки всего. Матвѣй Муравьевъ, котораго я видѣлъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Кіевѣ, тоже говорилъ и просилъ меня развѣдать на Кавказѣ о обществѣ Грузинскомъ.—Съ тѣмъ я растался съ нимъ.

Забылъ упомянуть, что при прощаніи моемъ съ Пестелемъ, я ему говорилъ: „Я всегда буду вашей партіи и естьли я вамъ нуженъ буду, то напишите мнѣ два слова". Съ етимъ я также растался. Послѣ того въ маѣ мѣсяцѣ отправился я на Кавказъ, гдѣ болѣе удостовѣрился, что общество тамъ не существовало ни какое,—ибо сколько я тамъ не видалъ людей, сего въ нихъ не замѣчалъ, кромѣ приверженности невѣроятной почти къ генералу отъ артиллеріи Ермолову.—Но сіе не ѣсть къ тому заключеніе. Въ сентябрѣ въ концѣ прибылъ я домой.

Въ началѣ декабря Давыдовъ пріѣхалъ отъ Пестеля и тутъ объявилъ рѣшеніе Управы не начинать ничего, естьли въ Петербургѣ не приступитъ Общество къ дѣйствію.

Послѣ сего послѣдовали арестованія и продолженіе моихъ всѣхъ содѣйствій и умышленій пояснилъ въ показаніяхъ моихъ 19-го февраля.

Я началъ сіи дополнительныя показанія съ обвиненія самого себя. Въ продолженіи не щадилъ себя, и кончаю, обвиняя себя еще во всемъ неистовыхъ моихъ содѣйствій и умышленій. Не скажу, чтобы я совершенно все отъ слова до слова показалъ,—дѣло, длившееся болѣе

трехъ лѣтъ, вѣроятно заключало болѣе того, чего я показалъ. Но вѣрного ничего не осталось и потому прошу даже Вашего Превосходительства не скрывать отъ членовъ уличеніе мое ихъ въ сихъ подробностяхъ, а въ особенности Пестеля, Муравьевыхъ,—можетъ быть они еще что прибавютъ и я душевно ихъ возблагодарю за присоединеніе всего того, что можетъ служить къ уличенію моему. Такъ я ищу всѣ мои преступныя дѣянія, насыщаюсь терзаніями раскаянія моего, какъ я прежде насыщался отравленными моими думами! Естьли Ваше Превосходительство будете вынуждены представить сіи дополненія, то да не осудитъ Его Императорское Величество мои поздніи показанія! Нѣтъ, съ 1-го дня заточенія моего ни въ чемъ не упрекну себя передъ благодѣяніями государя моего! Такъ съ 1-го дня я зачалъ вникать въ ужасъ той цѣли, къ коей я стрѣмился. Такъ верьте, Ваше Превосходительство, словамъ моимъ, что человѣку, закостнѣвшему въ порокахъ зломышленій, не даруетъ Богъ того мгновеннаго полнаго раскаянія, которое Онъ даритъ человѣку, минутно провинившемуся! Такъ я долженъ былъ объять умственно и душевно всѣ свои преступленія, долженъ былъ созрѣвать въ терзаніяхъ моихъ и постепенно приходить въ возрожденіе добродѣтели. По мѣрѣ что оно возрастало, возрастали и признанія мои, ибо, признаюсь, при всемъ чувствѣ вины своей, часто не имѣя духу того, чтобъ обнаруживать ея. Будьте снисходительны, Ваше Превосходительство, къ слову длинному моему о всемъ раскаяніи моемъ, но естьли я наполнилъ четыре листа неистовствами своими, то изливалъ въ утѣшеніе мое, и сіи мои усладительныя для меня чувства. Вѣрьте наконецъ, Ваше Превосходительство, симъ послѣднимъ моимъ словамъ, что чѣмъ болѣе терзаніями моими прихожу въ раскаяніе мое, тѣмъ болѣе вглубляюсь во всю вину мою и возмездіе меня ожидаемое! Пріимите, Ваше Превосходительство, всѣ тѣ искреннія чувства, коими душа моя къ вамъ полна за всѣ добродушныя дѣйствія ваши съ самого начала въ раскаяніи моемъ.

Съ честью всегда покорный вамъ А. Поджіо.

12 Марта.

3) Въ своихъ показаніяхъ Поджіо ссылается на нѣкоторые факты, объясненные въ другихъ его показаніяхъ. Большой интересъ имѣютъ его ссылки на его участіе въ зарожденіи Съвернаго Общества и на его политику начать мятежъ, какъ только произведены были первые аресты. Приводимъ оба разсказа Поджіо, данные имъ въ другихъ показаніяхъ.

I.

Сверхъ дополнительныхъ сихъ отвѣтовъ на пункты, мнѣ данные Высочайше учрежденнымъ Комитетомъ, честь имѣю дополненія сіи еще представить. Князь Барятинскій пріѣзжалъ въ Петербургъ въ 23-мъ году, какъ я сіе уже показалъ, и требовалъ рѣшительнаго поясненія отъ Никиты Муравьева въ слѣдующемъ: какой успѣхъ Общества въ числѣ членовъ, на какія силы онъ надѣется, можетъ ли отвѣчать за оныя, готовы ли къ дѣйствію, или можетъ ли отвѣчать за содѣйствіе при востребованіи Пестеля. Все сіе было заключено въ письмѣ и Барятинскій изустно ему при мнѣ сіе говорилъ. Муравьевъ говорилъ, что молодые люди не о томъ думаютъ, что здѣсь это трудно, — вообще не бралъ того участія, какъ я о немъ слыхалъ. Однакожъ обѣщалъ ему содѣйствіе свое; отвѣтъ письма его къ Пестелю не знаю, вѣроятно писалъ. Послѣ сего приступили мы къ принятію членовъ и Муравьевъ созвалъ къ Пущину всѣхъ тогда народившихся здѣсь членовъ. Тутъ учредили управы, а главной были избраны: Муравьевъ, Оболенскій и князь Трубецкой. Однакожъ Матвѣй Муравьевъ и Оболенскій говорили о бездѣйствіи Никиты Муравьева и при отъѣздѣ моемъ Матвѣй Муравьевъ просилъ меня о томъ донести Южной Управѣ. Послѣ отъѣзда моего были здѣсь кн. Волконскій и Давыдовъ и съ извѣстіями о здѣшнихъ дѣлахъ отправились на контракты, куда прибылъ Пестель, Юшневскій, Сергѣй Муравьевъ, Бестужевъ. Я пріѣхалъ туда въ концѣ генваря и потому не засталъ уже Пестеля, при которомъ происходили всѣ суждения. Я здѣсь Юшневскому долженъ былъ, какъ сіе требовали отъ меня, подробное свѣдѣніе дать о дѣлѣ въ Петербургѣ.—Я говорилъ, что „Никита Муравьевъ не тотъ, уже какъ вы говорите, что онъ сдѣлался весьма осторожнымъ и что врядъ ли тамъ Общество возымѣетъ тотъ успѣхъ, какъ на югѣ, вы знаете, сколько это важно не обманываться въ человѣкѣ, вамъ много обѣщающемъ и тамъ, гдѣ общество хочетъ дѣйствіе свое имѣть“. Тутъ положено было все Пе-

стелю донести, ибо безъ него ничего не дѣлалось; добавилъ имъ, что надѣяться нечего на содѣйствіе Петербурга, ибо до сихъ поръ, какъ вы видите, Общество ни чуть не увеличилось. Они всѣ надѣялись, что Матвѣй Муравьевъ все исправитъ и будетъ о всемъ доносить, и что оттуда не отлучится. Для сего онъ туда былъ и посланъ. Я предложилъ удалить Никиту Муравьева отъ управленія управы; сіе было одобрено и все сіе долженъ былъ рѣшить Пестель. Здѣсь говорили о важности Петербурга и сколько обманывались на счетъ тамошнихъ содѣйствій и силъ. Сергѣй Муравьевъ говорилъ, что цѣль можно исполнить и здѣсь при смотрѣ какомъ по близости, что стоитъ только начать; я возражалъ на это: какимъ образомъ онъ не согласенъ съ цѣлью Общества совершить сіе въ Петербургѣ? На что онъ мнѣ сказалъ, что его мнѣніе одного ничего не значитъ, но что готовность его дѣйствовать заставляетъ его избрать удобнѣйшее, говоря, что другіе члены Императорской фамиліи можно изгнать, говорилъ, что петербургскія дѣла не должны останавливать южныя; напротивъ, тѣмъ болѣе усиливаться; а если увидимъ, что тамъ дѣло не пойдетъ, то ждать не станемъ; однимъ словомъ, не упомню всѣхъ толковъ подробно; знаю, что обращено было вниманіе на Петербургъ; ибо покамѣстъ не съѣздили Давыдовъ и Волконскій, которые при свиданіи съ Матвѣемъ Муравьевымъ узнали, что успѣхъ въ дѣлѣ не таковъ, какъ они себѣ воображали въ южной управѣ. Къ тому же и мои подтвержденія достаточны были, чтобъ послѣ заставить Пестеля ѣхать въ Петербургъ и самому сіе устроить, какъ онъ желалъ. Въ 1823-мъ году мнѣ Матвѣй Муравьевъ говорилъ, что отвергали республиканское правленіе въ Петербургѣ потому, что упрекали Пестеля въ честолюбивыхъ видахъ и въ *диктаторствѣ*. Извѣстна тамъ была его конституція, основанная на республиканскомъ правленіи. Мнѣ о ней говорилъ Матвѣй Муравьевъ. Никита Муравьевъ о семъ долженъ знать. Помню еще при соединеніи членовъ въ Кіевѣ, Юшневскій обнялъ Бестужева и благодарилъ отъ имени Общества за соревнованіе его успѣшнос въ сношеніяхъ съ польскимъ Обществомъ и вообще за его содѣйствіе.

Въ 1824 году въ бытность мою у Пестеля сей мнѣ говорилъ, что получилъ извѣстія отъ Матвѣя Муравьева, который уже не въ Петербургѣ, а въ деревнѣ своей; что онъ замѣчаетъ холодность въ немъ къ нему, что онъ рѣшился самъ ѣхать въ Петербургъ и во всемъ своими глазами удостовѣриться; съ тѣхъ поръ была видимая холодность между имъ и Муравьевымъ, и Пестель говорилъ мнѣ, что

сомнѣвался въ ихъ къ нему дружбѣ и полагалъ ихъ хотѣвшими отдѣлиться отъ него. Въ 1825 году послѣ поѣздки своей въ Петербургъ, объявилъ мнѣ, что онъ все дѣло кончилъ, что имѣлъ сопротивленія и въ спорѣ, не зная съ кѣмъ, хлопнулъ рукой по столу, промолвивъ: „такъ будетъ же республика“, но что послѣ всѣ были согласны съ сей преступной цѣлью.

Въ бытность мою въ Петербургѣ, нѣсколько дней передъ отъѣздомъ моимъ встрѣтился я у Оболенскаго съ полковникомъ Митьковымъ. Помню сидѣли мы особенно—онъ, я и князь Валерьянъ Голицынъ. Говоря о Обществѣ, о несогласіи всѣхъ въ цѣли южной управы, Митьковъ спросилъ меня: какого вы мнѣнія? Я говорю ему, что я принялъ мнѣніе Южнаго Общества, то есть республику съ совершеніемъ преступленія противъ всѣхъ членовъ Императорской фамиліи, на что онъ мнѣ сказалъ: Мое мнѣніе—до корня!

Князь Голицынъ согласенъ былъ съ нимъ.

Такъ исполненъ былъ языкъ нашъ смертоноснымъ ядомъ, о которомъ говоритъ священное писаніе и которое ввергаетъ человѣка въ согрѣшенія!

Отставной подполковникъ Поджіо.

II.

21-го числа декабря пріѣхалъ я къ генералу Давыдову на званой обѣдъ. Здѣсь находились Давыдовъ, Лихаревъ и Янтальцевъ. Давыдовъ первый объявилъ мнѣ о пріѣздѣ Волконскаго съ извѣстіемъ о арестованіи Пестеля, Юшневскаго, Крюкова и сосланіи кн. Барятинскаго подъ арестомъ къ генералу отъ инфантеріи Сабанѣееву. Часъ спустя прибылъ туды и Янтальцевъ, которого Волконскій засталъ въ Болтышкѣ. Сей подтвердилъ выше сказанное Давыдовымъ, съ добавленіемъ, что Общество все открыто съ именованіемъ 80-ти членовъ онаго; сказалъ также что Волконскому не велѣно было ни съ кѣмъ сноситься, а особенно съ Давыдовымъ, и что при свиданіи его съ Пестелемъ у генерала Байкова, онъ ему сказалъ: „узнай, гдѣ Русская Правда и не теряйте духу“. Кн. Волконскій съѣздилъ къ Юшневскому который объявилъ ему, что Русская Правда сожжена свитскими офицерами. Кн. Волконской предостерегалъ насъ не хранить бумагъ, до Общества касающихся, говоря, что при арестованіи членовъ розыскиваютъ также и бумаги ихъ. Вмѣстѣ съ симъ безпо-

коясь о Муравьевѣ, Янтальцевъ и Давыдовъ предложили, въ особенности первый, мнѣ ѣхать къ нему и предупредить его во всемъ, что я имъ и обѣщалъ. Здѣсь всѣ разговоры клонились о неизбѣжной нашей гибели и сожалѣніи нашемъ о Пестелѣ. Янтальцевъ особенно жалѣлъ Юшневскаго. Послѣ обѣда сейчасъ всѣ разъѣхались всякій къ себѣ для сожженія бумагъ иныхъ; важныхъ ни у кого не было, сіе я знаю. Пріѣхавъ домой и вспомнивъ обѣщаніе мое ѣхать къ Муравьезу, я хотѣлъ имѣть достовѣрное рѣшеніе о намѣреніи Южной Управы. Въ семъ намѣреніи писалъ я письмо къ кн. Волконскому, гдѣ говоря ему, что гибель наша неизбѣжна при открытіи Общества, посягнувши на такую цѣль, что казни ожидаютъ всѣхъ, и что милосердія не ожидать, когда въ такое время гоненія начались. Убѣждалъ его, съ средствами имъ имѣющими, спасти Пестеля, говоря ему сіи слова: „c'est à Vous à nous rassembler et marquer à chacun de nous les devoirs à remplir envers leurs amis, faites le Vôtre, je ferai le mien“. Вотъ именно слова, коими я кончалъ письмо, и я болѣе ему ничего не обѣщалъ.

22-го числа прочелъ я сіе письмо брату моему, который убѣждалъ меня оставить это, но я съ письмомъ отправился къ Янтальцову. Здѣсь я ему говорилъ, что, давъ обѣщаніе ѣхать къ Муравьеву, я долженъ знать по крайней мѣрѣ, на чемъ рѣшатся здѣшніе члены и для того кн. Волконскій долженъ мнѣ на сіе дать вѣрный отвѣтъ: „Отвѣтъ извѣстный“, сказалъ мнѣ Янтальцовъ: „Какъ вы къ князю сіе пишете, вы знаете его, онъ дѣйствовать не будетъ“. На сіе я ему сказалъ: „увѣренъ болѣе васъ въ томъ, но хочу имѣть вѣрный отвѣтъ. чтобы Муравьевъ не покусился на какое нибудь возстаніе въ надеждѣ на Волконскаго содѣйствіе и прочихъ“. Я Янтальцеву прочелъ письмо, также и записку особенную, въ которой заключилъ предпріятіе въ случаѣ дѣйствія Южной Управы, мнѣ Пестелемъ объявленное еще въ 24-мъ году въ бытность мою у него, то есть двинуться съ успѣвшими къ тому склонить полками 19-ой пѣхотной дивизіи, полагая присутствіе кн. Волконскаго, мое и капитана Фохта достаточнымъ къ склоненію полковъ 1-ой бригады и что за ней послѣдуютъ и другіе—соединить съ стоящимъ смежно Вятскимъ полкомъ и, сдѣлавъ нападеніе на Тульчинъ, арестовать главныя лица главной квартиры 2-ой арміи. Я говорилъ Янтальцову, чтобы онъ сіе напомнилъ князю, которому вѣрно Пестель сіе сообщилъ, и добавилъ, чтобы именно Фохтъ соединился съ Майбородой и шли бы къ Тульчину, и что для сего нуженъ былъ кн. Барятинскій, которому и пре-

поручить дѣло избавленія Пестеля. хотя его тамъ не было, хотя и Майборода, какъ говорилъ Пестель Давыдову, уже не обѣщалъ содѣйствія никакого, ибо полагалъ его ему измѣнившимъ; но я, по несчастію общему для всѣхъ, въ предпріятіяхъ нашихъ всегда отвергалъ препятствія, самыя неодолимыя. Поздно дѣла намъ сіе показали и открыли всѣ преступныя и ни на чемъ не основанныя надежды.

Письмо полковника Булатова къ вел. кн. Михаилу Павловичу.

Ваше Императорское Высочество.

Приступая къ объясненію злодѣйскихъ намѣреній и замысловъ моихъ, въ началѣ долженъ предупредить Ваше Императорское Высочество, что ангельское великодушіе государя императора заставило открыть меня справедливость замысловъ моихъ: предпріятія злодѣя, подобнаго мнѣ, ужасны, то и объясненіе, на справедливости основанное, должно быть дерзко. Особливо того, котораго утѣшеніемъ осталась одна смерть.

По случаю смерти отца моего, бывшаго начальникомъ 27-ой пѣхотной дивизіи, я для раздѣла оставшагося послѣ отца имѣнія по волѣ вышняго начальства былъ уволенъ въ отпускъ на три мѣсяца. 11-го сентября прибылъ я въ Петербургъ, неимѣя совершенно никакихъ мыслей не токмо о возмущеніяхъ, но привыкши къ занятіямъ, возложеннымъ на меня по обязанности службы, ждалъ съ нетерпѣніемъ выѣзда моего изъ столицы. Но дѣла, оставшіяся послѣ отца, имѣлись въ Правительствующемъ Сенатѣ, были неокончены и потому требовалось привести дѣла по случаю раздѣла въ порядокъ, по каковому хожденію и избранъ нами изъ дворянъ губернскій секретарь Семеновъ. Въ одно время бывъ въ театрѣ, встрѣтилъ я пріятеля дѣтскихъ лѣтъ Рылѣева, съ которымъ воспитывался вмѣстѣ въ кадетскомъ корпусѣ. Свиданіе послѣ четырнадцати лѣтъ было очень пріятное. Говоря обо многомъ, по окончаніи театра, какъ водится между старыми знакомыми, просили навѣстить другъ друга. Но ни я у него, ни онъ у меня не были. При встрѣчѣ нашей въ другой разъ въ театрѣ же, онъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ потихонько съ усмѣшкою о какомъ то заговорѣ, которой существуетъ восемь или десять лѣтъ и въ будущемъ году будетъ всему рѣшеніе. Признаюсь чистосердечно, я не повѣрилъ ему и полагалъ, что по-

добные разговоры ничто иное какъ болтанье молодыхъ людей, вошло въ моду въ столицѣ. Послѣ сего довольно долго мы невидались. Но дѣла наши въ Правительствующемъ Сенатѣ не кончались и, какъ кажется, повѣренный нашъ обманывалъ насъ, отпуску моему приходилъ срокъ и я долженъ былъ просить отсрочки. 27-го ноября получено нещастное извѣстіе о кончинѣ благочестивѣйшаго императора Александра Павловича. Извѣстно, какъ принялъ народъ потерю сію и всякой оплакивалъ въ немъ собственнаго своего отца. Я потерялъ въ немъ того государя, которой зналъ меня по моей службѣ въ мирное и въ военное время. Въ прошломъ году, смотря нашъ корпусъ, остался отлично довольнымъ ввѣреннымъ мнѣ полкомъ и изъустно изволилъ называть меня отличнымъ и храбрымъ полковникомъ. Я съ нетерпѣніемъ дожидалъ его возвращенія въ Петербургъ болѣе потому, что имѣлъ желаніе оправдать хотя прахъ отца моего, которой во время жизни своей, по милости друзей покойнаго государя, былъ за 50-лѣтнюю службу и жестокія раны оклеветанъ въ лицѣ государя и слылъ милионщикомъ, чрезъ что потерялъ всѣ милости его и служба оставалась безъ всякаго вниманія и хотя не въ ссылкѣ, но въ Сибири послѣ долговременной службы и со многими ранами кончилъ жизнь свою, мнимыя же милионы сіи едва достаточны для содержанія дѣтей его. Желалъ бы, я что бы справедливые сіи друзья покойнаго государя взглянули въ свои шкатулки и, повѣривъ свои пріобрѣтенія, оговаривали другихъ. Первый врагъ въ семъ случаѣ былъ отцу моему генералъ-лейтенантъ Закревской, которой въ глаза казался отцу моему другомъ.

Между тѣмъ послѣ кончины отца отечества, по городу носились разные слухи на щотъ престола, большая часть народа желали имѣть государемъ царствующаго въ то время его императорское высочество цесаревича Константина Павловича, въ опытности, добротѣ души, незлопамятствѣ, щедрости, надѣялись, что будетъ въведено устройство въ государственныхъ дѣлахъ и не малую цѣну давали, что ни будетъ поселенія. На сторонѣ нынѣ царствующаго императора была весьма малая часть. Причины нелюбви къ государю императору находили разныя, говорили, что онъ золъ, мстителенъ, скупъ, военныя недовольны частыми ученіями, непріятностями по службѣ, болѣе же всего боялись, что графъ Алексѣй Андреевичъ останется въ своей силѣ. Курьеры посланы съ поздравленіемъ въ Варшаву принятой присяги нынѣ царствующимъ императоромъ и народомъ въ вѣрноподданствѣ его императорскому высо-

честву Константину Павловичу. Отвѣты были медлительны, толки въ народѣ увеличились и заговорщики избирали случай произвести въ дѣйствіе намѣреніе свое.

6-го декабря въ день тезоименитства благовѣрнаго государя императора Николая Павловича лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка офицеръ Пановъ пріѣхалъ къ намъ наканунѣ и просилъ брата и меня 6-го числа пріѣхать къ нему отъобѣдать. Мы отправились, сѣли за столъ, отъобѣдали. Послѣ стола начались довольно вольные разговоры. Я утѣшаю молодыхъ людей и говорю имъ, что все то, что они говорятъ, пустое, воображая, что они шалятъ, сказавъ имъ, что было время для исполненія ихъ предпріятій, но оно упущено— время Семеновской исторіи. Я прежде имѣлъ щастіе служить лейбъ-гвардіи въ Гренадерскомъ полку и, сдѣлавъ три послѣднія компаніи, былъ весьма любимъ своими товарищами, отъ которыхъ при выходѣ изъ полка получилъ перстень съ надписью взнакъ признательности, и сердца солдатъ остались при мнѣ: начальники мои почти всѣ меня не любили за то, что я неискалъ совершенно ни въ комъ и положилъ себѣ правиломъ съ начала моей службы идти прямою дорогою и служить во фронтѣ вѣрою и правдою моему государю и отечеству, что и исполнялъ всегда съ особеннымъ усердіемъ и вездѣ получалъ признательность начальства моего. Пріятна встрѣча съ старыми товарищами. Но пусть каждой поставитъ себя на моемъ мѣстѣ и вообразитъ свиданіе съ тѣмъ солдатомъ, которой 13 лѣтъ тому назадъ послѣ жаркаго сраженія, видя своего офицера въ изнуреніи и немогшаго идти, несъ на своемъ плащѣ и плечахъ своихъ: я увидѣлъ Герасимова и біеніе сердца изъявило ему мою благодарность. Я всталъ, взялъ его за руку и поцѣловалъ его, потомъ велѣлъ подать рюмку вина и выпилъ съ большимъ удовольствіемъ за его здоровье. Поговоря нѣсколько съ тѣмъ, спросилъ о прежнихъ сослуживцахъ моихъ, его товарищахъ, далъ ему на водку 20 или сколько рублей и отпустилъ его. Здѣсь я разсказывалъ, какъ помнится мнѣ, о Смоленскомъ сраженіи, гдѣ полкъ былъ оставленъ для прикрытія ретирады всей арміи и 7-го августа 1812 и пріобрѣли себѣ новую славу. Тамъ я увидѣлъ первой разъ пулю непріятельскую и, бывъ въ охотникахъ, узналъ, что непріятель для поля нестрашенъ. Съ перваго сраженія я заслужилъ вниманіе начальства и любовь товарищей и солдатъ. Подъ Бородинымъ генералъ-маіоръ Желтухинъ, бывши полковникомъ, припоручилъ мнѣ всѣхъ охотниковъ полка и я былъ главнымъ ихъ командиромъ. Я такъ далеко

забирался, что сами солдаты, бывъ ранены, увѣряли въ полку, что я погибъ, но возвратясь не болѣе какъ съ шестью рядовыми, удививъ Желтухина и покойнаго графа Павла Александровича Строгонова своимъ появленіемъ: они оба обрадовались моему прибытію, и я отправился къ полку, которой, давно оставя поле сраженія, съ малымъ числомъ отдыхалъ въ отдаленности.

Не прошло получаса, какъ вошли въ комнату І. О. Іевлевъ, рядовыя Мишклейнъ и два Герасимова. Я поздоровался съ ними, просилъ Панова, что бы дали имъ водки. Они выпили за мое здоровье. Я поблагодарилъ ихъ небольшою рюмкою вина и, поговоря немного, взялъ каждаго за руку, жалъ; они цаловали мою руку, и я отпустилъ ихъ (всѣ ети люди прежде служили въ 1-й фузелерной ротѣ, которою я послѣ Смоленскаго сраженія командовалъ дня два, и они всѣ по примѣру рядовыхъ Павла Степанова несли поочереди цѣлую ночь меня на рукахъ). О, какъ я былъ доволенъ, увидя, что и подъ сими толстыми шинелями таятся сердца русскія благородныя. Давъ и имъ сколько то денегъ, отпустилъ ихъ. Походя нѣсколько минутъ по комнатѣ взадъ и впередъ, вдругъ услышалъ, что Пановъ говоритъ съ ними въ коридорѣ слѣдующее: „Что, ребята, естлибы полковника, (называя мое имя), хотѣлъ кто нибудь убить, допустили ли вы до етого?“ Солдаты отвѣчаютъ: „Боже сохрани!“ Я, неподозрѣвая ничего, вышелъ къ нимъ и говорю Панову: „Что у васъ за разговоръ? Я самъ не допущу никого себя убить!“ Обратясь къ солдатамъ, сказалъ имъ: „Служите, братцы, государю вѣрою и правдою“ и просилъ, чтобы ихъ отпустили. Потомъ, войдя опять въ комнату, я сѣлъ на сафу и, кажется, продолжалъ говорить о сраженіи.

Но лейбъ-Гренадерской полкъ былъ въ душѣ моей, я налилъ бакалъ и выпилъ за здоровье стараго храбраго лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка. Но такъ какъ я небольшой любитель горячихъ напитковъ, то и чувствовалъ, что я выпилъ лишнее, но не пилъ, что бы я былъ пьянъ, и даже другому трудно было замѣтить, лучше сказать я былъ навеселѣ. Въ продолженіи времени между нѣкоторыми молодыми людьми разговоры были довольно вольные, какъ водится здѣсь между всею почти молодежью не для чего болѣе, какъ для выказки своего ума и мнѣній вольнодумства или свободы. Я вызвалъ Панова на галерею и просилъ его, чтобы онъ унялъ своихъ товарищей, сказавъ ему, что разговоръ слишкомъ воленъ и что здѣсь можетъ быть есть такіе люди, при которыхъ совершенно

ничего говорить нельзя, а молодежь вретъ вздоръ, такъ легко могутъ думать, что мы принадлежимъ къ какой нибудь партіи и можно пострадать совершенно даромъ,—никакъ не думая, чтобы Пановъ былъ въ заговорѣ, тѣмъ болѣе что онъ имѣетъ въ Москвѣ невѣсту и обрученъ съ нею, которую, казалось, любилъ онъ очень, ибо недалѣе какъ за столомъ изъ ея башмака выпилъ ея здоровье, а мы всѣ бакалами шампанскаго поздравили его и пожелали благополучія въ новой жизни. Подозрѣвалъ я здѣсь никого болѣе, какъ моихъ братьевъ, да и то въ томъ, что они по пріѣздѣ моемъ называли меня спасителемъ, а теперь и братъ были на сторонѣ повѣреннаго Семенова, которой, совершенный бездѣльникъ, но онъ явится въ послѣдствіи моего объясненія и потому у меня дома была своя революція. Войдя въ комнату съ Пановымъ, я сѣлъ опять на софу и хотя не курю почти никогда трубки, его просилъ трубку и началъ курить. Изъ вольнаго разговора рѣчь дошла до государственныхъ дѣлъ и сужденіе дошло до поселенія и все для пользы отечества. Но какъ разговоры и сужденія ихъ были несправедливыя и не согласны съ моими мыслями, я молчалъ. Наконецъ одинъ молодой прекрасный артиллерійскій офицеръ началъ говорить въ пользу генерала отъ артиллеріи графа Алексѣй Андреевича Аракчеева (я имѣю достаточныя причины и въ душѣ его не люблю). Я удивился, ибо слышу во всю жизнь мою первой разъ партизана графа, невольно вступилъ съ нимъ въ разговоръ, опровергая пользу отечественную устроеніемъ нашей артиллеріи. Молодой партизанъ спорилъ, защищалъ пользу и наконецъ употребилъ и самаго графа, что онъ необходимъ для пользы отечества. Я безъ всякихъ отлагательствъ сказалъ ему, что онъ вретъ и слегка напоминулъ ему произшествіе въ Грузинѣ, послѣ котораго, по слухамъ въ городѣ, графъ оставилъ всѣ государственныя дѣла, которыя ему поручилъ покойный благочестивый государь Александръ Павловичъ, напомнилъ и то, что полезный человѣкъ отечеству долженъ быть полезенъ государю и болѣе склоненъ къ добру, но графъ нетолько самъ но и окружаетъ себя людьми, которые полезны одному ему и у которыхъ къ добру нѣтъ малѣйшей склонности. Молодой человѣкъ защищаетъ и говоритъ, что такихъ то и надобно для пользы отечества. Я хотѣлъ перестать съ нимъ говорить, но онъ обратилъ разговоръ къ поселенію и опять отдаетъ графу справедливость. Я не вытерпѣлъ и началъ доказывать невыгоды, но противникъ мой споритъ и защищаетъ не смотря на то, что я насказалъ ему нѣсколько дерзостей. Онъ какъ

будто надо мной смѣялся, горячо защищался и довелъ меня до того, что я, не желая съ нимъ говорить, сказалъ ему: „Я бы желалъ, чтобы графъ самъ со мной спорилъ, какъ вы: онъ бы услышилъ, чтобы я ему теперь сказалъ“. Онъ ту минуту вызвался быть графомъ и я разругалъ его. Новое увлеченіе. Противникъ не обижается и не защищаетъ болѣе графа и разговоръ нашъ утихъ. Тутъ я, обратясь къ нему и къ произшествію въ Грузинѣ, сказалъ: „Графъ, потерявъ любимицу, оставилъ государственныя дѣла. По моему мнѣнію, пекущійся для пользы отечества человѣкъ не долженъ жалѣть и собственныя своей жизни“. Не помню, какимъ образомъ попалъ въ ето время въ руки мнѣ заряжоной или пустой пистолетъ, какъ кажется, взялъ его въ руки и сказалъ имъ: „Вотъ, друзья мои, естлибы отечество для пользы своей потребовало сейчасъ моей жизни, и меня бы не было“. Тутъ они всѣ закричали: „Живите, живите, ваша жизнь нужна все для пользы отечества“. И партизанъ графа тоже говоритъ. Я засмѣялся, обратился къ етому молодому человѣку и спросилъ его: „По какому случаю вы сравниваете меня съ графомъ, мысли имѣемъ мы разныя, слѣдовательно защищать надобно кого нибудь одного“. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что графъ нуженъ для пользы отечества и особенно по теперешнимъ обстоятельствамъ и вы также. Не понимая изъ етого ничего совершенно, причолъ къ обыкновенному болтанью молодыхъ людей. Спустя часъ поѣхали домой.

На другой день я по обыкновенію имѣю правиломъ, проснувшись повѣрить поступки прошлаго дня и особенно тогда, естли былъ гдѣ нибудь въ веселой компаніи и о чемъ нибудь спорилъ. Разбирая такимъ образомъ, припоминаю вчерашнюю бесѣду, а съ тѣмъ и споръ артиллериста и никакъ не могу понять, что за мысль молодого человѣка сравнивать меня съ графомъ: въ чинахъ онъ болѣе министра, а я полковой командиръ, способностями ума я еще далѣе отсталъ отъ графа, нежели чиномъ. Размышляя такимъ образомъ, проснулся мой братъ Александръ. Пожелавъ другъ другу добраго утра, первое слово его было: „Ахъ, какъ братъ ты горячъ!“ Я ему отвѣчалъ: „Я знаю ето давно и безъ него“. Онъ мнѣ началъ напоминать, что я обидѣлъ молодаго офицера: „Къ чему такое сравненіе, котораго и ты не понимаешь и зачѣмъ говорить вздоръ“. Братъ мой, также молодой гвардейскій офицеръ, и къ нещастію, бывъ здѣсь безъ родителей и безъ всякаго надзора, стремится въ большой свѣтъ, испортилъ совершенно свою природную нравственность, удивляется и говоритъ мнѣ: „Какое тебѣ дѣло до сужденія другихъ, здѣсь го-

ворятъ все“.—„Я также имѣю свои капризы, неправды терпѣть не могу и готовъ всегда оспаривать ложь. Онъ самъ началъ, самъ и виноватъ“. Братъ, помня весь нашъ разговоръ, сказалъ мнѣ, что онъ можетъ вызвать на дуэль. „Пожалуй“, сказалъ я ему. Я дожидалъ етаго молодаго человѣка, но онъ не являлся.

7-го числа пріѣзжаютъ ко мнѣ лейбъ-гренад. полка офицеры Сутговъ и Пановъ. Они куда-то торопились. Мы приглашали ихъ съ нами обѣдать и они дали слово пріѣхать, возвращаются и уѣзжаютъ. Сутговъ мнѣ говоритъ, что онъ „былъ у Рылѣева и засталъ его очень больнымъ, онъ проситъ васъ сдѣлать одолженіе пріѣхать его навѣстить завтра поутру“. Я далъ слово и мы разстались. 8-е число довольно рано пришли ко мнѣ лейбъ-грен. полка государевой роты два рядовые Павлухинъ и Андреевъ, которыя во время командованія моего 3 гренадерскою ротою были собственными моими учениками и послѣ ефрейторами. Я спросилъ:—„Каково служить?“—„Харашо“, отвѣчали они. Я велѣлъ дать имъ по рюмкѣ водки и за то, что меня вспомнили, далъ рубль серебромъ и отпустилъ ихъ.

8-ое. На другой день я отправился навѣстить больнаго. Вхожу къ Рылѣеву, нахожу его несовсѣмъ здоровымъ, передъ нимъ столикъ съ книгами и лѣкарствами, самъ онъ въ халатѣ, шея обвязана платкомъ, какъ обыкновено у больныхъ людей. Я спросилъ, что у него? Онъ отвѣтилъ:—„Жаба, братецъ, но теперь легче“. У него нашелъ я князя Трубецкого. Но такъ какъ мы съ нимъ до сего времени были незнакомы, то мы поклонились весьма сухо другъ другу; князь посидѣлъ недолго и вышелъ. Мы остались двое. Рылѣевъ открываетъ мнѣ о заговорѣ, слышанномъ мною въ театрѣ. Зная, что онъ женатъ и имѣетъ дочь, я думаю, что онъ шутитъ. Но онъ говоритъ серьезно, описываетъ составъ онаго, который, какъ кажется открыть довольно трудно. Меня поразило ето такъ, что я ничего ему не отвѣчалъ. Не знаю, замѣтилъ ли онъ это, или нѣтъ, но кажется понялъ такъ, какъ должно. Онъ зналъ, что я ни къ какимъ подобнымъ поступкамъ и въ молодости лѣтъ не былъ сроденъ, но онъ продолжалъ слѣдующимъ образомъ: „Я по старой нашей дружбѣ никакъ отъ тебя не могъ етаго скрыть, тебя знаютъ здѣсь за благороднѣйшаго человѣка“. Я ему отвѣчалъ, что имѣлъ щастіе пользоваться лестными наименованіями покойнаго благочистиваго императора при осмотрѣ войскъ нашего корпуса. „Комплотъ нашъ,—продолжалъ онъ,—составленъ изъ благородныхъ и рѣшительныхъ людей“. Я отвѣчалъ ему, что такъ и должно быть, ибо на такія рѣ-

шительныя дѣла малодушнымъ рѣшаться не должно. Ему это понравилось. „Тебя давно сюда дожидали и первое твое появленіе обратило на тебя вниманіе“. Онъ тронулъ мое самолюбіе, и я былъ доволенъ, что отважные и неизвѣстные мнѣ люди отдаютъ мнѣ справедливость. Тутъ кто-то вошелъ и разговоръ нашъ кончился. Я, походя по комнатѣ, просилъ его, чтобы онъ меня познакомилъ съ своею женою и показалъ бы мнѣ свою дочь. Все исполнено. Къ нему начали приходить незнакомыя мнѣ люди и я уѣхалъ домой. Весь день провелъ дома и вечеромъ былъ у моихъ малютокъ, занимался ими, но былъ скушенъ. Такимъ образомъ, проведя вечеръ съ любезными сердцу моему, отправился домой; прійдя къ себѣ узналъ, что Рылѣевъ проситъ меня пріѣхать опять къ нему завтришній день (9-е число). Въ назначенное время отправляюсь я опять къ Рылѣеву, застаю его все еще нездоровымъ, садимся и онъ открываетъ, въ чемъ состоитъ заговоръ, основанный на пользѣ отечества. Изъ открытія его узналъ я слѣдующее и главное то, чтобы уничтожить монархическое правленіе и власть тиранскую, какъ говоритъ Рылѣевъ, которую присвоили себѣ цари надъ равнымъ себѣ народомъ. Я спросилъ у него: „Какая же въ етомъ польза отечества?“ Онъ продолжаетъ: „Когда мы успѣемъ въ своемъ предпріятіи (на которое они полагали твердую надежду въ то время), на время избранъ диктаторомъ князь Трубецкой, устроимъ Временное Правленіе, потомъ вызовемъ изъ каждой губерніи каждаго уѣзда депутатовъ по два дворянина, по два купца и по два мѣщанина,—составъ Народнаго Правленія“. Я ему сказалъ на ето, что вижу изъ етого только другое правленіе, но такъ какъ теперъ новой императоръ (въ то время царствовалъ цесаревичъ Константинъ), гвардія вся его любитъ и описываю все, что помѣщено у меня выше въ отдаваемой справедливости народа, добавя къ тому, что партія ихъ упустила въ 1821 году самой удобной случай во время возмущенія Семеновскаго полка. Онъ отвѣчалъ мнѣ на ето, что они тогда не такъ были сильны, но теперь совсѣмъ готовы. Я опять напомнилъ ему, что новый государь любимъ народомъ и войсками. И мнѣ открываетъ онъ, что уже планъ готовъ и для царствованія Константина, съ тою разницею, что такъ какъ онъ народомъ любимъ, такъ надобно было ожидать годъ, а можетъ быть и болѣе, тогда главныя товарищи заговора должны стараться входить въ милость его и искать мѣстъ быть ближе къ нему и окружить его вмѣсто собственныхъ своихъ друзей друзьями заговора и такимъ образомъ совершенно имъ завладѣть.

одобрилъ этотъ планъ, увѣряя, что буду при немъ черезъ генерала Сипягина, котораго я щитаю другомъ и благодѣтелемъ, имѣя въ виду то, что все, что онъ мнѣ говоритъ, вздоръ, и какимъ образомъ попасть ко двору тому, кто идетъ прямою фронтовою службою, служитъ въ арміи и въ добавокъ, хотя съ русскою душою, но безъ французскаго и нѣмецкаго языковъ и не въ одномъ любимцѣ не ищетъ, не только прежде, но и теперь.

Между тѣмъ принимая все ето за пустое, думалъ скорѣе отъ етихъ толковъ уѣхать въ полкъ и удалиться отъ столичной жизни, которая мнѣ ужасно надоѣла. Притомъ же за дружбу Сипягину я не заплатилъ бы ему зломъ, я дружбѣ въ жизнь не измѣнялъ, и я ему обязанъ многимъ. Когда я по милости начальства лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, своихъ полковниковъ, какъ напримѣръ Демченки, Акутина и Тихонова,—первой оговаривалъ меня за то, что я его не любилъ, Акутинъ былъ для солдатъ тиранъ, я всегда съ нимъ бранился, когда былъ у него въ батальонѣ, но мы были хороши, онъ отдавалъ справедливость моей службѣ, Тихонова презиралъ потому, что онъ на всѣ подлости былъ готовъ и дошелъ до того, что въ гвардейскомъ мундирѣ и въ полковничьихъ епалетахъ не только занялъ мѣсто дворецкаго у генерала Желтухина, но лѣчилъ даже его лошадей. По наговору сихъ отличныхъ любимцовъ моего генерала, я былъ замаранъ въ глазахъ покойнаго государя. Не знаю, кому я обязанъ за мнѣніе обо мнѣ покойнаго государя императора, и онъ рекомендовалъ меня генералу Дибичу. И такъ какъ былъ женатъ, не желая погубить жены, оставилъ полкъ и вышелъ ни къ Сипягину въ дивизію, а въ Бѣлозерской полкъ. Пріѣзжаю во Владиміръ, вступаю на службу, черезъ два мѣсяца получается инвалидъ о переводѣ моемъ въ Нарвской полкъ. Я узнаю, что ето въ дивизіи генералъ-адъютанта Сипягина и какъ онъ въ отсутствіе генерала Желтухина, бывъ начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса, завѣдывалъ л.-гв. гренадерскимъ полкомъ, то по наговору полковниковъ имѣлъ обо мнѣ несовсѣмъ доброе мнѣніе. Я ропталъ на мой переводъ, зная, что онъ друженъ съ Желтухинымъ, который при выходѣ изъ полка предлагалъ мнѣ свои услуги пособить въ доставленіи полка, но я отвергъ ихъ, и поѣхалъ въ Ярославль съ тѣмъ намѣреніемъ, что бы попросить его мѣсяца на два увольненія по причинѣ болѣзни моей жены, которая была беременна первою дочерью, и потомъ думалъ дослужить до сентября мѣсяца и оставить навсегда службу. Съ етими мыслями явился я къ генералу Сипягину въ самой день Благовѣ-

щенья. Онъ въ етотъ день шолъ къ пріобщенію Святыхъ Таинъ. Увидя меня, онъ поцѣловался и сказалъ: „Какъ я радъ, что ты ко мнѣ просился“. Я ему отвѣчалъ, что я совсѣмъ не просился и не знаю, какъ я переведенъ. Онъ посмотрѣлъ на меня и, кажется, былъ не доволенъ моимъ отвѣтомъ. Потомъ, желая напомнить мои вздорныя поступки въ лейбъ-гренадерахъ: „Ну, я надѣюсь, что ты здѣсь ссориться не будешь“. „Надѣюсь, что здѣсь такихъ подлостей не будетъ, какъ въ лейбъ-гренадерахъ“,—прехладнокровно ему отвѣчалъ. Онъ ушелъ въ церковь, взявъ у меня слово, что бы я какъ можно скорѣе пріѣхалъ. Я возвратился въ Судогду, гдѣ квартировалъ тогда Бѣлозерской полкъ, взявъ жену и въ самое распутье пріѣхалъ въ Ярославль и получилъ въ команду Нарвскаго полка 1-ой батальонъ и сверхъ того нѣкоторыя команды, находящіяся при дивизіонной квартирѣ. Спустя годъ получилъ я полкъ безъ всякихъ искательствъ. Во время жизни въ Ярославлѣ, мы кромѣ службы пріобрѣли дружбу въ домѣ Сипягина: его жена съ моею были дружны, какъ родныя сестры, потерю ея я и жена, бывъ въ Угличѣ, оплакали, какъ ближайшею родственницу, и я былъ на выносѣ тѣла ея и первой далъ примѣръ гг. штабсъ-офицерамъ нести трупъ добродѣтельной женщины.

Между тѣмъ изъ Варшавы не имѣлось совершенно никакого извѣстія. Слухи въ городѣ на щотъ желанія были темны; какъ и прежде, большая часть народа желали въ то время царствующаго государя цесаревича Константина, боялись только однаго, что онъ окруженъ будетъ поляками; нынѣ царствующему императору Николаю Павловичу преимущества въ толкахъ публики пользы не было, ибо вмѣсто поляковъ думали видѣть возлѣ русскаго императора прусаковъ и публика отдавала справедливость въ любви къ русскому народу его императорскому высочеству Михаилу Павловичу. На щотъ короны было говорено много злого, что корона русская нынѣ подносится, какъ чай, и никто не хочетъ. Ети вѣсти будто бы напечатаны въ иностранныхъ газетахъ. На щотъ императорскаго титула говорено, что нынѣ въ императоры обходятъ также какъ изъ прапорщиковъ въ подпорутчики. Ети вѣсти изобрѣтенія языка моего. На случай вступленія на престолъ нынѣ царствующаго императора сдѣлано было два плана. Первой, положено произвести въ дѣйство при приводѣ войскъ къ присягѣ, подъ предлогомъ, что ни хотятъ имѣть на престолѣ нынѣ царствующаго государя Николая I-го, а требовать цесаревича Константина. Я въ пользу государя не говорилъ ни

слова и, основавшись на слухахъ, старался въ душѣ своей возродить ненависть. Другой планъ: естли по какому нибудь случаю во время присяги не будетъ дѣйствія, то въ такомъ случаѣ отложить до коронаціи. Услыша отъ него обо всѣхъ планахъ, я спросилъ опять о пользѣ отечественной. Онъ что то сказалъ, употребя имя дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Сперанскаго. Когда спросилъ я его объ войскѣ, то онъ объяснилъ мнѣ, что очень сильны, и будто покойный государь зналъ ето и разсказывалъ генералу отъ инфантеріи Ермолову, а сей послѣдній совѣтывалъ поберечься Фонъ-Визину. Я заключилъ по всему етому разговору, что ето совершенный вздоръ, о пользѣ отечества я не слышалъ отъ него ни слова.

Въ ето время отворяется дверь, входитъ какой то молодой человѣкъ. Рылѣевъ говоритъ: „Ето нашъ!“ И такъ, не давая слова и не имѣя желанія, записанъ я поневолѣ въ новую службу и по етому могъ понять, что заговоръ существуетъ. Но я былъ покоенъ, ибо, соображаясь со слухами народа, никакъ не полагалъ, чтобы его императорское высочество цесаревичъ, царствовавшій въ то время, отказался отъ престола, предложеннаго ему нынѣ царствующимъ императоромъ и любовью цѣлаго народа, или по крайней мѣрѣ думалъ такъ: естли онъ отвергнетъ престолъ россійскій, то, любя народъ и для спокойствія общаго, пріѣдетъ и передастъ по назначенію, въ духовной назначенному покойнымъ государемъ императоромъ Александромъ Павловичемъ, нынѣ царствующему государю императору. Къ Рылѣеву въ ето время кто то пришелъ и разговоръ нашъ кончился. Начали находить молодые люди, я видѣлъ ихъ человѣкъ четырехъ и познакомился въ первой разъ съ княземъ Адоевскимъ, который нанимаетъ у насъ комнаты въ Исакіевскомъ домѣ. Посидя немного уѣхалъ.

Я началъ хлопотать, чтобы намъ 15-го числа непремѣнно уѣхать изъ Петербурга, послалъ за повѣреннымъ и приказывалъ ему, чтобы онъ какія можно дѣла къ 14 числу привелъ къ окончанію и что я непремѣнно 15-го числа ѣду. На отъѣздъ нашъ нужны были деньги, для каковой надобности мы и закладывали домъ въ Опекунскій Совѣтъ. Потомъ поѣхалъ я къ полковнику Стюрлеру просить объ отпускѣ брата, служащаго въ лейбъ-гренадерахъ. Первой разъ, не заставъ его дома, пошолъ я къ Мельгунову. Заставъ тамъ офицеровъ, собирающихся идти на ученіе, и я, дожидаясь полковника, былъ у Панова, который укладывалъ свой екипажъ къ скорому отъѣзду. Мнѣ даютъ знать, что полковникъ пріѣхалъ, и я иду къ нему,

прошу о братѣ, онъ даетъ мнѣ слово и, я поблагодаря его, уѣзжаю. Во время бытности моей у полковника Стюрлера, былъ у него капитанъ Дьяченко и офицеръ Галаховъ.

5-го числа былъ я точно съ такою же прозьбою у генерала Есленьева и онъ далъ мнѣ слово доставить брату, служащему въ Преображенскомъ полку, къ 10-му числу уволненіе. 10 число утро я былъ все дома, а вечеромъ поѣхалъ къ дѣйствительному камергеру Всеволожскому. Вечеръ провелъ у него и отъужинавъ, возвратился домой. 11-ое утро я занимался съ своими дѣлами, а вечеромъ отправился къ бабушкѣ и дѣтямъ,—сижу съ ними. Меня вызываютъ, я выхожу и вижу Сутгова. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ отъ Рылѣева для того, чтобы попросить меня, не приглашу-ли я кого изъ лейбъ-гренадерскихъ офицеровъ въ ихъ партію. Изъ разговора Сутгова началъ я понимать, какихъ людей сюда приглашали и обманывали, какъ кажется, всякими манерами. Я сказалъ ему, что я не вижу еще никакой пользы отечественной кромѣ того, чтобы вмѣсто законнаго государя былъ какой нибудь другой властелинъ: тутъ добраго еще немного и потому я еще и за себя не отвѣчаю, но, увѣривъ его, что я завтра переговорю, увидившись съ Рылѣевымъ, разпращался. Когда я вошолъ, то старушка моя очень обрадовалась, говоря, что она узнала отъ людей, что какой-то офицеръ приходилъ, а я скрылся, и она полагала, не вызвали-ли меня на дуэль. Я, засмѣясь, старался ее успокоить и остался цѣлой вечеръ съ моими милыми малютками и, какъ кажется, въ послѣдніи дни не могъ ими налюбоваться и не одна слеза выкатилась изъ глазъ моихъ. Уходя, разпращался съ ними, пошелъ къ себѣ.

12-го по утру поѣхалъ я къ Рылѣеву, но узнавъ отъ него, что вечеромъ будутъ у него многіе товарищи, получилъ двѣ книги его сочиненій въ подарокъ и уѣхалъ опять домой. Обѣдалъ дома и вечеромъ поѣхалъ опять къ нему для общаго собранія. Я пріѣхалъ въ 7 часовъ, засталъ у него дамскую кампанію неизвѣстныхъ мнѣ дамъ, пилъ чай, начали собираться и не болѣе какъ ротные командиры: во фракѣ былъ Пущинъ и адъютантъ Бестужевъ въ военномъ сертукѣ. Я дожидалъ еще чего нибудь посерьезнѣе. Полъ часа назадъ, не знаю, мелькнулъ какой то полковникъ, которой послѣ не являлся и котораго я почти не замѣтилъ. Приходитъ Трубецкой, Рылѣевъ меня знакомитъ съ нимъ. Входитъ Якубовичъ. Не знаю, хотя чего только я душевно порадовался. Я зналъ прежде его по однимъ слухамъ и потомъ по пріобрѣтенной имъ славѣ въ Грузіи,

а здѣсь познакомились съ нимъ. По числу начальниковъ нельзя было думать, чтобы войскъ было болѣе шести ротъ. Я не вытерпѣлъ и спросилъ Рылѣева, какъ велика наша сила. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что многіе начальники уже разъѣхались и что мы довольно сильны: пѣхота, кавалерія и артиллерія—все есть. Давъ имъ волю, дожидалъ распоряженія. Ротныя начальники начали между собою разсуждать и мнѣ казалось, что они не весьма охотно вошли въ етотъ заговоръ. Не знаю, кто изъ нашей компаніи и, кажется, Якубовичъ сказалъ, что для пользы нашего успѣха надобно убить нынѣ царствующаго государя. Тутъ онъ продолжалъ: „Я потерялъ всю мою службу, жертвовалъ собой противъ горскихъ народовъ для того единственно, дабы имѣть случай отмстить государю, котораго я ненавидѣлъ, ждалъ его прибытія и умѣлъ бы отмстить за себя! Но, господа, долженъ вамъ сказать, что я къ нещастію имѣю доброе сердце и на себя не надѣюсь: нынѣшній государь не сдѣлалъ мнѣ никакого зла и я не могу его ненавидѣть, а отваживаться на жизнь человѣка и государя надобно имѣть злобную душу“.

Мы мыслями были сходны. Я, не зная, давно любилъ его,—самъ не знаю за что, можетъ быть за оказанную имъ храбрость въ Грузіи. Съ сей минуты я полюбилъ его душою. Въ ето время вошелъ, кажется, Щепинъ-Растовской, Московскаго полка офицеръ, съ запискою въ рукахъ и читалъ слѣдующее: „государь императоръ, почивающій нынѣ въ Бозѣ, былъ въ опасности въ Таганрогѣ и что двое какихъ то отважныхъ людей готовились отнять жизнь у него.“ Тутъ я въ свою очередь расказалъ имъ, что было время, когда и я отваживался лишить жизни покойнаго государя, но отецъ мой не допустилъ меня, а нынѣшній государь по пріѣздѣ моемъ, бывъ великимъ княземъ, когда я ему представлялся, былъ слишкомъ ко мнѣ милостивъ и я не люблю его по однимъ только слухамъ и вступилъ въ етотъ заговоръ единственно для пользы отечества, а какая польза еще не слыхалъ и до сего времени. „И такъ, друзья, вмѣсто невидимаго добра, чтобы не сдѣлать намъ вреда народу, не забудьте: при открытіи нами огня, чернь во всѣхъ частяхъ города можетъ опустошать домы и наносить большое зло народу и городу“.

Изъ разговоровъ ротныхъ командировъ видѣлъ ихъ нерѣшительность и особенно въ Щепинѣ-Растовскомъ, которой менѣе всѣхъ надѣялся на солдатъ своихъ. Продолжалъ, обратясь опять къ нимъ: „Намъ остается мало время разсуждать: естли на себя и на солдатъ своихъ не надѣетесь, то лучше оставьте до другаго случая. Не за-

будте еще и то, что естли кто рѣшится на нашъ поступокъ, то долженъ рѣшаться такъ, чтобы не возвращался назадъ. Я здѣсь не имѣю никакой команды и хотя знаю совершенную привязанность ко мнѣ солдатъ стараго полка, но на лейбъ-гренадеръ я не надѣюсь и потому я могу рисковать однимъ собою". Якубовичъ сказалъ, что онъ тоже при себѣ никого не имѣетъ и наше дѣло было явиться на площадь, когда соберутся ихъ войски, на Петровскую площадь, подъ предлогомъ, что не хотятъ присягать императору Николаю Павловичу, а требовать цесаревича Константина. Впередъ зная, что надежды ихъ основаны на болтаньи молодыхъ людей, ибо они полагали, что надобно начать, а тамъ все будетъ на ихъ сторонѣ, я предвидѣлъ по числу начальниковъ, что затѣи ихъ пустыя, то предложилъ имъ первой мой совѣтъ, состоящій въ томъ: по собраніи нашихъ войскъ на площади, естли увидимъ такое число, что можно сопротивляться, подѣйствовать, а ежели нѣтъ, то по первому увѣщанію присягнуть безъ всякаго дѣйствія. Съ княземъ Трубецкимъ я не говорилъ ни слова, но онъ такъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ предпріятій, что говоря, съ своими военноначальниками, полагалъ, что можетъ быть обойдется безъ огня. Я слышалъ послѣднія слова сіи. Князь Трубецкой вышелъ, имѣя какія то важныя дѣла. Рылѣевъ пошелъ проводить его. Разсматривая здѣсь людей, какъ я жалѣлъ объ нихъ, я во многихъ находилъ отчаянную рѣшительность и которыя бы во время надобности отечества могли бы доказать большія услуги, но они погибаютъ преступниками и совершеннымъ обманомъ, они стремятся изтребить власть законнаго государя и хотятъ имѣть по заговору нѣсколькихъ лицъ, обманывающихъ всѣхъ такъ, какъ и меня самаго и все для пользы отечества. Я рѣшился помочь имъ. Возвращается Рылѣевъ и обратясь къ намъ говоритъ: „Не правда ли, господа, что мы избираемъ достойнаго начальника?" Я еще не видѣлъ никакихъ достоинствъ, предполагаемое ими благо до сего времени мнѣ неоткрыто, замѣтилъ только то, что онъ принялъ важность настоящаго монарха, усмѣхнулся и молчалъ. Якубовичъ съ усмѣшкою отвѣчалъ: „Да, онъ довольно великъ!" Рылѣеву показалось немного обидно. Онъ спрашиваетъ Якубовича: „Что ты говоришь?" Но тотъ обратилъ разговоръ въ шутку и толкованіе объ князѣ кончилось. Странно для меня было, что мысли мои были во всемъ сходны съ Якубовичемъ, и я его начиналъ часъ отъ часу болѣе и болѣе любить.

Я вижу, что здѣсь нечего болѣе дѣлать и хочу поговорить съ Якубовичемъ, беру шляпу, онъ также и хотимъ вмѣстѣ ѣхать. Я по-

прощался со всѣми, давъ имъ руку, и они цѣнили меня и по моему мнѣнію здѣсь было болѣе хорошихъ, нежели дурныхъ людей. Выйдя съ Якубовичемъ, мы за воротами встрѣтили полковника Глинку, который прежде служилъ у графа Михаила Андреевича Милорадовича, сѣли съ Якубовичемъ въ карету и поѣхали ко мнѣ. Въ каретѣ я спрашиваю его, давно-ли онъ въ етой партіи?—„Нѣтъ, недавно“. „Знаете ли вы по крайней мѣрѣ отечественную пользу сего заговора?“--„Нѣтъ“.--„Какъ велико число нашихъ солдатъ?“—„И того нѣтъ“.—„Давно ли вы знакомы съ етими людьми?“—„Князя вижу первой разъ, Рылѣева также хорошо не знаю“.—Я ему открылъ, что насъ обманываютъ. Тутъ я ему расказалъ слѣдующее. Рылѣева я знаю давно и, бывъ дѣтьми, вмѣстѣ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ воспитывались, мы были въ одной ротѣ и мнѣ кажется, онъ рожденъ для заварки кашъ, но самъ всегда оставался въ сторонѣ. Не одинъ разъ разстроивалъ дружбы кадетъ и заводилъ между ними войну и даже нѣсколько разъ противъ меня самаго возстановлялъ партіи, но я, бывши кадетомъ, умѣлъ останавливать, или удалятся и за ето не любилъ его, но теперь онъ, какъ кажется, человѣкъ порядочный и вышелъ такъ, что я ожидать не могъ, довольно хорошо пишетъ, но между протчимъ думы и все возмутительныя и я слышалъ объ его дуеляхъ и, слѣдовательно, имѣетъ духъ; но я его подозрѣваю и мнѣ кажется, что они подозрительны почти всѣ. Отвѣчалъ Якубовичъ: „Я радъ, чтс мы съ нимъ однихъ мыслей“.

И я предложилъ ему слѣдующее: такъ какъ ни я, ни онъ не знаемъ предполагаемой ими отечественной пользы, ни лицъ, которыя съ нами участвуютъ кромѣ молодежи, которыхъ я видѣлъ вовсе недавнее мое время, попавъ въ ету партію страннымъ образомъ; не знаемъ ни числа войскъ и совершенно ничего, то дабы узнать все подробно и естли предложенія ихъ точно полезны, то будемъ дѣйствовать; для узнанія же плана ни ѣхать къ Рылѣеву, но вызвать князя Трубецкаго и Рылѣева къ себѣ. И такъ какъ насъ здѣсь двое армейскихъ, одинъ почти изъ Сибири, другой изъ Грузіи, и пріѣхавшихъ по дѣламъ, дадимъ слово, въ случаѣ выѣзда нашего и опасности, защищать другъ друга. Здѣсь я далъ слово Якубовичу и сдержалъ бы. Мы доѣхали до дома, гдѣ я живу съ братьями, я къ себѣ его не просилъ первое потому, что онъ куда то ѣхалъ, а второе потому, что бы братья мои не знали ничего. Мы разстались и я щиталъ его истиннымъ другомъ,—не знаю, какъ полагалъ онъ меня, и естли у насъ чувства одинаковы, то вѣрно онъ не щитаетъ

меня обманщикомъ. Войдя въ комнаты, увидѣлся я съ братьями, старался показать себя сколько можно покойнымъ. Проспдѣлъ цѣлой ужинъ и послѣ стола ушолъ въ спальню и легъ въ постель. Я все еще не злодѣй, ибо не вступилъ душою въ составъ заговорщичей партіи. Я думалъ 14 числа узнать и естли найду настоящую пользу отечества въ планахъ, и какъ искуснѣе Трубецкаго въ военномъ ремеслѣ, а духомъ тверже и того болѣе, то и предлагалъ обѣщаемое войско свое раздѣлить на два отряда и надѣюсь послѣ моихъ распоряженій, сдѣланныхъ въ моей головѣ, товарищи мои препоручили бы мнѣ начальство войскъ нашихъ. Товарищами я называю изъ нашей партіи не всѣхъ, а тѣхъ только, которыя также обмануты, какъ и я, и которые стремились къ пользѣ отечества; а тѣ которыя хотѣли изстребить законную власть и подлыми изобрѣтеніями взойти въ правленіе государствомъ, а можетъ быть и тронъ россійскій, принадлежащій законнымъ государямъ царской крови Романовыхъ, и тѣ подлыя безчестныя люди, которымъ оставалась можетъ быть одна тюрма надеждою, могутъ ли они назватся товарищами благороднаго заговорщика? Трубецкой напрасно имѣлъ надежду владѣть народомъ, онъ имѣлъ во мнѣ и Якубовичѣ враговъ, и етого довольно. Ночь провелъ я безпокойно и почти не могъ уснуть. По утру вставъ съ постели, я вошелъ въ комнату братьевъ моихъ. Они изпужались меня. Видъ былъ ужасенъ мой. „Что сдѣлалось съ тобой?“ спросилъ братъ мой Александръ и думалъ посылать за докторомъ; но я не позволилъ и подъ видомъ прогулки поѣхалъ къ Якубовичу. Войдя туда, нашелъ тамъ флигель-адъютанта какого то графа, по фамиліи не знаю. Я поговорилъ съ Якубовичемъ, говорилъ съ графомъ. Онъ зналъ меня и какъ никто не могъ думать, зная всегдашнія мои правила, чтобы я могъ быть въ числѣ заговорщиковъ, то, вѣроятно, не имѣлъ на насъ никакого подозрѣнія, да и я самъ понятія не имѣлъ объ существующемъ заговорѣ до того времени, какъ открылъ мнѣ Рылѣевъ. Графъ курилъ трубку, а мы вышли въ другую комнату и условились, чтобы завтришній вечеръ въ 7 часовъ князя Трубецкаго и Рылѣева вызвать къ себѣ и подтвердили слово, чтобы дѣйствовать тогда, когда увидимъ пользу отечества.

Выѣзжая къ Якубовичу по утру, лишь только вступилъ я на первую ступеню, принесли мнѣ заказываемыя иконы Спасителей для каждой малютки по одному. Я чрезвычайно порадовался такой встрѣчѣ и счолъ за благословеніе свыше, велѣлъ ихъ отнести въ церковь и освятить. Въ воскресенье, навѣстя моихъ малютокъ, я

цѣлый день былъ дома и несовсѣмъ здоровъ. Ввечеру пріѣхалъ ко мнѣ л.-г. Гренадерскаго полка князь Сергѣй Мещерскій и я пошелъ съ нимъ въ мою комнату, у меня сѣли и говорили о постороннихъ матеріяхъ. Отъ его я узналъ объ извѣстіи, полученномъ отъ его имераторскаго высочества цесаревича съ отреченіемъ отъ престола. Меня заставило задуматься. Первое, что я цесаревича любилъ, противъ нынѣ царствующаго государя, основавшись на слухахъ, старался возродить ненависть въ душѣ моей и еще болѣе жалѣлъ о томъ, что я не могу уѣхать безъ преступленія Я былъ совершенно не покоенъ. Является ко мнѣ Сутговъ, я догадался, что онъ имѣетъ во мнѣ надобность, вышелъ въ другую комнату и получилъ отъ него письмо слѣдующаге содержанія: „Любезный другъ. Сейчасъ пріѣхалъ его императорское высочество великій князь Михаилъ Павловичъ. Явись завтра пожалуста въ 7 часовъ въ лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ. Любезный! Честь, польза, Россія!“ Подписано: Конд. Рылѣевъ. Хорошо, подумалъ я, естли все это справедливо, вошолъ въ комнату, гдѣ былъ Мещерскій, братъ мой и Сутговъ, князь желалъ ѣхать домой, но я просилъ его остаться. Сутговъ уходитъ. Я также предложилъ ему остаться, но онъ не захотѣлъ; я догоняю его въ коридорѣ и говорю ему, что я въ казармахъ не буду и совѣтую ему, чтобы онъ былъ остороженъ и берегъ себя; совѣты ему были не одинъ разъ, но онъ меня не послушалъ. Оставшись съ княземъ, мы провели бы вечеръ довольно пріятно, естлибы совѣсть моя была чиста. Я взглянулъ на часы: уже 10 часовъ; я послалъ мальчика узнать о дѣтяхъ моихъ и между тѣмъ велѣлъ накрывать столъ, торопился, чтобы дали скорѣе закусить и чтобы имѣть щастіе взглянуть на моихъ дѣтей. За столомъ я выпилъ рюмку шампанскаго за здоровье моихъ братьевъ и другую при концѣ за здоровье старухи-бабушки и дѣтей, не дожидаясь конца стола, попросилъ у князя извиненія уйти къ дѣтямъ. Князь остался съ братьями. Я торопился застать бабушку и дѣтей не спящими, хотѣлъ заѣхать къ Рылѣеву, узнать объ распоряженіяхъ. Выйдя на улицу, взялъ извощика, пріѣзжаю къ бабушкѣ въ домъ, всѣ люди удивляются позднему моему пріѣзду; войдя въ комнату къ почтенной старушкѣ, всѣ были въ постеляхъ, бабушка и старшая дочь моя не спали, меньшая покоилась ангельскимъ сномъ. Удивляется позднему моему посѣщенію. Я увѣряю, что пришолъ поздравить ее съ новымъ императоромъ, и потомъ отдалъ ей нѣсколько дѣтскихъ денегъ, посидѣлъ немного возлѣ ее постели, простился, потомъ подошелъ проститься съ старшею моею

дочерью. Она протянула маленькія свои ко мнѣ ручонки, я перекрестилъ ее, поцѣловалъ и омочилъ ее своими слезами, тоже сдѣлалъ и съ спящею малюткою и едва вышелъ изъ комнаты, припоручая ихъ Всевышнему Попечителю.

Отъ сихъ невинныхъ твореній я поѣхалъ къ товарищамъ преступнаго отца ихъ. Прежде всего заѣзжаю къ избранному мною Якубовичу, не заставъ его дома, оттуда къ Рылѣеву. Вхожу, застаю у него Бестужева и еще кого то изъ нашей партіи. „Здравствуйте, друзья мои, я сдѣлалъ для васъ все то, что тяжелѣе было для меня всего на свѣтѣ: Я простился съ милыми моими сиротками". И слезы покатились изъ глазъ моихъ. Бестужевъ принялъ во мнѣ участіе и сквозь слезы проговорилъ, обратя взоръ къ небу: „Боже, неужели отечество не усыновитъ насъ!"—„Ну оставьте ето!" сказалъ я имъ, Требовалъ, что бы Рылѣевъ сказалъ мнѣ, какъ онъ распорядился и много ли мы имѣемъ силы. Онъ нащиталъ мнѣ очень довольно и вотъ они: Измайловскій цѣлой полкъ, Финляпской баталіонъ, Московскихъ двѣ роты, лейбъ-гренадеръ двѣ роты, екипажъ весь, кавалеріи будетъ часть и также артиллерія. Рылѣевъ говоритъ, что Якубовичъ поѣхалъ въ батальонъ екипажа съ ними говорить и поведетъ ихъ. Мнѣ ето стало досадно, потому что я далъ ему слово защищать другъ-друга Я опять сказалъ ему, что естьли войска не прійдутъ и ихъ будетъ мало, то я не потеряю дѣтей и моего имени и дѣйствовать не буду. Распоряженія одни и тѣже и новаго только: въ 8 часовъ собраться. Съ сими словами я уѣхалъ отъ нихъ.

Пріѣзжаю домой и, какъ была ночь, люди всѣ спали, я легъ также спать; желая сдѣлать послѣднія распоряженія въ жизни моей, приказалъ камердинеру моему разбудить меня въ пять часовъ. Долго не могъ уснуть и мои дѣти заняли все мое воображеніе, сонъ склонилъ меня и я уснулъ; просыпаюсь, думаю, что человѣкъ заспалъ, зову, онъ входитъ, приказываю дать огня, приносятъ свѣчу, смотрю на часы и только четыре часа. Я беру бумаги, пишу къ почтеннѣйшей бабушкѣ, препоручаю ей ее правнучекъ и прошу ее быть имъ вмѣсто нѣжной матери и преступнаго отца. Пишу также письмо къ почтенному благодѣтелю моему и другу генералу Сипягину, къ командующему полкомъ, къ нѣкоторымъ помѣщикамъ и прощаюсь съ ними подъ видомъ болѣзни, брату оставляю записку о дѣлахъ и дѣлаю неважныя препорученія. Написавъ письма, призываю камердинера, отдаю и приказываю отправить на почту, естьли я не возвращусь въ часъ, даю ему за вѣрную службу 200 рублей денегъ и въ

запискѣ брата назначаю вольную. Потомъ, устроя всѣ бумаги въ шкатулкахъ, приступаю къ молитвѣ. Помолясь Богу, и какъ было около 8 часовъ, то приказываю запречь лошадь и ѣду увидѣть Якубовича. Пріѣзжаю, застаю его дома. Онъ встрѣчаетъ меня въ дверяхъ съ чашкою кофію, мы поговорили о предстоящемъ нашемъ дѣлѣ. И что же я слышу отъ него, вообразите себѣ! „Что они со мной сдѣлали,—говоритъ Якубовичъ,—обѣщали, что я буду начальникомъ батальона екипажа, я ѣду туда и что же? Меня господа лейтенанты заставляютъ нести хоругвій! Вотъ прекрасно, я самъ старѣе ихъ всѣхъ, и столько имѣю гордости, что не хочу имъ повиноваться!“ Отвѣтъ мой былъ ему, что мы будемъ обмануты и потому подтвердили и еще слово одинъ безъ другого не выѣзжать и не приступать къ дѣлу. Дабы взять всѣ предосторожности къ скорому отъѣзду, естли не будетъ какой либо тревоги, я заѣхалъ проститься къ его превосходительству Павлу Яковлевичу Башутскому и хотѣлъ поблагодарить его за хорошее ко мнѣ расположеніе. Пришолъ въ канцелярію и узнаю, что онъ у присяги, я заѣхалъ въ Главный Штабъ и въ канцеляріи дежурнаго генерала спрашивалъ, когда будетъ присяга проживающимъ здѣсь военнымъ чинамъ. Мнѣ сказали: завтра. Отсюда я поѣхалъ къ Рылѣеву и у него въ первой разъ увидѣлъ Оболенскаго. Онъ ужасно обрадовался моему приходу и мы, увидясь первой разъ, поздоровались, пожали другъ-другу руки. Я спросилъ ихъ: „Чтоже господа, какъ наши дѣла?“—„Все хорошо“. отвѣчали мнѣ—„Ну я вамъ опять повторяю, друзья мои, естьли войска будетъ мало, я себя марать не стану и не выѣду къ вамъ“.

Пущинъ спросилъ: „Да много ли вамъ надобно?“ Столько, какъ обѣщивалъ Рылѣевъ. Я опять спросилъ объ артиллеріи и кавалеріи, но не получилъ отвѣта. Въ ето время вызвалъ кто то Рылѣева, я самъ хотѣлъ ѣхать, на встрѣчу попадаетъ Рылѣевъ и говоритъ, что полковые командиры присягаютъ. Я повторилъ Рылѣеву объ войскахъ, онъ мнѣ отвѣчалъ: „естли такъ, такъ будетъ одна маска“. Время до дѣйствій довольно. Я поѣхалъ къ Якубовичу сказать ему, чтобы онъ дожидался меня, а самъ заѣхалъ домой и вижу, что братъ мой, л.-гренадеръ, собирается въ полкъ къ присягѣ. Я отзываю его въ другую комнату и прошу, чтобы онъ нашелъ Сутгова и сказалъ бы ему, чтобы онъ моего имени не упоминалъ ни въ какомъ случаѣ. Братъ уѣхалъ, а я послалъ за образами въ церковь, которыми въ послѣдній разъ благословилъ моихъ малютокъ, и какъ у бабушки были посторонніе люди, то я старался сколько возможно

креститься, чтобы не подать сильнаго подозрѣнія. Разпрощавшись, я сохранилъ покойной духъ, не воображая, что и было что нибудь. Выйдя въ другую комнату, сказалъ бабушкѣ: „что предъопредѣлено Вышнимъ, то и быть должно: помните ето всегда". Почтенная старушка, не понимая значенія словъ моихъ, отвѣчала мнѣ: „Правда".

Я поѣхалъ къ Якубовичу, подъѣзжая къ подъѣзду встрѣтилъ его выходящимъ изъ дому. Онъ имѣлъ намѣреніе куда то заѣхать, мы назначили мѣсто, гдѣ намъ съѣхаться на Аглинской набережной, или на бульварѣ, заѣхалъ еще разъ въ комендантскую канцелярію, но опять не засталъ его превосходительства дома, поѣхалъ отъискивать Якубовича и я думаю раза три объѣхалъ Петровскую площадь и Якубовича не видалъ и уѣхалъ домой. Потомъ, какъ я всѣ свои вещи отправилъ въ полкъ и славное свое оружіе, то и жалѣлъ очень, что не имѣлъ при себѣ ничего для защиты себя.

Братъ мой сказалъ мнѣ, что присяга кончена. Какъ другъ, вызвался на етотъ разъ мнѣ сдѣлать услугу и какъ онъ заказывалъ пистолеты мастеру Кноту, и я просилъ его заѣхать купить мнѣ кинжалъ. Онъ отправился. А я уѣхалъ опять на Петровскую площадь искать Якубовича, сдѣлавъ круга два и не найдя, я возвратился опять домой; дожидаясь возвращенія брата, полагалъ, что все кончено, поблагодаривъ Бога, что избавился отъ зла и не буду присутствовать при семъ нещастіи, ибо имѣлъ желаніе, какъ наивозможно скорѣе оставить Петербургъ и отправиться въ полкъ. Я приказалъ моему камердинеру прощальныя мои письма сжечь, а самъ, переодѣвшись, думалъ отправиться на цѣлой день къ дѣтямъ.

Идя артиллерійскою площадью на Шестилавочную улицу, услышалъ я выстрѣлъ, взялъ на биржѣ извощика и поѣхалъ на Петровскую площадь, дабы узнать, не тамъ ли Якубовичъ. Выѣхавъ на площадь, со стороны дома Лобанова-Ростовскаго и подъѣзжая къ углу бульвара, остановился, велѣлъ извощику подождать, а самъ вышелъ на самую площадь, чтобы посмотрѣть, какого полку партія дѣйствуетъ: двѣ роты Московскія. Я выходилъ на площадь, не знаю, по комъ было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ, и пуля или двѣ просвистали мимо меня; возвращаюсь, ищу своего извощика, его нѣтъ, беру другаго и велю ему ѣхать къ театру, полагая, что тамъ квартируетъ екипажъ. Тамъ покойно, только замѣтна бѣготня народа оттуда. Я проѣхалъ въ Измайловскій полкъ, вставъ съ саней, и отпустилъ извощика и самъ пошелъ пѣшкомъ, нахожу, что въ полку совершенное спокойствіе. Беру другаго извощика и отправляюсь къ дѣ-

тямъ. Проѣзжая мимо Глѣбова домъ, гдѣ квартируетъ Московскій полкъ, узнаю, что двѣ роты ушли, которыя я и видѣлъ на площади, и въ добавленіе, что полковникъ Хвощинскій изрубленъ. Сѣлъ опять въ сани и пріѣхалъ къ бабушкѣ. Войдя въ комнату, засталъ ихъ за столомъ обѣдающими, имъ была извѣстна суматоха въ городѣ. Я имъ сказалъ, чтобы они были покойнѣе, что на площади весьма небольшая часть злодѣевъ, которыя, конечно, должны будутъ присягнуть нынѣ царствующему императору, не помню выпилъ я рюмку вина или наливки, съѣлъ кусочекъ хлѣба и поѣхалъ домой. Подъѣзжая къ дому, вижу, что артиллеристы хлопочутъ. Я, войдя въ комнаты, велѣлъ себѣ дать одѣться, увидѣлъ брата и попросилъ его о пистолетахъ. Братъ дать колебался, но я сказалъ ему: „Любезный другъ, не думай, что бы я посягнулъ на чью нибудь жизнь, ты можешь быть увѣренъ, что кромѣ какъ на самаго себя ни одинъ пистолетъ употребленъ не будетъ“. Братъ жалѣлъ меня, но зарядилъ пистолеты, ибо они были со шпелеромъ, я не умѣлъ ихъ зарядить, да къ тому же я торопился одѣться. Я приказалъ осѣдлать себѣ подручную лошадь и, бывъ совершенно готовъ, взялъ заряженные пистолеты, одинъ изъ нихъ и кинжалъ я спряталъ за пазуху, другой въ карманъ. Прощаясь очень хладнокровно съ моимъ братомъ Александромъ, имѣлъ нещастіе похвастать брату моему, что естли я буду въ дѣйствіи, то и у насъ явятся Бруты и Ріеги, а можетъ быть и превзойдутъ тѣхъ революціонистовъ. Имена сіи я не такъ хорошо зналъ по ихъ дѣяніямъ, какъ по безпрестаннымъ произношеніямъ меньшаго брата моего. Но онъ не былъ дома и ѣздилъ въ Опекунской Совѣтъ для полученія денегъ по собственнымъ нашимъ надобностямъ. Выйдя изъ дому, сѣлъ я въ сани, а на лошадь велѣлъ сѣсть человѣку и ѣхать за мной.

Артиллерія пошла впередъ, и я велѣлъ себя вести по набережной единственно для того, чтобы увидѣть лейбъ-гренадеръ и предостеречь Сутгова, что онъ обманутъ. Подъѣзжая къ Гагаринской пристани или, кажется, у Мраморнаго дворца, спросилъ я: „прошли ли лейбъ-гренадеры?“—Мнѣ отвѣчали: давно уже! Досадно, сказалъ я, не знаю слышалъ ли мой извощикъ, или нѣтъ слова мои. Пріѣхавъ къ Зимнему Дворцу, увидя войска, я началъ разсуждать и въ мысляхъ своихъ дѣлалъ планы движеніямъ; на дворцовой площади встрѣтилъ я человѣкъ десять солдатъ лейбъ-гренадеръ, одинъ изъ нихъ узналъ меня и, какъ кажется, уговаривалъ воротиться и потому я догадывался, что Сутговъ употребилъ во зло любовь солдатъ ко мнѣ, а съ тѣмъ и мое имя.

Я долго ѣздилъ по дворцовой площади, встрѣчалъ довольно знакомыхъ и видѣлъ много генераловъ, со всѣми кланялся и потихонько поѣхалъ далѣе, слышу крики: „Ура!“ Ето Измайловскіе, которые должны быть, по увѣренію Рылѣева, всѣ на ихъ сторонѣ и, слѣдовательно, во всемъ обманъ. Объ Якубовичѣ я зналъ, что онъ также не будетъ дѣйствовать по сдѣланному между нами условію и по слову дождаться меня. Подъѣзжаю къ батальону Преображенскаго полка, вижусь съ офицерами, которыя довольно часто у насъ бывали по дружбѣ съ братомъ моимъ, и всѣ безъ изъятія прекрасные молодые люди; я поговорилъ съ ними, вижу лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка офицера Галахова. Онъ мнѣ сказалъ, что двѣ роты ушли. Я крайне сожалѣлъ, что Сутговъ не послѣдовалъ моему совѣту.

Въ ето время вижу я государя императора. Мнѣ очень понравилось его мужество, былъ очень близко его и даже не далѣе шести шаговъ, имѣя при себѣ кинжалъ и пару пистолетовъ. Я ѣздилъ, разсуждалъ и очень жалѣлъ, что я не могу ему быть полезенъ, обратился къ собранію вечера 12 числа, гдѣ было положено для пользы отечества, или лучше сказать партіи заговорщиковъ, убить государя. Я былъ возлѣ него и совершенно былъ покоенъ и судилъ, что я попалъ не въ свою компанію.

Продолжаю путь свой, начало уже смеркаться. Я вижу коллежскаго совѣтника Милина, узнаю отъ него, что полковникъ Стюллеръ раненъ и одна мысль, что можетъ быть нещастное мое имя причиною жестокой раны вѣрнаго слуги государя и отечества, приводитъ меня въ ужасъ, но зная, что только двѣ роты на той сторонѣ и бывъ увѣренъ, основываясь на попавшихся мнѣ солдатахъ, что должно быть имя мое пружиною ихъ дѣйствія, я не подъѣзжалъ къ нимъ и видѣлъ одного капитана Дьяченку. Уже довольно смерклось, орудія начали дѣйствовать, я былъ вблизи оныхъ, досадовалъ на распорядителей заговора, неимѣвшихъ понятія въ военномъ дѣлѣ, и строю замыслы свои: на обманахъ губятъ людей. Злоба овладѣла, когда я услышалъ, что изрубили обезоруженнаго офицера Московскаго полка. И такъ, хотя гнусное дѣло быть заговорщикомъ, но естли бы они не обманули меня числомъ войскъ и открыли бы видимую пользу отечества и русскаго народа, я сдержалъ бы свое слово и тогда бы труднѣе разсѣять партію. Мы были бы разбиты можетъ быть большинствомъ войскъ, но не такъ легко могли бы купить послѣднюю каплю крови мою: ибо я живой, Якубовичъ тоже

и вся партія не отдалась бы въ руки, послѣдуя нашему примѣру. Давая слово, я всегда его сдерживалъ, въ чемъ бы оно не состояло. Не встрѣтясь нигдѣ съ Якубовичемъ, уѣхалъ домой тогда, когда заговорщики были прогнаны и, имѣя въ душѣ моей большое волненіе, жалѣлъ молодыхъ людей въ партіи заговора, которые, вдавшись въ обманъ, себя погубили, болѣе же сожалѣлъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, который служилъ вѣрно столько лѣтъ своему государю, отечеству и дѣлами, заслуживая постепенно, удостоился носить имя гвардіи, пожертвовалъ собой безъ всякой пользы по ученіямъ тѣхъ людей, которыхъ ожидала тюрьма, и та еще имъ награда не можетъ быть: они завлечены къ потери славнаго имяни своего нещастнымъ имянемъ моимъ. Пріѣхавъ съ бурною душою домой, слышу безпрестанно расносящіяся слухи, что правая на сторонѣ заговора и я какъ будто радуюсь, то сожалѣю и совѣсть моя была непокойна. Не знаю, отъ чего, уважая мужество государя, кипѣлъ къ нему ужаснымъ мщеніемъ, съ часу на часъ усиливающимся, или по ходящимъ слухамъ, что рубятъ безъоруженныхъ, или почему либо другому. Узналъ также я, что артиллерія не присягала и какъ будто досадовалъ, что она нейдетъ на помощь, и я опять довольствовался, что она покойна. Не знаю, откуда слышалъ человѣкъ мой Иванъ Семеновъ, что въ 12 часовъ начнется дѣло. Я не знаю, были ли посланы курьеры на поселеніе, которое долженствовало все взволноваться, но какъ дѣйствіе должно было быть произведено 17-го, то полагалъ, что тѣ войска поспѣть не могутъ; а какъ не хотѣлось мнѣ измѣнить слову, данному Якубовичу, то, ложась въ постель, приказалъ: естли что будетъ въ 12 часовъ, то осѣдлать мнѣ лошадь и со мною ѣхали бы два человѣка, ибо по слухамъ на улицахъ ходить одному было опасно. Но вскорѣ пришелъ живущій у насъ въ домѣ отставной капитанъ Полянской и увѣдомилъ, что все кончено.

На другой день по полученному мною увѣренію наканунѣ, въ Главной Штабъ для присяги отправился; пріѣзжаю, застаю адъютанта Лалаева и по сдѣланнымъ нѣкоторымъ справкамъ узнаю, что отмѣнено, я ѣду домой. Лишь только взошолъ въ комнату, получаю конвертъ дежурнаго генерала,—явиться въ 11 часовъ для присяги, но какъ былъ еще десятый часъ, то я и поѣхалъ узнать о Якубовичѣ. Подъѣхавъ къ его квартирѣ, позвонилъ въ колокольчикъ, но двери не отворяются, прислушиваюсь, и никто нейдетъ, я звонилъ еще и все молчаніе. Я досадовалъ: Неужели я ошибся въ немъ и онъ, можетъ быть, куда либо скрылся изъ города? Опять новая мысль: Не

былъ ли онъ съ партіею въ дѣлѣ? Хотя мы обмануты, но все я укорялъ ихъ и злоба моя еще болѣе увеличилась къ государю.

Я поѣхалъ въ Штабъ въ ужасномъ смятеніи. Я взбѣжалъ въ залу, протолкался впередъ между народомъ. Читаютъ манифестъ, я слушалъ и дрожалъ. Подняли руки вверхъ, и я тоже, присягаютъ всѣ и я присягаю, присяга кончена, всѣ цѣлуютъ слова Священнаго Писанія и подходятъ къ кресту. До сихъ поръ я преступникъ въ томъ, что не открылъ извѣстнаго мнѣ заговора, но собственно самъ зла не сдѣлалъ ни въ чемъ. Пусть бы Рылѣевъ взглянулъ, куда завело меня мое къ нему довѣріе. Пусть бы онъ видѣлъ, какъ терзалась совѣсть моя несмотря на то, что онъ обманулъ меня, и я не могъ сдержать свое слово. И такъ вотъ главное мое преступленіе, котораго никто и никогда открыть бы не могъ. Есть ли и былъ ли когда подобный мнѣ злодѣй, которой бы рѣшался на то, на что я рѣшаюсь? Я подхожу къ Святому Евангелію, дрожа цѣлую священныя слова онаго и, поцѣловавъ крестъ, произношу клятву, отмстить государю за изрубленныхъ и за преступныхъ моихъ товарищей. Я отшатнулся отъ креста, едва стоялъ на ногахъ и удивлялся, что никто меня не замѣчаетъ. Всякой, взглянувъ на меня, могъ смѣло сказать, что я злодѣй, и злодѣй такой, котораго и свѣтъ не производилъ.—Я дожидался, дабы дать успокоиться движенію чувствъ своихъ, и спустя нѣсколько времени иду расписаться, беру перо, рука моя трясется и я едва могъ подписать имя мое. Повелите, Ваше Императорское Высочество, принести тотъ нещастный листъ и узнаете, что онъ подписанъ злодѣйскою рукою.

Давъ такую клятву, сейчасъ въ злодѣйской душѣ моей возродились планы и я устроилъ въ мысляхъ своихъ новый заговоръ противъ своего государя. Я избираю себѣ товарищемъ того же благороднаго Якубовича и на насъ двухъ основывается все, я беру на себя разпорядить всѣмъ и безъ всякаго обмана буду искать гибели государя и пользы народа и отечества и надѣюсь, что не будетъ неудачи. Съ сими мыслями оставилъ я залу присяги, встрѣтился съ нѣкоторыми знакомыми, съ которыми отъ моего волненія почти не могъ сказать слова и въ такомъ положеніи выхожу изъ Штаба. Государь ѣдетъ къ войскамъ, въ глазахъ моихъ онъ кажется очень хорошъ, милостивъ, онъ мнѣ поклонился и, казалось, улыбнулся, но не знаю, видѣлъ и узналъ ли онъ меня, и мнѣ ето было досадно.

Неужели одни слухи могли такъ ожесточить меня противъ него? Я задумался, сѣлъ въ сани и поѣхалъ домой. Дорогою былъ

очень разстроенъ. Войдя въ комнату братьевъ, нашолъ ихъ съ испуганными лицами: они, кажется, боялись присудствія моего. Повѣря себя—я преступникъ, по данной мною клятвѣ ужаснѣйшій злодѣй для души своей, но не робѣю, такъ какъ они боятся погибнуть за меня. О, какъ они меня любятъ! Одинъ заряжалъ собственно для меня пистолетъ, когда я ѣхалъ на преступленіе, другой уговаривалъ бѣжать меня! Малодушные вольнодумцы! Булатова ли кровь течетъ въ васъ? Я взглянулъ на наставника моего и сказалъ ему: бѣгаютъ одни подлецы. Побывъ нѣсколько дома, пошолъ пройтиться, вдали увидѣлъ я коннаго офицера, принявъ его за Якубовича, старался догнать его, я спѣшу за нимъ, онъ входитъ въ одинъ домъ, я прохожу мимо и, увидя лицо, узнаю свою ошибку, захожу къ своимъ милымъ малюткамъ, онѣ бѣгутъ ко мнѣ на встрѣчу и, протягивая свои невинныя ручонки къ преступному отцу, кричатъ: „Папинька, папинька!“ Я старался удерживать смятеніе сердца, но, смотря на нихъ, слезы невольно катились изъ глазъ моихъ. Я пробылъ здѣсь не болѣе получаса и пошолъ опять домой, полагая придти къ нимъ послѣ обѣда и пробыть цѣлой вечеръ.

Вхожу къ братьямъ. Они говорятъ на щотъ бывшаго возмущенія, сожалѣютъ л.-г. Гренадерскаго полка. Я зналъ только объ двухъ ротахъ, они говорятъ о цѣломъ полкѣ и меньшой братъ мой, начитавшись вольныхъ стиховъ, поминутно твердитъ: „и не будетъ у насъ ни Брута, ни Ріега“. Второй братъ твердилъ неоднократно, что Якубовичъ, какъ не храбръ, но не былъ. И такъ, каждой изъ моихъ братьевъ терзали совѣсть мою, какъ нельзя болѣе. Второй ѣдетъ въ полкъ узнать, что тамъ такое дѣлается и какіе слухи.

Уже четыре часа, приказываю давать обѣдать, садимся за столъ. У насъ былъ въ ето время и въ продолженіе всего разговора артилерійскій офицеръ Данзасъ, очень хорошій и молодой человѣкъ, также къ обѣду пришолъ и повѣренный, естественный плутъ. Лишь только сѣли за столъ, братъ возвращается изъ полка, начинаетъ говорить о нещастныхъ лейбъ-гренадерахъ. Низость души его стала для меня нетерпима, потому что прежде, выхваляя Панова какъ отличнѣйшаго малаго, и самъ упросилъ меня ѣхать къ нему обѣдать. Тотъ въ нещастіи и онъ бранитъ его. Меньшой братъ своими стихами и повѣренный, другъ души ихъ, помогаетъ имъ и довели меня до того, естьли бы не было здѣсь Данзаса, то я стыдился бы сидѣть съ ними за столомъ и рѣшился ѣхать прямо къ государю съ тѣмъ, чтобы открыть, что я самъ преступникъ, участвовавшій въ заговорѣ

и что нещастное имя мое причиною гебели имени славнаго полка и невинныхъ людей, и рѣшился на то: либо спасти ихъ, или прежде погибнуть самому. Въ своихъ мысляхъ я предположилъ не открывать никому своей тайны, кромѣ государя, потому что покойный отецъ мой, бывъ невинно оклеветанъ въ лицѣ покойнаго государя, и сколько не ѣздилъ по любимцамъ и даже просилъ того, который имѣлъ щастіе носить имя друга покойнаго государя, графа Алексѣя Андреевича Аракчеева, но не имѣя неотколь защиты, такъ и кончилъ жизнь, сожалѣя, что онъ всѣхъ просилъ и кланялся. А дабы въ послѣднія дни жизни моей не быть ни у кого изъ любимцевъ тѣмъ болѣе, что я ищу одной смерти, то и боялся, что заставятъ долго дожидать въ передней и я не дождусь. Заѣхавъ проститься съ бабушкою и милыми моими сиротками, перекрестя ихъ и успокоя бабушку, сколько могъ, ѣду явиться моему государю.

Дорогою размышлялъ я о братьяхъ моихъ слѣдующимъ манеромъ: На насъ видна пословица русская: дѣтки не одной матки. Давно я васъ постигаю и давно въ душѣ моей заслуживаете презрѣніе, но любя отцовскую кровь и собственно васъ самихъ, какъ братъ, думалъ со временемъ исправить васъ. Но жалы ваши, изходяшія изъ нутра вашего къ ускоренію моей гибели, можетъ быть, посылаются мщеніемъ Всевышняго и въ самомъ мнѣ показаніе на васъ за усопшихъ родителей, отца моего и вашей матери. Чѣмъ вы благодарите имъ за ихъ объ васъ попеченіе, за ваше воспитаніе, на которое были употреблены всевозможныя средства, за любовь ихъ къ вамъ и за оставленное имѣніе? Неисполненіемъ священнаго завѣщанія ихъ, ругательствами и поношеніемъ въ гробахъ почивающихъ священныхъ остатковъ, давшихъ жизнь вамъ, и наконецъ сильнѣйшею ненавистью къ единокровному брату вашему, котораго присудствіе васъ ужасаетъ. Братья мои оба недовольны были прахомъ отца нашего: лейбъ-гренадеръ за то, что отецъ мой, не бывъ въ состояніи по загражденному пути къ покойному государю себя оправдать, не доставилъ ему при государѣ императорѣ флигель-адъютантскаго званія, а оба за то, должно думать, что отецъ раздѣлилъ имѣніе между тремя нами, а не на двѣ части между ихъ. Оставленіемъ службы и даже желаніемъ опровергать духовную, не исполнили завѣщанія покойнаго отца.

Съ такими мыслями, злобою противъ государя и съ самою черною душою пріѣзжаю я во дворецъ. Зайдя къ коменданту къ генералъ-лейтенанту Башутскому, я узналъ, что онъ у государя импера-

тора, иду смѣло къ государю. На лѣстницѣ попадается мнѣ флигель-адъютантъ. Я спрашиваю его о комендантѣ, онъ мнѣ говоритъ, что бы я узналъ на гаубвахтѣ. Я иду туда, мнѣ опять говорятъ, что у государя. Подходя къ лѣстницѣ, на встрѣчу попадаете мнѣ Вы, Ваше Императорское Высочество. Я не узналъ Васъ. Войдя на верхъ въ комнаты государя, непонятно кому то я сказалъ, чтобы вызвали коменданта, но вдругъ подходите ко мнѣ Вы, Ваше Императорское Высочество, и подойдя удостоили спросить, что мнѣ угодно. Я отвѣчалъ Вашему Императорскому Высочеству, что имѣю нужду говорить съ государемъ; Ваше Императорское Высочество изволили пойти съ докладомъ къ государю императору, а я остался на своемъ мѣстѣ. Въ ето время кто то закричалъ веревокъ и я поблѣднѣлъ, думалъ, что меня хотятъ вязать, жалѣлъ, что не имѣю при себѣ оружія и я не въ силахъ защитить себя и злоба моя удвоилась.

Мнѣ позволяютъ войти. Государь и Вы, Ваше Императорское Высочество, встрѣтили меня, какъ вѣрнѣйшаго слугу. Меня арестовали, осмотрѣли. И по желанію моему я остаюсь съ государемъ и Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ. Открываю, что я преступникъ, учавствовавшій въ заговорѣ, и что можетъ быть нещастное имя мое причиною гибели храбраго и достойнаго полка. И что же? Вмѣсто должнаго наказанія, великодушный государь радъ случаю, что можетъ оказать еще щедроты свои. Онъ не только простилъ меня, цѣловалъ нѣсколько разъ и милостями своими привелъ меня въ ужасъ и я остолбѣнѣлъ. Самъ государь и Ваше Императорское Высочество помянутно хвалили, обнимали меня. Я едва осмѣливался коснуться Васъ.

Ваше Императорское Высочество! Вы знаете теперь, отчего я былъ безмолвенъ тогда. Взгляните на клятву мою и не удивитесь, что я былъ совершенно потерянъ. Совѣсть моя такъ мучила меня, что я тотъ часъ согласился бы умереть. Народъ! какъ несправедлива молва твоя, какого вы хотите имѣть еще Государя! А ты, Рылѣевъ, взгляни, чѣмъ я жертвовалъ для пользы отечества, которую ты не открылъ мнѣ, и обманомъ уловилъ меня въ свою партію. 15-ти-лѣтняя вѣрная служба моя государю и отечеству ничтожна, честь пострамлена, чистая совѣсть моя помрачена преступленіемъ и доброе имя мое потеряно на вѣкъ. А дѣти мои, малютки бѣдныя, которыхъ оставила въ младенчествѣ нѣжная мать, вѣрнѣйшая супруга, на чьихъ рукахъ онѣ остаются, не имѣя никого болѣе кромѣ меня и семидесятилѣтней прабабки! И наконецъ: куда ты велъ душу

мою—въ вѣчное мученіе? А вы, ненавидящіе братья меня, радуйтесь моей гибели! Но чрезъ васъ душа моя скорѣй пришла къ отмщенію злого духа.

Великодушный Государь и Ваше Императорское Высочество! Я въ васъ вижу тѣхъ двухъ спасителей, которыми я встрѣченъ былъ при выходѣ моемъ на ужасное преступленіе. Вы изкупаете обманутую душу мою отъ вѣчнаго проклятія и адскаго мученія. Боже! благодарю Тебя, что внушилъ меня и я явился къ спасителямъ моимъ. Государь и Ваше Императорское Высочество спасли погибающую душу мою, очистили помраченную совѣсть мою и да вознаградитъ Васъ самъ Господь Богъ. Клянусь моимъ Богомъ и въ моемъ заключеніи, что до послѣдней минуты краткихъ дней моихъ никогда не обману моего государя и, хотя стоило бъ самой жизни, буду говорить всегда правду и быть самымъ вѣрноподданнымъ.

Ваше Императорское Высочество! Государь во время разговора моего удивился, когда произнесъ онъ имя Якубовича и я восхитился болѣе, нежели всѣми осыпаемыми его милостями; отъ государя же я узналъ, что и онъ былъ близъ него и самъ явился. При словахъ моего государя я радовался, что не ошибся въ выборѣ себѣ друга и наши мысли были сходны. Знайте, Ваше Императорское Высочество, что изо всей партіи двухъ самыхъ отчаянныхъ человѣкъ государь имѣлъ подлѣ себя, и естли бы мы искали славы Брута и Ріеги, то нашли бы ее съ тою разницею, что Ріего четвертованъ, а я былъ бы изрубленъ въ клочки, или разтерзанъ народомъ, но государь живъ.

И теперь судите, Ваше Императорское Высочество. Въ бытность мою предъ лицемъ Его Императорскаго Величества и когда осматривали меня кругомъ, государь императоръ, увидя 6 номеръ, изволилъ говорить: „А, ето Сипягина дивизіи!“ Ваше Императорское Высочество! Можетъ быть есть люди, которые его оговариваютъ потому только, чтобы онъ не зянялъ ихъ мѣсто, имѣя удивительныя способности. Онъ полезенъ своему государю и отечеству, трудолюбіе его и заботливость по службѣ неутомимы и даже тяготительны, онъ рѣдкой мѣсяцъ не осматриваетъ свои полки и тѣмъ не заслуживаетъ немилости его императорскаго величества, вреденъ же онъ самому себѣ и то осуждаютъ его за то, что онъ много проживаетъ. Но и прожитки его частью идутъ на войски, ибо при осмотрѣ каждой части онъ дѣлаетъ солдатамъ денежное награжденіе и тѣмъ поощряетъ ихъ къ службѣ своего государя; но, можетъ быть, по моему

теперь нещастному преступленію враги его воспользуются и будутъ обносить въ глазахъ государя, то не одинъ начальникъ не можетъ ручаться за всѣхъ своихъ подчиненныхъ. Здѣсь я виновенъ, а не онъ, Ваше Императорское Высочество, защитите его въ глазахъ государя императора.

Ваше Императорское Высочество! Государь Императоръ въ день возшедствія своего на престолъ Россійскій ознаменовалъ себя мужествомъ славныхъ героевъ и милостьми къ злодѣямъ, безпримѣрнымъ великодушіемъ. Ваше Императорское Высочество! Остается теперь государю императору привлечь къ себя сердца вѣрноподданнѣйшаго народа и заставить себя такъ любить, какъ я люблю моего государя въ моемъ заключеніи, и тогда никакая сила не въ состояніи будетъ потрясть престолъ его и ни одинъ злодѣй не посягнетъ на жизнь его, ибо онъ ихъ имѣть не будетъ.

Ваше Императорское Высочество! Государь великодушный, я вижу его готовность, чувствую біеніе ангельскаго сердца его и можно ль думать, чтобы государь, оказывающій милости ужаснѣйшимъ злодѣяніямъ, не захотѣлъ любви народной себѣ, благочестивѣйшей государынѣ императрицѣ, супругѣ своей, благочестивѣйшей государынѣ императрицѣ, матери своей, и всему своему царскому роду и блага отечеству и своему народу. Но отъ кого узнаетъ онъ, что нужно народу? Нѣтъ сумнѣнія, что онъ сдѣлаетъ все. Любимцы многихъ государей были недоброжелательны и обманывали своихъ государей, вмѣсто добра дѣлали зло народу, отечеству и самому государю, и подъ личиною преданности искали своего тщеславія. Ваше Императорское Высочество! И нынѣ царствующаго государя любимцы будутъ стараться уловить его высокую душу не для народа, ни для отечества, а собственно для себя.

Ваше Императорское Высочество! Изъ объясненія моего усмотрѣть изволите, что я избралъ себѣ непремѣннымъ смерть, я потерялъ доброе мое имя, которымъ я гордился, съ потерею котораго и жизнь мнѣ въ тягость, и ето мой приговоръ: я прошу моего государя, дабы привести его въ исполненіе. Вашему Императорскому Высочеству извѣстна цѣль моего предстательства къ государю императору. Тогда, когда я былъ съ самою черною душою, и тогда Вы удостаивали меня лестными наименованіями и, принося моему императору и Вашему Императорскому Высочеству вѣрноподданную мою преданность, скажу, что и злодѣй, подобный мнѣ, имѣетъ свое честолюбіе и гордость. Я просилъ милости рядовымъ лейбъ-гвардіи гре-

надерскаго полка, котораго, можетъ быть, одно злощастное имя мое вовлекло въ преступленіе. Государь императоръ напоминалъ мнѣ о своемъ высокомъ императорскомъ званіи. Я отвѣчалъ, что я преступникъ,—вели разстрѣлять. Но государь удостоивалъ меня названіямъ „товарища“ и, хотя я не смѣю думать, но по влеченію души моей и по обращенію со мной моего государя и Вашего Императорскаго Высочества, я былъ въ замѣшательствѣ, щиталъ, что я между товарищами, Ваше Императорское Высочество! У ногъ Вашихъ умоляю о изходатайствованіи прощенія лейбъ-гренадерамъ и, естли возможно, Якубовичу. Но естли нельзя, то я не заставлю своего государя и Ваше Императорское Высочество ошибиться въ тѣхъ наименованіяхъ, которыми я былъ осыпаемъ, и не допущу презрѣть меня въ высокихъ душахъ вашихъ. Ето для меня хуже смерти! Безъ прощенія лейбъ-гранадеръ я свободы не принимаю и естли государь дастъ мнѣ свободу, то я застрѣлю самъ себя, и тогда та душа, которая государемъ и Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ изкуплена изъ самаго ада, будетъ ввергнута мною въ вѣчную пропасть. Но, можетъ быть, государь, желая не допустить меня къ новому преступленію, лишитъ меня свободы, то лучше пусть возметъ жизнь. Не доставлю также удовольствія малодушнымъ братьямъ, которые боятся запаха пороху, смѣяться надо мною. Ваше Императорское Высочество! Умоляя Васъ, прошу изходатайствовать свободу лейбъ-гренадерамъ, или мнѣ смерть. Избирайте любое. Можетъ быть любимцы государя скажутъ, что жизнь его будетъ въ опасности и что ети злодѣи могутъ рѣшиться убить его. Не верьте имъ, Ваше Императорское Высочество, и кто ето скажетъ, тотъ не желаетъ любви народной своему государю. Кто былъ злодѣй опаснѣе, какъ я, и кто теперь болѣе любитъ моего государя, какъ я? Вспомяните слова Великія Екатерины: лучше десять виновныхъ простить, нежели одного невиннаго наказать. Но здѣсь мы всѣ виновны и спасти можетъ одно великодушіе государя императора. Я предаю злощастную судьбу свою на волю государя императора и Вашего Императорскаго Высочества. Но прошу одной милости: не презирайте меня въ великодушныхъ душахъ Вашихъ, утвердите избранный мною приговоръ и вы увидите, какъ дорого цѣню я потерю добраго имяни, какъ умѣю умереть и услышите, что, падая подъ пулями, буду благословлять имяна спасителей души моей.

Но я умпраю за преступленіе, принося въ оправданіе свое молву народа и самихъ преступниковъ. Чѣмъ воздамъ благодареніе за избавленіе меня отъ вѣчнаго мученія и за успокоеніе моей со-

вѣсти, не тѣмъ ли, чтобы вооружить болѣе противъ народа, не открывъ молву, носящуюся до возшествія государя императора на престолъ россійскій, и тѣмъ доказать любовь моему отечеству?

И такъ, Ваше Императорское Высочество. Изъ объясненія моего Вы изволили видѣть, какъ далеко завели меня отечественная польза тогда, когда всѣ достоинства мои были при мнѣ и даже куда я посылалъ душу мою, которую государь императоръ и Ваше Императорское Высочество возвратили изъ погибели. Могу ль теперь не жертвовать жизнію для моего государя и отечества тогда, когда съ чистою душою и доброю совѣстью, говоря правду, щитая себѣ единственнымъ утѣшеніемъ умереть, любя моего государя, отечество и народъ руской?

Ваше Императорское Высочество! Здѣсь прилагаю въ коротких словахъ ропотъ народа противъ блаженной памяти покойнаго государя императора Александра Павловича и для предостереженія отъ всякаго зла нынѣ царствующаго благочестивѣйшаго императора Николая Павловича долгомъ вѣрноподданнѣйшаго щитаю открыть.

1. Ропотъ народа, истинная правда и новое мое преступленіе: говорить правду есть преступленіе.

Государь во всемъ государствѣ долженъ быть одинъ и народъ присягаетъ одному государю, а не любимцамъ его. При покойномъ государѣ императорѣ графъ Алексѣй Андреевичъ имѣлъ власть самаго государя распоряжать участью людей и какъ по свойству души своей не склоненъ къ добру, то и нѣтъ примѣра, чтобы кому никудь сдѣлалъ добро, но сосланныхъ въ Сибирь и сидящихъ въ Шлиссельбургской крѣпости и даже неизвѣстныхъ будто и покойному государю очень много, на каковыя ссылки графъ имѣетъ бланки за подписью руки покойнаго государя, каковыя имѣетъ даже и Клейнмихель по милости графа Алексѣя Андреевича: ропотъ народа естли справедливъ, то уничтожить, естли ето одни слухи, уничтожить и вздорные слухи: они дѣлаютъ зло.

2. Вредъ поселеній и ропотъ народа.

Поселенія вредны для народа и самаго государя. Я могу увѣрить, какъ учавствующій въ заговорѣ: естли бы была малѣйшая удача 15-го числа, то въ поселеніи была бы тревога. Я слышалъ ето на сеймахъ и въ объясненіи моемъ подробно описано и только подъ арестомъ разгадалъ загадку, отъ чего молодой артиллеристъ, бывъ 6-го декабря на обѣдѣ у Панова, сравнивалъ меня съ графомъ. Я его съ того времяни не видалъ, но теперь скажу навѣрное, что

онъ долженъ быть въ числѣ заговорщиковъ. Имя его, я думаю, долженъ знать братъ мой. Устроенныя поселенія уничтожить нельзя потому, что на ихъ издержано много денегъ, но болѣе не селить и распустить къ своимъ командамъ. На пользу народъ не ропчетъ, а тамъ гдѣ по отзыву общему хуже каторги, поневолѣ будетъ роптать. Естьли польза сего поселенія будетъ черезъ нѣсколько вѣковъ, то тогда будутъ довольны тѣмъ государемъ, которой будетъ царствовать, а не нынѣ царствующимъ государемъ императоромъ, и благодарить будетъ тотъ народъ, которой будетъ жить. Государю отдаютъ историки справедливость за время его царствованія.

3. Довѣренность государя.

Полную довѣренность государемъ сдѣлать одному не должно, всякое твердое строеніе стоитъ на четырехъ углахъ, слѣдовательно и четырехъ столбахъ. Скорѣе можетъ обмануть одинъ, нежели всѣ четверо потому, что четверымъ надобно прежде согласиться; чѣмъ вѣрить одному и дѣлать все зло, лучше вѣрить многимъ,—и болѣе добра. Государю приличнѣе добро, нежели зло.

Ваше Императорское Высочество! Взгляните въ моемъ объясненіи на участь моего отца. Вотъ причина, что я ни къ кому не открылся, да и не хотѣлъ, чтобы кто нибудь и былъ при моемъ признаніи кромѣ государя и Вашего Императорскаго Высочества. Я не ошибся и въ самую злѣйшую минуту души моей государь и Ваше Императорское Высочество по добродѣтельнымъ сердцамъ своимъ осыпали меня милостями и удостоивали лестнѣйшимъ наименованіемъ. Но попадись здѣсь любимецъ съ злой душою, и я тогда же пропалъ! Отецъ мой храбростію своею былъ извѣстенъ, но онъ не рѣшился идти прямо къ покойному государю, ѣздилъ раза два и болѣе къ графу Алексѣю Андреевичу, въ Петербургѣ не принималъ, надобно было прокатиться въ Грузино и туда ѣздилъ нѣсколько разъ, подалъ письмо, просилъ. Графъ тоже,—нельзя не отдать ему етой справедливости,—цѣловалъ, обѣщалъ все и не доложилъ государю. А я по крайней мѣрѣ умру съ большимъ удовольствіемъ: меня поцѣловалъ и не разъ самъ государь и еще удостоилъ назвать „товарищемъ“. Нашему брату армейскому никакою службою не заслужить такого щастія, а я заслужилъ преступленіемъ.

4. Взглядъ на Сенатъ и устройство онаго.

Ваше Императорское Высочество! Взгляните на внутреннія государственныя наши дѣла, уровняйте въ Правительствующемъ

Сенатѣ вѣсы правосудія. Чья мысль, чтобы генераловъ неспособныхъ ни къ военной, ни статской службѣ (молва народа) сажать за сенаторской столъ, которые занимаютъ мѣсто для одного щоту, точно такъ какъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ во внутренюю стражу по неспособностямъ переводятъ. И потому сенаторы въ Сенатѣ разсуждаютъ не всѣ; а судятъ только тѣ, которые поумнѣе, а протчіе дѣлаютъ, что хотятъ, только не курятъ трубокъ, а спятъ многіе. Потомъ дѣло ихъ состоитъ въ томъ, чтобы подписать имя, приставъ къ какой нибудь сторонѣ. Господа умные сенаторы имѣютъ въ етомъ большія свои выгоды: они изъ сихъ господъ сенаторовъ, которые щитаютъ свою обязанность въ подпискѣ имяни, стараются имѣть на своей сторонѣ, и такъ какъ дѣла кончаются по большенству голосовъ, то на чьей сторонѣ болѣе, тѣ и выигриваютъ: и Сенатъ нашъ ничто иное, какъ торговое мѣсто. Сенаторы имѣютъ своихъ оберъ-секретарей, етп секретарей и такъ далѣе, которые имѣютъ дѣла съ довѣренными по дѣламъ просителей. Я имѣю причину жаловаться, что я по милости Правительствующаго Сената потерялъ все и даже теряю жизнь. Изъ объясненія видно, Ваше Императорское Высочество, что я пріѣхалъ сюда по собственнымъ дѣламъ. Отецъ мой при жизни, разсердясь на меня, хотѣлъ лишить меня части имѣнія за то, что я женился не по его желанію, до смерти матери братьевъ моихъ онъ не писалъ ко мнѣ; по кончинѣ ея между нами началась переписка и наконецъ онъ, бывъ послѣдній разъ въ Петербургѣ, далъ слово ко мнѣ пріѣхать. Отецъ мой былъ старой служивой. Я встрѣтилъ его такъ, какъ сынъ, и какъ по обязанности требовалъ долгъ службы. Онъ полагалъ прожить у меня два дня, но увидя почти при краѣ гроба любезнѣйшую жену мою (которая обязана была воспитаніемъ своимъ благовѣрной государинѣ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ и находилась въ монастырѣ подъ имянемъ Елизаветы Мельниковой), прелестныхъ малютокъ нашихъ и въ домашнемъ хозяйствѣ порядокъ, полюбилъ ее чрезвычайно. По части военной, такъ какъ я готовился къ смотру покойнаго государя императора, показывалъ ему аммуницію, разводы, батальонныя и полковыя ученія, и онъ восхищался и заранѣе увѣрялъ, что государь будетъ доволенъ, и не ошибся въ етомъ. Полюбя все мое семейство всею душою, поѣхалъ въ Омскъ и по пріѣздѣ къ духовной матери братьевъ моихъ сдѣлалъ другую духовную о раздѣлѣ имѣнія между всѣми нами тремя. По отъѣздѣ его, Богу угодно было лишить меня ангела души моей. Мы разставались друзьями. И 23-го іюня прош-

лаго года жена моя изпустила послѣдній вздохъ на рукахъ моихъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ получаю я горестное увѣдомленіе о кончинѣ отца моего. Отдавъ сыновній послѣдній долгъ, дѣлаю свои распоряженія для пользы всѣхъ трехъ братьевъ, не зная, что тутъ готовятся опровергать духовную отца. По пріѣздѣ моемъ мы, казалось, сначала были друзьями, потому что я нашелъ ихъ въ незавидномъ положеніи. Избираемъ повѣреннаго, дѣлаемъ съ нимъ условіе и онъ, подъ видомъ ошибки, дѣлаетъ обманъ, призывая Бога въ свидѣтели, что онъ честной человѣкъ, и проситъ подписать оное. Я долго не соглашался, но меншой былъ уже на его сторонѣ, второй хотя не говорилъ ни слова, но его желаніе было такое же. Семеновъ оборачивается ко мнѣ, клянется, опять призываетъ Бога во свидѣтели, говоря, что онъ докажетъ свою честность. Основываясь и повѣря самъ клятвамъ, я подписалъ мошенническое условіе, давъ себѣ слово въ душѣ: естли онъ обманетъ насъ, то обрубить ему носъ и уши, что впослѣдствіи открылъ и братьямъ моимъ; денегъ онъ забралъ у насъ много, а за все хожденіе мы должны были ему заплатить до 30,000 рублей, дѣлъ же, имѣющихся въ Правительствующемъ Сенатѣ, на 91,000. О деньгахъ я не говорю ни слова. Только дѣла наши не кончились и даже я не былъ въ два мѣсяца введенъ во владѣніе имѣніемъ, прежде чего я выѣхать не могъ. Очень сожалѣлъ, что къ декабрю мѣсяцу не могъ оставить Петербургъ и вотъ что со мною случилось. Многіе просители, имѣя въ Правительствующемъ Сенатѣ дѣла, теряютъ значительную часть имѣнія, а я потерялъ все и вмѣсто памятника, желаемаго мною воздвигнуть на могилѣ отца моего, и имя его предалъ посрамленію.

Ваше Императорское Высочество! Изходатайствуйте у государя императора, дабы онъ взглянулъ въ народное судилище, и Вы увидите, какъ народъ прійметъ сію милость. Но такъ какъ для парода будетъ ето новость, ибо покойный государь во время всего своего царствованія былъ только разъ въ ономъ, то дня за два должно разспустить слухи, что государь императоръ выѣдетъ въ Сенатъ. Сенаторы также, чтобы были при своихъ мѣстахъ и занимались производствомъ дѣлъ и, назнача часъ, пусть государь ѣдетъ туда, гдѣ долгъ велитъ быть царю. Я въ заключеніи и ни съ кѣмъ не сдѣлалъ заговора, но предвѣщаю, что народъ встрѣтитъ государя толпою и превознесетъ до небесъ имя своего монарха, и тогда трепещущее сердце арестанта русскаго забьется отъ восхищенія. О! съ какою радостью пойду я на смерть! Въ Сенатѣ государь найдетъ людей тѣхъ, которые управ-

ляютъ жребіемъ его народа, къ сожалѣнію мало найдетъ изъ сихъ судей съ спокойнымъ лицемъ и будетъ большая часть лицъ такихъ, какъ Ваше Императорское (Высочество) видѣли на мнѣ 15-го числа. Кто изъ нихъ, иль много-ли такихъ, которые имѣютъ чистую совѣсть? Государь очистилъ ужаснѣйшему своему злодѣю совѣсть,— пусть избавитъ государь отъ разхищенія скрытныхъ грабителей вѣрноподданный народъ свой и присутствіемъ ангельскимъ своимъ очистить совѣсть судей народа и пакошниковъ своихъ. Судьи обираютъ, а ропотъ на государя. Ваше Императорское Высочество! Впередъ говорю, естли государь будетъ цѣлой день въ Сенатѣ, народъ будетъ дожидать его возвращенія и превозгласитъ имя его ни однимъ крикомъ, но съ возсланіемъ молитвы къ Предвѣчному съ испрошеніемъ государю императору долголѣтняго царствованія и здравія. И тогда возрадуется и молотокъ Петра Великаго, которымъ онъ заставлялъ молчать правителей своего народа.

5. Вредный Законъ.

Ваше Императорское Высочество скажите, что для производства дѣлъ существуютъ законы. Правда, но отъ того, что ихъ очень много, отъ того господа правящіе ворочаютъ ими по своему произволу и очень много такихъ, которой одинъ другому противорѣчатъ, а естли бы законъ существовалъ одинъ, основанный на справедливости и пользѣ народа, и производство дѣлъ основывалось на законныхъ актахъ, въ таковомъ случаѣ дѣла скорѣе бы кончались и народъ не былъ бы угнетенъ и рѣшенія сенатскія не переходили бы изъ рукъ въ руки просителей. Я и здѣсь имѣю ясное доказательство, хотя не служилъ въ гражданской службѣ и законовъ етихъ самъ не знаю, а извѣстны они мнѣ по словамъ нашего повѣреннаго и по выдаваемымъ мною деньгамъ. Но въ жизни имѣлъ случай слѣдующій. Мачиха моя, купя домъ на Исакіевской площади у дѣвицъ Пуговишниковыхъ и заплатя наличныя деньги, и часть должна была платить въ Государственный Банкъ. Купчая сдѣлана законнымъ порядкомъ, утверждена Гражданскою Палатою и засвидѣтельствована бывшимъ генералъ-губернаторомъ покойнымъ генералъ отъ инфантеріи графомъ Вязмитиновымъ. Кажется, актъ вѣрный и законный. Совсѣмъ нѣтъ. Сенаторъ Болотниковъ, имѣя знакомство съ Пуговишниковыми, довелъ Сенатъ до того, что, основываясь на однихъ словахъ Пуговишниковыхъ, несмотря, что мачиха имѣетъ купчую, заплатила деньги,—велѣлъ отобрать домъ и отдать во владѣніе

Пуговишниковымъ, а Булатовой вѣдаться формою суда, и ето пошло бы лѣтъ на двадцать. Тутъ учавствовалъ Чичаговъ и етимъ поблагодарилъ за занимаемыя деньги у покойной мачихи моей. Я обыкновенно посѣщалъ почти ежедневно въ свободное время отъ службы покойную мачиху мою. Въ ето время былъ у насъ повѣренный въ дѣлахъ баронъ Штакельбергъ. Въ одинъ день прихожу къ ней и застаю ее въ ужаснѣйшихъ слезахъ и отчаяніи. Она разсказываетъ мнѣ, что у насъ отбираютъ домъ. Я удивлялся етому. Баронъ отзываетъ меня въ сторону и даетъ мнѣ совѣтъ, чтобы я ѣхалъ къ Чичагову съ пистолетомъ въ рукахъ и угрозою заставилъ его заплатить деньги и, естли не согласится, то чтобы я его убилъ. Отъ него же я узналъ, что за ети услуги Болотниковъ получилъ отъ Пуговишниковыхъ въ 30,000 вексель. Я барона пренебрегалъ всегда, ето извѣстно братьямъ, да я думаю и ему самому, я пренебрегъ его и совѣтомъ и взялъ совсѣмъ другое направленіе. Написалъ письмо покойному государю императору и, приложа копіи съ законныхъ актовъ и должныя выписки, подалъ по командѣ государю императору, описавъ сенатора Болотникова и его дѣйствія въ настоящемъ видѣ и дѣйствіи. Покойный государь императоръ, видя справедливость моего прошенія, повелѣть изволилъ оставить домъ во владѣніи мачихи моей и въ то время исправляющему должность министра внутреннихъ дѣлъ дѣйствительному тайному совѣтнику Козадавлеву не въ очередь разсмотрѣть. Оно еще разсматривалось года четыре или болѣе и домъ остался у насъ. Законъ вредный существующій: „*Кто даетъ и кто беретъ, подвергаются одному наказанію*“. Ето совершенное зло. Онъ предохраняетъ отъ опасности неправедныхъ судей: они берутъ и, потерявши совѣсть, краски давно не имѣютъ.

Кто осмѣлился бы сказать ето государю, какъ не приступникъ въ своемъ заключеніи, осудившій самъ себя на смерть? Кто захочетъ потерять такую же часть имѣнія, каковую далъ, какъ не тотъ, кто далъ клятву во всемъ говорить правду своему государю, бывъ обязанъ за спасеніе души моей? Повѣренный нашъ не только взялъ деньги, но до того обманываетъ, что легковѣрные братья мои, хотя я не одинъ разъ открывалъ имъ глаза, доказывалъ его обманы очевидные, но меншой мой братъ или отъ трусости, или по любви къ нему разъ предлагалъ ему 20,000, чтобы опровергнуть духовную отца и ето мнѣ сказывалъ самъ повѣренный. Я открылъ братьямъ и ето не знаю, что теперь дѣлается у насъ въ домѣ, но боюсь, что мои малютки, оставшись безъ матери и отца, останутся и безъ куска

хлѣба. Ваше Императорское Высочество, прикажите кому нибудь взглянуть на дѣла моего дома не для преступника, но для остающихся невинныхъ твореній и беззащитныхъ сиротъ. Пусть государь беретъ примѣръ съ праотца своего Петра и не злобствуетъ на того, кто говоритъ правду; князь Долгорукій изорвалъ указъ, подписанный Петровой рукою; тотъ истинный любимецъ государевъ, былъ русской, любилъ отечество и народъ.

6. Форшмейстеры—государственное зло.

Неизвѣстна цѣль введенія форшмейстеровъ и какая предполагается отечественная и народная польза, развѣ то только, что министръ имѣетъ случай давать мѣсто. Государственной пользы нѣтъ никакой. Казенные лѣса истребляются, какъ нельзя поспѣшнѣе, экономическіе крестьяне черезъ ето совершенно разоряются, и я знаю селенія, напримѣръ Пензенской губерніи Керенскаго уѣзда селеніе Котелъ, которое до введенія для пользы государственной форшмейстеровъ щиталось богатѣйшимъ, но теперь почти всѣ крестьяне того селенія нищіе и ходятъ поміру и обязаны форшмейстерамъ; безъ него не одинъ крестьянинъ не можетъ вырубить одного бревна, и за то, что онъ пріѣдетъ для отводу участковъ, беретъ деньги, за то что назначитъ въ отпускъ, беретъ и очень дорого. Естли какое селеніе не захочетъ платить, онъ притѣсняетъ и подъ разными предлогами къ нимъ не является и дѣлаетъ поводъ, чтобы изъ того селенія хотя одинъ крестьянинъ вырубилъ нѣсколько бревенъ, то все, что онъ продалъ или отдалъ въ постороннія руки, начитываетъ на тѣ селенія и ихъ разоряетъ и народъ платитъ деньги, ибо болѣе нечего дѣлать: проситъ,—нельзя. Селенія *Котла* крестьяне просили и даже были въ Петербургѣ, ето въ нашихъ мѣстахъ не бездѣлица,—и изъ богатѣйшихъ сдѣлались нищими. Но каждой форшмейстеръ имѣетъ деньги и ими бросаютъ, живутъ они хорошо и ежегодно, изключая обыкновенныхъ поѣздокъ, дѣлаютъ одинъ или два визита губернскому форшмейстеру. Въ защиту сихъ форшмейстеровъ могутъ сказать, что есть уѣздная полиція, т. е. исправники, засѣдатели и стряпчіе и протчіе. Ета полиція, сбирая съ народа деньги не для пользы отечества, а для своихъ надобностей, и что соберутъ, дѣлятъ между собою по старшинству занимаемыхъ ими мѣстъ. Форшмейстеры не только черному народу, но естли помѣщикъ, имѣющій лѣсъ, будетъ смеженъ съ казенными крестьянами, то онъ и его притѣснитъ. Итакъ, вмѣсто пользы отечественной раззореніе народное.

7. Винная часть.

Объ винной части судить не могу, какія выгоды имѣетъ казна, и не смѣю напрямикъ сказать такъ, какъ объ форшмейстерахъ. Но незадолго предъ симъ въ жизнь покойнаго министра графа Гурьева не одинъ вицъ-губернаторъ даромъ сихъ мѣстъ не получалъ и взносимая сумма была значительна. На щотъ пользы государственной ничего сказать не могу. На щотъ невыгоды народа, скажу то, что въ прежнія времена полиція удерживала народъ отъ пьянства, а теперь должна побуждать для пользы государственной, и народъ портитъ свою нравственность. Правда, хотя продавцы для сбереженія здоровья народа и берутъ на етотъ разъ предосторожности тѣмъ, что разводятъ вино водою, но въ етомъ убытокъ народа, они пьютъ допьяна и, слѣдовательно, платя и за воду тоже, что за вино, теряютъ вдвойнѣ свои деньги; деньги же, которыми народъ могъ заплатить казенныя повинности, остаются по большой части въ кабинѣ и отъ того на економичечкихъ крестьянахъ почти всегда имѣется недоимка, которая по накопленіи сбирается тиранническимъ образомъ. Другая невыгода народа та, что въ нашихъ мѣстахъ, куря вино по дешевизнѣ хлѣба, ведро обойдется 8-мь или 10-ть рублей.

Объ чиновникахъ сказать ничего не могу кромѣ того, когда они имѣютъ мѣста, всегда бываютъ они имъ въ тягость и они отзываются недовольными, а когда лишаются, то очень сожалѣютъ и находятъ нѣкоторыя выгоды и употребляютъ всѣ средства, дабы возвратить.

8. Военная часть.

Ваше Императорское Высочество. Войски, какъ я сказалъ выше въ моемъ объясненіи, недовольны частыми ученіями. Ето относится до всѣхъ, какъ до офицеровъ, такъ и до нижнихъ чиновъ. Господа офицеры недовольны обхожденіемъ нѣкоторыхъ начальниковъ и служба требуется со всею строгостію, а свободное время офицеръ не можетъ провести такъ, какъ ему угодно. Службу должно требовать по всей строгости и безъ всякаго снизхожденія; но что бы мундиръ не связывалъ его въ желаемыхъ имъ удовольствіяхъ въ свободное время. Во фронтѣ офицеръ долженъ быть исправенъ, внѣ службы пусть ищетъ удовольствій въ хорошихъ домахъ, танцуетъ, играетъ для препровожденія съ благородными людьми на благородномъ театрѣ и дѣлаетъ все, что только прилично благородному чело-

вѣку въ мундирѣ и безъ мундира; одинъ имѣетъ страсть играть на театрѣ, ему не позволяетъ военной мундиръ,—занятіе благородное и приличное хорошему молодому человѣку: онъ будетъ съ подобными себѣ людьми и чрезъ то избавится дурныхъ обществъ. Требовать службу во время обязанности и позволить всѣ приличныя удовольствія внѣ службы.

Полковой командиръ. Полковой командиръ такой же подданной своему государю, какъ и каждой офицеръ, но какъ начальникъ долженъ смотрѣть строго не только по части фронтовой за офицерами, но за поведеніемъ, домашней его жизнью, поступками, нравами и за всѣми его движеніями точно такъ, какъ за своими дѣтьми. По службѣ требовать отъ него строгаго исполненія и отнюдь не въ какомъ случаѣ за упущенія по службѣ не дѣлать снизхожденія: ето будетъ послабленіе. Но взыскивать по мѣрѣ вины его и по власти, данной начальнику, а не по собственной своей волѣ. Начальникъ имѣетъ власть: нарядить дежурнымъ, арестовать домашнимъ арестомъ, послать на гаубвахту, обойти чиномъ, представить за дурное поведеніе къ выключкѣ и наконецъ отдать подъ военный судъ, и не одинъ офицеръ не обидится, ибо ето по его обязанности. Но во всякомъ случаѣ начальникъ долженъ помнить, что и офицеръ такой же слуга своему государю, и что также благороденъ, какъ и онъ и не присвоивать себѣ право бранить офицера и дѣлать ему дерзости. Всякая дерзость офицера благородныхъ чувствъ тронетъ и онъ по честолюбію своему, не бывъ въ состояніи перенесть, вступается за себя не по службѣ, а за честь свою; ибо я полагаю, что каждому своя честь должна быть дороже всего на свѣтѣ и офицеръ, который дорожитъ своею честью, во время войны будетъ не устрашимъ и твердая защита государя и отечества. Кто не можетъ защищать собственной своей чести, тотъ ненадежная защита государю и отечеству во время военныхъ дѣйствій.

Я самъ испыталъ въ прошлую компанію оскорбленіе начальства. Я имѣю правую руку совершенно раздробленную и нѣсколько на оной открытыхъ ранъ. Пріѣхалъ въ полкъ къ Лейбцигскому сраженію, получилъ роту, былъ въ сраженіи и послѣ полкъ квартировалъ близъ Франкфурта-на-Майнѣ.

Генералъ Желтухинъ въ одно время забылся до того, привыкши дѣлать дерзости другимъ офицерамъ, вздумалъ безъ всякой причины и за ошибку одного офицера напасть на меня и, не уважая ни службы моей, ни ранъ, наговорилъ мнѣ при фронтѣ тьму

грубостей и простеръ свою дерзость до того, что сказалъ мнѣ: „Вы, сударь, не имѣете ни малѣйшаго благородства“! Ето было передъ фронтомъ. Меня арестовали и я молчалъ, просидѣлъ три дня подъ арестомъ и былъ взбѣшенъ, какъ нельзя болѣе и послѣ заплатилъ ему такою же дерзостью, сказавъ ему при его адъютантѣ Дитмарѣ, что естли онъ впередъ осмѣлится сказать мнѣ подобное, то я несмотря, что имѣю одну руку, убью, и доказалъ ему, что я имѣю благородство и дорожу своею честью. Онъ удивился, я ему повторилъ и мы остались хороши. Послѣ того онъ со мной былъ остороженъ. Другой разъ въ Петербургѣ былъ къ несчастію въ лейбъ-гренадерскомъ полку полковникъ Демченко. Вздумалъ мнѣ выговаривать за то, что генералъ Желтухинъ отдалъ мнѣ справедливость. Я спорилъ и въ разговорахъ съ нимъ мы забрались далеко. Онъ вдругъ мнѣ говоритъ, что по службѣ дастъ мнѣ щелчка. Я разтолковалъ ему, что значитъ щелчокъ съ добавленіемъ, естли бы онъ заслуживалъ, то ето толкованіе было бы на его рожѣ. Демченко жаловался Желтухину и онъ ето помнитъ. Но генералъ Желтухинъ скажетъ и то: гдѣ въ дѣлѣ была опасность, тамъ прежде меня никто не былъ; я дорожилъ моею честью, дорожилъ честью моего государя и отечества.

Благородной офицеръ никогда не обидится, естли съ него взыщутъ по его винѣ, онъ знаетъ, что онъ виноватъ и долженъ быть наказанъ. Я виновенъ въ моемъ преступленіи, смерть пріятна, я покоенъ и умру, благословляя моего государя, потому что получу наказаніе за дѣло.

Отецъ не удаляетъ себя отъ дѣтей, такъ и полковой командиръ не долженъ отдалять отъ себя своихъ офицеровъ. Надобно заставить себя любить не по начальству, а по пріобрѣтенію сердецъ. Начальникъ долженъ быть во всѣхъ случаяхъ справедливъ и ко всѣмъ ровенъ, отличать тѣхъ офицеровъ своею ласкою и пріемомъ, которые заслуживаютъ то усердною службою и поведеніемъ и стараться, чтобы они кромѣ службы были чаще у него и чрезъ то болѣе прилиплялись къ нему и чтобъ каждой офицеръ щиталъ наказаніемъ, естли я ни хочу быть съ нимъ вмѣстѣ. Наушникомъ отнюдь не вѣрить, но естли узналъ черезъ ближайшаго начальника о его шалостяхъ, или невниманію по службѣ, узнавъ справедливость, и стараться поставить на путь истинный. Вотъ долгъ полкового начальника. Служа столько лѣтъ, всѣ чины прошолъ въ справедливой фронтовой службѣ и знаю все совершенно.

Солдаты.

Солдаты въ гвардіи между собою не имѣютъ совершенно никакого различія, хорошой и дурной все равно; хорошему солдату награда та, что онъ не имѣетъ никогда почти покоя. Солдатъ имѣетъ свое честолюбіе и должно чѣмъ нибудь его отличить. А какъ етого нѣтъ, то солдатъ ропщетъ на начальника и на своего государя. Ваше Императорское Высочество! У насъ во многихъ армейскихъ полкахъ въ нашей всей дивизіи и въ вѣренномъ мнѣ полку хорошій солдатъ имѣетъ отличіе. Рота раздѣляется, за исключеніемъ унтеръ-офицеровъ, ефрейторовъ и учителей, на три разряда. Первой учится въ недѣлю два раза и два раза занимаетъ мѣста учителей, второй разрядъ учится четыре раза, а третій разрядъ всякой день, изключая праздничныхъ дней. Солдаты очень довольны, потому что есть различіе хорошему отъ дурного. Каждый полковой командиръ есть маленькій владѣтель своего полка съ тою разницею,—зло можетъ сдѣлать офицеру и солдату, сколько угодно, а добра кромѣ ласковаго своего бращенія ничего. Изходатайте, Ваше Императорское Высочество, хотя малое облегченіе нижнимъ чинамъ у государя императора и тогда увидите, какъ велика будетъ благодарность вѣрныхъ сыновъ отечества своему государю.

9. Фурштатъ.

Фурштатъ совсѣмъ излишняя и безполезная вещь въ арміи и болѣе вредная. Пользы отъ нихъ совершенно никакой не предвидится, исключая того, что не доставало въ арміи сѣрыхъ мундировъ съ синими воротниками и въ годъ разъ фуры проходятъ церемоніальнымъ маршемъ. Невыгоды по устроенію собственному своему, штата, комплекта офицеровъ и всѣхъ издержекъ казнѣ въ нѣсколько разъ стоитъ дороже и главная невыгода та, что во время войны войска будутъ безъ хлѣба. Теперь оными завѣдываютъ фурштатскія батальонные командиры и при малѣйшемъ движеніи отвѣчать должны полковые командиры, не имѣя никакой обязанности и способовъ.

10. Государю нужна любовь сердечная, а не наружная.

Ваше Императорское Высочество. Государю императору должно стараться снискать сердечную любовь народа, которая бы изъявля-

лась не одною наружностью, не одними пустыми криками при видѣ государя,—наружная любовь къ государю ничто иное, какъ обманъ, сопряженный съ искательствами начальства, выказывающаго свою готовность и исправность своихъ услугъ единственно для своего тщеславія, основаннаго на изнуреніи народа, и противъ государя душевнаго ропота его поданныхъ.—Ваше Императорское Высочество! Я не стану бросать взора въ дальныя времена, а обращусь только къ блаженной памяти почивающему нынѣ въ Бозѣ благочестивѣйшему императору Александру Павловичу. Онъ одной высокой царской крови съ нынѣ царствующимъ благочестивѣйшимъ государемъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ; не его ли сыны отечества, оплакивая кончину и отдавая полную справедливость добродѣтельной душѣ его, именовали отцомъ отечества, но между тѣмъ взгляните въ мое объясненіе, въ разсказы Рылѣева и въ самой Таганрогъ и Ваше Императорское Высочество увидите, что народъ несовсѣмъ любилъ его, любимцы его тщеславіемъ своимъ и дѣлами приготовляли въ народѣ и ему смерть убійственной руки, обратите взоръ на толки народа до отреченія его императорскаго высочества цесаревича Константина Павловича и желаніе народа усмотрите, на справедливости основанное.

И такъ, Ваше Императорское Высочество, я повторяю, что я преступникъ, ужаснѣйшій злодѣй, говорю дерзко, но справедливо и, ища одной смерти, хочу, чтобы тронъ спасителя души моей, моего благочестивѣйшаго государя, укрѣпился на твердыхъ столбахъ любви и преданности народной и хочу блага моего отечества и народа.

Римскій императоръ Троянъ уподобляетъ санъ свой солнцу, говоря сими словами: „Государь подобенъ солнцу и долженъ собой освящать все государство“. Выраженіе достойно государя, но гдѣ солнце слишкомъ сжотъ, тамъ народъ для избавленія зноя остается въ однихъ рубахахъ и тѣмъ избавляетъ себя отъ нестерпимаго жара.—Солнце закатится, и народъ опять накидаетъ на себя обувь безъ всякой потери своего имущества.

Блаженной памяти покойной государь императоръ Александръ Павловичъ, объѣзжая предѣлы Россіи, находилъ вездѣ внутри своего государства большое устройство и порядокъ: въ проѣздъ мчатся на быстрыхъ коняхъ, по отлично устроеннымъ, окопаннымъ и по бокамъ обсаженнымъ деревьями дорогамъ, проѣзжалъ ли деревню, встрѣчались домики чистые, обкопаны канавками, усажены березками и даже нѣкоторые выкрашены, въѣзжалъ ли въ городъ и всякой удив-

лялся, и какъ будто въ волшебныя времена вновь городъ родился. Народъ, кажется, съ усердіемъ для пріѣзда царя состроилъ новый храмъ для пріема драгоцѣннѣйшаго своего гостя и при первомъ появленіи его раздаются безъ умолка крики „ура!“ Шапки летятъ вверхъ, городъ весь въ огнѣ. И государь въ восхищеніи, радуется благу своего народа. Проведя нѣсколько дней для осмотру войскъ, въ свободную минуту ѣдетъ обозрѣть городъ, любуется всѣмъ и, оставшись всѣмъ довольнымъ, осыпаетъ всѣхъ служащихъ милостями и отъѣзжаетъ спокойно, не зная того, что все имъ видимое совершенный обманъ и ничего нѣтъ искренняго, сердечнаго. Та гладкая дорога, по которой мчался такъ шибко государь, обогатя земскую полицію, оставила нѣкоторыхъ крестьянъ на слѣдующій годъ безъ хлѣба, слегка подкрашенные домы стоятъ издержекъ, и представляютъ людей съ дурною фигурою подъ прелестнымъ личикомъ маски. Желательно бы было, чтобы дня два помочилъ дождь и смылъ бы слегка наброшенную краску, тогда бы открылись скрытыя подъ прелестными масками обезображенныя фигуры и городъ представился бы въ своемъ видѣ.

Вмѣсто же тѣхъ рукоплесканій, которыя бываютъ при встрѣчахъ, желаютъ скорѣе избавиться присудствія государя, вмѣсто бросаемыхъ вверхъ шапокъ при въѣздѣ, государь повезетъ тьму прозьбъ на мѣстное начальство и вмѣсто казавшагося народа довольнымъ при видѣ государя, остается надолго издержавшагося безъ всякой пользы народа ропотъ.

Ваше Императорское Высочество! Просите государя императора, чтобы онъ не искалъ вовнутри своего государства себѣ обмана, чтобы не мчался по обработанной изнуреніемъ его вѣрноподданныхъ дорогѣ и вмѣсто всѣхъ вышепоясненныхъ украшеній, употребленныхъ для единственнаго обмана государя императора, оставалась лишняя копѣйка въ карманѣ его народа. Обманъ всегда будетъ обманомъ, а правда – правдою. Скверны, Ваше Имераторское Высочество, домы, покрытые фальшивою краскою: они приносятъ въ дань государю ропотъ народа; но опаснѣе для государя люди въ маскахъ: они подъ личиною преданности за милости къ нимъ своего государя платятъ ненавистью народной и вмѣсто спокойствія, которымъ бы они должны оградить домъ своего благодѣтеля, своего государя, готовятъ смерть нанесть, убійственность рукою народа (вспомните Рылѣева розговоръ со мною въ театрѣ и записку Щепина—Ростовскаго).

11. Разборъ любимцевъ Петра Великаго и Александра I.

Ваше Императорское Высочество. Обратитесь теперь къ любимцамъ блаженной памяти покойныхъ государей Петра Великаго и Александра I-го. Любименъ Петра Великаго князь Долгорукій, трудясь о благѣ отечества, защищалъ всегда невинность и говорилъ своему государю правду; онъ, не щадя себя, получа несправедливый указъ, утвержденный Петровою рукою, не убоялся изодрать его, жертвуя любовью своего государя, званіемъ и даже жизнію для пользы отечества. Императоръ Петръ Великій, увидя изорванный указъ его, въ первыхъ движеніяхъ своихъ пришолъ было въ ярость, но увидя справедливость князя Долгорукаго, не только простилъ, но болѣе полюбилъ его, потому что любилъ свой народъ и любилъ правду. Имя Петра Великаго прославлено и имя любимца его останется въ признательныхъ сердцахъ сыновъ отечества дотолѣ, доколѣ закатится солнце на вѣкъ въ подлунной.

Обратитесь Ваше Императорское Высочество къ любимцу блаженной памяти государя императора Александра I-го графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву, которому покойный государь при отбытіи въ Таганрогъ изволилъ поручить всѣ государственныя дѣла. Чѣмъ прославилъ онъ имя своего государя? что сдѣлалъ для блага народа и для пользы отечества? Гдѣ ознаменовалъ себя во время войны? гдѣ подвиги его; въ какой странѣ дѣла его? Или имѣя щастіе носить имя друга покойнаго государя, защитилъ ли когда невиннаго? Помогъ ли кому? Оправдалъ ли кого? Нѣтъ примѣра. Но сколько такихъ нещастныхъ, которые пострадали за него, которые сосланы въ Сибирь и въ крѣпостяхъ, можетъ быть, и въ оковы, мало ли посягнувшихъ даже на жизнь свою? И даже рѣшился на что: отца моего, прослужившаго около пятидесяти лѣтъ, имѣвшаго тьму ранъ и заслужившаго уваженіе служившихъ съ нимъ начальниковъ его и подчиненныхъ, лобызая? не постыдился обмануть.—Ети сіи дѣла пристойны любимцу государя, чѣмъ докажетъ онъ доставленную ими покойному государю, его благодѣтелю, преданность свою не тѣмъ ли что поселилъ въ народѣ ненависть, не тѣмъ ли, что многія руки поднимались отнять жизнь у покойнаго государя императора и даже собственная моя? Послѣ поцѣлуевъ графа и увѣреній, данныхъ отцу моему, думалъ онъ оправдать себя въ глазахъ государя императора, по обѣщанію друга государева, думалъ найти защиту своей невин-

ности и частію возвратить потерянное; съ такими мыслями покойной мой отецъ поѣхалъ въ дворецъ, возвратясь оттуда въ бѣшенствѣ и въ отчаяніи, въ какомъ только можетъ быть человѣкъ, браня всѣхъ и особенно графа и самаго государя; видя отца въ такомъ положеніи, у меня сердце сыновнее забилось и я предложилъ отцу моему услугу, просилъ его, чтобы онъ наименовалъ мнѣ врага своего, кто бы онъ ни былъ, и его бы не стало. Отецъ мой понялъ меня и старался себя успокоить и въ отмщеніе, умирая, благословляетъ всѣхъ трехъ сыновей на службу государю и отечеству (что помѣщено въ духовномъ его завѣщаніи). Но одинъ ли я такой, которыхъ пріуготовилъ графъ? Ихъ множество.

Народъ, зная давно, что графъ—тѣснитель народа по врожденной душѣ своей и потому полагалъ, что онъ совершенно преданъ одному государю.

Но обратите взоръ свой, Ваше Императорское Высочество, на происшествіе въ Грузинѣ и на кончину блаженной памяти покойнаго государя императора: любилъ ли онъ когда либо и можетъ ли любить кого, кромѣ себя? Вспомяните, для кого онъ оставилъ государственныя дѣла, порученныя ему покойнымъ государемъ? въ какую могили ввергнулъ трупъ недостойной тиранки? (по народной молвѣ трупъ, зарѣзанной любимицы положенъ былъ графомъ въ приготовленную у подножія блаженной памяти покойнаго государя Павла I могилу). Не посрамилъ ли тѣмъ самаго рода царскаго? О, съ какимъ прискорбіемъ оплакивалъ онъ смерть той, которая была стражемъ дней его, но которая довела собственныхъ его людей до того, что умерла насильственною смертію. Могъ ли, Ваше Императорское Высочество, человѣкъ съ такою душою сердца вѣрноподанныхъ привлечь къ государю императору? Ваше Императорское Высочество, Вы удивляетесь, что я говорю такъ дерзко,—но справедливо, любя моего государя. Спросите, Ваше Императорское Высочество, безъ надписи преданныхъ друзей и истинныхъ сыновъ отечества,—и моя правда.

Я на свободѣ презиралъ тиранство и въ заключеніи моемъ таковъ же. Многіе царедворцы покойнаго государя за щастіе щитали лобзать руки любимицы графа, несмотря на ее происхожденіе, а я для благоденствія благочестивѣйшаго моего государя, благочестивѣйшаго его дома, отечества и народа, бывъ въ темницѣ, осуждаю дѣла любимца покойнаго государя императора, который, оплакивая смерть тиранки, удивилъ всѣхъ нещастнымъ своимъ положеніемъ, а по кончинѣ благодѣтеля его блаженной памяти государя императора, вступилъ въ

дѣла. За оказанную отечеству услугу устраненіемъ и приведеніемъ въ порядокъ артиллеріи можно отдать всегда должную справедливость. Но поселенія по совѣту его не для пользы отечества, не для блага народа и даже не для доброжелательства самому государю, а для одного тщеславія самаго графа и для собственной его пользы. Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ съ давнихъ времянъ шолъ тихими шагами къ достиженію своей цѣли и въ царствованіе блаженной памяти покойнаго государа императора Александра Павловича, прибравъ давно уже внутреннюю часть государства и изобрѣтая средства, какимъ бы образомъ и управленіе войскъ подчинить своей власти, изобрѣлъ въ умѣ своемъ военное поселеніе. Такимъ образомъ, дойдя до исполненія цѣли плана своего, властью сильнѣй былъ бы самихъ государей (ибо и государь раздѣляетъ власть свою между министрами), не имѣя на себѣ короны, и стѣсненіемъ народа готовилъ бы царю своему не любовь, не преданность и не сердца народа, а принесъ бы государю въ дань ненависть и злобу народа.

Взгляните, Ваше Императорское Высочество, въ домашнее его жилище, жизнь ведетъ беззаконную, тиранъ своимъ подданнымъ и не только самъ, но и избранные его идутъ однимъ путемъ, слѣдуя примѣру своего путеводителя.

Ваше Императорское Высочество! Предостерегите государя императора отъ избранія подобныхъ друзей. Но естли онъ полезенъ, держать его при себѣ, но не дѣлать слѣпой довѣренности, пусть государь беретъ примѣръ съ Петра Великаго и избираетъ подобныхъ друзей, которыхъ имя прешло къ намъ и перейдетъ въ сердца поздняго потомства, не избирайте друзей подобныхъ, какъ избралъ Александръ I, коего смерти народъ дожидаетъ, какъ сниспосланія благодати свыше.

Ваше Императорское высочество! Желаніе мое, злодѣя, преступника:—да вздраствуетъ благочестивѣйшій государь императоръ Николай Павловичъ и да царствуетъ такъ, чтобы сердца вѣрноподданныхъ прояснились къ нему и чтобы народъ его былъ тѣломъ государя, а государь душою народа, и тогда никакая буря не потрясетъ трона его, имя Николая I-го превзойдетъ Петра и Екатерины Великихъ и благоденствуетъ Россія!

О! съ какимъ удовольствіемъ готовъ я умереть! благодарю тебя, старый товарищъ Рылѣевъ, что ты открылъ мнѣ заговоръ вашъ! До послѣдней минуты жизни буду благословлять день тотъ, въ ко-

торой причисленъ, самъ не зная какъ, къ партіи сего заговора!— Безъ него когда бы я могъ оправдать истиннаго сына отечества и вѣрнаго слуги государей и отечества, священный для меня прахъ отца моего, для каковаго оправданія посвятилъ жизнь мою съ самаго начала моей службы. Чѣмъ бы могъ заплатить, не бывъ преступникомъ, благодѣтелю моему и другу генералу Сипягину за сдѣланное мнѣ имъ добро, какъ не въ моемъ заключеніи, оправдывать его противу несправедливаго, можетъ быть, обнесенія въ лицѣ государя и какъ бы могъ думать тому, кто былъ первый другъ покойнаго государя императора и, лобызая отца моего, обманулъ и не подалъ помощи невинно оклеветанному;—отмстить не клятвою, но правдою и вмѣсто дружбы открывать въ немъ вмѣсто друга государю,— опаснѣйшаго врага ему и тѣснителя рускаго народа, какъ не въ етомъ же заключеніи и, наконецъ, въ какихъ бы чертогахъ я могъ быть такъ щастливъ, что Ваше Императорское Высочество по врожденной великодушнѣйшей души, бывъ влекомъ къ нещастнымъ, и посѣтили меня въ моемъ заключеніи.— Благодарю Тебя, Господи, и повинуюсь безъ ропота Твоему предопредѣленію.

Но вотъ человѣкъ входитъ и вызываетъ меня по случаю высокоторжественнаго праздника Рождества Христова къ слушанію Божественной литургіи, я иду съ большимъ удовольствіемъ помолиться Богу; входитъ его высокопревосходительство генералъ-отъ-инфантеріи Александръ Яковлевичъ Сукинъ и священникъ начинаетъ священное служеніе. Конча литургію, священникъ начинаетъ благодарственный молебенъ объ освобожденіи Россіи отъ враговъ, въ продолженіи онаго читаетъ молитвы и приноситъ Всевышнему благодареніе за изгнаніе внѣшнихъ враговъ отечества и народа. Я благодарю моего Бога, что говоря правду Вашему Императорскому Высочеству, открываю внутренняго врага въ любимцѣ блаженной памяти покойнаго государю и врага опаснѣйшаго государю, отечеству и тѣснителя русскаго народа. Молитвы кончились, священникъ выходитъ и возглашаетъ здравіе и благоденствіе благочестивѣйшему государю императору Николаю Павловичу и такъ далѣе, провозглашаютъ многолѣтіе. Я молюсь и съ чистою душою прошу о томъ же. Вдругъ священникъ возглашаетъ вѣчной покой блаженной памяти покойному государю. Сейчасъ воображенію моему представилось, что я съ кончиною покойнаго государя потерялъ все, службу, честь и доброе мое имя; я стараюсь удержать мои чувства; провозглашаютъ вѣчную память и слезы невольно выкатились изъ глазъ мо-

ихъ, еще возгласъ священника христолюбивому Россійскому воинству и я, нося военный мундиръ и по случаю бытности моей въ заговорѣ чувствую, что я его недостоинъ, крѣплюсь въ волненіи моемъ, подойдя съ благоговѣніемъ, прикладываюсь къ кресту и поздравляю его высокопревосходительство съ праздникомъ. Потерявшій на полѣ чести, защищая отечество, почтеннѣйшій мужъ сей, правую ногу и видя примѣръ съ великодушнѣйшаго своего монарха, Вашего Императорскаго Высочества, и будучи самъ движимъ врожденною добротою души, говоритъ мнѣ: „Я очень сожалѣю, что не могу въ севоднишній день по причинѣ моей болѣзни нѣсколько времяни быть съ вами“. Я поблагодарилъ его за участіе, пріемлемое во мнѣ и, зная, какъ тягостно дышать однимъ воздухомъ съ преступникомъ бывшимъ нѣкоторымъ лицамъ здѣсь и болѣе по разстроеннымъ мыслямъ своимъ удалился тотчасъ въ свою комнату. Разсуждая обо всемъ, одобряю свой приговоръ, которой я заслуживаю по всей справедливости.

Ваше Императорское Высочество! Естли бы я жизнію своею могъ избавить отъ наказанія преступниковъ (изъключая тѣхъ, которые искали себѣ власти и сами хотѣли быть царями), завлеченныхъ обманомъ, и помилованіе старому Семеновскому полку государя императора, каковое великодушіе еще болѣе привлечетъ сердца вѣрноподданнѣйшаго народа къ его императорскому величеству, сейчасъ бы пожертвовалъ собою, но, Ваше Императорское Высочество, я далъ себѣ слово искать защиты тѣмъ, на которыхъ имѣю нѣкоторое право.

Лейбъ-гранадеры завлечены моимъ имянемъ и я жертвую собой для того, чтобы доказать имъ, что я недаромъ заслуживалъ ихъ любовь. Якубовичу я далъ слово защищать въ самой его опасности и исполню, Ваше Императорское Высочество. На все въ государствѣ есть законы и любимцы государя императора или искатели сихъ мѣстъ скажутъ, что преступники и етакіе злодѣи не могутъ быть прощены. Я все скажу свое, что они не хотятъ любви государю народной и прошу Вашего Императорскаго Высочества сдѣлать прейзусомъ моимъ самаго графа Аракчеева и отослать ему мое объясненіе. Мое желаніе было, Ваше Императорское Высочество, то, чтобы я при всемъ собраніи и въ присудствіи всѣхъ лицъ могъ говорить правду и тогда бы, Ваше Императорское Высочество и самъ государь увидѣли бы, кто бы былъ равнодушнѣе: я, или любимецъ покойнаго государя императора и сенаторы, виновники ропота народа, и братья мои противу праха отца и собственно меня ви-

новатые. Лица, поясненныя въ доставленной мною вчерашній день къ Вашему Императорскому Высочеству запискѣ, могли доказывать справедливость моихъ показаній, въ моемъ объясненіи описанныхъ. Но Вашему Императорскому Высочеству етого неугодно, то пусть его сіятельство графъ Алексѣй Андреевичъ прочтетъ ето и узнаетъ то, что онъ, бывъ другомъ блаженной памяти покойнаго государя императора, обманулъ отца моего и его имя дало случай заговорщикамъ уловить меня въ свои сѣти. Въ етомъ случаѣ, Ваше Императорское Высочество, буду просить одну изходатайствовать у государя императора милость: судить меня какъ преступника, учавствующаго въ заговорѣ! Какъ злодѣя! по данной моей клятвѣ въ день присяги!—пощады я не требую и не желаю и безъ милости лейбъ-гранадерамъ, Якубовичу отниму самъ у себя жизнь, въ случаѣ моей свободы. Но графъ, по врожденной злобной душѣ своей, будетъ стараться избрать и казнь мнѣ тираническую, хотя по свойству душъ моего государя и Вашего Императорскаго Высочества етого и не случится. Но какъ я, по мнѣнію ихъ, буду на щету вредныхъ людей для пользы отечества,—то меня разстрѣлятъ.

Ваше Императорское Высочество. Братья мои, естли бы слышали уличеніе мое, имъ дѣланное, для чего я также помѣстилъ ихъ въ моей вчерашней запискѣ, то конечно бы старались исправиться въ своихъ поступкахъ и послѣ такового наказанія старались бы идти по слѣдамъ отца своего. Братъ второй, Вашему Императорскому Высочеству теперь извѣстно, за ето клянетъ прахъ отца, но етого сдѣлать невозможно. Да онъ и не заслуживаетъ, а такъ какъ я далъ слово, исполняя завѣщаніе покойнаго родителя нашего состоящее въ томъ, чтобы мы служили всѣ въ военной службѣ, опредѣлить его, какъ немогущаго нести фрунтовую службу по увѣчью руки его, къ кому нибудь изъ хорошихъ генераловъ въ адъютанты, какъ самъ теперь въ нещастіи, то и прошу Вашего Императорскаго Высочества, за службу покойнаго отца, не оставить своимъ покровительствомъ меншаго брата, служащаго въ Преображенскомъ полку; я просилъ генерала Сипягина взять къ себѣ и онъ увѣдомлялъ меня, что объ немъ онъ относился къ Вашему Императорскому Высочеству.

Ваше Императорское Высочество. Теперь прошу о изходатайствованіи милостей у государя императора, собственно, до самаго меня касающихся. 1-ое. Я имѣю двухъ малютокъ, одну по шестому, а другую около четырехъ лѣтъ, которыя теперь на рукахъ семиде-

сятилѣтней ихъ прабабки и болѣе у нихъ родства такого, чтобы поручить ихъ, совершенно никого не имѣю. Ваше Императорское Высочество по великодушію своему посѣтили преступнаго отца ихъ въ его заключеніи, не лишите и сихъ сиротъ покровительства Вашего Императорскаго Высочества. 2-е. Такъ какъ дѣла въ домашнемъ моемъ хозяйствѣ довольно разстроены и повѣренный, я полагаю, воспользовался моимъ отсутствіемъ и, вѣрно, обманулъ братьевъ, — изходатайствовать у государя императора свободу до рѣшенія моей участи; я самъ явился государю и по требованію тотчасъ явлюсь. Я готовъ себя также содержать дома арестантомъ и никуда изъ дому не выходить, изключая своихъ малютокъ И между тѣмъ всѣ дѣла свои постараюсь привесть въ порядокъ. 3-е. Естли до рѣшенія моей участи нельзя дать мнѣ свободы, то хотя дня на два для приведенія въ устройство, какъ домашнихъ, такъ нѣкоторыхъ и по обязанности службы и званію командира полка дѣлъ. 4-е. Малюткамъ и семидесятилѣтней ихъ прабабушкѣ позволить навѣщать меня. 5-е. Въ моемъ заключеніи я не заслуживаю тѣхъ монаршихъ милостей, которыя я имѣю, но меня здѣсь теперь мучитъ одинъ фельдшеръ, которой съ тупою бритвою и, какъ кажется, боится того, чтобы я, какъ преступникъ и по моему чину долженъ быть важной (въ чемъ и не ошибается), не рѣшился бы лишить себя жизни; бритвою тупою можно бриться, но имѣть такое объ себѣ мнѣніе—больно, и потому осмѣливаюсь Вашего Императорскаго Высочества просить, чтобы позволено было брить меня вольному фельдшеру и острыми бритвами. 6-е. Такъ какъ Вашему Императорскому Высочеству изъ объясненія моего извѣстенъ собственный мой приговоръ, то умоляя у ногъ Вашего Императорскаго Высочества не допустить меня до новаго преступленія поднятіемъ своей руки собственно на себя и потому изходатайствовать у государя императора, естли нельзя дать свободы лейбъ-гранадерамъ и Якубовичу, ускорить утвержденіемъ избраннаго мною приговора, за каковую милость Вашего Императорскаго Высочества по послѣднюю минуту дыханія моего буду имѣть щастіе благодарить.

Вашего Императорскаго Высочества
душею преданный преступникъ
Булатовъ.

25 декабря 1825 г.
Арестъ.

М. М. Муравьевъ-Апостолъ.

Письмо къ брату Сергѣю Ивановичу.

Le 3 Novembre 1824.

J'ai été bien désagréablement surpris, mon cher ami, par ce que Vous me mandez dans votre dernière lettre. Je Vous attendais avec impatience et maintenant je ne dois plus espérer Vous voir de si tôt. Quant à'moi, cher ami, je serai indubitalemen venu. J'aurai suspendu mes bains. Mais il m'a été fortement enjoint de ne pas aller chez Vous. Mon père me la fait positivement promettre après avoir été prévenu à ce sujet par Николай Назаровичъ et vous savez s'il a des notions sûres. Le gouvernement veille sans cesse et s'il n'agit pas comme il devrait le faire, il a ses raisons. Le midi attire une grande partie de bon attention—il connaît l' esprit qui y règne et ce qui me fait la plus grande peine c'est que Vous agissez comme si toute suspicion avait cessé. Temoin la visite que je viens de recevoir d'un certain mr. Lohrer que je n'ai connu qu'en passant à Pétersbourg et que Pestel m'a envoyé, Dieu sait pourquoi, sur le pied d'une vieille connaissance. Nous sommes bien loin encore de ce point où le risque devient raisonnable et risquer sans discermement perd du monde et retarde la chose peut-être à l'infini. Il m'a parlé des receptions que l'on fait chez Vous dans les régimens, d'un terme fixé d'une année—en verité tout cela me passe et si je ne savais pas que la solitude exhalte les sentimens ce qui donne de la supériorité à quelques jeunes étourdis, qui seraient ridicules dans toute autre circonstance,—je Vous aurai tous cru devenu fous. Ce mr. Löhrer m'a parlé de vos liaisons ou plutôt de Votre liaison, il m'a dit que Vous ne pouviez pas en parler de même sans avoir les lar-

mes aux yeux. Que dès le premier abord Votre prétendu ami lui a dit que Vous êtes lié intimement qu'il ne fait que courir ça et là que servant dans un autre régiment, il était sans cesse avec Vous, que ses visites fréquentes à Kiew avec Vous ont été cause de la défense, qui en est resultée que Vous y alliez etc. etc.—Vous connaissez mes principes, Vous savez que je suis persuadé qu'il n'y a pas de sentiment qui demande plus de pudeur que l'amitié qu'il n'y a pas de sentiment qui rejette plus impérieusement toute idée de vanité. Vous verrez du moins une espèce de constance, mon cher ami, à désaprouver ce que Vous faites. S'il n'y allait pas de Votre repos et du mien par conséquent, je me serais résigné comme il m'est si facile de le faire. J'aurai laissé au tems à déchirer le voile qui couvre Votre raison de puis les trop fameux contrats de 1823. Mais n'oubliez pas que les choses si Vous n'y remédiez incessamment ne peuvent pas en rester là et gare à Vous si le gouvernement se mettait à user; tout cela est tellement cousu de fil blanc qu'il lui serait bien facile de Vous envelopper dans Vos propres filets. Je ne me fâche pas contre Vous. Je ne Vous en veux pas, mon cher Serge, quoique je me serai attendu à un peu plus de confiance de Votre part. Tout en me donnant des qualités, que je suis bien loin de posséder, Vous me refusez la seule que je désire. J'ai été très enclin à me laisser entraîner avant le tems à murir ma raison—tous les événemens différents auxquels j'ai été si souvent en butte ont été profitables pour moi en me donnant un peu l'expérience des hommes - aussi je remercie bien sincérement Dieu d'avoir daigné m'éprouver lorsque je viens à me rappeller que c'est moi qui suis en parti cause de tout cela, je ne peux pas Vous exprimer quelles engoisses cela me cause. Fasse le ciel que les évenemens ne justifiessent pas mes paroles! Pourquoi avez vous été voir Wadkowsky? Je profiterai de cette occasion sûre pour vous parler de ma profession de foi. Je suis intimement convaincu qu'il n'y a absolument rien à faire pour le moment—il n'y a rien à'St. Petersbourg et pour la justification de nos amis. Je vous dirai que l'expérience m'a prouvé qu'il n'y avait rien à y faire. Les visites qui y ont été faites ont laissé un germe de désunion et cela ne pouvait pas être autrement—d'un côté on a parlé sentimens, de l'autre probabilité ce qui est bien froid. A l'honneur de ceux de là bas, je dois dire qu'ils

s'expriment avec estime sur le compte de vous autres, tandis que chez vous on ne le fait pas. Et pourquoi tout cela? pour contenter la plus mince des vanités celle de faire admettre magistralement des hypothèses mises par écrit qui, Dieu sait, encore si elles peuvent être applicables. Le partage des terres a une grande opposition même comme hipothèse. Or je vous le demande, cher ami, la main sur la conscience est-ce avec de pareiles machines que l'on peut mettre en mouvement une aussi grande masse d'inertie. La conduite adoptée est à mes vues dites berlue, n'oubliez pas que celle du gouvernement est bien autrement positive. Les grands Ducs ont des divisions, ils ont le bon esprit de se faire des créatures. Je ne parlerai pas déjà de leur frère qui a plus de partisans que l'on ne s'en doute. Ces messieurs donnent des arpents de terre, de l'argent, des grades et nous autres qu'est-ce que nous faisons. Nous promettons des abstractions, den enseignes hommes d'Etat, qui ne savent pas se conduire eux-mêmes et pourtant une mauvaise réalité est préférable à une brillante incertitude dans ce cas.—Mettons même qu'il soit facile de faire jouer la hache de la révolution, me repondrez—Vous que Vous puissiez l'arrêter ensuite. L'armée sera la première à trahir la cause. Citez moi un exemple qui puisse, je ne dirai pas prouver, mais faire soupçonner le contraire. Quel officier du régiment de Semenowsky qui s'est fait faire fusiller? Vous me direz à quoi bon, mais il ne s'agit pas de l'utilité qui en serait résultée, mais de l'élan que cela aurait dénoté vers un autre ordre de chose. Je Vous avoue que je suis encore plus mécontent de Votre avouchement avec les Polonais. vous êtes sur un pied vis-à-vis d'eux sur lequel Vous ne deviez jamais être d'après ce que Vous m'en aviez dit. D'après l'agent que Vous avez si imprudemment employé cette espèce de fraternité devait résulter. Je serai le premier à m'opposer à voir la Pologne jouer au dés le bonheur de ma patrie. Nos forces sont toutes extérieures, chez Vous il n'y a absolument rien de solide. Il ne s'agit pas de se presser et dans ce cas je ne comprends même pas l'acception de ce mot. Il faut avoir un bon fondement pour élever un grand édifice et c'est justement à quoi on ne pense pas chez vous. Nous serat il donné de jouir de nos oeuvres, c'est ce qu'il faut laisser à la Providence il faut faire ce que l'on doit faire et rien de plus—mais bien entendu, point

d'enfantillage, il ne faut pas recevoir des officiers de ligne bon à rien pour le moment et lorsque le tems vient qu'il faut les employer les faire marcher impérieusement sans les consulter sur leur bon plaisir. Mr. Löhrer m'a dit aussi que Юшневскій a mis comme principe проучить молодыхъ людей, чтобъ они не кричали въ комнатахъ, а на улицахъ, на площадяхъ. Engagez de le faire saingner, car il est malade, je Vous en donne ma parole d'honneur, du moins réagissez fortement contre lui pour la sûreté des malheureux que ce monsieur pourrait faire bien gratuitement.—On m'écrit de Pétersbourg que l'Empereur est enchanté de la réception qu'on lui a fait dans les gouvernemens qu'il vient de visiter—le peuple se couchait sur la grande route sous les roues de sa calèche, il était obligé de s'arrêter pour qu'on ait le tems de l'empecher d'éprouver son enthousiasme.—Ces futurs républicains ont manifesté partout leur amour, et n'allez pas croire que cela a été joué les исправники qui n'étaient pas de la conférence ne savaient pas où donner de la tête. C'est une personne bien sûre qui me le mande et qui avait un ami qui a été du voyage. J'ai été aux manoeuvres des gardes et les régimens qu, on a tellement changé n'offrent pas beaucoup d'espérance. Le soldat même n'est pas aussi mécontent que nous l'avions cru nous mêmes là-bas. L'histoire de notre régiment est entierement oubliée. A mon passage par Moscou j'ai vu deux personnes qui m'ont dit qu'il n'y avait rien de fait et rien à faire de raisonnable s'entend.--Voilà, mon cher ami, ce que je me réserve de Vous dire à notre entrevue que j'espérai devoir être prochaine. Ne m'etonnez pas du changement que Vous trouverez en moi - songez au tems—c'est un grand maître. Je passe mon tems dans la solitude la plus complette, le tems est si mauvais que je ne mets pas ce qui s'appelle le nez à l'air. Je m'occupe de la lecture et ce genre de vie ne m'ennuit pas du tout. Je suis même heureux lorsque je songe aux dépenses que mon père a à faire dans ce moment et que je n'ai pas la conscience d'augmenter pour ma part.—Si vous voyez A. Repnin, il pourra Vous donner des nouvelles d'Helène mieux que je ne pourrai le faire moi même. Annette est à Bakoumoffka voilà tout ce que j'en sais. Vous avez bien raison de dire que fatta la frittata et pour Vous donner une idée de la roideur de mon caractère dans de pareilles circonstances c'est que je m'en éloigne par raison pour ne pas

avoir à rompre en visière, si nous étion plus intimes. Je ne pourrai pas m'empêcher de trouver nouveau ce qui m'aurait paru tel et si le monsieur contestait ce droit à mon père comment prendroit-il cela de moi?—Vos idées sur Annette sont tant soit peu romanesques dans ce que Vous m'en dites dans une de Vos lettres. Jeune, sans expérience elle a du adopter les idées de son mari—c'est ce qu'elle a fait très heureusement pour elle. M-me Placi était souffrante avant que son mari vint la prendre pour l'amener, Annette ne savait de ses nouvelles que lorsque je venais chez elle parce que j'envoyais quelqu'un demander comment elle se trouvait. La maison même est montée de la sorte car elle s'était plaint plusieurs fois par le pauvre Zanboni qu'on lui refusait de la soupe. Cela est, parce que cela est et encore une fois je dirai même pour la prose de la vie que c'est très heureux que cela soit ainsi.—Jamais ni le mari, ni la femme ne m'envoyent demander si j'ai des nouvelles de mon père. ni l'un ni l'autre ne m'ont pas fait une seule question ni sur Catherine, ses enfants, son mari, pas même sur Hippolyte et le monsieur tenait une note de ses griefs contre mon père. N'allez pas inférer de tout cela, cher ami. que j'ai pris les hommes, la vertu en grippe, Vous Vous méprendriez infiniment.—Je suis accoutumé à Vous ouvrir mon coeur et par conséquent à Vous donner les raisons qui me font agir de telle ou telle manière. Je Vous enverrai la semaine prochaine si faire se peut plutôt les touloupes pour Vos gens. on n'avait pas exécuté jusqu'à ce moment Vos ordres à cause de tous les enterègnes qui ont eu lieu dans les phases de l'histoire de l'économie de Chomontel. Les Troubetsky me parlent avec beaucoup d'amitié de Vous dans toutes les lettres que je reçois d'eux. Je ne sais rien sur Catherine, Vous avez raison elle doit être accouchée dans ce moment. Je prie sincèrement Dieu qu'elle soit délivrée heureusement. Je les aime de tout mon coeur. Hippolyte ne m'écrit pas, et comme je n'ai pas reçu depuis quelque tems des nouvelles de Bibikow, qui est le seul qui m'en parle, je ne peux rien Vous en dire. Je Vous embrasse mille et mille fois, mon cher ami. Soyez heureux, bien portant et ne m'oubliez pas, Votre frère.

M. Mourawieff-Apostole.

Le Porte-feuille de Pestel me donne beaucoup d'inquiétude pour Vous. Vouz aviez dit qu'il n'y aurait rien d'ecrit.—Voyez comme Vous êtes entraîné au courant que Vous ne pouvez maîtriser.

Русскій переводъ [1]).

3-го ноября 1824 г.

Я былъ крайне непріятно пораженъ, дорогой другъ, тѣмъ, что Вы мнѣ пишете въ вашемъ послѣднемъ письмѣ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ Васъ, а теперь приходится отказаться отъ надежды скоро увидѣть Васъ. Что касается меня, милый другъ, я непремѣнно пріѣхалъ бы. Я бросилъ бы свои купанья. Но мнѣ было строго приказано не ѣздить къ Вамъ. Мой отецъ заставилъ меня дать ему положительное обѣщаніе, что я не поѣду, послѣ того какъ онъ получилъ предостереженіе отъ Николая Назаровича, а Вы знаете, какъ этотъ послѣдній хорошо освѣдомленъ. Правительство теперь постоянно на-сторожѣ и если оно не дѣйствуетъ такъ, какъ слѣдовало бы ожидать, то у него есть на то свои причины. Югъ сильно привлекаетъ его вниманіе, оно знаетъ, какой тамъ царитъ духъ, и меня крайне огорчаетъ то, что Вы такъ дѣйствуете, словно прекратились всякія подозрѣнія. Доказательствомъ тому служитъ хотя бы посѣщеніе меня нѣкіимъ г-номъ Лореромъ, съ которымъ я былъ едва знакомъ въ Петербургѣ и коего Пестель прислалъ мнѣ Богъ-вѣсть зачѣмъ, какъ стараго знакомаго. Мы еще далеки отъ того момента, когда благоразумно рисковать; а рискъ несвоевременный ведетъ лишь къ тому, что мы теряемъ людей и что дѣло оттягивается до безконечности. Онъ говорилъ мнѣ, что у васъ въ полкахъ назначенъ срокъ въ одинъ годъ. Правду сказать, все это приводитъ меня въ недоумѣніе и если бы я не зналъ, что одиночество способствуетъ экзальтаціи чувствъ, а это дастъ преимущества нѣкоторымъ молодымъ вертопрахамъ, которые при другихъ обстоятельствахъ были бы только смѣшны, то я считалъ бы васъ всѣхъ сумасшедшими.

Сей г-нъ Лореръ разсказалъ мнѣ о Вашихъ знакомствахъ или, вѣрнѣе, о Вашемъ знакомствѣ [2]). Онъ сообщилъ мнѣ, что Вы не говорите объ этомъ иначе, какъ со слезами на глазахъ, что съ перваго знакомства Вашъ мнимый другъ сказалъ ему, что вы связаны тѣсной дружбой, что онъ все время летаетъ то туда, то сюда, что служа въ другомъ полку, онъ былъ постоянно вмѣстѣ съ Вами, что

[1]) Переводъ любезно сдѣланъ для насъ пр.-доц. гр. Ф. Б. Де-Ла-Бартомъ.
[2]) Подразумѣвается М. Бестужевъ-Рюминъ.

его частыя поѣздки въ Кіевъ совмѣстно съ Вами были причиной того, что Вамъ запретили туда ѣздить и т. д. и т. д.

Вы знаете мои принципы, знаете, что согласно моимъ воззрѣніемъ нѣтъ такого чувства, которое требовало бы большей деликатности, чѣмъ дружба, которое при этомъ такъ исключало бы даже тѣнь тщеславія. Впрочемъ, Вы могли убѣдиться, что я съ довольно таки большимъ постоянствомъ порицаю Вашъ образъ дѣйствія. Если бы дѣло не касалось спокойствія Вашего, а слѣдовательно и моего собственнаго, я бы махнулъ на все это рукой, и это мнѣ въ сущности не трудно сдѣлать. Я предоставилъ бы времени разорвать ту завѣсу, которая опутала Вашъ разсудокъ со времени слишкомъ извѣстныхъ контрактовъ 1823 года. Но не забудьте, что если Вы не будете постоянно принимать мѣры,—дѣла не останутся въ такомъ положеніи и горе Вамъ, если правительство этимъ воспользуется; все это такъ шито бѣлыми нитками, что ему было бы легко опутать Васъ Вашими же сѣтями. Я не сержусь на Васъ, не пеняю на Васъ, мой дорогой Сережа, хотя былъ бы вправѣ разсчитывать на большее довѣріе къ себѣ съ Вашей стороны. Приписывая мнѣ такія качества, которыхъ у меня вовсе нѣтъ, Вы отказываете мнѣ въ томъ, на которое я только и претендую. Я имѣлъ сильную склонность къ преждевременной зрѣлости ума—всѣ разнообразныя событія, коихъ я былъ жертвой, послужили мнѣ впрокъ, давъ мнѣ нѣкоторое знаніе людей,—поэтому то я искренно благодарю Бога за то, что Онъ соизволилъ испытать меня; когда же я вспоминаю, что я отчасти виновенъ во всемъ происшедшемъ, то испытываю такія душевныя муки, которыя невозможно передать. Дай Богъ, чтобы событія неоправдали моихъ словъ! Зачѣмъ Вы посѣтили Вадковскаго?

Пользуюсь настоящей вѣрной оказіей, чтобы высказать Вамъ свою profession de foi. Я вполнѣ убѣжденъ, что пока ничего нельзя сдѣлать, ничего не сдѣлать и въ Петербургѣ для оправданія нашихъ друзей. Скажу болѣе: самый опытъ показываетъ, что тутъ ничего не подѣлаешь.

Визиты, которые тамъ были сдѣланы, породили разладъ—иначе и быть не могло, съ одной стороны выражали чувства, съ другой—высказывали предположенія насчетъ вѣроятностей, а это послѣднее вышло очень ужъ холодно[1]). Къ чести тамошнихъ я дол-

---

[1]) Намекъ на поѣздку южныхъ членовъ общества кн. С. Г. Волконскаго и В. Л. Давыдова съ предложеніемъ соединенныхъ дѣйствій.

женъ сказать, что они съ уваженіемъ отзываются о васъ, чего съ вашей стороны я не вижу. И все это дѣлается изъ ничтожнаго тщеславія, ради того, чтобы тономъ учителя навязать писанныя гипотезы[1]), о которыхъ одному лишь Богу извѣстно, примѣнимы онѣ или нѣтъ. Раздѣлъ земель, даже какъ гипотеза, встрѣчаетъ сильную оппозицію. И я спрашиваю Васъ, дорогой другъ, скажите по совѣсти: возможно ли привести въ движеніе такими машинами столь великую инертную массу? Нашъ образъ дѣйствія, по моему мнѣнію, порожденъ полнымъ ослѣпленіемъ; не забывайте, что образъ дѣйствія правительства отличается гораздо большей положительностью. У великихъ князей въ рукахъ дивизіи и они имѣли достаточно мудрости, чтобы создать себѣ креатуръ. Я не говорю о ихъ братѣ, у котораго больше сторонниковъ, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Эти господа дарятъ участки земли, деньги, чины... а мы что дѣлаемъ? Мы сулимъ отвлеченности, обѣщаемъ дать государственныхъ дѣятелей изъ прапорщиковъ, которые даже не умѣютъ себя вести. А между тѣмъ плохая дѣйствительность въ данномъ случаѣ предпочтительнѣе, чѣмъ блестящая неизвѣстность. Допустимъ даже, что намъ легко будетъ пустить въ дѣло сѣкиру революціи; но поручитесь ли Вы въ томъ, что съумѣете ее остановить? Армія первая измѣнитъ нашему дѣлу. Приведите мнѣ хотя бы одинъ фактъ, который бы, не скажу, доказывалъ, а лишь позволилъ бы предполагать противное. Нашелся ли хотя бы одинъ офицеръ Семеновскаго полка, который подвергъ себя растрѣлянію? Вы меня спросите, зачѣмъ имъ подвергать себя этому, но дѣло идетъ не о той пользѣ, которую это принесло бы, а о стремленіи къ другому порядку вещей. Признаюсь, я еще болѣе недоволенъ вашими переговорами съ поляками. Вы съ ними въ такихъ отношеніяхъ, которыхъ никогда не слѣдовало допускать, судя по тому, что Вы мнѣ говорили. Вы неосмотрительно прибѣгли къ фактору, который неминуемо долженъ былъ создать такое панибратство. Я первый буду противиться тому, чтобы Польша разыграла въ кости судьбу моей родины.

Наши силы—чисто внѣшнія, у васъ нѣтъ ничего надежнаго. Намъ нечего спѣшить и въ данномъ случаѣ я не понимаю, какъ можно произносить это слово.

Чтобы построить большое зданіе, нуженъ прочный фундаментъ, а о немъ то менѣе всего думаютъ у васъ. Будетъ ли намъ дано по-

---

[1]) Подразумѣвается Пестель и его „Русская Правда“.

жать плоды нашей дѣятельности – это въ рукѣ Провидѣнія; мы же должны исполнять свой долгъ—не болѣе. Разумѣется, не слѣдуетъ творить ребячества, не слѣдуетъ принимать армейскихъ офицеровъ, пока ни къ чему не пригодныхъ; вотъ когда придетъ время пустить ихъ въ дѣло, тогда нужно повелительно двинуть ихъ впередъ, не спрашивая, угодно это имъ, или нѣтъ.

Г. Лореръ сказалъ мнѣ также, что Юшневскій принялъ за принципъ проучить молодыхъ людей, чтобъ они не кричали въ комнатахъ, а на улицахъ, на площадяхъ. Уговорите его пустить себѣ кровь, онъ боленъ, увѣряю Васъ; по крайней мѣрѣ реагируйте энергично противъ него ради безопасности тѣхъ несчастныхъ, коихъ можетъ безъ нужды сдѣлать таковыми этотъ господинъ. Мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что царь въ восторгѣ отъ пріема, оказаннаго ему въ тѣхъ губерніяхъ, которыя онъ недавно посѣтилъ.

На большой дорогѣ народъ бросался подъ колеса его коляски; ему приходилось останавливаться, чтобы дать время помѣшать такимъ проявленіямъ восторга. Эти будущіе республиканцы всюду выражали свою любовь и не подумайте, что это было подстроено. Исправники не принимали въ этомъ участія и не знали, что̀ предпринять. Я знаю это отъ вполнѣ надежнаго лица, другъ котораго участвовалъ въ этой поѣздкѣ.

Я былъ на маневрахъ гвардіи; полки, которые подверглись такимъ измѣненіямъ, не подаютъ большихъ надеждъ. Даже солдаты не такъ недовольны, какъ мы думали. Исторія нашего полка совершенно забыта.

Проѣзжая черезъ Москву, я видѣлъ двухъ лицъ [1]), которыя сказали мнѣ, что еще ничего не сдѣлано, да и дѣлать ничего—благоразумнаго, разумѣется. Вотъ, милый другъ, что я хочу Вамъ сообщить при свиданіи, которое я надѣялся, должно было вскорѣ состояться. Не удивляйтесь перемѣнѣ, произошедшей во мнѣ, вспомните, что время—великій учитель.

Я провожу время въ совершенномъ одиночествѣ, погода такъ дурна, что я, какъ говорится, не показываю носа изъ дому. Я занятъ чтеніемъ и такой образъ жизни мнѣ не кажется скучнымъ. Я даже доволенъ имъ, когда подумаю, что въ настоящее время моему отцу предстоятъ большіе расходы; у меня не хватаетъ духу съ своей стороны увеличивать ихъ. Если Вы увидите А. Репнина, онъ

---

[1]) Вѣроятно, Якушкина, одного изъ Фонъ-Визиныхъ или И. Пущина.

дастъ Вамъ свѣдѣнія о Еленѣ и болѣе подробныя, чѣмъ я. Аннетта теперь въ Бакумовкѣ—вотъ все, что я знаю. Вы правильно замѣтили, что fatta la frittata и чтобы Вы могли судить о томъ, какъ суровъ мой нравъ въ подобныхъ случаяхъ, скажу Вамъ, что я отдаляюсь отъ нея изъ благоразумія, чтобы не быть вынужденнымъ рѣзко порвать отношенія въ томъ случаѣ, если бы мы были болѣе близки. Я бы не могъ не считать новшествомъ то, что̀ мнѣ казалось бы таковымъ, а если извѣстный господинъ оспаривалъ это право у моего отца, то какъ бы онъ принялъ это отъ меня? Ваши взгляды на Аннетту нѣсколько романичны, судя по тому, что Вы мнѣ пишите о ней въ одномъ изъ Вашихъ писемъ. Она молода, неопытна и должна была воспринять идеи своего мужа, что̀ она и сдѣлала по счастью для себя.

Г-жа Плачи была больна раньше, чѣмъ ея мужъ увезъ ее, Аннетта сообщала о ней свѣдѣнія лишь тогда, когда я приходилъ къ ней и посылалъ справляться о ея здоровьи. Самый домъ поставленъ на такую ногу и она не разъ жаловалась черезъ бѣднаго Замбоели, что ей не даютъ супу.

Все это такъ, потому что такъ положено и еще разъ скажу въ пользу житейской прозы: хорошо, что это такъ. Никогда ни мужъ, ни жена, не посылаютъ ко мнѣ справиться, получилъ ли я вѣсти отъ отца; ни онъ, ни она ни разу не справлялись ни о Екатеринѣ, ни о ея дѣтяхъ, ни о ея мужѣ, ни даже объ Ипполитѣ [1]); этотъ господинъ ведетъ списокъ своихъ неудовольствій противъ моего отца.

Не выводите изъ всего этого заключенія, дорогой другъ, что я возненавидѣлъ и людей, и добродѣтель; Вы сильно ошиблись бы. Я привыкъ раскрывать предъ Вами душу и потому излагаю Вамъ тѣ причины, которыя побуждаютъ меня дѣйствовать такъ, а не иначе. На будущей недѣлѣ, а то и раньше, если будетъ возможно, я пришлю Вамъ тулупы для Вашихъ людей; приказанья Ваши не были до сихъ поръ исполнены, вслѣдствіе всевозможныхъ междуцарствій, которыя произошли въ исторіи хромонтельской экономіи. Трубецкіе выражаютъ бо̀льшую дружбу къ Вамъ во всѣхъ письмахъ, которыя я отъ нихъ получаю. Я ничего не знаю о Екатеринѣ; Вы правы, ей предстоятъ теперь роды.

---

[1]) Младшій братъ М. и С. Муравьевыхъ-Апостоловъ, выпущенный офицеромъ какъ разъ передъ возстаніемъ Черниговскаго полка и покончившій самоубійствомъ, когда убѣдился въ неудачномъ исходѣ возстанія

Искренне молю Бога, чтобы она счастливо разрѣшилась отъ бремени. Я люблю ихъ всѣмъ сердцемъ. Ипполитъ не пишетъ, а такъ какъ я съ нѣкоторыхъ поръ не имѣю вѣстей отъ Бибикова, а онъ одинъ сообщаетъ мнѣ объ Ипполитѣ, то я ничего не могу сказать о немъ.

Цѣлую Васъ тысячу и тысячу разъ, дорогой другъ. Будьте счастливы, здоровы и не забывайте меня.

Вашъ братъ
М. Муравьевъ-Апостолъ.

Портфель Пестеля сильно безпокоитъ меня за Васъ. Вы же говорили мнѣ, что не будетъ писанныхъ документовъ. Видите, какъ Вы увлечены тѣмъ теченіемъ, коего Вы не можете сдержать.

Признанія Бобрищева-Пушкина I.

Высочайше учрежденному комитету

Квартирмейстерской части поручика Бобрищева-Пушкина 1
рапортъ.

Въ прежнемъ моемъ донесеніи я увѣрялъ въ своемъ раскаяніи, что вступилъ въ Общество, и это увѣреніе готовъ подтвердить всякому на судѣ Господнемъ, если же что не показалъ, то по причинѣ состраданія къ ближнему, да и то намѣривался было послѣ вскорѣ объявить, но опасался безъ требованія высочайше учрежденнаго Комитета и безъ его увѣренія, что мнѣ простится эта нерѣшимость, почему и предоставилъ все судьбѣ Божеской; къ тому же объ этихъ бумагахъ[1]) долженъ былъ донести сперва Заикинъ, а потомъ я, потому что онъ ихъ принялъ, и я не хотѣлъ отнять у него средства къ своему оправданію, воспользовавшись онымъ, сказавъ прежде его,— а также и прежде брата, ибо я не зналъ, рѣшатся ли они объявить о нихъ прямо, или нѣтъ. Скрыть же оныя Заикину помогли мы, единственно для коего сдѣлали, по дружбѣ къ нему; конечно, входило сюда и желаніе собственнаго спасенія, о которомъ по естественной необходимости каждый изъ насъ, много ли мало ли виноватый, помышлять былъ долженъ. Наконецъ, извините меня, если скажу полную правду (вы сами изволите требовать чистосердечія): нѣсколько остановило меня во многомъ и то, что я несовершенно былъ увѣренъ, что откровенность моя послужитъ мнѣ въ пользу особенно потому, что его величество на меня прогнѣвался.—Впрочемъ, что могъ для моего ближняго, то я сдѣлалъ,—и слишкомъ много за это заплатилъ, можно сказать умиралъ всякой изъ этихъ 90 дней, въ которые томлюсь въ моей душной темницѣ, если не умеръ, то видно Богъ хо-

---

[1]) Рѣчь идетъ о Русской Правдѣ Пестеля, которую скрыли было Бобрищевы-Пушкины и Заикинъ. Послѣдній послѣ запирательствъ открылъ мѣстонахожденіе бумагъ.

четъ, чтобы я говорилъ все, что знаю. Одинъ Богъ въ силахъ былъ подкрѣпить меня до сихъ поръ святою своею благодатію. Теперь, кажется, имѣю полное право быть откровеннымъ.

Къ членамъ еще мнѣ извѣстнымъ различными образами, изъ которыхъ въ нѣкоторыхъ впрочемъ полнаго отчета себѣ дать не могу, хотя и увѣренъ, что они точно состояли въ Обществѣ, долженъ присовокупить: квартирмейстерской части порутчика Аврамова, квартирмейстерской части подпорутчика Заикина, квартирмейстерской части подполковника Фаленберга, съ которымъ впрочемъ полуслова и вообще о политикѣ не говорилъ, брата генерала Юшневскаго чиновника Юшневскаго 2-го.

Не помню, отъ кого узналъ о маіорѣ или подполковникѣ Днѣпровскаго, кажется мнѣ, полка Поджіо, который уже не въ отставкѣ ли, квартирмейстерской части порутчика Лачинова, о принятіи котораго въ послѣднее время сказывалъ мнѣ князь Барятинскій, маіора Мартынова, брата полковника Мартынова. Слышалъ, что полковникъ Пермскаго полка Леманъ принятъ недавно, съ которымъ лично не знакомъ. Адьютанта главнокомандующаго, затя супруги его Горленку, о принятіи котораго въ послѣднее время сказывалъ мнѣ также князь Борятинскій. Генералъ-маіора князя Волконскаго, командира бригады 19 дивизіи. Капитана или штабсъ-капитана Азовскаго полка Фохта. Сына г. главнокомандующаго 2-й арміи флигель-адьютанта графа Людвига Витгенштейна. Квартирмейстерской части прапорщика Юрасова, котораго принялъ Крюковъ 2-й или князь Борятинскій. Исторія въ Тульчинѣ, извѣстная его превосходительству генералъ-адьютанту Чернышеву, отъ того и приключилась, ибо ему предложили вступить въ Общество въ слабости продолжительной его болѣзни; онъ принялъ предложеніе, потомъ началъ объ этомъ думать, какъ видно раскаивался, отъ чего и сдѣлался съ нимъ извѣстный припадокъ сумашествія.

Еще взятъ нѣкто Ринкевичъ, жившій у генерала Юшневскаго, котораго кто-то изъ нихъ принялъ въ послѣднее время для того, чтобы послать къ Пестелю съ какимъ-то извѣстіемъ.

Порутчикъ Загорѣцкій ѣздилъ въ Немеровъ верхомъ съ какимъ-то порученіемъ, которое исполнилъ онъ,—говорю передъ Богомъ, съ большею неохотою—я свидѣтель—и по всему видно было, что онъ это дѣлаетъ, увлеченный опасеніемъ, чтобы его не почли за труса.

Кромѣ этихъ въ Тульчинѣ не находится—можете быть вполнѣ увѣрены, развѣ изъ какихъ нибудь чиновниковъ по интендантской части, чего однако никакъ не думаю, ибо генералъ-интендантъ при мнѣ однажды сказалъ, что онъ къ щастію никого не принялъ, кромѣ одного Вольфа; еще думаю, онъ же принялъ и своего брата.

Относительно пунктовъ, вновь мнѣ предложенныхъ, имѣю отвѣчать.

Квартирмейстерской части подпорутчикъ Заикинъ точно привезъ бумаги изъ Немерова въ такомъ видѣ и всѣ зашитыя въ подушкѣ, повезъ онъ въ с. Кирнасовку,—не согласившись со мною, а это или его мысль, или кто другой ему ее подалъ; —что были онѣ спрятаны на его квартирѣ подъ поломъ, это правда, и что двѣ открыты были—также; ихъ онъ сжегъ въ Кирнасовкѣ же. Содержаніе ихъ именно то, которое упомянуто въ запросныхъ пунктахъ. Еще надобно прибавить, что въ одной изъ нихъ было написано, что эти господа насилу могутъ удержать остервененіе солдатъ,—именно помнится мнѣ въ той, гдѣ говорилось о принятіи членовъ. И надобно сказать, что это извѣстіе насъ, по крайней мѣрѣ меня, весьма удивило; ибо мы никакъ не думали, чтобы вещи были въ такомъ положеніи.

Не я и братъ мой именно вздумали зарыть ихъ въ полѣ, особенно не я—тѣмъ болѣе, что я тутъ нѣкоторымъ образомъ въ сторонѣ оставался, ибо жилъ совершенно на отдѣльной квартирѣ,—слѣдственно, могъ сказать, что я не зналъ, что они спрятаны у Заикина (что Заикинъ самъ мнѣ объяснилъ),—но самъ Заикинъ этого весьма хотѣлъ и мы по пріязни исполнили это: по обстоятельствамъ его не случилось тутъ съ нами,—дожидаться его было нельзя, ибо у Крюкова уже отобрали бумаги; сдѣлали это наконецъ для того, что Борятинскаго отправили въ Тирасполь,—онъ зналъ, что бумаги въ комнатѣ Заикина, также и другіе знали, могли воспользоваться этимъ для того, чтобы выпутаться. И такъ, это было сдѣлано для того, чтобы спасти Заикина, чтобы сіи бумаги не тотчасъ и не прямо попались въ руки правительсва,—а по крайней мѣрѣ вручены были кѣмъ нибудь изъ насъ, на кого падетъ жребій по ходу дѣла.

Бумаги открытыя были, какъ мнѣ кажется, копіи. Онѣ были посланы полковникомъ Пестелемъ для того, чтобы, давъ извѣстіе внезапнымъ образомъ о состояніи духа въ войскѣ, что намъ совершенно было ново, возбудить живость въ членахъ Тульчина, въ недостаткѣ которой онъ давно насъ подозрѣвалъ,—особенно Юшневскаго, для

чего, какъ догадываюсь, вмѣсто Юшневскаго и старался онъ назначить князя Барятинскаго (котораго во все время всячески старался онъ привязать къ себѣ, пользуясь чѣмъ только можно)—думаю такъ —въ начальники Тульчинской Управы. Заикинъ мнѣ именно сказывалъ, что онъ не доволенъ Юшневскимъ. Такъ какъ я ѣзжалъ обыкновенно всякое воскресенье въ м. Тульчинъ, то Заикинъ мнѣ ихъ отдалъ передать въ скорости послѣ привоза, однако какъ помнится, не тотчасъ—и въ то время, какъ уже мы подозрѣвали, что мы въ большемъ подозрѣніи, особенно Пестель; ибо Заикинъ сказывалъ, что когда онъ пришелъ къ Пестелю, то онъ сказалъ, кажется, маіору Лореру: „*Нѣтъ! это нашъ, а я всякую минуту ожидаю, что меня идутъ хватать*“.—И передъ этимъ, не знаю, какъ это примѣтилъ Заикинъ, отдалъ оному поспѣшно какой-то свертокъ, вѣроятно спрятать. Что касается до меня, то я, положивъ тѣ бумаги въ карманъ, потомъ не черезъ двѣ недѣли, кажется мнѣ, что это точно такъ, а черезъ день или черезъ два не болѣе—въ точности мудрено вспомнить,—и отдалъ ему ихъ назадъ, не возивши въ Тульчинъ, говоря, что эдакія бумаги носить и возить опасно, и положили всѣ вмѣстѣ, что лучше ихъ сжечь, а что въ нихъ написано, сказалъ я ему, можно вспомнить на память и пересказать, въ чемъ впрочемъ и большой надобности нѣтъ. Онъ ихъ сжегъ и мы послѣ этого, тотъ же кажется день, вмѣстѣ съ нимъ въ одной повозкѣ поѣхали въ Тульчинъ. Поѣхали мы 6-го декабря, окончивъ присягу его высочеству государю цесаревичу; извѣстіе объ этомъ и понудило его ѣхать, ибо онъ прежде ѣхать былъ не намѣренъ. Онъ, не знаю кому, пересказалъ о нихъ; а я сказалъ о нихъ Юшневскому, не 6-го, а 8-го или 9-го декабря, пришедши къ нему не нарочно за тѣмъ, а обѣдать—именно, помнится, почти сими словами сказалъ ему между прочимъ: „Представьте, тамъ пишутъ, что едва удерживаютъ остервененіе солдатъ!“ —На что онъ отвѣчалъ: „Неужели? вотъ какъ!“—И спросилъ: „Сожгли ли эти бумаги? “Или совѣтывалъ сжечь,—одно что нибудь изъ этого.

Касательно предложенія о ихъ сожженіи, вотъ что было. Я, шедши по улицѣ въ Кирнасовкѣ, вижу, что кто-то подъѣзжаетъ къ моей квартирѣ верхомъ; это былъ поручикъ Аврамовъ. Спрашиваю, за чѣмъ онъ; онъ говоритъ мнѣ.—„Я пріѣхалъ сказать, что бумаги Пестелевы должно сжечь непремѣнно“. Я ему тутъ же порывно сказалъ: „*Помилуйте! какъ можно жечь эдакія бумаги, уговори, чтобы не жгли*“. Онъ мнѣ сказалъ: „*Что и ему тоже кажется*“. Онъ по-

ѣхалъ рысью на Заикинскую квартиру, отстоявшую оттуда съ версту; а я пошелъ туда пѣшкомъ. Дорогою еще болѣе утвердился въ мысли, что ихъ жечь не надобно, ибо если доищутся, что они у Заикина, то онъ—а съ нимъ и мы будемъ гораздо виноватѣе, если сожжемъ, нежели сохраня ихъ, ибо эти бумаги по всей вѣроятности заключаютъ въ себѣ вещи замѣчательныя. Почему и самъ—какъ могъ, сообразуясь съ ихъ характерами и со временемъ, старался ихъ остановить, --къ чему впрочемъ и они были наклонны, тѣмъ болѣе, что жечь ихъ было также опасно, ибо кипу такую сжечь не легко такъ, чтобы и люди не видали. Аврамову же опять не я особенно, а всѣ и съ его согласія, предложили расказать въ Тульчинѣ, что ихъ сожгли, дабы никто не воспользовался этимъ случаемъ, а открылись бы онѣ естественнымъ порядкомъ, и именно вотъ какъ они должны были открыться, что или самъ Заикинъ о нихъ сказалъ бы, или дознались бы объ этомъ отъ Пестелева человѣка, который, я слышалъ, приходилъ къ князю Барятинскому освѣдомляться о его бумагахъ—и ему сказано было, я слышалъ, что Пестель не долженъ за нихъ опасаться. О человѣкѣ семъ никакъ я не думалъ, чтобы при допросѣ не показалъ онъ этого случая, хотя меня и раза три увѣряли въ его вѣрности; послѣ даже слышалъ, что Пестелевы люди увезены въ Петербургъ, именно, потому что знаютъ, гдѣ его бумаги. Аврамову же поручилъ разсказать, что бумаги сожжены, дозволили это разсказать развѣ только барону Черкасову, ибо мы были увѣрены, что баронъ Черкасовъ по честности своихъ правилъ, намъ извѣстныхъ, не захочетъ воспользоваться этимъ случаемъ, и будучи самъ подверженъ взысканію для того, чтобы выпутаться, не захочетъ, говорю, объявлять о нихъ неправильнымъ образомъ, узнавъ объ этомъ случайно тогда, какъ ему нѣтъ слѣда объявлять о нихъ, ибо не онъ за нихъ отвѣчаетъ. Полагали тогда, что онъ лучше согласится умереть, нежели погубить другого подъ предлогомъ личнаго только самосохраненія,—сказавъ прежде того, кому сказать о нихъ должно. (Этотъ жребій палъ на насъ съ братомъ, ибо полагаю, что и съ нимъ должно случиться что нибудь подобное моему; ибо едва ли съ перваго удара рѣшится и онъ губить другаго, спасая лично себя; доносить, такъ доносилъ бы прежде, а не тогда, какъ уже все извѣстно во всѣхъ концахъ, о чемъ мы совершенно почти знали). Передъ этимъ же случаемъ еще одинъ разъ баронъ Черкасовъ сказывалъ, что ему штабсъ-лѣкарь Вольфъ поспѣшно пріѣхалъ—и говоритъ:---„Я важную вещь имѣю вамъ сказать—скорѣе велите сжечь

бумаги Пестеля". И уѣхалъ. Когда Черкасовъ разсказывалъ, то всѣ, которые тамъ находились,—не помню кто,—причли это тому, что Вольфъ и особенно Юшневскій потерялись и что крайней еще опасности нѣтъ—тѣмъ болѣе опять, что ихъ жечь трудно. Другихъ порученій о сожженіи не было и не могло быть, потому что послѣ второго всѣ увѣрились, что онѣ сожжены. Въ доказательство же того, что у меня особеннаго желанія сохранить ихъ не было, можетъ послужить то, что когда мы съ братомъ рѣшились непремѣнно вынести ихъ изъ комнаты Заикина, особенно для него, то я ему сказалъ: „*Или лучше сжечь, какъ ты думаешь?*" Онъ отвѣчалъ мнѣ: „*Да это гораздо труднѣе, то есть опаснѣе, потому что люди увидятъ. Изъ двухъ опасностей выбрать меньшую*".

Что братъ сказалъ подпрапорщику Заикину, не знаю, что же до меня касается, то я точно просилъ его, *чтобы онъ поглядывалъ на мѣсто, цѣлы ли,—нѣтъ ли примѣтъ, что зарыто что нибудь, и старался бы изгладить ихъ, если можно.* Примолвилъ и то, что онъ говоритъ, прибавя и по крайней *мѣрѣ* для убѣжденія и проч. и еще *или тамъ для употребленія, какое онъ сдѣлать забла-горазсудитъ,—это уже не ваше дѣло, а того кому отдадите* Сказалъ я это для того, чтобы заставить прилежнѣе ихъ сохранять—и непремѣнно вырыть; ибо на новой землѣ—можетъ какой нибудь мужикъ подумать, что это кладъ, выроетъ ихъ—покажетъ священнику или управителю,—а тотъ отвезетъ въ Тульчинъ, или въ другое какое нибудь мѣсто; такъ какъ это близъ самой деревни, то подозрѣніе прямо падетъ на насъ—этого мы всѣ трое опасались; притомъ и для того, чтобы вырывши не скоро истребили, ибо по ходу дѣла могутъ они и понадобиться. Къ тому же признаюсь откровенно, что и во всякомъ случаѣ мнѣ хотѣлось лучше сохранить ихъ, нежели истребить для того, чтобы, если удастся, послѣ посмотрѣть, нѣтъ ли въ нихъ чего нибудь любопытнаго и замѣчательнаго. Впрочемъ, я весьма былъ увѣренъ, что онѣ по рукамъ ходить не могутъ, ибо таковыя вещи уйдутъ не далеко. Мысль же о кладѣ особенно получилъ я, или отъ Вольфа или отъ барона Черкесова, говоря нѣчто о зарытіи бумагъ.

Относительно того, что Пестель намѣренъ притти въ Тульчинъ, если я ему сказывалъ, то это сказывали мы слухи тульчинскіе, или по тульчинскимъ слухамъ, что говорилъ, какъ слышалъ, даже и генералъ-квартирмейстеръ 2-й арміи,—впрочемъ не при мнѣ, и многіе другіе—достовѣрнаго же извѣстія объ этомъ, то есть черезъ

членовъ я никакого не имѣлъ—и не знаю, какъ братъ,—а я, какъ помню, не назначалъ ему 1-го января, и самъ узналъ объ этомъ числѣ отъ брата же, который, шедши по улицѣ на дворъ его сіятельства главнокомандующаго, сказалъ мнѣ, что говорятъ, что сегодня Пестель будто-бы долженъ былъ притти въ Тульчинъ. Я его на это спросилъ: „развѣ это говорятъ?“—„Говорятъ“,—отвѣчалъ онъ мнѣ. Да я и теперь впрочемъ думаю, что будто-бы онъ хотѣлъ сдѣлаться императоромъ, что будто бы мы всѣ хотѣли раздѣлить между собою Уманщизну, и прочіе вздоры, которые не къ чему и упоминать.

О положеніи Пестеля былъ я скорѣе противнаго мнѣнія. По словамъ Заикина, *что онъ всякую минуту ожидаетъ, что его схватятъ*,—и еще полковникъ Пестель сказалъ подпорутчику Заикину, *что они, (кто они? Богъ вѣдаетъ) еще и сами не согласились относительно своихъ дѣйствій, думаютъ однако, что лучше начать дѣйствовать въ мартѣ мѣсяцѣ—ибо весною несравненно способнѣе дѣлать компанію; впрочемъ сказалъ онъ, какъ я слышалъ, если начнутъ, что легко можетъ быть и чего ожидаютъ безпрестанно, забирать членовъ въ Тульчинъ или гдѣ нибуть, то не мудрено, что и тотчасъ начнутъ они свои дѣйствія.* Впрочемъ еще сказывалъ Заикинъ, что Пестель ему мелькомъ, не какъ порученіе сказалъ, что если бы начались какія нибудь дѣйствія когда бы то ни было, то дѣло всѣхъ въ Тульчинѣ должно быть наблюдать, чтобы главнокомандующій и генералъ Киселевъ не скрылись бы и тайкомъ не уѣхали. Это привелъ я къ тому, что онъ въ горячкѣ едва ли самъ знаетъ, что говоритъ, не соображась съ силами, что вѣроятно такъ и было, ибо именно опять говорю, что, по словамъ Заикина, онъ всякую минуту ожидалъ быть схваченнымъ. По сему какой бы не имѣлъ характеръ, и вѣроятно не зналъ, что дѣлать и Федору Заикину не по этому извѣстію, но сказывано было, это самое, помнится, и заставило съ перваго порыва одну минуту думать, что въ самомъ дѣлѣ, не довольно ли они сильны для того, чтобы начать свои дѣйствія и не пришли бы въ Тульчинъ внезапно, покамѣстъ того хорошенько не разжевали, а въ минуту вмѣстѣ съ извѣстіемъ о смерти блаженной памяти государя императора (проп. въ ркп.) Князя Борятинскаго для принятія вновь членовъ, покамѣстъ онъ не пришолъ въ себя, послѣ чего и бросилъ дальнѣйшія дѣйствія совершенно. Надобно сказать, что свѣдѣніе о томъ, что извѣстно это Общество, уже давно достигнуть должно было до полковника Пестеля, ибо сперва долго подозрѣвали доносщикомъ полковника Аврамова, и это было даже до самаго конца,

когда уже всѣ мы, которые не были задержаны, точно увѣрились, что доносчикъ Вятскаго полка капитанъ или маіоръ Майборода, чему прежде не совсѣмъ, говорятъ, вѣрили, хотя извѣстіе о томъ получили, кажется, съ полгола назадъ, какъ я слышалъ отъ князя Борятинскаго черезъ графа Вита, узнавшаго это едвали не черезъ генерала Киселева,—и который захотѣлъ быть принятъ въ Общество, потому, мнѣ сказывалъ, князь Борятинскій, *что ему будто-бы хотѣлось, чтобы это Общество возвратило ему репутацію.* Еще можетъ подтвердить это вотъ какой случай. Прошедшимъ лѣтомъ встрѣтился я съ штабсъ-лѣкаремъ Вольфомъ и онъ позвалъ меня съ собою въ садъ графа Мечислава Потоцкаго, сказавъ, что имѣетъ сказать мнѣ нѣчто; когда мы шли по аллеѣ, онъ мнѣ началъ говорить: „*Я долженъ вамъ сказать, а вы предувѣдомьте о томъ, кого знаете, чтобы были весьма осторожны, ибо Общество навѣрное открыто и преслѣдуемо.*“ Я послѣ этого, за нѣкоторыми еще другими словами объ этомъ, сказалъ ему: „*Знаете, что я думаю, что мы сдѣлали бы преблагое дѣло, если-бы разрушили его загодя, не подвергаясь ни за что, ни про что*“.—Онъ это сказалъ мнѣ, *что это не нужно, ибо мы и такъ ничего не дѣлаемъ и какъ бы не состоимъ въ Обществѣ.* Я замолчалъ на это время, но эта мысль все у меня вертѣлась и я даже въ послѣднее время покоротился нѣсколько болѣе съ генераломъ Юшневскимъ съ этимъ видомъ и, замѣтя въ немъ нѣкоторую холодность къ Обществу,—о чемъ я и прежде сказывалъ, очень былъ тому радъ,—и билъ, впрочемъ не слишкомъ явно, ту руку, чтобы ее еще поувеличить, да соединившись съ нимъ и еще настроивъ кого-нибудь, если только возможно будетъ, разрушить наконецъ то, что находилося въ Тульчинѣ, но обстоятельства вскорѣ иначе обратились—и уже нельзя было объ этомъ думать. Этого, разумѣется, доказать (впрочемъ нѣсколько могу) я хорошо не могу, и потому мимоходомъ только упоминаю. Увѣряю впрочемъ, что это справедливо. Къ этому весьма надѣялся я склонить и брата, ибо однажды, идучи по улицѣ около этого времени и разговаривая со мною о семъ извѣстіи, онъ мнѣ—передъ Богомъ—сказалъ: „*Кто тамъ можетъ быть бьется изъ чего нибудь—изъ честолюбія—или изъ чего нибудь другаго, а мы съ тобою истинно подвергаемъ однъ свои головы*“.

Что самъ Пестель произведетъ возмущеніе въ различныхъ мѣстахъ государства—этого мы не говорили и не могли сказать; для этого надобно, чтобы мы увѣрены были, что полковникъ Пестель

играетъ первое лицо, по крайней мѣрѣ, въ этомъ Обществѣ, чего мы никакъ не полагали, и кто въ самомъ дѣлѣ игралъ главныя тутъ роли, до сихъ поръ не вѣдаю, напротивъ думали, что, вѣроятно, есть кто нибудь гораздо значительнѣе Пестеля, о чемъ догадки свои не сокрывали и передъ посторонними. Говорили же, что въ это время, то есть послѣ кончины блаженной памяти государя императора, легко можетъ произойти что нибудь важное въ Россіи и вообще какая нибудь перемѣна въ правленіи. Эту мысль, или по крайней мѣрѣ опасенія раздѣляло съ нами и самое начальство, какъ было видно изъ его дѣйствій. Люди, не имѣющіе достаточно понятія о различныхъ родахъ правленій, обыкновенно называютъ всякое, кромѣ существующаго, республиканскимъ,—почему и полагаю, что подпрапорщикъ Федоръ Заикинъ не довольно точно выразился; ибо это названіе, какъ я помню, въ разговорѣ съ нимъ едва ли упоминалось. Я и самъ не вѣдаю, какое могло произойти, если бы что случилось въ Россіи. Когда бы меня нѣсколько Пестелей увѣряли, чѣмъ имъ угодно, что произойдетъ именно то, котораго имъ хочется, то я бы имъ не повѣрилъ, ибо эти вещи дѣлаются въ мірѣ не какъ, кто хочетъ, а какъ Богъ велитъ, Которой самъ располагаетъ происшествіями міра и Которому никто изъ людей ни указать, ни воспротивиться не въ силахъ. Наше дѣло ходить только предъ нимъ во правотѣ сердца во всѣхъ случаяхъ жизни, какъ бы они ужасны ни были, елико можемъ. Если и подпорутчикъ Заикинъ подтверждаетъ въ точности тоже, то и онъ не соблюлъ совершенной точности въ показаніи; впрочемъ, что мы знали, относительно этого, то и онъ зналъ, всѣ трое ни болѣе ни менѣе, да и всѣ свѣдѣнія чрезъ него дошли и черезъ Крюкова 2-го, и когда мы вмѣстѣ съ нимъ были съ Федоромъ Заикинымъ, то онъ болѣе говорилъ съ нимъ какъ съ братомъ, нежели мы, Пестелево же направленіе—точно къ республиканскому правленію.

Къ свѣдѣнію еще присовокупить я долженъ, что когда порутчикъ Крюковъ 2-й, ѣздившій къ полковнику Пестелю, какъ мнѣ помнится, съ извѣстіемъ о томъ, что должно случиться что нибудь важное и можетъ быть для насъ очень опасное, ибо генералъ-адьютантъ Киселевъ, господинъ начальникъ штаба 2-й арміи, внезапно уѣхалъ куда то, чѣмъ удивлялъ всѣхъ. Заключили мы это, то есть объ этой опасности, вотъ изъ чего, мнѣ помнится. Именно, кажется, черезъ графа Александра Витгенштейна узнали, что онъ ему сказалъ: nous aurons beaucoup de files à retordre. Къ тому же извѣстилъ

его, кажется, и о томъ, что Его Сіятельство главнокомандующій замѣтно перемѣнился съ княземъ Борятинскимъ, что и понудило, вѣроятно, полковника Пестеля отправить бумаги свои къ Мартынову; когда, говорю, порутчикъ Крюковъ 2-й воротился, то онъ тотчасъ же зашелъ со мною ко мнѣ на тульчинскую квартиру, около которой мы встрѣтились. Я спросилъ у него: „*Гдѣ ты былъ такъ долго? Мы думали, что тебя схватили уже вмѣстѣ съ Пестелемъ?*“ Онъ мнѣ отвѣчалъ, *что былъ посланъ* отъ *полковника Пестеля къ Муравьеву* (какой его точно чинъ не знаю).—„*Къ какому?*“—„*Я самъ его въ первый разъ видѣлъ!*“—„*Куда?*“—„*Въ Васильковъ.*“—„*Что же тамъ такое? я чай, они не весьма рады твоему извѣстію?*“ Онъ мнѣ сказалъ на это, *что Муравьевъ этотъ въ такомъ расположеніи, что хоть сейчасъ въ поле*, что сказалъ ему: „*У насъ ничего не бойтесь, говорите* все, и при всѣхъ; *я вамъ это докажу*“. Послѣ чего вывелъ его передъ какую то команду, и спросилъ: „*Ребяты! пойдете за мною куда ни захочу?*—„*Куда угодно, Ваше Высокоблагородіе!*“—И еще, *что онъ не дастся, если его и брать будутъ*. Что показывало опять, что онъ этого опасается. Вотъ что я отъ него тутъ услышалъ. Еще не мнѣ, но кажется, черезъ него же дошло извѣстіе, и едва ли не черезъ барона Черкасова я узналъ, что какіе, то два батальона, составленные изъ бывшихъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка солдатъ—въ Черниговскомъ ли они полку, или гдѣ индѣ находятся, того не знаю точно, почти въ такомъ же расположеніи духа. Вѣроятно, правительству это давно уже извѣстно.

Но все это какъ вы изволите видѣть я, да кажется и всѣ, узнали уже тогда, какъ всякую минуту опасались, что мы будемъ схвачены, притомъ и это я не почиталъ никакъ не только недостаточными силами, но совершенно ничтожными, чтобы произвести, что нибудь, если не крылось чего нибудь еще важнѣйшаго. И если они только на это надѣялись тогда, какъ уже правительству давно существованіе Общества извѣстно, слѣдственно, оно безъ сомнѣнія приняло всѣ свои мѣры, то одно отчаяніе могло ихъ заставить такъ думать.—И если я почиталъ что опаснымъ, такъ это внезапную смерть блаженной памяти государя императора и родъ междуцарствія, за тѣмъ воспослѣдовавшее, которое по крайней мѣрѣ было для насъ во 2-й арміи, ибо извѣстіе о присягѣ государю цесаревичу Константину Павловичу долго не приходило. Въ случаѣ, быть можетъ, думалъ я, не привели бы въ движеніе многія пружины въ государствѣ,

можетъ быть, таящіяся, ибо кромѣ того, что я зналъ, самыя мѣры правительства заставляли думать не меня, но и многихъ посторонних, что оно опасается чего нибудь, къ этому же случаи міра неисповѣдимы—и не отъ чего либо тайнаго, но и отъ явныхъ сословій могли произойти по крайней мѣрѣ какія нибудь представленія, если существуютъ какія нибудь нужды или неудовольствія. Извѣстіе съ подпоручикомъ Заикинымъ, извѣстіе о болѣзни и смерти блаженной памяти государя императора, и возраставшія наши опасенія, усугубившіяся происшествіемъ подпорутчика Юрасова, о которомъ мы нѣсколько времени полагали, что онъ не доносить ли ходилъ, и послѣ уже отъ докторовъ увѣрились, что онъ точно въ сумашествіи, впрочемъ все могъ нанести еще большее подозрѣніе, такъ воспослѣдовали въ скорости другъ за другомъ, что тутъ оставалося только ожидать того, что Богу угодно будетъ произвести. Вообще, начиная отъ самаго отъѣзда Крюкова, все почти время было для насъ временемъ самыхъ грустныхъ ожиданій—и никакъ не приготовленіемъ къ какимъ-либо дѣйствіямъ, которыхъ успѣха, по крайней мѣрѣ въ моихъ глазахъ, ни что не могло надѣяться, опять повторяю, кромѣ развѣ безразсуднаго отчаянія такихъ людей, которые надѣялись бы несбыточнаго, или всего скорѣе хотѣли бы умереть на штыкахъ, какъ намѣревался помянутый Муравьевъ. Если можно было чего нибудь ожидать отъ этого Общества, то развѣ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ мы всѣ полагали главную, впрочемъ небольшую его силу, а то что подлѣ насъ малою его частію и одну только ее полагали въ опасности, ибо мы въ Тульчинѣ не знали, донесено ли на прочія онаго части; всѣ же извѣстія или опасенія доносовъ относилися къ этой сторонѣ. Генералъ Юшневскій также увѣрялъ меня около этого времени, что полковникъ Пестель обольщаетъ всѣхъ, представляя достаточность силъ и непремѣнность долженствующаго наступить дѣйствія, также и штабсъ-лѣкарь Вольфъ увѣрялъ, что онъ болѣе ничего не сдѣлаетъ, какъ погубитъ только всѣхъ насъ ни за денежку, если его кто по опрометчивости послушаетъ. На это я отвѣчаю, *что я этому весьма вѣрю, и что я и другіе свитскіе офицеры дали знать князю Борятинскому черезъ Крюкова, чтобы онъ никакъ не сообщался съ нами, какъ развѣ посредствомъ Крюкова 2-го, если что будетъ нужно сдѣлать относительно нашего общаго самосохраненія.*

Я именно говорилъ ему: „*Признаюсь вамъ, что я опасаюсь, не произвело бы это одного вреда*“. Онъ мнѣ на это отвѣчалъ почти

слѣдующее: „*Да вѣдь все же равно; должно же произойти что нибудь; лучше же быть загодя и въ порядкѣ къ тому готовымъ*“. Относительно силы Общества около времени розысковъ я знаю только то, что не въ давнемъ отъ того времени пронесся глухой слухъ, что Общество въ другихъ мѣстахъ, особенно въ гвардіи, возрастаетъ очень успѣшно.

Относительно показанія князя Барятинскаго, что-то подобное мнѣ помнится—но не могу сказать точно,—если онъ не припомнитъ мнѣ какихъ нибудь мѣстныхъ обстоятельствъ и случая, черезъ кого велѣлъ онъ объяснить это Пестелю. Не имѣетъ ли это нѣкотораго отношенія его неудовольствія на неудовольствіе на него генерала Юшневскаго.

Теперь пробѣгу историческимъ порядкомъ все то, что имѣетъ отношеніе къ этому Обществу съ самаго начала.

Во первыхъ я долженъ сказать, что въ первыхъ моихъ отвѣтахъ относительно тайныхъ обществъ, существующихъ въ Россіи вообще, я сказалъ, что ничего не знаю, и точно ничего достовѣрнаго не знаю и доказать формально ничего никакъ не могу. Почему я тогда и не сказалъ ничего объ этомъ. Къ тому же и размышлялъ съ самимъ собою о томъ, долженъ ли я говорить нѣчто мнѣ извѣстное, или нѣтъ; если что по немъ въ самомъ дѣлѣ откроется, то не буду ли я чрезъ то посредственною причиною нещастія многихъ семействъ, которыя будутъ оплакивать сыновей, братьевъ, мужей и отцевъ, вовлеченныхъ во что нибудь вихремъ обстоятельствъ, которымъ каждый изъ насъ служитъ игралищемъ,—сказавъ оное въ такомъ случаѣ или положеніи, когда это для меня лично сказать полезно. Впрочемъ, если я теперь не скажу, то можетъ быть и никогда не скажу; ибо я чувствую, что силы мои со дня на день исчезаютъ, и что я таю, какъ таетъ воскъ отъ ополяющаго зноя постигшаго меня бѣдствія, за которое впрочемъ никакъ не ропщу на провидѣніе, но благодарю Творца, Всемогущаго Бога, ибо надежды свои простираю за предѣлы сего ничтожнаго міра, гдѣ бѣдствія будутъ полезнѣе радостей и славы и которое впрочемъ до конца надѣюся перенести, не дошедъ до отчаянія, ибо Господь, не оставлявшій меня во время моей жизни, еще болѣе не оставляетъ въ моей душной темницѣ и въ тѣхъ веригахъ, которыя ношу на себѣ за пощаду моего ближняго; не спорю, что излишнюю и безрашетную для себя и за привязанность къ друзьямъ, изъ которыхъ обязанъ нѣкоторымъ жизнію, другимъ болѣе, нежели жизнію, ибо, напримѣръ,

подпоручикъ Заикинъ возвратилъ мнѣ болѣе, нежели жизнь—онъ своимъ братскимъ попеченіемъ вывелъ меня изъ такого припадка меланхоліи, который велъ меня прямо къ сумашествію и былъ несравненно мучительнѣе ожиданія приближающейся смерти. Не объявилъ ихъ тогда, какъ они никакой возможности повредить не имѣли; многіе уже задержаны были правительствомъ, другихъ душа моя не могла рѣшиться съ первыхъ порывовъ предать, быть можетъ, на бѣдствіе цѣлой жизни, связанной съ теперешнимъ происшествіемъ по послѣдствіямъ и подъ единственнымъ почти предлогомъ личнаго облегченія собственной участи, какъ мнѣ казалось.

И такъ надѣясь, что Высочайше учрежденный комитетъ приметъ мои слова не какъ доносъ, а какъ простое извѣстіе, которымъ воспользоваться, или нѣтъ, остается въ его власти,—я долженъ разсказать здѣсь одно обстоятельство моей жизни, которое, можетъ быть, послужитъ къ какому нибудь новому открытію относительно тайныхъ обществъ.

Я воспитывался сначала дома, а потомъ въ Московскомъ Университетскомъ пансіонѣ, гдѣ на щету былъ изъ лучшихъ и получилъ почти всѣ тамошнія награжденія, кромѣ одного—не успѣлъ быть написанъ на доскѣ, что можетъ засвидѣтельствовать тамошнее начальство и не относительно однихъ познаній, но и относительно поведенія. Тамъ же былъ нѣкто, произведенный вмѣстѣ со мною въ студенты Университета Александръ Мансуровъ—мальчикъ съ дарованіями, съ нравственностію и съ чувствами религіи. Онъ и теперь извѣстенъ нѣсколько въ литературномъ свѣтѣ, ибо его стихотворенія, почти всѣ нѣсколько въ религіозномъ духѣ,—можете найти въ журналахъ Московскихъ, а можетъ быть и С.-Петербургскихъ; нынѣ, думаю, онъ если не въ отставкѣ, то служитъ по какой нибудь части статской службы. Вышедъ изъ этого пансіона и вступивъ въ училищѣ колонновожатыхъ – для лучшаго познанія математики и начатія службы, откуда произведенъ въ офицеры по экзамену также изъ первыхъ, я нѣсколько разъ былъ у него и, бывши знакомы и прежде, знали многія изъ нашихъ мнѣній и чувствъ. Посѣщалъ я его, кажется мнѣ, если не сбиваю въ памяти фамилій или происшествій тогда, какъ онъ жилъ у Басаргиной, родственницы, ближней или дальней, не знаю, порутчика Басаргина, которую онъ долженъ знать, а можетъ быть знаетъ, гдѣ и домъ тотъ въ Москвѣ. Видаясь нерѣдко, говорили мы съ нимъ о возрастающемъ просвѣщеніи въ Россіи, о перемѣнѣ многихъ мнѣній, наконецъ о возрастающемъ невѣріи, которое

вслѣдствіе ложнаго направленія, даннаго умамъ философами XVIII-го столѣтія, заразили умы людей такъ называемыхъ образованными, отклонило отъ истиннаго просвѣщенія, которое само по себѣ весьма полезно, и посредствомъ людей, знающихъ языки иностранные, перешло и переходитъ даже и къ тѣмъ, которые ничего не знаютъ, кромѣ чтенія по толкамъ. Этотъ родъ мнѣній, кто меня коротко знаетъ, притомъ умѣетъ вѣрно судить о людяхъ, несмотря на то, что въ обществѣ съ какою нибудь цѣлію и иногда весьма благою принужденъ человѣкъ бываетъ иногда показать и не настоящую свою мысль,—могъ во мнѣ всегда замѣтить. Онъ былъ основою всегдашняго моего поведенія и рѣчей моихъ, разумѣется, гдѣ требовалась какая нибудь важность, несмотря на нѣкоторое снисхожденіе къ человѣчеству и прочія побочности.

Однажды этотъ упомянутый господинъ Мансуровъ пріѣзжаетъ ко мнѣ и говоритъ, разумѣется, взявъ сперва съ меня честное слово, что я никому не скажу того, что онъ будетъ мнѣ говорить. „Я знаю, сказалъ онъ мнѣ, твои мысли, знаю, что ты расположенъ ко всякому благу, которое можешь ты сдѣлать для общества—и такъ долженъ тебѣ сказать. Существуетъ въ Россіи нѣкоторое соединеніе весьма пагубное, которое имѣетъ даже вліяніе на политическія дѣла государства, имѣя предметомъ распространеніе мнѣній, долженствующихъ наконецъ разрушить всякую нравственную связь между людьми,—и которое, возрастая, можетъ возымѣть наконецъ сильное и явное дѣйствіе. Многіе благонамѣренные люди, свѣдавъ объ этомъ, соединились также для того, чтобы въ свое время противустать оному—хочешь ли вступить въ это общество?“ Я на это ему отвѣчалъ: „Любезный другъ! я скажу тебѣ на это свою мысль: я полагаю, что вступить туда мнѣ никакой нѣтъ надобности. Если это общество имѣетъ въ самомъ дѣлѣ благую цѣль, то оно можетъ быть увѣрено, что я буду съ его стороны, гдѣ бы я ни находился; ибо своекорыстіе мнѣ чуждо и кромѣ блага людей въ своихъ дѣйствіяхъ я ничего не желаю и желать не хочу. Впрочемъ посмотрю, если ты подробнѣе объяснишь все, касающееся до этаго“.—Онъ сказалъ мнѣ на это, что пріѣдетъ ко мнѣ черезъ мѣсяцъ, но черезъ мѣсяцъ не бывалъ,—можетъ быть, мой отзывъ понудилъ его къ етому и съ тѣхъ поръ мы уже съ нимъ не видались.—Пріѣзжалъ онъ ко мнѣ, если опять не ошибаюсь, тогда какъ я жилъ у княгини Щербатовой въ домѣ, въ Москвѣ на Тверскомъ булеварѣ, я и братъ мой жили у нее тамъ съ сыномъ ея княземъ Ѳедоромъ Щербатовымъ, который послѣ былъ адъютантомъ у покойнаго генерала Уварова, но брата

и его въ это время не было дома. Кажется мнѣ, что это было именно въ этомъ домѣ и не помню, былъ ли я тогда колонновожатымъ или уже офицеромъ. Если колонновожатымъ, то это должно было произойти въ 1818-мъ году, если офицеромъ,—то въ началѣ 1819-го. Общество это, думаю, не должно быть масонское, ибо въ такомъ случаѣ сказалъ бы онъ просто: хочешь ли вступить въ масонскую ложу? что обыкновенно говорятъ, какъ я слыхалъ,—ибо масоны дѣйствія свои сокрывали, а имени никогда. Все это происшествіе по давности времени помню я какъ сонъ, однакоже это не сонъ, а дѣйствительно было. Дѣйствительность сею вотъ что еще подтвердить можетъ.

Однажды, мнѣ помнится, мимоходомъ говорилъ я объ этомъ полковнику Пестелю въ Тульчинѣ, въ заѣздной корчмѣ. Именно изъясняя ему, сколько возможно осторожнѣе, трудность успѣха того Общества, въ которомъ находился, я сказалъ: впрочемъ можетъ быть судьбою въ самомъ дѣлѣ назначено, чтобы произошло что нибудь въ Россіи, ибо я вамъ скажу, что я знаю, что существуетъ и еще тайное общество, а можетъ быть и два. Кажется упомянулъ и Александра Мансурова. Извольте спросить у него, можетъ быть, онъ это и припомнитъ. Къ тому же, помнится мнѣ, я тутъ прибавилъ, что, вѣроятно, и масонскія ложи несовершенно истреблены, о чемъ даже точно носилися слухи въ Россіи, когда я былъ въ отпуску въ послѣдній разъ—по крайней мѣрѣ подозрѣнія. Можетъ быть, не сказалъ ли я когда-нибудь объ этомъ и брату.—Происшествіе это имѣло большое вліяніе и на то, что я вступилъ въ то Общество, въ которомъ находился, обратя еще болѣе мое вниманіе на тайныя соединенія. Я подумалъ, что существуютъ масонскія ложи, которыхъ дѣйствія сокрыты, существуютъ еще два общества, а можетъ быть и болѣе; наконецъ вотъ еще общество *военное*—и потому я мыслилъ и послѣ держался этой мысли, что если тѣ, которые желаютъ одного блага отечеству, безъ всякаго своекорыстія, хотя бы оно и было прикрыто обольстительною одеждою честолюбія, и притомъ тѣ, которые уважаютъ святую нашу Вѣру, если тѣ, говорю, будутъ устраняться тайныхъ обществъ, которые рано или поздно, но могутъ и воздѣйствовать, то выдетъ, наконецъ, что на сценѣ появятся одни бездѣльники и люди безъ всякой религіи, которые наварятъ такую кашу, что вѣками не расхлебаешь, и по равнодушію или даже презрѣнію къ религіи истребятъ всякую святыню, какъ то и случилось во Франціи, по крайней мѣрѣ на время, ибо никакая земная сила нецостаточна для того, чтобы истребить навсегда то, что рука Бо-

жія на вѣки постановила, и если это бываетъ когда-нибудь, какъ напримѣръ во времена Маккавеевъ и въ новѣйшія, то по его же попущенію—для какихъ нибудь важныхъ послѣдствій и по моему мнѣнію всегда лучшихъ относительно религіи, дабы нравственно возблистала она въ новой силѣ. Можетъ быть, примѣръ Франціи и Европы доказалъ это. А дальнѣйшія происшествія міра и еще болѣе наконецъ, быть можетъ, докажутъ. Эта мысль заставила меня думать также притомъ, что въ этомъ случаѣ устраненіе отъ тайныхъ обществъ будетъ только основываться на одномъ желаніи самосохраненія, побужденіе, которое въ нравственности не должно быть допускаемо тамъ, гдѣ въ противномъ случаѣ я могу быть полезенъ, дѣйствуя на умы въ случаѣ нужды, если возможно будетъ какъ нибудь укротить ихъ неумѣренность, или по крайней мѣрѣ увеличить собою число людей благонамѣренныхъ. Вступилъ я въ Общество, не думая много о его цѣли; ибо въ такомъ случаѣ условіе при вступленіи почитаю я дѣломъ мечтательнымъ, во первыхъ потому, что намѣреніе весьма легко удаться не можетъ—ибо въ этомъ случаѣ нигдѣ и никогда не дѣлывалось, что хотѣлось; во вторыхъ и потому, что главныя силы или лица никто не скажетъ, да рѣдко и самъ знаетъ, слѣдственно, они весьма удобно могутъ проводить и обманывать и мало по малу привести совсѣмъ къ другому концу, если не остережемся, какъ то я слыхалъ, и дѣлалось въ масонскихъ ложахъ, которыя начавъ христіанствомъ, кончали безбожіемъ.

Честность и неиспорченность порутчика Басаргина я не только не подозрѣвалъ, но былъ увѣренъ въ нихъ, о правилахъ его относительно религіи точно не зналъ, по крайней мѣрѣ никакъ не думалъ, чтобы онъ держался правилъ атеизма, да онъ ихъ и не держался, по крайней мѣрѣ тогда. Принятъ заѣздомъ изъ м. Немерова, гдѣ находился на съемкѣ Подольской, гдѣ и отреченіе подписалъ. На съемкѣ я былъ почти два года—никого почти лично въ Тульчинѣ не зналъ; черезъ нѣсколько времени взятъ въ Тульчинъ, но долго не зналъ многихъ, по крайней мѣрѣ хорошо, даже и поселившись въ Главной Квартирѣ, тѣмъ болѣе, что жилъ во все время большею частію и почти безотлучно въ деревняхъ—въ с. Клебани и потомъ въ с. Кирнасовкѣ, къ чему обязывала меня моя должность. Долго, говорю, не зналъ я многихъ членовъ, наконецъ мало по малу, узнавая ихъ и знакомясь, къ нещастію увидѣлъ, что нѣкоторые изъ нихъ, и самые важные, увлечены заблужденіями атеизма (изъ квартирмейстерскихъ офицеровъ только одинъ: всѣ прочіе болѣе или менѣе имѣютъ уваженіе

къ религіи и, слѣдуя совѣсти своей, не позволяли себѣ возставать противъ оной) и даже посредствомъ способностей своихъ и вѣса имѣютъ непосредственное вліяніе на всѣхъ въ Тульчинѣ и не находящихся въ Обществѣ, особливо молодыхъ, неопытныхъ, каковъ былъ тогда, напримѣръ Крюковъ 2-й, или недостаточно еще обдумавшихъ многія вещи; а другихъ, если не преклоняютъ къ атеизму, то по крайней мѣрѣ мало по малу изглаживаютъ въ нихъ всѣ благія впечатлѣнія религіи, оставшіяся отъ домашняго воспитанія, которыя (кто же безпристрастный человѣкъ не вѣдаетъ), имѣютъ вліяніе на все. Этому (я обязанъ теперь говорить правду) непосредственно невольнымъ и непримѣтнымъ для себя образомъ,—извѣстностію своихъ мнѣній, не разговорами,—содѣйствовало, особенно сначала и одно лице, очень важное по вліянію своего мѣста, которое не находится въ Обществѣ, но котораго религія весьма подозрительна (я не назову его и не имѣю никакой надобности показывать на лица). Можно сказать, что этотъ духъ, просто деизмъ, или по крайней мѣрѣ равнодушіе, были господствующими въ Тульчинѣ вообще, несмотря на внѣшность и обряды, къ которымъ принуждала политика начальства и отечественныя постановленія. Я боролся съ ними почти четыре года, всегда, гдѣ только приводилъ случай, обороняясь и предохраняя кого только могъ: это многимъ Тульчинскимъ должно было быть замѣтно, разумѣется, могло быть замѣчено только тѣми, которые уважаютъ религію хотя нѣсколько, или по крайней мѣрѣ не имѣютъ къ ней внутренняго пренебреженія, и притомъ въ состояніи замѣчать. Онъ (т. е. деизмъ) мнѣ стоилъ жестокихъ испытаній, и одинъ Богъ въ силахъ былъ сохранить во мнѣ до сихъ поръ цѣлость вѣры, которая весьма могла потерпѣть отъ частыхъ преній, какія мнѣ случалось имѣть, особливо сначала, пока я не утомилъ противниковъ постоянствомъ и терпѣніемъ.

Противники мои въ насмѣшку про меня говорили, что я хочу быть начальникомъ секты, новымъ Магометомъ, когда же религія упала совершенно и на вѣки, между тѣмъ, какъ я не хотѣлъ ничего болѣе, какъ непремѣнно обратить вниманіе вообще всего Тульчинскаго Общества на эти нелѣпые толки со стороны невыгодной и не благовидной.

Борьбу эту между прочимъ засвидѣтельствовать могутъ квартирмейстерской части порутчикъ Прибытковъ и подпорутчикъ Лопухинъ, находящіеся на Хотинской съемкѣ, и той же части порутчикъ Новосильцевъ, находящійся въ Москвѣ, которые не состоятъ въ Обществѣ, если вы изволите убѣдить ихъ, не щадя лицъ, гово-

рить сущую правду. Тамъ, гдѣ откроются помышленія человѣческія, гдѣ исторію сердца можно будетъ читать всякому безошибочно, тамъ, говорю, можетъ увѣриться всякой, что я сердечно и сильно позналъ существенную истину святой нашей вѣры не очень задолго до отъѣзда моего во 2-ю армію, какъ бы рука Провидѣнія сотворила это нарочно для того именно, что предвидѣла, въ какой опасности буду я въ скорости: безъ того, вѣроятно, и я бы сдѣлался почти атеемъ, а за мною, быть можетъ, и многіе другіе. Снисходя нѣкоторымъ меньшимъ мнѣніямъ, дабы убѣдить въ истинахъ важнѣйшихъ, отъ которыхъ и другія исправиться могутъ, я въ продолженіи опаснаго долгаго времени, по человѣчеству и непримѣтно для себя быть можетъ, привыкъ къ нѣкоторымъ, относящимся до земли, и невольнымъ образомъ могъ увлекаться временно и порывно, но основаніе, особенно относительно мнѣній, относящихся до неба, думаю никакъ не поколебалось, благодаря Всемогущему Богу. Что касается до Общества, то самая политическая цѣль его натурально меня должна была безпокоить и заставляла любопытствовать, свѣдѣніе же о такого рода правилахъ совершенно меня испугало и заставило проникать въ него глубже. Почему, узнавши полковника Пестеля, который впрочемъ не атей, я замѣтилъ, что онъ имѣетъ непосредственное и невольное вліяніе на многихъ по своимъ способностямъ умственнымъ, въ которыхъ отказать ему не могу, хотя притомъ и не довѣряю ему и притомъ замѣтилъ также, что онъ всѣхъ менѣе хладнокровенъ къ существованію Общества, почему и началъ догадываться, что онъ играетъ какую нибудь ролю значительную; это заставило меня стараться пододвинуться къ нему, именно принаравливаясь, сколько возможно къ тѣмъ мнѣніямъ, которыя онъ старался распространить въ членахъ; мало по малу я достигъ наконецъ до того, что онъ мнѣ признался, что ему и еще какимъ то пятерымъ, которыхъ никакъ не хотѣлъ назвать, поручено обдумать законоположеніе, каждому съ своей стороны, и что онъ пишетъ свое. Я спросилъ его не можетъ ли онъ показать мнѣ изъ него, хотя что нибудь, именно для того, чтобы узнать изъ этого вѣрнѣе, въ какомъ духѣ это Общество и особенно относительно религіи. Онъ мнѣ на это сказалъ, что, пріѣхавъ въ другой разъ, привезетъ начало для того, чтобы показать генералу Юшневскому потому, сказалъ онъ мнѣ, что онъ, не занимаясь особенно литературою, можетъ написать не все гладко, что Юшневскій можетъ поправить и тогда могу посмотрѣть. Это выговорилъ онъ мнѣ, какъ мнѣ по всему казалось, для

того, чтобы выказать свою ненадменность и небольшее о себѣ мнѣніе: безкорыстіе, безпристрастіе и умѣренность примѣтно старался онъ высказать особенно передъ свитскими офицерами вообще.

Вскорѣ, это было, кажется, года за полтора тому назадъ или и нѣсколько болѣе, онъ и въ самомъ дѣлѣ пріѣхалъ, остановился у князя Борятинскаго, я зашелъ туда—и онъ мнѣ показалъ начало этого своего сочиненія подъ названіемъ Русская Правда. На самыхъ первыхъ страницахъ, гдѣ пишетъ онъ объ обязанностяхъ человѣка, онъ вдругъ говоритъ мнѣ объ одномъ мѣстѣ: „*Здѣсь, мнѣ кажется, не достаетъ примѣра*“. Я, желая узнать съ какимъ видомъ онъ приметъ религіозное мнѣніе, дабы судить потому, имѣетъ ли онъ, если не религію, то по крайней мѣрѣ несомнѣнное политическое уваженіе къ религіи, говорю ему: „*Мнѣ кажется, что здѣсь очень прилично поставить это*“—и сказалъ ему текстъ, служащій главнымъ основаніемъ христіанской Вѣры. Онъ мнѣ на это поспѣшно отвѣчалъ: „*это правда, впишите это своею рукою*“. Я не смекнулъ тотчасъ дѣломъ—написалъ и черезъ нѣсколько минутъ уже догадался, что это были сѣти, разставленныя мнѣ для того, чтобы лишить меня возможности донести, что у него имѣется такого рода сочиненіе. Этого мало, дабы связать меня еще болѣе, на другой, кажется, день поутру—я также засталъ его у князя Борятинскаго—и онъ мнѣ вдругъ говоритъ: „Я имѣю нѣчто вамъ предложить—напишите мнѣ пожалуйста свое мнѣніе о квартермейстерской части, собираясь, толкуя съ своими свитскими товарищами“. Это предложеніе, по истинѣ говорю, мнѣ весьма не понравилось, но я скрылъ свое неудовольствіе, дабы не навлечь на себя подозрѣнія и не вооружить на себя еще болѣе нѣкоторыхъ, а черезъ нихъ и многихъ посторонних, которые мою привязанность къ религіи и такъ причитали къ тому, что я помѣшался на этомъ пунктѣ, явно мнѣ даже это говорили, лиша же себя довѣренности еще съ этой стороны, я долженъ былъ отказаться и отъ всякой возможности преклонить когда либо и кого либо къ чему нибудь доброму, въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ, въ чемъ я не терялъ надежду относительно всякаго и по крайней мѣрѣ относительно молодыхъ, ибо сердце человѣческое перемѣнчиво и преклонно: не только въ молодыхъ, или полнаго возраста лѣтахъ, но существуютъ многіе примѣры, что и закоренѣные старики нравственно мѣнялися къ лучшему; а *Спаситель при самой даже смерти принялъ прямо въ рай самаго разбойника.*

И такъ, говорю, чтобы не потерять совершенно къ себѣ довѣренности, я отвѣчалъ ему: *хорошо, постараюсь.* И онъ мнѣ тутъ же

разсказалъ нѣкоторые главные на щетъ этаго пункты, совершенно—почти сходные съ тѣмъ, что и въ самомъ дѣлѣ существуетъ съ нѣкоторыми только ошибками, потому что онъ нашей части хорошо не знаетъ. Въ этотъ же день на улицѣ, говоря объ этомъ брату, сказалъ я ему: „*Знаешь ли ты, для чего онъ это сдѣлалъ: онъ хочетъ насъ скрутить со всѣхъ сторонъ—и привязать къ себѣ квартирмейстерскую часть покрѣпче. Я понимаю эту птицу*“. Онъ мнѣ говоритъ на это: „*Напрасно ты написалъ своею рукою и у него въ тетради*“, ибо онъ зналъ, что я это сдѣлалъ. Я отвѣчалъ: „*Что и весьма напрасно, да уже нечего дѣлать: я и опомнился, да было уже поздно.* Полковнику же Пестелю при свиданіяхъ говорилъ: *началъ, напишу, но все, право, столько занятій, что никакъ не было времени.* Это именно говорилъ я ему въ домѣ у генерала Кисилева, въ залѣ, на соборѣ, послѣ разговора съ нимъ о смерти капитана Филипповича, которая случилась весною прошедшаго года, слѣдственно—слишкомъ полгода послѣ его предложенія, которое было сдѣлано въ серединѣ лѣта; и такъ я бы очень имѣлъ время написать, еслибъ хотѣлъ, ибо для того, что дѣлаютъ съ охотою, время всегда найти можно,—характеръ же мой никакъ не лѣнивый.—А въ послѣдній разъ, или два раза его пріѣзда въ Тульчинъ я именно и не пошелъ къ нему, и не видался съ нимъ, хотя и зналъ, что онъ пріѣхалъ именно для того, чтобы избѣжать лишнихъ вопросовъ.

Впрочемъ, дабы не обличиться во лжи, если бы случилось, что онъ попроситъ у меня посмотрѣть начало и мнѣ необходимо должно будетъ его показать и, такъ какъ это относилось и до занятій той части, которая прямо до меня касалась, и которую мнѣ самому хотѣлось обдумать подробнѣе для того, чтобы точно быть увѣрену, что я ее знаю со всѣхъ сторонъ, я и точно было началъ и написалъ страницъ восемь или десять, именно: 1-я статья коротенькая, гдѣ изложилъ общій предметъ дѣйствій квартирмейстерской части, а 2-я —начало общей теоріи рекогносцировокъ, то есть, что надобно замѣчать особенно при распознаніи края и мѣстоположенія; но мысль, что это начато по предложенію Пестеля и имѣетъ нѣкоторое отношеніе съ Обществомъ, такъ меня безпокоила, что я бросилъ эти страницы въ свою шкатулку, гдѣ онѣ долго лежали и даже до послѣднихъ розысковъ. Что ихъ точно было очень немного—извольте спросить объ этомъ у брата, которому я показалъ ихъ тогда, какъ начали въ Тульчинѣ забирать бумаги говоря: „*Какъ ты думаешь, хотя тутъ, кажется, и ничего нѣтъ подозрительнаго, но все не*

лучше ли истребить?“ Онъ мнѣ отвѣчалъ „*Мнѣ и самому тоже кажется; но все лучше сжечь*“. Я въ самомъ дѣлѣ и сжегъ. Ибо надобно сказать, что по начатіи розысковъ не только члены, но и вообще всѣ посторонніе тотчасъ начали осматривать свои бумаги, дабы не навести на себя подозрѣнія какою нибудь бездѣлицею.—Еще это доказать можетъ вотъ что: когда порутчикъ Крюковъ 2-й пріѣхалъ, и разсказывалъ мнѣ объ Муравьевѣ то, что я показалъ, то я тутъ сказалъ: „*Вотъ какъ! видно ихъ дѣла спѣютъ скорѣе нашего: мое мнѣніе о квартирмейстерской части, которое просилъ меня написать Пестель, и теперь еще не написано*“. Онъ у меня спросилъ: „*зачѣмъ же ты не написалъ?*“ Я отвѣчалъ: „*Да такъ, братецъ! времени не было – все некогда!*“ Эти два обстоятельства, особенно первое—въ самомъ дѣлѣ меня связали совершенно такъ, что мнѣ никакъ нельзя было вытти изъ Общества; ибо рука моя все бы осталась, хотя въ послѣдніе особенно полгода мнѣ весьма этого хотѣлось, даже хоть посредствомъ отставки, или какимъ нибудь другимъ образомъ, что можно увидѣть изъ слѣдующаго. Я именно въ послѣднихъ мѣсяцахъ, не помню гдѣ, сказалъ брату,—едва ли не въ слѣдъ за тѣми его словами, которыя я выше пересказалъ: „*Что теперь еще такъ и быть: что ни будетъ со мною—буди воля Божія; но если бы мнѣ случилось жениться, то я уже ни за что не останусь въ этомъ Обществѣ, хоть разошли меня по свѣту, чѣмъ хочешь*“.

Относительно того, что Русскую Правду не почиталъ я сочиненіемъ, принятымъ въ Обществѣ, какъ законоположеніе, доказательствомъ послужить можетъ во первыхъ то, что полковникъ Пестель самъ мнѣ это сказалъ, сказавъ именно, что еще пятеро занимаются тѣмъ же. Во вторыхъ вотъ какое обстоятельство послѣ того, какъ я объ ней узналъ или прежде этого—хорошо не помню—я услышалъ, что въ Тульчинъ прислали какое то другое сочиненіе въ этомъ же родѣ,—я полюбопытствовалъ его видѣть, мнѣ сказали, что это можно сдѣлать, и именно порутчикъ Крюковъ I показалъ мнѣ его—и я прочелъ страницы двѣ, по какому случаю не болѣе—не упомню; сочиненіе это было, какъ мнѣ помнится, Гвардейскаго Генеральнаго Штаба капитана Никиты Михайловича Муравьева, сына покойнаго попечителя Московскаго Университета и извѣстнаго сочинителя Михайлы Никитича—лично его не знаю, по крайней мѣрѣ онъ меня не знаетъ. Я же его видѣлъ одинъ разъ въ жизни въ Москвѣ, бывши колонновожатымъ; присланъ былъ отъ генерала Муравьева вмѣстѣ

съ порутчикомъ Лачиновымъ, который также былъ колонновожатымъ, чертить подъ его начальствомъ планы Московскаго парада. Онъ стоялъ тогда вмѣстѣ съ извѣстнымъ стихотворцемъ Батюшковымъ, что мнѣ особенно его припоминаетъ. Сочиненіе это я слышалъ, по какимъ-то причинамъ было отвергнуто въ сторонѣ 2-й арміи. Тетрадка эта была листовъ въ 15, не болѣе, если еще и не менѣе. Къ извѣстіямъ присовокупить также здѣсь можно, что по нѣкоторымъ словамъ полковника Пестеля, я догадывался, что у главныхъ сего Общества находится нѣкоторая связь съ Польшею, гдѣ послѣ слуховъ о Виленскомъ происшествіи относительно тамошнихъ студентовъ, начали подозрѣвать нѣчто важнѣйшее, нежели шалости студентовъ, — не члены, а вообще тѣ, которые замѣчаютъ мірскія вещи.

Кромѣ доказательствъ совершенно религіозныхъ при доводахъ моихъ, когда мнѣ случалось доказывать истину Христіанской вѣры, средство, которое употреблялъ я съ тѣми, которые слишкомъ были увѣрены въ своихъ политическихъ мнѣніяхъ и притомъ даже думали, одни, что религія ничтожна, другіе что она даже вредна, не съ одними членами, но и съ посторонними, гдѣ случалось было соглашаться, что могутъ быть точно различные роды правленій; ибо они въ самомъ дѣлѣ были и есть; что по мѣстности и времени могутъ быть одинъ лучше другого, но что всѣ образы правленій вообще безъ нравственной силы, для которой полезны были даже языческія вѣры, не только христіанская, показавшая чистѣйшій источникъ нравственности, ничего сами по себѣ хорошаго сдѣлать не могутъ, что если эта сила на землѣ исчезнетъ—я и теперь по совѣсти говорю предъ Богомъ,—то я лучше соглашусь бѣжать въ самый адъ; ибо тамъ, по крайней мѣрѣ до втораго пришествія Христова, страдаютъ только душевно, а и не тѣлесно притомъ; и напротивъ, что при совершенномъ развитіи оной силы, если это на землѣ возможно, по крайней мѣрѣ безъ особеннаго содѣйствія Божія, всякой изъ нихъ сдѣлается хорошимъ; ибо правленіе и государство состоитъ изъ людей, которые, будучи хороши, и произведутъ все хорошее. Это всегдашнее мое мнѣніе, которое старался я при случаяхъ поддерживать, даже, говорю, и противъ нѣкоторыхъ, не находящихся въ Обществѣ. На тотъ-же предметъ для удостовѣренія въ непремѣнной необходимости существованія Бога и будущей жизни, я нарочно перевелъ изъ сочиненій аббата Кондильяка статью, доказывающую оное,—и другую, показывающую естественныя начала

человѣческой нравственности, которыя—особенно первая—показалась мнѣ самымъ сильнымъ доказательствомъ для разсудка изъ всѣхъ, которыя случалося мнѣ читать въ моей жизни. Можно ее отыскать въ моихъ бумагахъ, взятыхъ у меня, я читалъ ее—или готовъ былъ читать, кому только угодно было меня слушать. Впрочемъ относительно доказательствъ религіи я совершенно согласенъ съ Паскалемъ, что надобно въ разсужденіи оной проникать посредствомъ сердца въ разсудокъ, а не посредствомъ разсудка въ сердце. Но я не смѣлъ, и не смѣю ни у кого предполагать испорченность въ сердцѣ, да и самыя заблужденія атеизма въ многихъ приписываю неосторожному чтенію книгъ, заключающихъ ложныя мнѣнія, которыхъ сочинители, по всей вѣроятности были люди развратные, но ихъ послѣдователи весьма быть могутъ и всегда почти завлечены блескомъ необыкновенности, или остроты мнѣній—по крайней мѣрѣ предоставлялъ всегда судить о томъ Богу—почему и почиталъ нужнымъ дѣйствовать и на разсудокъ.

Относительно моихъ коренныхъ мнѣній около этого времени можетъ дать вамъ понятіе слѣдующее: (*Извольте спросить* у подпрапорщика Ѳедора Заикина; онъ почти дитя, слѣдовательно, лгать не умѣетъ). Недѣли за три передъ кончиною или предъ извѣстіемъ о кончинѣ блаженной памяти государя императора, я сидя съ нимъ одинъ, и пробѣжавъ мѣстами новый завѣтъ на русскомъ языкѣ, который я принесъ предъ тѣмъ брату, просившему принести оный къ нему, и который, надобно сказать, всегда со мною, я говорилъ ему, Заикину, убѣждая его въ наше время какъ можно болѣе держаться религіи (надобно сказать, что онъ мальчикъ съ прекрасными наклонностями сердца), *что времена наши очень худыя, что отъ насъ добраго ожидать ничего почти нельзя; ибо говорилъ я, нравственность вообще никуда не годится; а невѣріе, не только въ Европѣ, о которой и говорить нечего, но и въ Россіи распространилось невѣроятнымъ образомъ.* При чемъ и разсказывалъ ему къ слову, впрочемъ никакъ не ручаясь за справедливость, мнѣнія извѣстнаго Г'енриха Штилинга, что 1825 и 1826-й годъ будутъ замѣчательны своими происшествіями, не весьма радостными; а что 1836—какъ онъ говоритъ, или время около этого года будетъ исполнено еще несравненныхъ бѣдствій,—что въ самомъ дѣлѣ говоритъ этотъ Штилингъ и что я готовъ показать въ его сочиненіяхъ. Родъ мнѣній моихъ, хотя и не въ точности можетъ показать также и выборъ переводныхъ различныхъ піесъ, взятыхъ съ моими бумагами; а родъ

воспитанія и семейственныхъ отношеній родительскія письма. Другихъ переписокъ у меня во всю жизнь мою не бывало.

Характеръ мой можно уразумѣть, хотя нѣсколько изъ слѣдующихъ двухъ обстоятельствъ. Во время этихъ розысковъ я зашелъ обѣдать къ его превосходительству господину генералъ-лейтенанту Левенштерну, у котораго часто обѣдывалъ и бывалъ; тамъ засталъ и поручика Крюкова I-го, который находился тамъ безотлучно, ибо не задолго передъ тѣмъ промолвенъ на его дочери; разговоръ былъ натурально объ этихъ происшествіяхъ—и порутчикъ Крюковъ сказалъ его превосходительству: „Какъ бы вы думали: *представьте, что и Пушкинъ, говорятъ, замѣшенъ въ этой исторіи*“. Вотъ еще другое: въ домѣ у госпожи *Горленки*—мы кой-кто собрались вечеромъ, и разговоръ коснулся до этого же происшествія. Госпожа *Горленко* мнѣ вдругъ говоритъ: „Какъ *вы* тутъ попали?“ „*Что же дѣлать, отвѣчалъ я, мудренаго ничего нѣтъ: въ мірѣ все случиться можетъ*“. Этому, кажется, свидѣтелемъ могу поставить квартирмейстерской части порутчика Аврамова, который, помнится мнѣ, тутъ же находился.

Послѣ вышенаходящагося изложенія всѣхъ членовъ объяснится теперь и то, что слова мои, написанныя въ прежнихъ моихъ отвѣтахъ генералу Юшневскому, что я могу не знать всѣхъ членовъ, были сущій предлогъ; надобно еще прибавить, что я именно прибавилъ къ нимъ: тогда только могу дѣлать съ ними что нибудь за одно, или и противъ нихъ, по усмотрѣнію; ибо я могу находиться въ *Обществѣ*; *но принадлежу, несмотря на то, цѣлому государству, если вступилъ, говорилъ я, въ Общество, то единственно имѣя въ виду благо моего отечества—и никакъ не соглашусь навлекать на него бѣдствія—можетъ быть безъ малѣйшаго толку*; это сказалъ я нѣсколько съ жаромъ—и еще: *меня къ этому ножами не принудятъ*.

Кажется мнѣ, что я все и чистосердечно сказалъ, что знаю и что можно поэтому видѣть все оное какъ въ зеркалѣ. Въ заключеніе со слезами и рыданіями прошу Высочайше учрежденный комитетъ изъ человѣколюбія и великодушія быть моимъ ходатаемъ, облегчить мою участь, снять съ меня то бремя, о которомъ я просилъ Его Превосходисельство Генералъ-Адъютанта Чернышева, и испросить у Его Императорскаго Величества мнѣ пощаду, снисходя къ моему человѣчеству, и въ уваженіе хотя нѣкоторое того, что я несмотря на это нещастное Общество, исполнялъ—по крайнѣй мѣрѣ,

въ совѣсти увѣренъ въ томъ, что старался исполнять, всѣ мои должности по службѣ во все время, начиная съ нижняго званія, съ точностію, съ возможнымъ усердіемъ и можетъ быть съ успѣхомъ, что, надѣюсь, не откажется засвидѣтельствовать ни одинъ изъ моихъ начальниковъ, подъ командою которыхъ постоянно и времянно находиться мнѣ случалось. Ни съ однимъ изъ нихъ, какъ мнѣ кажется, не разстался я, не поселивъ о себѣ хорошаго мнѣнія, даже и съ тѣми, при которыхъ былъ я (короткое время, какъ напримѣръ, во время двухъ маневровъ у его превосходительства генералъ-лейтенанта Удома и его превосходительства генералъ-лейтенанта Корнилова. Да поступитъ Всеавгустѣйшій Монархъ нашъ со мною, какъ въ Евангельской притчѣ поступилъ отецъ съ блуднымъ сыномъ, и какъ милосердый Богъ, Котораго лице на землѣ онъ представляетъ, поступаетъ, по собственному его увѣренію, съ кающимися грѣшниками. Еще одной милости на колѣнахъ прошу также у Высочайше учрежденнаго комитета: позволить мнѣ въ продолженіе этого поста исполнить долгъ христіанскій, то есть исповѣдаться и причаститься Святыхъ Христовыхъ Таинъ.

Порутчикъ Бобрищевъ-Пушкинъ I.

Декабрьскіе дни въ показаніяхъ князя С. П. Трубецкого.

1. Первый общій разсказъ о декабрьскихъ дняхъ.

Вскорѣ послѣ полученнаго извѣстія о кончинѣ блаженной памяти государя императора, разошлись по городу слухи, что гвардейскіе солдаты присягнули его высочеству цесаревичу съ удовольствіемъ, что во многихъ полкахъ говорили люди, что жалованье въ Варшавѣ дается серебромъ, что имъ и здѣсь, вѣрно, прибавлено будетъ, и что года два, конечно, службы убавятъ. Когда разнеслось объ отреченіи его императорскаго высочества, тогдажъ вмѣстѣ съ тѣмъ стали говорить, что если самъ Константинъ Павловичъ не пріѣдетъ, то трудно будетъ увѣрить солдатъ въ отреченіи его отъ престола, что это дѣло у насъ небывалое и народъ не въ состояніи сего понять; что будто въ нѣкоторыхъ полкахъ говорили солдаты, что если его высочество не будетъ сюда, то они пойдутъ за нимъ въ Варшаву. Разсуждая о сихъ слухахъ съ Рылѣевымъ, онъ мнѣ говорилъ, что изъ сего можетъ выйти что нибудь важное и что для того, чтобъ не было пустыхъ безпорядковъ, надобно подумать, нельзя ли симъ воспользоваться для установленія конституціи, что такого случая уже не можетъ болѣе быть никогда, что слышно, будто полки хотятъ вывести изъ города для присяги государю императору Николаю Павловичу, и что въ семъ случаѣ, вѣроятно, будетъ общее сопротивленіе. Я отвѣчалъ ему, что если можно что дѣлать, то должно дѣлать съ видомъ законности и потому единственное средство есть средство дѣлать посредствомъ Сената, чрезъ котораго обнародываются всѣ указы и манифесты; что въ такомъ общемъ и большомъ со-

противленіи не возможно будетъ подвигнуть полки на полки, и безъ сомнѣнія самъ государь императоръ Николай Павловичъ не захочетъ дѣлать кровопролитія и лучше, уступя отъ самодержавной своей власти, согласится на созвъ депутатовъ изъ губерній, и тогда депутатское собраніе установитъ конституцію; что депутаты, когда будутъ въ достаточномъ числѣ, то не будетъ имъ нужды ждать отъ дальнихъ губерній, слѣдовательно и междуцарствіе не долго продолжится. Я написалъ записку, которая находится при дѣлѣ [1]). Говорилъ о семъ же съ *полковникомъ Батенковымъ*, который полагалъ, что если его величество цесаревичъ пріѣдетъ на ту пору сюда, то все кончено будетъ и войдетъ въ прежній порядокъ, но что въ противномъ случаѣ и лучше будетъ, если гвардію или хотя и не всѣ полки выведутъ за городъ, тогда государь императоръ Николай Павловичъ останется въ городѣ и никакого безпорядка произойти не можетъ. Затрудняло меня обстоятельсто, если нужно будетъ учрежденіе временнаго правленія, то кто могутъ быть люди, на выборъ коихъ можно согласиться? Онъ снялъ это затрудненіе тѣмъ, что если полки будутъ до окончанія оставаться въ лагерѣ, то все равно, кто бы ни былъ, государю императору самому нужно будетъ, чтобъ были люди, только умные.

Послѣ сего Рылѣевъ пришелъ ко мнѣ и говорилъ, что у нихъ было собраніе ихъ членовъ, находящихся въ полкахъ, и что ему поручено сказать мнѣ, что всѣ они полагаются на меня въ принятіи мѣръ въ теперешнихъ обстоятельствахъ, ибо случай такой, какого упускать нельзя. Я ему отвѣчалъ, что прежде нужно будетъ узнать заподлинно, какой духъ въ полкахъ и какія средства Общество имѣетъ. Онъ сказалъ мнѣ, что у него соберутся тѣ, коихъ нужно мнѣ будетъ знать, и что я, прійдя, могу со всѣми лично переговорить, что есть и другіе офицеры, не принадлежащіе къ Обществу, которые будутъ готовы дѣйствовать подъ моимъ начальствомъ, но что мое имя необходимо нужно, и что уже извѣстно у нихъ, что я избранъ начальникомъ. Я пришелъ *къ Рылѣеву*, увидѣлъ совсѣмъ не то, что по словамъ его полагалъ найти, видѣлъ только, что одинъ Арбузовъ (морского экипажа) говорилъ, что онъ можетъ отвѣчать за 300 или 400 человѣкъ и лейбъ-гренадерскаго полка *Сутгофъ* говорилъ, что онъ за часть своихъ людей отвѣчаетъ, и остальное число его роты, вѣроятно, послѣдуетъ. Московскаго полка *князь Щепинъ*

---

[1]) Проектъ манифеста отъ имени Сената, стр. 94.

много говорилъ и ничего не сказалъ; финляндскаго полка *Рѣпинъ* говорилъ, что онъ выходитъ въ оставку и впрочемъ его рота въ городѣ не стоитъ и что онъ отвѣчаетъ, что можетъ привести нѣсколько офицеровъ, но за солдатъ отвѣчать не можетъ, что за полкъ можно будетъ отвѣчать, когда *полковникъ Моллеръ* согласится, а иначе нельзя. Тогда я имъ сказалъ: „Чтожъ, господа, вы видите, то ето все пустое дѣло, изъ котораго не выйдетъ никакого толка, кромѣ погибели, а мы не имѣемъ права никого губить“. Тутъ я увидѣлъ первый разъ *Якубовича*, который началъ много говорить и горячиться и окончилъ тѣмъ, что онъ изъ личнаго мщенія хотѣлъ убить покойнаго блаженныя памяти государя императора Александра Павловича, что онъ восемь лѣтъ носилъ приказъ на себѣ, тотъ приказъ, по которому онъ выписанъ въ армію, но что онъ имѣетъ доброе сердце и убійцей быть не можетъ; сдѣлался шумъ и я ушелъ, сказавъ Рылѣеву: „отпустите меня въ 4 корпусъ, тамъ если быть чему нибудь, то будетъ“. Я написалъ письмо къ ген.-м. Орлову, въ которомъ уговаривалъ его, чтобъ онъ пріѣхалъ, я чувствовалъ, что я не имѣю духу дѣйствовать къ погибели, но боялся, что власти не имѣлъ уже, чтобъ остановить, надѣялся, что если онъ пріѣдетъ, то онъ сію власть имѣть будетъ.

13-го вечеромъ я опять былъ у Рылѣева, и видѣлъ что много офицеровъ приходятъ и уходятъ; онъ мнѣ сказалъ, что услышали, что курьеръ пріѣхалъ, то приходятъ сказывать и спрашивать, что знаютъ новаго. Я вывелъ въ другую комнату *Пущина* (*л.-гв. сапернаго эскадрона*), *Арбузова*, сколько помнится, *Бестужева* (Московскаго полка) и *Сутгофа*, уговаривалъ ихъ, чтобъ они не уговаривали солдатъ, что пользы не будетъ, кромѣ гибели, если они возбудятъ роты свои, и что въ такомъ только случаѣ могло бы быть что нибудь, если бы солдаты цѣлыми полками отказались присягать. *Пущинъ* говорилъ, что его эскадронъ, въ которомъ только 60 человѣкъ, вѣроятно будетъ присягать съ Измайловскимъ полкомъ и что сдѣлаютъ Измайловскіе солдаты, то, конечно, и они сдѣлаютъ, что, пожалуй, можетъ онъ уговорить солдатъ, чтобъ не присягали, но вывести онъ не можетъ. *Рылѣевъ* говорилъ, что *Арбузовъ* уже навѣрное можетъ вывести за собою до 400 человѣкъ. Я ему отвѣчалъ, что хорошо намъ говорить, которые не можемъ за собой никого привести и, слѣдовательно, погубимъ только другихъ. Онъ отвѣчалъ: „Мы на смерть обречены, я становлюсь въ ряды въ роту *Арбузова*“. Тутъ уже, не помню, кто сказалъ: „Но мы далеко зашли, можетъ быть

намъ уже и измѣнили, надобно спасать себя". Я отвѣчалъ, что для спасенія себя я губить другихъ не буду. Между тѣмъ кто то разнесъ слухъ, что артиллерія взяла по три ящика зарядовъ. Тогда я, воспользовавшись симъ, сказалъ имъ, что „господа, вѣдь другіе то полки стрѣлять не будутъ; но артиллерія то будетъ палить".

Мнѣ показалось, что это всѣхъ усмирило, и я вышелъ въ твердой надеждѣ, что ничего уже не будетъ. Но во всякомъ случаѣ я уже рѣшился никакого участія не брать ни въ какомъ случаѣ. Не думалъ я симъ избѣгнуть несчастной участи моей, ибо зналъ, что если къ несчастію что случится, какъ и было, то всѣ на меня озлобятся и я все останусь равный, если не большій противъ прочихъ преступникъ; но я хотѣлъ хотя сколько нибудь облегчить совѣсть мою и менѣе отвѣтствовать на страшномъ судѣ господнемъ. Я изложилъ всю истину, я не смѣю и надѣяться, чтобъ ей повѣрили, но я не могу на себя наговорить, чего не было. Богъ видитъ мою душу, я не былъ никогда ни извергомъ, ни кровопійцей и произвольнымъ убійцей я быть не могу. Не меньше того, я въ лицѣ всего свѣта всѣмъ симъ сдѣлался, и теперь мнѣ больше ничего не остается желать, какъ умереть.

---

2) Вопросные пункты и отвѣты.

I. Вопросные пункты.

1826 года 15 февраля въ присутствіи Высочайше учрежденнаго комитета для изысканія о злоумышленномъ Обществѣ, полковникъ князь Трубецкой въ дополненіе прежнихъ показаній его спрашиванъ и показалъ.

1. Въ данныхъ вами отвѣтахъ между прочимъ вы показали, что на одномъ изъ совѣщаній, не задолго до 14 декабря бывшихъ у Рылѣева, вы сказали сему послѣднему: „Отпустите меня въ 4-ый корпусъ; тамъ если быть чему, то будетъ".

Объясните съ возможною точностью: на чемъ были основаны слова сіи, не имѣли ли вы предварительныхъ о томъ сношеній, на кого полагали въ томъ надежды свои, и если бы отправились въ 4-ый корпусъ, то какими средствами и что именно хотѣли тамъ предпринять?

2. Вслѣдъ за означенными словами вы говорите, что писали письмо къ генералъ-маіору Орлову, въ которомъ уговаривали его, чтобы онъ пріѣхалъ сюда, ибо чувствовали, что не имѣете духу дѣйствовать къ погибели и боялись, что не имѣете уже и власти,

чтобы остановить; надѣялись, что если г. Орловъ пріѣдетъ, то онъ власть сію будетъ имѣть.

Объясните: a) Чрезъ кого и когда вы послали письмо сіе и что именно было въ ономъ написано. b) По какому поводу сдѣлали ему столь опасное предложеніе и на чемъ была основана увѣренность ваша, что онъ приметъ оное и не измѣнитъ вашей довѣренности? c) Что могло ручаться вамъ, что въ такомъ гибельномъ предпріятіи онъ можетъ имѣть ту власть, которой вамъ не доставало? не было ли о семъ между имъ и вами, или кѣмъ другимъ предварительнаго совѣщанія или условія и въ чемъ именно заключалось оное? d) Ежели получили отвѣтъ на сказанное письмо, то въ чемъ оный состоялъ?

3. Покажите со всею подробностью и ничего не скрывая, отъ кого именно было вамъ извѣстно еще 12-го декабря объ отреченіи государя цесаревича.

4. Изъ показаній другихъ Комитету извѣстно между прочимъ о бывшихъ у Рылѣева совѣщаніяхъ слѣдующее:

a) 12-го декабря Каховскій произнесъ сіе: „съ этими филантропами ничего не сдѣлаемъ, тутъ просто надобно рѣзать да и только, иначе, если не согласятся, то я первый пойду и самъ на себя все объявлю“.

b) Когда Рылѣевъ и прочіе увѣрились, что они сильны, положено было солдатъ возбудить тѣмъ, что ихъ обманываютъ и что цесаревичъ не отказывается отъ престола, что онъ здѣсь и даже запертъ въ Сенатѣ; и потому опредѣлено вести солдатъ на Сенатскую площадь.

c) Противу особы государя примѣтно возсталъ князь Оболенскій, Бестужевы, Каховскій и потомъ вы сами требовали, какъ необходимости, чтобы принести его на жертву. Наконецъ, вы именно полагали, что надобно оставить Александра Николаевича, чтобы его объявить императоромъ. Другіе говорили, что можно ограничиться арестомъ. Князь Одоевскій твердилъ только: „Умремъ! Ахъ какъ славно мы умремъ!“ Когда всѣ ушли для приготовленія, кромѣ васъ и барона Штейнгеля, вы, въ немаломъ смущеніи говорили Рылѣеву, что если увидите, что на площадь выйдетъ мало, рота или двѣ, то вы (т. е. вы всѣ) не должны идти туда и не должны дѣйствовать, въ чемъ согласенъ былъ и Рылѣевъ.

Комитетъ поставилъ на видъ вамъ извѣстное ему о совѣщаніяхъ, происходившихъ въ квартирѣ Рылѣева, требуетъ чистосердечнаго, безъ всякой утайки и съ возможною подробностью, какъ объясненія вашего противъ вышеизложеннаго, такъ и описанія всего происходившаго на совѣщаніяхъ вашихъ:

a) Когда и кто подалъ первую мысль начать здѣсь открытыя дѣйствія Общества, какіе виды возбудили къ тому надежды и съ котораго времени и гдѣ начались о томъ совѣщанія.

b) Кто именно находился на оныхъ и кто какія подавалъ мнѣнія на счетъ особы государя императора и августѣйшей фамиліи?

c) Что именно изъ сихъ мнѣній было положено за непремѣнное?

d) Какими средствами предположено было увлечь войска и открыть дѣйствія?

e) Кому поручено было занять дворецъ, Сенатъ, крѣпость и прочія мѣста и какія именно?

f) Кто вызывался и кто назначенъ былъ нанести ударъ государю и овладѣть дворцомъ и прочимъ, и вообще, какой былъ сдѣланъ распорядокъ о дѣйствіяхъ 14-го декабря?

5. По какому поводу и съ какимъ намѣреніемъ утромъ 14-го декабря и во время происходившаго на площади неустройства вы находились въ Главномъ Штабѣ, у кого, съ кѣмъ и о чемъ тамъ разсуждали?

II. Отвѣты.

Приступая къ отвѣтамъ на заданныя мнѣ Высочайше учрежденнымъ комитетомъ отъ 15-го февраля вопросы, я напередъ принимаю обязанность отвѣчать на всѣ оные съ самымъ полнымъ чистосердечіемъ, безъ малѣйшей утайки, и со всею возможною подробностью, по скольку мнѣ оная извѣстна. Единственно отъ милосердія Бога и государя моего я могу ожидать спасенія; ложью же или неискренностью я не могу заслужить ни того, ни другого, но напротивъ за оныя долженъ ожидать только большаго наказанія, какъ въ сей жизни, такъ и въ будущей, которая теперь можетъ быть единственнымъ предметомъ моего бытія.

1. Слова, произнесенные мною въ одномъ изъ совѣщаній, бывшихъ у Рылѣева (кажется 12-го декабря); „отпустите меня въ 4-й корпусъ, тамъ если быть чему, то будетъ“, были мною произнесены единственно въ намѣреніи отдѣлаться отъ бывшаго уже мнѣ тягостнымъ участія подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ. Надежды предпринять что либо въ 4-мъ корпусѣ я имѣть не могъ, потому что въ оном Общество не распространено. Въ сосѣднемъ оному 3-мъ корпусѣ хотя Общество и распространено было, но въ нынѣшнее время полки, будучи распредѣлены на кантониръ квартирахъ и на значительномъ пространствѣ, всякое предпріятіе къ сбору ихъ сопряжено бы было съ большою трудностью и особенно медленностью. Кромѣ сего, въ оном 3-мъ корпусѣ, мнѣ были только извѣстны нѣкоторые члены въ 9-й девизіи, которая ближе всѣхъ къ

Кіеву расположена и въ оное время не было въ оной ни одного полкового командира, принадлежащаго къ Обществу, а безъ полковыхъ командировъ извѣстно, что въ арміи собрать полка нельзя. Я говорю, что въ означенной дивизіи не было тогда ни одного полкового командира, принадлежащаго къ Обществу, ибо одинъ изъ таковыхъ, Швейковской, уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ былъ отрѣшенъ отъ командованія полка и переведенъ въ полкъ другой дивизіи; другой, Тизенгаузенъ, находился тогда въ караулѣ въ Бобруйскѣ. Правда, иногда приходила мнѣ мысль, что не вздумаетъ ли Тизенгаузенъ овладѣть Бобруйскою крѣпостью, буде имѣетъ къ тому возможность; но затвориться съ нимъ въ крѣпости я никакого намѣренія не имѣлъ. Скорѣй всѣхъ я могъ полагать, что сдѣлаетъ что нибудь Пестель, буде онъ находитъ случай къ тому благопріятствующимъ; но съ Пестелемъ я не на такой ногѣ и не въ такихъ отношеніяхъ находился, чтобъ ѣхать къ нему.

Произнося вышеписанныя слова, цѣль моя была развязаться съ Обществомъ, ибо уже мнѣ становилось весьма тягостно, и я начиналъ видѣть, что члены Общества находили только, что имъ нужно —одно мое имя во мнѣ и болѣе ничего; но признаюсь, что я не имѣлъ довольно твердости, чтобъ просто сказать имъ, что я отъ нихъ отказываюсь. Еслибъ я сказанными словами развязался отъ Общества, то я легко могъ и, оставшись здѣсь, скрыть отъ онаго мое пребываніе, а еслибъ я поѣхалъ, то я бы поѣхалъ чрезъ Москву, куда я обѣщалъ сестрѣ моей проводить ее, и потому къ моему пріѣзду въ корпусную квартиру повсемѣстно была бы уже во всякомъ случаѣ принята присяга, еслибъ даже манифестъ о томъ вышелъ и многими днями позднѣе.

2. Касательно письма моего къ генералъ-маіору Орлову имѣю честь объяснить.

а) Я начиналъ оное увѣдомленіемъ его, что присланныя имъ мнѣ въ Кіевъ деньги на уплату должныхъ имъ одному тамошнему жителю я заплатилъ. Потомъ писалъ, что ему надобно бы было пріѣхать теперь сюда (не упомню именно выраженія, *надобно или полезно*), что здѣсь будетъ, то будетъ при немъ все равно, какъ и безъ него (я писалъ по французски: *ce qui se passera ici, se passera sans vous, comme avec vous,* или *devant vous,* или *en votre présence,* точныхъ изъ послѣднихъ рѣчей не упомню) и что если ничего необыкновеннаго не будетъ, то мы, представившись новому нашему государю, можемъ отправиться отсюда въ Москву вмѣстѣ.—Письмо

сіе заключалъ припискою, въ которой говорилъ, что податель онаго имѣетъ ему нѣчто вручить, чтобъ онъ спросилъ у него, потому чтобъ молодой человѣкъ не забылъ по молодости.

Оное письмо я послалъ чрезъ Кавалергардскаго полка корнета Свистунова, и поручилъ ему, если ген.-м. Орловъ будетъ его распрашивать о томъ, что здѣсь дѣлается, то онъ сказалъ бы ему, что ожидаютъ отреченія государя цесаревича, и если оное будетъ, то не мудрено, что въ полкахъ гвардейскихъ не пройдетъ все тихо. Свистуновъ долженъ былъ расположить разсказъ свой смотря по тому, какъ ген.-м. Орловъ будетъ съ нимъ говорить, и даже я довѣрялъ ему, если онъ найдетъ то возможнымъ, то дать ген.-м. Орлову для прочтенія письмо, писанное мной къ Муравьеву-Апостолу. Оное письмо также извѣстно Комитету. Я въ немъ описывалъ въ подробности всѣ городскіе слухи тогдашняго времени, и что если правительство не приметъ надлежащихъ мѣръ для присяги войскъ, то я боюсь, чтобъ не было несчастья (которое было безъ надписи и безъ подписи) и которое я поручилъ брату Муравьева, ѣхавшему вмѣстѣ съ Свистуновымъ, но чтобъ этого письма Свистуновъ Орлову не оставлялъ. Сверхъ того я Свистунову сказалъ, что здѣсь не иначе начнется что нибудь, какъ если солдаты откажутся отъ присяги сами собою, и если ничего не будетъ, то я буду писать незначущія письма къ Семенову, котораго адресъ я далъ Свистунову.

b) Рѣшился я сдѣлать столь опасное предположеніе ген.-м. Орлову по причинамъ, коп я уже и прежде объяснялъ: то есть что генералъ-маіоръ князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій сказывалъ мнѣ по пріѣздѣ моемъ въ Кіевъ, что хотя генералъ-маіоръ Орловъ теперь и не вмѣшивается ни во что и отъ всѣхъ обществъ отсталъ, но въ случаѣ нужды можно на него надѣяться, и что я и самъ полагалъ, что ген.-м. Орловъ, котораго образъ мыслей столь гласенъ былъ прежде, по какимъ нибудь причинамъ только притаился, но образа мыслей своего не перемѣнилъ. Въ томъ же, что онъ не измѣнитъ довѣренности моей, я полагался на ласковое и дружеское со мною обхожденіе въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Кіевѣ, и надѣялся, что онъ если не рѣшится пріѣхать, то истребитъ письмо и не будетъ распрашивать Свистунова.

Со всѣмъ тѣмъ, по первому мнѣ сдѣланному предложенію, писать къ нему я не рѣшался и потомъ, когда рѣшился писать, то первое письмо мнѣ показалось слишкомъ открыто и потому написалъ другое, которое и послалъ, мнѣ казалось, что означенную рѣчь

ce qui se passera ici, ce passera en votre absence comme en votre présence, можно было истолковать ожидаемымъ отреченіемъ государя цесаревича и что ему во всякомъ случаѣ полезно бы было пріѣхать для представленія новому государю; это не требовало толкованія. На приписку же я также не полагалъ, чтобъ нужно было объясненіе; въ случаѣ недовѣрчивости, Свистуновъ могъ ему просто сказать, что я ему болѣе ничего для него не давалъ.

c) Касательно того, что онъ будетъ имѣть ту власть, которой мнѣ недоставало, я надѣялся на прежнюю его извѣстность, на чинъ, который поселялъ больше довѣрія, нежели мой, и на расположеніе, которое я примѣтилъ къ нему въ главныхъ членахъ Общества, ибо Пущинъ очень настаивалъ, чтобъ къ нему написать, и Рылѣевъ изъявлялъ желаніе.

d) Отвѣта отъ г.-м. Орлова никакого не получилъ, и не могъ получить, ибо Свистуновъ поѣхалъ отсюда только 13-го декабря.

3. На счетъ требуемаго показанія, отъ кого мнѣ было извѣстно еще 12-го декабря объ отреченіи государя цесаревича, я, чтобы не сдѣлать неумышленной утайки, покажу въ подробности о слышанныхъ мною касательно сего слуховъ въ послѣдніе дни, ибо, сколько я помню, то 12-го числа я еще не имѣлъ вѣрнаго свѣдѣнія, что государь цесаревичъ не изволилъ принять присяги, но уже болѣе вѣрилъ, что его высочество оной не приметъ, чему я прежде не вѣрилъ.

Сожалѣю, что не могу припомнить подробно, какого ето числа и отъ кого имянно что слышалъ. Но предварительно долженъ сказать, что слухи о прибывающихъ курьерахъ весьма скоро въ городѣ распространялись, и какъ рѣшеніе государя цесаревича на посланную его высочеству присягу было тогда повсемѣстнымъ предметомъ разговоровъ и различныхъ догадокъ, то и о курьерахъ и привозимыхъ ими извѣстіяхъ вѣрные и невѣрные слухи я слышалъ въ разныхъ домахъ и отъ разныхъ лицъ. Такъ напримѣръ, говорили въ городѣ, что будто бы возвратились Лазаревъ, Сабуровъ и Никитинъ, которые были посыланы въ Варшаву, и будто бы имъ не велѣно показываться. Слышалъ я еще, что будто бы государь императоръ получилъ отъ государя цесаревича письмо съ надписью его императорскаго величества: ето, сколько помню, то сначала я слышалъ въ домѣ тетки моей княгини Голицыной, или лучше сказать въ домѣ зятя ея Потемкина, гдѣ она живетъ, и тамъ разсказывалъ сіе, какъ кажется, сенаторъ Шулеповъ, но однакожъ не при мнѣ, я его въ послѣдніе дни тамъ не встрѣчалъ. Сей же самый слухъ подтвердилъ

мнѣ австрійскій посланникъ графъ Лебцелтернъ, который говорилъ, что онъ слышалъ, что еще въ самыхъ первыхъ дняхъ письмо съ означенною надписью было прислано государю императору отъ государя цесаревича; но я сему не вѣрилъ, и говорилъ ему, что еслибъ оно заподлинно такъ было, то было бы уже болѣе извѣстнымъ. Еще въ одинъ изъ послѣднихъ дней тесть мой сказывалъ мнѣ, что онъ, сходя съ лѣстницы во дворцѣ, встрѣтилъ двухъ князей Долгоруковыхъ, изъ коихъ одинъ, князь Василій Васильевичъ сказалъ ему, что все рѣшено, курьеръ пріѣхалъ, но что онъ спросилъ отъ какого числа, то другой князь Николай Васильевичъ отвѣчалъ, что не знаетъ. (Потомъ 12-го числа я узналъ, что приказано ѣхать въ Таганрогъ дядѣ моему генералъ-адъютанту князю Трубецкому и всѣмъ свободнымъ отъ должностей флигель-адъютантамъ, то началъ подозрѣвать, что, можетъ быть, и есть заподлинно какое свѣдѣніе объ отреченіи государя цесаревича). Я не помню, не ошибочно ли показываю, что 12-го числа узналъ объ означенномъ въ скобкахъ: если означенные господа отправились прежде, то я также прежде о томъ зналъ. Того жъ, кажется, числа, вечеромъ я былъ у Рылѣева, и адъютантъ герцога Виртембергскаго Бестужевъ показывалъ запиcку стоявшаго на заставѣ караульнаго офицера, который писалъ, что проѣхалъ курьеръ изъ Варшавы, который ускакалъ отъ козака, и офицеръ посылалъ спрашивать въ Мраморный и Зимній дворецъ, но тамъ ему сказали, что курьера никакого не пріѣзжало, то офицеръ караульный боялся, чтобъ ему не досталось за то, что козакъ упустилъ курьера. По отходѣ моемъ отъ Рылѣева въ означенный вечеръ 12 числа, я былъ у сенатора Муравьева-Апостола, гдѣ видѣлъ зятя его полковника флигель-адъютанта Бибикова, которому, кажется, говорилъ о слышанномъ мною на счетъ курьера, но подтвердилъ ли онъ мнѣ о прибытіи онаго не упомню; также не помню, слышалъ ли я, что тотъ же предметъ въ домѣ графа Лебцелтерна, куда я поѣхалъ отъ сенатора Муравьева-Апостола, и гдѣ была жена моя и все ее семейство.

13-го числа поутру, часу въ третьемъ, я былъ у Опочининой, которую засталъ съ княгинею Солтыковою (урожденною Долгоруковой); сія послѣдняя спросила меня, что я слышалъ, и сказала мнѣ, что говорятъ, будто курьеръ точно пріѣхалъ и привезъ отреченіе государя цесаревича; а Опочинина прибавила: „я ему (то есть мнѣ) и сначала говорила, что сколько я знаю великаго князя, то увѣрена, что онъ откажется, но онъ (то есть я) никакъ не хотѣлъ вѣ-

рить". Возвратясь домой, я нашелъ тестя моего, который мнѣ подтвердилъ, что курьеръ пріѣхалъ и привезъ извѣстіе, что государь цесаревичъ не принялъ присяги, и что будетъ еще курьеръ, который привезетъ нужныя по сему случаю бумаги. Я вмѣстѣ съ всѣмъ нашимъ семействомъ обѣдалъ послѣ сего у княгини Бѣлосельской, гдѣ также слышалъ вышесказанному подтвержденіе. Вечеромъ того жъ дня, когда былъ у Рылѣева, гдѣ нашелъ уже собраніе, узналъ, что и тамъ уже о прибытіи помянутаго курьера знаютъ, и пока я былъ у него, то кто то еще прибылъ и разсказалъ, что ожиданный окончательный курьеръ пріѣхалъ и прибылъ изъ Варшавы въ трое сутокъ и шесть часовъ, что собирается Совѣтъ, и что полки будутъ присягать въ слѣдующій день рано поутру.

Если я и, при всей подробности объясненія на заданный мнѣ въ 3-мъ пунктѣ вопросъ, пропустилъ что нибудь, или не довольно обстоятельно что изложилъ, то истинно только оттого, что по многоразличнымъ по сему предмету въ то время слышаннымъ мною разговорамъ, я всего упомнить не могу. Болѣе же я слышалъ въ то время въ домѣ Потемкина, гдѣ я каждый день бывалъ, гдѣ много живущихъ и большое знакомство.

4. Касательно извѣстнаго Комитету изъ показанія другихъ о бывшихъ у Рылѣева совѣщаніяхъ, честь имѣю объяснить слѣдующее:

а) Произнесенныя Каховскимъ 12-го декабря слова, прописанныя въ допросномъ пунктѣ, мнѣ извѣстны не были, и въ присутствіи моемъ онъ ихъ не произносилъ. При мнѣ Каховской никогда ничего не говорилъ, и я съ нимъ никогда не разговаривалъ; большою частью, когда я бывалъ у Рылѣева, то онъ выходилъ въ другую комнату, но во время нѣкоторыхъ совѣщаній я примѣтилъ что онъ сиживалъ въ той комнатѣ, гдѣ они происходили, въ окошкѣ въ углу, къ столу же, у котораго совѣщанія бывали, онъ не подходилъ и въ разговоры не вмѣшивался. Если онъ произнесъ означенныя въ допроснымъ пунктѣ слова, то я полагаю, что сіе было по моемъ отходѣ отъ Рылѣева, ибо въ означенный день, то есть 12-го декабря, я пришелъ къ Рылѣеву не ранѣе, какъ въ половинѣ девятаго часа, и ушелъ отъ него прежде половины десятаго, когда другіе еще у него остались. На сіе имѣю я слѣдующія доказательства: въ оный день обѣдалъ я дома, то есть у тестя моего, гдѣ садятся за столъ не ранѣе седьмаго часа, а иногда и близь семи часовъ, сидятъ за столомъ долго (сіи вещи всѣмъ знакомымъ съ домомъ тестя моего извѣстны), послѣ обѣда разъѣхались мы всѣ изъ

дому въ одно время, ранѣе обыкновеннаго, но не ранѣе половины девятаго часа.— По утру означеннаго дня пріѣжала къ женѣ моей жена флигель-адъютанта полковника Бибикова, которая прежде просила меня взять съ собой до Кіева, когда я поѣду, брата ея роднаго Ипполита Муравьева-Апостола, назначеннаго въ 2-ю армію, но въ сей день она сказала мнѣ, то братъ ея получилъ приказаніе ѣхать къ своему мѣсту, почему и просила меня придти вечеромъ въ девять часовъ къ отцу ея и сказать ему, что, можетъ быть, я не скоро еще отсюда поѣду, и что, можетъ быть, не буду имѣть мѣста для брата ея. Я обѣщалъ, и вечеромъ прежде половины десятаго часа пришелъ къ сенатору Муравьеву-Апостолу, у котораго я нашелъ постороннихъ человѣка три или четыре, изъ конхъ г-нъ Плещеевъ читалъ французскую комедію. Къ концу чтенія пріѣхалъ полковникъ Бибиковъ съ женою, а по окончаніи чтенія я сказалъ сенатору Муравьеву-Апостолу по условленному съ его дочерью, на что онъ мнѣ отвѣчалъ, что уже сынъ его сговорился ѣхать съ Свистуновымъ, и что они отправляются на другой день поутру. Отъ г. Муравьева я поѣхалъ къ графу Лебцелтерну, гдѣ была моя жена, и который былъ нездоровъ; послѣ меня пріѣхали туда тесть и теща мой.

в) Означенное въ семъ допросномъ пунктѣ мнѣніе, чтобы сказать солдатамъ, что ихъ обманываютъ и что государь цесаревичъ не отказывается отъ престола, что онъ здѣсь и даже запертъ въ Сенатѣ, было дѣйствительно предложено, но только кѣмъ именно, не упомню, равно было предложено и другое (сіе, сколько помню, то княземъ Оболенскимъ), чтобы подъѣхать къ полкамъ, или полку, выведенному къ присягѣ, и сказать, что государь цесаревичъ сейчасъ пріѣхалъ. Но оба сіи мнѣнія оставлены были, какъ таковыя, конхъ несправедливость тотчасъ бы обнаружилась и обратилась бы ко вреду самихъ тѣхъ, кои ввели солдатъ въ таковой обманъ; и потому опредѣлено было сказать солдатамъ, что есть въ Сенатѣ духовное завѣщаніе покойнаго государя императора, и что надобно потребовать, чтобъ оное было прочитано.

с) Опредѣлительно показать о возстаніи князя Оболенскаго противъ особы государя императора, я не осмѣливаюсь, потому что истинно не словъ, не выраженій его касательно особы государя императора припомнить не могу, а сказать несправедливое, или наугадъ и быть клеветникомъ—я взять на совѣсть свою не смѣю. По сему же предмету на счетъ Бестужевыхъ, изъ нихъ Николая Бесту-

Бестужева я во все мое пребываніе въ С.-Петербургѣ видѣлъ, сколько помню, только однажды у Рылѣева, и то еще прежде принятія намѣренія начать открытое дѣйствіе Общества.

Другого брата Бестужева, служащаго въ л.-г. Московскомъ полку, я узналъ уже тогда, когда принято было намѣреніе открыто дѣйствовать, и, кажется, видѣлъ его разъ прежде 13-го декабря и другой разъ онаго 13-го числа; онъ былъ тихъ. Чтожъ касается до третьяго брата Александра Бестужева, состоящаго адъютантомъ при е. к. в. герцогѣ Виртембергскомъ, то дѣйствительно онъ былъ большой частью запальшикъ, когда приходилъ на совѣщаніе, и, сколько могу, припомнить (хотя достовѣрно утвердить того не смѣю), то показанныя мною въ прежнихъ объясненіяхъ моихъ слова „можно забраться во дворецъ“ были имъ произнесены.—Каховскій же, какъ я выше сего въ семъ пунктѣ подъ буквою а) показалъ, и потому я на счетъ его не имѣю возможности сказать ничего.

Комитету показано также и на мой счетъ, что я самъ требовалъ, какъ необходимости, чтобы государь императоръ былъ принесенъ на жертву и что я именно полагалъ, что надобно оставить великаго князя Александра Николаевича, чтобы его объявить императоромъ. Душевно бы желалъ на сіе обвиненіе, сколь оно ни ужасно, имѣть возможность принести просто чистосердечное признаніе; сно бы несравненно было легче для меня, нежели подозрѣніе что я не хочу быть искреннымъ. Но ежели сколько нибудь Высочайше учрежденный комитетъ можетъ мнѣ вѣрить, то я всѣмъ, что есть свято, увѣряю, что сего преступленія я на совѣсти своей не чувствовалъ. Богъ свидѣтель мнѣ, что я всею душою моею желаю припомнить, когда, въ какомъ случаѣ и предъ кѣмъ сіе происходило, и отъ кого я требовалъ такой ужасной вещи. Должно быть что я въ ту минуту, когда могъ сдѣлать таковое требованіе, совершенно потерялся и обезумѣлъ, и повергаю себя къ стопамъ милосерднаго моего государя, противъ Высочайшей и священной особы коего я могъ сдѣлаться столь преступнымъ.

Сего обвиненія я не могу опровернуть никакими доказательствами, ибо въ несправедливости онаго не смѣю и самъ въ душѣ своей быть увѣренъ, потому что послѣ всего, что я уже былъ въ состояніи сдѣлать, несходнаго ни съ правилами, ни съ прежней жизнью моей, ни съ сердцемъ моимъ, я долженъ имѣть несчастную увѣренность, что я въ состояніи былъ бы и на всѣ возможные ужасы покуситься, или учавствовать въ нихъ. Къ тому жъ я и увѣренъ,

что соучастники бѣдственныхъ происшествій 14-го декабря и должны быть весьма недовольны мною за то, что я не былъ съ ними онаго числа; но не могу полагать, чтобъ кто изъ нихъ желалъ мнѣ отмстить клеветою. И потому, когда есть такое на меня показаніе, то я долженъ убѣжденъ быть, что оно справедливо; ибо какъ истина, такъ и ложь не можетъ укрыться отъ господъ членовъ комитета.

Мнѣ ничего не остается иного, какъ пасть передъ стопы моего государя и молить Бога Моего, чтобъ онъ по благости своей простилъ и сіе преступленіе съ прочими, содѣянными мною.

Касательно князя Одоевскаго, твердившаго: „умремъ! Ахъ какъ славно мы умремъ“, я долженъ сказать, что я его на совѣщаніяхъ не видалъ. Я видѣлъ его нѣсколько разъ у Рылѣева, но не во время совѣщаній, а обыкновенно часа въ четыре пополудни. Если онъ былъ у Рылѣева 13-го числа, то я его не примѣтилъ, какъ и многихъ другихъ, тогда бывшихъ, ибо я, не желая говорить при всѣхъ бывшихъ, отвелъ въ другую комнату тѣхъ, съ кѣмъ мнѣ нужно было говорить, и къ намъ другіе не подходили.

Можетъ быть я говорилъ Рылѣеву, что если мало будетъ на площади, то мы (т. е. всѣ) не должны итти туда; но не полагалъ, чтобъ это я ему сказалъ 13-го числа, какъ долженъ полагать, что оное показаніе по смыслу вопроснаго пункта, ибо Рылѣевъ мнѣ объявилъ, что онъ пойдетъ со двора рано поутру, сказавъ при мнѣ Арбузову, что онъ будетъ къ нему рано съ Николаемъ Бестужевымъ и Якубовичемъ, и прежде того мнѣ говорилъ, какъ я въ прежнихъ объясненіяхъ показывалъ, что онъ станетъ въ ряды съ ружьемъ въ роту Арбузова. Слѣдовательно, 13-го числа вечеромъ не могъ я говорить Рылѣеву, что намъ не должно выходить на площадь, если выйдутъ мало, рота или двѣ, и Рылѣевъ на то не могъ быть согласенъ. При томъ, означеннаго 13 числа я у Рылѣева не оставался одинъ съ барономъ Штейнгелемъ, ибо ушелъ также, какъ и въ предыдущій день, когда еще много было людей у Рылѣева; по окончаніи разговора моего съ бывшими тамъ ротными командирами, я поѣхалъ оттуда къ флигель-адъютанту полковнику Бибикову, гдѣ была моя жена, и куда я обѣщалъ пріѣхать, и сколько помню, то я пріѣхалъ къ нему около половины десятаго часа, они меня ждали чай пить; пріѣхалъ же я къ Рылѣеву въ сей вечеръ въ 9-мъ часу отъ графа Лебцелтерна, къ которому я заѣзжалъ отъ княгини Бѣлосельской, гдѣ я обѣдалъ, и которой по нездоровью своему былъ дома.

Приступаю къ объясенію на прочіе пункты, означенные въ допросѣ подъ литерами.

а) Чрезъ нѣсколько дней послѣ того какъ дана была присяга государю цесаревичу, и когда еще не говорили, что отречется его высочество отъ данной ему присяги, я говорилъ *Рылѣеву*, что существованіе Общества въ царствованіе государя цесаревича будетъ опасно, съ чѣмъ и *Рылѣевъ* былъ согласенъ, и мы положили съ нимъ, что надобно непремѣнно Общество уничтожить. Рылѣевъ говорилъ, что надобно будетъ посмотрѣть нѣсколько лѣтъ (лѣтъ пять), какой ходъ будетъ правительства и государства, и тогда можно будетъ видѣть, если будетъ представляться возможность введенія конституціи какимъ либо образомъ. Что въ продолженіи онаго времени надобно будетъ послужить во всей строгости и всевозможное оказать усердіе, чтобы быть на хорошемъ замѣчаніи у правительства. Я съ нимъ соглашался и весьма былъ радъ, что онъ видитъ необходимость уничтоженія Общества, ибо давно уже мнѣ хотѣлось развязаться со всѣмъ Обществомъ, принадлежность меня тяготила, равно какъ и существованіе Общества; можетъ быть, было во мнѣ тайное предчувствіе, что оно пріуготовляетъ мнѣ погибель. Но я имѣлъ слабость бояться потерять дружбу пріятелей и уваженіе знакомыхъ изъ членовъ Общества, которые почитали меня ревностнымъ членомъ; и потому скрывалъ отъ нихъ мои чувства и мысли, надѣясь, что представится со временемъ случай развязаться подъ благовидною причиною, и лучше представлявшейся въ сіе время ожидать не могъ. Послѣ того когда начали говорить въ городѣ, что можетъ быть государь цесаревичъ отречется, то вмѣстѣ съ тѣмъ начали говорить, что отреченіе сопряжено съ трудностями, что отреченіе вещь не обычная и у насъ не бывалая, что нашъ народъ не пойметъ онаго и тому подобное. Въ это время (именно какого числа, къ сожалѣнію, не помню) пришелъ ко мнѣ Рылѣевъ и сказалъ мнѣ, что обстоятельства такого рода, что можетъ быть представится возможность воспользоваться ими для введенія конституціи, что должно полагать, что солдаты не повѣрятъ отреченію, особенно если государь цесаревичъ не пріѣдетъ для объявленія о томъ, а только пришлетъ оное изъ Варшавы, что Общество здѣсь довольно сильно, чтобъ воспользоваться таковыми средствами, что есть полки, за которые отвѣчать можно; что члены Общества собирались на квартирѣ у князя Оболенскаго и избрали меня на сіе время диктаторомъ; чтобъ подумалъ, какимъ образомъ можно будетъ произвести въ дѣйствіе намѣреніе Общества; что между тѣмъ члены будутъ собирать свѣдѣнія, что мнѣ нужно будетъ съ нѣкоторыми изъ нихъ позна-

комиться, и что онъ меня увѣдомитъ, когда будетъ назначенъ день, чтобъ они собрались у него по одному человѣку съ полка.

Послѣ сего при свиданьяхъ моихъ съ Рылѣевымъ и княземъ Оболенскимъ узналъ я отъ нихъ, что они надѣятся на полки: Измайловской, о которомъ говорили будто его хотятъ раскасировать, потому будто бы въ немъ солдаты явно говорятъ, что они не присягнутъ другому императору, присягнувши разъ одному, и что будто бы для того сей полкъ выведутъ за городъ и раздѣлятъ поротно по дорогѣ до Луги, яко бы для встрѣчи тѣла покойнаго государя императора, на Егерской, въ которомъ будто бы солдаты говорили, что если государь цесаревичъ не пріѣдетъ, то они за его высочествомъ пойдутъ, на Финляндской, въ которомъ два батальоные командира принадлежали къ Обществу, на часть Московскаго и лейбъ-гренадерскаго полка и на Морской Гвардейской экипажъ.—О послѣднихъ трехъ сказывалъ мнѣ Рылѣевъ, о Измайловскомъ князь Оболенскій, о Финляндскомъ оба они, а о Егерскомъ—не помню, кто изъ нихъ, кажется, будто тоже князь Оболенской.

Въ послѣдствіи слышалъ я у Рылѣева (къ которому всѣ извѣстія членами Общества приносились), что будто хотятъ всю гвардію вывести для присяги за городъ. Я съ своей стороны сообщилъ *Рылѣеву* и князю *Оболенскому*, какія я средства вижу къ приведенію къ исполненію намѣренія Общества; оныя состояли въ слѣдующемъ: полкъ, который откажется отъ присяги, вести его къ ближнему полку, на который надѣются, и когда тотъ пристанетъ, то идти къ слѣдующему и такъ далѣе. Что лучше будетъ, если можно сначала вывести Измайловскій полкъ, какъ одинъ изъ коренныхъ гвардейскихъ, и можно скорѣе надѣяться, что къ оному пристанутъ другіе полки. Что такимъ образомъ можно полагать, что пристанутъ и изъ тѣхъ полковъ, на которыхъ не считаютъ.

Когда полки пѣхотные почти всей или большей части гвардіи будутъ такимъ образомъ собраны вмѣстѣ, тогда, вѣроятно, важнѣйшіе изъ начальствующихъ лицъ будутъ присланы ихъ уговаривать; въ такомъ случаѣ должно настаивать только на одномъ, требовать прибытія государя цесаревича, и если будетъ объявлено, что будетъ послано къ государю цесаревичу, тогда вытребовать мѣсто для квартированія полковъ до того времени, какъ его высочество прибудетъ. Симъ образомъ будетъ соблюденъ весь видъ законности, и упорство полковъ будетъ сочтено вѣрностію; но цѣль Общества введенія конституціи будетъ уже потеряна. Если же не будетъ объявлено, что

пошлется извѣстіе въ Варшаву къ государю цесаревичу, то объявить, что его высочество не изволилъ принести присяги, и станутъ уговаривать полки, тогда ихъ вести къ Сенату и требовать общаго собранія, и когда оное соберется, то потребовать, чтобы Сенатъ издалъ манифестъ, коимъ бы всенародно объявилъ, что государь цесаревичъ не принялъ присяги, и какъ такой примѣръ есть въ нашемъ государствѣ первой, какому подобныхъ еще не было, то для разрѣшенія, что въ семъ случаѣ дѣлать, просить ли его высочество отъ всего государства о принятіи престола, или поднести присягу государю императору Николаю Павловичу, назначается общее собраніе депутатовъ изъ всѣхъ губерній, изъ каждаго сословія по одному (или двумъ), коимъ и собраться въ столицу въ самоскорѣйшемъ времени; въ томъ же манифестѣ должно бы было объявить, что оное депутатское собраніе поставитъ законоположеніе для управленія государствомъ на будущее время, симъ же манифестомъ объявить, что даются равныя гражданскія права всѣмъ сословіямъ (не произнося однакожъ слова *вольности* для крестьянъ, чтобъ тѣмъ не сдѣлать возмущеній), что срокъ службы солдатамъ убавляется; и, наконецъ, что для управленія государствомъ до рѣшенія, какое послѣдуетъ отъ депутатскаго собранія, назначается временное правленіе изъ двухъ или трехъ лицъ изъ извѣстнѣйшихъ особъ государственнаго Совѣта, а Сенатъ до того жъ рѣшенія депутатскаго собранія закрывается, оставя, буде нужно, департаментъ для судныхъ только дѣлъ; но всякая законодательская власть должна прекратиться до сбора депутатовъ. Касательно Царства Польскаго также думалъ, что нужно пригласить члена въ временное правленіе, или депутатовъ для опредѣленія мѣръ для сохраненія единства державъ.—Манифестъ сей долженъ бы былъ быть разосланъ въ тотъ же день, а по разсылкѣ только его полки отвести на мѣсто, которое будетъ избрано для стоянія имъ до собранія депутатовъ.

Рылѣевъ не хотѣлъ, чтобы полки шли одинъ къ другому, говоря, что ето долго слишкомъ будетъ, но я въ томъ настаивалъ, какъ въ необходимой мѣрѣ, безъ которой ничего нельзя будетъ сдѣлать. Въ послѣдній вечеръ 13-го числа, когда онъ при мнѣ говорилъ *Арбузову*, что онъ рано къ нему придетъ, то онъ прибавилъ. „Мы ужъ прямо на площадь“. И я на сіи слова уже не возражалъ: Можетъ быть, я въ выше прописанномъ случаѣ, но не 13-го числа говорилъ *Рылѣеву*, что сначала когда полки будутъ итти одинъ къ другому, то намъ не надобно быть съ ними, или по крайней мѣрѣ

при первыхъ. Напротивъ сего *Батеньковъ* говорилъ, что надобно и въ барабанъ пріударить, потому что ето сберетъ народъ.—Въ послѣдствіи было также предложеніе занять крѣпость, и сколько помню (хоть достовѣрно утверждать не могу), также *Батеньковъ* и *Рылѣевъ*, кажется, находилъ (хотя также заподлинно не отвѣчаю, что не ошибаюсь, называя его), что въ крѣпость можетъ прямо пройти Лейбъ-Гренадерскій полкъ. Но я находилъ, что сіе слишкомъ раздѣлитъ силы, и не находилъ нужды въ занятіи крѣпости.

Какъ я прежде показалъ, то я отъ *Батенькова* принялъ мысль, что полки надобно будетъ поставить внѣ города, и потому полагалъ нужнымъ имѣть солдатамъ съ собой патроны; но когда я разсуждалъ о семъ съ ротными командирами, то нашли они въ томъ неудобство, ибо патроны лежатъ въ ротныхъ цейхаузахъ, и не могло быть никакого благовиднаго предлога раздавать ихъ по рукамъ предъ присягою, почему 13-го числа и было положено выходить безъ патроновъ; на ето рѣшеніе кто-то изъ слышавшихъ оное (кажется, Бестужевъ—адъютантъ) сказалъ: „А какъ по васъ залпы дадутъ? Артилерія взяла по три зарядные ящика на орудіе“ (или роту). Точно не помню словъ; на что *Арбузовъ* отвѣчалъ: „Мы и холоднымъ ружьемъ съ ней справимся“. Почему я ни мало удивился 14 числа, когда услышалъ, что бунтовщики стрѣляли.

Извѣстные мнѣ совѣщанія, на которыхъ я былъ, всѣ происходили у Рылѣева; я долженъ полагать, что были и въ разныхъ другихъ мѣстахъ частныя совѣщанія, ибо положено было между мной и *Рылѣевымъ*, какъ я выше сказалъ, чтобы я увидѣлся у него только съ тѣми, коихъ онъ называлъ депутатами отъ полковъ, по одному офицеру съ полка. Отъ Измайловскаго полка, въ которомъ были члены Общества, ни разу я никого не видалъ и когда я спрашивалъ объ оном полку, то Рылѣевъ мнѣ отвѣчалъ, что *Оболенской* съ ними, но гдѣ они собирались, не знаю, полагаю что у кн. Оболенскаго. Съ начала я ни съ кѣмъ не видался, кромѣ *Рылѣева* и кн. Оболенскаго; и если кто бывалъ у *Рылѣева*, то мы при немъ не разговаривали о намѣреніяхъ Общества, хотя бы то былъ и кто изъ членовъ.

Потомъ я видѣлся въ назначенный для того день, какъ я выше сказалъ, съ тѣми лицами, съ коими *Рылѣевъ* хотѣлъ, чтобъ я видѣлся, и кои были Московскаго полка князь *Щепинъ*, Лейбъ-Гренадерскаго *Сутговъ* и Морскаго Экипажа *Арбузовъ*. И потомъ былъ я на совѣщаніяхъ въ послѣдніе дни недѣли, предшествовавшей 14-му числу

декабря. Были ли какія совѣщанія и гдѣ безъ меня, о томъ я свѣдѣнія не имѣлъ. Дня, въ которой у меня было первое назначенное съ выше помянутыми членами свиданіе, я вовсе припомнить не могу.

b) На первомъ совѣщаніи были, какъ предъ симъ я сказалъ: кн. *Щепинъ, Сутговъ* и *Арбузовъ*, кромѣ ихъ князь *Оболенской*, *Рылѣевъ* и *я*; послѣ того кн. *Щепинъ* былъ еще одинъ разъ, *Сутговъ* болѣе, но не во всѣхъ, *Арбузовъ* каждый разъ, кн. *Оболенской* не на всѣхъ и имянно не былъ 13-го числа, и я жалѣлъ, что не видалъ его онаго числа, ибо чрезъ него только могъ имѣть вѣрнѣйшее свѣдѣніе о Измайловскомъ полку. Кромѣ означенныхъ лицъ еще были на совѣщаніяхъ Финляндскаго полка Рѣпинъ два раза, Бестужевъ Московскаго полка одинъ разъ 13-го числа, Батеньковъ одинъ разъ — котораго числа не упомню, и случайно или по приглашенію,— не знаю. Впрочемъ первое только свиданье мое съ вышеозначенными офицерами было по назначенію, а прочіе назначаемы не были, и я, приходя къ Рылѣеву, не зналъ, найду ли кого и кого найду. *Пущинъ* (статской) не каждый разъ; другой Пущинъ, командиръ л.-г. піонернаго ескадрона, въ послѣдніе два дни 12-го и 13-го декабря. Былъ однажды *Булатовъ*, командиръ, кажется, какого то егерскаго полка 6-й дивизіи. *Рылѣевъ* познакомилъ меня съ нимъ и сказалъ: „Вотъ полковникъ *Булатовъ*, который служилъ въ Лейбъ-Гренадерскомъ полку, и за которымъ весь полкъ пойдетъ, если онъ покажется; его тамъ въ ономъ полку любятъ“. И, обращаясь къ *Булатову*, сказалъ: „Такъ вы примете команду полка и поведете его?“ *Булатовъ* отвѣчалъ, что онъ согласенъ, если полкъ выйдетъ.—Прежде я видѣлъ разъ *Булатова* у Рылѣева же, но тогда *Булатову* ничего извѣстно не было, я тогда уходилъ отъ Рылѣева, а онъ пришелъ. Участія въ совѣщаніи Булатовъ не бралъ. Мой разговоръ тѣмъ съ нимъ прекратился; но я полагаю, что Рылѣевъ съ нимъ говорилъ, хотя и не разсказывалъ мнѣ,—что *Бестужевъ*, адъютантъ, и *Штейнгель*, жившіе въ томъ же домѣ, приходили и уходили, иногда вмѣшивались въ разговоръ, но они были несовѣщательные лица. Якубовичъ пришелъ во время одного совѣщанія, въ какой имянно день не помню, и остался во все время, пока я былъ и послѣ меня, когда онъ пришелъ, Рылѣевъ сказалъ мнѣ: „вотъ Якубовичь, который желаетъ съ вами познакомиться“. Я его тутъ видѣлъ въ первый и, надѣюсь, въ послѣдній разъ въ жизни моей.—Во время совѣщаній, когда кто либо заходилъ изъ постороннихъ къ онымъ лицъ, то ихъ останавливали въ другой комнатѣ, или выводили, если они входили въ

ту, гдѣ я былъ.—12 Декабря во время совѣщанія приходилъ Корниловичъ и, кажется, остался по отходѣ моемъ.

Въ тотъ день, когда былъ Якубовичъ, разсуждаемо было о томъ, сколько можно было надѣяться на полки, и оказывалось, что надежды гораздо менѣе, чѣмъ полагали; и Якубовичъ услыша, что находили затрудненіе въ исполненіи предпріятія, вдругъ началъ говорить, разсказывать очень горячо о себѣ и о извѣстномъ его намѣреніи противъ особы покойнаго государя, и заключилъ рѣчь свою сими словами: „Ну, вотъ, если нѣтъ другихъ средствъ, насъ здѣсь пять человѣкъ, метнемте жеребій, кому достанется, тотъ долженъ убить его (подъ словомъ *его* я понялъ особу государя императора) въ назначенный срокъ“ (кажется прибавилъ „*или самого его убьютъ*“, но заподлинно не утверждаю). Увидивъ, что всѣ молчатъ, Якубовичъ продолжалъ: „Впрочемъ, господа, я вамъ признаюсь, что я етого взять на себя не въ состояніи; я сдѣлать етого не могу, потому что я имѣю доброе сердце. Я хотѣлъ сдѣлать ето, противъ кого я дышалъ мщеніемъ, но я не могу быть хладнокровнымъ (за слово *хладнокровнымъ* я точно отвѣчать не могу) убійцею, потому что я имѣю доброе сердце“. На сію выходку не было отвѣта, совѣщаніе не продолжалось и я ушелъ. Въ сей вечеръ были, кромѣ меня и Рылѣева, Арбузовъ, сколько помню, то Оболенской, и кн. Щепинъ. Можетъ быть, кто и еще былъ, но сколько припомнить могу, то не во время произнесенныхъ словъ Якубовичемъ.

Однажды когда говорили во время совѣщанія, гдѣ стать полкамъ за городомъ, то Рылѣевъ спросилъ меня, въ томъ предположеніи если послано будетъ къ государю цесаревичу и буде онъ пріѣдетъ, то не остановить ли его? На ето я ему отвѣчалъ, что нельзя будетъ.—Ето Рылѣевъ говорилъ не громко и я не знаю, слышалъ ли кто изъ другихъ.

Объ арестѣ государя императора говорили и, кажется, мнѣ Пущинъ (статскій), но утвердительно сказать не могу, точно ли онъ.

с) За непремѣнное было опредѣлено мною, чтобъ войска послѣ изданія манифеста отъ Сената, вышли изъ города и стали близь оного лагеремъ; и такимъ образомъ ожидать собранія губернскихъ депутатовъ, не касаясь ни мало высочайшей особы государя императора и августѣйшей фамиліи. Если мнѣ почитать себя диктаторомъ, какъ мнѣ было то объявлено, то я долженъ полагать, что во всѣхъ отношеніяхъ должна была исполнятся моя воля. Если же другіе члены между собою положили что либо къ исполненію, то я

уже не диктаторъ.—Въ первомъ случаѣ, то есть если я былъ диктаторъ, то я не обязанъ былъ заранѣе и представлять воли моей на соображеніе членовъ, и если какую изъявилъ, то долженъ оную признавать, какъ *положенную за непремѣнное*, если въ послѣдствіи не измѣнилъ оную изъявленіемъ иной по тому же предмету воли. И по сему согласно съ показаннымъ на меня обвиненіемъ въ § 4 подъ литерою С. допроснаго пункта, долженъ почитать положеннымъ *за непремѣнное* то мнѣніе противъ особы государя императора, о которомъ сказано въ ономъ параграфѣ, что я его изъявилъ и требовалъ исполненія онаго. Еслижъ я не былъ диктаторъ, тогда я не знаю, мнѣніе котораго изъ членовъ могу полагать *положеннымъ за непремѣнное*. Какія же, извѣстныя мнѣ были предлагаемы, я пояснилъ выше.

Если были сверхъ того предложены другія какія мнѣнія, мною не показанныя, то я о ихъ свѣдѣнія не имѣю. Я не былъ безотлучно съ членами въ совѣщаніяхъ, я говорилъ только съ означенными мною выше ротными командирами, которыхъ обыкновенно разспрашивалъ: о духѣ солдатъ въ ихъ полкахъ, о числѣ людей, на коихъ они надѣются, и о средствахъ, какими они надѣятся вывести полки. Сіи же офицеры о дальнѣйшихъ моихъ предположеніяхъ меня не распрашивали, а когда кто изъ другихъ поимянованныхъ мною выше членовъ бывшихъ мнѣ давно знакомыхъ, какъ то Рылѣевъ, Пущинъ и князь Оболенской дѣлали мнѣ вопросы о предположеніяхъ моихъ и о дѣйствіи, особенно же на совѣщаніяхъ, то я обыкновенно отвѣчалъ, что обстоятельства покажутъ что дѣлать въ томъ или другомъ случаѣ. Симъ словомъ: *обстоятельства покажутъ*,—я избѣгалъ и дальнѣйшихъ мнѣ вопросовъ, и предложенія мнѣ мнѣній. Быть можетъ, что я таковымъ отвѣтомъ много сдѣлалъ вреда и себѣ и другимъ.

d) Увлечь войска и открыть дѣйствіе предположено было показаніемъ недовѣрчивости объ отреченіи государя цесаревича; и если солдаты окажутъ, что они не вѣрятъ отреченію, и откажутся присягать, то вывести полкъ къ другому полку, сказавъ просто: „Пойдемте къ такому-то полку, посмотримъ что они дѣлаютъ;“ и если бы сіе оказалось недостаточнымъ, то сказать что есть духовное завѣщаніе покойнаго государя. Послѣ же обнародованія манифеста отъ Сената, надѣялись удержать ихъ въ сборѣ до собранія депутатовъ объявленіемъ уменьшенія срока службы и содержаніемъ самаго манифеста.

e) Порученія о занятіи дворца, Сената, крѣпости или какихъ другихъ мѣстъ я никому не дѣлалъ; и мнѣ о семъ никакихъ предложеній ни отъ кого дѣлано не было, исключая приведеннаго выше, что лейбъ-гренадерской полкъ могъ бы прямо пройти къ крѣпости, и котораго я не принялъ.—Если на счетъ занятія означенныхъ мѣстъ было что нибудь положено между кѣмъ изъ членовъ, то безъ вѣдома моего, и я о томъ увѣдомленъ не былъ.

f) Кто вызывался и кто назначенъ былъ нанести ударъ государю императору, я совершенно не знаю; мнѣ и при мнѣ—никто на сіе не вызывался; я никого не назначалъ, и предложенія о такомъ назначеніи мнѣ никто не дѣлалъ; и если что по сему было положено безъ меня, то до свѣдѣнія моего не доходило, и не было мнѣ никѣмъ сообщено.—Тотъ, или тѣ, кои показали, что я требовалъ, чтобы государь императоръ былъ принесенъ на жертву, должны знать, если я кого на сіе ужасное дѣло и назначилъ; если я онаго требовалъ, то, вѣроятно, и назначалъ кого нибудь для исполненія. А какъ я выше показалъ, что я совершенно не полагалъ имѣть сего преступленія на совѣсти моей, то не могу и помнить, чтобъ я назначилъ кого. Въ обоихъ случаяхъ я долженъ былъ быть въ совершенномъ безпамятствѣ, и потому только долженъ вѣрить, что я былъ столь несчастливъ, что произнесъ таковое требованіе, что не могу никакъ предполагать, чтобъ кто рѣшился меня оклеветать, или умышленно невѣрно показать на меня.

Касательно распорядка, сдѣланнаго о дѣйствіяхъ 14-го декрбря, я въ прежнемъ моемъ предположеніи ничего не перемѣнялъ, то есть: чтобъ Морской экипажъ шелъ къ Измайловскому полку, сей къ Московскому, но лейбъ-гренадерскій и Финляндскій должны были итти прямо на Сенатскую площадь, куда бы и прочіе пришли. На Московскій полкъ я мало полагался, потому что въ ономъ надѣялись только на двухъ ротныхъ командировъ, князя *Щепина* и Бестужева, ихъ коихъ послѣдній не полагалъ, чтобъ рота имѣла къ нему довѣренность, потому что онъ только два мѣсяца ею командовалъ; о Измайловскомъ полкѣ Рылѣевъ мнѣ говорилъ, что кн. Оболенскій за него отвѣчаетъ.

Въ сей вечеръ, то есть 13-го числа, когда я пришелъ къ Рылѣеву, я нашелъ уже нѣсколько человѣкъ. Рѣпинъ оказывалъ неувѣренность, чтобъ можно было вывести Финляндскій полкъ, если даже солдаты и откажутся отъ присяги (на послѣднее онъ надѣялся); Бестужевъ (Московскій) также говорилъ, что онъ не можетъ вы-

вести роту, когда другія роты не тронутся, и оба они спрашивали, что дѣлать въ такомъ случаѣ? Я отвѣчалъ, чтобъ старались поддержать солдатъ въ отказѣ отъ присяги до тѣхъ поръ, какъ услышатъ, что какой другой полкъ вышелъ, или что прочіе присягнули, въ послѣднемъ случаѣ дѣлать нечего, а въ первомъ, услышавши, что другой полкъ вышелъ, то и ихъ полкъ вѣрно выйдетъ.—Рылѣевъ на это вскрычалъ: „Нѣтъ, уже теперь такъ оставить нельзя, мы слишкомъ далеко зашли, можетъ быть, намъ уже и измѣнили“. Я отвѣчалъ: „такъ другихъ что ли губить, для спасенія себя?“—Бестужевъ (адъютантъ) возразилъ: „Да для исторіи“ (кажется прибавилъ: „страницы напишутъ“). Я отвѣчалъ: „Такъ вы за этимъ то гонитесь“. И тогда, взявъ Арбузова, Рѣпина, Бестужева (Московскаго) и Пущина (конно-піонернаго), я вывелъ ихъ въ другую комнату, и говорилъ имъ, чтобъ они сами не начинали отказываться отъ присяги рѣшительно, если не будутъ надѣяться, что солдаты ихъ поддержатъ. И на вопросъ Бестужева (Московскаго): „какъ же сдѣлать?“; я отвѣчалъ, чтобъ оказывали сомнѣніе, что государь цесаревичъ отказался, и спрашивали, почему это извѣстно, говорили бы, что они ему уже присягали; и если ихъ солдаты будутъ поддерживать, то можно надѣяться, что и выведутъ; а если нѣтъ, то дѣлать нечего, надобно присягать. Пущинъ (к.-п.) отвѣчалъ, что его ескадронъ сдѣлаетъ то, что Измайловскій полкъ, потому что, вѣроятно, будетъ съ онымъ приводится къ присягѣ; если же будетъ особо, то не присягнетъ, но что ему нельзя будетъ его вывести, потому, что предлога къ тому нельзя дать никакого, и что очень мало людей въ ескадронѣ, что даже и безполезно будетъ; и потому онъ будетъ дожидаться, чтобъ вышелъ Измайловскій полкъ. Арбузовъ ничего не говорилъ, но казалось мнѣ, что смотрѣлъ на меня съ усмѣшкою. Между тѣмъ много пріѣзжало и всѣхъ проводили въ другую комнату; Рылѣевъ изъ той комнаты приходилъ къ намъ и опять туда уходилъ; я спросилъ его, что такъ много наѣзжаетъ? Онъ сказалъ, что услышали о курьерѣ, что пріѣзжаютъ сказывать и освѣдомляться.

Я пересталъ говорить съ означенными ротными командирами и уѣхалъ. Что послѣ меня происходило у Рылѣева, о томъ я никакого свѣдѣнія не имѣлъ. На другой день, т. е. 14-го декабря, поутру я (какъ въ прежнихъ объясненіяхъ показывалъ) ходилъ къ Рылѣеву часовъ въ 7 поутру, и нашелъ, что онъ еще въ постели, Я былъ радъ, ибо боялся по сказаннымъ имъ словамъ Арбузову про-

шедшимъ вечеромъ, чтобъ онъ не ушелъ къ нему и чтобъ не возбудили въ экипажѣ. Мнѣ не хотѣлось, чтобъ онъ, т. е. экипажъ, выходилъ первый, потому, что онъ всѣхъ слабѣе и его примѣру не надѣялся, чтобъ другіе полки послѣдовали. Пока я былъ у него, сошелъ къ нему Штейнгель (жившій наверху въ томъ же домѣ). Разговора о предшествовавшемъ вечерѣ не было, ни о предположеніяхъ на сей день. Я не въ такомъ духѣ былъ, чтобъ разспрашивать, Рылѣевъ тоже, видно, не хотѣлъ говорить; я разсказалъ только, что собирается Сенатъ, и Штейнгель сказалъ: „Пойду дописывать манифестъ, который, кажется, останется въ карманѣ, онъ у меня въ головѣ, почти совсѣмъ конченъ“. Съ симъ словомъ онъ пошелъ и я также всталъ. Тутъ я узналъ, что Штейнгель пишетъ манифестъ; самъ ли отъ себя, или по опредѣленію другихъ онъ сіе дѣлалъ, мнѣ неизвѣстно. Когда я всталъ, чтобъ идти, пріѣхалъ Рѣпинъ сказать Рылѣеву, что въ Финляндскомъ полку офицеровъ потребовали къ полковому командиру и что они присягаютъ особо отъ солдатъ.

5) 14-го числа въ 10-мъ часу былъ у меня Рылѣевъ съ Пущинымъ (статскимъ), какъ я прежде показывалъ; я имъ далъ прочесть манифестъ, за которымъ я посылалъ въ Сенатъ. Говорили, что знамена возвращаются ихъ полковъ, и что, вѣроятно, ничего не будетъ, и послѣ того они уѣхали; выходя, Пущинъ мнѣ сказалъ: „Однакожъ если что будетъ, то вы къ намъ придете?“ Я признаюсь, что я не имѣлъ духу просто сказать *нѣтъ*, и сказалъ: „ничего не можетъ быть, что жъ можетъ быть, если выйдетъ какая рота или двѣ?“ Онъ отвѣчалъ: „мы на васъ надѣемся?“ Рылѣевъ не слыхалъ сего разговора, онъ уже вышелъ въ сѣни. - Послѣ сихъ словъ Пущина я сталъ болѣе бояться, что если они придутъ на Сенатскую площадь, то придутъ за мной, почему я и ушелъ изъ дому; взялъ извощика и поѣхалъ въ канцелярію дежурнаго генерала Главнаго Штаба его величества, чтобъ тамъ спросить, гдѣ мнѣ присягать, и если можно, то хотѣлъ тотчасъ присягнуть, надѣясь, что если что будетъ или что откроется, то мнѣ поспѣшность моя къ принятію присяги во что нибудь вмѣнится. Мнѣ сказали (кажется, старшій адъютантъ Яковлевъ), что присягать надобно притти на завтрашній день въ 11 часовъ въ залъ Главнаго Штаба; потомъ дали мнѣ манифестъ съ приложеніями, которыхъ я еще не читалъ, потому, что я имѣлъ манифестъ еще безъ приложеній, кои не были еще отпечатаны, когда я посылалъ въ Сенатъ. Я сталъ читать приложенія, между тѣмъ старшіе адъютанты приходили, здоровались со мной, спрашивали о

здоровьѣ, разсужденій же я никакихъ не помню. Оттуда я пошелъ къ сестрѣ моей въ домъ Потемкина въ Большой Милліонной; она просила меня прочесть ей манифестъ и прочія бумаги. Отъ нея я пошелъ къ флигель-адъютанту полковнику Бибикову, котораго не засталъ дома, но засталъ его жену и брата; посидѣвъ съ ними и увидя, что уже первый часъ, я ободрился надеждою, что все уже кончено, что полки всѣ присягнули, и что все прошло тихо; тогда я поѣхалъ домой съ намѣреніемъ одѣться и ѣхать во дворецъ.

Выѣзжая на площадь съ Невскаго проспекта, я увидѣлъ, что много народу надворцовой площади и волненіе; я остановился, увидѣвъ Скалона, который служитъ въ Главномъ Штабѣ и находится при библіотекѣ онаго, подошелъ къ нему спросить, что такое. Онъ мнѣ сказалъ, что Московскій полкъ или баталіонъ, онъ сказалъ,—не помню,—кричитъ ура государю цесаревичу и идетъ къ Сенату, что вывели караулъ дворцовый и поставили у воротъ дворца, что выведенъ 1-й баталіонъ Преображенскій, и зарядили ружья. Я вошелъ во дворъ Главнаго Штаба и опять пошелъ въ канцелярію дежурнаго генерала, не зная, куда дѣваться; правитель канцеляріи Ноинскій спросилъ меня, не слыхалъ ли я чего, и отвелъ въ сторону. Я сказалъ ему слышанное отъ Скалона; пришелъ старшій адъютантъ (кажется Борщовъ), онъ повторилъ тоже, Ноинскій сказалъ: „господа, подите туда, вы въ мундирахъ, вамъ надобно тамъ быть“. И тогда мы вышли. Я не хотѣлъ итти на площадь и прошелъ дворомъ Главнаго Штаба въ Милліонную, не зная самъ, куда итти, и у воротъ канцеляріи г. начальника Главнаго Штаба встрѣтилъ входящаго въ нихъ полковника Юренева, чиновника Гунаропуло и еще одного человѣка, мнѣ незнакомаго; они имѣли видъ испуганный и зазвали меня съ собою; я взошелъ на лѣстницу, и вошелъ съ Гунаропуло въ канцелярію г. начальника Штаба, гдѣ никого не было. Онъ съ весьма испуганнымъ видомъ говорилъ мнѣ: „бѣда! Какая бѣда!“ Московскій баталіонъ и множество народа прошли по Морской къ Сенату, я съ ними встрѣтился, бѣжалъ отъ нихъ, они кричатъ „ура!“ императору Константину; говорятъ убили Фридерикса. Послѣднее слово меня сразило; я почти упалъ на стулъ, едва могъ говорить, Гунаропуло вставалъ, садился, говорилъ все „ахъ! какая бѣда!“. Послѣ предложилъ итти на площадь; мы вышли, но я идучи сказалъ ему, что я чувствую себя очень нездоровымъ, и зашелъ опять въ канцелярію г. дежурнаго генерала, гдѣ также говорилъ Ноинскому, что я очень нездоровъ.

Пришелъ Случевскій, старшій адъютантъ, который звалъ

меня итти на площадь къ Исакію, и говорилъ, что надобно оставить шинели, потому что тамъ государь императоръ, но я ему тоже сказалъ, что я очень нездоровъ, и зашелъ въ курьерскую, гдѣ сидѣлъ одинъ въ большомъ унынiи и страхѣ; изъ оной вошелъ опять въ канцелярію, спросилъ, гдѣ Ноинскій, мнѣ сказали, что въ залѣ квартиры дежурнаго генерала; я вошелъ туда, гдѣ нашелъ его съ подполковникомъ Себиндеромъ, который пришелъ съ площади и который разсказывалъ, что тамъ происходитъ. Я спросилъ, можно ли пройти на Англійскую набережную не мимо бунтовщиковъ, что я въ большомъ безпокойствѣ о женѣ; онъ мнѣ отвѣчалъ что: „ничего, можно очень пройти и мимо ихъ даже, они всѣхъ пропускаютъ, ѣздятъ даже, они только кричатъ „ура“ Константину Павловичу и стоятъ отъ одного угла Сената до другого“. Тогда я надѣялся, что жена моя выѣхала и что она можетъ быть у сестры моей, куда я и поѣхалъ, взявъ извощика.

---

3) Дополнительное разъясненiе на показанiя Рылѣева[1]).

1. Не могу ни подтвердить, ни оспаривать показанія Рылѣева, что онъ узналъ отъ меня о болѣзни покойнаго государя, ибо не помню, видѣлся ли я въ сей денъ съ Рылѣевымъ и уговаривались ли мы на другой день съѣхаться у Оболенскаго. Когда же послѣдовало рѣшеніе о присягѣ государю цесаревичу, то дѣйствительно пріѣзжалъ я къ Рылѣеву, но помню, что говорилъ, что обстоятельства чрезвычайныя и рѣшительныя. Я не могъ тогда разсказывать, съ какою готовностью всѣ полки присягнули, ибо они еще тогда не присягали, и члены Государственнаго Совѣта еще не присягали, а слышалъ я только, что государь императоръ объявилъ караулу о кончинѣ покойнаго государя и сказалъ имъ, что надобно присягать новому государю, его высочеству цесаревичу, что солдаты плакали и караулъ присягнулъ. На счетъ того, что можетъ случиться на югѣ, я нѣсколько разъ говорилъ Рылѣеву, что можетъ быть тамъ что нибудь и предпримутъ. Я и прежде показывалъ, что мнѣ иногда приходила мысль, что быть можетъ, что Тизенгаузенъ рѣшится на что нибудь въ Бобруйскѣ, гдѣ онъ тогда былъ съ полкомъ въ кара-

---

[1]) Вопросовъ коммиссіи мы не приводимъ, потому что содержаніе ихъ ясно изъ отвѣтовъ.

улѣ; а иногда также думалъ, что можетъ быть и Пестель найдетъ, что онъ можетъ воспользоваться обстоятельствами, то можетъ быть, что я и въ сей день говорилъ это Рылѣеву, но словъ *содѣйствовать Южному Обществу* не употреблялъ и, сколько помню, то никогда ихъ не употреблялъ. Но я говорилъ, что надобно будетъ намъ смотрѣть, что должно будетъ дѣлать. Я не знаю, предлагалъ ли Рылѣевъ въ означенное утро кому изъ членовъ, чтобъ избрать меня диктаторомъ, но знаю, что въ сей же день вечеромъ я съ нимъ видился и мнѣ онъ о томъ ничего не говорилъ; а сказалъ мнѣ чрезъ нѣсколько дней послѣ (къ сожалѣнію моему, не помню какого числа), что члены собирались у князя Оболенскаго и избрали меня въ диктаторы.—Я сталъ ѣздить къ Рылѣеву каждый день, когда онъ занемогъ. Первое собраніе было по назначенію его, гдѣ я въ первый разъ увидѣлъ членовъ, о которыхъ я прежде показывалъ; а послѣ того у меня съ сими членами свиданья были у Рылѣева же по вечерамъ послѣдней недѣли, предшествовавшей 14-му числу.—Когда мнѣ Рылѣевъ сказалъ, что члены избрали меня диктаторомъ, то я ему сказалъ, что дѣлать иного покамѣсть нечего, какъ собирать свѣдѣнія, что пусть члены привозятъ ихъ къ нему, и если что надобно будетъ имъ сообщить, то я также буду ему о томъ сказывать.—Я замѣчу здѣсь то, что извѣстно самому Рылѣеву, что я тогда совершенно не зналъ, ни въ какомъ здѣсь числѣ члены Общества, ни въ какихъ полкахъ они есть, исключая того, что зналъ, что есть въ Кавалергардскомъ и въ конной гвардіи князь Одоевскій; еще зналъ двухъ старшихъ Бестужевыхъ и о полковникѣ Моллерѣ. Больше, кажется, никого.

2. Я не могу знать, отъ меня ли отъ перваго слышалъ Рылѣевъ извѣстіе о слухѣ, что государь цесаревичъ отрекается отъ престола; но то справедливо, что и я ему говорилъ и онъ мнѣ говорилъ, что если симъ случаемъ нельзя будетъ воспользоваться, то Обществу нечего болѣе дѣлать и, вѣроятно, говорилъ, что надобно смотрѣть, что сдѣлаютъ на югѣ; какъ я выше сказалъ, что я это нѣсколько разъ говорилъ. Я полагалъ, что если полки дѣйствительно откажутся отъ новой присяги, то надобно быть съ ними; потомъ нѣсколько разъ говорилъ, иначе я не думалъ, чтобъ можно было воспользоваться.—Рылѣевъ можетъ припомнить, что однажды, разсуждая съ нимъ о слухѣ, что государь цесаревичъ отречется отъ престола, я говорилъ, что если его высочество приметъ оный, то я еще сколько нибудь послужу, въ противномъ случаѣ выйду въ отставку. При семъ былъ кн. Оболенскій.

О томъ, чтобы уничтожить Общество, если государь цесаревичъ приметъ корону, положено было между мною и Рылѣевымъ, но о занятіи значительнѣйшихъ мѣстъ вообще, а не въ гвардейскихъ полкахъ было мнѣніе Рылѣева, на которое я изъявилъ ему согласіе, и говорилъ ему, что надобно быть сколь можно осторожнѣе. Касательно же показанія Рылѣева, что онъ говорилъ, что въ такомъ случаѣ полезно будетъ обязать членовъ не выходить въ отставку и не переходить въ армію, то это было оказано имъ не тогда и не такимъ образомъ, но позднѣе: когда сомнѣвались, чтобъ Общество могло успѣшно дѣйствовать, то Рылѣевъ сказалъ при мнѣ князю Оболенскому, что онъ сколько разъ говорилъ, что не надобно выходить въ армію, и что еслибъ Нарышкинъ не вышелъ, то имѣли бы теперь полковника, на котораго могли бъ надѣяться.

3. Совѣщанія не были назначаемы мною, исключая того, что я однажды просилъ Рылѣева, чтобъ онъ доставилъ мнѣ свиданье съ Репинымъ (Финляндскаго полка). Я не находилъ надобности въ совѣщаніяхъ, ибо не полагалъ, чтобъ диктатору нужно было просить совѣтовъ у членовъ, что должно дѣлать. Правда, что во время болѣзни Рылѣева, я пріѣзжалъ къ нему по два раза; Рылѣевъ былъ боленъ больше недѣли и выздоровѣлъ кажется 11-го декабря. Когда я у него бывалъ по утрамъ, или около обѣда, то часто говорилъ, что буду еще вечеромъ, я ему точно сообщалъ слышанное мною и отбиралъ у него извѣстія, ему доставляемыя, и разсуждали съ нимъ о положеніи дѣлъ, руку жалъ я у него когда уѣзжалъ и когда пріѣзжалъ; не отрицаюсь также, что не дѣлалъ того и въ знакъ удовольствія, когда онъ мнѣ сообщалъ о дѣлахъ; онъ мнѣ говорилъ, что здѣсь почти всѣ члены его отрасли, но мнѣ сказать ему, что я только надѣюсь на его отрасль, было бы съ моей стороны слишкомъ явною лестью, ибо Рылѣеву извѣстно, что я не зналъ, кто и сколько членовъ имъ принятыхъ; онъ, конечно, не забылъ, что о томъ я спрашивалъ его не прежде, какъ въ одинъ изъ послѣднихъ дней, причемъ былъ и кн. Оболенскій. Я желалъ, чтобъ Рылѣевъ не полагалъ, что я менѣе его усердія имѣю къ начатому дѣлу; и я никогда, кажется, не отрицался въ томъ, что мое намѣреніе было воспользоваться обстоятельствами, и я описывалъ прежде, какимъ образомъ я полагалъ сіе исполнить. Быть можетъ, что я, сходно съ показаніемъ Рылѣева, и превосходилъ его осторожностью. Я прежде показывалъ, съ кѣмъ изъ членовъ я говорилъ, и кого изъ членовъ я зналъ. Видалъ кромѣ сихъ и незнакомыхъ мнѣ лицъ у Рылѣева, и не зналъ, кто изъ нихъ члены.

4. Рылѣевъ нѣсколько разъ спрашивалъ меня, какую я силу полагаю достаточною для совершенія намѣреній Общества? Я ему всегда отвѣчалъ, что надобно нѣсколько полковъ, и именно говорилъ, что надобно по крайней мѣрѣ тысячъ шесть человѣкъ солдатъ, наконецъ въ послѣдній разъ, когда онъ меня о томъ спросилъ, то я ему сказалъ, что если будетъ можно совершенно надѣяться на одинъ полкъ, что онъ непремѣнно выйдетъ и притомъ еще морской экипажъ (на который Рылѣевъ много надѣялся) и въ нѣкоторыхъ другихъ полкахъ будетъ колебаніе, то тогда можно зачать, потому что посредствомъ перваго полка можно будетъ вывести и другіе, но что первымъ полкомъ долженъ быть одинъ изъ старыхъ коренныхъ гвардейскихъ полковъ, каковъ Измайловскій, потому что къ младшимъ полкамъ, можетъ быть, не пристанутъ. Рылѣевъ говорилъ, что онъ за два, Московскій и Лейбъ-Гренадерскій, кромѣ экипажа, навѣрное отвѣчаетъ; это онъ повторялъ и при Оболенскомъ, который отвѣчалъ на это, что это только слова, и что напрасно Рылѣевъ берется такъ твердо отвѣчать за нихъ; на это Рылѣевъ сказалъ въ отвѣтъ, что онъ навѣрное отвѣчаетъ за двѣ роты Московскаго и за бататьонъ Лейбъ-Гренадерскаго; но Оболенскій опять возразилъ тоже. Когда надѣялись на всѣ означенные въ допросномъ пунктѣ полки, тогда дѣйствительно говорили, что должно воспользоваться симъ; я не могу сказать, что *всѣ* безъ исключенія сіе говорили, ибо я говорилъ только съ Оболенскимъ и Рылѣевымъ.

5. Я не говорилъ и не говорю, чтобъ Рылѣевъ защищалъ убійство и грабежъ, и увѣренъ, что онъ доказывалъ и гнусность и безполезность оныхъ; но опять повторяю, что я жаловался ему на бунтующій духъ членовъ, ибо я слышалъ отъ Оболенскаго, который мнѣ съ негодованіемъ разсказывалъ, что Якубовичъ говорилъ, что надобно разбивать кабаки и грабить. Но это несправедливо показано, будто я говорилъ, что надобно принять мѣры осторожности противъ Якубовича *по достиженіи намѣреній Общества*. Занятіе дворца не было положено мною въ планѣ дѣйствія и я не говорилъ о томъ ни съ Якубовичемъ, ни съ Арбузовымъ, и ни чрезъ кого не поручалъ имъ сіе передать, или выискать кого для исполненія сего; также и не изъявлялъ моего на то согласія. Я говорилъ уже въ прежнихъ показаніяхъ о планѣ дѣйствія какъ я его предполагалъ: ни занятіе крѣпости, ни другихъ мѣстъ въ оный не входило, также какъ и задержаніе императорской фамиліи. Если кто на сіе употребилъ мое имя, то это останется у него на совѣсти.

6. Я говорилъ Рылѣеву, что нуженъ отъ Сената манифестъ того содержанія, какъ написано мною въ извѣстной запискѣ, но что Рылѣевъ о семъ показалъ, то несправедливо, и я не поручалъ ему написать такой, какъ онъ показываетъ, и никакого манифеста, и узналъ (какъ въ прежнихъ показаніяхъ описалъ), что Штейнгель пишетъ манифестъ отъ самаго его, когда онъ 14-го числа поутру сказалъ у Рылѣева, что онъ пойдетъ дописывать манифестъ.

Записка о полковникѣ князѣ Трубецкомъ.

Князь Трубецкой былъ въ числѣ основателей Общества, составившагося въ 1816 году, коего цѣль была подвизаться на пользу общую всѣми силами. Уставъ для онаго написанъ Пестелемъ а Трубецкой былъ предсѣдателемъ и блюстителемъ въ Коренномъ Совѣтѣ.

Въ 1817 году большая часть членовъ отправилась въ Москву въ отрядѣ Гвардейскаго корпуса. Тогда Трубецкой писалъ къ Александру Муравьеву, что государь императоръ намѣревался присоединить къ царству польскому Россійско-польскія провинціи, и зная неудовольствіе, какое произведетъ это въ дворянствѣ, рѣшился уѣхать со всею императорскою фамиліею въ Варшаву. Письмо сіе воспламенило въ Москвѣ нѣкоторыхъ членовъ такъ, что они положили посягнуть на жизнь государя и одинъ изъ нихъ принималъ на себя совершить сіе злодѣйство [1]). Трубецкой говоритъ, что онъ не помнитъ о семъ письмѣ; но удосговѣряетъ, что если и писалъ, то съ намѣреніемъ, дабы разглашеніемъ остановить исполненіе: ибо замѣчено, что покойный императоръ не приводилъ въ исполненіе того, о чемъ много говорили. Но послѣ самъ устрашился, услышавъ, какое дѣйствіе произвело сіе письмо, возбудивъ къ замысламъ на цареубійство.

Въ 1818 году Трубецкой участвовалъ въ преобразованіи Общества въ Союзъ Благоденствія, имѣвшаго сокровенную цѣль приуготовить Россію къ конституціонному правленію.

Трубецкой въ половинѣ 1819 года уѣхалъ за границу. Возвратившись же въ сентябрѣ 1821 года, нашелъ, что Общество разрушено и члены разошлись, а частью перешли на югъ, гдѣ положено было продолжать существованіе Общества.

Бездѣйствіе Трубецкого продолжалось до 1823 года, въ которомъ при возобновленіи Общества въ С.-Петербургѣ и учрежденіи

---

[1]) Якушкинъ.

Думы, Трубецкой, въ отсутствіи его, былъ избранъ въ оную третьимъ членомъ [1]).

Въ продолженіе того времени Пестель присылалъ въ С.-Петербургъ князя Волконскаго, Василія Давыдова, князя Барятинскаго и Матвѣя Муравьева, которымъ поручено было сообщить Сѣверному Обществу о положеніи ввесть республиканское правленіе, истребивъ Императорскій домъ, и стараться соединить Сѣверное Общество съ Южнымъ; сношенія сихъ уполномоченныхъ происходили посредствомъ Никиты Муравьева, но попытки ихъ остались безуспѣшны, почему въ 1824 году князю Волконскому велѣно уже войти въ переговоры съ Трубецкимъ, въ которомъ однако также не нашли сообщника въ намѣреніяхъ Южнаго Общества. Да и самъ Пестель, прибывъ въ С.-Петербургъ по сему же обстоятельству, увидалъ, что Трубецкой рѣшительнаго образа мыслей не показывалъ: то былъ согласенъ на республику, что ее оспаривалъ.

Трубецкой узналъ отъ Пестеля, что онъ намѣревался захватить и умертвить покойнаго государя во время предполагаемаго смотра 2 арміи; уступалъ полякамъ присоединенныя отъ Польши провинціи; самъ садился въ директорію и обрекалъ на смерть всю императорскую фамилію. Трубецкой, будучи противнаго мнѣнія, возражалъ ему и полагалъ, что сего безъ С.-Петербургскаго Общества предпринять нельзя, а здѣсь надѣялся онъ всегда все остановить. Они остались другъ другомъ недовольны, и совѣщанія кончились только установленіемъ взаимныхъ сношеній между Сѣвернымъ и Южнымъ Обществами.

Въ послѣднихъ числахъ декабря 1824 года Трубецкой назначенъ дежурнымъ штабъ офицеромъ въ 4 корпусъ; тогда принялъ на себя обязанность наблюдать за Пестелемъ. По прибытіи въ Кіевъ, сблизился онъ съ Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ и Бестужевымъ-Рюминымъ, отъ которыхъ удостовѣрился въ вышеизложенныхъ намѣреніяхъ Пестеля; но съ нимъ самъ болѣе не видался.

Въ Кіевѣ получилъ онъ извѣстіе о намѣреніи Якубовича покуситься на жизнь покойнаго императора изъ личной мести, о чемъ сообщилъ и Пестелю, чтобы показать съ своей стороны довѣренность.

Трубецкому не только извѣстенъ былъ планъ открыть преступныя дѣйствія въ 1826 году, но онъ поручилъ Бестужеву-Рюмину

---

[1]) Показаніе подполковника Поджіо, князя Евгенія Оболенскаго, Никиты Муравьева и Митькова.

увѣрить Пестеля, что готовъ самъ дѣйствовать и давалъ полную волю сказать все, что Бестужевъ признаетъ лучшимъ, кромѣ одного, что онъ Трубецкой не одобряетъ конституціи Пестеля, долженствовавшей быть основаніемъ новаго образованія. При отъѣздѣ изъ Кіева, ему поручено о семъ рѣшеніи Южнаго сообщить Сѣверному Обществу, которому поручалось временное правленіе, и предупредить, чтобы оно приняло мѣры. Трубецкой обѣщался Сергѣю Муравьеву и Бестужеву все устроить по ихъ желанію въ Москвѣ и С.-Петербургѣ.

По пріѣздѣ въ С.-Петербургъ 8-го или 10 ноября 1825 года, Трубецкой нашелъ Общество весьма увеличившимся.

Кончина покойнаго императора и отреченіе цесаревича подали поводъ воспользоваться симъ случаемъ для введенія конституціи и Общество избрало для распоряженій и начальства въ сихъ обстоятельствахъ князя Трубецкого въ видѣ диктатора, а въ помощь ему Рылѣева и князя Евгенія Оболенскаго.

Планъ Трубецкого состоялъ въ томъ, чтобы внушить въ гвардіи сомнѣніе къ отреченію цесаревича, и первый полкъ, который отказался бы отъ присяги, вести къ другому и увлекать за собою. Такимъ образомъ если полки откажутся отъ присяги, то собрать ихъ въ одно мѣсто, сказать солдатамъ, что есть завѣщаніе покойнаго государя убавить срокъ службы, что надобно требовать, чтобы завѣщаніе сіе было исполнено, но на одни слова не полагаться, а сдѣлать крѣпко и для того убѣдить ихъ не расходиться. Онъ былъ увѣренъ, что полки на полки не пойдутъ, что въ Россіи не можетъ возгорѣться междуусобіе, что, вѣроятно, есть много желающихъ конституціи, которые, увидѣвъ возможность достигнуть оной, къ нимъ пристанутъ, и что самъ государь не захочетъ кровопролитія и согласится отступить отъ самодержавной власти. Итакъ, Трубецкой былъ увѣренъ, что обойдется безъ огня. Тогда посредствомъ Сената объявить манифестъ, назначивъ общее собраніе депутатовъ изъ всѣхъ губерній и изъ каждаго сословія. Въ томъ же манифестѣ сказать, что оное собраніе установитъ законоположенія для управленія государства, что всѣмъ сословіямъ даются равныя гражданскія права, а между тѣмъ учредить временное правленіе. Все сіе изложено Трубецкимъ въ составленной имъ запискѣ, найденной при его арестованіи.

Еслибы государь объявилъ, что послалъ въ Варшаву къ цесаревичу, и еслибы цесаревичъ дѣйствительно пріѣхалъ, то покорились бы обстоятельствамъ. Упорство солдатъ не присягать Николаю

Павловичу сочтено было бы вѣрностью къ присягѣ. До прибытія же цесаревича мятежники требовали бы мнимаго завѣщанія покойнаго императора о убавленіи лѣтъ службы солдатамъ и мѣста за городомъ для стоянія лагеремъ и продовольствія. Но во всякомъ случаѣ долженствовали бы собраться депутаты подъ предлогомъ просить цесаревича о принятіи престола, или принесть присягу нынѣ царствующему императору. Въ неудачѣ (чего однако никакъ не ожидали) намѣревались отступить къ поселеніямъ.

Противъ показанія Штейнгеля, что на совѣщаніи 12 декабря Трубецкой требовалъ какъ необходимости принесть на жертву нынѣ царствующаго государя и объявить императоромъ великаго князя Александра Николаевича, онъ увѣряетъ, что сего преступленія на совѣсти своей не чувствовалъ, и оное не сходствовало ни съ правилами, ни серцемъ его, ни съ прежнею жизнію. Напротивъ того, когда говорили только объ арестѣ государя императора (кажется сказано Пушинымъ, колежскимъ ассесоромъ, однако не утверждаетъ), то имъ Трубецкимъ за непремѣнное положено было не касаться ни мало особы государя и всей августѣйшей фамиліи. Если же ему почитать себя директоромъ, то и воля его во всѣхъ отношеніяхъ должна быть исполняема. Равнымъ образомъ и порученія о занятіи дворца, Сената, крѣпости или другихъ мѣстъ никому не давалъ

Въ обонхъ сихъ случаяхъ онъ долженъ былъ находиться въ совершеннымъ безпамятствѣ и потому долженъ вѣрить, что былъ столько несчастливъ, что произнесъ таковое требованіе, ибо не предполагаетъ, чтобы кто изъ сообщниковъ въ отмщеніе за то, что онъ не былъ съ ними 14 декабря, рѣшился на него клеветать, а потому заключаетъ, что если и впредь послѣдуетъ на него обвиненіе, въ опроверженіе коихъ не въ состояніе онъ будетъ представить ясныхъ доказательствъ, то заранѣе принимаетъ ихъ на себя.

Трубецкой съ той минуты, какъ усмотрѣлъ, что другіе члены точно рѣшились дѣйствовать, показывалъ, если не раскаяніе, то большую робость. Когда въ совѣщаніи у *Рылѣева* начался шумъ, иные говорили,что и съ одной горостью солдатъ можно все сдѣлать, другіе твердили о грабежахъ и убійствахъ, а иные, что можно и во дворецъ забраться, *Трубецкой* сказалъ: „отпустите меня въ 4 корпусъ; тамъ если быть чему нибудь, то будетъ“.

Въ таковомъ же расположеніи духа онъ писалъ къ генералъ-маіору Орлову, уговаривая его пріѣхать въ С.-Петербуръ. Вызывать его рѣшился въ томъ предположеніи, что образъ мыслей Орлова

столь гласный прежде, же измѣнился, по чему хотя онъ теперь же во что не вмѣшивается и отъ всѣхъ обществъ отсталъ; однако въ случаѣ надобности на него надѣяться можно. Съ пріѣздомъ Орлова Трубецкой ожидалъ выдти изъ затруднительнаго положенія, въ коемъ находился, ибо прежняя извѣстность и чинъ Орлова могли внушить къ нему болѣе довѣрія, нежели къ самому Трубецкому.

13-го декабря былъ опять у Рылѣева, вызывалъ въ особенную комнату капитана конно-піонернаго эскадрона Пущина, гвардейскаго экипажа лейтенанта Арбузова, московскаго полка штабсъ-капитана Бестужева и лейбъ-гренадерскаго порутчика Сутгофа и уговаривалъ ихъ не склонять солдатъ. Между тѣмъ разнесся слухъ, что артиллерія взяла по три ящика зарядовъ, Трубецкой говорилъ: „Что господа! вѣдь другіе то полки стрѣлять не будутъ!“ Ему показалось, что это всѣхъ усмирило, и онъ вышелъ въ полной увѣренности, что ничего не будетъ.

На другой же день ясно видѣлъ, что принятіемъ на себя вида начальства, ибо всѣ заспоряженія были дѣланы Рылѣевымъ, однако отъ имени его Трубецкого, и согласіемъ быть съ бунтующими полками дѣлается виновникомъ всего, что произойти могло, и что разсужденіями своими съ офицерами о средствахъ, какимъ образомъ все устроить, подалъ увѣренность, что отъ нихъ не отстанетъ, и можетъ быть еще болѣе ихъ подвигнулъ. Впрочемъ во всякомъ случаѣ рѣшился самъ никакого участія не брать, что имъ и было исполнено, ибо онъ ни въ полкахъ при присягѣ, ни на площади съ бунтующими не былъ.

Наконецъ Трубецкому, по отрицанію отъ показаній Рылѣева, дана была съ симъ послѣднимъ очная ставка, на которой онъ сознался: 1, что по пріѣздѣ изъ Кіева онъ сказывалъ Рылѣеву о совершенной готовности (къ возмущенію) корпусовъ князя Щербатова и генерала Рота. 2, что впослѣдствіи князь Трубецкой спрашивалъ Рылѣева, что можетъ сдѣлать Сѣверное Общества для содѣйствія Южному, а также о Якубовичѣ, о коемъ Рылѣевъ отвѣчалъ, что его можно спустить съ цѣпи; а Трубецкой сказалъ: „это много“. 3, что о покушеніи на жизнь покойнаго государя императора Рылѣевъ слышалъ отъ князя Трубецкого, который также разсказывалъ ему, что въ 1825 году открыто на югѣ Сергѣемъ Муравьемъ цѣлое общество, имѣвшее цѣлью истребить государя, которое и присоединено къ Южному Обществу. 4, что вскорѣ послѣ присяги государю цесаревичу, князь Трубецкой, пріѣхавъ къ Рылѣеву, говорилъ, съ какою

готовностью всѣ полки присягнули; что впрочемъ это не бѣда, что надобно приготовиться, сколько возможно, дабы содѣйствовать южнымъ членамъ, если они поднимутся. 5, что настоящія совѣщанія членовъ Общества всегда назначались княземъ Трубецкимъ и безъ него не дѣлались. 6, что когда Рылѣевъ увѣдомлялъ князя Трубецкого о какомъ нибудь успѣхѣ по дѣламъ Общества, то сей послѣдній хвалилъ ревность его и говорилъ, что онъ только и надѣется на его отрасль. 7, что князь Трубецкой никогда не жаловался Рылѣеву на бунтующій духъ членовъ, а сказалъ только разъ о Якубовичѣ, что по достиженіи намѣреній Общества противъ него надобно будетъ принятъ мѣры осторожности. Занятіе дворца было положено въ планъ дѣйствій самимъ княземъ Трубецкимъ. Якубовичъ брался съ Арбузовымъ сіе исполнить, на что князь Трубецкой и изъявилъ свое согласіе. Занятіе же крѣпости и другихъ мѣстъ должно было послѣдовать по его же плану, послѣ задержанія императорской фамиліи. 8, что князь Трубецкой поручилъ Рылѣеву написать къ народу отъ имени Сената манифестъ, въ которомъ должно было изложить, что государь цесаревичъ и нынѣ царствующій государь императоръ отказались отъ престола, что послѣ такого поступка ихъ, Сенатъ почелъ необходимымъ задержать императорскую фамилію и созвать Великій соборъ народныхъ представителей изъ всѣхъ сословій народа, которые должны будутъ рѣшить судьбу государства. Къ сему слѣдовало присовокупить увѣщеваніе, чтобы народъ остался въ покоѣ, что имущество, какъ государственное, такъ и частное, остаются неприкосновенными, что для сохраненія общественнаго устройства Сенатъ передалъ исполнительную власть временному правленію. Трубецкой поручилъ Рылѣеву съ Пущинымъ идти въ Сенатъ для представленія манифеста сего къ подписанію и 9, что на одномъ изъ совѣщаній князь Трубецкой назначилъ къ себѣ за начальника Штаба князя Оболенскаго.

Трубецкой является человѣкомъ надменнымъ, желавшимъ дѣйствовать, по слабости характера страшившимся собственныхъ предначертаній. Онъ самъ признаетъ себя главнымъ и единственнымъ виновникомъ всѣхъ буйствъ того дня и несчасной участи своихъ сотоварищей, коихъ вовлекъ въ ужаснѣйшее преступленіе и примѣромъ и словами, потому что если бы онъ рѣшительно участвовать отказался, то никто бы ничего не началъ, присовокупляетъ, что если бы онъ разъ вошелъ въ толпу мятежниковъ, то могъ бы сдѣлаться истиннымъ изчадіемъ ада, какимъ нибудь Робеспьеромъ, или Мара-

томъ; почему въ раскаяніи своемъ благодаритъ Бога, что на площадь не явился. Это имѣло, говоритъ Бестужевъ, рѣшительное вліяніе и на насъ и на солдатъ, ибо съ маленькими эполетами и безъ имени никто принять команду не рѣшился.

Указатель.

А.

Абакумовъ, 157.
Аврамовъ Павелъ, полковникъ, 29, 30, 285.
Аврамовъ Иванъ, поручикъ, 280, 282, 283, 302.
Акутинъ, полковникъ, 226.
Александръ Павловичъ, государь, 73, 86, 119, 128, 130, 219, 222, 228, 248, 259, 261, 263, 306.
Александръ Николаевичъ, великій князь, 135, 181, 308, 316, 336.
Алексѣй Михайловичъ, царь, 145.
Альбертъ, докторъ, 151.
Алябьевъ, 175, 185.
Андреевъ, рядовой, 224.
Анна, императрица, 133, 145.
Анненковъ Иванъ, поручикъ, 54, 85.
Ансильевъ, писатель, 184.
Аракчеевъ, Алексѣй Андреевичъ, графъ, 149, 154, 155, 162, 164, 165, 171, 219, 222, 243, 248, 249, 261, 263, 265, 266.
Арбузовъ Антонъ, лейтенантъ, 85, 91, 123, 124, 305, 306, 317, 320, 321, 322, 323, 326, 332, 337, 338.
Аргамаковъ, чиновникъ, 156, 157.
Астафьевъ, 6.

Б.

Багрѣевъ, 156, 157, 158, 159, 180.
Барановъ, 30.
Барятинскій Александръ, князь, ротмистръ, 11, 30, 84, 200, 201, 207, 208, 209, 211, 213, 215, 216, 280, 281, 282, 283, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 297, 334.
Басаргинъ Николай, поручикъ, 31, 35, 36, 37, 291, 294.
Батенковъ Гавріилъ, подполковникъ, 85, 91, 133, 135, 137, 144, 148, 158, 159, 169, 179, 180, 188, 305, 321, 322, 305.
Батюшковъ, поэтъ, 300.
Башутскій Павелъ Яковлевичъ, генералъ, 236, 243.
Байковъ, генералъ, 215.
Байронъ, поэтъ, 164.
Безбородко, князь, 156.
Беккаріа, писатель, 28.
Бентамъ, писатель, 201.
Бенкендорфъ, генералъ-адъютантъ, 1.
Бестужевы, 161, 169, 176, 308, 315, 330.
Бестужевъ Михаилъ, штабсъ-капитанъ, 85, 91, 124, 306, 316, 325, 326, 337.
Бестужевъ Александръ, адъютантъ герцога Виртембергскаго, 8, 11, 12, 54, 56, 85, 88, 119, 136, 157, 158, 159, 164, 165, 166, 171, 175, 176, 186, 187, 229, 235, 313, 321, 322, 339.
Бестужевъ Николай, капитанъ-лейтенантъ, 85, 87, 88, 120, 132, 171, 173, 183, 186, 187, 315, 317, 325.
Бестужевъ Петръ, мичманъ, 121.
Бестужевъ-Рюминъ Михаилъ, подпоручикъ, 8, 11, 12, 79, 80, 84, 200, 203, 204, 209, 210, 213, 214, 274, 334, 335.

Бетанкуръ, генералъ, 119, 152.
Бибиковъ, полковникъ, 82, 84, 278, 313, 315, 317, 328.
Бибикова, жена флигель адъютанта, полковн., 315
Бистромъ, генералъ, 124.
Бобрищевъ Пушкинъ П. С., поручикъ, 279.
Борщовъ, старшій адъютантъ, 328.
Борисъ-царь, 145.
Болотниковъ, сенаторъ, 252, 253.
Броке, 124.
Брутъ, 238, 242, 245.
Булатовъ Александръ, полковникъ, 218—267.
Булатова, 253.
Бурцевъ, полковникъ, 6, 7, 27, 29, 30, 32, 33, 34, 35, 36, 43, 46, 48, 50, 84.
Бѣлавинъ, Василій Ивановичъ, помѣщикъ, 83.
Бѣлосельскій, князь, 201.
Бѣлосельская, княгиня, 314, 317.

В.

Вадковскій Ѳедоръ, поручикъ, 54, 56, 84, 201, 269, 274.
Варенцовъ, полковникъ, 123, 157, 158, 181.
Васильчиковъ, генералъ-адъютантъ, 3.
Вашингтонъ, 207.
Величко, надворный совѣтникъ, 156, 158, 159.
Вейкартъ, 150.
Вейкартъ, госпожа, 153.
Виртембергскій, герцогъ, 85, 135, 159. 288.
Витгенштейнъ, графъ, главнокоманд. второй арміи, 30, 84.
Витгенштейнъ Александръ, графъ, 287.
Витгенштейнъ Людвигъ, графъ, флигель-адъютантъ, 280.
Витъ, графъ, 286.
Вильде Густавъ, 150, 152, 158.
Вишневскій, 271.
Воейковъ, 161.
Волконскій, Сергей Григорьевичъ, князь, генералъ-маіоръ, 9, 10, 11, 30, 33, 52, 80, 194, 195, 203, 208, 209, 210, 213, 214, 215, 216, 280, 311, 334.
Волховъ, 124.
Волховскій, 83.
Вольскій, полковникъ, 84, 87.
Вольтеръ, писатель, 28.
Вольфъ, Фердинандъ Богдановичъ, штабсъ-лѣкарь, 281, 283, 284, 286, 289.
Ворденъ, писатель, 198.
Всеволожскій, 229.
Вяземскій, 46.
Вязмитиновъ, графъ, генералъ, 252.

Г.

Галаховъ, 229, 239.
Геденштрамъ, 151.
Гельвецій, писатель, 28.
Герасимовъ, рядовой, 220, 221.
Гертель, генералъ, 13.
Глинка Ѳедоръ, полковникъ, 31, 50, 54, 232.
Глѣбовъ, 238.
Годеинъ, полковникъ, 84.
Голицынъ Валеріанъ, князь, 45, 54, 56, 194, 202, 203, 215.
Гоноропуло, чиновникъ, 328.
Голицына, княгиня, 312.
Горловъ, вице-губернаторъ, 151.
Горсткинъ, офицеръ, 51, 52.
Горчаковъ, подпоручикъ, 36.
Граббе, полковникъ, 6, 7, 31, 33, 34, 50, 83.
Гречъ Николай, 161.
Гурьевъ, 161.
Горленко, госпожа, 302.

Д.

Давъ, 156.
Давыдовъ, генералъ, 215.
Давыдовъ, Василій Львовичъ, полковникъ, 7, 9, 10, 11, 31, 57, 88, 194, 200, 201, 203, 205, 208, 209, 210, 211, 213, 214, 215, 217, 275, 334.
Давыдовъ, Александръ Львовичъ, 31.

Давыдовъ Дмитрій, 83.
Данзасъ, 242.
Делоланъ, писатель, 190.
Демченко, генералъ, 226, 257.
Депрерадовичъ, 54, 56.
Дибичъ, генералъ-адъютантъ, 13, 226.
Дитмаръ, адъютантъ, 287.
Дмитріевъ-Мамоновъ, графъ, 3, 25.
Долгорукій, Илья Андреевичъ, князь, 74, 76, 82.
Долгорукій, Николай Васильевичъ, 313.
Долгорукій, Василій Васильевичъ, 313.
Долгорукій, князь (Петровской эпохи), 254, 261.
Дьяченко, капитанъ, 229, 239.

Е.

Екатерина II Великая, 133, 145, 192, 247, 263, 272, 278.
Елизавета, императрица, 145.
Елизавета Алексѣевна, 181, 186.
Ермоловъ, генералъ, 89, 211, 228.
Есленьевъ, генералъ, 229.

Ж.

Желтухинъ, генералъ-маіоръ, 220, 221, 226, 256, 257.
Жерве, 153.
Жуковскій Вас. Андреевичъ, 161.

З.

Завалишинъ Дмитрій, лейтенантъ, 81.
Загорѣцкій Н. А., поручикъ, 280.
Закревскій, генералъ-лейтенантъ, 219.
Замбоели, 277.
Заикинъ, подпоручикъ, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 289, 291.
Заикинъ Ѳедоръ, подпрапорщикъ, 287, 301.

И.

Ивашевъ, Василій Петровичъ, ротмистръ Кавалергарскаго полка, 30, 35.
Исленьевъ Александръ, 31.
Исленьевъ Николай, 31.

І.

Іевлевъ І. О., 221.

К.

Кавелинъ, полковникъ, 84.
Кальмъ, полковникъ, 30, 34, 42, 85.
Капнистъ, подполковникъ, 51, 83.
Каподистріа, министръ иностранныхъ дѣлъ, 192.
Каховскій Петръ, поручикъ, 308, 314, 316.
Квирога, 191.
Кисилевъ, генералъ, 29, 31, 36, 84, 285, 286, 287, 298.
Клейнмихель, генералъ, 162, 165, 248.
Клѣтченко, 157, 158.
Кнотъ, пистолетный мастеръ, 237.
Коз давлевъ, тайный совѣтникъ, 253.
Кологривовъ, полковникъ, 85.
Колошины, 27, 31.
Колошинъ Петръ, 48, 49, 50, 82.
Колошинъ Павелъ, 51, 52, 82.
Комаровъ Николай, 27, 30, 44.
Комаровскій, генералъ-адъютантъ, 16.
Константинъ Павловичъ, цесаревичъ, 15, 16, 123, 124, 125, 184, 187, 207, 209, 219, 225, 227, 231, 259, 279, 288, 304, 329.
Корниловичъ А. О., капитанъ, 81, 85, 158, 323.
Корнильевъ, чиновникъ, 152.
Корниловъ, генералъ-лейтенантъ, 303.
Кочубей, графъ 148, 153.
Краснокутскій Семенъ, оберъ-прокуроръ, 30, 85.
Крюковы, братья, А. А., Н. А., 30, 215, 280, 281, 287, 288 289, 295, 299, 302.

Л.

Лазаревъ, 154, 312.
Лалаевъ, адъютантъ, 240.
Лачиновъ, поручикъ, 280, 300.

Левашевъ, генералъ-адъютантъ, 1, 138, 199.
Левинъ, помѣщикъ тамбовскій, 83.
Леманъ, полковникъ, 280.
Лебцелтернъ, графъ, австрійскій посланникъ, 313, 315, 317.
Левенштернъ, генералъ-лейтенантъ, 302.
Липранди, полковникъ, 30.
Лихаревы, 209, 215.
Лобановъ-Ростовскій, 237.
Лопухинъ, подпоручикъ, 295.
Лопухинъ, Иванъ Владиміровичъ, князь, 25, 47, 48, 51, 82.
Лореръ Николай, маіоръ, 208, 209, 268, 271, 273, 274, 276, 282.
Лоскутовъ, исправникъ, 151.
Лунинъ Михаилъ, подполковникъ, 30, 51.

М.

Марія Ѳедоровна, императрица. 15, 250.
Магницкій, 152.
Мартыновъ, полковникъ, 280, 288.
Масальскій, 153.
Маратъ, 93, 338.
Мансуровъ Александръ, студентъ Моск. ун., 291, 292, 293.
Майборода, капитанъ, 195, 209, 216, 217, 286.
Мельгуновъ, 228.
Мещерскій Сергѣй, князь, 234.
Мельникова Елизавета, 250.
Миклашевскій, сенаторъ, 83.
Миклашевскій, подполковникъ, 83.
Милорадовичъ, Михаилъ Андреевичъ, графъ, 16, 31, 124, 232.
Милорадовичъ, статскій совѣтникъ, 187.
Милинъ, колежскій совѣтникъ, 239.
Михаилъ Павловичъ, великій князь, 76, 82, 186, 227, 234.
Михаилъ—царь, 145.
Мишклейнъ, рядовой. 221.
Митьковъ Михаилъ, полковникъ, 52, 54, 56, 83, 87, 201, 203, 208, 215, 334.
Мордвиновъ, 176, 186.
Монтескье, писатель, 206.
Моллеръ, полковникъ, 85, 123, 306, 330.
Мошинскій, 80.
Муравьевы, 27, 212, 288.
Муравьевъ Никита, капитанъ, 9, 14, 22, 23, 24, 27, 30, 45, 47, 53, 54, 58, 71, 78, 82, 87, 120, 135. 200, 201, 202, 203, 204, 209, 210. 213, 214, 216, 299, 334.
Муравьевъ Александръ, полковникъ, 4, 5, 27, 34, 47, 49, 50, 73, 74, 76, 82, 84, 333.
Муравьевъ Михаилъ, 27, 48, 49, 50, 83.
Муравьевъ, генералъ, вѣроятно, Матвѣй Артамоновичъ, 299.
Муравьевъ-Апостолъ Матвѣй, подполковникъ, 9, 12, 47, 50, 51, 53, 56, 82, 87, 194, 201, 202, 203, 204 208, 210, 211, 213, 214, 268, 278, 334.
Муравьевъ-Апостолъ Сергѣй, подполковникъ, 8, 9, 11, 12, 47, 49, 50, 82, 87, 203, 204, 208, 213, 214, 268, 299, 311, 334, 335, 337.
Муравьевъ Ипполитъ, 17, 272, 277, 278, 315.
Муравьевъ-Апостолъ, сенаторъ, 313, 315.
Муравьевъ Артамонъ, полковникъ, Александрійскаго гусарскаго полка, 84, 85, 87, 88.

Н.

Наполеонъ I, 73, 128, 129, 190, 191, 202
Нарышкинъ Михаилъ, полковникъ, 51, 52, 53, 84. 87, 201, 331.
Непенинъ, полковникъ, 6, 8, 30, 36.
Неплюевъ, 153.
Нейдгартъ, генералъ, 125.
Николай Павловичъ, государь, 16, 17, 123, 128, 136, 157, 169, 181, 184, 185, 220, 227, 231, 248, 259, 263, 264, 304, 305, 320, 336.
Никитинъ, 312.

Новиковъ, правитель канцеляріи малороссійскаго генералъ-губернатора, 4, 85.
Ноинскій, правитель канцеляріи, 328, 329.
Норовъ В., 51.
Новосильцевъ, порутчикъ, 295.

О.

Оболенскій Евгеній, князь, поручикъ, 50,51,52, 54, 55, 56, 57, 85, 89, 120, 121, 122, 123, 124, 201, 202, 203, 213, 215, 236, 308. 315, 318, 319, 321, 322, 323, 324, 325, 329, 330, 331, 332, 334, 335, 338.
Обрѣзковъ, 153.
Одоевскій Александръ, князь, корнетъ, 85, 121, 228, 308, 317, 330.
Опочинина, 313.
Орловъ, Михаилъ Ѳедоровичъ, генералъ-маіоръ, 1, 17, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 43, 44, 47, 49, 50, 53, 85, 159, 208, 281, 306, 307, 308, 310, 311, 312, 336, 337.
Орлова, графиня, 16.
Орловы, 135.
Оранскій, принцъ, 120.
Остафьевъ, полковникъ, 30.
Охотниковъ, маіоръ, 6, 7, 8, 30, 32, 33, 34, 36, 41, 43, 44.

П.

Павелъ I, 145, 262.
Паскаль, писатель, 301.
Пановъ Николай, поручикъ, 220, 221, 222, 224, 228, 242, 248.
Пестель Владиміръ, 82.
Пестель Павелъ, полковникъ, 6, 9, 11, 29, 31, 32, 33, 35, 36, 38, 40, 44, 47, 50, 51, 52, 53, 55, 56, 73, 74, 78, 79, 80, 82, 83, 84, 85, 87, 88, 194, 195, 199, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 209, 210, 211, 112, 213, 214, 215, 216, 217, 268, 272, 273, 275, 278, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 293, 296, 298, 299, 300, 310, 330, 333, 334, 335.
Пестель, сибирскій генер.-губернат., 149, 160.
Петръ I Великій, 136, 138, 145, 157, 158, 163, 252, 254, 261, 263.
Петръ III, 133, 145.
Перовскій, Левъ Алексѣевичъ, 84.
Плещеевъ, поэтъ, 315.
Повало-Швейковскій Иванъ, полковникъ, 11, 31, 84, 210, 310.
Поджіо Александръ, подполковникъ, 53, 56, 189, 205, 210, 212, 213, 215, 280, 334.
Погодинъ, колежскій совѣтникъ, 181.
Прибытковъ, порутчикъ, 295.
Поливановъ Иванъ, отставной полковникъ, 54, 56.
Полянскій, капитанъ, 240.
Потемкинъ, 312, 314.
Потоцкій Мечиславъ, графъ, 286.
Прусскій король, 18.
Прокофьевъ, директоръ Американской компаніи, 158, 159, 162. 163, 164, 165, 181, 185, 186.
Пущинъ, генералъ-маіоръ, 31, 83, 185.
Пущинъ, Михаилъ, капитанъ, 306, 312, 322, 324, 326, 337, 338.
Пущинъ Иванъ Ивановичъ, 16, 17, 18, 19, 20, 31, 45, 52, 83, 84, 92, 120, 175, 185, 201, 202, 213, 229, 236, 312, 322, 323, 327, 336.
Пуговишниковы, 252, 253.
Пушкинъ, графъ, 84, 302.

Р.

Раевскій Владиміръ, 6, 8, 30, 36, 159, 160, 161.
Раевскій Александръ, 9, 10.
Раевскій, полковникъ, 31.
Репнинъ А., князь, 50, 271, 277.
Ринкевичъ, 280.
Ріего, 10, 202, 238, 242, 245.
Ротъ, генералъ, 337.
Робеспьеръ, 93, 338.
Романовы, 233.
Рудзевичъ, генералъ, 29.
Руге, 30.

Рылѣевъ Кондратій, подпоручикъ, 51, 52, 54, 56, 85, 87, 88, 89, 91, 92, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 161, 163, 164, 166, 167, 168, 170, 171, 172, 173, 175, 176, 177, 178, 179, 181, 185, 186, 187, 202, 203, 218, 224, 225, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 239, 241, 244, 259, 260, 263, 279, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 312, 313, 314, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324 325, 326, 327, 329, 330, 331, 332, 333, 335, 336, 337, 338.
Рѣпинъ Николай, штабсъ-капитанъ, 85, 123, 306, 322, 325, 326, 327, 331.
Рѣпинскій, 150, 156, 157.

С.

Сабанѣевъ, генералъ, 8, 36, 215.
Сабуровъ, 312.
Сапожниковъ, купецъ, 186.
Салтыкова, княгиня, 313.
Сакенъ, графъ, 84.
Свистуновъ Петръ, корнетъ, 18, 54, 56, 84, 127, 311. 312, 315.
Себиндеръ, подполковникъ, 329.
Семеновъ, 50, 51, 52, 83, 222, 311.
Семеновъ Иванъ, рядовой, 240.
Семеновъ, повѣренный, 222, 551.
Севастьяновъ, подполковникъ, 158, 187.
Сипягинъ, генералъ, 226, 227, 235, 245, 264, 266.
Скалонъ, библіотекарь Гл. Шт., 328.
Смитъ, писатель, 28.
Сперанскій, Мих. Мих., 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 168, 176, 180, 181, 182, 183, 186, 187, 228.
Сперанская, 153, 156. (дочь М. М.)
Сталь, писательница, 181, 184.
Старосельскій, 209.
Случевскій, старшій адъютантъ, 328.
Степановъ Павелъ, рядовой, 221.
Столыпинъ, 153.
Стояновскій, 31.
Строгановъ, Павелъ Александровичъ, графъ, 221.
Стюлеръ, полковникъ, 228, 229, 239.
Сукинъ, Александръ Яковлевичъ, генералъ, 264.
Сутгофъ, Александръ, поручикъ, 85, 123, 224, 229, 234, 236. 238, 239, 305, 306, 321, 322, 337.

Т.

Тестю-де-Траси, писатель, 10, 205.
Тизенгаузенъ Василій, баронъ, полковникъ, 11, 210, 285, 310, 329.
Тихоновъ, полковникъ, 226.
Титовъ, адъютантъ, 84.
Толстой Владиміръ, прапорщикъ, графъ, 45, 54, 84.
Торсонъ Константинъ, капитанъ-лейтенантъ, 122, 132.
Троянъ, императоръ римскій, 259.
Трескинъ, иркутскій губернаторъ, 161.
Трубецкой, князь, генералъ-адъютантъ, 288, 313.
Трубецкой Сергѣй Петр., князь, 9, 11, 12, 16, 17, 18, 19, 27, 45, 47. 48, 49, 50, 51, 54, 55, 56, 57. 72, 82, 94, 96, 123, 124, 167, 168, 172, 173, 175, 177, 178, 179, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 202, 213, 224, 225, 229. 231, 232, 233, 272, 278, 307, 333, 334, 335, 336, 337, 338.
Тургеневъ Николай, 6, 7, 25, 31, 33, 35, 44, 50, 51, 54, 57, 83, 87, 201, 202.
Тулубьевъ, 85.
Тьери, 181.

У.

Уваровъ, генералъ, 201, 292.
Удомъ, генералъ-лейтенантъ, 303.

Ф.

Фаленбергъ, подполковникъ, 280.
Филаретъ, архіепископъ, 168.
Филаджіери, 28, 190.
Филиповичъ Николай, 30, 298.
Фонъ-Визинъ Михаилъ, отставной генералъ-маіоръ, 6, 16, 27, 30, 32,

33, 34, 35, 41, 42, 43, 44, 45, 47, 48, 49, 50, 52, 53, 82, 228, 276.
Фонъ-Визинъ Иванъ, 6, 7.
Фонъ-деръ-Бригенъ Адександръ, отставной полковникъ, 83, 201.
Фохтъ Иванъ, штабсъ-капитанъ, 216, 280.
Фридериксъ, полковникъ, 84, 328.
Фурнье, 11, 31.

Х.

Хвощинскій, полковникъ, 238.
Хотинцевъ, подполковникъ, 83.

Ц.

Цейеръ, 150, 152.

Ч.

Черкасовъ, Алексѣй Ивановичъ, баронъ, порутчикъ квартирмейстерской части, 283, 284, 288.
Черновъ, семеновскій офицеръ, 161, 164, 171.
Чернышевъ, генералъ-адъютантъ, 54, 280, 302.
Чилищевъ, офицеръ, 51.
Чичаговъ, сенаторъ, 253.

Ш.

Шаховской Ѳедоръ, князь, отставной капитанъ, 27, 82, 153, 175.
Шиповъ, генералъ-маіоръ, 51, 73, 82.
Штейнъ, 76.
Штейнгель Владиміръ, баронъ, отставной подполковникъ, 158, 177, 181, 182, 308, 317, 322, 327, 333, 336.
Штакельбергъ, баронъ, 252.
Шулеповъ, сенаторъ, 312.
Штилингъ Генрихъ, писатель, 301.

Щ.

Щепинъ-Ростовскій Дмитрій, князь, штабсъ-капитанъ, 124, 125, 230, 260, 305, 321, 322, 323, 325.
Щербатовъ, князь, 87, 201, 292, 337.
Щербатова, княгиня, 292.

Э.

Эйлеръ, генералъ, 165.

Ю.

Юдинъ, капитанъ, 151.
Юлинъ, маіоръ, 30.
Юшневскій Алексѣй, генералъ-интендантъ, 6, 9, 11, 30, 32, 203, 204, 213, 214, 215, 216, 276, 280, 281, 282, 284, 286, 289, 290, 296, 302.
Юшневскій, чиновникъ, братъ генерала, 280, 281, 282, 284.
Юреневъ, полковникъ, 328.
Юрасовъ, прапорщикъ, 280.
Юрасовъ, подпорутчикъ, 289,

Я.

Яблоновскій, князь, 210.
Языковъ, 163.
Якубовичъ Александръ, капитанъ, 23. 52, 53, 88, 120, 121, 122, 123, 124, 165, 182, 183, 229, 230, 232, 233, 235, 236, 239, 240, 241, 242, 245, 247, 265, 266, 267, 306, 317, 322, 323, 332, 334, 337, 338.
Якушкинъ Иванъ, отставной капитанъ, 27, 33, 34, 43, 44, 47, 48, 49, 50, 83, 276, 333.
Янтальцевъ, Андрей Васильевичъ, 215, 216.
Яковлевъ, старшій адъютантъ, 327.

Оглавленіе.

Вводное замѣчаніе о слѣдственномъ дѣлѣ о декабристахъ (Общій взглядъ на дѣло. М. Ф. Орловъ. Н. Н. Муравьевъ. А. Бестужевъ. С. Г. Батеньковъ. А. І. Поджіо. А. М. Булатовъ. Письмо М. И. Муравьева-Апостола. Бобрищевъ-Пушкинъ и кн. С. П. Трубецкой. . . . . III — XLV

Записка о тайномъ обществѣ генералъ-маіора М. Ф. Орлова. (Вступленіе. Ч. І. О первомъ Обществѣ или Союзѣ Благоденствія. Ч. ІІ. О второмъ Обществѣ. Ч. ІІІ. О событіяхъ въ Москвѣ до моего ареста. Ч. IV. Заключеніе. Письмо къ государю и три письма высочайше учрежденному тайному комитету). . . . . 1— 26

Показанія полковника Н. Комарова (Союзъ Благоденствія на югѣ и его распаденіе на Московскомъ съѣздѣ 1821 года) . . . . . 27— 46

Историческое обозрѣніе хода Общества Никиты Муравьева. 46— 57

Конституція Никиты Муравьева . . . . . 58— 72

Записки кн. С. П. Трубецкого . . . . . 73— 93

Проектъ манифеста, найденный въ бумагахъ кн. С. П. Трубецкого . . . . . 94— 95

Проектъ конституціи, найденный въ бумагахъ кн. С. П. Трубецкого. . . . . 96—120

Изъ показаній Александра Бестужева (Прибавленія къ показаніямъ. Составъ тайнаго общества. Письмо къ императору Николаю объ историческомъ ходѣ свободомыслія въ Россіи). . . . . 120—136

Изъ бумагъ Батенькова. (1. Письмо къ государю. 2. Письмо къ ген. Левашеву. 3. Обозрѣніе государственнаго строя. 4. Мысли о конституціи. 5. Отношенія къ Сперанскому и Аркачееву. 6. Изъ признаній Слѣдственному Комитету. Развитіе свободныхъ идей и отношенія къ членамъ Общества. Капунъ 14 декабря). 137—216

Изъ бумагъ А. Поджіо. (Начало свободомыслія. Письмо къ ген. Левашеву о Ю. Обществѣ. Дополнительное показаніе объ отношеніяхъ С. и Ю. обществъ). . . 189—217

Письмо Булатова къ кн. Михаилу Павловичу. . . . . 218—267

Письмо М. И. Муравьева-Апостола къ его брату С. И. отъ 21 ноября 1823 года . . . . . 268—278

Признанія Бобрищева-Пушкина I-го . . . . . 279—303

Декабрьскіе дни въ показаніяхъ кн. Трубецкого (1. Первый общій разсказъ о декабрьскихъ дняхъ. 2. Отвѣтные пункты на вопросы отъ 15 февраля 1826 г. 3. Дополнительное разъясненіе на показанія Рылѣева). 304—333

Записка о полковникѣ кн. Трубецкомъ. 333

Указатель.

Опечатки.

Замѣченныя опечатки:

Напечатано.	Слѣдуетъ чит.	стран.	стр.
права	нрава	88	14 сн.
На время—это заглавіе, относящееся къ слѣд. 7-ми пунктамъ.		98	3 сн.
2 изъ Думы	2, изъ Думы	107	10 св.
Интересное изчисленіе	Интегральное исчисленіе.	159	8 сн.

Изданіе Книжнаго Магазина

С. И. Иванова и К°.

ЭРНЕСТЪ РЕНАНЪ. Жизнь Іисуса. Переводъ съ полнаго 13-го французск. изданія; съ историч. введеніемъ, предисловіемъ и примѣчаніями. Болѣе 300 стр. убористой печати съ обложкой работы художника М. Яковлева. Ц. 75 к.

КАРЛЪ КАУТСКІЙ. Экономическое ученіе Карла Маркса. (Капиталъ томъ 1-й въ популярномъ изложеніи). Перев. К. К. Чекерулъ-Куша подъ ред. Профес. В. Желѣзнова. Цѣна 45 к.

ЭДУАРДЪ БЕРНШТЕЙНЪ. Экономическое ученіе Карла Маркса. Капиталъ, томъ 3-й въ популяризированномъ изложеніи съ послѣсловіемъ Фр. Энгельса. Переводъ К. К. Чекерулъ-Куша. Цѣна 35 к.

КАРЛЪ КАУТСКІЙ. Экономическое ученіе Карла Маркса. Томъ второй Капитала въ популярномъ изложеніи, со статьей Отто Бауера: Марксова теорія промышленныхъ кризисовъ. Цѣна 30 к.

КАРЛЪ МАРКСЪ. Экономическое ученіе. Капиталъ, томъ 4-й въ изложеніи Кунова. Цѣна 30 к.

СБОРНИКЪ ПЛАТФОРМЪ главнѣйшихъ политическихъ партій въ Россіи. Со вступительнымъ очеркомъ и сравнительнымъ обзоромъ программъ партій. Вып. 1-й, 12 партій. Кіевъ, 1906 г. Ц. 12 к.

Избранная библіотека:

№ 1. **Р. Штаммлеръ.** Закономѣрность правового порядка и народнаго хозяйства. Изданіе 2-е. Кіевъ, 1904 г. Ц. 8 к.

№ 2. **Проф. В. Зомбартъ.** О значеніи политической экономіи для каждаго. Изд. 3-е. Кіевъ, 1905 г. Ц. 10 к.

№ 3. **Проф. С. Н. Булгаковъ.** Чеховъ, какъ мыслитель. Кіевъ, 1905 г. Ц. 20 к.

№ 4. **Ф. Лассаль.** О сущности конституціи. Полный переводъ съ предисловіемъ Эд. Бернштейна, Кіевъ, 1905 г. Ц. 8 к.

№ 5. **В. Ривсъ.** (Госуд. министръ Новой Зеландіи). Женское избирательное право. Кіевъ, 1905 г. Ц. 15 к.

№ 6. **К. Каутскій.** Кризисъ Австріи. (Нація и языкъ) К. 1905 г. (распродано).

№ 7. **Фр. Энгельсъ.** Развитіе научнаго соціализма. К. Ц. 10 к.

№ 8. **Т. Массарикъ.** Критика марксизма. Кіевъ, 1905 г. Ц. 10 к. (распродано).

№ 9. **С. Н. Булгаковъ.** Душевная драма Герцена. Кіевъ, 1905 г. Ц. 20 к.

№ 10. **Г. Іеллинекъ.** Плюральное избирательное право. Кіевъ, Ц. 12 к.

№ 11. **Проф. В. Желѣзновъ.** Къ реформѣ современной теоретической экономіи. Кіевъ, 1905 г. Ц. 5 к.

№ 12. **К. Каутскій.** Природа политическихъ преступленій. Кіевъ, 1905 г. Ц. 5 к.

№ 13. **А. Менгеръ.** Соціальныя задачи правовѣдѣнія. Кіевъ, 1906 г. Ц. 8 к.

№ 14. **К. Каутскій.** Борьба національностей и государственное право въ Австріи. Кіевъ, 1906 г. Ц. 10 к.

№ 15. **К. Марксъ.** Еврейскій вопросъ. Кіевъ, 1906 г. Ц. 10 к.

№ 16. **Мирабо.** Избранныя рѣчи. Кіевъ, 1906 г. Ц. 10 к.

№ 17. **Фр. Мерингъ.** Сущность научнаго коммунизма. Эскизъ экономическаго ученія К. Маркса. Кіевъ, 1906 г. Ц. 20 к.

№ 18. **Эдвинъ Селигманъ.** (Профес. Колумбійск. универс.) Экономическое объясненіе исторіи. Перев. съ англійск. Кіевъ, 1906 г. ц. 15 к.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ КНИГИ

профессора

М. В. ДОВНАРЪ-ЗАПОЛЬСКАГО:

Идеалы Декабристовъ. Государственные взгляды декабристовъ и исторія тайныхъ обществъ. Сочиненіе, написанное на основаніи подлиннаго дѣла о декабристахъ. М. 1906 г. (Изд. Т-ва Сытина въ Москвѣ). Ц. 1 р. 50 к.

Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи. К. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к. (Печатается второе изданіе, дополненное новыми статьями).

Веревныя и разрубныя книги Сѣвернаго края. С.П.Б. 1906 г. Ц. 2 р.

Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI в. Кіевъ, 1901 г. Ц. 3 р.

Государственное хозяйство Вел. Кн. Литовскаго при Ягеллонахъ. Т. I. Кіевъ, 1901 г. Ц. 4 р.

Матеріалы для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи въ XVIII—XIX в.в. Вотчинное законодательство (заканчивается печатаніемъ).

Очеркъ обычнаго семейственнаго права крестьянъ Минской губ. Кіевъ, 1891 г. Ц. 1 р.

Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до к. XII в. К. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Украинскія староства въ первой пол. XVI в. К. 1906 г. Ц. 1 р. 50 к.

Акты Литовско-русскаго государства. Вып. I. М. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Документы Моск. Арх. Мин. Юст. Т. I. М. 1897 г. Ц. 2 р.

Книга для чтенія по русской исторіи,

составленная при участіи профессоровъ и преподавателей

подъ редакціей профессора М. В. ДОВНАРЪ-ЗАПОЛЬСКАГО.

Книга составлена изъ спеціально для нея написанныхъ статей проф. Д. В. Айналовымъ, проф. В. Б. Антоновичемъ, Н. Ф. Бѣляшевскимъ, А. М. Гневушевымъ, В. Г. Георгіевскимъ, проф. П. В. Голубовскимъ, проф. Ю. В. Готье, проф. М. В. Довнаръ-Запольскимъ, проф. В. З. Завитневичемъ, П. Н. Ивановымъ, И. М. Катаевымъ, проф. Ю. А. Кулаковскимъ, проф. А. М. Лободой, Н. М. Мендельсономъ, проф. В. Н. Перетцомъ, проф. А. Л. Погодинымъ, проф. Н. И. Смирновымъ, Д. Н. Ушаковымъ, проф. С. К. Шамбинаго и Г. Н. Шмелевымъ.

М. Н. П. **допущена** въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Главн. Упр. Воен.-Учебн. завед. **рекомендована** въ ротныя библіотеки военныхъ училищъ, а также въ фундаментальныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ.

Учебн. Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ **одобрена** для фундаментальныхъ библіотекъ духовныхъ семинарій.

Т. I. М. 1904 г. Цѣна 3 руб.

Изданіе Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Московский Зоопарк
Центральная библиотека